ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

НОЧНАЯ ОХОТА

ЭКСМО

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

НОЧНАЯ ОХОТА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

НОЧНАЯ ОХОТА

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 67

James Rollins

TRACER

Tracer © by James Czajkowski
City of Screams © 2012 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell
The Doomsday Key © 2009 by James Czajkowski

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Роллинс Дж.

Р 67 Ночная охота / Джеймс Роллинс ; [пер. с англ. А. Бушуева, С. М. Саксина]. — М. : Эксмо, 2013. — 624 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-68023-8

Бывший спецназовец-разведчик Такер Уэйн и его верный боевой товарищ, пес-следопыт Кейн, только что уволились из армии – и теперь наслаждаются заслуженным отдыхом в столице Венгрии Будапеште. Но правду говорят, что нельзя так просто оставить жизнь, полную приключений, рано или поздно приключения сами тебя найдут... Случайно Такер заметил на улице перепуганную девушку, за которой следили три подозрительных типа, явно вооруженные. Такер заговорил с девушкой, и та, почувствовав в Уэйне и Кейне своих защитников, открыла отставному сержанту невероятную древнюю тайну о несметных сокровищах. Долгие годы они считались утерянными; лишь девушке и ее отцу известно, что это не так, и они знают, где их искать. И обладание этой тайной грозит ей неминуемой и мучительной смертью. А теперь – и двум бывшим армейским «волкодавам»...

Впервые на русском языке! Новое произведение Джеймса Роллинса, являющееся предысторией романа «Линия крови»!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Бушуев А.В., перевод на русский язык, 2012, 2013
© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68023-8

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

НОЧНАЯ ОХОТА

Рассказ

4 марта, 5:32 вечера
Будапешт, Венгрия

Он тотчас понял, что за ней ведется охота.

Сидя за столиком уличного кафе, Такер Уэйн наблюдал за женщиной, торопливо переходившей продуваемую холодным ветром средневековую площадь Шентаромсаг Тёр, или площадь Троицы. Блондинка двадцати с небольшим лет оглядывалась через плечо слишком часто. Она была в темных очках, хотя уже почти вся площадь была накрыта тенью угасавшего дня. Розовый шелковый шарфик натянут почти до самого подбородка явно не потому, что ей холодно. Столь тонкая ткань едва ли защищала от ледяных порывов ветра, гулявшего на площади. Кроме того, она шла слишком быстро по сравнению с другими людьми, находившимися в сердце Королевского замка, главной туристической достопримечательности Будапешта.

Армия научила Такера подмечать подобные мелочи, выделять необычное из массы привычных вещей. Когда он был капитаном армейской разведки, то вместе со своим четвероногим партнером служил следопытом во время двух командировок в Афганистан, занимаясь поисково-спасательными операциями, «извлечением», выслеживанием целей для последующего захвата. В удаленных районах и деревнях Афганистана грань между жизнью и смертью за-

висела не столько от оружия, кевларовых жилетов и новейших оценок риска, сколько от того, как тонко ты умеешь чувствовать ритмы окружающего пространства, привычного течения жизни, чтобы вовремя подметить все то, что в это течение не вписывалось.

Как, например, сейчас.

Женщина была здесь явно чужой. Даже расцветка ее одежды была неуместной. Светло-бежевое пальто, довольно длинное, до колен. Красные туфельки в тон шарфику и шляпке. Незнакомка ярким пятном выделялась среди одетой по-зимнему толпы — на фоне оттенков коричневого, черного, серого.

Не очень разумно, когда за тобой охотятся.

Наблюдая за тем, как она нервно идет через площадь, Такер грел руки о чашку кофе. Сам он был в теплой куртке, на руках — перчатки с обрезанными пальцами. Другие посетители кондитерской забрались в помещение, в тепло, где в этот час было многолюдно. Они стояли, прижатые к стойке, или сидели за крошечными столиками возле окна. Такер был единственным, кто сидел снаружи, во внешнем дворике на краю холодной городской площади.

Он и его напарник.

Пес породы, известной как бельгийская овчарка малинуа, лежал у ног Такера, уткнувшись носом в его ботинки, готовый выполнить любую команду. Пса звали Кейн. Они вместе отслужили два срока в Афганистане. Они работали вместе, ели вместе, даже спали вместе. Кейн стал такой же частью его тела, как, допустим, рука или нога.

Уйдя со службы, Такер забрал пса с собой. С тех пор он много скитался по свету, стараясь держаться подальше от людей. Иногда брался за разовую работу, чтобы хватало на кусок хлеба. Выполнив задание, сразу же перебирался на новое место. Ему нравилась такая жизнь. После того, что Такер видел в Афганистане, ему нужны были новые горизон-

ты, новые просторы. Но главным образом им двигала охота к перемене мест.

Родных в Штатах у него не было, и он больше не нуждался в доме. Его это устраивало.

Такер нагнулся и погладил густую шерсть на загривке пса. Кейн поднял голову. В глаза Уэйну заглянули темно-карие с золотистыми крапинками, собачьи глаза. В этом вся неповторимость собак. *Они изучают нас так же пристально, как и мы их.*

Такер ответил на этот взгляд коротким кивком и посмотрел на площадь. Женщина торопливо шагала в сторону кафе и вот-вот пройдет мимо выставленных на улицу столиков. Такер взглядом велел псу приготовиться.

Он внимательно изучил толпу на площади, обтекавшую высокую колонну в самом ее центре. Ее барочный фасад украшали мраморные фигуры. Казалось, они карабкались по ней вверх, к небу, к сверкающей золотой звезде. Колонна символизировала жителей города, сумевших спастись в восемнадцатом веке от Черной Чумы.

Когда женщина подошла ближе, Такер внимательно изучил всех, кто в эти мгновения смотрел в ее сторону. Таких было несколько. Незнакомка относилась к числу женщин, на которых всегда оборачиваются: стройная, с отличными формами, длинные светлые волосы до середины спины.

Наконец Уэйн вычислил на площади ее охотника. Точнее, охотников.

Высокий, похожий на глыбу мужчина, сопровождаемый по бокам двумя рослыми спутниками, вышел с улицы на северной стороне площади. Все трое одеты в плащи. Старший был черноволос, ростом более шести футов. Мускулистый и накачанный и, судя по оспинам на лице, хронический потребитель стероидов-анаболиков.

Под плащами у всех троих что-то бугрилось — явно спрятанное оружие.

Женщина их не заметила. Ее взгляд был устремлен вперед, поверх их голов. Похоже, она знала, что ее могут выслеживать, однако не умела вычислить преследователя. И все же она инстинктивно держалась ближе к людям.

Женщина торопливо прошла мимо Такера, оставив после себя легкий шлейф ароматов жасмина. Кейн повел носом вслед запаху ее духов.

Незнакомка направилась к входу в церковь Святого Матиаша. Это было великолепное сооружение с готическим шпилем, словно сделанным из каменного кружева, и рельефом четырнадцатого века, изображающим смерть Богоматери. Двери были все еще открыты для последних посетителей. Незнакомка шагнула к входу и, незаметно посмотрев по сторонам, вошла внутрь.

Такер допил кофе, оставил на столике чаевые и, поднявшись с места, взялся за поводок Кейна. Он вышел на площадь в тот самый миг, когда трое «охотников» прошагали мимо него. Двинувшись вслед за ними, Уэйн услышал, как самый высокий отдал по-венгерски какой-то приказ.

Местные громилы.

Такер пошел следом за ними прямо к церкви. Один из этой троицы обернулся на него. Уэйн знал, что тот увидит.

Мужчина лет тридцати, выше среднего роста, со светлыми, слегка взлохмаченными волосами, ведет на поводке собаку в коричневом жилете. Свою мускулистую атлетическую фигуру Такер попытался скрыть, опустив плечи и немного ссутулившись. Одежда на нем была крайне неброской и непритязательной: поношенные джинсы, слегка потрепанная куртка цвета хаки, низко надвинутая на лоб вязаная шапочка. Он знал, что избегать визуального контакта не стоит, это скорее вызовет подозрения. Поэтому он доброжелательно кивнул и тут же изобразил полное безразличие.

Как только второй «охотник» отвернулся, Такер потрогал нос и указал пальцем на громилу посредине.

Запомни его запах!

Кейн понимал около тысячи слов и примерно сотню жестов. Он тотчас затрусил вперед и, догнав троицу в плащах, понюхал ноги шагавшего посередине громилы.

Такер же нарочно отвернулся в сторону, сделав вид, будто рассматривает площадь и не обращает внимания на пса.

Выполнив приказание, Кейн вернулся к хозяину и принялся ждать следующую команду: уши по-прежнему стоят торчком, хвост приподнят, выражая готовность к действию.

Трое подошли к церкви, и средний отдал несколько коротких приказов на венгерском. Группа разделилась, каждый из «охотников» должен был прикрывать отдельный выход.

Такер подошел к скамейке, опустился на корточки перед псом и обмотал конец поводка вокруг чугунной ножки. Второй конец он отцепил и просто засунул за ошейник Кейна. Со стороны могло показаться, что собака привязана к скамье.

После этого он сунул руку под коричневый вязаный комбинезон пса, под которым скрывался водонепроницаемый кевларовый жилет, и щелчком привел в действие встроенную миниатюрную видеокамеру. Вытащив проводок с оптико-волоконной линзой, размером меньше карандашной стирашки, Такер спрятал ее в густой шерсти между стоящими торчком ушами.

— Стой! — приказал он.

Кейн уселся в тени, отбрасываемой церковью: обычная собака, дожидается своего хозяина.

Почесав пса за ухом и удостоверившись, что гарнитура «блютус» на месте, Такер нагнулся и приблизил лицо к морде Кейна. Это был их традиционный ритуал.

— Кто у нас хороший мальчик?

Кейн потянулся вперед и коснулся лица человека холодным носом.

— *Правильно. Ты.*

Пес махнул на прощание хвостом. Такер выпрямился, и Кейн проследил взглядом за громилой — тот направлялся к

главному входу церкви с уверенностью охотника, чья жертва попала в ловушку.

Вынимая на ходу мобильник, Такер двинулся следом за венгром. Кстати, телефон — так же как и тактический жилет — он «оставил» себе, когда уходил со службы. Впрочем, и Кейна тоже. Но после того, что произошло в деревне неподалеку от Кабула...

Такер попытался отогнать мучительное воспоминание.

Больше никогда...

Все его отделение помогло ему бежать вместе с собакой.

Но это уже другая история.

Он включил телефон и нажал несколько клавиш. На экранчике возникла картинка: его спина, его удаляющаяся фигура. Изображение поступало с видеокамеры Кейна.

Значит, все в порядке.

Сунув телефон в карман, Такер последовал за верзилой внутрь церкви. Внутри, к похожему на огромную пещеру своду, ввысь уходили витые колонны. Стены украшали прекрасные золотые фрески, изображавшие смерть венгерских святых. Картины слегка подрагивали в мерцании свечей, которыми был уставлен весь неф. Дальше по бокам располагалась часовня с гробницами и музей средневековой резьбы. В церкви стоял густой запах ладана и плесени.

Такер легко вычислил цель, которая и здесь выделялась своим светлым пальто. Опустив голову, девушка сидела на скамье примерно в середине нефа.

Высокий громила занял пост у входа: стоял, привалившись к стене, в ожидании того момента, когда девушка поднимется, чтобы уйти. Было ясно, что «охотники» побоятся похищать ее на глазах у многочисленных свидетелей. Впрочем, в этот час, когда солнце уже практически зашло, а церковь пустеет, ждать им осталось недолго.

Теперь все зависит от него.

Проскользнув мимо громилы — взгляд тотчас выхватил в его левом ухе наушник радиотелефона, — Такер прошел в

глубь церкви к скамье, на которой сидела женщина, и опустился рядом. Она тотчас отодвинулась от него на несколько дюймов. Впрочем, она даже не посмотрела в его сторону, хотя и сняла, в знак уважения к храму, солнечные очки. Такер поспешил снять с головы вязаную шапку.

В мерцании свечей ее волосы отливали золотом. Она бросила на него быстрый взгляд. Глаза ее были голубыми. В руках незнакомка сжимала сотовый телефон, как будто не знала, кому следует позвонить, или же сама надеялась получить звонок.

— Вы говорите по-английски? — тихо спросил Такер.

Даже его шепот заставил ее вздрогнуть. Впрочем, помолчав, она все-таки вежливо ответила:

— Да, говорю, но предпочитаю, чтобы меня не беспокоили.

Она произнесла эти слова так, будто делала это уже бессчетное число раз. Ее акцент был явно английским, так же как и ее сдержанность. Она демонстративно отодвинулась от Такера примерно на фут.

В свою очередь тот смиренно опустился на колени и, склонив голову к сложенным в молитвенном жесте ладоням, негромко сказал:

— Я хотел предупредить — вас преследуют три человека.

Незнакомка напряглась, готовая в любое мгновение сорваться с места и броситься прочь.

— Мне кажется, вам следует помолиться, — сказал Такер, жестом приглашая ее последовать его примеру.

— Я еврейка.

— А я здесь единственный, кто способен вам помочь. Если вы не против.

И вновь молчание, но теперь девушка осторожно опустилась на колени.

— Они стоят у каждой двери, — шепнул Такер, не поворачивая головы. Когда же она попыталась бросить взгляд в сторону выхода, твердо добавил: — Не смотрите!

Девушка склонила голову ниже.

— Кто вы?

— Никто. Я заметил, что вооруженные люди идут за вами по пятам. Увидел, что вы напуганы...

— Мне не нужна ваша помощь.

— Хорошо, я просто предложил вам ее, — вздохнул Такер и собрался встать.

Он сделал все, что подсказывала ему совесть. Он не может помогать тем, кому гордость или упрямство не позволяют принять его помощь.

Девушка протянула руку и потянула его за рукав.

— Подождите.

Когда Уэйн вновь опустился на колени рядом с ней, она спросила:

— Откуда мне знать, что вам можно доверять?

— Знать вы, конечно, не можете, — ответил Такер и пожал плечами. — Вы или доверяете мне, или нет.

Незнакомка пристально посмотрела на него, и он выдержал ее взгляд.

— Я помню вас. Вы сидели с собакой во дворике кафе.

— Ага, меня вы запомнили, а вот вооруженных громил, которые вас преследуют, — нет.

Она отвернулась.

— Я люблю собак. Она у вас такая красивая.

Такер тотчас проникся к незнакомке симпатией и даже улыбнулся в сложенные лодочкой ладони.

— *Его* зовут Кейн.

— Извините. Тогда *он* — красив. — Девушка придвинулась ближе и уже почти спокойно спросила: — Но что *вы* можете сделать?

— Я могу вывести вас отсюда. Увести вас от них. Что вы будете делать после этого — ваше дело.

Это была одна из разновидностей его специализации. «Извлечение».

Незнакомка посмотрела на него. Было видно, что она колеблется.

— Тогда, пожалуйста, помогите мне, — сказала она после короткой паузы.

Уэйн протянул ей руку.

— Тогда пойдемте отсюда.

— Как? — удивленно спросила она. — А как же?..

Его пальцы сжали ей ладонь, призывая замолчать. Рука ее была горячей.

— Держитесь ближе ко мне.

Уэйн отпустил руку и, жестом велев держаться как можно ближе к нему, помог ей выйти из прохода между скамьями. В другой руке, которая находилась параллельно бедру, он сжимал черный армейский нож «ка-бар». Обычно Такер тайно носил его на лодыжке и теперь вытащил из ножен, когда опускался на колени. Впрочем, не дай бог пускать его в ход.

Уэйн повел девушку прочь от главного входа к малому выходу на южной стороне храма. Пока они шли, он успел покоситься на верзилу-«охотника». Тот уже отделился от стены. Такер заметил, как он прикоснулся к уху, давая знак своему подручному, охранявшему дверь. Затем верзила двинулся через церковь к дальнему выходу, и его мощная фигура исчезла из вида. Они явно собирались устроить засаду сразу, как только их жертва выйдет наружу.

Когда громила вышел, Такер резко развернулся сам и, схватив незнакомку за талию, развернул и ее тоже.

— В чем дело?..

— Планы меняются, — ответил он. — Мы постуним по-другому.

Не выпуская девушку, Такер торопливо повел ее к северному порталу в надежде на то, что переданный громилой по радиосвязи приказ заставил «охотников» обратить взгляды на юг и теперь они ждут девушку именно возле той двери.

Подойдя к выходу, он на мгновение помедлил. Затем притянул ее к себе и посмотрел на сотовый телефон. Солнце уже село, но изображение, хотя и зернистое, оказалось достаточно светлым. На экране была видна площадь и главный

вход в церковь. Такер отыскал взглядом пса. Тот терпеливо его ждал.

Молодчина.

Удовлетворившись увиденным, Такер шагнул к выходу, надеясь, что охранявший его «охотник» ушел к другому краю церкви вместе со своим старшим.

Что ж, его хитрость сработала — правда, к несчастью, против него самого.

Стоило Такеру шагнуть к двери, как та открылась. Вместо того чтобы обходить церковь снаружи, третий «охотник» двинулся внутрь. Он явно пожелал пройти по прямой, а заодно прикрыть жертву сзади.

И Такер, и «охотник» растерялись в равной степени.

Взгляд «охотника» тотчас выхватил женщину в светлом пальто. Было видно, что громила тужится сообразить, как она оказалась здесь.

Такер отреагировал первым. Воспользовавшись секундным замешательством, он плечом вытолкнул противника наружу, в темный узкий переулок, где впечатал его в кирпичную стену, после чего с силой вогнал ему в солнечное сплетение локоть.

«Охотник» ойкнул и начал оседать на мостовую, успев, правда, потянуться к спрятанному оружию. Тогда Такер развернулся и с размаха стукнул рукояткой ножа громилу в висок. Тот мигом опустился на колени, а затем упал лицом вниз на землю.

Такер быстро обыскал его карманы. Девушка тем временем вышла наружу и прикрыла за собой дверь. Вид у нее был испуганный.

Поскольку церковь была почти пуста, никто не заметил этой короткой стычки. Такер забрал полуавтоматический пистолет FEG PA-63, табельное оружие венгерской полиции и военных. Он также обнаружил служебное удостоверение с незнакомым ему значком. Открыв его, Такер узнал лицо на фотографии. По верху «корочки» тянулась надпись

«Nemzetbizionsági Szakszolgálat», внизу были три буквы — «NSZ».

Увидев удостоверение, девушка ахнула. Она поняла, что это такое.

Да, это явно не к добру.

Такер вопросительно посмотрел на нее.

— Он из венгерской службы национальной безопасности, — пояснила она.

Такер глубоко вздохнул и выпрямился. Так вот оно что! Он только что «отключил» сотрудника венгерской внутренней разведки. Во что же он вляпался? В данный момент ответить на этот вопрос могла только стоявшая перед ним незнакомка.

Нет, ему ни к чему быть пойманным рядом с лежащим без сознания телом. Тем более дружками поверженного «охотника». В этой бывшей стране советского блока, где свирепствовала необузданная коррупция, люди довольно часто исчезали бесследно.

На какой же стороне закона он сейчас находится? На правой или неправедной?

Уэйн вновь посмотрел в глаза испуганной молодой женщины. Ее страх казался неподдельным, рожденным смятением или паникой. Такер вспомнил, как она переходила площадь, — яркая, легко уязвимая мишень. Кем бы незнакомка ни была, она явно не преступница.

Он должен доверять своим инстинктам. Одной из причин, почему он работал в паре с Кейном, был его высокий уровень эмпатии. У военных кинологов даже была поговорка — *ЭТО передается по поводку.* Считалось, что со временем эмоции человека и животного становятся общими, связывая их воедино крепко, как поводок. Это же умение позволяло ему, как открытую книгу, читать людей. От Такера не ускользали даже малейшие нюансы языка тела, выражения лиц, на что другие люди просто не обращают внимания.

Стоило ему посмотреть на эту юную женщину, как он тотчас понял, что она в настоящей беде.

Что бы ни случилось — это была не ее вина.

Приняв решение, Такер взял ее за руку и быстрым шагом направился в переулок. Его отель, «Будапешт-Хилтон», находится недалеко, прямо за углом. Главное — оказаться в безопасности, тогда он сможет вычислить, что на самом деле происходит и что нужно делать.

Но прежде всего ему нужна информация. Нужны зоркие глаза и чуткие уши, а в его случае и собачий нос.

Такер снова вытащил сотовый телефон, нажал на кнопку и отдал команду.

Кейн слышит его голос и понимает команду.

«СЛЕД!»

Он встает, сбрасывает поводок и, не обращая внимания на клацанье «карабина» по камням мостовой, ныряет под скамью, где его тотчас укрывает тень. Здесь Кейн поднимает нос в ночной воздух. Впитывает запахи окружающего мира, получает информацию о том, чего можно не заметить в темноте, хотя глаз у него зоркий и даже ночью он может увидеть многое.

Тухловатый запах объедков из контейнера пищевых отходов...

Застарелый запах мочи от каменной стены...

Дымный бензиновый выхлоп пытается перекрыть все остальные запахи...

Но он продолжает принюхиваться, выискивая тот запах, который ему приказано найти. Это — проторенная дорожка на фоне всех прочих: запах кожи и пота, соль на коже, мускусная влажность под длинными полами плаща, которую он уловил, когда указанный напарником человек прошел перед ним...

Теперь он идет по этому следу, и след этот светит, подобно зажженному маяку, сквозь облака миазмов.

Кейн ведет охоту за ним, прячась под скамьей, следя за каменным углом, оставаясь в тени. Ждет. Он видит, как добыча выбегает из-за угла.

Он припадает к земле.

Добыча и другой человек пробегают мимо, не замечая его.

Он ждет, ждет, ждет — и только тогда отправляется следом.

Почти прижимаясь брюхом к земле, Кейн передвигается из тени в тень, пока не замечает добычу. Та согнулась над другим человеком. Верзила и его напарник поднимают упавшего, осматриваются, затем уходят.

Он устремляется за ними, призрак, идущий по следу.

Такер торопливо провел незнакомку через главный вход отеля «Будапешт-Хилтон». Историческое здание расположено всего в считаных шагах от церкви Святого Матиаша. На пути к отелю их никто не заметил.

Такер быстро провел ее в вестибюль, в очередной раз удивившись странному смешению старины и современности, столь присущему этому городу. Отель расположился в нескольких зданиях доминиканского монастыря тринадцатого века, включая в себя церковную стрельчатую башню, восстановленное аббатство и погреба в готическом стиле. Не столько отель, сколько музей. Даже дверь, в которую они вошли, была когда-то частью старинного фасада иезуитского колледжа, основанного в 1688 году.

Ему и Кейну предоставили здесь номер благодаря специальному международному военному паспорту, в котором собака значилась армейским рабочим животным. У Кейна даже имелось звание — *майор*, на одну ступеньку выше, чем у Такера. Все военные собаки были рангом выше, чем их напарники-люди. Это позволяло рассматривать случаи жестокого обращения с животными в военно-полевом суде. Приговор обычно гласил: *за рукоприкладство по отношению к старшему по званию.*

Кейн заслужил и свое звание, и особое положение. За время выполнения боевых заданий он спас сотни жизней. Так же, как и его напарник.

И вот теперь на них легла новая обязанность. Защитить эту женщину и выяснить, во что они вляпались.

Такер провел незнакомку через вестибюль в свой гостиничный номер, одноместный, с огромной кроватью. Сама комната была небольшой, однако из ее окна открывался вид на Дунай, рассекавший город на две части — Буду на этом берегу, и Пешт — на другом. Отодвинув от стола стул, Такер предложил гостье сесть. Сам он устроился на краю кровати и посмотрел на экран мобильника: ага, Кейн продолжает слежку. На экране было видно, как двое тащат по узким извилистым улицам третьего, который, похоже, так и не пришел в сознание.

Такер положил телефон на колени и повернулся к девушке.

— Может, вы все-таки расскажете мне, в какой беде оказались, мисс?..

Незнакомка безуспешно попыталась улыбнуться.

— Барта. Алица Барта. — На ее глаза неожиданно накатились слезы, и она поспешила отвернуться. — Я не знаю, что происходит. Я приехала из Лондона, чтобы встретиться с отцом... или, точнее, чтобы *найти его*. Он — профессор гебраистики Будапештского еврейского университета.

Алица вопросительно посмотрела на Такера, пытаясь понять, слышал ли он о таком учебном заведении. Когда тот ответил ей непонимающим взглядом, она заговорила дальше. От Такера не скрылось, как сквозь слезы прорывается семейная гордость.

— Это один из лучших университетов, где изучают еврейскую культуру и религию. Он был основан в середине девятнадцатого века. Это старейшее учебное заведение в мире, где готовят раввинов.

— Так ваш отец раввин?

— Нет. Он историк. Он изучает зверства нацистов, в частности, занимается темой разграбления имущества евреев.

— Я слышал о попытках найти и вернуть награбленное.

— На выполнение этой задачи потребуются десятилетия, — кивнула Алица. — Чтобы вы представили себе масштаб проблемы, скажу следующее: британское министерство, в котором я работаю в Лондоне, оценивает награбленное нацистами в покоренных ими странах в 27 триллионов долларов. Венгрия не была исключением.

— И ваш отец расследует преступления, совершенные нацистами на венгерской земле? — До Такера начал доходить смысл проблемы: пропавший историк, утерянные сокровища, спрятанные нацистами, и каким-то образом причастная к этому венгерская национальная служба безопасности.

Кто-то что-то нашел.

— Последние десять лет он расследовал одно происшествие. Ограбление Венгерского национального банка в конце войны. Немецкий офицер, точнее, оберфюрер СС Эрхард Бок и его подчиненные бежали из страны, прихватив тридцать шесть ящиков с золотом и драгоценными камнями, которые сегодня оцениваются в 92 миллиона долларов. Согласно документам того времени, всё это они погрузили на пароход и отправили по Дунаю в Вену. Однако по пути пароход попал под авианалет. Сокровища выбросили за борт примерно в том месте, где Дунай сливается с Моравой.

— И эти сокровища так и не были найдены?

— Да. Это удивляло моего отца, потому что факт ограбления широко известен, так же как и судьба сокровищ. Дело в том, что устье Моравы сильно мелеет в это время года. А если учесть, что в течение двух лет имела место сильная засуха, то тогда оно было совсем мелким. По мнению отца, кто-то должен был обнаружить эти ящики прежде, чем их засосало речным илом.

— И у вашего отца есть другая теория, верно я понял?

Их взгляды встретились.

— Он считает, что сокровища никуда не увозили, а спрятали где-то в Будапеште. Эрхард Бок наверняка рассчитывал, что сможет вернуться за ними. Конечно, этого не произошло, и на смертном одре Бок намекнул, что сокровища остаются на прежнем месте. Он якобы захоронил их там, *где до них не дотянутся даже когти мертвых евреев.*

Такер вздохнул.

— Как говорится, бывших нацистов не бывает.

— Два дня назад отец оставил на моем автоответчике загадочное послание. Он заявил, что совершил невероятное открытие благодаря важной подсказке, которую отыскал в недавно возвращенном архиве университетской библиотеки. Документ из пражской пещеры.

— Пражской пещеры?

Алица кивнула и поспешила объяснить.

— Библиотека здешнего университета обладает самым богатым после Израиля собранием еврейской теологической и исторической литературы. Когда немецкие войска оккупировали Будапешт, они сразу же закрыли еврейский университет и превратили его в тюрьму. Однако незадолго до этого самые ценные рукописи были спрятаны в подземном хранилище. Однако внушительное количество важных документов — три тысячи книг — немцы перевезли в Прагу. В еврейском квартале чешской столицы Адольф Эйхман собирался устроить музей исчезнувшей расы.

— Какой славный парень.

— Лишь в 1980-х годах эти книги были обнаружены в пещере под Прагой. А после падения коммунизма в 1989 году они были возвращены в Будапешт.

— И ваш отец нашел нечто важное среди этих возвращенных книг?

Девушка посмотрела ему в глаза.

— Да, в учебнике *по геологии*. Отец оставил сообщение на автоответчике, в котором просил меня, чтобы я, в свою очередь, попросила у британского министерства помощь в

получении спутниковой информации. В Венгрии отец так и не смог ничего добиться.

— Что это за информация?

— Информация радара, зондирующего глубины земли с американского геофизического спутника. Ему нужно было глубокое подземное сканирование Пешта на другой стороне Дуная.

Алица посмотрела в окно на реку и сиявший огнями город.

— Получив это сообщение, я попыталась дозвониться до него, чтобы выяснить подробности. Мне это так и не удалось. Прошли сутки, и я начала беспокоиться. Я попросила одну из моих здешних подруг зайти к нему домой. Та сообщила мне по телефону, что квартира разгромлена, все перевернуто и разбито. Отец куда-то исчез. Тогда я села на первый же самолет, летевший рейсом в Будапешт. Весь день я провела в венгерской полиции. Похоже, там практически ничего не хотели делать, лишь пообещали держать меня в курсе розысков. Когда я вернулась к себе в отель, то обнаружила, что в моем номере был обыск. Дверь взломана, мебель перевернута, вещи разбросаны по всей комнате.

Алица выразительно посмотрела на Такера.

— Я не знала, что делать, не знала, кому доверять. Я просто убежала из отеля и оказалась на площади. Я была уверена, что за мной следят, но потом посчитала, что это просто паранойя. Скажите, *что* может быть кому-то от меня нужно? Что ищут эти люди?

— Так вы получили ту самую информацию со спутника, о которой вас просил отец?

Глаза девушки удивленно расширились. Она сунула руку в карман пальто и вытащила небольшую флэшку.

— Так, значит, они ищут вот это?

— Вполне может быть, а также и *вас*. Чтобы использовать как средство давления на вашего отца.

— Но зачем? И где может быть мой отец?

Такер посмотрел на сотовый телефон, лежавший у него на коленях. Люди, за которыми следовал Кейн, подошли к седану, припаркованному за пределами исторической части города. Здесь пес замедлил шаг и юркнул в ближайшую тень. Старшего было легко заметить. Он стоял, прислонившись к капоту машины, и прижимал к уху мобильный телефон.

— Надеюсь, эти парни дадут нам подсказку, — сказал он. — Вы говорите по-венгерски?

— Говорю. Моя семья родом из Венгрии. После отправки венгерских евреев в Освенцим мы потеряли почти всех родственников. Но кое-кто все-таки остался в живых.

Такер похлопал по кровати рядом с собой.

— Тогда послушайте это.

Алица села рядом и вгляделась в экран сотового.

— Кто это снимает? — спросила она и наклонилась ниже. — Это те самые люди, что преследовали меня?

— Да, они.

Алица прищурившись посмотрела на Такера.

— Но как?..

— Я послал Кейна следить за ними. Он оснащен полным комплектом видеонаблюдения.

Его слова встревожили ее еще больше. Впрочем, Такер не стал вдаваться в подробности, а просто включил громкость. Шум уличного движения и завывание ветра поглощали слова громилы, однако несколько фраз прозвучало довольно отчетливо.

Алица сосредоточенно поджала губы и наклонила набок голову, прислушиваясь. Такер невольно обратил внимание на изящный изгиб длинной шеи.

— О чем они говорят? — спросил он.

Алица, запинаясь, начала переводить.

— Что-то о кладбище. Заброшенном еврейском кладбище.

Наконец громила закончил говорить по телефону и скрылся в седане. Алица покачала головой

— В конце он упомянул название улицы. *Шальготарьяни.*

Как только машина отъехала, Такер взял телефон и, нажав на кнопку, передал команду Кейну.

— Возвращайся домой. Молодчина, Кейн.

Опустив телефон, он увидел, как пес развернулся и потрусил в сторону отеля. Убедившись, что с Кейном все в порядке, Такер повернулся к Алице.

— Похоже, что эта троица действует на свой страх и риск. Кто-то услышал о расследовании вашего отца. О том, что, возможно, обнаружены потерянные сокровища. Вот они и пытаются украсть награбленное.

— Что же нам делать? Обратиться в полицию?

— Я не уверен, что это будет самое мудрое решение, особенно если вы хотите найти вашего отца живым и здоровым.

Последние слова Такер произнес с особым нажимом. Алица тотчас побледнела. Что ж, это даже неплохо. Пусть знает, каковы ставки в этой игре.

— Теперь, когда эти типы потеряли след, они загнаны в угол. — Это можно было заметить даже на зернистой картинке видеокамеры. — Полиция уже взялась за поиски вашего отца. Теперь эта троица ищет вас, чтобы использовать в качестве инструмента шантажа, из чего следует, что в данный момент ваш отец все еще жив. Но теперь, поскольку вы тоже пропали, а полиция хотя и медленно, но все же делает свое дело, они будут вынуждены спешить. Боюсь, что, если сегодня ночью они не получат то, что им нужно, они убьют вашего отца, чтобы замести следы. Впрочем, даже если они добьются от него нужных сведений, его ждет все тот же печальный конец.

— Значит, нет никакой надежды?

— Надежда есть всегда. Они напуганы и, скорее всего, начнут делать ошибки.

И станут еще более опасными, мысленно добавил он.

— Что же нам тогда делать?

— Мы узнаем, куда они забрали вашего отца. Та улица, которую они назвали. Вам известно, где она находится?

— Нет, я не слишком хорошо знаю Будапешт.

— У меня есть карта.

Такер достал карту города и разложил ее на кровати. Касаясь плечом его плеча, девушка склонилась над картой рядом с ним. Аромат жасмина отвлекал.

— Вот она, — произнесла Алица. — Улица *Шальготарьяни.*

Такер провел пальцем по улице, заканчивающейся тупиком.

— Это почти в центре Пешта, и она как будто тянется вдоль... — Такер прочитал название и вопросительно посмотрел на девушку. — С кладбищем Керепеши. Оно может быть тем самым заброшенным еврейским кладбищем, о котором вы услышали из их разговора?

— Нет, вряд ли. Керепеши — старейшее кладбище во всей Венгрии. — Алица провела пальцем ближе к Дунаю. — Еврейский квартал вот здесь. Здесь же и большая часть наших захоронений. Это примерно в трех милях от кладбища Керепеши.

— Значит, мне придется взять Кейна и самому осмотреть эту улицу.

— Но это слишком опасно, — сказала девушка и тронула его за рукав. — Я не смею просить вас об этом.

— Вам не нужно меня просить. Если я не доведу это дело до конца, то они придут и за мной. Тот тип, которого я оглушил в переулке, видел, что вы были не одна. Знаете, я не хотел бы провести остаток жизни, постоянно оглядываясь и проверяя, не преследуют ли меня агенты венгерской охранки.

— Тогда я пойду вместе с вами.

— Извините, но у нас с Кейном такое правило: мы работаем только вдвоем. Вам лучше остаться здесь.

С этими словами он шагнул к двери, но Алица преградила ему дорогу.

— Вы не говорите по-венгерски. Вы не знаете, как выглядит мой отец. И вы совсем ничего не знаете о городе.

В опасности жизнь моего отца. Я не собираюсь сидеть сложа руки, надеясь, что все обойдется. Когда-то мои соплеменники тоже на это надеялись. Сами знаете, чем это для них кончилось.

Было видно, что она собралась спорить с ним, но Такер лишь пожал плечами.

— Хорошо, вы убедили меня. Я действительно не знаю языка. Пойдемте.

Такер вместе с Алицей сидел на заднем сиденье такси. Машина катила по великолепному Цепному мосту, соединяющему оба берега Дуная. Девушка сидела посередине, между Кейном и Такером. Пес все это время высовывал нос в приоткрытую щель окна и радостно бил хвостом.

Алица погладила Кейна по холке, что, возможно, усилило радостное настроение четвероногого пассажира. По крайней мере, присутствие собаки успокаивало. Напряжение, которым было сковано все ее тело, слегка ослабло. И все же она крепко сжимала отцовский свитер, лежавший у нее на коленях. Сжимала так, что побелели костяшки пальцев.

Выйдя из отеля, они слегка замешкались, чтобы забрать Кейна, который покорно ожидал их перед входом. Потом по пути в Пешт им пришлось ждать друга ее отца, того самого, кто согласился тайком проникнуть в опечатанную полицией квартиру, чтобы забрать что-нибудь из вещей в шкафу. Им был нужен его запах. Дело было рискованное, но, похоже, за квартирой никто не наблюдал.

И все-таки Такер продолжал следить, нет ли за ними «хвоста» — тот вполне мог увязаться за ними, когда они проехали по мосту и, оставив Буду, покатили по улицам Пешта.

Еще через пятнадцать минут они добрались до центра второй половины города и проехали мимо похожего на огромный парк кладбища Керепеши с его массивными мавзолеями,

бесчисленными скульптурами и длинными рядами могильных камней.

Такси остановилось на улице *Шальготарьяни,* на границе кладбища. Сказав несколько слов по-венгерски таксисту, который большую часть пути подозрительно косился на Кейна, Алица расплатилась с ним и даже сунула пару лишних банкнот за доставленные неудобства.

Все вылезли и подождали, пока такси не уедет. Когда машина наконец скрылась из вида, Алица повернулась к Такеру.

— Ну, что теперь?

— С этого места мы отправим Кейна на задание. Но сначала его нужно экипировать.

Такер указал на парковую скамью, почти незаметную в тени старинного дуба. Густо поросшая буками и березами, кустарником и зарослями диких роз, вся улица казалась старой и заброшенной. В темноте мерцали огни нескольких домов. Сама дорога была разбитой, с многочисленными рытвинами, как будто по ней давно никто не ездил. Такер подвел спутницу к скамье, и они сели.

Кейн присоединился к ним лишь после того, как, задрав ногу над трухлявым пеньком, «пометил» улицу как свою законную территорию.

Ухватив пса за загривок, Такер встряхнул спрятанный под собачьим «комбинезоном» тактический жилет — хотел проверить, что никакая деталь не болтается и не выдаст лязгом его четвероногого напарника. С этого места они должны действовать как можно более незаметно. Такер включил видеокамеру, приподнял объектив и проверил наушник пса.

— Все в полном порядке, дружище, — сказал Такер, пригнувшись к собачьей морде. — Готов к охоте?

Ответом ему стало энергичное помахивание хвостом. Темные глаза Кейна блеснули в темноте.

Алица протянула Такеру шерстяной свитер. Кейн уже хорошенько обнюхал его, но дополнительная порция запаха дела не испортит.

— Цель! — произнес Такер. Пес старательно принюхался к свитеру, затем приподнял голову. Такер указал на обсаженную деревьями улицу: — Иди по следу и найди!

Пес вздрогнул и устремился вперед. Еще несколько секунд, и он исчез в темноте, как будто его здесь никогда не было.

Такер встал и вытащил сотовый телефон. Он заранее надел наушник и включил ларингофон, чтобы общаться с Кейном без помощи рук. Вскоре в наушнике послышалось шумное дыхание пса. Чувствительный микрофон многократно усиливал любые звуки. Отлично.

Проверив связь еще разок, Такер повернулся к Алице.

— Вы можете подождать здесь. Если мы что-нибудь найдем...

Она явно была не против остаться, но все-таки встала.

— Я пойду за вами.

Такер кивнул и, проверив отобранный у венгра пистолет, засунул его за ремень.

— Посмотрим, что найдет Кейн.

Они зашагали по улице. Такер шел, стараясь держаться в тени густо заросшей деревьями аллеи, избегая пятен света, отбрасываемых окнами редких домов. Впрочем, в подобной предосторожности особой необходимости не было. В наушник он слышал дыхание пса, а на экране мобильника видел, где тот находился. Собака была продолжением его органов чувств, а не просто напарником по работе.

Вскоре они услышали, как вдалеке залаяли другие собаки, по всей видимости почуявшие появление Кейна. Если люди имеют в носу примерно шесть миллионов обонятельных рецепторов, то поисковые собаки вроде Кейна — триста миллионов, что во много раз увеличивает их способность

распознавать запахи. Это позволяет им обнаружить цель на расстоянии, равном длине двух футбольных полей.

Такер не сводил глаз с дороги и постоянно прислушивался, не идет ли кто сзади. Он также отслеживал передвижения Кейна — тот постоянно петлял в поисках следа. Такеру казалось, что его собственное восприятие расширяется. Все его органы чувств были напряжены до предела, сравнявшись по остроте восприятия с его четвероногим другом.

Он теперь по-иному, более остро, ощущал близость Алицы: запах ее кожи, звук шагов, участившееся дыхание. Стоило ей сократить расстояние между ними, как он спиной уловил тепло ее тела.

На экране телефона Кейн еще раз перебежал улицу, двигаясь, судя по всему, в направлении тупика. Домов там не было, заросли как будто стали гуще и выше, а деревья старее. На экране появилась кирпичная арка, наполовину скрытая деревьями. Ее фасад сильно потрескался и был изрядно выщерблен. Вход закрывали заржавленные чугунные ворота.

Интересно, что там, за ними?

Стараясь держаться в тени, Кейн обошел небольшую площадку перед входом. К арке прилепился крошечный домик смотрителя кладбища. В окнах было темно. Кейн подошел к воротам и понюхал их нижний край. Такер заметил, как пес тотчас напрягся: вытянул нос вперед и поджал хвост. Ага, значит, что-то нашел...

Такер обернулся и прикоснулся к плечу девушки.

— Кейн взял след, обнаружил там запах вашего отца.

В глазах Алицы вспыхнула надежда. Девушка торопливо шагнула вперед, но Такер крепко сжал ей руку и удержал на месте.

— Держитесь позади меня, — сказал он. Затем потрогал ларингофон и отдал команду Кейну: — Молодчина. Пригнись. Спрячься!

Он увидел на экране, как пес нырнул в сторону и скользнул в тень справа от арки.

Такер повел Алицу вперед. Вскоре они дошли до конца улицы. Вокруг, похоже, все было спокойно. Уэйн подвел девушку к высокому буку.

— Я проверю ворота, — сказал он. — Посмотрю, заперты они или нет. Вы оставайтесь здесь и ждите, пока я не дам вам знак, что все в порядке.

Алица кивнула и нервным жестом машинально прижала руку к горлу.

После этого Такер последовал примеру Кейна: вместо того, чтобы идти по прямой, обошел стоянку по периметру, стараясь держаться в тени. Луна над головой светила ярко, бросая на землю слишком много света.

Такер пригнулся, чтобы его не заметили из окон пристроенной к арке сторожки. Нет, все тихо. Еще пара шагов, и он оказался возле ворот. На его счастье, те были не заперты. Такер рискнул протянуть руку, чтобы толкнуть одну половинку. Увы, прежде чем он успел это сделать, темноту за воротами прорезали лучи двух мощных фар. Ослепленный, Такер застыл на месте.

Из темноты раздался знакомый грубый голос. К несчастью, человек говорил по-венгерски. Такер решил не обращать на него внимания. Бросившись в сторону, он выхватил отобранный у оглушенного «охотника» пистолет и выстрелил по фарам.

Из-за ворот открыли ответный огонь.

Раздался треск разбитого стекла, и одна фара погасла. Затем машина устремилась вперед.

Черт!

Такер отскочил от арки, чтобы не попасть под колеса летевшего прямо на него седана. Не успел он отскочить в сторону, как у него за спиной с лязгом распахнулись ворота и мимо него на площадку вылетела похожая на огромного черного зверя машина. Раздался треск выстрелов, и Такер поспешил нырнуть в заросли, где спрятался за стволом ста-

рого дуба и попытался перевести дыхание. Затем через ларингофон отдал команду Кейну:

— *Спрячься!*

Сам он решил сделать то же самое.

В следующее мгновение до него донесся громкий крик, перекрывший собой даже рев мотора. Кричали по-венгерски. Такер осмелился выглянуть из-за дерева. Дверь заднего пассажирского сиденья машины была приоткрыта. В свете уличного фонаря он увидел, как Алицу затащили в салон автомобиля. По всей видимости, подъехавший сзади седан застал ее врасплох, а включенные фары высветили место, где она пряталась.

Верзила-венгр с рябым лицом держал девушку за горло, приставив к ее виску пистолет. На этот раз он попытался заговорить по-английски:

— Выходи сюда, или я ее пристрелю!

Не имея иного выбора, Такер, подняв руки, вышел из-за дерева. Пистолет он держал за скобу одним пальцем.

— Бросай оружие! — крикнули ему.

Такер бросил пистолет в сторону седана, и тот улетел под днище машины.

— Иди сюда!

Ага, история принимает интересный оборот — явно не к добру. Он приблизился к Алице. Та виновато посмотрела на него, как будто извинялась.

Такер покачал головой.

Ты ни в чем не виновата.

Такера довольно поверхностно обыскали, после чего вместе с Алицей под дулом пистолета повели к воротам, которые теперь болтались на петлях. Седан медленно покатил вслед за ними, подталкивая их вперед.

За кирпичной кладкой арки заросли сделались гуще. Деревья были обвиты плющом, повсюду рос папоротник. Могилы и склепы напоминали разбросанные по земле детские кубики. Многие были взломаны и зияли черными ямами.

Ограды были повалены или, словно пьяные, стояли покосившись одна на другую. Белые мраморные плиты и камни поросли мхом и лишайником. Большая часть могил была завалена кучами листьев и мусора.

Такер посмотрел на Алицу. Судя по ее глазам, она узнала это место.

На ближней могильной плите была высечена звезда Давида.

Это было то самое заброшенное еврейское кладбище.

Их подтолкнули к домику смотрителя. В глубине крошечного помещения, просачиваясь через плотные занавески, мерцал свет.

Когда они подошли ближе, дверь открылась, и они на мгновение зажмурились от яркого света.

В дверном проеме стоял мужчина — высокий, похожий на скелет, в очках с толстой роговой оправой. Его взгляд равнодушно скользнул по Такеру и остановился на Алице.

Девушка неуверенно шагнула вперед.

— Профессор Чорба?..

Значит, этот человек ей знаком.

— *Jó estét*, мисс Барта, — поприветствовал он ее. — Извините, что мы встретились с вами в столь прискорбных обстоятельствах.

Он отошел в сторону, уступая ей дорогу.

— Домонкош, проведи наших гостей. — Глаза профессора наконец остановились на лице Такера. — Вот уже не думал, что наша независимая мисс Барта наймет телохранителя. Это я недоглядел. Впрочем, не такой уж серьезный промах.

Рябой громила по имени Домонкош подтолкнул Такера в спину, и тот шагнул в дверной проем.

Помещение производило довольно странное впечатление: на полу из грубых досок были разбросаны толстые, хотя и изрядно потертые ковры; низкий потолок с деревянными стропилами, в углу небольшой очаг, в котором ярко алели угли.

Домонкош подтолкнул Такера к стене. Второй громила занял пост возле окна. Еще один вышел в прихожую, видимо для того, чтобы посмотреть, нет ли кого на улице, чтобы в случае чего открыть стрельбу.

Прислонившись к стене, Такер уловил знакомый кисловатый запашок. Тот доносился откуда-то из соседнего помещения. Все понятно. Где-то там лежит мертвое тело, а может, даже не одно, которое уже начало разлагаться. Скорее всего, хозяин сторожки.

Был и другой запах — запах свежей крови.

К стулу был привязан человек с растрепанными седыми волосами. Все его лицо было в синяках, один глаз распух. Из обеих ноздрей тянулись полоски запекшейся крови. Когда Такер вошел внутрь, единственный целый глаз вспыхнул искоркой надежды, однако эта искорка моментально погасла, стоило ему вновь увидеть своих мучителей.

— Алица! — надсадно прохрипел он.

— Отец! — она бросилась к нему и опустилась на колени рядом со стулом. По ее щекам потекли слезы. Девушка обернулась к человеку, который встретил ее в дверях: — Как вы могли?

— Боюсь, у меня есть на то девяносто два миллиона причин, моя дорогая.

— Но вы же проработали с моим отцом почти тридцать лет!

— Да, верно, в том числе десять лет при коммунистическом режиме, пока ваш отец находился в Лондоне, наслаждаясь радостями свободного мира. — В голосе профессора Чорбы звучала зависть и еле сдерживаемая ярость. — Вы не понимаете, каково нам было жить здесь. Я потерял мою дорогую Марию лишь потому, что у врачей не нашлось в нужном количестве антибиотиков. Затем я потерял мою маленькую отважную Луизу. Ее застрелили при разгоне демонстрации. Я не позволю, чтобы сокровище вернули нынешнему правительству, потому что оно не намного лучше прежнего. Про-

сто до власти дорвались старые игроки от политики. *Не позволю*! *Никогда*!

— Так вы решили присвоить сокровище? — с вызовом спросила Алица. Было видно, что его слова не пробудили в ней сочувствия.

— Я использую его на благие цели, мы поможем угнетенным, исцелим страждущих!

— А что будет с моим отцом? — разрыдалась девушка. — Его вы тоже исцелите?

— Его я оставлю в живых — при условии, что он не станет упрямиться и согласится сотрудничать. Так же, как и вы, мисс.

Свежо предание, подумал Такер.

То же недоверие отразилось и на лице Алицы.

Чорба вытянул руку.

— Благодаря моим источникам я знаю, Алица, что вы раздобыли то, о чем просил вас отец. Сведения со спутника, полученные от американцев.

— Не... делай... этого!.. — выдавил привязанный к стулу старик. Каждый звук давался ему с великим трудом.

Алица посмотрела на отца, а затем на Такера.

Выбора у нее не было, Уэйн это понял. Ее обыщут, изобьют и в любом случае получат то, что им нужно.

Такер опустил голову — не только чтобы шепотом высказать свое мнение, но также спрятать ларингофон. У него отобрали телефон и нож, но не заметили горошину наушника в левом ухе и прилепленный к горлу ларингофон. Тот был довольно чувствительный, чтобы воспринимать даже малейший шепот.

Алица неохотно отдала похитителям флэшку. Чорба и его подручные моментально оживились. Пользуясь моментом, Такер прикрыл рукой рот и прошептал едва слышные команды.

Кейн прячется в тени. Такеру слышно, как стучит его сердце, слышно его негромкое дыхание.

Пес вспоминает грохот выстрелов, скрежет шин, вонючий бензиновый выхлоп. Он хочет броситься к партнеру, залаять, зарычать, впиться зубами в его врагов.

Но он остается в тени, потому что ему так велено.

Теперь в его ухе звучит новая команда.

ПРИНЕСИ МОЙ ПИСТОЛЕТ, СПРЯЧЬСЯ ПОД МАШИНОЙ.

Кейн выглядывает в темноту, на освещенную лунным светом площадку, где лежит пистолет. Он знает, что такое пистолет. Он видел, как тот полетел под машину, куда его бросил напарник. Пистолет лежит там.

Прижимаясь к земле, Кейн выскакивает из темноты и хватает зубами пистолет. Язык тотчас ощущает привкус дыма, пороха и пота напарника. Кейн двигается бесшумно и быстро ныряет обратно в тень. Затем бросается под арку на еле слышный звук остывающего мотора — туда, откуда доносится вонь горелого масла, — готовый скользнуть под брюхо машины и ждать.

Однако откуда-то слева доносится рычание.

Из зарослей возникает какая-то тень.

Он чует других собак, их запах на дороге, на кустах, в воздухе.

Они пометили эту территорию как свою. Кейн опускает пистолет на землю, в грязь. По движениям напряженных лап он узнает вожака стаи, когда тот выходит ему навстречу в окружении нескольких силуэтов, которым принадлежит это место. Это их земля, и на ней могут находиться только они. Чужакам здесь не место.

Чтобы помочь напарнику, Кейн должен сделать эту землю своей, хотя бы на одну ночь.

Приглушенно рыча, он бросается навстречу самой крупной тени.

Рычание и вой безумной собачьей драки зловещим эхом прокатились по сторожке. Эти звуки чем-то напоминали доисторическую эпоху, где всегда были кровь, злоба и выживание.

Такер услышал эти звуки в наушник.

Кейн.

Его сердце сжалось от страха.

Домонкош улыбнулся. Услышав этот дикий хор, он что-то сказал по-венгерски. Стоявший у окна громила ухмыльнулся в ответ.

В отличие от них Чорба даже не поднял головы от ноутбука, который извлек из «дипломата».

— Бродячие псы, — пояснил он, не сводя глаз с экрана. — Они нашли себе приют на этом заброшенном кладбище.

Неудивительно, что никто не отреагировал на присутствие здесь Кейна. Для них он всего лишь один из многих бродячих псов.

— Псы! — продолжил Чорба. — Вот кому вы хотели отдать сокровища, Якоб!

Отец Алицы поднял голову и посмотрел на бывшего коллегу. Якоб Барта и его дочь крепко сжали друг другу руки. Они не питали никаких иллюзий по поводу своего ближайшего будущего, зная, что живыми их отсюда не выпустят.

— Но те, кто стоит у власти, еще хуже диких псов, — продолжил Чорба. — Если дать им такое количество золота, оно вызовет настоящий огненный смерч коррупции и беззакония. Погибнет много людей. Нет, этому не бывать, им оно не достанется.

Такеру стоило немалых трудов прислушиваться к хору собачьей свары. Прекратилась она столь же внезапно, как и началась. Затаив дыхание, он напряг слух, пытаясь понять исход битвы, но так ничего и не услышал.

Никакого частого дыхания, никого сопения, никакого шороха лап по земле.

Привычное присутствие его Кейна куда-то исчезло, сменившись гнетущей тишиной. Неужели поврежден аудиодатчик? Или он как-то выключился во время драки Кейна с чужими собаками?

Или случилось нечто худшее?

Сердце Такера как будто подкатило к горлу.

Кейн...

Чорба радостно потер руки.

— Наконец-то!

На экране ноутбука появилось изображение старой карты кладбища, начерченной еще от руки. На ней была помечена даже кирпичная арка.

Профессор указал на экран.

— Якоб нашел эту карту среди старых документов, в которых описывалось погребение 1888 года и то, как могильщики пробились в пещеру, расположенную под кладбищем. Венгерский ландшафт изобилует целой системой таких подземных пустот естественного происхождения. Даже здесь, под Будапештом, существует примерно две сотни пещер — больших и малых, — которые тянутся прямо под нашей столицей. В основном это следствие естественной геотермической активности региона.

Алица вздрогнула, в глазах ее застыл ужас.

— Умирая, оберфюрер СС Эрхард Бок сказал, что похищенное золото *спрятано под землей, где до него не дотянутся даже когти мертвых евреев.* Он говорил прямо и недвусмысленно, имея в виду еврейское кладбище. *Под* еврейским кладбищем. Это вполне в духе нацистов — спрятать награбленные сокровища на еврейском кладбище. Должно быть, Эрхард Бок что-то слышал о небольшом захоронении, расположенном на некотором расстоянии от еврейского квартала, в частности о том, что под кладбищем есть пещера. Спрятав там сокровища, он, по всей видимости, ликвидировал всех, кому было о них известно, а также уничтожил все ссылки и сведения о ней в литературе. Тем самым Бок гарантировал,

что тайна умрет вместе с ним, если он не сможет позднее забрать эти сокровища.

Якоб Барта поднял голову и повернулся к дочери.

— Откуда ему было знать, что одна из этих старинных книг сохранится до наших дней и вернется в Будапешт. Зло беспечно, оно никогда ни о чем не думает.

Его последние слова были обращены к Чорбе, но не достигли цели.

— Вот оно, нашел, — произнес профессор.

На экране появилась современная фотосъемка, сделанная со спутника и наложенная на старинную карту. Метод подповерхностной геолокации грунта позволял обнаружить подземные пустоты: тайные подвалы, бункеры, пещеры, вернее, целую систему пещер. Топографические линии, появившиеся на экране, очертили контуры кладбища. Темные пятна означали скрытые пустоты. В верхнем левом углу отчетливо виднелось размытое пятно, располагавшееся под одной из отмеченных на карте могил.

Чорба повернулся к ним. Глаза его радостно сверкнули.

— Это она! — Он посмотрел на Домонкоша. — Возьмите двух своих людей. Скажите им, чтобы захватили с собой молотки, ломики и веревки. Если сокровище на месте, то нам хватит всего одной ночи, чтобы погрузить его на грузовик и вывести из Будапешта, прежде чем кто-то заподозрит что-либо.

Верзила указал на Такера и заговорил по-венгерски. Чорба кивнул и что-то ответил тоже по-венгерски.

Такер повернулся к Алице.

— Он говорит, что на вид ты сильный, — с испуганным видом пояснила она. — Им наверняка пригодится лишняя пара рук, когда они станут вскрывать могилу.

Которая вполне может стать его собственной, подумал Такер.

Чорба указал на Алицу.

— Свяжите ее. Как только мы убедимся, что сокровища на месте, мы решим, что нам с ними делать.

Запястья и лодыжки Алицы быстро обмотали веревками. Как только с этим было покончено, Чорба поднял небольшой чемоданчик, поставил его на стол и откинул крышку. Внутри оказались серо-желтые блоки взрывчатки С-4, снабженные детонаторами. Чорба нажал на кнопку, и один за другим зажглись зеленые огоньки.

Тогда он повернулся и заговорил по-английски, главным образом для пленников:

— Этой вещью со мной любезно поделились коллеги Домонкоша из службы национальной безопасности. — С этими словами он поднял радиопередатчик. — Этакий подарок, который поможет стереть наши следы, зато сотворит небольшой хаос, который в свою очередь поможет нам незаметно выскользнуть из Венгрии.

Пристально глядя на Такера, Чорба сунул передатчик в карман.

— А пока, как мне кажется, он послужит нам чем-то вроде страховки на тот случай, если ты задумаешь выкинуть какую-нибудь глупость. Одно нажатие кнопки, и Алица и Якоб навсегда останутся на этом кладбище.

Такера грубо подтолкнули к двери, а из нее — в холодную ночь. После яркого света внутри сторожки кладбище показалось ему еще темнее. Он осмотрелся по сторонам в надежде увидеть верного пса. Вдруг Кейн сумел спрятаться с пистолетом под машиной?

Проверить это можно было, лишь заглянув под брюхо седана. Сделав вид, как будто за что-то зацепился, Такер растянулся плашмя на земле. Домонкош мерзко хохотнул у него за спиной. Лежа на животе, Такер попытался увидеть, есть ли что-то под брюхом седана. Увы, там было темно, и он ничего не заметил.

Но главное, там не было Кейна.

В следующий миг чья-то рука схватила его за воротник и поставила на ноги.

— На этих пятнадцати акрах, — предупредил Чорба, — земля сплошь и рядом усеяна камнями. Этак недолго расшибить голову. Я бы советовал всем внимательно смотреть под ноги.

В его словах Такеру послышалась угроза.

Чорба повел их за собой, держа в одной руке фонарь, в другой — радиопередатчик. Такер шагал следом, за ним — все остальные. Их небольшая колонна медленно двигалась по заросшему плющом кладбищу. Тот буквально душил в своих объятиях любую поверхность, каждый камень. Его спиральные щупальца цеплялись за одежду. Сломанные ветви хрустели под подметками, словно хрупкие кости.

Они шагали вперед, и пляшущие огоньки фонариков выхватывали из темноты вещи пострашнее, нежели старые указатели на земле. Все чаще вокруг черными пастями зияли ямы, наполовину скрытые листьями или плющом, провалившиеся или разграбленные старые могилы.

Угроза это или нет, но Такер решил отнестись к словам Чорбы серьезно и внимательно следил, куда ставит ноги.

Позади него подручные профессора оживленно переговаривались о чем-то по-венгерски. Не иначе как обсуждали вопрос, как им потратить свою долю из 92 миллионов долларов. Профессор шел молча, погрузившись в задумчивость.

Такер воспользовался моментом, чтобы пощупать ларингофон и попытаться связаться с Кейном.

— Эй, приятель, ты слышишь меня?

Кейн притаился посреди притихшей своры.

Он истекает кровью, тяжело дышит, взглядом отпугивает других.

Никто не рискует подойти к нему ближе. Наконец самый первый осмелился подползти к нему на брюхе, негромко скуля в знак того, что признает поражение. На его шее

видны следы от клыков Кейна, однако он жив, он научился покоряться противнику, который одержал над ним верх. От него несет мочой и покорностью.

Кейн разрешает ему подползти ближе. Они трутся мордами, и Кейн разрешает ему подняться и занять свое место в стае.

Затем Кейн поворачивается. Схватка увела его от машины, от пистолета. Он смотрит перед собой, размышляя, что ему делать, когда в ухе раздается команда:

— Найди меня. Принеси пистолет. Прячься.

Теперь эта дикая территория принадлежит ему, и Кейн бросается к тому месту, откуда началась схватка. Он молча несется через заросли, неслышно ныряет в кусты, перепрыгивает через темные ямы, обходит камни.

Похоже, теперь ему принадлежит не только эта территория.

Тени неслышно следуют за ним.

Он не один.

Держа радиопередатчик, Чорба что-то выкрикнул по-венгерски. Он остановился рядом с плоским склепом, крыша которого была приподнята над землей не более чем на фут. Собственно говоря, склеп был почти не виден под толстым слоем полусгнивших листьев и перегноя, как будто земля вознамерилась поглотить его целиком.

Такеру протянули молоток и ломик. Он тотчас подумал, как лучше воспользоваться ими к собственной выгоде. Однако теперь у профессора в руках пистолет, причем направлен он в его сторону. Свои руки Чорба явно марать не собирается. Кроме того, в кармане у него радиопередатчик. Такеру вспомнился ужас, застывший на лице Алицы, безысходное горе в глазах ее отца.

Он не имеет права их подвести.

Ему остается одно: беспрекословно выполнять все приказы. И он взялся за работу наравне с остальными. Действуя

молотками и ломиками, они оторвали от стен каменную крышу. После чего перешли на одну сторону и, просунув в щель ломики, попытались приподнять мраморную плиту, как если бы это был канализационный люк. Задача казалась почти невыполнимой, однако спустя пару минут плита с хлопком оторвалась от земли. Из образовавшейся щели тотчас пахнуло серой — казалось, это на них из преисподней дохнул сам дьявол.

Один из троицы поспешно перекрестил лоб, как будто отгораживаясь от темных сил. Остальные — правда, не совсем искренне — отпустили в его адрес ехидные шуточки. Затем все с удвоенной энергией вновь принялись толкать и приподнимать крышку, чтобы сдвинуть ее с основания склепа.

Чорба подошел к ним с фонариком в руке и, направив луч вниз, с явным удовольствием выругался по-венгерски. Остальные разразились радостными воплями.

От стены склепа вниз, теряясь в темноте, уходили ступеньки.

Они нашли нужную им могилу!

Негромко прозвучали новые приказы.

Под дулами двух направленных в него пистолетов Такер был вынужден сесть на край соседнего склепа. Домонкош и Чорба, вооружившись фонариками, вместе спустились по ступенькам вниз, чтобы проверить, что там внутри. Вскоре они исчезли в темноте, лишь свет их фонариков жутковато мерцал в глубине разверстой могилы.

Терять Такеру было нечего. Он приготовился действовать и сидел, заведя руки за спину, всем своим видом давая понять, что готов к сотрудничеству. Притворившись, будто что-то бормочет себе под нос или молится, он полушепотом озвучивал в ларингофон команды.

Кейн, будь осторожен. Держись в тени, принеси пистолет.

Такер держал ладони за спиной открытыми и ждал.

Он глубоко и ритмично дышал, чтобы сохранить спокойствие. И зорко следил за темнотой из-за полуопущенных век.

Давай, Кейн.

Один из венгров неожиданно вскрикнул, и Такер увидел, как он нацелил пистолет на кусты. Из зарослей донеслось приглушенное рычание, слева мелькнула какая-то тень, хрустнула ветка. Затем тишину со всех сторон нарушил рык сразу нескольких собачьих глоток. В темноте замелькали какие-то тени.

Оба подручных Чорбы испуганно вытаращили глаза и что-то залопотали по-венгерски.

Их взяла в кольцо обитавшая на кладбище свора бездомных собак.

Затем Такер почувствовал, как его пальцев коснулось что-то холодное и влажное. Он испуганно вздрогнул. Но нет, все вокруг тихо. Потрогав у себя за спиной, он нащупал собачью шерсть. В следующую секунду ему в ладони легло что-то тяжелое.

Пистолет.

— *Молодец,* — прошептал он в ларингофон. — *Будь рядом.*

Похоже, Кейн успел обзавестись дружками.

Такер осторожно положил пистолет на могилу позади себя. Поскольку внимание охранников сейчас было прикован к собакам, он воспользовался этой возможностью, чтобы на ощупь проверить, крепко ли сидит в ухе Кейна приемник. Не хотелось бы в столь критические мгновения вновь лишиться преданного друга.

Нет-нет, только не сейчас.

Сейчас связь с псом — единственная его надежда.

Такер выключил устройство, затем вновь включил. Оставалось только надеяться, что этого окажется достаточно.

Спустя минуту его ухо наполнил треск статических разрядов, это означало, что все в порядке.

— *Спасибо, Кейн, а теперь возвращайся к своим друзьям и жди в темноте.*

Кейн тотчас юркнул в заросли. Его движение выдало лишь еле слышное царапанье когтей по мраморной плите. Еще минута, и стало тихо. Свора растворилась в темноте ночи.

Когда стало окончательно понятно, что опасность миновала, оба охранника стряхнули с себя страх и даже посмеялись, уверенные в том, что это собаки испугались их.

В ухе Такера звучало приглушенное дыхание Кейна. Затем он осторожно сунул пистолет за пояс и прикрыл его полой куртки.

Надо сказать, что он успел вовремя.

Потому что в следующий миг из склепа раздался крик, а свет фонариков сделался ярче. Затем из-под земли показалось лицо Домонкоша, который, сияя улыбкой от уха до уха, рявкнул, отдавая новые приказы. Такер был готов поклясться, что разглядел в его глазах блеск золота.

Неужели они и впрямь нашли пропавшее сокровище?

Такера заставили подняться на ноги и последовать за Домонкошом в глубь склепа. Из чего он сделал вывод, что для того, чтобы вытащить клад на поверхность, им нужны дополнительные рабочие руки. В сопровождении двух охранников Такер двинулся вниз по ступенькам.

Узкие ступени вели вниз от кирпичных стен, прорубленные в естественном камне. Досчитав до ста, Такер сбился со счета. Умолкли и следовавшие за ним охранники. Казалось, будто каменная толща давила на них тяжким гнетом, так же как и мечты об ожидающих их внизу сокровищах. Вскоре Такер слышал вокруг себя лишь сопение и эхо шагов. Где-то далеко внизу капала вода.

Отлично.

Наконец, освещаемый фонариком Чорбы, замаячил конец лестницы.

Дойдя до пещеры, Домонкош ступил в нее первым и, словно в приветственном жесте, развел руки, как будто приглашал гостей войти к себе в дом. Он вновь обрел голос и теперь весело перебрасывался словами со своими подчиненными.

Такер сделал несколько шагов внутрь. Размеры естественного склепа не могли не впечатлять: с потолка пещеры капала вода, свисали сталактиты, стены сплошь в известковых потеках. Интересно, подумал Такер, сколько евреев-рабов замучил до смерти оберфюрер СС Эрхард Бок, чтобы пробить тоннель в эту пещеру, и сколько еще людей потом нашли здесь свой конец, чтобы унести его тайну в могилу? И вот теперь, глядя на Чорбу, он подумал о том, как этот ученый, еврей по национальности, смог забыть трагическое прошлое своего народа и участвовать в краже золота, омытого кровью его безвестных соотечественников?

Профессор Чорба стоял рядом со штабелем ящиков, каждый размером примерно в кубический фут. Деревянную поверхность каждого украшала свастика.

Кстати, он уже успел вскрыть один, сняв его с самого верха. По полу были рассыпаны золотые слитки, каждый размером с упаковку масла.

Чорба повернулся к ним. Глаза его горели безумием.

Он заговорил, и все остальные начали что-то радостно выкрикивать.

Затем он снизошел до того, чтобы поделиться своей радостью с Такером.

— Эрхард Бок солгал, — заявил он с благоговейным трепетом в голосе. — Здесь не тридцать шесть ящиков, здесь их более *восьмидесяти*!

Такер мысленно произвел подсчет. Находка тянула на двести миллионов долларов.

Что ж, очень даже неплохо, если ради этого вы готовы убить нескольких ни в чем не повинных кладбищенских сторожей, доброго университетского профессора, его дочь — и это не считая моей скромной персоны. И кто поручится, что список жертв будет этим исчерпан?

Всё, он насмотрелся достаточно.

Такер вытащил пистолет и сделал три выстрела.

Три выстрела в голову.

На землю упали три тела. Последним был Домонкош. Этот падал с растерянным выражением на лице, как будто не верил в то, что происходит.

Четверых вывести наверх Уэйн не мог. Слишком рискованно. Но одного — того, кто стоял за всем этим, — вполне.

Чорба споткнулся о ящик и вытащил из кармана детонатор.

— Еще один шаг, и я нажму на кнопку!

Такер нарочно сделал шаг вперед — хотел проверить серьезность его намерений. Дрожащий палец профессора лежал на кнопке.

Затем, поморщившись, Чорба выполнил угрозу.

— Я вас предупреждал!

— Я почему-то не услышал никакого взрыва, — спокойно произнес Такер. — А вы?

Чорба нажал на кнопку еще несколько раз.

Такер шагнул к нему и вырвал из его рук детонатор, отключил и сунул себе в карман. Затем махнул пистолетом в сторону лестницы.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал профессор, но спорить не стал.

Такер не стал ему ничего объяснять. Как только Кейн принес пистолет, ему ничего не стоило пристрелить Домонкоша и двух его подручных еще наверху, однако он опасался, что, услышав выстрелы, Чорба может запаниковать и сделает то, что только что попытался сделать сейчас, — нажмет на кнопку.

Так что Такер был вынужден спуститься вниз.

Пройдя примерно четвертую часть ступенек, он потерял радиосвязь с Кейном. Собачье дыхание в ухе стихло. Это вселило в него уверенность, что на такой глубине передатчик Чорбы в равной степени бесполезен. Но, только спустившись вниз, Такер окончательно в этом убедился и, наконец, почувствовал себя в безопасности.

Наконец они вышли из склепа. Чорба попытался было нырнуть в заросли.

— *Кейн, останови его.*

Из зарослей навстречу профессору вышла какая-то тень и перегородила ему дорогу. В темноте сверкнули глаза, раздалось рычание. Затем по обе стороны материализовались другие силуэты. Тишину ночи, подобно далеким раскатам грома, прорезало рычание.

Чорба в ужасе отшатнулся, споткнулся о камень и полетел головой вперед в одну из открытых могил. Затем последовал глухой удар, а за ним — неприятный хруст.

Такер поспешил к открытой могиле и заглянул в зияющую яму. Профессор неподвижно лежал на глубине шести футов. Шея была неестественно вывернута. Судя по всему, местные привидения решили, что будет лучше, если он навсегда останется здесь, на кладбище.

Маячившие рядом с Такером тени, как будто по некоему неслышному сигналу, постепенно растворились в лесу, оставив после себя лишь шорох листьев.

К Такеру с виноватым видом подошел Кейн. Казалось, что пес за что-то стыдится.

Такер наклонился и взял собачью морду в ладони.

— Кто у нас хороший мальчик?

Тогда Кейн вытянул шею и прикоснулся холодным собачьим носом к носу Такера.

— *Правильно. Ты.*

Спустя полчаса Уэйн сидел в седане с разбитыми фарами. Мотор был выключен.

Он уже освободил Алицу и ее отца и поведал им обо всем, что произошло. Теперь они сами, если сочтут нужным, могут рассказать все властям — правда, без упоминания его имени.

Алица наклонилась и заглянула в открытое окно.

— Спасибо вам, — она поцеловала его в щеку. — Вы уверены, что не хотите остаться? Хотя бы на денек?

В ее голосе Такер услышал предложение. Увы, он знал: стоит ему остаться, как это тотчас все усложнит. У него имелось двести миллионов причин, почему он должен уехать.

— А как же вознаграждение? — спросила Алица.

Такер тотчас представил себе Чорбу, лежащего на дне могильной ямы с переломанной шеей.

— На этом золоте слишком много крови, — ответил он. — Если у вас найдется немного лишних денег... Я знаю, что в том лесу живут несколько бездомных собак. Им бы пригодилась еда, теплое место, где они могли бы провести ночь, и любящая семья.

— Я сделаю, чтобы так оно и было, — пообещала Алица. — Тем более разве не того же самого хочется всем нам?

Такер посмотрел на дорогу, что виднелась за кирпичной аркой.

Когда-нибудь — да, но не сегодня.

— До свидания, Алица, — сказал он и повернул ключ зажигания.

На сиденье рядом с ним Кейн ударил хвостом и высунул голову в окошко. Заурчал мотор, а в следующий миг пес испустил душераздирающий вой, словно прощался с братьями по крови.

Седан устремился вперед и выехал в арку.

Лес позади машины взорвался десятком собачьих глоток — тут был и лай, и вой. Собачьи голоса эхом перекликались среди деревьев, как будто пытались поскорее прогнать людей с кладбища.

Машина катила вперед, и сквозняк гонял по салону туристические буклеты. Похоже, ее прежний владелец мечтал о далеких путешествиях, на которые в числе прочего и намеревался потратить золото.

Одна листовка криво налипла на ветровое стекло. На ней были изображены пальмы и ослепительно-белый песчаный пляж.

Экзотическое название тотчас заставило вспомнить другое время, другую страну, другие мифы.

Занзибар.

Такер усмехнулся, а Кейн повилял хвостом.

Да, этого достаточно.

* * *

Так заканчивается приключение Такера и Кейна в Будапеште. Впрочем, впереди их ждет еще одно, когда в романе «Линия крови» они доберутся до Занзибара. Судьбоносная встреча с коммандером Пирсом из отряда «Сигма» сделает их участниками увлекательных событий, происходящих в разных уголках Земли. Новое приключение приведет к страшному научному открытию — *Бессмертные до сих пор живут среди нас.*

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС
РЕБЕККА КАНТРЕЛЛ

ГОРОД КРИКА

Рассказ

23 октября, 14 часов 09 минут
Кабул, Афганистан

Все началось с криков. Сержант Джордан Стоун снова прислушался к обрывку сигнала о помощи, поступившему в управление военного командования в Кабуле в 4:32 утра. Опершись локтями на обшарпанный серый стол и прижав ладонями к ушам огромные наушники, он пытался в очередной раз уловить истинный смысл записи.

Ланч, состоявший из местного лаваша и кебаба из телятины, остался нетронутым, хотя в воздухе по-прежнему стоял густой запах карри и кардамона, усугубляя тошноту, накатившую на него, пока он вслушивался в запись сигнала тревоги. Стоун сидел один в маленькой комнатушке без окон в одноэтажном неприметном здании Афганской академии криминалистической техники, на краю авиабазы Баграм неподалеку от Кабула.

Однако мыслями Джордан Стоун был не здесь, с головой погрузившись в записанные на кассету звуки стрельбы. Он закрыл глаза и весь обратился в слух, в четырнадцатый раз прослушивая запись. Сначала крики, затем лихорадочная скороговорка.

— *Они возвращаются... помогитепомогитепомогитенам!..*

Звук то пропадал, то возвращался, но от этого страх и паника этих простых слов не делались менее явственными.

За криком последовал треск стрельбы — отчаянной, нерегулярной, неконтролируемой, отдававшейся эхом, — прерываемый новыми душераздирающими криками. Но более всего — от этого дыбом становились волоски на руках — пугала последовавшая за этим тишина, мертвый эфир, который продолжал транслировать радиопередатчик. Через полные две минуты прозвучала одна-единственная фраза, искаженная, неразборчивая, как будто губы говорящего были прижаты слишком плотно к микрофону. Почему-то именно эта интимность разозлила сержанта больше всего.

Джордан потер глаза и снял наушники. Было ясно, что в эти предутренние часы ситуация там закончилась скверно. Так что никаких сомнений не оставалось — их группе нужно срочно отправляться туда. Сержант Стоун и его люди работали на Объединенную экспедиционную судебно-медицинскую службу, расквартированную за пределами Кабула. Его команда обслуживала военных, занимаясь криминалистическим осмотром мест преступления. Джордан и его товарищи собирали улики на подозреваемых в терроризме, проверяли и обезвреживали самодельные взрывные устройства, уничтожали подозрительные мобильные телефоны, найденные на местах сражений или в засадах.

Если возникала какая-то тайна, то ее разгадку поручали именно им. И его парни отлично выполняли свою работу. Они разгадают и эту загадку.

— У меня есть дополнительные сведения, — сообщил, входя в комнату, специалист Пол Маккей и опустился на металлический стул, который угрожающе скрипнул под его внушительным весом. Маккей был на голову выше Джордана и на целое брюхо толще, но свое дело знал хорошо и был взят в отряд из отдела артиллерийско-технической службы. Умный и хладнокровный. — Запись поступила из лагеря археологической экспедиции, работающей в Бамианской долине. Четверо мужчин и одна женщина. Все американцы. Командование отправило туда отряд рейнджеров для их ох-

раны. У нас есть всего час времени, чтобы решить, что мы можем там сделать, после чего должны отправиться туда.

Джордан кивнул. Он привык к таким событиям, они ему даже нравились. Это заставляло его постоянно быть в форме, не давало излишне углубляться в собственные мысли.

— Хочу еще поработать над этой записью. Вы с Купером собирайте все необходимое и готовьтесь к вылету. Встретимся возле вертолета.

— Будет сделано, сержант, — ответил Маккей и, быстро отдав честь, встал и поспешил к выходу.

Джордан еще раз прослушал загадочную фразу в конце записи, затем позвал переводчиков. Толку от них оказалось никакого. Никто не смог даже определить язык, на котором эта фраза была произнесена. Не признал его и местный, афганец. Один из переводчиков даже заявил, что это вообще не человеческая речь, а звуки, издаваемые каким-то животным.

Кто-то быстро отыскал британского историка и археолога, профессора Томаса Этертона, работавшего с археологической экспедицией в Бамиане, и привез его к Джордану. Крепкий для своих шестидесяти лет, этот ученый приехал в Кабул двумя днями ранее, чтобы ему загипсовали сломанную руку. Прослушав запись с криками, профессор побледнел и провел здоровой рукой по аккуратно подстриженным седым волосам.

— Думаю, что это мои коллеги, но я не уверен до конца. Я никогда не слышал, чтобы они так кричали. — Его передернуло от отвращения. — Что могло заставить их так жутко кричать?

Джордан протянул ему пластиковый стаканчик с водой.

— Наш вертолет, полный рейнджеров, сейчас находится на пути к ним. Они спешат к ним на помощь.

Профессор посмотрел на него с таким видом, как будто точно знал, что помощь непременно опоздает. Он поправил на переносице очки в проволочной оправе и ничего не сказал. Когда же Этертон поднял стаканчик, его пальцы дро-

жали так, что вода расплескалась на стол. Он поставил его обратно, громко стукнув гипсом о столешницу.

Джордан дал ему минуту, чтобы успокоиться. Известие о смерти коллег сильно ударило по нему, чего, собственно, и следовало ожидать. Ничего удивительного. Естественная реакция.

— Последняя фраза. — Джордан перемотал запись и нашел последнюю, произнесенную шепотом фразу. — Вы узнаете этот язык?

Он воспроизвел ее еще раз.

Мускул под глазом профессора заметно дернулся.

— Быть того не может!

Он схватился за край стола обеими руками, как будто опасаясь, что его унесет порывом ветра. Что бы это ни было, оно явно напугало его сильнее жутких криков.

— Чего не может быть? — уточнил Джордан.

— Бактрийский, — прошептал профессор одно-единственное слово и еще крепче вцепился в стол — так, что костяшки его пальцев побелели.

— Бактрийский? — удивился Джордан. Он слышал о бактрийских верблюдах, но о бактрийском языке — никогда. — Что это, профессор?

— Бактрийский, — подтвердил ученый и с сомнением посмотрел на наушники, как будто они могли ввести его в заблуждение. — Исчезнувший язык Северного Афганистана, один из наименее изученных среднеиранских диалектов. На нем никто не говорит... вот уже несколько столетий.

Странно. Значит, кто-то напал на группу археологов и оставил загадочное послание на древнем языке. Или это было послание, оставленное последним оставшимся в живых человеком? Впрочем, для себя Джордан не видел особой разницы, поскольку это не походило на стандартное нападение террористов.

— Вы можете сказать мне, что это значит?

Не поднимая глаз от столешницы, Этертон ответил:

— Девочка. Это означает: «Девочка наша!»

Вот это уже страннее некуда.

Джордан обеспокоенно поерзал на стуле. Были ли эти последние слова угрозой? Неужели они означают, что один из членов археологической экспедиции — женщина — все еще жива, может быть, захвачена в качестве заложницы и подвергается пыткам? Несколько лет назад он бы удивился тому, кто мог сделать такое, но теперь ответ у него имелся. Когда дело касалось группировок «Талибана» или мятежников из числа местных племен, он уже ничему не удивлялся. Что не могло не беспокоить.

Каким же ветром парнишку с фермы в Айове занесло в Афганистан, где он теперь занимается расследованием убийств? Джордан знал, что внешне он по-прежнему типичный уроженец сельской местности. Светлые волосы, голубые глаза, квадратная челюсть. Не нужно было смотреть на звездно-полосатый флажок эмблемы, пришитой к плечу его камуфляжной формы, чтобы понять: Джордан Стоун — американец. Но если присмотреться ближе к шрамам на теле, если поймать на себе его пристальный взгляд, — нетрудно заметить совершенно иную сторону его натуры. Неизбежно возник бы вопрос: вписался бы он снова в пшеничные поля родной фермы? Если он, разумеется, когда-либо вернется в отчий дом...

— Сколько женщин находилось на археологической площадке? — уточнил Джордан.

Открылась дверь, и в проеме появилась голова Маккея. Он указал пальцем на запястье. Пора. Времени в обрез.

Джордан поднял руку, призывая его пару минут подождать.

— Профессор Этертон, сколько женщин находилось на археологической площадке? — повторил он вопрос.

Профессор довольно долго молча смотрел на него, прежде чем ответить.

— Трое. Шарлотта... то есть я имею в виду доктора Бернстайн из Чикагского университета. Местная женщина, повариха, она готовила для нас пищу. И ее дочь. Маленькая девочка. Если не ошибаюсь, лет десяти.

У Джордана похолодело внутри, стоило ему подумать о том, что маленькая девочка могла попасть в ситуацию, которая, судя по всему, закончилась кровавой резней. По идее, он должен был испытать ярость. Стоун попытался найти в себе это чувство, однако обнаружил лишь разочарование и усталость.

Неужели я стал таким толстокожим?

23 октября, 16 часов 31 минута
Бамианская долина, Афганистан

Джордан выглянул из иллюминатора вертолета на простиравшуюся внизу долину, похожую на дно чаши в окружении горных хребтов с покрытыми снегом вершинами. Долина протянулась на тридцать миль и являла собой оазис пахотных земель и овцеводческих хозяйств, примостившийся среди остроконечных пиков Гиндукуша. Хотя перелет над горами занял совсем немного времени, казалось, будто Кабул остался на расстоянии миллиона миль от этой забытой богом долины.

Они облетели безлюдную деревушку, в которой археологи устроили свой лагерь. Деревушка представляла собой скопление десятка глинобитных строений, часть которых была крыта соломой, часть — листами ржавого железа. Некоторые зияли голыми крышами. Похоже, что до приезда археологов здесь никто не жил вот уже несколько лет.

Мохнатыми хлопьями падал густой снег, закрывая последние оставшиеся на земле следы и возможные улики. Джордан нетерпеливо поерзал на сиденье. Протяни они еще немного, и делать им здесь будет нечего. Кроме того, примерно через полчаса солнце сядет, лишив их нормального освещения.

Наконец вертолет совершил посадку, и Джордан вместе со своей командой, которая теперь включала в себя профессора Этертона, направились к тому месту, которое рейнджеры определили как место убийства. Ученого Джордан взял с

собой на тот случай, если им понадобится переводчик с бактрийского. Или тот, кто опознает тела погибших археологов. Он надеялся, что профессор справится с задачей. Этертон заметно нервничал, причем еще сильнее, чем раньше, и постоянно трогал край своего гипса.

Джордан осторожно обошел по периметру жуткое место преступления. Выраставший буквально на глазах слой снега и бесчисленные отпечатки ног, бездумно затоптавших все кругом, уже безвозвратно похоронили детали преступления, однако оказались бессильны скрыть кровь. Ее было слишком много. Брызги крови были видны на полуразрушенных стенах домов по обеим сторонам грязной улицы. Под ногами пятна сливались в рыжевато-красную тропу, уводившую прочь из деревни, — как будто некое божество, обмакнув в кровь палец, прочертило по снегу красный след. Судя по всему, то же самое божество похитило и тела жертв, оставив лишь следы недавнего кровопролития. Но куда же все-таки делись тела убитых? Куда их забрали? И почему? И как?

Джордан смотрел на пушистые хлопья снега, падавшие со стремительно темнеющего неба. Скоро окончательно опустятся сумерки.

— Рассматривайте всю деревню как место преступления, — обратился он к двум своим коллегам. — Даю вам задание полностью ее огородить. Не хочу, чтобы сюда кто-то ступил хотя бы ногой, пока мы с вами все не выясним.

— Закрываем дверь сарая после того, как лошадь сбежала? — пошутил Маккей и, потопав окоченевшими ногами, плотнее натянул на широких плечах пуховик. Затем указал на след башмака, отпечатавшийся в луже крови. — Похоже, тут кто-то забыл разуться.

Джордан узнал отпечаток подошвы ботинка армейского образца. Значит, это постарались свои. Место преступления затоптано рейнджерами, несколько часов назад блокировавшими долину до прибытия команды Джордана.

— Тогда давай извлечем из этого урок и больше не будем здесь ничего затаптывать, — предупредил его Джордан.

— Понял. Он легкий, как перышко, — вступил в разговор второй коллега, специалист Мэдисон «Бешеный Пес» Купер. Хлопнув одной огромной черной рукой Маккея по плечу, второй он насмешливо погладил его заметное брюшко. — Но это может стать проблемой для нашего друга. В Кабуле он больше времени проводит в столовой, в очереди за жрачкой, чем в спортзале.

Маккей оттолкнул его.

— Дело не в весе. Дело в технологии.

— Я возьму на себя северную сторону, — фыркнул Купер. — Ты займешься южной.

Маккей кивнул, закинул повыше на плечо рюкзак и вытащил из чехла цифровой «Никон», чтобы фотографировать место преступления.

— Тот, кто первым откопает стоящую улику, ставит всем по кружке пива, когда мы вернемся в Штаты.

— А не много ли кружек пива в твоем брюхе? — подначил его Купер.

Джордан проследил за тем, как коллеги, согласно процедуре, разошлись в разных направлениях. Им предстояло прошерстить окраину деревушки на предмет возможных улик, будь то следы шин, следы ног, брошенное оружие — короче, все, что позволило бы установить личности нападавших. Каждого его сотрудника сопровождало по офицеру афганской полиции — Азар и Фаршад были практикантами-криминалистами из Афганской полицейской академии.

Джордан прекрасно понимал: за взаимным добродушным подшучиванием обоих его коллег скрывается тревога. Он читал ее в их глазах. Сложившаяся ситуация не нравилась им даже больше, чем ему самому. Забрызганное кровью место преступление, тела убитых, исчезнувшие неизвестно куда, как будто они бесследно испарились...

— Зачем вообще здесь кто-то когда-то поселился? — пробормотал он, не ожидая ответа на свой вопрос.

— По всей видимости, именно изолированность этого места от всего мира в свое время и привлекла сюда буддийских

монахов, — произнес стоявший у него за спиной профессор Этертон. Джордан практически забыл о его присутствии.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Стоун, расчехляя свою видеокамеру. Если снег не растает, то отснятые им кадры станут единственным свидетельством разыгравшейся здесь трагедии. Он набросал мысленную сетку и, подойдя к самому краю, снял перчатки, чтобы было удобней вести съемку. — Оставайтесь у меня за спиной, не отходите ни на шаг и, пожалуйста, держитесь в стороне от места преступления.

Этертон с шумом втянул через нос воздух и огляделся по сторонам, как будто опасаясь упустить какую-нибудь деталь. Когда он заговорил снова, его голос, казалось, вот-вот сорвется на фальцет.

— Вся эта долина была для буддистов священной. Они построили здесь огромный монастырский комплекс, вырыли в скалах множество пещер для медитации и целый лабиринт ходов сообщения. Стены этих пещер до сих пор украшают самые ранние из известных науке образцов масляной живописи.

— Ммм, — пробормотал в ответ Джордан и отрегулировал камеру на низкий уровень освещенности — хотелось запечатлеть по возможности все детали.

Профессор же перевел взгляд на скалы и заговорил снова. Казалось, он обращается с лекцией к аудитории. Голос его звучал монотонно, как будто речь была заучена наизусть.

— Много веков назад монахи высекли в скалах гигантские изображения Будды. Если вы приглядитесь внимательнее, то, возможно, заметите ниши, в которых они когда-то располагались.

Джордан посмотрел на далекие желтые скалы, однако сумел разглядеть лишь темные выемки — по всей видимости, тоннели и пещеры, — а также исполинские проходы под арочными сводами, те самые ниши, о которых говорил ученый.

— Статуи Будды, уничтоженные талибами в 2001 году, — продемонстрировал он свою осведомленность, вспомнив вопиющий случай, потрясший своей жестокостью весь мир.

— К сожалению, это так. Талибы явились сюда с танками и бомбами и взорвали знаменитые статуи, объявив их оскорблением ислама. — Этертон, не отрываясь, смотрел на скалы, лишь бы не смотреть на разбрызганную повсюду кровь. Кровь, которая могла быть его кровью. Он заговорил снова, все тем же высоким, монотонным фальцетом. Джордану почему-то послышалось в нем нечто зловещее. — Все, что осталось от бывших колоссов, — эти самые пустые ниши, в которых теперь лежат груды каменных обломков. Такое ощущение, будто над всей долиной нависло проклятие.

Джордан отметил, что взгляд профессора переместился со скал на высокую гору над деревней. Ее темная громада отбрасывала на место преступления зловещую тень. Стоун сумел разглядеть каменные стены, обломки древних парапетов и развалины башен. Все это напомнило ему детский замок из песка, который кто-то задел ногой и разрушил. Поверхность камня была изъедена ветрами, дождем и снегом. Воздействие стихий сделало свое дело: крепость превратилась в собственную бесформенную копию, груды камня и песка, в которых лишь смутно угадывались ее былые очертания.

— Если долина действительно проклята, — продолжал Этертон, — то существует источник проклятия. Мусульмане назвали эти руины Мао Балег, что означает Проклятый Город.

Его слова разбудили в Джордане любопытство и, что греха таить, страх. Было что-то в этом месте такое, что лишало его присутствия духа, и это притом, что сержант был далеко не робкого десятка.

— Что случилось с городом? — поинтересовался он у профессора, продолжая вести съемку. Дополнительная фоновая информация не помешает.

— Измена и убийства. Но, как и большинство подобных преданий, все началось с трагической любви двух молодых людей. — Профессор замолчал, как будто рассчитывая услышать ответ Джордана.

Увы, у того не было времени, чтобы поддакивать Этертону. Сержанту нужно было торопиться. Над долиной стре-

мительно сгущались сумерки, а завтра все вокруг скроет выпавший за ночь снег. Ему была ненавистна мысль о том, что придется заканчивать расследование в темноте, ведь они наверняка что-то упустят.

— Когда-то этот город славился как один из богатейших во всем Афганистане. — Закованной в гипс рукой профессор указал на развалины. — Он был не только центром монашества, но и служил важным перевалочным пунктом для торговых караванов, проходивших по Шелковому пути из Центральной Азии в Индию. Чтобы защитить это богатство, царь династии Шансабани по имени Джалалудин возвел эту крепость. Почти целое столетие она считалась неприступной, а в ее стенах проживало до ста тысяч человек. Легенды гласят, что она была вся пронизана потайными подземными ходами, благодаря которым защитники цитадели могли бы наносить удары по неприятелю. Имелся даже подземный источник, запасы воды из которого позволяли выдержать продолжительную осаду.

— Почему же все так плачевно закончилось? — задал вопрос Джордан. Похоже, эти стены пали довольно давно. Он навел фокус на кровавую кляксу, в скверном освещении пытаясь выжать из снимка максимум.

— Чингисхан. Монгол по происхождению, он хотел подчинить себе эту долину. Поэтому он отправил на переговоры к защитникам крепости своего внука, чтобы тот договорился с ними о ее мирной сдаче. Однако молодого человека убили. После этого Чингисхан повел свои войска на захват долины, поклявшись вырезать всех до единого обитателей крепости за их неповиновение. Однако когда он вошел в долину, то захватить цитадель все равно не смог.

Продолжая вести видеосъемку, Джордан осторожно шагнул вперед.

— Должно быть, он все-таки нашел какой-то способ. Вы что-то сказали об измене...

Бесстрастный голос ученого зазвучал дальше.

— Это была история любви. Дочь местного царя за несколько месяцев до начала осады влюбилась в некоего юношу. Однако отец отказался дать согласие на их брак, не одобрив ее избранника, и даже велел отрубить ему голову, когда влюбленные попытались тайно сбежать. Разъяренная и безутешная в своем горе, девушка покинула цитадель и под покровом тьмы пришла в стан Чингисхана. Желая отомстить за смерть любимого, она показала монголам тайные ходы в крепость и выдала Чингисхану, где находится подземный источник воды.

Джордан слушал рассказ Этертона, что называется, вполуха, пытаясь заснять как можно больше деталей. Его усилия были не столь скрупулезны, как ему самому хотелось бы, однако видимость стремительно ухудшалась с каждой минутой. Закончив съемку одной стороны улицы, он перешел на другую, вытер снежинки с объектива и принялся делать новые кадры. Этертон с минуту постоял молча, а затем заговорил снова, как будто не останавливался вовсе.

— И после того, как Чингисхан пробил эти стены, он сделал то, что обещал. Он убил всех жителей города, более ста тысяч человек. Но на этом он не остановился. Говорят, он уничтожил даже всех животных на полях. Именно эти черные дела и снискали городу его нынешнее название. — Профессора невольно передернуло. — Шар-э-Голгола. Город Криков.

— А что случилось с дочерью здешнего царя? — спросил Джордан. Было видно, что ученый — нервный рассказчик. Древняя легенда понадобилась ему лишь затем, чтобы отвлечься от суровой реальности того ужаса, что случился с его коллегами.

— Чингисхан зарубил девушку мечом за то, что она предала родного отца. Существует поверье, будто ее останки, вместе с останками других обитателей крепости и животных, до сих пор погребены под тем холмом. Но до сегодняшних дней они так и не были обнаружены. — Профессор посмотрел на кровавый след, протянувшийся к расщелине горы

в нескольких сотнях ярдов от них, и растерянно заморгал. Его нервный фальцет перешел в умоляющий шепот. — Но мы были близки к находке. Предполагалось, что до наступления зимы мы проделаем большую работу. Иного выхода у нас не было. Нужно было отыскать какие-нибудь древние артефакты, извлечь их из земли и переправить в безопасное место, прежде чем их постигла бы участь статуй Будды. Мы должны были работать как можно быстрее, чтобы откопать их. Чтобы спасти их.

— Скажите, на ваших коллег могли напасть по той причине, что они что-то отыскали за те последние две недели, когда вы отсутствовали? Может быть, они нашли какое-нибудь сокровище? Древний клад?

— Это невозможно, — решительно отмел это предположение профессор. — Если легенды об этом месте соответствуют действительности, то Чингисхан дочиста разграбил крепость, прежде чем ее разрушить. Мы не нашли здесь ничего ценного, за что можно было бы убить моих коллег. Однако суеверные местные племена не хотели, чтобы мы тревожили огромный курган, в котором были захоронены их далекие предки. Здесь в ходу всевозможные истории о призраках, джиннах, проклятиях, и они боялись, что мы разбудим дремлющее здесь зло. Возможно, это мы нечаянно и сделали.

— Меня больше тревожат наши живые, чем трупы наших врагов, — раздраженно фыркнул Джордан.

Слава богу, что их охраняют рейнджеры. Стоун не доверял ни профессору, ни местным жителям; не доверял даже своим подопечным, практикантам-афганцам. В этих краях лояльность понятие непостоянное, и все может измениться в считаные секунды. Доверия нет никому. Черт побери, царь Шансабани лишился царства из-за предательства собственной дочери!

Сержант отвернулся от развалин и посмотрел на пару вертолетов «Чинук CH-47», стоявших примерно в километре от них, на краю соседнего городка Бамиан. На лопастях пропеллера уже лежал снег. Вместе с рейнджерами была группа

дознавателей, которые опрашивали местных жителей. Этой ночью, похоже, отдыхать не придется никому.

Джордан выключил видеокамеру. Отснятые кадры он изучит завтра; сейчас же ему хотелось поразмышлять, как говорится, прочувствовать это место. Что он мог бы сказать о нем? Кто-то напал на археологов и убил с невиданной, звериной жестокостью. Повсюду кровь. Похоже, что убийцы пустили в ход ножи, а не огнестрельное оружие. Кровь расплескалась дугой брызг, как будто фонтаном била из колотых ран, а не вытекала отдельными крупными каплями, как это бывает при пулевых ранениях. Впрочем, количество крови мало что объясняло.

Кто это сделал? И почему?

Неужели талибы оскорбились в своих лучших религиозных чувствах из-за ведущихся здесь раскопок? Или это какие-нибудь негодяи из города захватили археологов в плен, рассчитывая получить за них выкуп? Или, может, профессор все-таки прав и суеверные местные жители убили ученых из опасений, что те могли потревожить дремлющие под землей силы зла? Джордан надеялся, что рейнджерам повезло больше, чем его группе. Он продолжал задавать себе вопросы, ответы на которые ему совсем не нравились.

Холодный туман становился все гуще, а снегопад — сильнее, медленно покрывая белым покрывалом окружающее пространство. Джордан уже не мог разглядеть ни вертолеты, ни очертания домов далекого Бамиана. Даже соседние руины Шар-э-Голголы почти полностью скрылись в туманной мгле, превратившись в неясные очертания гор битого камня. Казалось, будто весь мир сжался до размеров этой крошечной деревушки. И ее жутких тайн.

Профессор Этертон снял перчатку и наклонился, чтобы поднять что-то с земли.

— Стойте! — крикнул Джордан. — Это все еще место преступления!

Ученый указал на клочок зеленой ткани, примерзший к луже крови.

— Это куртка Шарлотты, — произнес он дрожащим голосом. — Ее куртка.

Джордан поморщился. О господи, как же много бессмысленных, варварских способов отнять человеческую жизнь!

— Извините, профессор Этертон.

Джордан перевел взгляд с испуганного лица ученого на свои собственные руки. Его правая машинально покручивала на пальце золотое обручальное кольцо. Дурная привычка. Он всегда крутит его, когда сильно нервничает. Джордан оставил кольцо в покое.

Откуда-то слева донеслись тяжелые шаги, быстрые и решительные. Выхватив оружие, пистолет-пулемет «Хеклер и Кох МП7», Джордан обернулся. Из тумана вынырнула фигура Пола Маккея, следом за ним появился практикант-афганец Азар.

— Сержант, посмотри на это!

Джордан сунул «Хеклер» в наплечную кобуру и жестом подозвал к себе Маккея.

Прикрывая массивным телом дорогой фотоаппарат, чтобы на него не попал снег, капрал подошел ближе.

— Я щелкнул вот эти следы.

— Следы ног?

— Нет. Вот, посмотри!

Сержант наклонился и посмотрел на крошечный цифровой экран видеокамеры. На свежевыпавшем снегу были отчетливо видны кровавые следы.

— Это чьи-то лапы?

Маккей показал еще несколько снимков и даже увеличил один из них.

— Явно какого-то животного. Может, это волк?

— Не волк, — влез в разговор Азар на плохом английском. — Снежный барс.

— Снежный барс? — переспросил Маккей.

Азар подошел ближе и кивнул.

— Снежные барсы живут здесь тысячи лет. Когда-то давно они были даже на гербе местного царя. Теперь их осталось

совсем мало. Может, всего несколько сотен. Они нападают на овец и коз здешних крестьян. Но на людей — никогда. — Афганец почесал бороду. — Мало дождей в этом году, ранняя зима. Наверно, они спустились сюда с гор за едой.

Что ж, это была не такая уж большая угроза, в отличие от прочих, которые до этого приходили на ум Джордану. Он испытал некоторое облегчение при мысли о том, что на археологов могли напасть дикие звери. Справиться с животными будет проще, чем с людьми. У снежных барсов нет оружия, их не станут укрывать местные жители. Такая версия также легко объясняла жесткость нападения, обилие крови и отсутствие стрельбы. Неужели это действительно были хищники?

Джордан выпрямился и покачал головой.

— Мы не знаем, кто именно убил археологов, дикие кошки или же люди. Барсы могли появиться здесь позже, чтобы полакомиться свежатиной. Может, именно поэтому мы и не нашли тел. Они утащили их туда, где обитает их прайд...

— Стая снежных барсов, — поправил его Маккей, даже больший сторонник точности, чем Джордан. — Прайды бывают только у львов.

Этертон слегка поежился.

— Если дикие кошки утащили тела, то они наверняка бродят где-то недалеко. — Он указал закованной в гипс рукой в сторону развалин. — Там имеется множество тайников. А еще земля там буквально нашпигована противопехотными минами — наследие нескольких десятилетий войны. Если будете ходить среди развалин, советую вам проявлять осторожность.

— Замечательно, — сыронизировал Маккей. — Мало нам проблем с барсами-людоедами. Нам только противопехотных мин не хватает.

У Джордана имелись карты местности, на которой были отмечены заминированные участки. Впрочем, в данный момент он не горел желанием отправляться на поиски тел в этот жуткий лабиринт — особенно в темноте, — хотя и понимал, что этим рано или поздно придется заняться. Любые улики,

способные помочь им в разгадке гибели археологов, по всей видимости, кроются в самих мертвых телах. Но только это не барсы. Барсы не шепчут на древних языках. Так что эти слова были произнесены либо жертвой, либо убийцей. Нужно срочно уходить. Чем дольше они будут ждать, тем меньше проживут те, кто остался в живых, и тем скорее они смогут поймать тех, на чьей совести это кровавое преступление.

— Какого размера эти кошки? — уточнил Стоун.

Азар пожал плечами.

— Большие. Я слышал, самцы весят до восьмидесяти килограммов.

Джордан мысленно перевел килограммы в фунты.

— Это примерно сто семьдесят пять фунтов.

Жутковато, но бывает и хуже.

Маккей хмыкнул в знак несогласия.

— Тогда лучше посмотри на это, — произнес он и показал Джордану еще один снимок с изображением отпечатка лапы, рядом с которым он для сравнения положил «четвертак» — монетку в двадцать пять центов. Джордану впервые стало по-настоящему страшно. Наверно, точно в таком же страхе когда-то прятались от ночных хищников в пещерах их далекие предки. Он прикинул — отпечаток лапы никак не менее восьми дюймов в ширину, то есть размером с небольшую обеденную тарелку.

— Я нашел целую цепочку следов, — сообщил Маккей, указывая на цифровой дисплей.

Показ снимков он завершил изображением еще одного следа лапы. Опять-таки рядом был положен «четвертак». Этот след был размером поменьше, хотя и не намного. Однако он точно принадлежал второй особи.

— Значит, там, по меньшей мере, бродят две дикие кошки, — подытожил Джордан.

— И обе будут весом побольше ста семидесяти пяти фунтов, — добавил Маккей. — По моим прикидкам, как минимум раза в два. Размером с африканского льва.

Джордан посмотрел на окутанные туманом развалины, и ему на ум пришла история про двух африканских львов по кличке Призрак и Ночка, которые на стыке столетий терроризировали Кению. Считается, что эти два хищника убили более сотни людей. Действуя, как правило, глубокой ночью, они вытаскивали своих жертв из палаток.

— Нам понадобится больше огневых средств, — произнес Маккей, как будто прочитав мысли Джордана.

К несчастью, их группа прибыла сюда налегке, имея всего по одной единице оружия на человека. Они рассчитывали прилететь в деревушку и вернуться обратно на базу еще засветло; кроме того, полагались на занявших позиции по периметру долины рейнджеров, видя в них надежную защиту. Увы, так было до того момента, как они прибыли сюда...

Треск радиопомех в передатчике заставил Джордана и Маккея встрепенуться. Поморщившись, словно от зубной боли, они схватились за наушники. Это был Купер.

— Заметил какое-то движение, — доложил он. — В деревне. Засек шевеление в одном из окон.

— Оставайся на связи! — приказал сержант. — Мы идем к тебе. И остерегайся снежных барсов. Возможно, мы тут не единственные.

— Вас понял. — Голос Купера прозвучал скорее раздраженно, чем испуганно. Но ведь он не видел следов лап. Затем Купер уточнил свое местонахождение, и Джордан повел группу на дальний край деревни.

Он нашел Купера и Фаршада возле груды камней, где те сидели, пригнувшись, чтобы не открывать себя вероятному противнику. За ними возвышались развалины Шар-э-Голголы. При мысли о том, что придется занять позицию спиной к этому древнему горному некрополю, Джордану стало слегка неуютно.

— Вот здесь, — произнес Купер и указал на небольшую глинобитную хижину под соломенной крышей, припорошенной снегом. Дверь была закрыта, но окно располагалось как раз напротив них. — Там точно кто-то есть.

— Может, ты просто испугался теней? — предположил Маккей. — Рейнджеры прочесали здесь каждый дом и ничего не нашли.

— Это вовсе не значит, что никто не мог прокрасться сюда после того, как они пошли дальше, — возразил Купер и повернулся к Джордану. — Клянусь, что видел, как в окне мелькнуло что-то белое. Но это был не снег и не клочья тумана. Что-то плотное. Точно тебе говорю.

Маккей показал ему фотоснимки с отпечатками гигантских лап. Купер пригнулся еще ниже и выругался.

— Я не вызывался на роль охотника на сафари. Говорю на тот случай, если тут бродит огромный лев...

— Барс, — поправил его Маккей.

— Да плевать мне на то, кто он такой, если у него есть зубы и он обожает человечину. Пусть начнет со сладкой задницы Маккея.

— Что же, пускай с нее, — согласился Маккей, — тем более что теперь нам доподлинно известно, что здесь бродят, по меньшей мере, две такие киски, а профессор считает, что они залегли вон на той горке позади тебя.

Купер посмотрел через плечо и снова выругался.

Джордан поспешил успокоить подчиненных.

— Купер и Фаршад, оставайтесь здесь с профессором. Мы с Маккеем и Азаром проверим этот дом.

Двигаясь практически бесшумно по свежевыпавшему снегу, Джордан, держа в руке «Хеклер», повел своих людей к указанному дому. Он был уверен в том, что огневой мощи его оружия будет достаточно против любого, кто может прятаться в доме. И все-таки внимательно оглядывался по сторонам, сожалея о том, что у них мало боеприпасов.

Азар взял под прицел окно, а Джордан с Маккеем подошли к двери. Они скользнули на другую сторону и приготовились ворваться в дом. Джордан оглянулся на товарища. Капрал молчаливым кивком подтвердил готовность.

По сигналу сержанта Маккей шагнул вперед и пинком распахнул дверь. Та с громким скрипом распахнулась. При-

гнувшись, Джордан вбежал внутрь, держа оружие на уровне плеча. Маккей, подстраховывая его, взял помещение под прицел. Дом являл собой одну-единственную комнату, все убранство которой составляли небольшой стол, сложенная из камней печка в углу и два лежака из соломы — один большой, а второй поменьше. Пусто. Как и сообщили прочесавшие деревню рейнджеры. Купер ошибся, подумал Джордан с досадой и облегчением одновременно. Он должен был это предвидеть...

— Не двигайся, сержант! — произнес стоящий у двери Маккей.

Уловив в голосе капрала тревогу, Джордан застыл на месте.

— Медленно посмотри наверх на точку в восемь часов.

Почти не двигая головой, Джордан поднял глаза. Его взгляд скользнул по глинобитной стене туда, где та смыкалась с соломенной крышей. Наполовину скрытая стропилами, на него сверху сверкнула пара глаз, как будто горящих внутренним огнем. В безмолвной комнате зашуршала солома — это таинственный наблюдатель зарылся еще глубже в своем гнезде. Идеальный тайник. Гниловатый запах соломы маскировал все другие запахи. Разумно.

Джордан сунул «Хеклер» обратно в кобуру и поднял вверх голые руки.

— Все в порядке, — тихо и спокойно произнес он, как будто успокаивая пугливого, норовистого жеребенка. — Тебя никто не обидит. Спускайся.

Сержант не знал, понимают ли его слова, однако надеялся, что тон и миролюбивое поведение делают его намерения доступными для понимания.

— Почему бы тебе не...

Нападение последовало немедленно. Загадочное существо соскользнуло со стропил вниз, обрушив на Маккея облако сухой соломы. Пистолет-пулемет в руке капрала дернулся вверх.

— Не стрелять! — рявкнул Джордан и вовремя подхватил слетевшую вниз фигурку. У себя дома в Айове он вырос вместе с целым выводком сестер и братьев, теперь же у него имелось множество племянников и племянниц. Хотя собственных детей у него не было, он сердцем угадал это простое желание. Оно не ведало ни языковых барьеров, ни государственных границ. Ребенок, которому нужны забота и ласка.

Детские ручонки обхватили его за шею, нежная щечка прижалась к его щеке. Тонкие ножки обвили его талию.

— Это девочка, — произнес Маккей.

До смерти напуганная маленькая девочка.

Дрожа от страха, она прижалась к нему.

— Не бойся, тебя никто не обидит, — успокоил ее Джордан, надеясь, что это действительно так. Он повернулся к Маккею. — Позови Купера и остальных, пусть заходят сюда.

Капрал выскочил из комнаты, оставив Джордана одного с девочкой на руках. По прикидкам сержанта, ей было лет десять, не больше. Он подошел к столу и сел. Затем, расстегнув на куртке «молнию» и укутав девочку, прижал к себе худенькое тельце. Она вся горела, исходящий от нее жар чувствовался даже сквозь похожий на пижаму наряд. В каждом ее пугливом движении и частом дыхании, готовом вот-вот сорваться на рыдание, чувствовался неподдельный страх. Что неудивительно, если учесть, какое потрясение ей пришлось пережить.

Что же она такого видела? Джордану ужасно не хотелось допрашивать маленького ребенка, особенно в ее нынешнем состоянии, однако только эта малышка была способна поведать о том, что здесь произошло.

В маленькую комнату вошли остальные участники их группы. Увидев их, девочка еще сильнее прижалась к Джордану и огромными глазами настороженно посмотрела на вошедших. Сержант, как-мог, попытался успокоить ее. На маленьком круглом личике, обрамленном черными волосами, разделенными на прямой пробор, застыл испуг. Малышка

не сводила с Джордана глаз, как будто желая убедиться, что он никуда не исчезнет.

— Вокруг дома следы барсов, сержант, — сообщил Купер. — Эти кошки как будто устроили тут вечеринку с танцами.

— Это дочь поварихи, — произнес стоявший возле двери Этертон. — Я не знаю, как ее зовут.

Девочка посмотрела на ученого и, как будто узнав его, еще плотнее прижалась к Джордану.

— Вы можете задать ей несколько вопросов? — спросил Джордан. — Чтобы выяснить, что случилось?

Этертон не стал приближаться к девочке. Он задавал ей вопросы так, как будто старался закончить импровизированный допрос как можно быстрее. Под глазом у него дергалось — нервный тик. Ребенок отвечал коротко, односложно, «да» или «нет», по-прежнему не сводя глаз с Джордана.

Все так же нежно прижимая ее к себе, Стоун обратил внимание на обоих афганцев — те стояли рядом с лежанкой, той, что поменьше размером. Один из них опустился на колени и, подняв с пола щепотку белого порошка, поднес его к губам. Порошок был с виду похож на соль. Судя по тому, что афганец сморщился и сплюнул, так оно и было — соль.

Джордан отметил, что лежанку окружало кольцо белого порошка, а со спинки кровати свисал обрывок веревки. Афганцы, склонив головы, о чем-то посовещались между собой и перевели взгляды с белого соляного круга на девочку. Как показалось Джордану, с подозрением и изрядной долей страха.

— В чем дело? — шепотом спросил у сержанта Маккей.

— Не знаю.

На его вопрос ответил Этертон:

— Согласно местному фольклору, в этих местах призраки или джинны часто нападают на спящих, и защититься от них можно, лишь окружив себя кольцом из соли. Мать, по всей видимости, решила таким образом защитить свою дочь. Ведь они работали в тени Шар-э-Голголы. Наверно, она так

и поступила. Тут в горах творится такое, что в безопасности себя невозможно чувствовать даже в городе.

Джордан с трудом сдержался, чтобы не сделать круглые глаза. С другой стороны, он не горел желанием выслушивать профессорский вздор. Тем более в эти минуты.

— Что тут случилось, по словам девочки?

— Она сказала, что археологи вчера что-то нашли. — Ученый пощелкал по своему гипсу и состроил гримасу. — Понять трудно, меня-то здесь не было. В любом случае тоннель, который рыли мои коллеги, привел их к тайнику, где оказалась масса костей. И человеческих, и костей животных. В ближайшие дни они собирались выносить их наружу.

— А минувшая ночь? — спросил Джордан.

— Я как раз собирался об этом спросить, — ответил ученый с легким раздражением.

Он продолжил задавать девочке вопросы, и Стоун почувствовал, как напряглось детское тельце. Девочка покачала головой и закрыла лицо, отказываясь говорить дальше. Дыхание ее участилось, а жар ее тела, казалось, вот-вот прожжет ему куртку.

— Не надо больше ни о чем ее спрашивать, — сказал сержант, чувствуя, что ребенку может стать еще хуже.

Но Этертон, не обращая внимания на его слова, бесцеремонно схватил девочку за руку. Джордан заметил, что у нее на запястье намотан обрывок веревки. Неужели ее привязывали к кровати?

Вопросы Этертона звучали резче и настойчивее.

— Профессор, она — несчастный, измученный ребенок, — сказал Джордан, убирая его руку. — Оставьте ее в покое!

Маккей грубо оттолкнул ученого в сторону. Тот попятился назад и вскоре уткнулся спиной в стену. Затем посмотрел на девочку так, будто она внушала ему страх. Но почему? Она всего лишь напуганный маленький ребенок. Девочка посмотрела на Джордана, и тому показалось, что она вот-вот сгорит прямо у него на руках. Глаза ее сверкали непонятным внутренним огнем. Она попробовала что-то сказать ему сла-

бым, умоляющим голосом и тут же сникла, как будто впав в забытье. Когда же она в последний раз что-то пила или ела?

— Хватит на сегодня, — сказала Джордан Маккею. — Ей нужна медицинская помощь.

Вытащив фляжку, он отвинтил крышечку и заставил девочку сделать глоток. Малышка что-то еле слышно прошептала, но так тихо, что Джордан ничего не расслышал, как будто это были не слова, а вздохи.

Профессор Этертон мгновенно побледнел. Он посмотрел на двух афганцев, как будто желая удостовериться в том, что не ослышался. Азар молча попятился к двери. Фаршад приблизился к кровати и шагнул внутрь очерченного солью круга. Там он наклонился, чтобы подсыпать соли туда, где только что брал щепотку, и тем самым замкнуть круг.

— В чем дело? — спросил Джордан.

— Какого дьявола тут происходит? — это подал голос Маккей.

— Последние слова, которые сказала девочка, — наконец заговорил Этертон. — Это не местный диалект. Это бактрийский язык. Тот самый, что был на записи.

Вот как? Джордан не мог с точностью сказать, так ли это. Он был вообще не уверен, что девочка что-то сказала, а если и сказала, то вряд ли профессор мог ее услышать. Тогда в Кабуле он прослушивал запись раз за разом. Слова, прозвучавшие в самом ее конце, не были похожи на то, что только что сказала девочка. Он хорошо помнил те слова. Глубокие, как будто шедшие из самого человеческого нутра, они звучали злобно и яростно: «девочка наша».

Этот голос мог принадлежать лишь тому, кто властно заявлял о своей добыче. Может быть, это был ее отец...

— И все-таки что она сейчас сказала? — уточнил Джордан, чувствуя, как недоверие к профессору берет над ним верх. Как может десятилетний ребенок разговаривать на мертвом языке, на котором никто не говорит вот уже много столетий?

— Она сказала «не отдавайте меня ему».

Где-то снаружи, за стенами дома, пронзив ночной туман, раздался протяжный звериный рык. Через мгновение ему ответил другой.

Снежные барсы. Джордан посмотрел в окно, отметив про себя, что солнце село примерно полчаса назад и, как это бывает в горах, сумерки тут же сменились непроглядной ночью. С заходом солнца барсы снова выйдут на охоту.

Азар в панике бросился к выходу. Фаршад позвал товарища, умоляя вернуться, но тот его как будто не слышал. Еще секунда, и он исчез в темноте. Последовала долгая гнетущая тишина. До слуха сержанта доносилось лишь легкое шуршание падающего снега.

Затем, примерно через минуту, раздался треск автоматной очереди, а за ней жуткий, душераздирающий крик. Он доносился откуда-то издалека и одновременно как будто из-за двери. В этом крике смешались боль, кровь и первобытный ужас. Затем снова стало тихо.

— Маккей, прикрой вход! — рявкнул Джордан.

Капрал бросился вперед и плечом захлопнул открывавшуюся внутрь дверь.

— Купер, попытайся связаться с батальоном рейнджеров, расквартированным в Бамиане. Скажи, что нам срочно нужна помощь. Быстро!

Пока Маккей держал под прицелом дверь, сержант отошел от стола и, не выпуская девочку из рук, опустился на пол. Тяжело дыша, она прижималась к его боку.

Джордан снова вытащил оружие и взял под прицел окно, ожидая, что в него могут запрыгнуть огромные хищные кошки.

— Что будем делать, сержант? — спросил Маккей.

— Будем ждать прибытия небесной кавалерии, — ответил Джордан. — Надеюсь, они смогут быстро поднять своих стальных птичек в воздух.

Купер покачал головой и взял в руки радиопередатчик.

— Нет приема. Мертвый эфир. Нет смысла даже пытаться в такой снегопад.

Этертон посмотрел на девочку так, будто это она сломала их передатчик. Джордан еще крепче прижал ее к себе.

— Кто-то еще, кроме меня, слышит это? — спросил Маккей, немного склонив голову набок.

Джордан напряг слух и знаком велел остальным сохранять тишину. Из темноты, из-за стены падающего снега, до них донесся какой-то еле различимый шепот. Понять слова было невозможно, но этот звук действовал ему на нервы, как плохо настроенный радиопередатчик. Ему вспомнилось, что совсем недавно он подумал, что его уже ничто не способно удивить. Придется пересмотреть эту точку зрения. Ведь то, что происходит с ним сейчас, не укладывается ни в какие рамки.

— Я думаю, что это тоже бактрийский, — произнес профессор с паническими нотками в голосе и сжался, как испуганный кролик, возле каменной печки. — Но я ничего не могу разобрать.

Что касается Джордана, тот вообще не назвал бы это человеческой речью. Возможно, от страха Этертону мерещится бог весть что. Кто знает, вдруг на той записи был вовсе не бактрийский язык?

Фаршад скорчился возле кровати, окруженной кольцом из рассыпанной соли. Он не сводил с девочки злобного взгляда, как будто она была причиной всех обрушившихся на них бедствий.

— Помните ту запись? — Этертон остекленевшим взглядом посмотрел куда-то мимо Джордана. — Как я перевел последние слова? «Девочка наша». Им нужна именно *она*.

Профессор дрожащим пальцем указал на ребенка.

Шепот в ночи сделался чуть громче, превратившись в бессвязное бормотание, едва различимый ухом безумный хор голосов. Казалось, будто слова въедаются, проникают в уши, пытаются впиться прямо в мозг. Но что, если это нормальные звуки, какие обычно издают барсы? Увы. Джордан не имел ни малейшего представления о том, какие звуки издают эти дикие кошки.

Этертон прижал руки к ушам и еще ниже склонился к полу. Фаршад, что-то прорычав на пушту, своем родном языке, навел винтовку сначала на Джордана и девочку, а затем на дверь. Эта пантомима и несколько брошенных слов на пуштунском языке, которые сержант понял, делали намерения афганца предельно прозрачными.

Выгони девчонку наружу!

— Ни за что, — спокойно ответил Джордан, не сводя с него тяжелого взгляда. Фаршад побагровел. В его темных глазах вспыхнул свирепый огонь. Он снова что-то крикнул на пушту. Джордан разобрал лишь слова «джинн» и, кажется, «петра». Последнее слово афганец повторял раз за разом, воинственно тыкая при этом оружие в лицо сержанту. Затем грохнул выстрел, и рядом с коленом американца взметнулся фонтанчик земли.

Для товарищей Джордана этого оказалось достаточно. Защищая сержанта, Купер и Маккей одновременно выстрели в Фаршада.

Афганец упал спиной на соломенный тюфяк детской лежанки.

Девочка вскрикнула и уткнулась лицом Джордану в грудь. Из горла Этертона вырвался стон.

— Что там такое кричал Фаршад? — спросил у профессора Джордан. — Что такое «петра»?

Не поднимая головы, Этертон слегка качнулся вперед.

— Это древнее слово на санскрите. Его употребляют и буддисты, и племена, населяющие эти края. Оно переводится как «ушедшие дальше и пропавшие», но обычно оно относится к демонам, жаждущим пищи; неприкаянным, не нашедшим пристанища духам.

Услышав подобное объяснение, Джордан был готов рассмеяться, но у него не нашлось нужных слов.

— Фаршад был уверен, что девочка одержима вырвавшимся на волю джинном и что призраки тумана хотят, чтобы она вернулась к ним.

— То, что я сфотографировал здесь, — вмешался в разговор Маккей, — похоже на следы *барсов*, но не на следы *призраков*.

— Я... я не знаю, — продолжал раскачиваться Этертон. — Но, кто знает, вдруг он был прав. Быть может, девочку действительно нужно отдать демонам. Тогда они оставят нас в покое. Возможно, им нужна только она.

— Повторите, *кому* она нужна? — сердито отозвался Джордан. Он не отдаст ребенка на верную гибель.

Как будто в ответ на его вопрос что-то тяжело стукнуло сверху по крыше дома; с потолка посыпался дождь сухой соломы. Джордан вскинул свой «Хеклер» стволом вверх и дал по крыше очередь. Товарищи последовали его примеру. В тесном помещении оглушительно затрещали автоматные очереди. В ответ на стрельбу раздался скрежещущий вой, но не мучительный, а разъяренный. В следующее мгновение незримое существо с грохотом покинуло крышу. Судя по всему, пули не задели его, а лишь привели в еще большую ярость.

Неужели зверь хитроумно пытается заставить их расстрелять весь боезапас?

Джордан проверил пистолет-пулемет. Его товарищи, нахмурив брови, проделали то же самое. Скверно. Так они скоро останутся без боеприпасов. Со стороны двери послышался новый кошачий вопль. Купер и Маккей, как по команде, обернулись и навели оружие на вход. Джордан снова взял под прицел окно и посмотрел на окутанные туманом развалины.

— Если увидите их, стреляйте! Но боеприпасы расходуйте экономно!

— Понял, — отозвался Купер. — Ждать, пока не увидим белки глаз врага.

— Крыша долго не выдержит, — посетовал Маккей. — Еще несколько таких ударов, и она проломится, как картон. И тогда эти чертовы кошки свалятся нам прямо на голову.

Маккей был прав. Джордан понял всю тщетность попыток закрепиться в доме. У них слишком мало оружия, что-

бы выдержать нападение пары свирепых кошек весом без малого триста фунтов, особенно в таком тесном пространстве. Они скорее перестреляют друг друга, нежели прикончат этих зверюг.

Все так же не выпуская девочку из рук, Джордан встал.

— У тебя появился план? — поинтересовался Купер.

Джордан посмотрел на дверь.

— Есть у меня один план... правда, не слишком хороший.

— Что ты собрался делать? — с тревогой в голосе спросил Маккей.

— Собираюсь дать им то, чего они хотят.

17 часов 18 минут

Низко пригнувшись, с безмолвной ношей на плечах, Джордан пробежался по снегу. Его щеки коснулся болтающийся рукав. От ткани пахло пóтом и страхом. Джордан не знал, была ли малышка и в самом деле источником всех бед и пойдут ли барсы по следу ее запаха. Равно как не знал и того, был ли этот шепот в ночи эхом далеких звуков или чем-то другим.

В данный момент это ровным счетом ничего не значило. Если барсам нужна девочка, то пусть они идут по следу, наблюдают за его передвижениями. Джордан уходил все дальше от далеких огней Бамиана, двигаясь к развалинам Шар-э-Голголы. Он следовал указаниям Этертона. Профессор подсказал ему, где находится раскоп археологической экспедиции. Как выяснилось, до него было недалеко, ярдов пятьдесят. Теперь главной надеждой сержанта был некрополь.

К сожалению, у них было мало оружия и ограниченное количество боеприпасов. А эти хищные твари оказались хитрыми и опытными охотниками. Справиться с ними чрезвычайно трудно. Барсы как будто чувствовали, что их противник вооружен, и не спешили показываться на глаза. Джордану оставалось лишь надеяться, что он перехитрит диких кошек, заманит их в ловушку. Как только он разделается с ними,

то займется теми, кто что-то там шепчет в тумане. Примерно таким был его план.

Пока он бежал, Маккей следовал за ним по пятам. Купера они оставили в доме — прикрывать их бегство через окно. Не исключено, что барсы попадутся ему в перекрестье прицела. В таком случае Купер их уложит, и все проблемы будут решены. Джордан преодолел последний отрезок пути, пробежав мимо брошенных тачек, куч вырытого песка и щебня, разбросанного инструмента прямо ко входу в раскоп. Морозный воздух пробирал до костей. Эх, как сейчас ему здорово пригодилась бы теплая куртка. Он же был в одной рубашке.

Добравшись до входа в тоннель, Джордан поправил на плече свою ношу и крепче сжал в руке пистолет. Маккей, тяжело дыша, остановился с ним рядом. Впрочем, задыхался капрал не от быстрого бега. Капрал Маккей трусил.

— Ты знаешь, что тебе делать, — произнес Джордан. Его слова прозвучали как приказ.

— Да, пойду-ка гляну, нельзя ли здесь чего откопать. В прямом смысле этого слова.

Сержант усмехнулся его шутке, отлично понимая, что за куражом товарища скрывается страх.

— Если я не вернусь через десять минут...

— Я понял с первого раза. А теперь пошли.

Зловещий вопль оборвал их разговор.

Хлопнув Джордана по плечу, Маккей взял карту и в следующую секунду исчез. Щелкнув ксеноновым фонариком, прикрепленным к пистолету, Джордан навел его луч на тоннель, который вел в самое сердце развалин.

Теперь нужно устроить ловушку...

Он пригнулся, стараясь не зацепиться одеждой девочки о грубую поверхность каменных стен. Нужно заманить сюда барсов, заманить пляшущим светом фонарика, безумным бегством из дома, заманить запахом девочки, исходящим от ее пропитанной по́том одежды. Низкий потолок не позволял бежать, выпрямившись в полный рост. Приходилось постоянно нагибаться; плечи то и дело задевали то одну, то

другую стену. Джордан посветил лучом фонарика в темные глубины развалин. Откуда-то снизу поднимались волны теплого воздуха. Они как будто стремились вытолкнуть его обратно наружу. Внутри развалин пахло влажным камнем. Впрочем, его нос уловил и какой-то химический запах, вроде горящей нефти. Было приятно вновь оказаться в тепле, однако вскоре глаза начали слезиться, а голова закружилась от нехватки кислорода.

Помнится, он где-то читал, что некоторые пещеры, созданные самой природой, дышат, издают вдохи или выдохи в зависимости от перепадов давления и температуры воздуха на поверхности. Не по этой ли причине археологи догадались, где следует копать? Неужели они заметили, какой именно участок Шар-э-Голголы дышит, открывая свои сокровенные тайны, а значит, копать следует именно там?

Еще несколько ярдов — и вот он, ответ на его вопрос. Вырытый людьми проход сменился тоннелем естественного происхождения с каменными стенами. Джордан нащупал под ногами вырубленные в камне ступеньки. Должно быть, археологи пробились к участку тайных коридоров, некогда пронизывавших гору под старинной цитаделью.

Что же они здесь нашли?

Неожиданно откуда-то сзади донесся животный вопль, исполненный дикой злобы, за которым эхом прокатился еще один.

Джордан представил себе двух гигантских кошек: вот они притаились у входа, зная, что их жертва загнана в ловушку. Он облегченно вздохнул, успокаивая Маккея.

Они все еще гонятся за мной...

Подстегиваемый этой мыслью, Джордан устремился вперед, так как точно знал, куда ему надо. Это место ему описал Этертон, хотя сам здесь никогда не был. Еще несколько ступенек, и тоннель привел их в тупик, в огромную пещеру. Не глядя под ноги, Джордан поскользнулся на влажном камне и полетел на груду костей, конечностей, черепов, грудных клеток. Этот жуткий урожай смерти устилал пол пещеры,

образуя нечто вроде зловещих берегов вокруг лужи черной воды. На ее дне в свете фонарика белели другие кости.

Джордан вспомнил рассказ профессора о подземном источнике, где находился запас воды, и о кровавой резне, устроенной здесь много веков назад.

Однако не все останки были древними. На верху кучи костей и черепов лежали окровавленные тела недавних жертв. Тела были разорваны, растерзаны на куски. Это были останки археологов. Вот, например, что осталось от тела матери маленькой девочки. Это тотчас подсказало Джордану, что он попал в логово снежных барсов. Найдя вход в пещеру, животные быстро превратили ее в свое обиталище. Как будто в ответ на вторжение чужака, где-то рядом прозвучал звериный рык. Хотя, возможно, и не рядом; это страх до предела обострил слух. От наполнявших пещеру миазмов кружилась голова, глаза нещадно слезились, в носоглотке чувствовалось неприятное жжение.

Нужно действовать предельно быстро.

Сержант подошел к краю кладбища костей и забросил свою ношу как можно дальше. Полы детского платьица распахнулись. Во все стороны полетела солома из матраца, которой Джордан туго набил приманку. Если звери идут по следу ее запаха, их следовало убедить в том, что жертва все еще с ним. Хотя кто знает... Вдруг это не имеет значения. Вдруг, как и в случае с Азаром, главное — привлечь к себе внимание хищников бегством? Ведь хищники преследуют тех, кто убегает от них.

На тот случай, если они все-таки не бросятся вслед за ним к пещерам, сержант оставил в глинобитной хижине Купера с девочкой и профессором. В сложившихся обстоятельствах это был лучший способ обеспечить их безопасность, поскольку боеприпасов почти не осталось.

Отцепив от пистолета фонарик, Джордан зашвырнул его к противоположной стене. Луч фонарика, вращаясь на лету, чертил дуги света, отчего у Джордана еще сильнее закружилась голова. В конце концов фонарик приземлился на даль-

нем берегу подземного родника, и теперь его луч пронзал темноту, подобно далекому маяку. Джордан отбежал в сторону, к груде огромных камней, лежавших справа от входа в пещеру. Здесь он опустился на корточки и пригнулся, держа оружие наготове. Ждать пришлось недолго. Мускусный запах барсов ударил ему в ноздри еще до того, как первый хищник вошел в пещеру. Это было сильное животное, настоящий монстр девяти футов в длину, самец с черными пятнами на густом мехе. Мощной мускулистой волной он ворвался в пещеру — безмолвный, целеустремленный, неукротимый. Вслед за ним внутрь скользнул второй зверь, размером поменьше, — самка.

Барсы оглянулись по сторонам, пристально изучая окружающее пространство. Темные глаза хищников как будто горели внутренним огнем. Так же, как и глаза афганской девочки.

Джордан затаил дыхание.

Мир вокруг него сделался водянистым, расплывчатым и нечетким; головокружение усилилось. Любое движение казалось размытым пятном.

Хищник-самец метнулся к набитой соломой приманке, то и дело принюхиваясь и дрожа от нетерпения. Самка, припав к земле, двинулась дальше, на свет фонарика.

Внимание Джордана привлекла рябь на поверхности подземного источника. Отражение барса как будто дрогнуло, сделалось нечетким. На долю секунды сержанту показалось, будто вместо барса он видит другое отражение — сгорбленного, мертвенно-бледного, безволосого создания. Впрочем, стоило ему поморгать слезящимися глазами, как оно исчезло. Джордан встряхнул головой и отвел взгляд в сторону. Он не осмеливался больше ждать.

Стараясь двигаться как можно тише, сержант выскользнул из своего потайного места и метнулся к выходу из пещеры, направляясь туда, откуда только что пришел. Ноги подкашивались. Чтобы держаться прямо, он то и дело опирался одной рукой о стену. Увы. В следующее мгновение

какое-то неожиданное движение заставило его застыть на месте. Барс-самец, который все еще стоял задом к Джордану, поднял голову от набитой соломой одежды и издал злобный протяжный вопль, как будто понял, что его перехитрили.

Затем кости под его лапами пришли в движение. Одурманенному зловонием Джордану показалось, будто они сами зашевелились, глухо ударяясь одна о другую. Он несколько мгновений изумленно смотрел на них, пытаясь убедить себя, что это барс своим весом сдвинул их с места.

Увы, так и не смог.

Охваченный первобытным ужасом, сержант попятился к выходу из тоннеля. Дрожание горы костей сделалось еще более явственным. Краем глаза Джордан успел заметить, как поднялись растерзанные останки археологов. Он хотел оглянуться назад, но страх сковал его волю.

Прямо у него на глазах на изуродованных конечностях поднялся первый труп и, словно краб, пополз по груде останков: голова вывернута под неестественным углом, рот открыт. Из уродливой глотки донесся невнятный шепот. Он прозвучал на том же древнем языке, который Джордан услышал на записи. Затем зашевелился второй труп, у которого отсутствовала нижняя челюсть; на ее месте зияло разверстое горло. Он тоже присоединился к зловещему хору голосов.

Этого не может быть... У меня галлюцинации.

Ухватившись за эту призрачную надежду, Джордан бросился к выходу из тоннеля, каждые несколько шагов натыкаясь на стены. Окружающее пространство продолжало раскачиваться, пол ускользал из-под ног. Сержант попытался нащупать в кармане фонарик-карандаш. Ага, вот он. Джордан щелкнул кнопкой. Увы, фонарик выскользнул у него из руки и покатился по каменному полу. Тем не менее даже этот скудный свет освещал ему путь вперед. Тем временем вой за его спиной становится все громче и громче. И Джордан побежал.

Затем он услышал слабый голос, нашептывавший ему прямо в ухо.

...торопись. Все готово.

Маккей.

Подталкиваемый в спину зловонным ветром, Джордан заставил себя рвануть вверх. В спину ему неслись жуткие вопли существ, скребущих по каменным стенам полусгнившими ногтями и костями. Вырастая от пола до потолка, их тени зловеще плясали на стенах тоннеля, обгоняли его, подстегиваемые языками адского пламени. Внезапно за его спиной, в тоннеле, загрохотали тяжелые шаги.

Вой в тоннеле, как по сигналу, стих. Началась безмолвная охота.

Боясь споткнуться, Джордан на ощупь прокладывал себе путь. При этом он больно ободрал о шершавую стену ладонь, но сделал вид, что не заметил этого. Шероховатость стен означала, что он покинул тоннель природного происхождения с его гладкими стенами и выскочил в проход, вырубленный человеческими руками.

За его спиной эхом отдавалось хриплое, надрывное дыхание. Вскоре свет крошечного фонарика погас, и вокруг Джордана сомкнулось плотное кольцо тьмы. Он побежал еще быстрее, ощущая, как легкие горят огнем. Он бежал, вдыхая запах подземных созданий, их омерзительные миазмы, которыми, волна за волной, обдавала его пещера. Зловоние гниющей плоти, крови и страха.

Вскоре впереди блеснул свет.

Выход.

Сержант со всех ног бросился к нему, устремляясь навстречу свободе. Он выскочил наружу и упал, больно ударившись при приземлении.

Маккей схватил его обеими руками и оттащил в сторону. Из тоннеля донесся вопль злобного разочарования и обещания неминуемой мести. Не успел Джордан отпрянуть в сторону, как из тоннеля велед за ним выскочил барс-самец... В следующее мгновение окружающий мир взорвался.

Огонь. Дым. Град камней и колючего мелкого гравия.

Джордан высвободился из объятий Маккея, однако остался на четвереньках, жадно хватая ртом воздух, и попытался вновь обрести ясное сознание. Он ожидал, что в любую минуту из клубов дыма выскочат барсы, однако тоннель содрогнулся и исчез под лавиной камней, навсегда запечатавшей в глубинах горы и кладбище костей, и обоих хищников.

— Сколько противопехотных мин ты использовал? — задыхаясь, спросил у товарища Джордан. Грохот взрыва по-прежнему отдавался в ушах звоном.

— Всего одну. Мне не хватило времени выкопать еще пару-тройку штук. Да и этой одной вполне хватило.

Огромная темная масса окутанной дымом Шар-э-Голголы продолжала подрагивать. Джордан представил себе, как обломки камня заваливают подземную пещеру. Среди развалин, подняв в воздух клубы дыма и фонтаны обломков, прогрохотали еще несколько взрывов.

— Это от первого взрыва сдетонировали остальные мины, — пояснил Маккей. — Сержант, нужно поскорее уносить отсюда ноги.

Джордан не стал спорить, лишь мрачно посмотрел на развалины.

Они вернулись в крытый соломой дом. Им навстречу, прихрамывая, вышел Купер. Половина лица капрала была залита кровью.

— Что случилось? — спросил Джордан. Прежде чем тот успел ответить, он заглянул внутрь дома.

Какого черта?..

Его пронзила тревога за маленькую девочку.

— Как только ты вошел в пещеру, девчонка моментально юркнула в окно и скрылась. Я пытался догнать ее, но этот чертов профессор, как безумный, вцепился в меня и завопил: «Пусть уходит! Пускай демоны заберут ее!» Этот парень с самого начала показался мне чокнутым. Гнилой тип.

— Где они сейчас?

— Не знаю. Я только что пришел в себя.

Джордан пулей вылетел из хижины. Снег уже успел скрыть следы беглецов, но он все-таки сумел разглядеть отпечатки маленьких ног, которые вели куда-то на запад. Профессор, судя по всему, скрылся в восточном направлении. Значит, они разбежались в разные стороны.

Рядом с ним возник Маккей.

В следующий миг откуда-то издалека донесся приглушенный стрекот. Это, сверкая огнями, им на помощь из Бамиана спешил вертолет, напоминая мотылька, храбро устремившегося на пламя свечи. Рейнджеры наверняка услышали грохот взрывов.

— Отлично, — проговорил Маккей. — Вот и кавалерия мчится на подмогу.

— Что будем дальше делать, сержант? — спросил Купер.

— Пусть кто-нибудь другой ищет этого профессора, — ответил Джордан. Внезапно его охватила злость. Но, как ни странно, именно она подсказала, что ему делать дальше; помогла вновь сосредоточиться на главной задаче. — А мы пойдем искать девчонку.

Спустя три дня я сидел в своем уютном кабинете в здании Афганской полицейской академии. Все документы были разложены по папкам и подшиты, дело закрыто.

Вина за события той ночи была возложена на одну-единственную находку среди руин Шар-э-Голголы: истекавший откуда-то глубоко из-под земли газ. Газ этот был углеводородным соединением под названием этилен, которое, как известно, способно вызывать галлюцинации и состояния, близкие к трансу.

Мне вспомнилась моя собственная растерянность, то, что, — как мне казалось, — я видел перед собой в эти минуты. То, чего мне совсем не хотелось видеть. Но ведь ничего подобного в реальности не было, да и быть не могло. Все это мне лишь привиделось. Виноват во всем этот самый газ.

Научное объяснение меня устраивает. Ну, или, по крайней мере, я ничего не имею против. Кроме того, репортеры объясняли странное, агрессивное поведение барсов тем же самым: мол, животные надышались дурманящим газом.

Прояснились и другие вещи.

Профессор Этертон был найден в миле от руин Шар-э-Голголы — босиком, с безумными глазами, сильно пострадавший от переохлаждения. Дело кончилось тем, что он потерял практически все пальцы на ногах.

Маккей, Купер и я всю ночь занимались поисками девочки и в конечном итоге нашли ее в неглубокой пещере, целой и невредимой, и, главное, теплой, закутанной в мою куртку. Я был благодарен судьбе за то, что нашел ее, а также самому себе, что мне хватило выдержки довести поиски до конца. Кто знает, вдруг в один прекрасный день я все-таки вернусь на поля родной Айовы.

Девочка ничего не помнила про то, что случилось среди руин. Впрочем, это даже к лучшему. Я отвез ее к врачу, после чего передал родственникам в Бамиане, полагая, что на этой истории можно поставить точку.

Однако пещера, где мы ее обнаружили — недалеко от тех самых руин, — оказалась не чем иным, как входом в небольшую крипту. Внутри покоились останки молодого мужчины, похороненного вместе с оружием и в богатой одежде монгольского воина благородного происхождения. Сейчас полным ходом ведутся генетические исследования, призванные определить, не принадлежат ли эти останки внуку Чингисхана, отправленному с миссией к царю Шар-э-Голголы, который несколько веков назад вероломно убил посланника, что повлекло за собой цепь событий, закончившихся падением цитадели.

То, как умер этот молодой человек, не дает мне этим зимним утром встать из-за рабочего стола, и я сижу, глядя на горы папок с нашими отчетами, и по-прежнему задаюсь тревожными вопросами.

Если верить рассказам Этертона, тот царь династии Шансабани убил жениха своей дочери, отрубив ему голову, после того как узнал, что они задумали бежать. У монгольского тела в гробнице головы не было.

Могли ли посланник и жених быть одним и тем же лицом? Могла ли царская дочь влюбиться во внука Чингисхана? Могла ли трагическая любовь привести к кровопролитию, которое за этим последовало? Почему-то принято думать, что любовь ведет только к хорошему. Неправда, порой она ведет к страшным вещам. При этой мысли я начинаю машинально крутить на пальце обручальное кольцо и, поймав себя на этом, говорю «прекрати!».

Не знаю почему, но, пока я сидел у себя в кабинете, раскладывая по папкам отчеты, мне вспомнились кое-какие новые подробности. Например, Азар сказал мне, что барсы были символом династии Шансабани. Или другое — Фаршад крикнул, будто девочка одержима джинном и что ее преследуют демоны.

Что, если он был прав? Что, если что-то вырвалось на свободу из открытой могилы? Что, если в девочку вселился дух давно умершей принцессы, в надежде, что живой человек приведет ее к давно потерянному возлюбленному?

Что, если эти барсы, символы царской власти, принадлежали ее отцу, все еще пылавшему гневом и мщением, и он хотел с их помощью затащить ее в подземелье, чтобы она увидела таящиеся под Шар-э-Голголой ужасы? И в конечном итоге что, если взрывы вновь запечатали пещеру и перезахоронили тело вместе с костями барсов, отчего призрак разъяренного царя вновь пустился преследовать дочь?

Или же это были обыкновенные хищники, которыми двигал самый обыкновенный голод, а ядовитый газ, проникший в их новое логово, лишь подогревал их агрессивность?

А те голоса? Неужели это были кошки? Я так и не смог найти второго бактрийского ученого, поэтому эти странные, потусторонние звуки перевел для меня сам профессор. Кто знает, может, он слегка двинулся рассудком из-за ги-

бели своих коллег или же на него тоже подействовал газ, просачивавшийся из раскопа.

Я покачал головой, тщетно пытаясь остановить выбор на одном из двух. Либо на разумном, логическом объяснении, либо на потустороннем, мистическом. В целом я склонен к первому.

Наверно, все эти мысли были остаточным эффектом воздействия газа, которым я надышался в пещере. Но стоит мне вновь вспомнить слова профессора, как я лишаюсь былой уверенности. Там, в горах, происходят диковинные вещи, в которые с трудом верится, когда сидишь в городе.

Поток моих мыслей прерывает стук в дверь, и я мысленно благодарю судьбу.

Входит Маккей и делает шаг к моему столу. В руках у него листок.

— Новое распоряжение, сержант. Похоже, что нас переводят.

— И куда же?

— В Масаду, в Израиль. Там после землетрясения имела место какая-то странная серия смертей.

Я протягиваю руку к папке на столе и закрываю ее. Дело закончено.

— Надеюсь, это задание будет полегче предыдущего.

Маккей хмурит брови.

— Не вижу ничего смешного.

Весна 73 года нашей эры
Масада, Израиль

Мертвые продолжали петь.

В трехстах футах над головой Елеазара звучал хор голосов девятисот мятежников-иудеев, бросая вызов римскому легиону по ту сторону городских ворот. Жители города поклялись, что скорее покончат с собой, чем сдадутся врагу. Эти последние молитвы, обращенные к небесам, эхом отдавались в подземных ходах, вырытых в самом сердце горы Масада.

Оставив обреченных стоять под палящим солнцем, Елеазар оторвал взгляд от крыши прохода, вырытого в песчанике. Нет, он с великой радостью молился бы в эти минуты вместе со всеми, прося Господа ниспослать ему мужество для решающей битвы. Увы, его ждала иная судьба.

Иная тропа.

Елеазар взял в руки бесценный камень. Нагретый солнцем, тот был длиной ему от ладони до локтя, то есть размером с новорожденного младенца. Прижимая камень к груди, он заставил себя войти в грубо вырубленный проход, который вел в самое сердце скалы. Каменщики закрыли за ним отверстие, чтобы за ним не мог последовать ни один человек.

Его сопровождали семеро солдат, которые шли впереди с факелами в руках. Их мысли наверняка вместе с их оставшимися наверху собратьями, теми девятью сотнями человек, что собрались сейчас на выжженной солнцем площадке наверху горы. Твердыня находилась в кольце осады вот уже несколько месяцев. Десять тысяч римских солдат разбили вокруг нее свои палаточные городки, зорко следя за тем, чтобы ни одна душа не выскользнула из ворот.

Закончив молитвы, восставшие поклялись, что, прежде чем римляне ворвутся в город, они собственноручно лишат жизни своих жен и детей, а потом и самих себя. Они молились, прося бога даровать им мужество поднять руку на своих близких.

Как должен поступить и я сам...

Задача, которую предстояло выполнить Елеазару, давила на него столь же тяжело, что и камень в его руках. Он мысленно вернулся к тому, что ждало в ближайшие часы евреев. Могила. Он провел немало часов в подземном храме, прижавшись коленями к каменным плитам, так близко подогнанным друг к другу, что в щель между ними не протиснулся бы и муравей. Он изучил гладкие стены и высокие, арочные потолки. И был вынужден признать, что строители, которые готовили это священное пространство, мастерски сделали свое дело.

Но даже тогда он не осмелился поднять глаза на саркофаг в храме.

Этот нечистый гроб сохранит для потомков святое Слово Божие.

Он еще крепче прижал камень к груди.

Прошу тебя, Господи, избавь меня от этой ноши.

Последняя молитва, как и тысячи до нее, осталась без ответа. Жертвам тех, что остались наверху, должны быть возданы почести. Их проклятая кровь должна сослужить более высокой цели.

Вскоре Елеазар дошел до входа в подземный храм, однако не смог заставить себя шагнуть внутрь. Остальные протиснулись мимо него и заняли свои места. Он припал лбом к холодной каменной стене, прося у Бога утешения.

Бог остался глух к его просьбе.

Тогда он посмотрел внутрь. Там уже мерцало пламя факелов, отбрасывая на кирпичный арочный свод потолка причудливые тени. Под потолком, в поисках выхода, собирались клубы дыма, но не находили его.

Выхода не было ни для кого.

Наконец его взгляд упал на маленькую девочку, которую солдаты заставили опуститься на колени и не давали ей встать. При виде ее сердце Елеазара обливалось кровью. Но нет, он не откажется от возложенной на него миссии, он выполнит порученное ему дело. Он лишь надеялся, что она закроет глаза и тем самым избавит его от необходимости заглянуть в них в самые последние мгновения.

Глаза чистые, как вода.

Именно такими словами когда-то описывала его ныне покойная сестра эти невинные глаза — глаза своей дочери, глаза малютки Азувы.

Елеазар посмотрел в глаза своей племяннице.

Они по-прежнему были детскими, эти глаза, хотя ими на него смотрел отнюдь не ребенок. Ибо она увидела нечто такое, чего ни один ребенок не должен видеть. А вскоре не увидит вообще ничего.

Прости меня, Азува.

Прошептав напоследок молитву, он шагнул в освещенную факелами гробницу. Подрагивающее пламя отражалось в хмурых глазах семерых солдат, которые уже ждали его внутри. Они в течение долгих дней сражались с римлянами и отлично знали, что сражение закончится для них смертью. Но только не такой. Елеазар кивнул им и человеку в длинных одеждах, стоявшему среди них. Девять взрослых мужчин собрались, чтобы принести в жертву ребенка.

Мужчины склонили перед Елеазаром головы, будто перед ними был святой. На самом же деле они не догадывались, насколько он нечист. Лишь ему и тому, кому он служил, ведомо об этом.

Каждый из присутствующих имел кровавые раны: одни — полученные от римлян, другие — от девочки, которую они держали.

Пурпурные одежды, в которые ей пришлось облачиться, были ей велики, отчего она казалась еще меньше. Грязными ручонками малышка прижимала к себе старую куклу с одним глазом-пуговицей, сшитую из куска кожи цвета иудейской пустыни.

Как давно он подарил ей эту куклу? Ему вспомнилось, какой радостью при виде подарка осветилось крошечное личико, когда он опустился на колени, чтобы вручить его ей. Помнится, он тогда подумал, как много солнечного света способно вместить в себя крошечное тельце: казалось, оно в буквальном смысле светилось изнутри, переполняемое радостью по поводу простенького подарка из лоскутов кожи и ткани.

И вот теперь Елеазар заглянул ей в лицо в поисках того солнечного света.

Увы, на него смотрела тьма.

Девочка зашипела, обнажив зубы.

— Азува! — с мольбой в голосе обратился он к ней.

Глаза, которые когда-то были такими прекрасными, такими безмятежными, смотрели на него с животной ненави-

стью. Азува с шумом втянула в себя воздух, а затем плюнула ему в лицо кровавой слюной.

Елеазар пошатнулся, пораженный странным ощущением ее слюны на своей коже, железным привкусом крови. Дрожащей рукой он вытер лицо и, опустившись рядом с девочкой на колени, тряпицей осторожно вытер кровь с ее подбородка, после чего отшвырнул грязную ткань.

А затем он услышал *это*.

Как, впрочем, и она.

Оба тотчас повернули головы. Здесь, в подземелье, только они двое слышали крики, что раздавались на верху горы. Лишь они знали, что римляне прорвались за городские стены.

Наверху началась резня.

Человек в длинных одеждах заметил их движение и понял, что оно значит.

— У нас не осталось времени.

Елеазар посмотрел на старика в пыльной коричневой мантии. Шлемм. Он был среди них главный — это он потребовал, чтобы ребенок был крещен посреди творящегося наверху ужаса. Годы превратили его лицо в резную маску. Он стоял, закрыв темные глаза, и губы его шевелились в беззвучной молитве. Лицо его излучало спокойную радость человека, которому неведомы сомнения в своей правоте.

Наконец эти блаженные глаза открылись снова, и Шлемм пристально посмотрел на Елеазара, как будто выискивал его душу. Елеазару тотчас вспомнился другой взгляд другого человека, который много-много лет назад посмотрел на него точно так же.

И стремительно отвернулся, охваченный стыдом.

Солдаты встали вокруг открытого каменного саркофага в центре гробницы. Тот был высечен из цельного куска песчаника и имел довольно внушительные размеры: в нем без труда поместились бы трое взрослых.

И вот теперь в него ляжет всего одна маленькая девочка.

В каждом углу курились миро и ладан. Впрочем, сквозь их сладкую пелену Елеазар ощущал и другие, более тяже-

лые запахи: горьких солей и резких пряностей, собранных в соответствии с древним текстом ессеев.

Все было готово к тому, что сейчас свершится.

Елеазар в последний раз склонил голову, моля небеса об ином.

Возьми меня, а не ее.

Но ритуал требовал от каждого, чтобы он сыграл свою роль.

Девственница, утратившая целомудрие.

Рыцарь Христов.

Воин человечества.

Старик в долгополой мантии заговорил. Его суровый голос даже не дрогнул.

— Мы должны выполнить волю Господа. Спасти ее душу. И души всех остальных. Возьми ее.

Увы, не все пришли сюда по своей воле.

Азува вырвалась из рук державших ее солдат и, подобно быстроногой лани, бросилась к двери.

Догнать ее мог лишь Елеазар. Он схватил худенькое запястье. Азува начала вырываться, но его хватка была крепкой. Их со всех сторон обступили солдаты. Прижав к груди куклу, девочка рухнула на колени. О боже, какая же она маленькая!

Старик в мантии подал знак ближайшему солдату.

— Это должно свершиться.

Тот сделал шаг вперед и, схватив Азуву за руку, вырвал у нее куклу и отшвырнул в сторону.

— Нет! — выкрикнула она, все еще по-детски тонко и жалобно.

Гнев как будто придал ей сил. Она подскочила и, запрыгнув на солдата, отнявшего у нее куклу, обхватила его за талию ногами. Солдат пошатнулся и упал на каменный пол. В ход пошли ногти и зубы. Она царапала и кусала ему лицо.

Двое других солдат бросились на помощь товарищу. Они оттащили обезумевшую девочку и прижали ее к каменному полу.

— Отведите ее к саркофагу, — приказал их главный.

Увы, солдаты не торопились исполнять его приказание. Они боялись даже пошевелиться. Девочка тем временем продолжала яростно отбиваться. Елеазар понял, что ужас малышки направлен вовсе не на тех, кто ее держал. Взгляд ее был прикован к предмету, который только что был вырван у нее из рук.

Тогда он поднял с пола куклу и поднес ее к окровавленному лицу Азувы. Помнится, это всегда успокаивало ее, когда она была маленькой. Елеазар попытался выбросить из головы воспоминания о том, как она вместе с сестрами заливалась смехом, играя ясным солнечным днем с этой куклой. Игрушка подрагивала в его руке.

Взгляд ее смягчился, теперь в нем читалась мольба. Девочка постепенно прекратила борьбу. Вырвав у солдат одну руку, она протянула ее за куклой.

Стоило пальцам прикоснуться к игрушке, как тело ее обмякло, как будто она приняла свою участь, смирилась с тем, что ей не уйти от неизбежного. Как когда-то в далеком детстве, кукла стала ее единственным утешением, ее верной наперсницей. Она не желала уходить во тьму одна. Поднеся тряпичную фигурку к лицу, Азува прижалась носом к носу куклы, как будто это могло принести ей облегчение.

Елеазар сделал знак солдатам, чтобы те отошли, а сам поднял девочку с пола. Он прижал ее холодное тельце к своей груди, и она в свою очередь, как когда-то в детстве, доверчиво прильнула к нему. Елеазар мысленно молил Господа даровать ему силы сделать то, что от него требует долг.

Камень, зажатый в свободной руке, напомнил ему о его клятве.

Стоявший чуть в стороне от них старик в мантии принялся нараспев читать древние заклинания, призванные связать небеса со своей жертвой. Произнося священный текст, он щепотка за щепоткой подбрасывал в огонь благовония. Тем временем наверху римляне проломили ворота, и защитники крепости лишили себя жизни.

Сейчас здесь тоже прольется кровь; она искупит ту, что пролилась наверху.

Держа в руке камень, Елеазар отнес девочку на несколько шагов, к открытому саркофагу. Тот уже был наполнен почти до краев — в нем, поблескивая, тихо плескалась жидкость. Он должен был выступить в роли *миквы* — ритуальной ванны для тех, кто хочет очиститься.

С той разницей, что вместо освященной воды саркофаг был наполнен вином. Вокруг него на полу стояли пустые глиняные кувшины.

Подойдя к нему почти вплотную, Елеазар заглянул в его глубины. В свете факелов вино казалось кровью. Азува уткнулась лицом ему в грудь. Он сглотнул застрявший в горле комок.

— Давай, — приказал главный.

Елеазар в последний раз прижал к себе детское тельце. Азува всхлипнула. Он посмотрел на темный квадрат двери. Он все еще мог спасти ее тело, но только ценой ее души. И своей тоже. Спасти ее душу могло лишь то, что сейчас произойдет.

Старший по рангу солдат взял у него из рук Азуву и, вознеся над открытым саркофагом, затем начал медленно опускать ее к кроваво-красной поверхности. Глядя глазами, полными ужаса, девочка по-прежнему прижимала к груди куклу.

До поверхности винной купели оставался буквально дюйм. Солдат остановился и посмотрел в глаза Елеазару. Тот протянул было к девочке руку, но затем убрал.

— Благословен будет наш отец небесный, — тем временем произнес старик в мантии.

Наверху, над ними, прекратилось пение. Азува, как будто это услышав, слегка повернула голову. Елеазар представил себе, как песок пропитывается кровью, как та просачивается сюда, в сердце горы. Всё. Довольно тянуть. Сейчас или никогда. Тем, что сейчас свершится, они запечатают эту гробницу.

— Елеазар, — произнес старик-жрец, — пора.

Елеазар протянул вперед руку, в которой был зажат бесценный камень. Его священная тайна — вот то единственное, что было способно подвигнуть Елеазара на исполнение своего долга. Он даже не чувствовал его веса. Если что-то и напоминало о себе болью в груди, так это сердце.

— Это должно свершиться, — произнес старик в мантии, правда, негромко.

Елеазар промолчал. Так было легче. Он шагнул к девочке.

Главный солдат опустил ее в вино. Худенькое тельце какое-то время извивалось в темной жидкости, тонкие пальчики хватались за края саркофага. Красная жидкость перетекла через край и пролилась на пол. Ощущая на себе взгляд ее глаз, полный мольбы и немого укора, Елеазар опустил ей на грудь камень и нажал. Тяжесть камня и сила его руки утопили детское тельце еще глубже.

Азува больше не сопротивлялась, лишь прижимала к груди куклу. А затем и вообще притихла и лежала недвижимо, как будто жизнь уже покинула ее. Но ее немые губы шевелились, произнося слова, которые исчезали вместе с ее лицом, что погружалось все глубже и глубже.

Каковы они были, ее последние слова?

Елеазар знал, что этот вопрос будет преследовать его до конца его дней.

— Прости меня, — выдавил он. — И прости ее.

Рукава его туники пропитались вином, отчего защипало кожу его рук. Но он продолжал удерживать недвижимое тельце, пока не отзвучали слова молитвы.

Эти минуты показались ему вечностью.

Наконец он убрал руки и выпрямился. Азува осталась лежать на дне саркофага, придавленная тяжестью священного камня. Теперь она навсегда его про́клятая хранительница. Елеазар молился, чтобы содеянное им очистило ее душу, даровав прощение за то зло, что в ней поселилось.

Моя маленькая Азува.

Он без сил рухнул рядом с саркофагом.

— Запечатайте его, — приказал старик.

Каменная плита, которую заранее сняли при помощи веревок, снова легла на место. Солдаты намазали края крышки смесью извести и золы, навсегда скрепив ее с саркофагом.

Елеазар прижал ладони к стенке вечной темницы Азувы, как будто надеялся, что тем самым принесет ей утешение. Впрочем, оно ей больше не нужно.

Он прижался лбом к холодному, бездушному камню. Разве был у него выбор? То, что он сделал, послужит высшим целям. Увы, понимание этого не облегчило боль. Ни его, ни ее.

— Пойдем, — окликнул его старик в мантии. — Мы исполнили свой долг.

Елеазар сделал надрывный вдох, набирая полную грудь затхлого воздуха. Солдаты кашлянули и, шаркая ногами по каменному полу, потянулись к выходу. Он же остался стоять рядом с ней посреди сырой пещеры.

— Здесь нельзя оставаться! — крикнул от двери старик. — Ты должен пройти иной тропой.

Елеазар, почти ничего не видя перед собой, ибо глаза ему застилали слезы, спотыкаясь, побрел на звук его голоса.

Как только они уйдут отсюда, вход в пещеру будет замурован. Ни одна живая душа не догадается, где он был. Любой, кто попробует в нее войти, обречен.

Елеазар поймал на себе взгляд старика.

— Ты сожалеешь о своем обете? — спросил тот. В голосе его прозвучало сочувствие, но слышались в нем и стальные нотки.

Именно эта твердость и снискала ему его имя. «Петр», иначе «камень», так назвал его сам Христос, сделав апостолом, опорой и фундаментом новой церкви.

— Нет, не сожалею, — ответил Елеазар, встретив его твердокаменный взгляд.

Призирает на землю, и она трясется;
Прикасается к горам, и дымятся.
Псал. 103:32

26 октября, 10 часов 33 минуты
по местному времени
Кесария, Израиль

Доктор Эрин Грейнджер легонько провела по древнему черепу своей самой мягкой щеточкой, а когда пыль осела, зорким глазом ученого вгляделась в него, подмечая тонкие соединения костей, открытый родничок. Затем ее глаза оценили степень мозолистости. Похоже, что череп принадлежал новорожденному младенцу, и, судя по расположению тазовых костей, — мальчику.

Он умер, прожив всего несколько дней.

Пытаясь извлечь ребенка из грязи и камня, она смотрела на него взглядом женщины, представляя себе новорожденного малыша: вот он лежит на боку, поджав колени и сжав крошечные пальчики в кулачки. Интересно, родители считали его пульс? Целовали нежную кожу? Наблюдали, как постепенно угасает, едва родившись, его крохотное сердечко?

Как когда-то она сама, когда умирала ее младшая сестричка?

Доктор Эрин Грейнджер закрыла глаза. Щетка замерла в воздухе.

Немедленно прекрати.

Она вновь открыла глаза, убрала за ухо прядь светлых волос, которая каким-то образом сумела выбиться из конского хвостика, и вновь сосредоточилась на костях. Она непременно выяснит, что здесь произошло много веков тому назад. Потому что, как и в случае с ее сестрой, этот ребенок умер не просто так. Его смерть была намеренной. С той разницей, что причиной смерти этого малыша был не плохой уход, а насилие.

Доктор Эрин Грейнджер продолжила свою работу. Теперь ее внимание было сосредоточено на крошечных конечностях. Кто-то, перед тем как похоронить мертвое тельце, попытался придать ему первоначальную форму. Увы, никакие усилия не смогли бы восстановить сломанные и отсутствующие ко-

сти, верный признак насильственной смерти. Даже две тысячи лет были бессильны скрыть преступление.

Доктор Эрин Грейнджер отложила щетку и сделала еще один фотоснимок. Время окрасило кости в тот же цвет выгоревшей сепии, что и землю, в которой они покоились, однако тщательно проведенные раскопки обнажили их форму. И все-таки понадобится еще не один час, чтобы окончательно извлечь остальные кости.

Чувствуя, как затекло одно колено, Эрин перенесла вес на другое. В тридцать два года ее никак нельзя было назвать старой, но именно такой она ощущала себя в эти минуты. Она провела в раскопе всего час, а колени уже дали о себе знать. Будучи ребенком, Эрин могла проводить так гораздо больше времени, стоя на коленях в молитве на твердом земляном полу местной церкви. Тогда она, если того требовал ее отец, могла провести в такой позе полдня — и даже не пожаловаться. С другой стороны, она долгие годы пыталась забыть свое прошлое, и вот теперь, возможно, память подводила ее.

Поморщившись от боли, Эрин встала и потянулась. Теперь края раскопа доходили ей лишь до талии. Ее разгоряченное лицо тотчас охладил приятный ветерок, разгоняя тягостные воспоминания. Слева от нее на ветру хлопали полы палаток, а по всему лагерю летали облака песка.

Летающая взвесь песка и пыли поначалу ослепила ее, и ей пришлось поморгать, чтобы она не мешала смотреть. От песка здесь не было никакого спасения. Каждый день к вечеру ее светлые волосы приобретали серовато-красный оттенок пустыни. Песок набивался в носки, скрипел, как наждак, в кроссовках, мелкие песчинки забивались под ногти, даже во рту ощущался привкус песка.

И все же стоило ей посмотреть за желтую пластиковую ленту, которой был огорожен раскоп, как ее лицо освещала улыбка. Подумать только, ее обутые в кроссовки ноги ступают по древней земле, которая дышит историей. Сам раскоп располагался посреди древнего ипподрома, на котором когда-то проходили гонки колесниц. Сам ипподром раски-

нулся на берегу моря, этой колыбели цивилизации. Морская гладь сверкала ослепительной лазурью, солнечные лучи придавали ей причудливый металлический блеск. За спиной Эрин протянулись ряды каменных трибун. Их истертые за два тысячелетия ярусы высились своеобразным памятником давно умершему царю, планировщику и строителю города Кесарии, печально знаменитому Ироду. Тому самому, что запятнал себя в веках избиением младенцев.

Где-то неподалеку раздалось лошадиное ржание. Нет, оно донеслось не из прошлого, а из временной конюшни, наскоро построенной на дальнем конце ипподрома. Местные любители скачек готовились к международным соревнованиям. Скоро ипподром вновь оживет, пусть даже всего на несколько дней.

Эрин с нетерпением ждала этого момента.

Правда, до этого ей и ее студентам предстоит сделать ох как много работы!

Упершись ладонями в бедра, Эрин посмотрела на череп убитого мальчика. Может, чуть ближе к вечеру она обернет крошечный скелетик в пластик и начнет трудоемкий процесс извлечения его из земли. Ей не терпелось перенести его в лабораторию, где находку можно изучить под микроскопом. Эти косточки наверняка расскажут ей больше, чем все находки, какие только ей еще предстоит сделать.

Она вновь опустилась на колени рядом с детским скелетом. Почему-то ей не давала покоя бедренная кость — по всей ее длине имелись странные вмятины, похожие на отпечатки морских гребешков. Она склонилась ниже, и по спине ее тотчас пробежали мурашки.

Неужели это следы зубов?

— Профессор! — вывел ее из задумчивости гнусавый техасский говорок Нейта Хайсмита.

Эрин Грейнджер вздрогнула от неожиданности, больно ударившись при этом локтем о деревянную опалубку, которая подпирала стены раскопа, спасая его от вторжения песка.

— Простите, — ее студент втянул голову в плечи.

Утром она строго-настрого наказала, чтобы ее никто не беспокоил, и вот нате вам — один уже здесь, как будто ее не слышал... Чтобы не накричать на него, Эрин подняла со дна раскопа свою видавшую виды фляжку и сделала глоток тепловатой воды с противным, металлическим вкусом.

— Ничего страшного, — довольно неприветливо сказала она и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на него.

Нейт стоял на самом краю раскопа, темный силуэт на фоне палящего солнца. На его голове низко нахлобучена соломенная шляпа. Старые джинсы, выцветшая рубашка в клетку с закатанными рукавами, обнажавшими крепкие молодые мускулы. Эрин подозревала, что он специально закатал их повыше, чтобы произвести на нее впечатление. Разумеется, это не сработало, так что он зря старался. За годы, посвященные раскопкам, Эрин успела убедиться, что ее интересуют исключительно мертвые мужчины, особенно пролежавшие в земле не одно столетие.

Она взглядом указала ему на ничем не примечательный участок песка и камней. Там, брошенный всеми, находился электронный зонд, напоминая собой скорее газонокосилку, нежели высокотехнологичный прибор, способный заглянуть глубоко под слой камня и песка.

— Почему вы не занимаетесь тем, что вам поручено? Не зондируете тот сектор?

— Неправда, я его прозондировал. — Техасский говорок Нейта сделался еще заметнее. Так бывало всегда, когда он волновался. И еще Хайсмит для пущей убедительности сделал большие глаза.

Он явно что-то нашел.

— Так в чем дело?

— Если я вам скажу, вы мне не поверите. — Юноша покачался на пятках, готовый в любую секунду броситься бегом, чтобы продемонстрировать ей находку.

Эрин Грейнджер улыбнулась. Нейт прав. Она никогда ничему не верит, пока не увидит собственными глазами. Эту простую истину она, словно мантру, вбивала в головы сво-

им студентам. *Пока вы не выкопаете находку из земли и не подержите в руках, считайте, что вы ее еще не нашли.*

Чтобы защитить свои труды, а также из уважения к детским косточкам, она осторожно накрыла скелет брезентом. После чего Нейт протянул ей руку и помог выбраться из глубокой траншеи. Как ей показалось, его рука сжала ее запястье на миг дольше положенного.

Тем не менее она постаралась не показать вида, что недовольна. Нейт отпустил ее руку, и она отряхнула с джинсов пыль. Хайсмит, в свою очередь, отступил назад и отвернулся, как будто понял, что переступил невидимую грань. Эрин не стала ему выговаривать. Какой от этого толк? Нельзя сказать, что знаки внимания со стороны мужчин оставляли ее равнодушной, но она никогда не давала для них повода, и уж тем более на раскопках. Здесь она ходила под слоем грязи, как некоторые женщины ходят под слоем косметики, и всячески избегала любых романтических приключений. Хотя Эрин была среднего роста, ей частенько говорили, что есть в ее осанке нечто царственное, как будто она на фут выше ростом. Что неудивительно, учитывая ее профессию и возраст.

Дома, в Америке, у нее было немало романов, но ни один из них не вылился в серьезные отношения. В конечном итоге мужчины находили ее чересчур ученой, что отпугивало многих из них, но зато каким-то уму непостижимым образом привлекало других.

Таких, как Нейт.

И все же Эрин не могла не признать, что Нейт отличный товарищ по раскопкам, с потенциалом хорошего геодезиста. Он наверняка перерастет свой интерес к ней. Так что со временем все разрешится само собой.

— Давайте, показывайте, — она зашагала в направлении палатки с оборудованием. Даже если это какая-то ерунда, все равно приятно хоть ненадолго скрыться от палящего солнца.

— Эмми уже внесла информацию в компьютер, — доложил Нейт, шагая через лагерь. — Это находка века, профессор. Тут, похоже, под землей целые горы костей!

Заставив себя сделать скептическое лицо, Эрин ускорила шаг, чтобы не отстать от длинноногого Нейта. Его порывистость не могла не восхищать. Но археология, как и сама жизнь, редко преподносит находки века всего за одно утро работы. А чаще — даже за десятилетия.

Она нырнула в палатку и придержала края, впуская вслед за собой Нейта. Шагнув внутрь, тот снял шляпу. Внутри палатки было сумрачно и на несколько градусов прохладнее, чем снаружи.

Гудел портативный аккумулятор, питая ноутбук и допотопный вентилятор. Последний гнал волны воздуха прямо на Эмми, двадцатитрехлетнюю выпускницу Колумбийского университета. Эта молодая брюнетка больше времени проводила в палатке, чем под солнцем. На ее рабочем столе, вся в капельках влаги, стояла банка диетической кока-колы. Эмми слегка полноватая, рыхлая и нетренированная. У нее за плечами еще не было десятка полевых сезонов, которые закалили бы ее, приучили бы сносить лишения сурового археологического быта. Зато у нее был дар работы с техникой. Не переставая летать одной рукой по клавиатуре компьютера, второй она подозвала к себе Эрин.

— Профессор Грейнджер, вы не поверите!

— Я это уже слышала.

В палатке находился и третий ее студент. Судя по всему, все они, как один, махнув рукой на работу, пришли поглазеть, что там нашел Нейт. Хайнрих застыл, склонившись над плечом Эмми. Это был серьезный двадцатичетырехлетний парень из Берлинского университета. Обычно отвлечь его от работы было трудно. И то, что он оставил свой участок, означало одно: это действительно что-то важное.

Темные глаза Эмми были прикованы к экрану компьютера.

— Я все пытаюсь увеличить изображение, но мне казалось, что вам захочется посмотреть и так.

Отстегнув с пояса лоскут ткани, Эрин вытерла со лба пот и грязь.

— Эмми, прежде чем я не забыла. Тот детский скелет, который я откопала. У него на бедренной кости какие-то странные вмятины. Я бы хотела, чтобы ты их сфотографировала.

Эмми кивнула, однако Эрин могла поклясться, что та не слышала ее.

Нейт продолжал крутить в руках свою шляпу.

Что же такое они нашли?

Эрин подошла и встала рядом с Хайнрихом. Эмми откинулась на спинку своего складного стула, давая Эрин возможность лучше разглядеть изображение на экране.

Там виднелись изображения участка, которые Нейт прозондировал сегодня утром. На каждой такой картинке был изображен тот или иной слой восьмого сектора, в зависимости от глубины залегания. Картинки напоминали серые квадратные лужи, прочерченные черными линиями, которые образовывали параболы — словно рябь на поверхности воды. Черные линии обозначали твердые материалы.

Сердце Эрин едва не выскочило из груди. Она наклонилась ниже, отказываясь верить собственным глазам.

У этой грязной лужи было слишком много волн. За десять лет полевых работ такое она видела впервые. Нет, такого не видел никто.

Этого быть не может!

Она проследила пальцем кривую на гладком экране. Эмми тотчас надула губы. Она не любила, когда кто-то водит по экрану грязным пальцем, оставляя следы на чистой поверхности. Но Эрин нужно было доказать, в первую очередь себе самой, что это не наваждение, не обман зрения.

Наконец она справилась с первым шоком и обрела голос.

— Нейт, какую площадь ты прозондировал?

— Десять квадратных метров, — без запинки отчеканил тот.

Эрин посмотрела на него. Лицо Нейта было серьезным.

— Всего десять метров? Ты уверен?

— Но ведь вы сами учили меня пользоваться георадаром! — Он слегка наклонил голову. — Помните?

Эрин рассмеялась.

— И ты добавил данные к этим результатам?

— Да, профессор.

Эрин поняла, что своими расспросами задела самолюбие юноши, поставив под сомнение его профессионализм. Но ей нужно было убедиться, что здесь нет ошибки. Она доверяла технике, но не всегда — людям, которые этой техникой пользовались.

— Я сделал все как надо. — Нейт подался вперед. — И предваряю ваш вопрос. Да, здесь все совпадает с найденным вами скелетом.

Неужели? Выходит, что слою, в котором он найден, две тысячи лет? Эрин вновь посмотрела на экран. Если данные верны, а ей наверняка нужно будет проверить их самой, но если они верны, то каждая такая парабола означала человеческий череп.

— Я примерно подсчитал, — прервал ее мысли Нейт. — Их тут около пятисот. И все, как один, в диаметре не больше четырех дюймов.

Четырех дюймов.

Не просто черепа — черепа младенцев.

Нескольких сотен младенцев.

Эрин про себя процитировала строчки из Библии. Евангелие от Матфея, глава вторая, стих шестнадцатый.

Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал у волхвов.

Избиение младенцев. Согласно преданию, Ирод отдал такой приказ с тем, чтобы быть до конца уверенным в том, что он убил младенца, который в один прекрасный день сменит его на престоле и станет царем иудейским. Но этот младенец бежал в Египет и позднее стал человеком, известным под именем Иисуса Христа.

Неужели она и ее студенты только что обнаружили доказательство того, что история про Ирода верна?

26 октября, 13 часов 03 минуты
по местному времени
Масада, Израиль

Пот щипал Томми глаза. Да, брови ему сейчас не помешали бы.

«Спасибо» химиотерапии.

Он привалился спиной к очередному желто-коричневому валуну. Все камни на этой крутой тропе были одинаково огромные, и все, как один, раскалены. Чтобы сидеть на них, Томми засунул под ноги ветровку, создавая дополнительный защитный слой между собой и обжигающим камнем. Как обычно, он задерживал группу. И как обычно, был не в силах двигаться дальше, не сделав остановку для отдыха.

Томми пытался отдышаться. Обжигающий воздух был разреженным и на вкус сухим, как бумага. Интересно, сколько в нем кислорода? Правда, другие члены их группы, похоже, не жаловались. Они едва ли не бегом взбежали наверх, словно им было по четырнадцать лет. Он же ощущал себя древним стариком. Они ушли далеко, он даже не слышал их голоса.

Каменистая тропа — ее еще называли Змеиной — извивалась вдоль отвесных склонов знаменитой горы Масада. До вершины оставалась лишь сотня ярдов, и он сможет укрыться от солнца среди руин древней еврейской крепости. С того места, где сидел Томми, ему открывался вид на запекшуюся, порыжевшую от зноя долину реки Иордан.

Томми вновь вытер со лба пот. Будучи родом из округа Ориндж[1], он был уверен, что жара для него — дело привычное. Нет, здесь он как будто оказался в раскаленной печи.

Он понурил голову, чувствуя, что его вновь потянуло в сон. Хотелось вновь оказаться в гостиничном номере с гудящим кондиционером, растянуться на прохладных про-

[1] Ориндж — один из крупнейших округов в США, расположен в Южной Калифорнии между побережьем Тихого океана и Национальным Кливлендским лесным заповедником.

стынях и, закрыв глаза, подремать. После чего, отдохнув и взбодрившись, поиграть в видеоигры.

Томми усилием воли стряхнул с себя сон. Сейчас не место и не время для отдыха. Но он так устал, а пустыня была такой притихшей от зноя... В отличие от людей, животным и насекомым хватало ума проводить дневную жару в дремоте. Со всех сторон Томми укутывала всеобъемлющая тишина. Интересно, после смерти будет примерно так же?

— С тобой все в порядке, дорогой? — раздался рядом с ним голос матери.

Томми вздрогнул. Как это он не услышал ее шагов? Неужели все-таки уснул?

— Да, — с трудом выдохнул он.

Мать прикусила губу. Они все знали, что с ним не все в порядке. Томми рывком натянул на левое запястье рукав, пряча уродливое коричневое пятно.

— Мы можем подождать. Отдыхай, сколько тебе надо, — сказала мать, садясь с ним рядом. — Интересно, почему эту тропу называют Змеиной? Лично я не видела на ней ни одной змеи.

Она обращалась к подбородку сына. В последнее время родители избегали смотреть ему в глаза. Потому что когда они это делали, то начинали плакать. Так было последние два года, когда Томми то попадал на операцию, то проходил курс химиотерапии, то — облучения. И вот сейчас у него временный отдых от всего этого.

Может, они посмотрят ему в лицо, лишь когда он будет лежать в гробу?

— Для змей здесь слишком жарко, — произнес Томми, ненавидя себя за то, что вынужден буквально выдавливать каждое слово.

— Тогда бы это были змеиные бифштексы, — пошутила мать, делая долгий глоток воды из своей бутылки. — Поджаренные на солнцепеке и готовые к употреблению в пищу. Как и мы.

В следующую минуту к ним присоединился отец.

— Ну как, все в порядке?

— Я решила, что мне тоже пора отдохнуть, — солгала мать и, намочив платок, протянула его Томми. — Я тоже устала.

Томми хотел было ее поправить, сказать отцу правду, но не нашел в себе сил. Вместо этого он влажным платком протер лицо.

Отец начал что-то говорить, как с ним было всегда, когда он нервничал.

— Мы уже почти дошли. Еще несколько ярдов, и мы увидим крепость. Настоящую крепость Масады. Ты только представь себе!

Томми послушно закрыл глаза и представил себе бассейн. Голубой, прохладный, слегка попахивающий хлоркой.

— Десять тысяч римских солдат разбили лагерь вокруг этой горы. Десять тысяч солдат, с мечами и щитами, ждут под солнцем. Они перекрыли все пути к бегству и пытаются взять измором девятьсот мужчин, женщин и детей, которые спрятались на вершине плоской горы, — отец заговорил быстрее, взволнованнее. — Но мятежники готовы стоять до конца. И даже после смерти. Они никогда не сдадутся.

Томми пониже надвинул кепку на своей лысой голове и, прищурившись, посмотрел на отца.

— В конце концов они сдались, папа.

— Неправда, — возразил отец с удвоенной страстью. — Евреи решили умереть свободными, не пожелав сдаться на милость победителю. Они убили себя не от бессилия. Они сами выбрали свою судьбу. Такого рода выбор многое говорит о людях, о силе их духа.

Томми поднял плоский камешек и бросил им вдоль тропы. Тот, подпрыгнув, свалился вниз. Что бы сделал отец, будь у его сына возможность выбрать свою судьбу? Предпочел бы он сам уйти из жизни, вместо того чтобы стать жертвой рака? Вряд ли бы отец стал говорить об этом с такой гордостью.

Томми улыбнулся отцу. Люди часто говорили, что они с ним очень похожи: те же самые темные волосы, одинаковая улыбка. После того как химиотерапия отняла у него

волосы, никто больше не заикнулся, что он-де копия отца. Интересно, подумал Томми, буду ли я когда-нибудь снова на него похож?

— Ну как, готов идти дальше? — спросил отец, поправляя на плечах рюкзак.

Мать сердито посмотрела на него.

— Мы еще можем подождать.

— Я же не сказал «вставай и иди», — обиделся отец. — Я лишь спросил.

— Готов, — сказал Томми. Ему было неприятно, что родители ссорятся.

Глядя на свои коричневые ботинки, он заставил себя сдвинуться с места. Один ботинок вперед, затем другой. Если переставлять ноги, он доберется до вершины, и родители будут рады, что он вместе с ними преодолел путь к древней крепости. Собственно, ради этого Томми и согласился на эту поездку, на это долгое восхождение — чтобы им было что вспомнить. Даже если они и отказывались это признать, вскоре воспоминания иссякнут. Так пусть останется побольше приятных.

Он начал считать шаги. Так легче преодолевать трудности. Вы идете и считаете. Потому что стоит сказать «раз», как потом следует «два», потом «три» и так далее. К тому моменту, как тропа привела его к плоской вершине, Томми досчитал до двадцати восьми.

Он дошел! Конечно, легкие горели огнем, но он преодолел себя и дошел!

На вершине стоял деревянный павильон. Впрочем, нет. «Павильон» — это громко сказано. Скорее, это были четыре тонких бревнышка, на которые для защиты от солнца криво положили еще несколько тонких бревнышек, отбрасывающих «ажурную» тень. И все же это лучше, чем стоять под палящим солнцем.

Внизу, под отвесным склоном горы, простиралась пустыня, прекрасная в своем иссушенном солнцем однообразии. Покуда хватало глаз, раскинулись рыжеватые песчаные волны, то там, то здесь накатываясь на камни. Тысячелетия

выветривания выклевывали у этих камней зернышко по зернышку, придавая им причудливые формы. И ни души: ни людей, ни животных. Интересно, до того, как под стены крепости пришли римляне, взору ее защитников представал тот же самый вид?

Неужели лишь эта убийственная пустыня?

Томми поднял глаза на плато, туда, где две тысячи лет назад разыгралась кровавая драма. Вершина горы представляла собой плоское пространство длиной примерно пять футбольных полей и три в ширину, на котором высилось с полдесятка каменных руин.

И ради этого я приполз сюда?

Похоже, мать была тоже разочарована. Лицо пунцовое, не то от солнца, не то от напряжения, темные кудрявые волосы прилипли ко лбу.

— Похоже скорее на тюрьму, чем на крепость, — сказала она, смахивая от лица непослушные пряди.

— Так это и есть тюрьма, — возразил отец. — Тюрьма, где привели в исполнение смертный приговор. Живым отсюда никто не вышел.

— Никто вообще не выходит живым, — бросил ему Томми и тотчас же пожалел о своих словах, заметив, как мать отвернулась и засунула палец под солнечные очки — не иначе как смахнуть слезу. И все же он был по-своему рад, что ей по-настоящему больно. Это куда лучше, чем все время лгать.

В следующий момент к ним подскочила гид и своим появлением спасла ситуацию. Длинноногая, в шортах цвета хаки, с длинными черными волосами, которые по-прежнему лежали волосок к волоску, несмотря на долгое восхождение.

— Как хорошо, что вы, наконец, добрались! — воскликнула она с милым еврейским акцентом.

Томми улыбнулся ей, благодарный за то, что она отвлекла его от тяжких мыслей.

— Спасибо.

— Как я уже сказала всем минуту назад, название Масада происходит от слова «мецуда», что значит крепость, и

вы сами видите почему, — с этими словами гид загорелой рукой обвела плато. — Собственно говоря, здесь было два ряда стен — одна внутри другой, — между которыми располагались жилые кварталы обитателей Масады. Перед нами Западный дворец, самое большое здание цитадели.

Томми оторвал глаза от ее губ и посмотрел, куда она указывала. Массивное здание меньше всего походило на дворец. Скорее, на его руины. В старых каменных стенах зияли огромные провалы, а те, что оставались, были все в строительных лесах. Создавалось впечатление, будто кто-то готовился здесь к съемкам очередной серии фильма про приключения Индианы Джонса.

За этими строительными лесами наверняка скрывались тайны древности. Увы, Томми ее не чувствовал, при всем своем огромном желании. Его отец любил историю, и, по идее, ее полагалось любить и ему, но с тех пор, как у него диагностировали рак, он оказался как бы вне времени, вне истории. В его голове просто не оставалось места для трагедий других людей, тем более тех, что мертвы вот уже две тысячи лет.

— Сооружение рядом с дворцом, по всей видимости, было частной баней, — продолжала щебетать гид, указывая на здание слева. — Внутри него были найдены три скелета с отрубленными головами.

Томми навострил уши. Наконец-то что-то интересное!

— С отрубленными головами? — недоверчиво переспросил он, подходя ближе. — То есть они покончили жизнь самоубийством, отрубая самим себе головы?

Губы гида скривились в усмешке.

— Собственно говоря, защитники крепости тянули жребий, кому выпадет очередь убить других. Самоубийство совершил лишь последний из них.

Томми покосился на руины. Поняв, что обречены, они убили своих детей. Почему-то он испытал нечто вроде зависти. Не лучше ли принять быструю смерть от рук того, кого ты любишь, чем медленно загибаться от рака? В следующий миг он устыдился этой мысли и посмотрел на ро-

дителей. Мать улыбнулась ему, обмахиваясь путеводителем; отец сделал его снимок.

Нет, у него язык не повернулся бы просить их о чем-то подобном.

Вздохнув, Томми вновь переключил внимание на бани.

— Те скелеты, они по-прежнему там? — Он сделал шаг вперед, чтобы заглянуть сквозь металлические ворота.

Гид поспешила грудью загородить ему путь.

— Извините, молодой человек, но внутрь нельзя.

Томми пытался заставить себя отвести глаза от ее пышного бюста, но не смог. Впрочем, прежде, чем он сделал хотя бы шаг, заговорила мать:

— Как ты себя чувствуешь, Томми?

Неужели она заметила, как он смотрел на гида?

— Нормально, мама, — ответил Томми и покраснел.

— Хочешь пить? У меня есть немного воды, — с этими словами она протянула ему пластиковую бутылку.

— Нет, спасибо, мам.

— Давай я намажу тебе кремом лицо, чтобы оно не сгорело, — мать потянулась к сумочке.

В другой ситуации Томми молча снес бы такое унижение, но гидесса улыбнулась ему красивой, ослепительной улыбкой, и внезапно ему стало неприятно, что с ним обращаются как с малым ребенком.

— Все в порядке, мам, — бросил он матери гораздо резче, чем предполагал.

Мать обиженно втянула голову в плечи. Гид отошла в сторону.

— Извини, — сказал Томми. — Я не нарочно.

— Ничего страшного, — ответила мать. — Я пойду вперед вместе с отцом. Можешь не торопиться.

И она ушла прочь. Он остался стоять, чувствуя себя последним мерзавцем.

Злясь на себя, он подошел к развалинам бань и прильнул к металлическим воротам, желая разглядеть, что там внутри. Под его весом ворота со скрипом распахнулись, и Том-

ми едва не упал внутрь. Он тотчас отпрянул назад, однако краем глаза успел заметить в одном углу нечто странное.

Нечто светлое, трепещущее, словно смятый лист бумаги.

Любопытство взяло верх. Томми огляделся по сторонам. На него никто не смотрел. К тому же чем ему грозит вторжение за ворота? Что произойдет в худшем случае? То, что хорошенькая гидесса за шкирку вытащит его оттуда? Что ж, он не против.

Томми сунул голову внутрь, глядя за подрагивающее нечто.

Небольшой белый голубь, хромая, заковылял по мозаичному полу, таща за собой левое крыло. Казалось, кончики перьев оставляют после себя в пыли какие-то загадочные письмена.

Бедняжка.

Голубя следовало вызволить. Иначе он умрет от обезвоживания или его кто-нибудь съест. Гиду наверняка известен какой-нибудь приют для птиц, куда его можно отнести. Дома, в Калифорнии, мать Томми помогала точно в таком приюте — до того, как у него обнаружился рак и для всей их семьи кончилась прежняя жизнь.

Томми проскользнул в ворота. Внутри помещение оказалось меньше, чем отцовский сарай с инструментами. Четыре гладких каменных стены. Выцветший от времени мозаичный пол, сложенный из малюсеньких плиток. Мозаика изображала восемь пыльных красных сердец, расположенных кругом, словно лепестки цветка, а ряды синих и белых плиток, скорее всего, символизировали волны. По периметру пол опоясывал бордюр цвета терракоты с белыми треугольниками, похожими на зубы. Томми попытался представить, как мастера прошлого, словно разрезную картинку, выкладывают эту мозаику, но почему-то вновь ощутил лишь усталость.

Он перешагнул порог, радуясь тому, что наконец оказался в тени, где его не достанут лучи жгучего солнца. Интересно, сколько людей встретили здесь свой смертный час? При мысли об этом по его спине пробежал холодок, и Томми поежился, представив людей, стоящих на коленях — ведь ина-

че не могло быть, — над которыми высился человек в грязной полотняной тунике. В его руках занесенный над головой меч. Он начал с самого юного, и, когда все было закончено, у него уже не осталось сил поднять руку. Но он превозмог себя. Затем тоже опустился на колени и ждал, когда меч его друга дарует ему быструю смерть. После этого все кончилось. По крошечным плиткам бежали ручейки крови, скапливались в тонких пазах, собирались в лужицы на мозаичном полу.

Томми покачал головой, стряхивая наваждение, и огляделся по сторонам.

Никаких скелетов.

Наверняка их уже забрали в музей или же захоронили.

Птица подняла голову и замерла посреди пола, глядя на Томми сначала одним глазом, затем другим, как будто примеривалась. Глаза у нее были ярко-зеленые, словно малахит. Томми никогда раньше не видел птиц с зелеными глазами.

Он опустился на колени и едва слышно прошептал:

— Подойди ко мне, малышка. Не бойся, я тебе ничего не сделаю.

Птица вновь посмотрела на него, затем сделала шаг навстречу.

Осмелев, Томми протянул руку и, осторожно взяв в ладони раненую птицу, выпрямился.

В следующее мгновение земля под ним содрогнулась. Или это от долгого восхождения у него закружилась голова? Томми попытался сохранить равновесие. Но нет, между его подошвами возникла тонкая черная линия, пробежав через мозаичный пол, словно живое существо.

Змея, была его первая мысль.

Сердце тотчас наполнилось страхом.

Однако черная линия стала толще, и Томми понял, что это нечто более страшное. Не змея, а трещина. На одном ее конце наружу вырвался оранжевый дым, как будто кто-то уронил сигарету.

Неожиданно птица вырвалась из его рук, расправила крылья и улетела сквозь дым, словно в открытое окно. По всей

видимости, ее ранение было легким. Взбитый птичьими крыльями дым застилал путь Томми. Как ни странно, у дыма оказался довольно приятный запах, чуть терпкий, с легкой ноткой благовоний.

Томми наморщил лоб и, подавшись вперед, подержал над дымом ладонь. Дым просачивался сквозь его пальцы, как ни странно, прохладный на ощупь, как будто поднимался из какого-то холодного места в глубине скалы.

Томми прищурился, чтобы лучше его рассмотреть. Но в следующую секунду мозаика под его ногами треснула, словно стекло. Он испуганно отскочил в сторону. Успел вовремя, потому что плитки стали соскальзывать в трещину. Вниз полетели синие, оранжевые, красные осколки. Трещина пожирала разноцветный рисунок, с каждым мгновением становясь все шире и шире.

Томми попятился к выходу. Из трещины, вместе с мелкими осколками мозаики, вырвались клубы красно-оранжевого дыма. Затем где-то в самом сердце горы как будто раздался стон, и стены содрогнулись.

Землетрясение.

Томми выскочил на улицу и больно упал на пятую точку. Находившееся перед ним здание вздрогнуло, как будто напоследок получив шлепок от рассерженного бога, и с грохотом провалилось в тартарары.

Трещина тем временем стала еще шире, ее край был в считаных футах от Томми. Он отпрянул назад. Казалось, будто трещина гонится за ним. Тогда юноша поднялся на ноги и побежал, но гора содрогнулась вновь, и он снова рухнул на землю.

Боже, помоги мне!

Где-то рядом он услышал голос матери и пополз сквозь дым на ее крик.

— Я здесь! Сюда! — крикнул он и закашлялся.

Тогда к нему бросился отец и рывком поставил его на ноги. Мать подхватила под локти. Вместе они потащили его к Змеиной тропе, как можно дальше от места разрушения.

Томми оглянулся. Трещина зияла еще шире, рассекая вершину горы. Вниз с грохотом падали обломки скалы и скатывались в пустыню. К голубому небу устремился столб черного дыма, как будто унося с собой к солнцу все ужасы, которые когда-то таились среди этих камней.

Томми вместе с родителями осторожно подошел к краю обрыва.

Землетрясение закончилось столь же внезапно, как и началось.

Его родители застыли на месте, боясь пошевелиться, как будто опасаясь, что любое движение способно вновь спровоцировать толчки. Отец обнял за плечи жену и сына. С вершины донеслись крики раненых.

— Томми. — В голосе матери звучал ужас. — Ты ранен.

— Ерунда, я всего лишь поцарапал ладони, — ответил Томми.

Отец убрал руки с плеч жены и сына. Сам он потерял шляпу и поцарапал щеку. Его обычный баритон был готов сорваться на визгливый фальцет.

— Как вы думаете, это были террористы?

— Я не слышала никакого взрыва, — ответила мать, поглаживая Томми по голове, как маленького ребенка.

На этот раз он не имел ничего против.

Облако черно-красного дыма неслось на них, как будто хотело столкнуть их с обрыва.

Отец, как будто поняв, чем это может для них кончиться, указал на тропу.

— Пойдемте. Вдруг оно ядовитое.

— Я вдохнул немного, — успокоил его Томми, вставая. — Ничего страшного.

Из облака, схватившись рукой за горло, выбежала какая-то женщина. Она бежала вслепую, ее веки распухли и кровоточили. Сделав еще несколько шагов, она упала и больше не пошевелилась.

— Пойдемте! — крикнул отец, толкая Томми впереди себя. — Быстрее!

Все трое бросились вниз по тропе. Увы, убежать от дыма им не удалось. Тот настигал их с каждым мгновением. Еще миг — и облако накрыло их. Мать закашлялась — это был неестественный, влажный, надрывный звук. Томми протянул к ней руки, не зная, что ему делать.

Родители остановились и рухнули на колени.

Все было кончено.

— Томми, — еле слышно прошептал отец. — Беги!

Но Томми опустился на колени рядом с ними.

Если мне все равно умирать, то уж лучше так. Вместе с родителями.

Ему тотчас стало легко и спокойно на душе.

— Все в порядке, пап.

Он пожал сначала руку матери. Затем отцовскую руку. И когда ему казалось, что он уже никогда не расплачется, из глаз его брызнули слезы.

— Я люблю вас обоих.

И тогда родители посмотрели ему в глаза. Несмотря на весь ужас их положения, он действительно их любил.

Томми крепко обнял обоих и не отпустил рук даже тогда, как их тела обмякли, как будто сдались силе тяжести, а не одной только смерти. Когда же у него больше не было сил обнимать их, он опустился на колени рядом с их телами и стал ждать, когда смерть примет в свои объятия и его самого.

Но минуты шли, а он все еще был жив.

Томми вытер о рукав мокрое от слез лицо и, шатаясь, поднялся на ноги. Он старался не смотреть на тела родителей, на их обожженные веки, на окровавленные лица. Как будто если он не посмотрит на них, то окажется, что они вовсе не умерли. Кто знает, вдруг это всего лишь сон?

Он медленно повернулся, лишь бы не смотреть в их сторону. Ветер уже успел разогнать ядовитый дым. Земля вокруг была усеяна телами. Насколько он мог судить, все эти люди были мертвы.

Значит, это не сон.

— Тогда почему же я жив? — удивился Томми. — Ведь это я должен был умереть, а не мать и отец.

Он вновь посмотрел на бездыханные тела родителей. Его горе было столь глубоким, что не оставляло места слезам. Он переживал их смерть гораздо сильнее, чем свою собственную.

Нет, здесь все не так. Это он был больным, это он должен был умереть. Он уже давно готовился к смерти, зная, что ему никуда от нее не деться. Это его родители должны были сохранить память о нем, навечно застывшем в возрасте четырнадцати лет на тысяче фотографий. Скорбь полагалась им, а не ему.

Он с рыданиями рухнул на колени и воздел руки к солнцу, одновременно умоляя и проклиная Бога.

Но, видимо, Бог еще с ним не покончил.

Томми продолжал тянуть руки вверх. Один рукав соскользнул, обнажая худое запястье, бледное и чистое.

Он опустил руки, широко открытыми глазами глядя на белую кожу.

Меланома исчезла.

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

КЛЮЧ СУДНОГО ДНЯ

Роман

Хранилище Судного дня

Маме, с огромной любовью

ЗАМЕЧАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Во второй половине одиннадцатого столетия английский король Вильгельм Завоеватель приказал провести подробное обследование своих новых владений. Результатом этих усилий стал огромный том, получивший название «Земельная опись Англии», — одно из самых подробных описаний средневекового уклада жизни. Большинство историков сходятся в том, что сей титанический труд был проделан для того, чтобы определить точные размеры податей с населения Англии, хотя полной уверенности в этом нет. До сих пор это исследование окутано множеством тайн: например, непонятно, почему работы проводились в такой спешке, а также почему некоторые населенные пункты по совершенно необъяснимой причине помечены одним-единственным латинским словом, означающим «опустошенный». Странные обстоятельства, которые сопровождали составление этой переписи, изобилующей множеством мельчайших подробностей, стали причиной того, что современники наградили книгу весьма нелицеприятным прозвищем. Она вошла в историю под названием «Книга Судного дня».

В двенадцатом веке ирландского католического священника по имени Мэл Мэдок, который впоследствии был провозглашен святым Малахией, во время паломничества в

Рим посетило видение. Пока он находился в экстатическом трансе, ему открылись сведения обо всех папах, которым предстояло возглавлять Святой престол до скончания мира. Этот пространный перечень, своего рода каталог ста двенадцати пап, был записан и помещен на хранение в архивы Ватикана, однако вскоре книга исчезла и таинственным образом явилась миру вновь лишь в конце шестнадцатого века. Некоторые историки считают, что возвращенная книга, скорее всего, является подделкой. Так или иначе, на протяжении последующих столетий выяснялось, что описание каждого очередного папы, как это ни странно, является точным — вплоть до нынешнего главы Римско-католической церкви, папы Бенедикта XVI. В пророчестве святого Малахии нынешний папа описан как «De Gloria Olivae», «торжество олив». А символом ордена бенедиктинцев, в честь которого папа взял себе имя, действительно является оливковая ветвь. Однако больше всего тревожит то, что Бенедикт XVI стал сто одиннадцатым папой. А если верить этому пугающе точному пророчеству, со следующим папой придет конец света.

ЗАМЕЧАНИЕ НАУЧНОГО ХАРАКТЕРА

В течение всего трех лет, с 2006 по 2008 год, бесследно исчезла треть всех домашних пчел в Соединенных Штатах (а также значительная часть пчел в Канаде и Европе). Ульи, в которых еще совсем недавно бурлила жизнь, внезапно опустели. Это явление, названное «катастрофическим разрушением колоний общественных насекомых», породило множество страхов и сенсационных статей. Так что же на самом деле произошло с пчелами?

Ответ содержится на страницах этой книги... И что пугает больше всего, он соответствует действительности.

И в годы последних гонений святую Римско-католическую церковь возглавит Петр из Рима, который среди горя и страданий будет кормить свою паству; после чего город на семи холмах будет уничтожен, и ужасный Судия начнет судить людей.

Пророчество святого Малахии.
1139 год

Сила населения многократно превосходит силу Земли производить необходимое для жизни человека.

Томас Мальтус.
Опыт о законе народонаселения.
1798 год

Лучшее время для покупок — это когда по улицам течет кровь.

Барон Натан Ротшильд,
самый богатый человек
девятнадцатого столетия

ПРОЛОГ

Весна 1086 года.
Англия

Первым признаком беды стали вороны.

Крытая повозка, запряженная одной лошадью, катила по ухабистой дороге, петляющей между бесконечными полями ячменя, и вдруг в небо черной тучей взмыла стая воронов. Они устремились в голубое небо, шумными кругами поднимаясь все выше и выше, однако это была не обычная паника спугнутых птиц. Вороны кружили в вышине и резко падали вниз, кувыркаясь в воздухе и судорожно хлопая крыльями. Птицы сталкивались друг с другом в небе и дождем проливались на землю. Маленькие черные комки с силой ударялись о дорогу, ломая крылья и клювы. Искалеченные птицы трепетали, слабо поднимая перебитые крылья.

Но самым пугающим во всем этом была полная тишина.

Ни карканья, ни криков.

Лишь неистовое хлопанье крыльев — после чего мягкий шлепок пернатого тела об утрамбованную землю и камни.

Возница осенил себя крестным знамением и остановил повозку. Его глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, не отрывались от неба. Лошадка, встряхивая головой, тяжело дышала, выпуская в прохладный утренний воздух облачка пара.

— Едем дальше, — сказал путник, сидящий в повозке.

Мартин Борр, младший из королевских коронеров, был направлен сюда тайным эдиктом самого короля Вильгельма.

Кутаясь в теплый шерстяной плащ, Мартин думал о грамоте, скрепленной воском с оттиском большой королевской печати. Казна была обременена тяготами войны, и Вильгельм разослал по всей стране десятки королевских комиссаров, чтобы они составили полную опись его земель и владений. Все собранные сведения заносились в громадную книгу под названием «Земельная опись Англии» одним ученым, писавшим на загадочной разновидности латыни. Делалось это все для того, чтобы точно определить размер податей, которые должны были собираться казной.

По крайней мере, так утверждалось.

Были и те, кто подозревал, что столь подробное изучение всех земель было осуществлено с другой целью. Эти люди сравнивали книгу с библейским описанием Судного дня. В Библии говорится, что Бог ведет учет всех человеческих деяний в Книге жизни. И постепенно молва закрепила за плодом этих великих исследований другое название: «Книга Судного дня».

Скептики, сами того не подозревая, были близки к истине.

Мартин прочитал запечатанную воском грамоту. Он видел, как одинокий писец дотошно заносит сведения, полученные от королевских комиссаров, в огромный том, а в конце ученый вывел по-латыни одно-единственное слово, красными чернилами.

Vastare.

«Опустошенный».

Этим словом были отмечены многие области, в том числе земли, разоренные войной и грабежами. Но две записи были полностью сделаны кроваво-красными чернилами. Одна описывала уединенный остров, затерявшийся между побережьями Ирландии и Англии. И вот теперь Мартин приближался ко второму из этих мест, получив королевский приказ провести подробное исследование. Он дал клятву молчать; в помощь ему были выделены три человека. Сейчас они следовали за повозкой верхом.

Возница дернул поводья, побуждая чудовищно огромного гнедого тяжеловоза ускорить шаг. Повозка двинулась вперед, наезжая колесами на трепещущие тела воронов, с хрустом сокрушая кости и разбрызгивая кровь.

Наконец они поднялись на гребень, откуда открылся вид на раскинувшуюся внизу плодородную долину. Вдалеке приютилась деревушка, зажатая с одной стороны каменным особняком, а с другой — церковью со шпилем. Остальными строениями были десятка два бревенчатых домов и россыпь деревянных овчарен и голубятен.

— Милорд, это проклятое место, — пробормотал возница. — Помяните мое слово. И разорила здесь все не чума.

— Мы прибыли сюда как раз для того, чтобы все выяснить.

В лиге позади горная дорога была перекрыта королевским отрядом. Дальше не пропускали никого, и все же это не могло остановить ходившие по окрестным деревням и селам слухи о том, что на долину обрушился какой-то странный мор.

— Проклятое, — повторил возница, направляя повозку вниз по дороге в сторону деревни. — Я слышал рассказы о том, что эти земли когда-то принадлежали безбожникам кельтам. Говорят, для них, язычников, они были священными. По-прежнему в чащах на склонах вон тех холмов можно найти их камни.

Он указал морщинистой рукой на густые леса, которые покрывали вершины высоких холмов, устремленных в небо. Туман, цеплявшийся за верхушки деревьев, превращал зелень крон в грязные оттенки серого и черного.

— Кельты прокляли это место, я вам точно говорю. Принесли погибель тем, кто носит крест.

Мартин Борр не желал слушать эти бредни. Тридцати двух лет от роду, он обретал знания под руководством лучших ученых от Рима до Британии. И сюда вместе со знатоками своего дела явился, чтобы установить истину.

Развернувшись, Мартин махнул рукой, указывая на маленькую деревушку, и трое всадников пришпорили лошадей. Каждый из них знал свою задачу. Мартин последовал

за ними, без лишней спешки, изучая и оценивая все, что встречалось на пути. Уединенная деревушка в этой небольшой горной долине, известная под названием Хайглен, славилась в здешних краях своими гончарными изделиями. Глина добывалась из горячих источников, каковыми и объяснялась туманная дымка, затягивающая лес на вершинах. Говорили, что местный способ обжига и состав глины являлись строго оберегаемыми секретами, в которые были посвящены только жители деревни.

И теперь все эти секреты утеряны навсегда.

Повозка, громыхая, катилась по дороге, мимо полей, засаженных рожью, овсом, бобами, мимо грядок овощей. На одних полях, судя по виду, недавно собрали урожай, другие, похоже, были подожжены.

Неужели жители деревни заподозрили правду?

По мере того как повозка спускалась в долину, становились видны ряды овчарен, обрамленных высокими живыми изгородями, которые частично скрывали царящий внутри ужас. Сочные пастбища были испещрены оспинами сотен кучек шерсти, вздутых трупов овец. Ближе к деревне появились также застигнутые смертью свиньи и козы, распростертые на земле, с ввалившимися глазами. В поле валялась пара здоровенных волов, по-прежнему впряженных в плуг.

Повозка подъехала к самой деревушке, спрятанной в зелени деревьев. Вокруг стояла полная тишина. Путников не встретил ни лай собак, ни кудахтанье кур, ни крик осла. Не зазвонил церковный колокол, никто не окликнул чужаков, появившихся в селении.

Тишина была гнетущей.

Как вскоре было установлено, большинство умерших жителей лежали у себя дома, слишком обессиленные перед смертью, чтобы выйти на улицу. Но одно тело застыло на траве, недалеко от каменных ступеней особняка. Мертвый мужчина лежал ничком там, где и упал, возможно свалившись с лестницы и свернув себе шею. Но даже с высоты повозки

Мартин обратил внимание на высохшую кожу, обтянувшую кости, на глубоко запавшие глаза, на неестественную худобу.

То же самое истощение наблюдалось и у домашних животных в поле. Казалось, вся деревня долго была в осаде и все живое в ней умерло от голода.

Послышался приближающийся стук копыт. Реджинальд осадил коня рядом с повозкой.

— Все закрома полны, — доложил он, вытирая руки о штаны. — И еще там крысы и мыши.

Мартин вопросительно посмотрел на высокого, покрытого шрамами воина, пришедшего вместе с королем Вильгельмом с севера Франции.

— Дохлые, как и все вокруг. В точности как на том проклятом острове.

— Но теперь мор дошел до наших берегов, — пробормотал Мартин. — Пришел к нам на землю.

Вот почему их послали сюда, вот почему дорога в деревню была перекрыта, вот почему все они дали клятву хранить молчание.

— Жирар подыскал вам хороший труп, — продолжал Реджинальд. — Посвежее остальных. Мальчишку. Жирар оттащил его в кузницу.

Он указал на деревянный сарай с каменной трубой.

Кивнув, Мартин вылез из повозки. Он должен был убедиться наверняка, а для этого существовал только один путь. Его долг как королевского коронера заключался в том, чтобы выведать правду у мертвых. Хотя самую кровавую часть работы Мартин решил оставить французскому мяснику.

Мартин шагнул в открытую дверь кузницы. Жирар уже ждал его там, склонившись перед остывшим горнилом. Француз трудился в войске короля Вильгельма, отпиливая воинам изувеченные члены и тем самым спасая им жизнь.

Жирар освободил стол посреди кузницы и уже снял одежду с тела мальчишки и привязал его к столу. Мартин окинул взглядом бледное, исхудавшее тело. Его собственный сын был приблизительно такого же возраста, но жуткая смерть

состарила несчастного паренька, покрыла его морщинами, каких не должно быть в его восемь или девять лет.

Пока Жирар готовил ножи, Мартин осмотрел тело внимательнее. Ущипнув кожу, он отметил полное отсутствие жировой прослойки. Затем изучил растрескавшиеся губы, клочки уцелевших на голове волос, распухшие щиколотки и ступни, но наибольшее внимание уделил выступающим костям, водя по ним руками, словно пытаясь прочитать на ощупь карту: ребра, скулы, глазницы, таз.

Что здесь произошло?

Мартин понимал, что ответ не лежит на поверхности.

Жирар подошел к столу, сжимая в руке длинное серебристое лезвие.

— Ну что, сударь, принимаемся за работу?

Мартин молча кивнул.

Через четверть часа тело мальчика походило на выпотрошенную свинью. Кожа, рассеченная от паха до горла, была содрана и приколота к доскам стола. Туго переплетенные внутренности лежали в окровавленной брюшной полости, вздутые и розовые. Из-под ребер торчала распухшая желтовато-бурая печень, слишком большая для такого маленького ребенка, иссушенного до костей и хрящей.

Жирар подошел к вскрытому животу. Его руки исчезли в ледяных глубинах.

Мартин, оставаясь в стороне, прикоснулся рукой ко лбу и беззвучно зашевелил губами, моля усопшего простить за это бесцеремонное вторжение. Конечно, сейчас было слишком поздно ждать от мальчишки прощения. Но его мертвое тело еще могло оказать последнюю услугу — подтвердить худшие опасения.

Жирар вытащил желудок покойного, упругий и белый, от которого свисала распухшая багровая селезенка. Несколькими умелыми движениями ножа француз рассек сплетение кишок и бросил освобожденный желудок на стол. Еще один ловкий разрез — и желудок раскрылся пополам. Словно из

испорченного рога изобилия, на доски пролилось густое зеленоватое месиво непереваренного хлеба и зерна.

Тотчас же по всей кузнице распространился зловонный запах, сильный и резкий. Мартин прикрыл рукой рот и нос — защищаясь не от смрада, а от жуткой правды.

— Мальчишка умер от голода, это очевидно, — сказал Жирар. — Однако он умер от голода с полным желудком.

Мартин отступил назад, чувствуя, как леденеет все внутри. Вот оно, неопровержимое доказательство. Конечно, для полной уверенности надо будет еще изучить другие трупы. Но и здесь, похоже, причина смерти была той же самой, что и на острове, обозначенном в «Книге наблюдений» словом «опустошенный».

Мартин не мог оторвать взгляд от выпотрошенного детского тела. Теперь понятно, в чем заключалась истинная причина их секретной миссии. Найти язву, поразившую родную землю, и истребить ее, прежде чем она успеет распространиться. Причина смерти всех жителей деревни была той же, что и на затерянном острове. Люди, пораженные странной болезнью, ели и ели, но в конце концов умирали от голода, не получая питательных веществ, полностью истощенные.

Отвернувшись от стола, Мартин вышел из полумрака кузницы на солнечный свет и жадно глотнул свежий воздух. Он устремил взгляд вдаль, на сплошную гряду холмов, покрытых буйной зеленью. Налетевший порыв ветра зашевелил поля ячменя и овса, пшеницы и ржи. Мартин мысленно представил себе человека, плывущего на плоту посреди океана, умирающего от жажды, окруженного со всех сторон водой, пить которую нельзя.

Здесь было то же самое.

Мартин зябко поежился в бледных лучах весеннего солнца. Ему хотелось оказаться как можно дальше от этой долины, но его внимание привлек крик, донесшийся справа, из противоположного конца деревни. Перед распахнутой дверью стояла фигура, облаченная во все черное. На мгновение Мартин испугался, что это сама Смерть, но затем фигура за-

махала рукой, разрушая образ. Это был аббат Оррен, последний член маленького отряда, настоятель Келлского аббатства в Ирландии. Он стоял у входа в деревенскую церковь.

— Идите взгляните на это! — крикнул аббат.

Мартин поспешил к нему. Это был скорее интуитивный порыв, чем сознательное усилие. Молодому коронеру не хотелось возвращаться в кузницу. Пусть мальчишкой занимается французский мясник. Пройдя через деревню, Мартин поднялся по ступеням и присоединился к католическому монаху.

— В чем дело, аббат Оррен?

Развернувшись, монах направился внутрь церкви.

— Это самое настоящее богохульство! — в негодовании бросил он на ходу. — Взгляните, как эти люди осквернили святое место! Неудивительно, что всех их сразила кара Господня.

Мартин поспешил следом за аббатом. В своем не по размеру большом теплом плаще тощий как скелет монах казался привидением. Из всех них он один побывал на мертвом острове у берегов Ирландии и стал свидетелем тамошнего опустошения.

— Святой отец, вы нашли то, что искали? — спросил Мартин.

Вместо ответа аббат двинулся в глубь церковного зала. Мартину не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Внутри царил угрюмый полумрак. Земляной пол покрывал слой соломы. Скамей не было, за частыми стропилами виднелась низкая крыша. Единственный свет проникал из пары узких, высоких окон в дальней стене, падая полосами на алтарь — простую каменную плиту. Вероятно, голый камень раньше закрывало алтарное полотно, но сейчас оно было сорвано, отброшено в сторону — по-видимому, это сделал монах, проводивший поиски.

Подойдя к алтарю, аббат Оррен дрожащей рукой указал на каменную глыбу. Его трясло от гнева.

— Это просто богохульство, — повторил он, — вырезать языческие символы в доме Господа.

Мартин подошел ближе и склонился над алтарем. Поверхность плиты была покрыта изображениями солнечных дисков с расходящимися лучами и закрученных спиралей, кругов и странных запутанных узоров, несомненно языческих.

— Почему эти набожные люди совершили подобный грех?

— Я не думаю, что это дело рук жителей Хайглена, — возразил Мартин.

Он провел рукой по алтарю. Его пальцы ощутили древний возраст полустертых изображений. Определенно они были очень старые. Мартин вспомнил слова возницы о том, что это место проклятое, что для древних кельтов эта земля была священна и их огромные камни по-прежнему можно найти в затянутых туманной дымкой лесах на вершинах окрестных холмов.

Мартин выпрямился. Судя по всему, один из этих камней приволокли в Хайглен и превратили в алтарь деревенской церкви.

— Если жители деревни тут ни при чем, то как еще можно объяснить вот это? — спросил аббат.

Подойдя к стене за алтарем, он махнул рукой, указывая на большое изображение на ней. Оно было нарисовано совсем недавно, судя по красновато-бурому цвету, кровью. Рисунок изображал круг, рассеченный на четыре части крестом.

Мартину уже приходилось видеть подобные изображения на надгробиях и древних развалинах. Кельтские жрецы считали этот символ священным.

— Языческий крест, — пробормотал Мартин.

— Такой же мы нашли на том острове, им были помечены все двери.

— Но что это означает?

Аббат прикоснулся к серебряному кресту, висящему на шее.

— Все так, как и опасался король. Змеи, которыми кишела Ирландия, изгнанные с острова святым Патриком, перебрались на наши берега.

Мартин понял, что монах имел в виду не настоящих лесных змей, а языческих жрецов, носящих изогнутые посохи, похожие на змей, на друидов, предводителей древних кельтов. Святой Патрик обратил язычников в истинную веру или изгнал из Ирландии.

Но это было шесть столетий назад.

Обернувшись, Мартин посмотрел сквозь распахнутую дверь церкви на мертвую деревню. У него в голове прозвучали слова Жирара: «Мальчишка умер от голода с полным желудком».

В этом не было никакого смысла.

— Все это нужно сжечь, — пробормотал у него за спиной аббат. — А землю засеять солью.

Мартин молча кивнул, однако у него в груди росла тревога. Сможет ли пламя уничтожить то, что было сотворено здесь? Он не мог ответить на это наверняка, но не вызывало сомнений одно.

До конца было еще очень далеко.

Настоящее время.
8 октября, 23 часа 55 минут.
Ватикан

Отец Марко Джованни прятался в темном каменном лесу.

Массивные мраморные колонны, поддерживающие своды собора Святого Петра, разделяли пол на отдельные капеллы, залы, ниши. Священное место украшали работы великих мастеров: «Оплакивание Христа» Микеланджело, балдахин Бернини, бронзовая статуя «Святой Петр на престоле».

Марко знал, что в этом каменном лесу он не один. Где-то здесь, скорее всего в дальней части собора, затаился охотник, выжидая удобного момента.

Три часа назад Джованни получил записку от собрата-археолога, также служителя церкви, своего бывшего наставника во время обучения в Григорианском университете в Риме. Тот пригласил его встретиться здесь в полночь.

Однако, как оказалось, это была западня.

Прислонившись спиной к колонне, Марко зажимал правой рукой левый бок, стараясь хоть как-то остановить кровотечение. Мягкие ткани были разрезаны до самых ребер. Горячая липкая жидкость струилась между пальцами. В левой руке священник держал доказательство, которое было ему так нужно, — древний кожаный мешочек размером не больше кошеля для монет. Он сжимал мешочек так крепко, словно от этого зависела его жизнь.

Марко чуть сместился вбок, чтобы осторожно выглянуть из-за колонны и осмотреть неф, и кровотечение усилилось. Тяжелые капли упали на мраморный пол. Ждать дальше было нельзя, иначе он слишком ослабеет. Мысленно прочитав молитву, он оттолкнулся от колонны и побежал по нефу по направлению к папскому алтарю. Каждый гулкий шаг отзывался резкой болью в боку. Но рану эту оставил не нож. Стрела, вспоров Марко бок, глубоко впилась в спинку деревянной скамьи. Она была короткая, толстая, черная. И выпустили ее из арбалета. Укрываясь за колонной, отец Джованни внимательно изучил стрелу. У нее на конце светился красный светодиод, подобный огненному глазу во мраке.

Не зная, как ему быть, Марко просто бежал, низко пригнувшись. Он сознавал, что, скорее всего, умрет, однако тайна, которую он узнал, была гораздо важнее его жизни. Надо только продержаться еще совсем немного, добраться до дальнего выхода, найти одного из швейцарских гвардейцев, несущих дежурство, и передать известие папе.

Не обращая внимания на боль и ужас, Марко бежал.

Папский алтарь был прямо впереди. Над ним на витых колоннах был установлен бронзовый балдахин работы Бернини. Марко взял чуть левее, стремясь попасть в поперечный неф. Он увидел массивную статую Александра VII и спрятанную под ней дверь.

Эта дверь выходит на пьяцца Санта-Марта.

Если только...

Тычок в живот лишил Марко последней надежды. Отшатнувшись назад, он опустил взгляд. Этот удар был нанесен не кулаком. Из рубашки торчал короткий стальной стержень с пластмассовым оперением на конце. Боль пришла со следующим вдохом, разливаясь внутрь. Как и первая стрела, эта тоже светилась горящим глазом. Диод располагался на прямоугольном утолщении у основания стрелы.

Марко нетвердой походкой двинулся назад. Зашевелившаяся у двери тень оказалась фигурой в пестром мундире швейцарских гвардейцев — несомненно, это была маскировка. Опустив арбалет, убийца вышел из дверной ниши, где укрылся, подкарауливая свою жертву.

Отступив к алтарю, Марко приготовился бежать обратно в глубь нефа. Но затем он заметил еще одного человека, также в мундире швейцарских гвардейцев. Нагнувшись к скамье, второй убийца выдернул засевшую в дереве стрелу.

Нахлынувшая волна ужаса заставила Марко забыть о боли в животе. Он повернул вправо, к другому поперечному нефу, но обнаружил, что и здесь его уже опередили. Из прячущейся в темноте исповедальни вышла третья фигура, также с арбалетом в руках.

Джованни понял, что он в западне.

Собор имел в плане форму креста, три луча которого были перегорожены убийцами. Бежать оставалось только в одну сторону. В апсиду, к вершине креста. Но это был тупик.

И все же Марко, как мог, поспешил в апсиду.

Впереди возвышался алтарь Святого Петра, массивное позолоченное сооружение, украшенное фигурами святых и ангелов, в котором хранилась кафедра Святого Петра. Над

ним — белоснежное овальное окно с изображением Святого Духа в виде голубя.

Но надежды не было и там.

Повернувшись к окну спиной, Марко огляделся вокруг. Слева от него возвышалась гробница папы Урбана VIII. Мраморный саркофаг украшало изваяние Смерти в виде скелета, возвещающее о неизбежной судьбе всех людей... и, вероятно, предсказывающее конец самого Марко.

— Lilium et rosa, — прошептал Марко.

Лилия и роза.

В далеком двенадцатом веке одного ирландского священника по имени Малахия, еще при жизни канонизированного в святые, посетило видение: ему явились все папы, начиная от его эпохи и до скончания мира. Согласно видению, всего пап должно быть сто двенадцать. Каждого из них Малахия описал краткой загадочной фразой. Например, Урбан VIII, родившийся через пятьсот лет после смерти Малахии, был определен словами «лилия и роза». И, как и все остальное пророчество, эта характеристика оказалась верной: папа Урбан VIII родился во Флоренции, на гербе которой красуется алая лилия.

Но самым страшным было то, что нынешний папа в списке святого Малахии значился предпоследним. Согласно пророчеству, следующий глава католической церкви увидит конец света.

Прежде Марко не придавал значения подобным фантазиям — но сейчас, когда его пальцы крепко сжимали крошечный кожаный мешочек, он гадал, насколько человечество в действительности близко к Армагеддону.

Марко вздрогнул, услышав шаги. Один из убийц приближался к нему. У него осталось время лишь на одно, последнее действие.

Он не раздумывал ни секунды. Зажав кровоточащую рану, чтобы не оставлять следов, Марко переместился в сторону и спрятал то, что должен был сохранить. Покончив с этим, он вернулся в центр апсиды и, не надеясь на спасение, упал на

колени в ожидании смерти. Шаги приблизились к алтарю. Показалась человеческая фигура. Мужчина остановился и вгляделся в темноту.

Это был не убийца.

И этого человека Марко хорошо знал.

Джованни застонал, привлекая внимание новоприбывшего. Тот удивленно застыл, затем поспешил к раненому.

— Марко?

Слишком обессиленный, чтобы подняться на ноги, Марко только смотрел на него, на мгновение поколебавшись между надеждой и подозрением. Но вот мужчина бросился к нему с неподдельной тревогой на лице. Это был бывший наставник Марко, человек, назначивший нынешнюю полуночную встречу.

— Монсиньор Верона... — с трудом выдавил Марко, забывая обо всех подозрениях, чувствуя сердцем, что этот человек его никогда не предаст.

Подняв руку, Марко разжал пустую ладонь. Другая его рука схватилась за оперенный конец стрелы, по-прежнему глубоко воткнутой в живот.

Мигнувший отсвет привлек его внимание вниз. У него на глазах красный огонек светодиода на конце стрелы сменился зеленым.

Нет...

Взрыв швырнул Марко на мраморный пол, оставив след крови, дыма и вывалившихся внутренностей. С зияющей дырой на месте живота отец Джованни повалился на бок у подножия алтаря. Закатившиеся глаза остановились на возвышающемся позолоченном монументе.

В угасающем сознании всплыло имя.

Petrus Romanus.

Петр из Рима.

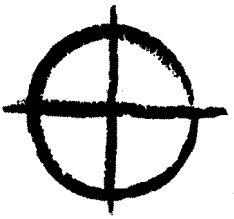
Это имя было последним в пророческом списке святого Малахии — имя человека, который сменит нынешнего главу католической церкви и станет последним папой на земле.

И поскольку он, Марко, сегодня потерпел неудачу, предотвратить такой исход уже невозможно.

Перед глазами у Марко все померкло. Он потерял слух. У него не осталось сил, чтобы говорить. Лежа на боку, он смотрел через апсиду на гробницу папы Урбана, на бронзовый скелет, выбирающийся из склепа. На костлявом пальце у скелета висел крошечный мешочек, который отец Джованни так оберегал. Марко представил себе древний символ, выжженный на коже.

В нем была единственная надежда для мира.

С последним вздохом Марко помолился, чтобы этого оказалось достаточно.

Часть первая

СПИРАЛЬ И КРЕСТ

Вторник, 9 мая.
Для немедленной публикации

«ВИАТУС» БЕРЕТ КУРС НА РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕХВАТКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Осло, Норвегия («Деловые новости»). «Виатус интернэшнл», ведущая на мировом рынке нефтехимическая компания, объявила сегодня о создании нового подразделения, которое будет заниматься биогенетическими исследованиями в области зерновых культур.

«Задача нового подразделения будет заключаться в разработке технологий, которые помогут резко увеличить производительность сельского хозяйства, что позволит удовлетворять растущие мировые потребности в продовольствии и топливе, — сообщил Ивар Карлсен, президент компании «Виатус интернэшнл». — Создав отделение биогенетических исследований зерновых культур, мы намереваемся бросить на борьбу с этой угрозой все наши силы, организовав нечто вроде сельскохозяйственного эквивалента «Манхэттенского проекта»[1]. Ни о какой неуда-

[1] «Манхэттенский проект» — кодовое название правительственной научно-промышленной программы создания атомной бомбы, принятой в США в 1942 году. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

че речи идти не может — в этом заинтересована как наша компания, так и весь мир».

В последние годы новые методы гибридизации и трансгенных технологий, запатентованные компанией, позволили увеличить урожайность зерновых, кукурузы и риса на тридцать пять процентов. По словам Карлсена, «Виатус» ожидает удвоения этих показателей в ближайшие пять лет.

Карлсен объяснил, чем была вызвана необходимость этого нового подразделения, в своей сегодняшней речи на конференции по проблемам продовольствия, которая проходит сейчас в Буэнос-Айресе. Ссылаясь на данные Всемирной организации здравоохранения, Карлсен напомнил, что около трети населения Земли угрожает голод. «Мы стоим перед лицом глобального продовольственного кризиса, — сказал он. — Большинство тех, кто постоянно недоедает, живет в странах третьего мира. Голодные бунты распространяются по всему земному шару, еще больше накаляя обстановку в регионах, и без того являющихся нестабильными».

Проблема нехватки продовольствия, констатировал Карлсен, в новом тысячелетии выходит на первое место, опережая проблемы нехватки энергетических ресурсов и питьевой воды. «Настоятельно необходимо, как с точки зрения заботы о глобальной безопасности, так и из чисто гуманитарных соображений, значительно увеличить производство продуктов питания за счет новых биотехнологий».

Ведущая роль в сельскохозяйственных нововведениях: компания «Виатус интернэшнл», входящая в список ста крупнейших компаний журнала «Форчун», имеет свою штаб-квартиру в Осло. Основанная в 1802 году, компания поставляет свою продукцию в сто восемьдесят стран мира, повышая продолжительность и качество жизни путем исследований и инноваций. Ее акции продают-

ся на Нью-Йоркской фондовой бирже под символом «ВИ». Название «Виатус» образовано из двух латинских слов: «via» — путь и «vita» — жизнь.

1

9 октября, 4 часа 55 минут.
Мали, Западная Африка

Джейсона Гормена разбудила стрельба. Он спал как убитый, и ему потребовалось какое-то мгновение, чтобы вспомнить, где он находится. Ему снилось, что он в гостях в загородном доме своего отца в отдаленной части штата Нью-Йорк, купается в озере. Но противомоскитная сетка, которой, словно коконом, была укутана его койка, и предрассветный холод пустыни быстро вернули его к действительности.

Это, а также крики.

С бешено колотящимся сердцем Джейсон отшвырнул ногами тонкое одеяло и отдернул сеть. Внутри палатки Красного Креста царила кромешная темнота, но сквозь брезент просвечивали дрожащие багровые отблески, говорящие о том, что в восточной части лагеря беженцев начался пожар. Где-то рядом вспыхнуло еще что-то, и языки пламени заплясали за всеми четырьмя стенками палатки.

«О господи...»

Несмотря на панику, Джейсон сразу же понял, что произошло. Его подробно проинструктировали перед отъездом в Африку. На протяжении всего прошлого года повстанческие силы туарегов нападали на лагеря беженцев, охотясь в первую очередь за продовольствием. В столице Республи-

ки Мали не прекращались беспорядки, и цена на рис и маис взлетела в три раза. В северных районах продовольствие стало новым золотом. Трем миллионам человек угрожал голод.

Вот почему Джейсон приехал сюда.

Его отец спонсировал обустройство экспериментальной фермы, которая раскинулась на территории в шестьдесят акров к северу от лагеря. Основное финансирование осуществляла корпорация «Виатус», за работами наблюдали биологи и генетики из Корнеллского университета. Здесь проводились испытания новых генетически модифицированных сортов кукурузы, выведенных специально для этих выжженных солнцем, засушливых мест. Урожай с первого поля был собран не далее как на прошлой неделе; кукуруза выросла лишь на трети воды, которая понадобилась бы для орошения в обычных условиях. Судя по всему, кому-то это совсем не нравилось.

Джейсон босиком выскочил из палатки. Он по-прежнему был в шортах и свободной рубашке, в которых и упал в кровать вчера вечером. В предрассветном полумраке единственным источником света было пламя пожаров.

Вероятно, генераторы вышли из строя.

Во мраке гулкими отголосками разносились автоматные очереди и крики. Повсюду метались неясные тени: объятые ужасом беженцы пытались спастись бегством. Однако движение это было хаотическим; людской поток устремлялся то в одну сторону, то в другую. Винтовочные выстрелы и частый треск пулеметов доносились отовсюду, и никто не знал, куда бежать.

Один только Джейсон знал, куда ему нужно.

Криста до сих пор находилась в научно-исследовательском центре. Три месяца назад Джейсон познакомился с ней в Штатах, во время инструктажа. Делить с ним его кокон из противомоскитной сетки она начала лишь в прошлом месяце. Однако вчера вечером Криста осталась в центре. Она собиралась работать всю ночь, заканчивая анализ ДНК кукурузы первого урожая.

Необходимо ее найти.

Проталкиваясь навстречу людскому потоку, Джейсон поспешил к северной оконечности лагеря. Как он и опасался, стрельба и пожары там были самыми сильными. Вероятно, повстанцы решили захватить собранный урожай. До тех пор пока никто не будет им мешать, все останутся живы. Пусть грабители забирают кукурузу. Как только добыча окажется у них в руках, они скроются в ночи так же стремительно, как и появились. Весь урожай кукурузы все равно должны были уничтожить. До проведения всесторонних анализов использовать ее в пищу было нельзя.

Завернув за угол, Джейсон упал, споткнувшись о первого встреченного убитого, подростка лет пятнадцати, распростертого в проходе между убогими лачугами, которые здесь считались домами. Мальчишка погиб от пули, а затем его затоптали. Джейсон отполз в сторону, потом поднялся на ноги и побежал прочь.

Еще через сотню отчаянных ярдов он добрался до северного края лагеря. Здесь трупы уже валялись повсюду, нагроможденные друг на друга, — мужчины, женщины, дети. Тут произошла настоящая бойня. Некоторые тела были буквально разорваны пополам пулеметными очередями. За полем смерти стояли сборные металлические ангары научно-исследовательского центра, подобные черным кораблям, застрявшим в западноафриканской саванне. Там не было ни огонька — лишь пламя пожаров.

«Криста...»

Джейсон застыл на месте. Он хотел идти дальше и проклинал собственную трусость. Но ноги не слушались его. На глаза навернулись слезы отчаяния.

Внезапно позади послышался размеренный гул. Обернувшись, Джейсон увидел пару вертолетов, пролетающих прямо над осажденным лагерем, у самой земли. Несомненно, это вертолеты правительственных войск с расположенной неподалеку базы. Корпорация «Виатус» разбрасывала американ-

ские доллары мешками, стремясь обеспечить дополнительную безопасность экспериментальной фермы.

У Джейсона из груди вырвался судорожный вздох. Вертолеты без труда прогонят повстанцев. Проникнувшись новой уверенностью, он побежал через поле, все же низко пригибаясь. Он направлялся к ближайшему ангару, до которого было меньше ста ярдов. Там его укроет густая тень, а лаборатория Кристы находится в следующем ангаре. Джейсон молил Бога, чтобы девушка спряталась там.

Когда Джейсон добежал до задней стены ангара, у него за спиной вспыхнул яркий свет. Ослепительный луч прожектора, вырвавшийся из головного вертолета, прошелся по лагерю беженцев. Джейсон хрипло вздохнул.

Это напугает повстанцев, заставит их уйти.

Затем с обеих сторон вертолета застрочили пулеметы, обрушив на лагерь свинцовый дождь. У Джейсона застыла кровь в жилах. Это был не хирургический удар по вторгнувшимся силам повстанцев. Это было полномасштабное уничтожение.

Второй вертолет зашел с другой стороны, описывая круг над дальней частью лагеря. Из заднего люка вывалились бочки, которые взорвались при ударе о землю, выбросив в небо языки пламени. Крики стали еще громче. Джейсон увидел, как один мужчина убегает в пустыню, полностью голый, с горящей кожей на спине. Град зажигательных бомб приближался к тому месту, где находился Джейсон.

Развернувшись, он бросился вокруг ангара.

Впереди находились поля и элеваторы, но там спасения не будет. Со стороны ровных рядов кукурузы приближались черные фигуры. Джейсон решил рискнуть и пересечь открытое пространство, чтобы добраться до лаборатории Кристы. Окна ангара были темными, а единственная дверь выходила на поле.

Джейсон медлил, собираясь с духом. Один последний рывок — и он окажется внутри ангара. Но прежде чем он успел сделать хоть шаг, новые струи пламени озарили дальнюю

часть поля. Цепочка людей с огнеметами шла вдоль рядов кукурузы, сжигая еще не собранный урожай.

«Черт побери, что здесь происходит?»

Вдалеке справа одинокая башня элеватора взорвалась огненным смерчем, взметнувшимся высоко в небо. Опомнившись от шока, Джейсон бросился к распахнутой двери ангара и нырнул внутрь.

В отсветах пожаров помещение выглядело нетронутым, даже опрятным. Дальняя половина ангара была заставлена всевозможным научным оборудованием, которое использовалось для проведения генетических и биологических исследований: микроскопами, центрифугами, инкубаторами, термостатами, устройствами гель-электрофореза. Справа стояли столы с переносными компьютерами, оборудованием спутниковой связи, аккумуляторами бесперебойного питания.

Экран одного компьютера, работающего на аккумуляторах, светился заставкой. Он стоял на столе Кристы, но самой девушки видно не было.

Подбежав к столу, Джейсон провел большим пальцем по клавиатуре. Заставка исчезла, сменившись открытым окном электронной почты. И снова это была почта Кристы.

Джейсон лихорадочно огляделся вокруг.

Судя по всему, Криста бежала, но куда?

Джейсон быстро вошел в свой ящик электронной почты и набрал служебный адрес отца на Капитолийском холме. Пытаясь отдышаться, он торопливо отстучал несколько кратких предложений, описывающих нападение. Если ему не удастся спастись, пусть о случившемся станет известно. Джейсон уже собирался нажать клавишу «отправить», но тут его осенила одна мысль. На рабочий стол были выложены какие-то файлы Кристы. Джейсон присоединил их к своему сообщению и только после этого отправил его. Наверняка это было что-то важное для Кристы.

Электронное сообщение ушло к адресату не сразу. Присоединенные файлы были огромными; для их перекачки потребуется не меньше минуты. Но Джейсон не мог больше

ждать. Оставалось надеяться, что энергии аккумулятора хватит, чтобы полностью передать сообщение.

Боясь задерживаться здесь, Джейсон развернулся к двери. Ему все равно не узнать, куда пропала Криста. Хотелось надеяться, что девушке удалось скрыться в пустыне. И туда сейчас поспешит он сам. Там целый лабиринт оврагов и русел пересохших рек. Если понадобится, можно будет укрываться там несколько дней.

Джейсон бросился к двери, и тут проем загородил черный силуэт. Ахнув, Джейсон попятился назад. Фигура шагнула в ангар и удивленно прошептала:

— Джейс, это ты?

Джейсона захлестнула волна облегчения.

— Криста...

Он бросился к ней, широко раскрывая объятия. Они спасутся вместе.

— О, Джейсон, слава богу!

Его радость была сравнима с той, которую испытывала Криста, — до тех пор, пока она не подняла пистолет и трижды не выстрелила ему в грудь. Пули тяжелыми кулаками сбили Джейсона с ног, отбросив на пол. Затем накатила обжигающая боль, сделавшая ночь еще темнее. Где-то вдалеке продолжали звучать выстрелы, взрывы, новые крики.

Криста склонилась над ним.

— Твоя палатка была пуста. Мы решили, тебе удалось бежать.

Джейсон закашлялся, не в силах ничего ответить, потому что рот его заполнился кровью.

Судя по всему, удовлетворенная его молчанием, Криста развернулась и направилась назад, в кошмар пламени и смерти. На мгновение она задержалась в дверях, вырисовываясь черным силуэтом на фоне пылающих полей, затем исчезла в ночи.

Джейсон тщетно пытался что-либо понять.

«Почему?»

Его заволакивал мрак. Он понял, что так и не узнает ответ на этот вопрос, и все же перед смертью успел кое-что услышать. Компьютер на соседнем столе пискнул. Сообщение было отправлено.

2

10 октября, 7 часов 04 минуты.
Лесной парк Принца Уильяма.
Штат Виргиния

Ему нужно было прибавить скорость.

Низко пригнувшись к рулю мотоцикла, коммандер Грейсон Пирс заложил крутой вираж. Наклонив свое шестифутовое тело к центру поворота, он едва не ободрал колено о землю, буквально укладывая мотоцикл горизонтально.

Двигатель взревел, откликаясь на открытую до конца дроссельную заслонку. Мотоцикл выпрямился, устремляясь вперед. Цель мчалась на удалении пятидесяти ярдов на обтекаемой «Хонде». Грей преследовал ее на старой «Ямахе». Оба мотоцикла были оснащены четырехцилиндровыми двигателями, но машина Грея была более тяжелой и громоздкой. Для того чтобы догнать «Хонду», ему придется показать все свое мастерство.

И, возможно, понадобится еще немного везения.

Оба мотоцикла выехали на короткую прямую дорогу, рассекающую лесной массив. По обеим сторонам от нее тянулись густые заросли широколиственных деревьев. Сочетание высоких буков и ясеней создавало впечатляющее зрелище, особенно сейчас, в октябре, когда листва меняла цвет. К сожалению, накануне вечером разразилась сильная гроза, и ветер сорвал листву, покрыв асфальт пятнами скользкой мокрой грязи.

Грей снова дал полный газ. Ускорение буквально толкнуло его в спину. Чуть дернувшись из стороны в сторону,

мотоцикл ракетой устремился по прямой. Прерывистая дорожная разметка слилась в сплошную линию.

Но другой мотоциклист также воспользовался тем преимуществом, которое открывал прямой участок. Пока что большая часть шоссе номер 619 представляла собой головокружительные «американские горки» внезапных поворотов, крутых подъемов и смертельных спусков. Продолжающаяся уже час гонка проходила очень жестко, но Грей и не думал о том, чтобы отстать от второго гонщика.

Цель сбросила скорость, входя в следующий поворот, и расстояние между мотоциклами сократилось. Грей же не стал притормаживать. Быть может, это было опрометчиво, но он знал возможности своей «Ямахи». С тех пор как мотоцикл оказался у него, он постоянно обращался к инженерам УППОНИР, Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, и те вносили в конструкцию все новые усовершенствования.

Они были перед Греем в долгу.

Отряд «Сигма», в котором он служил, представлял собой силовое подразделение УППОНИР. Этот отряд состоял из бывших бойцов войск специального назначения, которые, помимо опыта оперативной работы, также обладали серьезными познаниями в той или иной области науки.

Одним из усовершенствований мотоцикла был дисплей, встроенный в шлем. На стекле забрала слева высвечивались показания приборов: скорость, частота оборотов, температура масла. В правой части выводилась навигационная карта, а также предложения по оптимальным передаче и скорости, соответствующим данным дорожным условиям.

Краем глаза Грей отметил, что стрелка тахометра зашла в красную зону. Справа тревожно замигала навигационная матрица — он входил в поворот слишком быстро.

Не обращая внимания на эти предупреждения, Грей продолжал выкручивать ручку газа.

Расстояние между двумя мотоциклами сократилось еще больше.

Теперь, когда они оба вошли в поворот, их отделяло друг от друга не больше тридцати ярдов.

Первый гонщик накренил мотоцикл, с ревом выписывая поворот. Через какое-то мгновение следом за ним этот маневр повторил Грей. Стремясь выиграть еще пару ярдов за счет того, чтобы пройти как можно ближе к краю «слепого» поворота, он пересек сплошную линию центральной разметки, выскакивая на встречную полосу. К счастью, в этот ранний час машин на дороге не было.

К сожалению, этого нельзя было сказать про диких зверей.

Как раз за самым поворотом на обочине сидела медведица, а рядом с ней пристроился медвежонок. Оба засунули свои носы в пакет из «Макдоналдса». Первый мотоцикл промчался мимо. Шум и быстро мелькнувшая тень напугали зверей: медведица поднялась на задних лапах, а детеныш, подчиняясь инстинкту, побежал — прямо на дорогу.

У Грея уже не было возможности его объехать. Не имея выбора, он резко нажал на тормоз, пуская мотоцикл юзом. Покрышки заскользили по асфальту, оставляя черные дымящиеся следы. Добравшись до мягкого суглинка на противоположной обочине, Грей отпустил мотоцикл и оттолкнулся от него ногами. Момент инерции протащил его на спине по мокрой палой листве добрых двадцать футов. У него за спиной мотоцикл с громким стуком налетел на дуб.

Наконец остановившись в мокрой канаве, Грей обернулся. Он успел увидеть спину медведицы, убегающей в лес. Следом за ней улепетывал медвежонок. Похоже, на сегодня гамбургеров с них было достаточно.

Послышался новый звук.

Рев мотоцикла, приближающегося на полной скорости.

Грей уселся на земле. Первый гонщик, проехав дальше по дороге, развернулся и теперь направлялся назад.

«О, просто замечательно...»

Расстегнув ремешок, Грей стащил с головы шлем.

Второй мотоцикл подкатил к нему и резко затормозил, приподнимаясь на переднем колесе. Гонщик был невысо-

кого роста, но плотный и мускулистый, словно бультерьер. Как только его мотоцикл остановился, он тоже снял шлем, открывая наголо выбритую голову. Нахмурившись, гонщик посмотрел на Грея.

— Ты цел?

Этим гонщиком был Монк Коккалис, также оперативник из «Сигмы» и лучший друг Грея. На каменных чертах его лица были написаны беспокойство и тревога.

— Все в порядке. Никак не ожидал, что встречу на дороге медведя.

— Кто мог такое предположить? — Широко улыбаясь, Монк откинул сапогом подножку и слез с мотоцикла. — Но ты даже не надейся на то, что это позволит тебе уклониться от нашего пари. Про естественные препятствия в условиях ничего не говорилось. Так что после окончания конференции ты угощаешь меня ужином. Ресторан у озера, бифштекс и самый темный портер, какой там только найдется.

— Ладно. Но я хочу взять реванш. Ты воспользовался нечестным преимуществом.

— Преимуществом? Я? — Сняв с одной руки перчатку, Монк показал искусственную кисть. — У меня нет руки. А также значительной части памяти. Я уже целый год числюсь негодным к службе. Тоже мне, преимущество!

И все же, не переставая улыбаться, Монк протянул протез, созданный инженерами УППОНИР. Грей схватил искусственную руку, чувствуя, как крепко стискивают его холодные пластмассовые пальцы. Те самые пальцы, которые могли без труда раскалывать грецкие орехи.

Монк рывком поднял друга на ноги.

Грей принялся стряхивать с кевларового мотоциклетного костюма мокрые листья, и тут у него в нагрудном кармане зазвонил сотовый телефон. Достав аппарат, Грей взглянул на номер звонящего и нахмурился.

— Это из центра, — сказал он Монку, поднося телефон к уху. — Коммандер Пирс слушает.

— Пирс? Наконец-то ты ответил. Я уже четырежды звонил тебе за последний час. И можно поинтересоваться, что ты делаешь в лесу посреди Виргинии?

Это был Пейнтер Кроу, директор «Сигмы» и начальник Грея.

Пытаясь придумать подходящее объяснение, Грей оглянулся на свой мотоцикл. Несомненно, его местонахождение выдал GPS-навигатор[1], которым была оснащена «Ямаха». Грей тщетно старался что-либо придумать; у него не было никаких оправданий. Их с Монком отправили из Вашингтона в учебный центр ФБР в Квантико, чтобы они приняли участие в симпозиуме по проблемам биотерроризма. Сегодня был второй день работы симпозиума, и Грей с Монком решили прогулять утреннее заседание.

— Так, дай-ка я сам догадаюсь, — продолжал Пейнтер. — Вы решили немного покататься.

— Сэр...

Строгость в голосе директора немного смягчилась.

— Ну как, Монку полегчало?

Как всегда, Пейнтер все понял. Директор обладал поразительной способностью вникать в любую ситуацию. Даже в такую.

Грей оглянулся на друга. Монк стоял, скрестив руки на груди, и на лице у него была тревога. Этот год выдался для Коккалиса очень тяжелым. Враг жестоко издевался над ним в своем научно-исследовательском центре, удалив участок головного мозга и уничтожив память. Хотя воспоминания частично возвратились, оставались пробелы, и Грей знал, как это терзает его друга.

На протяжении последних двух месяцев Монк медленно привыкал к своим обязанностям в «Сигме», хотя они и были пока что очень ограниченными. В основном ему поручали

---

[1] GPS — Global Positioning System, глобальная система позиционирования, позволяющая с помощью спутников точно определить местонахождение объекта на земле, на море, в воздухе и даже в космосе.

работать с бумагами, а также посылали на второстепенные задания здесь, в Штатах. Монк занимался только сбором информации и ее анализом, часто действуя в паре со своей женой, капитаном Кэт Брайент, сотрудником центрального управления «Сигмы», в прошлом служившей в военно-морской разведке.

Грей знал, что Монк изо всех сил хочет чего-нибудь более серьезного, мечтая вернуться к той жизни, которая была у него украдена. Окружающие обращались с ним как с хрупким фарфором, и все эти сочувственные взгляды и произнесенные шепотом слова одобрения начинали выводить его из себя.

Вот почему Грей предложил устроить гонку по пересеченной местности по парку, граничащему с центром подготовки морской пехоты Квантико. Это должно было дать возможность выпустить пар, почувствовать ветер в лицо, насладиться риском.

Прикрыв телефон ладонью, Грей шепотом сообщил Монку:

— Пейнтер в ярости.

Лицо друга растянулось в широкой улыбке.

Грей снова поднес телефон к уху.

— Я все слышал, — сказал его начальник. — И если вы уже навеселились, мне нужно, чтобы вы сегодня же вернулись в штаб-квартиру. Оба.

— Слушаюсь, сэр. Но можно узнать, в чем дело?

Пауза растянулась надолго, словно директор взвешивал, что сказать. Наконец Пейнтер заговорил, тщательно подбирая слова:

— Это связано с предыдущим владельцем твоего мотоцикла.

Грей оглянулся на разбитую «Ямаху». С предыдущим владельцем? У него в памяти всплыла та ночь два года назад, в ушах зазвучал рев мотоцикла, несущегося по пустынной улице в пригороде, со смертельно опасной женщиной-убийцей за рулем.

Грей сглотнул подступивший к горлу комок, обретая дар речи.

— При чем тут она?

— Я тебе все расскажу, когда приедешь.

13 часов 00 минут.
Вашингтон

Через несколько часов Грей, приняв душ и переодевшись в джинсы и футболку, сидел в зале спутникового наблюдения центрального управления «Сигмы». Вместе с ним здесь также находились Пейнтер и Монк. На экране светилась оцифрованная карта, на которой изгибалась красная ломаная линия, ведущая от Таиланда до Италии.

Путь убийцы обрывался в Венеции.

«Сигма» следила за этой женщиной уже больше года. Ее местонахождение обозначал маленький красный треугольник на компьютерном мониторе, светящийся на полученном со спутника плане Венеции. Здания, извилистые улицы и петляющие каналы изображались в черно-белом виде в мельчайших подробностях, вплоть до крохотных гондол, застывших на месте, схваченных в определенный момент времени. Это время высвечивалось в углу монитора, вместе с приблизительными географическими координатами убийцы:

9 ОКТ. 10:52:45 ПО ГРИНВИЧУ
41° 52' 56,97'' С. Ш.
12° 29' 5,19'' В. Д.

— И давно она в Венеции? — спросил Грей.

— Больше месяца.

Пейнтер устало провел рукой по волосам и с грустью покачал головой. Было видно, что он устал. Этот год выдался для директора «Сигмы» тяжелым. Его лицо стало бледным от постоянного нахождения в помещении, во всевозможных

кабинетах и на совещаниях, и кровь индейцев пеко проявлялась только в гранитных линиях скул и седой пряди, рассекающей черные как смоль волосы подобно белоснежному перу.

Грей изучил план.

— Известно, где она остановилась?

Пейнтер покачал головой.

— Где-то в районе Санта-Кроче. Это один из самых старых кварталов Венеции, туристы его не особенно жалуют. Лабиринт мостов, переулков и каналов. Затеряться там проще простого.

Монк сидел отдельно, настраивая электрические разъемы на протезе.

— Так почему Сейхан на всей земле выбрала именно этот город, чтобы залечь на дно?

Грей взглянул в угол монитора. Там была выведена фотография убийцы, женщины лет тридцати. В чертах ее лица присутствовала смесь вьетнамской и европейской, возможно французской, крови: бронзовая кожа, чуть раскосые глаза, полные губы. Когда Грей три года назад впервые встретился с Сейхан, она едва его не убила, выстрелив в упор в грудь. Даже сейчас он представлял ее в том же самом обтягивающем черном костюме с закрытым горлом, вспоминая, как одежда подчеркивала линии ее гибкого тела.

Грей вспомнил и последнюю их встречу. Получившая серьезное ранение, Сейхан была взята в плен и содержалась в военном госпитале, где ей сделали операцию на брюшной полости. Тогда Грей помог ей бежать, отплатив за то, что она спасла ему жизнь, — однако свобода далась Сейхан дорогой ценой.

Во время операции по указанию руководства «Сигмы» молодой женщине тайно вживили в брюшную полость пассивный полимерный маячок. Это явилось необходимым условием ее освобождения, дополнительной гарантией того, что можно будет следить за всеми ее передвижениями. Сейхан представляла слишком большую ценность, чтобы просто ее отпустить, — настолько тесно она была связана с тайной

террористической сетью, известной под названием «Гильдия». Никто ничего не знал об истинных заправилах этой организации — известно было только то, что она глубоко законспирирована и распустила корни и щупальца по всему земному шару.

Сейхан утверждала, что она двойной агент, которому поручено проникнуть в святая святых «Гильдии» и выяснить, кто в действительности ее возглавляет.

Однако единственным доказательством этого заявления было ее слово. Грей сделал вид, что помог ей бежать, в то же время умолчав о вживленном маячке. Это устройство давало разведке Соединенных Штатов возможность узнать больше о деятельности «Гильдии». Однако Грей подозревал, что решение Сейхан спрятаться в Венеции не имело никакого отношения к «Гильдии». Он почувствовал на себе взгляд Пейнтера Кроу, словно директор ждал от него ответа. Лицо начальника оставалось непроницаемым, бесстрастным, но блеск холодных как лед голубых глаз говорил о том, что это испытание.

— Сейхан вернулась на место преступления, — сказал Грей, усаживаясь прямее.

— Что? — недоуменно спросил Монк.

Грей кивнул на дисплей с планом Венеции.

— В Санта-Кроче также находятся самые древние здания Венецианского университета. Два года назад Сейхан убила в Венеции хранителя музея, связанного с этим университетом. Убила хладнокровно, безжалостно. Сама она сказала, что сделала это якобы для того, чтобы защитить семью хранителя. Его жену и дочь.

Пейнтер подтвердил его догадку.

— Мать с ребенком действительно живут в этом районе. Мы отправили на место наших людей, чтобы определить точное местонахождение Сейхан. Но маячок является пассивным. Максимальное разрешение составляет две мили. На всякий случай мы установили наблюдение за семьей куратора. Сейхан понимает, что ее ищут многие, и старается

по возможности не привлекать к себе внимание. Не исключено, что она изменила внешность.

Грей вспомнил, как исказилось, словно от боли, лицо Сейхан, когда она пыталась оправдать хладнокровное убийство хранителя музея. Быть может, назад в Венецию ее привела не «Гильдия», а чувство вины. Но каковы ее планы? И что, если он ошибается? Что, если все это лишь мастерская уловка?

Грей снова уставился на экран.

Тут что-то было не так.

— Почему вы показываете мне все это сейчас? — спросил Грей.

«Сигма» следила за Сейхан уже больше года, так чем же объясняется этот внезапный вызов в центр?

— Из АНБ[1] пришло указание новому главе центрального управления, а тот уже связался с нами. Поскольку за прошедший год пребывание Сейхан на свободе не дало никакой существенной информации о деятельности «Гильдии», большие шишки потеряли терпение и приказали немедленно осуществить захват. Сейхан переправят в тайный лагерь ЦРУ в Боснии.

— Но это же полное безумие! Сейхан ни за что не заговорит. Наша единственная надежда узнать что-либо определенное о «Гильдии» заключается в том, чтобы продолжать наблюдение.

— Согласен. К несчастью, мы с тобой единственные, кто разделяет эту точку зрения. Если бы управление по-прежнему возглавлял Шон...

Недоконченная фраза Пейнтера была проникнута болью. Доктор Шон Макнайт, создатель «Сигмы», впоследствии возглавил УППОНИР. В прошлом году он был убит во время нападения на штаб «Сигмы». Новый глава УППОНИР, генерал Грегори Меткалф, не успевший освоиться на новом

[1] Агентство национальной безопасности (АНБ) — ведомство в составе Министерства обороны США, занимается защитой правительственной и военной связи и компьютерных систем, а также электронным наблюдением.

месте, все еще вынужден был разбираться с политическими последствиями того нападения. У них с Пейнтером происходили постоянные стычки. Грей подозревал, что только личная поддержка президента защищала Пейнтера Кроу от увольнения с должности директора «Сигмы». Однако даже здесь были свои пределы.

— Меткалф не желает ссориться с другими разведывательными ведомствами и в данном вопросе полностью поддерживает АНБ.

— Значит, Сейхан возьмут.

Пейнтер пожал плечами:

— Если смогут. Но ЦРУ даже не представляет, с кем имеет дело.

— У меня сейчас нет ничего срочного. Я мог бы отправиться в Венецию. Предложить свою помощь.

— Помощь в чем? В том, чтобы задержать Сейхан или чтобы дать ей скрыться?

Грей молчал, пытаясь разобраться в противоречивых чувствах. Наконец он решительно заявил, глядя Пейнтеру прямо в глаза:

— Я выполню то, что мне прикажут.

Директор покачал головой:

— Если Сейхан тебя увидит или хотя бы заподозрит, что ты в Венеции, она сразу же поймет, что за ней следили. И мы лишимся единственного преимущества.

Грей нахмурился, понимая, что Пейнтер прав.

Зазвонил телефон, и директор снял трубку. Грей был рад небольшой передышке, позволявшей ему собраться с мыслями.

— В чем дело, Брэнт? — спросил Пейнтер. Он выслушал ответ помощника, и складка у него на лбу стала глубже. — Переключи звонок сюда.

Затем Пейнтер протянул трубку Грею.

— Это лейтенант Рейчел Верона, звонит из Рима.

Не в силах скрыть изумление, Грей взял трубку и поднес ее к уху. Он отвернулся от двух других мужчин.

— Рейчел?

Грей тотчас же услышал в ее голосе слезы. Молодая женщина не всхлипывала, но ее обыкновенно бодрая, быстрая речь рассыпалась на куски, на отдельные слова.

— Грей... мне нужна твоя помощь.

— Все, что угодно. В чем дело?

У них не было возможности пообщаться уже несколько месяцев. На протяжении целого года Грей и эта девушка с волосами цвета воронова крыла были вместе, даже планировали свадьбу, но в конце концов у них ничего не получилось, и они расстались по обоюдному согласию. Рейчел и слышать не хотела о том, чтобы оставить службу в итальянских карабинерах. Точно так же у Грея были слишком глубокие профессиональные и личные корни в Штатах. Расстояние оказалось чересчур большим.

— Мой дядя Вигор, — продолжала Рейчел. Слова полились стремительным потоком, словно она спешила успеть до того, как зальется слезами. — Вчера ночью... В соборе Святого Петра был взрыв. Дядя в коме.

— Господи, что произошло?

Рейчел торопливо продолжала:

— Еще один священник был убит, из бывших дядиных учеников. Во взрыве подозревают террористов. Но я не... меня не хотят... я не знаю, к кому еще обратиться.

— Все в порядке. Я могу вылететь в Рим ближайшим рейсом.

Грей оглянулся на Пейнтера. Начальник кивнул, не требуя никаких объяснений.

Монсиньор Вигор Верона в прошлом уже дважды помогал «Сигме». Его знание археологии и древней истории сыграло решающую роль в достижении успеха, как и тесные связи с верхушкой католической церкви. «Сигма» была перед монсиньором Вероной в неоплатном долгу.

— Спасибо, Грей. — Рейчел немного успокоилась. — Я перешлю файл с данными расследования. Но кое-какие под-

робности не вошли в отчет. Я тебе все расскажу, когда ты приедешь.

Слушая ее, Грей не отрывал взгляда от компьютерного монитора, от красного треугольника, мигающего на плане Венеции. Из угла экрана на него смотрела фотография Сейхан, выражение лица молодой женщины было холодным и злым. В прошлом пути убийцы с Рейчел и ее дядей тоже пересекались.

И вот теперь Сейхан снова в Италии.

Грей ощутил нарастающую тревогу.

Тут что-то было не так. Грей почувствовал, что там, в Италии, сгущаются грозовые тучи, но он не мог определить, в какую сторону дует ветер.

— Я прибуду в Рим, как только смогу, — заверил Грей Рейчел.

3

10 октября.
19 часов 28 минут.
Рим, Италия

Выйдя из больницы в вечерние сумерки, сгустившиеся над центральной частью Рима, лейтенант Рейчел Верона вдохнула полной грудью прохладный осенний воздух, чувствуя, как тревога несколько рассеивается. Едкий запах дезинфицирующих средств едва скрывал запах тел, неподвижно лежащих в кроватях. В больницах всегда пахнет ужасно.

Впервые за несколько лет Рейчел захотелось покурить — может быть, это помогло бы избавиться от чувства беспокойства, нараставшего с каждым часом, который проводил в коме ее дядя. Он был подсоединен к капельницам; провода, ведущие к приборам, следили за жизненными функциями, устройство искусственного дыхания поднимало и опускало грудь. Вигор разом постарел на десять лет; лицо его было покрыто синяками и ссадинами, выбритая наголо голова бе-

лела бинтами. Врачи объяснили: подкожное кровоизлияние вместе с незначительным повреждением костей черепа. Они внимательно наблюдали за внутричерепным давлением раненого. Магнитно-резонансная томография не выявила травмы головного мозга, однако Вигор не приходил в сознание, что беспокоило врачей. Согласно полицейскому и медицинскому отчетам, монсиньор Верона поступил в больницу в полубессознательном состоянии. Перед тем как провалиться в кому, он несколько раз лихорадочно повторил одно-единственное слово.

Morte.

Смерть.

Но что это могло значить? Стало ли Вигору известно о судьбе другого священника? Или же это был просто бред?

Спросить его самого было невозможно. Он не реагировал на окружающую действительность.

Беспокойство не покидало Рейчел. Большую часть дня она просидела рядом с дядей, держа его за руку, время от времени пожимая ее, молясь о том, чтобы наступили хоть какие-то признаки улучшения. Однако пальцы Вигора оставались обмякшими, словно жизненные силы покинули его тело, оставив лишь оболочку.

Больше всего Рейчел мучилась сознанием того, что она не в силах помочь дяде. Вигор, по сути дела, в одиночку воспитал ее, и, кроме него, у нее больше никого не было. Поэтому Рейчел просидела с ним весь день, лишь однажды оторвавшись от бдения, чтобы позвонить в Соединенные Штаты.

Грей будет здесь завтра утром.

Это стало единственной хорошей новостью за последние двадцать четыре часа. Хотя Рейчел и не могла помочь дяде выздороветь, она была полна решимости во что бы то ни стало установить, что в действительности стояло за этим нападением.

В настоящий момент расследование обстоятельств взрыва в соборе Святого Петра превратилось в межведомственное столпотворение с участием всех соответствующих структур —

от итальянских разведслужб до Интерпола. Все сходились во мнении, что это террористический акт. Такое заключение основывалось в первую очередь на том обстоятельстве, что тело погибшего священника было изуродовано уже после смерти. У него на лбу выжгли странное клеймо.

Определенно этим знаком хотели что-то сказать. Но что именно и кто его оставил? Пока что ни одна из террористических группировок не взяла на себя ответственность за взрыв.

Рейчел понимала, что скорейший способ установить истину заключался в том, чтобы провести собственное расследование, хирургически точное, более тонко сфокусированное, чем нынешний хаос, порожденный многочисленными ведомствами.

Поэтому она позвонила Грею. Хотя в личном плане этот призыв о помощи дался ей нелегко, Рейчел понимала, что, если она хочет докопаться до правды, ей не обойтись без глобальных ресурсов «Сигмы». Также она понимала, что в одиночку это окажется ей не по силам. Ей нужен был человек, которому она полностью доверяла. Грей.

«Но что, если звонок ему объяснялся не только профессиональным интересом?»

Прогнав эту мысль, Рейчел пересекла стоянку перед больницей. Дойдя до своего маленького «Мини-Купера», молодая женщина села за руль и выехала на римские улицы. Сложенную крышу она не поднимала, и свежий ветерок успел немного прочистить голову, до тех пор пока впереди не появился туристический автобус, изрыгающий клубы выхлопного дыма.

Свернув с магистрали, Рейчел попетляла по узким улочкам, вдоль которых тянулись сплошные ряды магазинчиков, кафе и ресторанов. Она намеревалась направиться прямиком к себе домой, чтобы собраться с мыслями перед завтрашним днем, но вместо этого как-то незаметно для себя оказалась на набережной Тибра. После нескольких поворотов на противоположном берегу показался сверкающий купол собора Святого Петра.

Поддавшись течению транспортного потока, Рейчел направилась к своей цели. После взрыва весь Ватикан был закрыт для посетителей. Даже самому папе из соображений безопасности пришлось перебраться в летнюю резиденцию в Кас-тель-Гандольфо. Однако это не остановило поток туристов и зевак. Более того, охваченные любопытством толпы только увеличились.

Поскольку окрестные улицы были битком забиты, Рейчел пришлось потратить лишние полчаса, чтобы найти место для парковки. Когда она наконец добралась до полицейского оцепления, окружившего знаменитую площадь, уже полностью стемнело. Как правило, площадь Святого Петра заполнена верующими и туристами, однако сейчас она была практически совершенно пустынной. Лишь несколько полицейских в форме расхаживали между колоннами и на открытом пространстве. Один стоял у подножия египетского обелиска, возвышавшегося посреди площади. У всех за плечами были автоматические винтовки.

Подойдя к оцеплению, Рейчел показала свои документы.

Полицейский нахмурился. Средних лет, с солидным брюшком, он стоял, чуть расставив кривые ноги. Городская полиция и карабинеры были не в лучших отношениях друг с другом.

— Зачем вам сюда понадобилось? — резко спросил полицейский. — Какое отношение к этому теракту имеет Агентство по охране культурного наследия?

Вопрос был справедливый. Ведомство, в котором работала Рейчел, занималось хищениями произведений искусства и черным рынком антиквариата. Оно не имело никакого отношения к внутреннему терроризму. У Рейчел не было официальных оснований находиться здесь. Больше того, поскольку она приходилась близким родственником одному из пострадавших, ее особо предупредили держаться от собора Святого Петра подальше.

Но она хотела лично осмотреть место преступления.

Кашлянув, Рейчел указала вперед.

— Я здесь для того, чтобы описать место взрыва и убедиться в том, что после этого не было похищено никаких произведений искусства.

— Значит, бумажная работа. — Голос полицейского был пронизан презрением. Он добавил себе под нос: — Неудивительно, что послали женщину.

Рейчел не обратила внимания на оскорбление. Она убрала удостоверение.

— Простите, я тороплюсь. Уже поздно, а мне еще предстоит много работы.

Пожав плечами, полицейский отступил в сторону, но всего на шаг. Рейчел пришлось протискиваться мимо него. Полицейский навалился на нее всем своим весом, стремясь устрашить размерами. Рейчел разгадала его игру. В ведомстве, представлявшем собой практически исключительно мужское братство, к женщине относились или как к угрозе, или как к добыче.

Вспыхнувшая ярость на мгновение прожгла насквозь тревогу и беспокойство. Рейчел протиснулась мимо грубияна, но только после того, как убедилась, что ее каблук нашел его ногу. Она перенесла на тонкую шпильку весь вес своего тела.

Рявкнув от изумления, полицейский отскочил назад.

— Scusi[1], — холодно извинилась Рейчел и, не оглядываясь назад, прошла на площадь.

— Zoccola![2] — крикнул ей вдогонку полицейский.

Не обращая на него внимания, Рейчел пересекла пустынную площадь. По обе стороны ее заключали в объятия вытянутые руки колоннады Бернини. Пройдя мимо обелиска и фонтанов и направившись дальше к главным дверям собора, Рейчел поймала себя на том, что ускорила шаг. Над головой на фоне ночного неба сиял необъятный купол, творение Микеланджело.

---

[1] Прошу прощения *(ит.)*.

[2] Шлюха! *(ит.)*

Проходя между огромными статуями святого Петра и святого Павла, охранявшими вход в собор, Рейчел взглянула на надпись под апостолом Павлом, вооруженным мечом. На иврите надпись гласила: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»[1]. Рейчел не знала иврит, но этим словам выучил ее дядя Вигор, еще в детстве. Молодая женщина набралась сил как от этой надписи, так и от воспоминания о дяде.

Укрепившись в решимости, Рейчел поднялась по ступеням к входу в собор. Двери оказались не заперты. Пройдя через портик, она очутилась в просторном нефе, простиравшемся вперед почти на двести метров. Темнота внутри лишь кое-где рассеивалась дрожащими огоньками поминальных свечей, а в дальнем конце нефа в свете переносных натриевых ламп сиял папский алтарь. Даже со своего места Рейчел увидела желтую полицейскую ленту.

Взрыв произошел в апсиде, в пространстве позади главного алтаря. Рейчел прошла по центральному проходу, не обращая внимания на сокровища искусства, архитектуры и истории. Ее внимание было полностью сосредоточено на том, что ждало ее впереди.

Дойдя до главного алтаря, молодая женщина приблизилась к ленте, огораживавшей место преступления. В этот поздний час здесь никого не было. На протяжении двух дней эксперты и криминалисты прочесывали все вокруг с кисточками, щетками, баночками, пробирками с химическими реактивами, собирая улики. Уже было установлено, что в апсиде взорвался заряд твердого гептанитрокубана, особо мощного взрывчатого вещества нового поколения.

Когда Рейчел увидела перед собой покрытый копотью мрамор, ее охватила дрожь. Только это напоминало о взрыве. Даже кровь уже отмыли. Однако на участке пола, огороженном лентой, по-прежнему были заметны черные следы, позволяющие определить траекторию распространения

[1] К Филиппийцам, 4:13.

взрывной волны. В дальней части апсиды нарисованный мелом контур обозначал место, где лежало тело отца Марко Джованни. Погибший священник был обнаружен у подножия кафедры Святого Петра, под окном с изображением голубя, олицетворяющего Святой Дух.

Рейчел уже ознакомилась с досье на молодого священника. Марко Джованни был учеником ее дяди, коллегой-археологом. Последние десять лет он провел в Ирландии, где занимался изучением корней христианства у кельтов, исследуя причудливое сочетание языческих ритуалов с католической верой. В первую очередь его интересовали мифы, связанные с Черной Мадонной, в которой многие видели симбиоз языческой Матери-Земли и Богородицы.

Почему археолог, занимавшийся этими вопросами, мог стать жертвой? Или это произошло случайно? Неужели на самом деле дядя Вигор и его ученик просто оказались не в том месте не в то время?

В случившемся как будто не было никакого смысла.

Сглотнув комок в горле, Рейчел обернулась. Дядю Вигора нашли распростертым на полу рядом с папским алтарем, куда его отбросила взрывная волна. Прелат находился в сознании.

Не желая загрязнить своим присутствием место преступления, Рейчел обошла огороженное место по периметру, оставаясь за желтой лентой. Затем поднялась на две ступени и попала в левую часть апсиды. Пространство там было тесное. Рейчел прошла мимо монумента папе Павлу III и скульптур по бокам от него, изображающих добродетели Справедливость и Милосердие, которые имели портретное сходство с сестрой и матерью папы.

Она замедлила шаг.

«Что я здесь делаю?»

Внезапно Рейчел слишком остро прочувствовала мертвенную тишину, царящую в соборе, гнетущую тяжесть веков и смерти, которой веяло от рядов гробниц по бокам и впереди. Усугубляло ощущение то, что прямо напротив, в противопо-

ложном конце апсиды, у дальней границы места преступления возвышался склеп папы Урбана VIII. Монумент венчала бронзовая статуя папы, поднявшего руку в благословении. Но у него под ногами находилось надгробие, и с этого надгробия поднимался бронзовый скелет. Воздетая костлявая рука застыла, только что записав имя скончавшегося папы в развернутом свитке.

Рейчел поежилась от этого зрелища.

Обыкновенно молодая женщина не отличалась особым суеверием, но сейчас, когда дядя Вигор находился на пороге смерти... Что, если она его потеряет?

Рейчел хотела отвернуться, но ее взгляд помимо воли оставался прикован к жуткому изваянию, символу смерти. И тут она вспомнила. Ее захлестнула холодная дрожь, от которой по рукам побежали мурашки.

Смерть.

Рейчел прошептала вслух то единственное слово, которое повторял в бреду дядя Вигор.

— Morte.

Она внимательно оглядела бронзовое изваяние, застывшее на корточках на мраморном надгробии. А что, если дядя пытался что-то передать, объяснить?

Рейчел поспешила вдоль желтой ленты к противоположному концу апсиды. Привстав на цыпочки, она всмотрелась внимательнее, но, хотя изучала статую очень пристально, эта маленькая деталь едва не ускользнула от нее. Коричневый кожаный ремешок был такого же цвета, как и потемневшая от времени бронза.

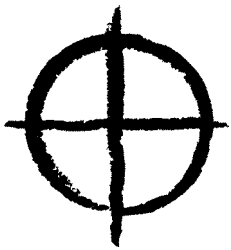
Натянув латексные перчатки, Рейчел взобралась на край надгробия, чтобы дотянуться до шнурка. Схватив его, она освободила крошечный мешочек, затерявшийся в костистой ладони Смерти. Рейчел соскочила вниз, сжимая добычу. Имеет ли ее находка какое-либо значение? Или же это лишь бессмысленное украшение, оставленное каким-нибудь верующим или туристом?

Она сразу же увидела клеймо, выжженное на коже. Казалось, оно ничего не значило. Это была лишь грубая спираль, похожая на магический талисман.

Разочарованная, молодая женщина перевернула маленький кожаный мешочек. Когда она увидела то, что было выжжено на другой стороне, у нее перехватило дыхание.

Круг, рассеченный крестом.

Рейчел уже видела этот знак.

В криминалистическом отчете осмотра трупа отца Марко Джованни.

Этот же самый символ был выжжен на лбу мертвого священника. Несомненно, в этом присутствовал какой-то смысл, но какой?

Рейчел знала одно место, где можно было попытаться найти ответ. Распутав шнурок, она раскрыла мешочек и вывалила его содержимое на ладонь. Молодая женщина нахмурилась, увидев один-единственный предмет — что-то вро-

де маленькой почерневшей веточки. Рейчел присмотрелась внимательнее — и тотчас поняла свою ошибку.

У веточки был ноготь.

В ужасе Рейчел едва ее не выронила.

У нее в руке была не веточка.

Это был человеческий палец.

14 часов 55 минут.
Вашингтон

Пейнтер Кроу сидел за столом в своем кабинете без окон и катал между ладонями пузырек с аспирином. Тупая боль прочно угнездилась между глазными яблоками, предвещая полномасштабную мигрень. Встряхнув пузырек, Пейнтер пожалел о том, что не может прибегнуть к какому-нибудь более сильнодействующему средству, например к хорошей дозе односолодового виски.

Но с еще большей охотой он променял бы это на массаж шеи, сделанный его подругой. К сожалению, Лиза уехала на Западное побережье, в гости к своему брату-скалолазу в Йосемитский национальный парк. И вернется она только на следующей неделе. Предоставленный сам себе, Пейнтер вынужден был довольствоваться продукцией компании «Байер»[1].

В течение нескольких часов Пейнтер изучал информацию, большая часть которой по-прежнему оставалась выведена на огромные жидкокристаллические мониторы во всю стену, окружавшие его стол. Глядя на один из экранов, Пейнтер в тысячный раз пожалел о том, что в его кабинете нет ни одного настоящего окна. Быть может, в нем говорила кровь индейцев пеко, но ему нужна была хоть какая-то связь с голубым небом, деревьями и простыми ритмами обычной жизни.

Однако этого не будет никогда.

---

[1] «Байер» — транснациональная фармацевтическая компания, впервые выпустившая аспирин.

Кабинет Пейнтера вместе с остальными помещениями центрального управления «Сигмы» был упрятан глубоко под землю, под «Смитсоновским замком»[1] на Эспланаде. Центр был размещен в переоборудованном бомбоубежище времен Второй мировой войны. Это место выбрали как из-за удобной близости к государственным учреждениям, так и из-за возможности быстрого доступа к многочисленным исследовательским лабораториям Смитсоновского института.

В настоящий момент Пейнтер променял бы все это на одно-единственное окно. С другой стороны, на протяжении последних нескольких лет здесь был его дом, и он относился к нему очень тепло. «Сигма» до сих пор приходила в себя после прошлогоднего удара по центру. Ущерб оказался значительно большим, чем просто закопченные стены и уничтоженное оборудование. Вашингтонская политика представляла собой сложное сплетение власти, честолюбия и беспощадной вражды. Здесь сильные разрывали на части слабых. И, справедливо это или нет, нападение подорвало репутацию «Сигмы» среди американских разведывательных ведомств.

К тому же Пейнтер подозревал, что истинные вдохновители нападения по-прежнему оставались на свободе. Человек, возглавлявший удар, начальник отдела Управления военной разведки, был в свое время уволен из «Сигмы» за недостойное поведение. Однако Пейнтер сомневался, что он смог провернуть такое в одиночку. Для того чтобы нанести столь мощный удар, нужно иметь доступ к разнообразной засекреченной информации, предоставить которую мог только человек, находящийся в самом центре политической паутины Вашингтона.

Но кто?

---

[1] «Замок» — распространенное прозвище здания в псевдоготическом стиле, в котором размещается администрация Смитсоновского института, крупного комплекса культурно-просветительских и научных учреждений в Вашингтоне.

Тряхнув головой, Пейнтер взглянул на часы. С подобными вопросами придется повременить. Через несколько минут ему предстоит шагнуть навстречу новой грозе. Он еще не был готов снова сталкиваться лбами, но в данном случае у него отсутствовал выбор. Два часа назад у Пейнтера уже состоялся горячий спор с Греем Пирсом. Грей хотел взять с собой в Италию Монка Коккалиса, однако Пейнтер сомневался, что Монк уже готов к полноценной оперативной работе. Врачи и психологи до сих пор не дали напарнику Грея заключение о профессиональной пригодности.

К тому же сведения, поступившие из Рима, оставались скудными. Пейнтеру трудно было решить, кто из оперативных сотрудников «Сигмы» лучше подходит для этого задания, какая научная дисциплина дополнит познания Грея в биофизике. Специальностью Монка Коккалиса была криминалистика, а в настоящий момент потребности в такого рода опыте, казалось, не было. Сознавая это, Грей вынужден был в конце концов согласиться, но все же Пейнтер не отпустил его в Рим одного. До тех пор пока не выявятся новые подробности, Грею будет нужна одна только грубая физическая сила.

И он ее получил.

Пока Пейнтер размышлял о том, принять ли еще одну таблетку аспирина, на столе зазвонил внутренний коммутатор. Затем послышался голос Брэнта:

— Господин директор, на связи генерал Меткалф.

Пейнтер ждал этого приглашения на телеконференцию. Он прочитал совершенно секретное сообщение, пришедшее по электронной почте от главы УППОНИР. Тяжело вздохнув, директор ткнул кнопку и развернул кресло к настенному монитору за спиной.

Черный экран, мигнув, заиграл всеми цветами. Генерал сидел за письменным столом. Грегори Меткалф, темнокожий выпускник военного училища Вест-Пойнт, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, оставался таким же крепким и плотным, каким был, когда играл защитником

в команде училища по американскому футболу. Единственным признаком возраста были тронутые сединой волосы и очки для чтения, которые он держал в левой руке. После назначения Меткалфа главой УППОНИР Пейнтер быстро научился уважать его ум.

Однако в отношениях между ними до сих пор оставалась взаимная настороженность.

Подавшись вперед, генерал без какого-либо вступления спросил:

— Вы ознакомились с отчетом о вооруженном столкновении в Африке, который я вам направил?

«Ни грамма элементарной вежливости».

Пейнтер указал на один из соседних мониторов.

— Ознакомился. А также запросил доклад НАТО о нападении на лагерь Красного Креста. И еще я проверил досье на корпорацию, которой принадлежала опытная ферма.

— Очень хорошо. В таком случае мне не придется вводить вас в суть дела.

Пейнтер ощетинился от этого снисходительного замечания.

— Но я по-прежнему не понимаю, какое отношение это имеет к «Сигме».

— Это потому, директор, что я вам еще ничего не сказал.

Боль между глазами у Пейнтера усилилась.

Генерал что-то набрал на лежащей перед ним клавиатуре. Огромный экран разделился на две половины, и рядом с изображением главы УППОНИР появилась фотография. На ней был запечатлен молодой белый мужчина, раздетый до трусов и подвешенный на деревянном кресте посреди сожженного, дымящегося поля. Это зрелище напоминало скорее не распятие, а жуткое пугало. На заднем плане Пейнтер разглядел засушливую африканскую саванну.

— Этого парня зовут Джейсон Гормен, — холодно промолвил Меткалф.

Пейнтер сдвинул брови вместе.

— Гормен. Он, случайно, не приходится родственником сенатору Гормену?

Фамилия сенатора всплыла, когда Пейнтер изучал материалы о корпорации «Виатус». Себастьян Гормен возглавлял комиссию сената по сельскому хозяйству, продовольствию и лесам. Он всячески поддерживал расширение производства продовольствия на основе генетически модифицированных сортов растений, видя в этом возможность прокормить голодающий мир и получить дешевые биоэнергетические ресурсы.

Генерал кашлянул, привлекая к себе внимание пораженного Пейнтера.

— Это двадцатитрехлетний сын сенатора Гормена. Молодой человек имел диплом специалиста по молекулярной биологии растений и работал над диссертацией, но в Мали он отправился в основном для того, чтобы быть глазами и ушами сенатора во всем, что касалось проводимых там работ.

Пейнтер начинал понимать, почему это событие вызвало такую бурную реакцию в Вашингтоне. Могущественный сенатор, разумеется, вне себя от горя и, стремясь найти ответы относительно смерти своего сына, трясет весь Капитолийский холм. Но все равно Пейнтер не понимал роль «Сигмы» во всем этом. Из доклада НАТО следовало, что нападение на лагерь совершили повстанцы-туареги — их отряды постоянно совершали жестокие набеги на северные районы Мали.

Меткалф продолжал:

— Сенатор Гормен получил по электронной почте сообщение, которое его сын отправил утром в день нападения. В нем в нескольких словах описывались действия нападавших. Судя по тому, что были задействованы вертолеты и напалмовые бомбы, удар нанесла мощная, хорошо оснащенная в военном плане группировка.

Пейнтер выпрямился в кресле.

— К сообщению были подсоединены какие-то файлы с результатами исследований. Сенатор не понял, зачем их ему прислали, и не смог разобраться, что они означают. За неимением лучшего он отправил файлы научному руководи-

телю своего сына в Принстонском университете, доктору Генри Маллою.

— Мне бы хотелось самому взглянуть на эти файлы, — сказал Пейнтер, начиная понимать, почему к этому делу подключили «Сигму». Странное нападение, загадочные исследования — как раз то, чем и занимается его ведомство. Мысленно Пейнтер уже начал продумывать план действий. — Наши люди смогут прибыть на место в Мали не позднее чем через двадцать четыре часа.

— Нет. Ваше участие в этом деле будет ограниченным. — В голосе Меткалфа прозвучала недвусмысленная угроза. — Все это уже разрослось до самой настоящей политической бури. Сенатор Гормен развернул охоту на ведьм, ищет виновных.

— Господин генерал... — начал было Пейнтер.

— А «Сигма» и так уже оказалась на зыбкой почве. Один неверный шаг — и вас придется собирать по кусочкам.

Пейнтер сдержался, никак не отреагировав на это недвусмысленное заявление о недоверии к его группе. Ему приходилось выбирать, когда вступать в схватку с начальством, а когда сдаваться без боя. И сейчас как раз был тот случай, когда лучше уступить.

— Так какую же роль вы оставляете для «Сигмы»?

— Собрать информацию относительно этих файлов, определить, имеет ли смысл проводить дальнейшее расследование. И начать надо с доктора Маллоя. Я хочу, чтобы с ним побеседовали, а файлы изучили.

— Наша группа будет у него сегодня вечером.

— Очень хорошо. Но есть еще один момент. И мне хотелось бы, чтобы вы занялись этим лично.

— Чем?

— Об одной подробности случившегося пока что не сообщалось. Я хочу, чтобы вы взяли это на себя.

Генерал снова застучал по клавиатуре, и фотография Джейсона Гормена увеличилась так, что весь экран заняло лицо.

— Перед тем как распять мальчишку, эти мерзавцы надругались над его телом.

Встав, Пейнтер шагнул к самому экрану. На лбу у молодого мужчины был выжжен знак, словно к нему приложили раскаленное клеймо. Круг и крест.

— Я хочу знать, почему это было сделано, — сказал Меткалф. — И что это означает.

Пейнтер медленно кивнул.

Он хотел узнать то же самое.

21 час 35 минут.
Рим, Италия

Рейчел поставила «Мини-Купер» на свое место на стоянке перед домом. Оставаясь в машине, она еще раз задумалась о том, что сделала. На сиденье рядом с ней лежал полиэтиленовый пакет со старинным кожаным мешочком и его зловещим содержимым.

Молодая женщина покинула собор Святого Петра, никому не сообщив о своей находке.

«Уже поздно, — попыталась оправдаться она перед собой. — Свою находку я передам следователям завтра. И тогда же представлю полный отчет».

Но Рейчел сознавала, что истинная причина этой кражи вещественного доказательства гораздо глубже. На спрятанный мешочек ее навели слова дяди Вигора. Она чувствовала, что эта находка в какой-то степени является ее собственностью. Если она передаст мешочек следствию, ей не только сделают выговор за вмешательство в дело, не входящее в ее компетенцию, но и полностью выведут ее из игры. Возможно, она так никогда и не узнает истинное значение этого мешочка. И, наконец, молодая женщина не могла избавиться от ощущения определенной гордости. Никто, кроме нее, не заметил мешочек. Она доверяла больше своему нутру, чем бестолковому хаосу международного и межведомственного расследования.

А нутро подсказывало Рейчел, что она взялась за дело не по плечу. Ей нужна помощь. Надо будет подождать до за-

втрашнего утра, когда приедет Грей, ввести его в курс дела и дальше плясать уже отсюда.

Определившись с планом действий, Рейчел схватила пакет с уликой и сунула его в карман. Выйдя из машины, она направилась к лестнице. Ее квартира находилась на третьем этаже. Хоть она была маленькая, с балкона открывался восхитительный вид на Колизей.

Поднявшись на площадку третьего этажа, Рейчел толкнула дверь, ведущую с лестницы. Проходя по коридору, она обратила внимание на две вещи. Синьора Розелли снова обильно приправила свою стряпню чесноком, а из-под входной двери ее собственной квартиры пробивалась полоска света.

Рейчел остановилась. Она всегда выключала свет, выходя из дома. Но, с другой стороны, сегодня утром она была не в себе. Быть может, просто забыла.

Не желая рисковать, Рейчел поднялась на цыпочки и бесшумно прокралась по коридору. Город был наводнен ворами и грабителями, и в этом районе квартирные кражи стали обычным делом. Взгляд молодой женщины оставался прикован к полоске света под дверью. Когда Рейчел подошла ближе, эту полоску пересекла тень.

У Рейчел по спине пробежали холодные мурашки.

У нее в квартире кто-то был.

Выругавшись про себя, Рейчел попятилась назад. Оружия у нее не было. Она подумала было о том, чтобы постучать в дверь синьоры Розелли, покинуть коридор, но чеснок уже безжалостно щипал ей нос. Внутри тесной квартиры пожилой женщины едкий запах станет просто невыносимым. Рейчел сунула руку в карман и достала сотовый телефон.

Пятясь, она отступила к двери на лестничную клетку и толкнула ее, не отрывая взгляда от двери своей квартиры. Но едва она вышла на площадку, ей в затылок уперлось что-то холодное.

Дуло пистолета.

Прозвучавший у нее за спиной голос подтвердил худшие опасения.

— Не двигаться!

4

10 октября, 15 часов 28 минут.
Роквилл, штат Мэриленд

Монк качал на коленях свою маленькую дочку. Пенелопа, пищавшая от восторга, улыбкой напоминала отца. К счастью, это было единственное, что она от него унаследовала. Светло-золотистые кудри и мягкие черты лица достались ей от матери.

— Монк, если она из-за тебя отрыгнет!..

Кэт вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. Она по-прежнему была в парадном мундире. Час назад капитан Брайент возвратилась с Капитолийского холма, где от лица «Сигмы» оживляла кое-какие былые связи в разведывательном сообществе, помогая Пейнтеру Кроу навести мосты через политические овраги. Единственной поправкой на то, что она вернулась домой, стали распущенные волосы, которые теперь свободными волнами ниспадали до плеч.

Монк оставался в трусах и футболке. Подбросив Грея в аэропорт, он поспешил прямиком домой. А что еще ему оставалось делать? Монк знал, что Грей отчаянно сражался за него, стараясь упросить Пейнтера отправить друга вместе с ним в Италию. Но все это было тщетно.

Монк пересадил малышку на другое колено.

— Я уже подогрела бутылочку с детским питанием, — сказала Кэт, подходя к мужу и протягивая руки, чтобы забрать у него Пенелопу.

Внезапно молодая женщина споткнулась и с трудом удержала равновесие. Она опустила взгляд на пол.

— Монк, сколько тебе говорить, чтобы ты не бросал свою руку где попало?

Монк потер культю запястья.

— Новый протез все еще натирает.

Тяжело вздохнув, Кэт забрала Пенелопу.

— Ты хоть представляешь себе, сколько он стоит?

Монк молча пожал плечами. Разработанный специалистами УППОНИР протез был настоящим чудом биоинженерии. В нем использовались новейшие технологии; искусственная рука вырабатывала сигналы, полностью идентичные настоящим тактильным ощущениям, и обладала возможностью выполнять хирургически точные действия. Помимо того, культя кисти Монка была заключена в манжету из синтетических полимеров, хирургически подсоединенную к нервным окончаниям и сухожилиям, связанным с мышцами.

Монк привел в действие титановые контакты на пластиковой манжете. На полу отсоединенная механическая кисть поднялась на кончиках пальцев, откликаясь на беспроводные сигналы управления. Протез обладал своей механической мускулатурой, однако мозгом его была манжета на запястье. Монк заставил кисть «подойти» к дивану, поднял ее с пола и закрепил на руке. Затем пошевелил искусственными пальцами, проверяя, как протез сел на место.

— Все равно натирает, — пробормотал он.

Кэт направилась было назад на кухню, но Монк похлопал по дивану рядом с собой. Вздохнув, жена подсела к нему. Монк привлек ее к себе, наслаждаясь ароматом жасмина, исходящим от ее распущенных волос. Кэт прильнула к нему. Какое-то время оба сидели молча. Пенелопа задремала, прижимая к губам сжатый кулачок. Монк наслаждался тем, что держит в объятиях сразу всю свою семью.

Наконец Кэт заговорила, тихо и нежно:

— Я очень сочувствую тебе по поводу Италии.

Монк закатил глаза. Он ни словом не обмолвился жене об этом деле. Для них эта тема была запретной. Но можно было ожидать, что рано или поздно Кэт обязательно обо всем проведает. У нее были такие связи в разведывательном сообществе, что скрыть от нее что бы то ни было не представлялось возможным.

Кэт повернулась к нему лицом. В приглушенном беспокойстве, которым были наполнены ее глаза, в тревожном

изгибе губ Монк увидел игру противоречивых чувств. Кэт понимала, как ему хочется вернуться на оперативную работу, однако тревога за мужа была слишком очевидна. Монк мельком взглянул на свой протез. Эта тревога имела под собой веские основания.

Но в то же время он любил свою работу и понимал ее важность.

За прошедший год, восстанавливаясь после травм, как физических, так и душевных, Монк прочувствовал это как никогда остро. Хотя он обожал свою семью и признавал ответственность перед ней, он также понимал, какую жизненно важную роль играет для глобальной безопасности «Сигма». И ему было мучительно больно оттого, что его отстранили от серьезной работы.

— Я слышала, сегодня тебе поручили новое задание, — продолжала Кэт.

— Опять копаться в бумагах, — проворчал Монк. — Мне нужно будет отправиться в Нью-Джерси и побеседовать с одним светилом науки о каких-то материалах, поступивших в Принстонский университет. К полуночи надеюсь быть дома.

Кэт взглянула на часы.

— А почему ты еще не начал собираться?

— Время есть. Директор Кроу дал мне напарника. Разбирающегося в генетике. Новичка.

— Джона Крида.

Повернувшись, Монк посмотрел жене в лицо.

— Есть хоть что-нибудь такое, чего ты не знаешь?

Улыбнувшись, она подалась вперед, целуя его.

— Еще я знаю, что бутылочка с питанием для Пенелопы остывает.

Протез Монка стиснулся у Кэт на плече, не давая ей встать.

— А я знаю, что ее можно будет снова разогреть. — Его голос стал сдавленным. — И у меня еще есть полчаса.

— Целых полчаса? — насмешливо изогнула брови Кэт. — А ты становишься честолюбивым.

Прищурившись, Монк усмехнулся.

— Женщина, не шути со мной.

Кэт снова поцеловала его, долго, страстно, шепча ему в губы:

— Ни за что.

16 часов 44 минуты.
Принстон, штат Нью-Джерси

Оставаясь один в лаборатории в подвале, доктор Генри Маллой в третий раз запустил компьютерное моделирование. В ожидании результатов он покачал головой. Это была какая-то бессмыслица. Откинувшись на спинку кресла, Маллой потянулся, разминая уставшие члены. На протяжении последних двадцати четырех часов он изучал данные, полученные от сенатора Гормена. Объем информации оказался значительным, и для полного анализа пришлось задействовать мощную вычислительную станцию.

Послышался стук в дверь. Дверь в лабораторию была герметически закрыта, чтобы исключить нежелательное проникновение озона. Допуск сюда осуществлялся только с помощью специального электронного ключа.

До окончания тестов оставалось еще несколько минут. Маллой подошел к двери и открыл ее. Послышался шепчущий свист сжатого воздуха. Как оказалось, пришла одна из лаборанток, Андреа Солдерич. Она уже давно работала у Маллоя. Это была привлекательная женщина с ладной фигурой и золотисто-каштановыми волосами, но ее двадцать лет минули уже давно. Андреа было пятьдесят с лишним. В прошлом медсестра, она затем решила круто сменить карьеру. Им приходилось проводить вместе много времени, и Маллою было уютнее с человеком, принадлежащим к тому же поколению, что и он сам. Обоим даже нравилась одна и та же музыка: Маллой часто слышал, как Андреа тихо напевает себе под нос.

Однако сейчас на лице лаборантки было написано беспокойство.

— В чем дело, Андреа? — спросил Маллой.

Она показала несколько исписанных листков.

— Из кабинета сенатора Гормена звонили уже трижды, справлялись о ходе работ.

Маллой взял у нее записки. Он терпеть не мог, когда ему дышат в затылок, но понимал нетерпение сенатора. Хотя Джейсон Гормен был лишь учеником Маллоя, профессор ощутил болезненный укол, узнав о его безвременной гибели, особенно при таких жутких обстоятельствах.

— Я также пришла напомнить вам о том, что у вас через час назначена встреча с доктором Коккалисом из Вашингтона, — продолжала Андреа. — Не хотите, чтобы я принесла вам что-нибудь из кафетерия?

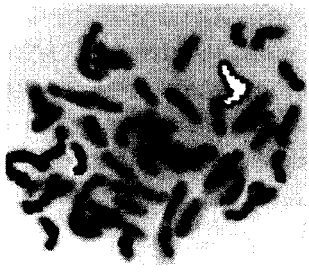
— Да нет, все в порядке, но, раз уж вы здесь, мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь взглянул на все это свежим взглядом. Особенно перед тем, как я буду звонить в Вашингтон. Я хочу узнать, что вы думаете по этому поводу.

Андреа просияла.

— И я признателен вам за то, что вы пришли сюда в свой выходной, — добавил Маллой, подводя лаборантку к экрану компьютера. — Без вашей помощи я бы не справился.

— Ну что вы, доктор Маллой.

Компьютер наконец закончил третий проход моделирования. На экране появилась карта хромосом образца кукурузы, посаженного на опытном поле в Африке. Все хромосомы были черными, кроме одной, выделенной белым цветом.

Генри постучал пальцем по экрану.

— Вот здесь можно видеть помеченную радиоактивным изотопом чуждую молекулу ДНК, введенную в генетически модифицированную кукурузу.

Андреа с любопытством склонилась к экрану, наморщив лоб.

— И каково происхождение этой ДНК? Бактерия?

— Скорее всего. Но с полной уверенностью сказать не могу.

И все же предположение Андреа попало в точку. Большинство генетических модификаций осуществляется через рекомбинацию и расщепление генов бактерий, посредством чего благоприятные характеристики определенных бактерий вводятся в геном растения. Самым первым успехом стало введение генов Bacillus thuringiensis в геном табака. Растение получилось более устойчивым к воздействию вредных насекомых, вследствие чего удалось значительно сократить количество инсектицидов, которыми обрабатывались поля. В последние десять лет подобные технологии получили столь широкое распространение, что в настоящее время около трети зерновых, выращиваемых в Соединенных Штатах, являлись генетически модифицированными.

— Но если эта ДНК взята не из бактерии, то из чего? — спросила Андреа.

— Не знаю. Она запатентована и засекречена компанией «Виатус». В файле она значится лишь как «УЗ двести двадцать два». Аббревиатура «УЗ» означает «устойчивый к засухе». Но я хотел показать вам не это. — Генри указал на экран. — Этот образец Джейсон Гормен прислал мне два месяца назад.

— Два месяца назад?

— Ну да, так давно. Мальчишка с восторгом отнесся к возможности принять участие в практических исследованиях в Африке. Он не должен был разглашать эту информацию. По сути дела, Джейсон нарушил соглашение о конфиденциальности. Я предупредил его об осторожности и просил молчать о том, что он сделал. Могу только представить себе, какое отчаяние он испытал в то последнее утро. И все же у

него хватило предусмотрительности по возможности сохранить все данные.

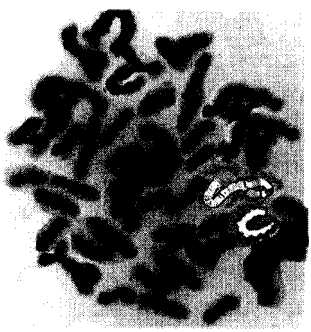
Андреа кивнула.

— И что он прислал в последний день?

Генри застучал по клавишам, вызывая самые свежие данные.

— Сейчас покажу. Только что был собран первый урожай посаженной кукурузы. Джейсон прислал подробный анализ образцов этого урожая, в том числе полный набор ДНК. И вот результаты.

На экране появился второй набор хромосом. И снова большинство было отмечено черным цветом, обозначающим ДНК обычной кукурузы. Но в дополнение к одной хромосоме, выделенной белым, над ней появилась и вторая, раскрашенная в черно-белую полоску.

— Ничего не понимаю, — сказала Андреа.

— Присмотритесь внимательнее.

Генри увеличил изображение видоизмененной хромосомы. Теперь появилась возможность разглядеть отдельные гены, перемежающиеся черными и белыми полосами.

Генри объяснил:

— Чуждая ДНК проникла в другую хромосому, вторглась в своего соседа.

— Она распространяется?

Маллой обернулся к помощнице. В его голосе звенело возбуждение.

— Точно не могу сказать. Но я повторил эксперимент трижды. Быть может, в первый раз Джейсон прислал образец ДНК какого-то другого гибрида. Быть может, на этом поле испытывается несколько новых сортов кукурузы. Но если это не так, получается, что генетическая модификация нестабильна. Она изменяется от одного поколения к другому. Образец стал более чужеродным, в нем осталось меньше от кукурузы.

— Что это означает?

Генри пожал плечами:

— Понятия не имею. Но кто-то должен во всем разобраться. Я уже направил запрос в отдел биогенетики зерновых «Виатуса». Уверен, там эти данные вызовут большой интерес. Быть может, мне даже удастся выцарапать у корпорации новый грант.

Андреа встала.

— В таком случае и я наконец дождусь того повышения зарплаты, на которое вы столько намекали.

У нее на лице мелькнула тень улыбки, в которой отразился восторг ее босса.

— Посмотрим.

Андреа взглянула на часы.

— Если я вам больше не нужна, побегу домой. Мои собаки провели взаперти весь день. Наверное, они уже скулят и царапаются в двери.

Генри проводил ее до двери.

— Еще раз спасибо за то, что пришли в свой выходной.

Андреа задержалась в дверях.

— Вам точно не надо принести перекусить? Смотрите, пока я еще не ушла.

— Нет, я завершу тест и загружу данные на сервер. Много времени это не займет.

Помахав рукой, лаборантка вышла. Дверь с шелестом закрылась за ней.

Генри вернулся к рабочей станции. Ему потребуется меньше часа, чтобы оформить отчет. Хотя файлы, отправленные Джейсоном из Африки, не проливали свет на обстоятельства его гибели, они свидетельствовали о мужественном сердце, и сенатор Гормен должен был этим гордиться.

— Ты отлично поработал, Джейсон, — пробормотал Генри, напоследок еще раз просматривая файлы.

В течение следующих пятнадцати минут он напечатал несколько замечаний и комментариев. Ему хотелось произвести впечатление на «Виатус». Отдел биогенетики зерновых поручал анализировать образцы лабораториям, разбросанным по всему миру, хотя в настоящий момент основная часть заказов направлялась в Индию и Восточную Европу, где стоимость работ была значительно ниже. Если удастся убедить руководство корпорации доверить самые важные исследования ему...

От этой мысли у Маллоя по лицу расплылась улыбка.

Его снова прервал стук в дверь. Улыбка стала шире. Если он хорошо знает Андреа, она не положится на его слово. Наверняка она все-таки сходила в кафетерий и взяла ему что-нибудь перекусить.

— Уже иду! — крикнул Генри.

Пройдя через лабораторию, он прикоснулся к замку магнитной карточкой, отпирая дверь.

17 часов 30 минут

Монк сел в такси, ждавшее у железнодорожного вокзала. Его напарник уже сидел на заднем сиденье и давал указания водителю:

— Лаборатория Карла Икана[1] в Принстонском университете. Это на Вашингтон-роуд.

Устроившись сзади, Монк разгладил пиджак и откинулся на спинку. Чемоданчик он положил на колени. Этот чемоданчик из натуральной кожи, сделанный на заказ, Кэт подарила ему два месяца назад, когда он снова вернулся к исполнению своих служебных обязанностей, какими бы усеченными они ни были. Монк понимал невысказанное пожелание, скрывающееся за этим дорогим подарком. Кэт было гораздо спокойнее, когда он занимался бумажной работой. Все, что угодно, лишь бы он держался подальше от опасностей.

Монк вздохнул, и новый напарник вопросительно посмотрел на него.

Джон Крид сидел, немного ссутулившись. Хоть и жилистый, словно изголодавшийся терьер, парень самую малость недотягивал до семи футов. Он был из последнего пополнения новичков, пришедших в «Сигму». Гладковыбритый, с длинными прямыми рыжими волосами, лицо покрыто веснушками. Несмотря на мальчишеские черты, выражение лица у Крида постоянно оставалось суровым.

Нахмурившись, Монк задал вслух вопрос, который мучил его с тех самых пор, когда он впервые встретился с новым напарником:

— Итак, малыш, сколько тебе лет? Четырнадцать? Пятнадцать?

— Двадцать пять.

Монк, как мог, постарался скрыть свои сомнения. Это казалось невозможным. Их разделяет только семь лет? Монк расслабил напряженные пальцы протеза, вспомнив, что за семь лет может произойти многое. И все же он впервые присмотрелся к своему напарнику внимательнее, пытаясь его оценить.

---

[1] Икан, Карл Силиан — американский миллиардер, филантроп, спонсирует многие научно-исследовательские проекты.

В поезде Монк ознакомился с подробным досье на доктора Генри Маллоя, однако о спутнике ему были известны лишь краткие биографические факты. Крид был родом из Огайо, год проучился на медицинском факультете, затем два года служил в морской пехоте, почти все это время провел в Кабуле. Осколок самодельного взрывного устройства стал причиной его хромоты, избавиться от которой он не сможет до конца жизни. Крид хотел остаться на военной службе, но вынужден был демобилизоваться, хотя обстоятельства этого оставались туманными. Учитывая его прошлое и результаты тестов, Крида пригласили работать в «Сигму». Он прослушал курс генетики в Корнеллском университете.

И все же внешность у него была такой, словно он только что встал со школьной скамьи.

— Итак, Дуги[1], — продолжал Монк, — давно ты на оперативной работе?

Крид молча посмотрел на него; судя по всему, он привык к насмешкам по поводу своего детского лица.

— Корнеллский я окончил три месяца назад, — наконец натянуто произнес он. — В Вашингтоне два месяца. В основном устраивался на новом месте.

— Значит, это твое первое задание?

— Если это можно назвать заданием... — пробормотал Крид, отворачиваясь к окну.

Хотя сам Монк испытывал те же чувства, он ощетинился.

— Когда речь заходит об оперативной работе, тривиальных вещей не бывает. Любая подробность имеет значение. Нужная крупица информации может решить исход дела. И ты, Дуги, должен это хорошенько уяснить.

Крид повернулся к нему. На его угрюмом лице появилось глуповатое выражение.

— Хорошо. Урок усвоен.

Монк недовольно скрестил руки на груди.

---

[1] Аллюзия на главного героя популярного телесериала «Дуги Хаузер, доктор медицины», необычайно одаренного подростка, уже в шестнадцать лет занимавшегося врачебной практикой.

«Дети! Они полагают, что знают все».

Тряхнув головой, Монк переключил свое внимание на пейзаж за окном такси. Машина как раз въехала в кампус Принстонского университета. Казалось, кто-то уронил посреди Нью-Джерси пышущий зеленью кусочек старой Англии. Ровные зеленые лужайки были усыпаны опавшей листвой, плющ карабкался по каменным стенам величественных готических зданий, даже общежития, казалось, сошли с гравюр девятнадцатого века.

Такси плавно катило по этому буколическому пейзажу и вскоре остановилось у места назначения. Монк и Крид вышли из машины.

Лаборатория Карла Икана находилась в углу обширной зеленой лужайки. В то время как большинство зданий университета относилось к девятнадцатому и даже восемнадцатому столетиям, лаборатория, построенная всего несколько лет назад, являла собой поразительный образчик современной архитектуры. Два прямоугольных лабораторных корпуса стояли перпендикулярно друг другу. Их соединял двухэтажный изогнутый атриум, выходящий в парк.

Именно здесь они и должны были встретиться с доктором Генри Маллоем.

— Готов? — спросил Монк, сверяясь с часами.

Они опоздали на пять минут.

— Готов к чему?

— К беседе.

— Я полагал, разговаривать с профессором будете вы.

— Нет, Дуги, ты возьмешь все на себя.

Крид шумно вздохнул через нос.

— Хорошо.

Они вошли в здание и оказались в атриуме. Изгибающаяся стеклянная стена высотой в два этажа смотрела на лужайку. Сорокафутовые жалюзи, разделяющие окна, двигались вместе с солнцем. Они отбрасывали тени в глубь атриума, покрывая полосами столы и стулья. Тут и там сидели группки оживленно разговаривающих студентов, с руками, навечно приклеенными к стаканчикам кофе.

Поискав взглядом, Монк нашел то место, где они должны были встретиться с доктором Маллоем. Ошибиться было трудно.

— Сюда, — сказал он, увлекая своего спутника через атриум.

В самом конце у лестницы возвышалась скульптура, похожая на половину морской ракушки. Даже если бы Монка не предупредили об этом, он узнал бы в ней работу архитектора Фрэнка Гери. В своих складках ракушка укрывала небольшое уютное место для встреч. Там за маленьким столом уже сидели несколько человек.

Монк направился к ним. Однако, подойдя ближе, он понял, что все они слишком молодые. В чемоданчике у него была фотография доктора Маллоя. Определенно его среди собравшихся не было.

Быть может, профессор ушел, не дождавшись?

Отойдя в сторону, Монк достал сотовый телефон и набрал номер кабинета профессора. После нескольких звонков включилась голосовая почта.

«Если он уже ушел, если я зря притащился в такую даль...»

Монк позвонил по второму номеру. Это был телефон помощника профессора.

Ответила женщина. Монк быстро объяснил ей, что доктор Маллой не пришел на встречу.

— Его там нет? — удивленно спросила женщина.

— Здесь нет никого, кроме каких-то подростков, которым место в школе.

— Понимаю, — рассмеялась женщина. — Студенты год от года становятся моложе, не так ли? Мне очень неловко, но доктор Маллой, наверное, по-прежнему у себя в лаборатории. Именно там я видела его в последний раз, а звонки сотового он никогда не слышит. Бывает, доктор так увлекается работой, что забывает о запланированных лекциях. Боюсь, то же самое произошло и сегодня, так что не торопитесь уходить. Профессор был очень увлечен своим открытием.

Монк встрепенулся, услышав последние слова. Что, если доктору Маллою удалось обнаружить что-то важное, что-то такое, что поможет разобраться в африканской трагедии?

— Послушайте, — продолжала женщина, — я сейчас нахожусь в здании напротив, заканчиваю одну работу вместе с коллегой. Здания соединены подземным переходом. Спросите кого-нибудь из студентов. Я возьму у администратора ключ и встречу вас там. Лаборатория доктора Маллоя находится в подвале. Полагаю, он захочет показать вам результаты анализа ДНК.

— Хорошо. Буду ждать вас там. — Убрав телефон в карман, Монк махнул Криду чемоданчиком. — Заглянем к этому типу в гости.

Спросив дорогу у студентки в очень обтягивающей блузке, Монк повел своего напарника в подвал. Отыскать подземный переход оказалось нетрудно.

Когда они дошли до середины, с противоположного конца им замахала женщина средних лет. Монк помахал в ответ. Запыхавшись, женщина торопливо подошла к ним и протянула руку.

— Андреа Солдерич, — представилась она.

Женщина провела гостей в соседний коридор. Она говорила не переставая, судя по всему, сильно нервничая.

— Под землей всего несколько лабораторий. Так что заблудиться очень просто. В основном здесь склады, технические помещения... о, и виварий, где содержатся подопытные животные. Отделение геномики разместило лаборатории микроисследований под землей, чтобы защитить их от проникновения озона. Вот мы уже и пришли.

Зажав в руке электронный ключ, женщина подошла к закрытой двери.

— Администратор попытался дозвониться в лабораторию, — объяснила она. — Никто не ответил. Я просто загляну внутрь. Уверена, доктор Маллой не уезжал из университета.

Прикоснувшись карточкой к замку, Андреа потянула за ручку. Как только дверь с шелестом открылась, Монк сразу же почувствовал запах дыма. Судя по едкому привкусу, горе-

ло что-то электрическое, а сквозь дым проступал смрад паленых волос. Монк попытался остановить Андреа, но не успел. Она увидела то, что было внутри. У нее на лице отобразилось смятение, затем ужас. Взлетевшая рука прикрыла рот.

Монк отодвинул Андреа в сторону, передавая Криду.

— Держи ее здесь.

Бросив чемоданчик, он сунул руку под пиджак и достал из кобуры под мышкой свой табельный пистолет, «хеклер-и-кох» сорок пятого калибра. Женщина широко раскрыла глаза. Отвернувшись, она уткнулась лицом Криду в плечо.

— У тебя есть оружие? — спросил Монк напарника.

— Нет... я полагал, нам предстоит лишь беседа.

Монк покачал головой.

— Дай-ка предположить, Дуги. Ты никогда не был в бойскаутах.

Не дожидаясь ответа, Монк вошел в лабораторию, быстро обводя пистолетом все укромные места. Он был уверен, что того, кто это сделал, уже и след простыл, но рисковать ни к чему. Доктор Маллой сидел посреди помещения, привязанный к креслу. Его голова свисала на грудь. На полу под креслом собралась лужица крови.

От стоящего рядом компьютера остались одни обгоревшие обломки.

Монк огляделся вокруг. Убийцы вывели из строя датчики пожарной сигнализации, реагирующие на дым.

Подойдя к профессору, Монк пощупал пульс. Ничего. Однако тело еще было теплым. Убийцы не успели уйти далеко. Монк отметил, что у доктора Маллоя сломаны пальцы. Его пытали. Скорее всего, выжимая какую-то информацию.

Смертельный удар был нанесен ножом в грудь — один, выполненный мастерски. Судя по тому, что смерть профессора была быстрой, он заговорил.

Монк напряженно застыл. Рядом с телом запах паленого был сильнее. Монк узнал вонь обугленной плоти. Пальцем он осторожно приподнял убитому подбородок. Голова безжизненно откинулась назад, открывая источник запаха.

Посреди лба профессора чернел свежий ожог, все еще блестящий по краям, проникающий до самой кости.

Круг и крест.

Пронзительная трель привлекла внимание Монка обратно к двери. Это звонил сотовый телефон. Не желая загрязнять место преступления, Монк, пятясь, вышел в коридор.

Андреа стояла, прижимая телефон к уху. Глаза у нее были мокрыми от слез, она всхлипывала.

— Что? — шмыгнув носом, спросила она. Это был не столько вопрос, сколько выражение шока. — Нет! Почему?

Прижавшись к стене, Андреа бессильно сползла на пол. Телефон вывалился у нее из пальцев. Монк присел рядом на корточки.

— В чем дело?

Андреа покачала головой, не в силах поверить в случившееся.

— Кто-то... — Она указала на телефон. — Это звонила моя соседка. Она услышала, как лают мои собаки, увидела, что из дома кто-то вышел. И пошла посмотреть, в чем дело. Дверь была открыта. Они... они убили моих собак. — Андреа закрыла лицо руками. — Ну почему я не поехала прямо к себе домой, как обещала доктору Маллою?

Монк оглянулся на Крида. Тот стоял, наморщив лоб, ничего не понимая.

Но Монк понял все. Подхватив женщину под мышки, он поднял ее на ноги.

— Давно ваша соседка видела этих грабителей?

Андреа покачала головой, силясь обрести дар речи.

— Я... не знаю. Она не сказала. Она вызвала полицию.

Монк оглянулся на труп доктора Маллоя. Профессор заговорил. Назвал имена. В том числе, скорее всего, и имя своей лаборантки. Доктор Маллой полагал, что Андреа поехала к себе домой. И, судя по всему, назвал убийцам ее адрес. Они отправились к ней, чтобы заставить ее замолчать.

И, не найдя ее там...

Им потребуется только задать несколько вопросов, сделать несколько звонков.

— Нам нужно уходить отсюда! Немедленно!

Монк указал туда, откуда они пришли. Все трое побежали по коридору к подземному переходу. Он тянулся под улицей к соседнему зданию, где работала Андреа.

— Вы сказали, что были в лаборатории вместе с коллегой, — заговорил на бегу Монк. — Она знала, куда вы направились?

Ответ он получил, когда они добрались до начала перехода. Им навстречу быстрым шагом шел высокий мужчина в блестящем дождевике — а дождя не было уже несколько дней.

Их взгляды встретились.

Монк узнал хищный блеск в глазах. Оттолкнув Андреа назад, он вскинул пистолет. В то же время мужчина поднял руку, раздвигая полы дождевика и открывая короткоствольный пистолет-пулемет. Он выпустил длинную очередь вдоль перехода. Странное оружие издало звук не громче, чем миксер, но пули вгрызлись в угол, за который успели нырнуть Монк и его спутники. Во все стороны брызнули осколки выбитой штукатурки и кафельной плитки.

— К лестнице! — приказал Монк, указывая назад в сторону атриума.

Но когда они добежали до нижней площадки лестницы, сверху послышались гулкие шаги.

Монк приказал своим спутникам остановиться. Осторожно заглянув наверх, он увидел мужчину, торопливо сбегающего вниз, в высоких ботинках и черном дождевике, таком же, как и у первого убийцы. Еще один. Отскочив назад, Монк повел своих спутников обратно в лабиринт подземных коридоров.

Нужно было как можно быстрее выбраться отсюда.

Когда они пробегали по тускло освещенным проходам, где-то в противоположной части подвала с грохотом захлопнулась тяжелая металлическая дверь.

Монк повернулся к Андреа.

— Кажется, это пожарный выход, — в безотчетном ужасе прошептала та.

Не надо было объяснять, что это означало.

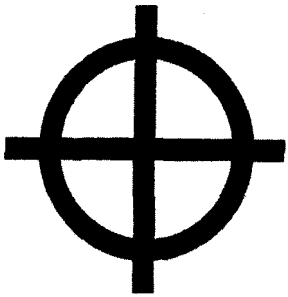
Убийц было трое.

5

10 октября.
18 часов 32 минуты.
Вашингтон

— Этот символ не значится ни в одной базе данных как принадлежащий какой-либо из известных террористических группировок, — сказал Пейнтер.

Он стоял за столом для совещаний, а на стене у него за спиной висел большой экран. На нем светилось увеличенное изображение креста и круга.

Пейнтер оперся о стол. Конференц-зал был новым дополнением к помещениям штаб-квартиры «Сигмы». Его построили после взрыва и пожара. Посреди зала стоял круглый стол с компьютером перед каждым креслом. За столом могли разместиться двенадцать человек, но в настоящий момент сидели только четверо.

Кэт, принесшая в «Сигму» опыт работы с международными разведывательными ведомствами, сидела рядом с Пейнтером, справа от нее — Адам Пруст, специалист по криптографии, а напротив них — Джорджина Роу, новичок, занимающаяся биоинженерией.

— Итак, нам приходится начинать с первой клетки этого кроссворда, — сказал Пейнтер, принимаясь расхаживать вокруг стола.

Это помещение он создал только ради того, чтобы иметь возможность двигаться, наблюдать за теми, кто сидел за круглым столом.

— Что означает этот символ? Как он связан с уничтожением лагеря Красного Креста и жестокой расправой над сыном сенатора Гормена?

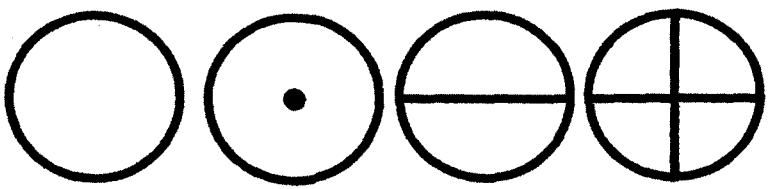
Кашлянув, Адам поднял руку к экрану. Сорока с лишним лет, он был в простых джинсах, черной водолазке и твидовой спортивной куртке.

— Этот символ имеет долгую историю, восходящую к первобытному человеку. Иногда его называют «четвертованным кругом». Значение его приблизительно одинаково во всех древних культурах. Круг обозначает землю. А крест разделяет мир на четыре части. У американских индейцев эти четыре части олицетворяют...

— Четыре ветра, — подтвердил Пейнтер. Чему-то похожему учил его отец.

— Совершенно верно. А в других культурах они символизируют четыре стихии: землю, ветер, воду и огонь. Иногда это делается следующим образом...

Адам набрал на клавиатуре команду, и изображение на экране изменилось.

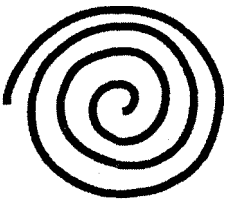
Огонь *Воздух* *Вода* *Земля*

— Как видите, рассеченный на четыре части круг становится символом самой Земли, включающей в себя все четыре стихии. Этот знак можно встретить по всему земному шару. Его этимология весьма любопытна и восходит к языческим

временам. Во многих северных странах этот символ можно найти вырезанным на каменных плитах и столбах. Часто его сопровождает другой петроглиф — языческая спираль. Оба знака тесно связаны друг с другом.

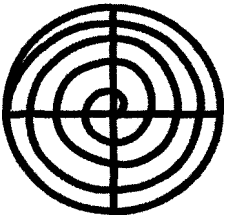
— Связаны? — спросил Пейнтер. — Каким же образом?

Адам поднял руку, прося подождать, и снова застучал по клавиатуре. На экране появилось новое изображение.

— Вот стилизованная языческая спираль. Разновидности этого символа можно встретить во всей Северной Европе.

Еще одно нажатие клавиши — и спираль наложилась на рассеченный на четыре части крест.

— Видите, спираль начинается в центре круга и расширяется наружу, заполняя весь круг. В то время как рассеченный на четыре части круг представляет землю, спираль символизирует жизнь, в особенности путь души, которая поднимается от жизни к смерти и далее к новому возрождению.

Кэт вздохнула.

— Наблюдение замечательное, я понимаю, но какое отношение это имеет к зверствам, совершенным в Африке? Мы не отклоняемся от темы?

— Возможно, нет, — возразила Джорджина Роу, дородная женщина с волосами, остриженными под мужской полубокс. — Я внимательно изучила отчет НАТО, и хотя детали пока предварительные и до окончательного заключения еще далеко, я не могу избавиться от ощущения, что это была не стычка повстанцев с правительственными войсками Мали. Нападение имело целью уничтожить опытную ферму корпорации «Виатус».

— Полностью с этим согласна, — подтвердила Кэт. — Повстанцы-туареги никогда не демонстрировали подобную жестокость. Они, как правило, совершают стремительный набег и тотчас же отступают. Здесь же речь идет о полномасштабной бойне.

— Да еще того бедного парня распяли посреди сожженного кукурузного поля, заклеймив его этим знаком. — Джорджина печально покачала головой. — Это предостережение, направленное против того, чем занималась корпорация, а именно против исследований в области генетически модифицированных сельскохозяйственных растений. Поскольку моей специальностью является биоинженерия, мне хорошо известно противоречивое отношение к продуктам питания, полученным из генетически модифицированного сырья. Во всем мире ширится движение против подобных манипуляций с природой. И хотя в основном оно порождается беспочвенными страхами и недостоверной информацией, свою роль играет и то, что надсмотр государственных органов за этой бурно развивающейся отраслью пока что очень слабый. Я могу рассказать обо всем подробнее...

Пейнтер остановил ее.

— Пока что давайте сосредоточимся на том, какое это может иметь отношение к делу.

— Тут все просто. Особенно сильно движение против генетически модифицированного продовольствия в Африке. Так, например, Замбия и Зимбабве недавно полностью запретили ввоз любой продовольственной помощи, содержащей генетически модифицированные продукты, хотя в обеих странах миллионы людей голодают. По сути, это глупая политика — «лучше умереть, чем принять еду». И подобные воинственные, бредовые настроения зреют как на дрожжах. Я уверена, что уничтожение лагеря Красного Креста на самом деле было ударом по «Виатусу». — Джорджина указала на символ на экране. — И, по-моему, описание этого символа, предложенное Адамом, подкрепляет такую точку зрения.

Пейнтер начинал понимать.

— Символ, изображающий землю.

Решительный тон Джорджины полностью соответствовал ее убежденности в правоте собственных слов.

— Те, кто это сделал, уверены, что защищают землю. Я считаю, мы имеем дело с новой воинственной группировкой экологических террористов.

Кэт нахмурилась.

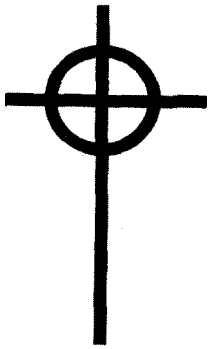
— Определенный смысл в этом есть. Я попрошу своих людей сосредоточиться на данном вопросе. Надо будет попытаться выяснить, кто эти террористы и где они базируются.

Пейнтер снова повернулся к Адаму Прусту, чья прозорливость стала отправной точкой.

— Мы тебя прервали. Ты больше ничего не хочешь добавить?

— Еще только один момент. По поводу четвертованного креста и спирали. Эти два символа имели огромное значение для язычников Северной Европы. Особенно для друидов. Больше того, когда северные страны приняли христианство, эти знаки перешли в новую эру. Друидический крест превратился в кельтский, который распространен и по сей день.

Адам вывел на экран новое изображение. Вертикальная линия языческого символа удлинилась вниз, образовав христианский крест.

— Точно так же, — продолжал Адам, — спираль стала изображать Христа, символизируя его переход от жизни к смерти и последующее воскрешение.

— И каково значение всего этого? — нетерпеливо спросила Кэт, несомненно горя желанием подхватить идею Джорджины.

Но Пейнтер понял, к чему клонил Адам своим последним замечанием.

— Значит, ты не думаешь, что эта экотеррористическая группировка базируется в Африке? — спросил он криптографа.

Тот покачал головой.

— Хотя разделенный на четыре части круг и встречается в некоторых африканских культурах, там он по большей части изображает не землю, а солнце. Я думаю, нам нужно нацелить свое расследование на Северную Европу. Особенно если учесть, что правление корпорации «Виатус» находится в Норвегии, в Осло.

Джорджина улыбнулась.

— Другими словами, нам предстоит искать ватагу оскорбленных друидов.

Не разделяя ее веселье, Адам пожал плечами.

— По всей Европе происходит возрождение неоязычества. Больше того, на самом деле многие из этих групп имеют долгую историю. «Британский круг универсальных уз». «Древний орден друидов». Обе эти организации восходят к началу восемнадцатого века, а есть и другие группы, утверждающие, что у них еще более древнее прошлое. Так или иначе, в последнее время движение неуклонно набирает силу, и некоторые секты настроены весьма воинственно. На мой взгляд, именно там должно сосредоточиться наше расследование. В Северной Европе.

Кэт кивнула довольно рассеянно, уже начиная мысленно строить планы.

Пейнтер вернулся к своему месту.

— Полагаю, это будет хорошим трамплином. Если все...

Ему не дал договорить завибрировавший в кармане сотовый телефон. Пейнтер поднял руку, прося подождать, достал телефон и взглянул на номер звонящего. Это был его помощник. Пейнтер ощутил укол тревоги. Он попросил Брэнта не беспокоить его, если только не случится что-то чрезвычайное.

— В чем дело, Брэнт?

— Сэр, только что позвонили из оперативного отдела. Из Принстонского университета целый поток звонков в экстренные службы. Похоже, в лаборатории Карла Икана идет перестрелка.

Пейнтер постарался сохранить лицо непроницаемым. Именно в эту лабораторию направились Монк Коккалис и Джон Крид. Они должны были приехать в университет час назад. Пейнтер не смотрел в сторону Кэт, жены Монка.

— Свяжитесь с местными властями и запросите информацию со спутника, — распорядился Пейнтер, делая вид, что он не столько встревожен, сколько раздражен. — Я выезжаю на место. — Отключив телефон, он обвел взглядом собравшихся. — Отлично, каждый знает свое дело. За работу.

Развернувшись, Пейнтер направился к выходу.

Он чувствовал спиной пристальный взгляд Кэт. У нее возникли подозрения, но не было смысла напрасно тревожить ее до тех пор, пока не станут ясны подробности.

Тем более что она снова была беременна.

18 часов 45 минут

Монк вел своих спутников по подвалу, выставив пистолет вперед. У него было всего десять патронов... а нападающих как минимум трое. Соотношение не слишком обнадеживающее, особенно если учесть, что противники вооружены короткоствольными пистолетами-пулеметами. Ни один выстрел нельзя потратить впустую. В чемоданчике у него была запасная обойма, но чемоданчик он бросил у входа в лабораторию Маллоя.

— Отсюда есть еще какой-нибудь выход? — спросил Монк у Андреа.

— Нет... но...

Она бросила взгляд в обе стороны коридора. Джон Крид поддерживал ее за локоть, чтобы она не отставала.

— Но что? — нетерпеливо промолвил Монк.

— Здание лаборатории строилось по модульному принципу. Для того чтобы было проще изменять конфигурацию помещений, — поспешно выпалила Андреа. Затем она указала на потолок. — Между этажами есть технический уровень. С мостками для обслуживающего персонала.

Монк поднял взгляд вверх. Может быть, из этого что-нибудь получится.

— Где ближайший вход?

Андреа покачала головой, все еще не оправившись от потрясения.

— Не знаю...

Остановившись, Монк схватил ее за плечо протезом.

— Андреа, отдышитесь, успокойтесь...

Протрещала длинная очередь. В дальнем конце коридора появилась фигура в черном дождевике, поливающая все

вокруг из пистолета-пулемета. Пули впивались в пол и стены. Налетев плечом на Андреа, Монк вслепую выстрелил в сторону убийцы, расходуя драгоценные боеприпасы. Нападающий тотчас нырнул за угол. Монк толкнул женщину в ближайшую дверь. Крид поспешил следом за ними.

Они оказались в маленькой комнате, из которой в основное помещение вела двустворчатая дверь.

— Живо туда! — крикнул Монк.

Все трое перебежали в соседнюю комнату. Автоматически вспыхнувший свет озарил большое пространство, разделенное рядами клеток из нержавеющей стали. Монку в нос тотчас же ударил сильный запах животных испражнений. Он вспомнил описание подвального этажа, которое дала Андреа. Должно быть, они попали в виварий, где содержались подопытные животные. В одном из дальних рядов залаяла собака. Ближе возились какие-то маленькие тельца — и не такие уж маленькие.

В более крупных клетках нижнего ряда хрюкали и шумно нюхали воздух свиньи. Некоторые возбужденно повизгивали и носились кругами. Все они были молодые, размером с футбольный мяч, и Монк рассеянно отметил, что выражение «мяч из свиной кожи» наполнилось для него другим смыслом.

Он увлек своих спутников между рядами клеток. Забаррикадировать дверь не представлялось возможным, а убийца вот-вот появится здесь.

— Отсюда есть другой выход? — снова спросил Монк у Андреа.

Кивнув, та указала в противоположный конец вивария.

— Живо!

Монк услышал позади металлический грохот. Обернувшись, он увидел, что Крид на бегу раскрывает дверцы нижних клеток. Следом за ним в проход суетливо вырывались маленькие, розовые с черным тела. Они топтались на месте, разбегались в разные стороны, визжали и хрюкали. Столпотворение свиней все росло.

— Что ты?.. — начал было Монк.

— Препятствия, — бросил Крид, раскрывая новые клетки.

Монк кивнул, поняв его замысел. Неплохо будет оставить за собой десятки визжащих футбольных мячей. Это замедлит продвижение убийцы.

Они почти добежали до дальнего конца вивария, когда двустворчатая дверь за ними с грохотом распахнулась. Раздалась короткая очередь, быстро оборвавшаяся испуганным восклицанием, после чего последовал стук тела, грузно упавшего на пол.

Один — ноль в пользу свинок.

Монк подтолкнул Андреа к дальнему концу помещения, к другой двустворчатой двери. Еще через мгновение они снова вернулись в подземный коридор.

— Эти входы на технический уровень, — напомнил Монк, — где-нибудь поблизости есть хоть один?

— Единственный, о котором мне известно наверняка, остался в лаборатории доктора Маллоя.

Монк растерянно обвел взглядом лабиринт пересекающихся коридоров и комнат. Он потерял ориентацию.

— Вы сможете привести нас туда?

— Да. Идемте.

Андреа двинулась первой, несколько оправившись от шока, полная решимости. Монк держался рядом с ней. Крид следовал за ними. Монк обратил внимание, что парень зажимает рукой бедро. Штанина была мокрой.

Поймав его взгляд, Крид махнул рукой.

— Поймал рикошет. Пустяковая царапина. Идите!

Выбора у них все равно не было. За следующим поворотом Монк внезапно узнал коридор. Описав полный круг, они вернулись к лаборатории доктора Маллоя. В подтверждение этой догадки Монк увидел на полу перед распахнутой дверью свой чемоданчик.

Все трое со всех ног устремились вперед.

В дальнем конце коридора появился другой убийца в черном блестящем дождевике. До открытой двери в лабораторию оставалось еще ярдов десять.

Вскинув руку, Монк выстрелил в нападающего.

— Не останавливайтесь! — крикнул он, увидев, что Андреа и Крид замедлили шаг. — Бегите в лабораторию!

Хотя это могло показаться безумием — бежать навстречу убийце с автоматическим оружием в руках, — лаборатория предлагала единственный путь к спасению.

Монк сделал еще два выстрела. Патроны у него кончались, но выстрелы не позволяли убийце прицелиться. К несчастью, ожесточенная перестрелка не осталась незамеченной. За спиной раздалась новая очередь. Второй убийца. Противники решили загнать свои жертвы под перекрестный огонь.

Однако к этому времени все трое уже добежали до лаборатории.

Андреа и Крид юркнули внутрь. Монк нагнулся, и тут же у него над самой макушкой просвистела пуля. Подхватив свой брошенный чемоданчик, Монк перекатился по полу в распахнутую дверь.

Как только он оказался внутри, Крид захлопнул дверь.

— Запирается автоматически, — сказала Андреа, обхватив грудь руками.

Она старалась держаться подальше от кресла, в котором по-прежнему сидело мертвое тело доктора Маллоя.

Монк поднялся на ноги, сжимая в одной руке пистолет, а в другой — кожаный чемоданчик.

— Где вход на технический уровень?

Развернувшись, Андреа указала на потолок над лабораторным столом. Квадратная плита была обозначена символом опасного электрического напряжения.

Монк обернулся к Криду.

— Поднимай женщину туда. Быстро!

— А вы?

— Обо мне не беспокойся. Я от вас не отстану. А теперь шевелитесь!

Пока Крид поднимал Андреа на стол, Монк опустился на корточки. Ему нужно было выиграть как можно больше времени, чтобы дать остальным возможность бежать. Он по-

нимал, сколь важно доставить Андреа в безопасное место. Несомненно, доктор Маллой рассказал ей что-то важное, что-то такое, из-за чего ее теперь хотели убить. И что бы это ни было, Монк тоже хотел это узнать.

Крид уже открыл технический люк и помогал Андреа забраться в него.

Укрывшись за мертвецом в кресле, Монк раскрыл чемоданчик и положил его на пол. При этом он не отрывал взгляда от двери. Сработал замок или нет, дверь защитит их от нападающих не больше, чем оберточная бумага. Особенно если учесть, какая огневая мощь в руках мерзавцев.

В обойме пистолета оставалось всего два патрона. Нужно достать из чемоданчика новую.

Но только Монк протянул руку к запасной обойме, дверная ручка влетела в комнату, словно брошенная взрывной волной, вместе с приличным куском косяка. От удара дверь распахнулась.

Увидев мелькнувший черный дождевик, Монк выстрелил в него. Дважды. Затвор отлетел назад и застыл, указывая на то, что патроны кончились.

Убийца скрылся.

Монк лихорадочно схватил новую обойму, извлекая из пистолета пустую. Краем глаза он заметил, как в дверном проеме появилась рука. В помещение влетел черный металлический предмет размером с бейсбольный мяч.

О, только не это!..

Граната.

Монк бросил пистолет и пустую обойму. Оставаясь на коленях, он схватил раскрытый чемоданчик, поймал гранату внутрь и резко свел руки вместе, захлопывая чемоданчик. Вскочив на ноги, Монк размахнулся и выбросил чемоданчик в открытую дверь.

Еще до того, как чемоданчик вылетел за порог, Монк уже пришел в движение. Развернувшись, он запрыгнул на стол и бросился к открытому люку в потолке, где только что исчезли ноги Крида.

— Быстрее!

Слишком поздно.

Взрыв прогремел оглушительный, вспышка ослепила Монка. Взрывная волна буквально внесла его в узкое пространство между этажами. Налетев головой на вентиляционные трубы, он рухнул прямо на Крида. Какое-то время они старались освободиться друг от друга, и Монк получил локтем в глаз.

Оглушенный, ругаясь, он махнул рукой, призывая остальных поспешить вперед. Коккалис сомневался в том, что убийцы последуют за ними, но не собирался терять бдительность до тех пор, пока все они не окажутся в каком-нибудь безопасном месте, где много оружия.

Спотыкаясь, все трое бежали вперед, наполовину оглохшие, наполовину ослепшие.

Как и говорила Андреа, техническое пространство для удобства обслуживающего персонала было оборудовано мостками и лесенками. Прошло немного времени, и беглецы выбрались из чрева здания в царящий наверху хаос. Все вокруг уже было забито полицией. На поле перед зданием Монка и его спутников встретили патрульные машины, микроавтобусы групп спецназа и орда журналистов и телевизионщиков.

Пошатываясь, все трое вышли на открытое место, и тотчас же их окружила полиция. Прежде чем Монк успел вымолвить хоть слово, его схватили за руку, оттащили в сторону, предъявили ему полицейский значок.

— Министерство внутренней безопасности, — объявил человек размером с гору. — Доктор Коккалис, у нас есть приказ из Вашингтона доставить всех вас в безопасное место.

Монк не возражал. Он не имел ничего против этого приказа. Но, направляясь к машине, печально оглянулся на здание.

Кэт его убьет.

Чемоданчик стоил просто бешеные деньги.

6

11 октября, 6 часов 28 минут.
Аэропорт Фьюмичино, Италия

Грей вышел из здания главного римского аэропорта и направился к стоянке такси. Звучали клаксоны, урчали моторы туристических автобусов. Даже в этот ранний час пространство перед аэропортом было заполнено машинами приезжающих и отъезжающих пассажиров.

Пробираясь сквозь толпу, Грей прижимал к уху сотовый телефон. Продвигаться вперед ему существенно помогал огромный верзила, ледоколом расчищавший перед ним путь. Грей старался не отставать от своего телохранителя. Джо Ковальски не любил летать самолетами. Определенно бывший моряк предпочитал открытое море коммерческим авиалиниям. Даже сейчас он не переставал ворчать.

— А еще теснее кресла не могли сделать? — Болезненно морщась, великан растирал шею. — Колени у меня только что не чесали уши. Как будто авиакомпания решила провести осмотр моей простаты. Но все бы еще терпимо, если бы среди стюардесс была хотя бы одна женщина. — Ковальски оглянулся на Грея. — Та девица с усиками не в счет.

— Но ты же сам вызвался лететь со мной, — напомнил Грей, дожидаясь телефонного соединения.

— Вызвался? — оскалился Ковальски. — Когда мне предложили полуторный оклад? Да это все равно как если бы мне к затылку приставили пистолет. Мне ведь приходится содержать подружку.

Грей по-прежнему никак не мог понять отношений между бывшим морским пехотинцем и профессором университета, но, по крайней мере, со времени их знакомства Ковальски стал чаще принимать душ. И даже черные заросли у него на голове были теперь уложены более ровными рядами.

Грей махнул рукой, поторапливая своего напарника. Он никак не мог дозвониться до Агентства по охране культурно-

го наследия, в котором работала Рейчел. Перед отъездом из Вашингтона Грей договорился с ней, что она будет ждать у выхода из международного аэропорта, однако в толпе встречающих ее не оказалось. Грей позвонил Рейчел домой и на сотовый, но никто не ответил. Решив, что она застряла в пробке, он подождал еще полчаса.

Эту задержку Грей использовал, чтобы связаться с «Сигмой». Дома сейчас было чуть больше полуночи. Директор Кроу ввел его в курс событий, произошедших в Нью-Джерси. Монку пришлось принять участие в перестрелке. Судя по всему, речь шла о действиях какой-то экотеррористической группировки, однако подробности до сих пор отсутствовали.

Услышав об этом, Грей ощутил желание немедленно самолетом вернуться домой, однако Пейнтер заверил его в том, что ситуация взята под контроль. Главный свидетель находится под защитой в надежном месте и отвечает на вопросы. Грею было приказано продолжать выполнение задания.

Наконец Грею в ухо ответил строгий женский голос, быстро заговоривший по-итальянски. Грей, больше года ухаживавший за Рейчел, успел поднабраться кое-каких навыков в этом языке.

— Лейтенанта Вероны сегодня нет на службе. Согласно расписанию дежурств, у нее сегодня выходной. Быть может, вас соединить с кем-нибудь еще...

— Нет, спасибо. Grazie.

Окончив разговор, Грей убрал телефон в карман. Он знал, что Рейчел намеревалась отпроситься с работы, и все же у него теплилась надежда, что она по какой-то причине пришла на службу. Беспокойство росло. Куда подевалась Рейчел?

Ковальски подозвал такси, и они сели в машину.

Великан повернулся к Грею.

— А как насчет больницы? — спросил он. — Той, в которую забрали ее дядю?

— Точно, — кивнул Грей.

Он об этом не подумал. Быть может, состояние Вигора ухудшилось. Это может объяснить отсутствие Рейчел. Переживая за дядю, она забыла о назначенной встрече.

Позвонив в справочную, Грей наконец раздобыл номер администрации больницы. Попытка связаться с палатой Вигора окончилась неудачей. Но в конце концов Грей вышел на дежурную медсестру.

— Монсиньор Верона остается в реанимационном отделении, — ответила та. — Все дальнейшие расспросы можно вести только через его родственников или через полицию.

— Я просто хотел узнать, нет ли у него его племянницы. Лейтенанта Рейчел Вероны.

Голос женщины заметно потеплел.

— А, его nipote[1] Рейчел. Bellissima ragazza[2]. Она провела здесь много часов. Но она ушла вчера вечером и сегодня еще не приходила.

— Если она появится, вы не могли бы ей передать, что я звонил?

Грей оставил номер своего сотового.

Убрав телефон в карман, он откинулся на спинку сиденья, уставившись на мелькающий за окном пейзаж. Такси мчалось по шоссе в сторону центра Рима. Рейчел сняла комнату в маленьком пансионе. Грей уже останавливался там, когда ухаживал за ней.

Он тщетно пытался найти причину, по которой Рейчел не приехала в аэропорт. Где она может быть? Беспокойство постепенно переходило в панику. Ему казалось, что такси еле ползет.

Первым делом надо будет узнать, не оставила ли она какого-нибудь сообщения в пансионе, после чего направиться к ней прямо домой. От пансиона до ее дома всего пара кварталов.

---

[1] Племянница *(ит.)*.

[2] Замечательная девушка *(ит.)*.

Но все же на то, чтобы туда добраться, уйдет какое-то время.

Слишком много времени.

С каждой милей сердце Грея колотилось все сильнее, левая рука судорожнее сжимала колено. Такси въехало в одни из ворот древнего города и направилось в сторону центра. Скорость машины замедлилась до черепашьего шага. Улочки становились все уже и уже. По краям сновали пешеходы, между едва ползущими машинами петляли велосипеды и мотороллеры.

Наконец такси свернуло в переулок и остановилось перед маленькой гостиницей. Выскочив из машины, Грей схватил свою сумку, предоставив Ковальски расплачиваться с водителем.

С улицы пансион выглядел непримечательно. На крошечной бронзовой табличке на стене, размером не больше ладони, значилось: «Каза-ди-картина»[1]. Гостиница была устроена в трех примыкающих друг к другу зданиях восемнадцатого века. Короткая лестница спускалась в маленький вестибюль.

Грей направился вниз. Причина, по которой гостиница получила свое название, стала очевидна, как только колокольчик над дверью возвестил о его приходе. Все четыре стены были завешаны древними картами и картографическими инструментами. Предками владельцев пансиона были многие поколения путешественников и моряков, бороздивших океаны задолго до Христофора Колумба.

При появлении Грея из-за маленького деревянного стола поднялся сморщенный старичок в наглухо застегнутом сюртуке. Лицо хозяина растянулось в дружелюбной улыбке.

— Давненько вас здесь не было, синьор Пирс, — радушно приветствовал он Грея по-английски.

— Вы правы, Франко.

---

[1] Casa di Cartina — дом карт *(ит.)*.

Пока они обменивались любезностями, в комнату вошел Ковальски. Бывший военный моряк быстро окинул взглядом стену и с пониманием кивнул, одобряя выбор оформления.

— Франко, я хотел узнать, нет ли у вас каких-нибудь известий от Рейчел. — Грей постарался скрыть беспокойство. — Может быть, она оставила какое-нибудь сообщение?

Старик недоуменно наморщил лоб.

— Сообщение?

Грей почувствовал, как у него внутри все оборвалось. Очевидно, никакого сообщения не было. Может, Рейчел вернулась к себе...

— Синьор Пирс, зачем синьорине Вероне оставлять для вас сообщение? Она уже в номере, ждет вас.

Облегчение окатило Грея ведром холодной воды.

— Рейчел наверху?

Сунув руку в ящичек, Франко достал ключ и протянул его Грею.

— Четвертый этаж. Я предоставил вам отличный номер с балконом. Оттуда открывается замечательный вид на Колизей.

Кивнув, Грей схватил ключ.

— Grazie.

— Я попрошу портье отнести ваши вещи?

Но Ковальски уже подхватил сумку Грея с пола.

— Я все взял.

И подтолкнул Грея сумкой под зад, торопя его.

Еще раз поблагодарив Франко, Грей направился к лестнице. Узкая, винтовая, она напоминала скорее трап, и подниматься по ней можно было только по одному. Ковальски с подозрением посмотрел на нее.

— А где лифт?

— Лифта нет.

Грей зашагал по ступеням. Ковальски последовал за ним.

— Должно быть, ты надо мной издеваешься, черт бы тебя побрал.

Великан с трудом тащил себя и сумки вверх. Через два этажа его лицо побагровело, а ругательства полились сплошным потоком.

Поднявшись на четвертый этаж, Грей стал по обозначениям на стенах искать свой номер. Лабиринт узких коридоров изобиловал острыми углами и тупиками.

Наконец нужная дверь отыскалась. Хотя это был его номер, Грей все равно постучал, перед тем как вставить ключ в замочную скважину. Он толкнул дверь, горя нетерпением увидеть Рейчел, сам удивленный глубиной своего чувства. Прошло уже столько времени...

— Рейчел! Это Грей.

Молодая женщина сидела на кровати, вырисовываясь силуэтом на фоне окна, залитого утренним солнцем. При появлении Грея она быстро встала.

— Почему ты не позвонила? — спросил Грей.

Прежде чем Рейчел успела ответить, послышался другой женский голос:

— Потому что я ее об этом попросила.

Только теперь Грей заметил, что правая рука Рейчел прикована наручниками к спинке кровати. Он обернулся.

Из ванной вышла стройная женщина, закутанная в халат. Ее влажные черные волосы, расчесанные на прямой пробор, спадали ниже плеч. Прислонившись к дверной раме и небрежно скрестив ноги, женщина пристально смотрела на Грея миндалевидными глазами цвета холодного нефрита.

В руке она держала пистолет, направленный на Грея.

— Сейхан...

1 час 15 минут.
Вашингтон

— Мы из нее больше ничего не вытянем, — сказал Пейнтеру Монк, устало опускаясь на стул перед письменным столом. — Она измучена и все еще не оправилась от шока.

Пейнтер внимательно посмотрел на Монка. Его подчиненный также с ног валился от усталости.

— Крид завершил анализ генетической информации?

— Еще несколько часов назад. Он хочет провести статистическое исследование для полной уверенности, но по состоянию на данный момент все подтверждает рассказ Андреа Солдерич. По крайней мере в той степени, в какой мы смогли его проверить.

Пейнтер внимательно следил за ходом расследования. Ему было известно, что лаборантка доктора Маллоя подробно пересказала разговор, который состоялся у нее с профессором за час до его гибели. Маллой завершал анализ генетической информации, составлявшей большую часть файла, который Джейсон Гормен переслал по электронной почте своему отцу. Это была генетическая карта кукурузы, выращенной в Африке. Радиоактивные изотопы отмечали гены, чуждые для данного сорта.

Две хромосомы.

— А что насчет исходного файла? — спросил Пейнтер. — Того, который Джейсон Гормен прислал профессору два месяца назад. Содержавшего генетическую информацию семян, которые были посажены на том поле?

Монк провел ладонью по бритому черепу.

— Компьютерщики Принстонского университета все еще бьются над тем, чтобы восстановить данные. Они проверили все серверы, но, судя по всему, профессор хранил этот файл только в своем компьютере. В том, который спалили убийцы. Вся содержавшаяся в нем информация полностью уничтожена.

Пейнтер вздохнул. Расследование постоянно заходило в тупик. Даже нападавшим удалось бесследно исчезнуть. Не было найдено ни одного тела. По-видимому, убийцы не погибли при взрыве своей собственной гранаты и сумели выскользнуть за оцепление вокруг лаборатории.

— Хотя конкретных доказательств у нас нет, я верю в рассказ Андреа, — продолжал Монк. — По ее словам, про-

фессор обнаружил в ДНК исходных семян только одну чуждую хромосому. На его взгляд, это демонстрировало то, что генетическая модификация от поколения к поколению нестабильна.

— Однако без первого файла, — напомнил Пейнтер, — доказать это мы не можем.

— И все же только этим можно объяснить, почему профессора пытали, а затем убили. Несомненно, убийцы получили приказ уничтожить все следы существования того первого файла... и всех, кому было о нем известно. И они едва не добились своего.

Пейнтер нахмурился.

— С другой стороны, у нас есть только слово Андреа Солдерич. И, если ей верить, даже сам доктор Маллой не был абсолютно убежден в том, что речь идет о генетической нестабильности. Возможно, образцы ДНК принадлежали двум различным генетическим гибридам и не имели никакого отношения друг к другу.

— Так что же будем делать дальше?

— Полагаю, пора познакомиться поближе с тем, с чего все это началось.

Монк посмотрел на логотип в форме семени на обложке папки, лежащей на столе перед Пейнтером.

— Корпорация «Виатус».

— Похоже, все нити ведут к этой норвежской компании. Ты читал отчет о том, что у молодого Гормена на лбу был выжжен тот же самый знак, что и у профессора?

Монк поморщился от отвращения.

— Круг, рассеченный на четыре части. Какой-то языческий крест.

— Первым предположением было то, что речь идет о какой-то экотеррористической группировке. И, возможно, это действительно так. Быть может, какие-то ненормальные объявили личную вендетту «Виатусу». И в том первом файле содержалась какая-то информация на этот счет. — Вздохнув,

Пейнтер потянулся. — Так или иначе, пришло время поговорить по душам с Иваром Карлсеном, президентом корпорации «Виатус интернэшнл».

— А если он не захочет с нами разговаривать?

— Два жестоких убийства на двух континентах — для него будет гораздо лучше, если он не станет отмалчиваться. Невыгодное освещение в средствах массовой информации способно обрушить курс акций быстрее, чем любые сообщения об убытках.

— Когда вы намереваетесь...

Монк не договорил. Раздался торопливый стук в дверь, которая тут же распахнулась. Кэт ворвалась в кабинет и быстро подошла к столу. Монк протянул было ей руку, но она не обратила на него внимания.

Пейнтер встрепенулся. Вряд ли известие было хорошим...

Кэт озабоченно щурилась; щеки у нее раскраснелись, словно она всю дорогу бежала.

— У нас неприятности.

— В чем дело? — спросил Пейнтер.

— Ну почему я не получила это раньше? — Голос Кэт был проникнут отчаянием. — Судя по всему, наш запрос столкнулся с запросом Интерпола где-то над Атлантикой, и все перепуталось. Обе стороны не сразу сообразили, что речь идет о двух разных событиях. Глупо. Как будто собака гонялась за собственным хвостом.

— В чем дело? — повторил Пейнтер.

Монк взял жену за руку.

— Дорогая, успокойся. Сделай вдох-выдох.

Это предложение еще больше разозлило Кэт, но она только крепче стиснула руку мужа.

— Еще одно убийство. Еще один труп, отмеченный крестом в круге.

— Где?

— В Риме, — ответила Кэт. — В Ватикане.

Больше ей ничего не нужно было объяснять.

7 часов 30 минут.
Рим, Италия

— Сохраняйте спокойствие, — сказала Сейхан.

Пистолет у нее в руке оставался неподвижным, словно скала.

Ковальски, стоявший позади Грея, выронил обе сумки, поднял руки и недовольно пробурчал:

— Грей, я ненавижу путешествовать вместе с тобой. Просто ненавижу.

Не обращая на него внимания, Грей смотрел на убийцу, которая в прошлом работала на «Гильдию». Впрочем, действительно ли *в прошлом?*

— Сейхан, что ты здесь делаешь?

В одном этом вопросе крылось сразу множество. Что она делает в Риме? Зачем взяла Рейчел в заложники? Почему направила на него пистолет? И вообще, как так получилось, что она находится здесь?

Информация, поступающая на спутник с вживленного маячка, однозначно свидетельствовала о том, что Сейхан находится в Венеции. Пейнтер сразу же сообщил бы Грею, если бы она перебралась оттуда в Рим.

Не ответив Грею, Сейхан задала встречный вопрос:

— Вы вооружены?

Она обвела взглядом Пирса и Ковальски.

— Нет.

Сейхан пристально посмотрела Грею в глаза, словно взвешивая, можно ли ему верить. В конце концов она пришла к выводу, что Грей говорит правду. Они с Ковальски прилетели в Рим только что, и у них просто не было времени, чтобы обзавестись оружием.

Пожав плечами, Сейхан убрала пистолет в карман и прошла в комнату. Она двигалась с изяществом пантеры — сплошные ноги и скрытая сила. Грей не сомневался, что в случае необходимости она в мгновение ока снова выхватит пистолет.

— В таком случае можно поговорить, как подобает старым друзьям, — насмешливо промолвила Сейхан, бросая Грею крошечный ключик.

Несомненно, это был ключ от наручников, которыми она приковала итальянку к кровати.

Поймав ключ на лету, Грей подошел к кровати и нагнулся к Рейчел.

— С тобой все в порядке? — прошептал он ей на ухо, отпирая наручники.

Их щеки на мгновение соприкоснулись. Знакомый запах, исходящий от волос девушки, расшевелил старые чувства, раздул угли, которые Грей считал давно остывшими. Выпрямившись, он отметил, что Рейчел отпустила волосы и они спадают ниже плеч. И еще она похудела, отчего ее высокие скулы стали еще заметнее, усиливая сходство с актрисой Одри Хепберн в молодости.

Освободившись от стального браслета, Рейчел принялась растирать запястье. Ее тон был резким от злости и смущения.

— Со мной все хорошо. На самом деле тебе лучше послушать, что скажет эта женщина. — Она понизила голос. — Только будь осторожен. Она напряжена, как тетива лука.

Грей повернулся к Сейхан. Та не спеша прошла к окну, откуда открывался замечательный вид на римские крыши. Неподалеку к небу поднимался громадный изгиб Колизея.

— Пирс, как думаешь, с чего мне лучше начать? — Сейхан даже не потрудилась обернуться к нему. — Никак не ожидал встретить меня в Риме?

Она уронила руку к левому боку. Сделано это было не случайно, а с укором. Во время операции в прошлом году ей был вживлен маячок. Как раз в левое бедро.

Сейхан подтвердила опасения Грея.

— Достаточно подозрительным было уже то, что мне удалось так запросто покинуть Бангкок. Но когда меня потом никто особенно и не искал, я поняла: здесь что-то не так. — Обернувшись, она посмотрела на Грея, насмешливо подняв

брови. — Агент «Гильдии» бежит из-под стражи, а поиски ведутся спустя рукава?

— Ты обнаружила вживленный маячок.

— Нужно отдать должное вашей конторе, найти его было очень непросто. Даже полномасштабная магнитно-резонансная томография, которую я сделала в Санкт-Петербурге, ничего не выявила. Пять месяцев назад один врач провел хирургическое обследование, начиная с того места, где вы меня прооперировали.

Вот главное упущение в плане Пейнтера. Они недооценили уровень подозрительности у Сейхан.

— Операция продолжалась три часа, — с растущим раздражением в голосе продолжала Сейхан. — Я наблюдала за ней в зеркало. Хирург обнаружил маячок, вживленный в затянувшуюся рану — рану, которую я получила, спасая *твою* жизнь, Пирс.

От ярости ее лицо закаменело, но от Грея не укрылось чувство обиды, мелькнувшее у нее в глазах.

— Значит, ты удалила маячок. — Грей мысленно представил себе извилистый путь на мониторе наблюдения. — Но оставила его при себе.

— Я решила, что это может быть полезно. Ваш маячок позволял мне спрятаться у всех на виду. Я могла на время оставить его где-нибудь и двинуться дальше.

— Как ты поступила в Венеции.

Сейхан молча пожала плечами.

— В городе, где жил хранитель, которого ты убила. Где по-прежнему живет его семья.

Обвинение повисло в воздухе. Едва заметно покачав головой, Сейхан отвела взгляд. Грей не смог разобраться в промелькнувших у нее на лице чувствах.

— У девочки есть кошка, — тихо промолвила Сейхан. — Рыжая, с ошейником.

Грей понял, что под «девочкой» подразумевалась дочь убитого хранителя. Значит, Сейхан действительно проведала семью, приблизилась к ней настолько, чтобы наблюдать

обыденную жизнь матери и дочери, потрясенных внезапной смертью мужа и отца. И, вероятно, она закрепила маячок у кошки на ошейнике. Это был очень ловкий ход. Кошка блуждает по переулкам и крышам, создавая впечатление того, что объект наблюдения находится в постоянном движении. Неудивительно, что агенты, направленные в Венецию, не смогли обнаружить Сейхан. Пока ищейки шли по ложному следу, настоящей «кошке» удалось скрыться.

Грею хотелось получить от этой женщины ответы на многие вопросы. И первым в очереди стоял тот, который он не успел задать во время их предыдущей встречи, в ходе разговора, так и оставшегося незавершенным.

— А как насчет твоего утверждения о том, что ты двойной...

Сейхан бросила на него резкий взгляд. Выражение ее лица не изменилось, но глаза стали каменно-твердыми, предостерегая Грея от продолжения. Он собирался спросить Сейхан насчет ее заявления о том, что она сотрудник западных спецслужб, внедренный в «Гильдию», однако она, очевидно, не желала продолжать этот разговор при посторонних. А может быть, Грей неправильно истолковал выражение ее лица. Быть может, Сейхан не смогла скрыть презрение к нему за его легковерие. Он вспомнил последние слова, сказанные ею в Бангкоке:

«Верь мне, Грей. Хоть самую малость».

Посмотрев на нее, Грей не стал задавать свой вопрос.

Это подождет.

— В таком случае почему ты здесь, в Риме? Чем объясняется встреча при таких обстоятельствах? — Грей указал на Рейчел.

— Потому что мне нужен козырь, чтобы торговаться.

— Который ты используешь как рычаг давления на меня? — Грей взглянул на Рейчел.

— Нет. Который я смогу предложить «Гильдии». После событий в Камбодже возникли серьезные подозрения относительно моей лояльности. Насколько я могу судить, «Гиль-

дия» вынюхивала обстоятельства недавнего взрыва в соборе Святого Петра. Что-то вызвало ее интерес. Затем я услышала, что к этому происшествию имеет отношение монсиньор Верона...

— Происшествию? — взорвалась Рейчел. — Мой дядя в коме!

Сейхан пропустила ее слова мимо ушей.

— И вот я здесь. Я надеюсь извлечь из этой ситуации пользу. Если мне удастся получить какую-нибудь ключевую информацию относительно взрыва, я смогу вернуть полное доверие руководства «Гильдии».

Грей пытливо всмотрелся в ее лицо. Несмотря на жесткий цинизм, рассуждения Сейхан соответствовали тому заявлению, которое она сделала два года назад: она якобы была заслана в «Гильдию», чтобы вывести на чистую воду главарей преступной организации. Единственный способ расти в иерархии этого глубоко законспирированного сообщества — подниматься по кровавой пищевой цепи — заключался в том, чтобы приносить результаты.

— Я собиралась обстоятельно расспросить Рейчел, — продолжала Сейхан, — но, проникнув в ее дом, обнаружила, что у нее в квартире кто-то хозяйничает.

Грей вопросительно посмотрел на Рейчел. Та кивнула, подтверждая слова Сейхан, однако у нее в глазах остался сердитый блеск.

— «Гильдия» определила, что нападавшие охотились за тем, что находилось у убитого священника, ради чего они были готовы на все. Вероятно, труп обыскали, однако взрыв не оставил убийцам времени ни на что другое. Например, на то, чтобы обыскать монсиньора Верону.

— Значит, кто-то предположил, что нужная им вещь должна быть у Вигора, — догадался Грей. Он повернулся к Рейчел. — А затем она попала к его племяннице, когда та забрала вещи из больницы.

Сейхан кивнула.

— И эти люди нагрянули к Рейчел домой.

У Грея в груди сжался комок страха. Если бы убийцы застали Рейчел дома, они жестоко пытали бы ее, после чего убили бы. И, ничего не найдя у нее в квартире, они, вероятно, сейчас ее ищут, установив наблюдение за всеми вероятными местами: квартирой, работой, даже больницей.

Существовал только один способ защитить Рейчел.

— Мы должны найти то, что они ищут, — вслух подытожил Грей.

Рейчел и Сейхан переглянулись.

— Эта вещь у меня, — сказала Рейчел.

Грей не смог скрыть свое изумление.

— Но мы понятия не имеем, что это такое, — объяснила Сейхан. — Покажи ему.

Сунув руку в карман, Рейчел достала крошечный кожаный мешочек, размером с кошель для монет. Она вкратце рассказала о своей находке, о том, как обнаружила мешочек висящим на пальце бронзового скелета в соборе Святого Петра.

— На него меня вывел дядя Вигор, — закончила Рейчел, протягивая мешочек Грею. — Но мы с Сейхан больше ничего не смогли определить. Особенно относительно того, что находится внутри.

«Мы с Сейхан?..»

По ее небрежному тону можно было предположить, что женщины являются партнерами, а не похитителем и жертвой. Грей оглянулся на ванную. Пока Рейчел говорила, Сейхан скрылась за дверью, оставив полотенце на полу. Было слышно, как она там возится, и не вызывало сомнений, что она также следила за тем, что происходит в комнате. Малейшая попытка броситься к двери — и Сейхан выскочит с пистолетом в руке.

— У тебя точно все в порядке? — шепотом спросил у Рейчел Грей, перехватив ее взгляд.

Та кивнула.

— Сейхан приковала меня к кровати только тогда, когда пошла в душ. Она не из тех, кто доверяет.

В настоящий момент осторожность Сейхан Грея даже порадовала. Рейчел была такой же упрямой, как и он сам. Представься ей возможность вырваться на свободу, она бы не раздумывая ею воспользовалась. И это могло бы закончиться плохо. Если бы Рейчел попала в руки к другим охотникам, те обращались бы с ней не так любезно.

Теперь, когда Сейхан скрылась в ванной, Ковальски приблизился к Грею. Он указал на мешочек.

— Что там внутри?

Грей уже успел ослабить кожаный шнурок и вытряхнул содержимое мешочка на ладонь. Почувствовав на себе взгляд Рейчел, он понял, что она ждет его суждения.

— Это случайно не... — Ковальски наклонился через плечо Грея и тотчас же отпрянул назад. — Фу, какая гадость!

Грей не стал возражать.

— Это человеческий палец, — поморщившись, сказал он.

— Мумифицированный палец, — добавила Рейчел.

По лицу Ковальски разлилось отчаяние.

— И, зная вас, я уверен, что он, скорее всего, проклят.

— Откуда этот палец? — спросил Грей.

— Не знаю, но отец Джованни работал в горах на севере Англии. Проводил раскопки. Больше в полицейском отчете не сообщалось никаких подробностей.

Грей перекатил сморщенный бурый палец обратно в мешочек. Только сейчас он обратил внимание на грубую спираль, выжженную на коже. Охваченный любопытством, Грей перевернул мешочек и обнаружил на противоположной стороне другой знак. Круг и крест. Он сразу же узнал этот символ по рассказу Пейнтера о событиях в Вашингтоне. На двух континентах произошли два убийства, и тела жертв были отмечены таким же знаком.

Грей повернулся к Рейчел:

— Этот символ. Ты сказала, что сразу же догадалась о связи мешочка со взрывом. Откуда такая уверенность?

Он получил ответ, который и ожидал услышать.

— Нападавшие заклеймили отца Джованни, — Рейчел прикоснулась ко лбу, — тем же самым знаком. В прессе об этой подробности не было упомянуто. Интерпол занимается расследованием ее смысла.

Грей перевел взгляд на мешочек в руке.

Значит, *три* убийства на *трех* континентах.

Но как эти смерти связаны между собой?

Должно быть, Рейчел прочитала что-то у него на лице.

— В чем дело, Грей?

Но прежде чем он успел ответить, зазвонил телефон на тумбочке рядом с кроватью. На мгновение все застыли. Сейхан шагнула в комнату, одетая в черные обтягивающие брюки и бордовую блузку и натягивая на ходу видавшую виды черную кожаную куртку.

— Кто-нибудь собирается отвечать? — спросил Ковальски, когда телефон зазвонил снова.

Шагнув к тумбочке, Грей снял трубку.

— Алло?

Это был Франко, хозяин гостиницы.

— Синьор Пирс, я просто хотел предупредить, что к вам в номер направляются трое гостей.

Грей не сразу сообразил, что это может означать. В европейских гостиницах принято предупреждать постояльцев о том, что их кто-то спрашивает, на тот случай, если те не желают никого принимать. А Франко знал о том, что в прошлом Рейчел и Грей были в близких отношениях. Если так можно выразиться, он не хотел, чтобы гости застали их в неглиже.

Но Грей никого не ждал. Он понял, что это означает. Поспешно пробормотав «grazie», он повернулся к остальным:

— К нам гости.

— Гости? — недоуменно вскинулся Ковальски.

Сейхан сразу же все поняла.

— За вами следили?

Грей задумался. Он был так встревожен отсутствием Рейчел, что во время поездки в такси не замечал ничего вокруг. Кроме того, он вспомнил, как сам только что тревожился

насчет охотников, опасаясь, что они установят наблюдение за всеми, связанными с Рейчел. А он звонил самым разным людям.

Судя по всему, о его беспокойстве прознали не те, кому нужно.

Правильно истолковав выражение растущей уверенности у него на лице, Сейхан метнулась к двери, выхватывая из-за пояса пистолет.

— Так, ребята, нам пора выписываться из этой гостиницы.

7

11 октября.
8 часов 04 минуты.
Осло, Норвегия

Ивар Карлсен наблюдал за штормом, который крепчал во фьорде. Он любил непогоду и сейчас радовался резкому переходу осени в зиму. Ночами уже было холодно, шли ледяные дожди со снегом. По утрам стали обычными заморозки. Вот и сейчас, опираясь костяшками пальцев на древние камни и глядя из сводчатого окна, Карлсен ощущал, как лицо овевает прохлада.

Он стоял на верху башни Мунка. Это была самая высокая точка крепости Акерсхус, одной из главных достопримечательностей Осло. Первые внушительные каменные укрепления были возведены в тринадцатом веке на восточной стороне бухты королем Хоконом Пятым для защиты города. Впоследствии крепость дополнялась новыми рвами, стенами и бастионами. Башня Мунка, на которой сейчас находился Карлсен, была построена в середине шестнадцатого века, когда защита крепости и замка была усилена пушками.

Выпрямившись, Карлсен положил руку на одно из древних орудий. Холодный чугун напомнил ему о долге, о его обязанности защищать не только свою страну, но и весь мир. Вот почему Карлсен выбрал именно старинную крепость как

место проведения ежегодной конференции ЮНЕСКО по проблемам продовольствия. Этот бастион как нельзя лучше подходил для нынешнего тревожного времени. Больше миллиарда человек по всему миру сталкиваются с недостатком продуктов питания, и Карлсен сознавал, что это только начало. Конференция имела жизненно важное значение для мира в целом и для его компании «Виатус интернэшнл» в частности.

Ничто не сможет помешать его планам: ни то, что произошло в Африке, ни даже то, что сейчас происходило в Вашингтоне. Задачи, которые он поставил перед собой, имеют огромное значение для безопасности во всем мире, не говоря уже про сохранение семейного достояния.

В далеком 1802 году, когда Осло еще назывался Христианией, братья Кнут и Артур Карлсены объединили лесозаготовительную компанию и мельницу для производства пороха, положив начало будущей империи. Вскоре их состояние было уже легендарным, они стали крупнейшими промышленными магнатами страны. Но уже тогда братья начали совмещать свои успехи в бизнесе с добрыми делами. Они финансировали школы, строили больницы, прокладывали дороги и, что самое главное, спонсировали все новое на своей быстро развивающейся родине. Поэтому свою компанию они назвали «Виатус», от латинских слов via, что значит «путь», и vita, «жизнь». Для братьев Карлсенов название «Виатус» означало «путь жизни». В нем выражалась их вера в то, что главной задачей фирмы является совершенствование мира и сознание того, что богатство налагает большую ответственность.

Ивар намеревался продолжать дело своих предков, которое в конечном счете способствовало созданию Норвегии. Ходили слухи о том, что корни фамильного дерева Карлсенов уходят во времена первых викингов, переплетаясь с корнями Иггдрасиля, знаменитого дерева жизни древнескандинавской мифологии. Но Ивар знал, что подобные притязания на самом деле не более чем красочные сказки, рассказанные

его старыми bestefar и bestemor[1], предания, переходящие от одного поколения к другому.

Так или иначе, Ивар гордился историей своей семьи. Он с готовностью принимал сравнение с викингами. Именно викинги выковали северный мир, водя свои украшенные драконьей головой суда к берегам Европы, в Россию и даже в Америку.

Так что у Ивара Карлсена были все основания гордиться своим прошлым.

С верхушки башни Мунка Карлсен наблюдал за черными тучами, которые затягивали небо над фьордом. С минуты на минуту начнется ливень, который к полудню перейдет в ледяной дождь со снегом, а к вечеру, скорее всего, сменится настоящим снегопадом. Все говорило о том, что снег в этом году ляжет на землю рано — еще одно свидетельство меняющегося характера погоды. Природа возмущалась тем вредом, который наносил ей человек, бунтовала против удушливых токсинов и повышающейся концентрации углекислого газа. Пусть другие сомневаются в том, что в глобальном потеплении виноват человек. Ивар жил в стране ледников. Ему была известна правда. Снежные шапки на вершинах гор и вечная мерзлота таяли с небывалой скоростью. В 2006 году отступление норвежских ледников было рекордным за всю историю наблюдения.

Мир менялся, таял на глазах. И кто-то должен был подняться на защиту человечества.

«Даже если это будет кровавый викинг», — с мрачной усмешкой подумал Карлсен.

Он тряхнул головой, прогоняя глупую мысль. Уж в его-то возрасте! Странно, как прошлое с годами все большей тяжестью ложится на сердце. Ивар приближался к своему шестидесятипятилетию. Но хотя его рыжие волосы уже давно стали белоснежными, он носил их ниспадающими до плеч. Кроме того, Карлсен усиленно занимался спортом, как в пар-

[1] Дедушкой и бабушкой *(норв.)*.

ных банях, так и на леденящем холоде. Вот и сегодня утром он в мороз пешком поднялся на эту господствующую точку. С годами его тело закалилось, а кожа на лице превратилась в твердый бурый пергамент.

Карлсен взглянул на часы. Хотя официально конференция ЮНЕСКО должна была начаться только завтра, сегодня ему предстояло посетить несколько организационных совещаний.

Когда начался наконец дождь, Ивар направился вниз. Он успел заметить во дворе следы приготовлений. Несмотря на непогоду, там были расставлены палатки и столики. К счастью, большая часть заседаний и лекций пройдет в просторных залах замка Акерсхус. Даже в средневековой крепостной часовне будут даны несколько вечерних концертов с участием хоровых групп со всего мира. Кроме того, для участников и гостей конференции будут открыты военные музеи, расположенные в крепости, Музей норвежского Сопротивления и Музей вооруженных сил, а также подземные помещения самого замка, где состоятся экскурсии по древним темницам и казематам, сопровождающиеся рассказами о призраках и ведьмах, которые обитают во всех старинных мрачных крепостях.

Впрочем, и действительность Акерсхуса была столь же мрачной. Во время Второй мировой войны крепость заняли немецкие войска. Многих норвежцев пытали и казнили в этих стенах. А затем именно здесь заседал трибунал, именно здесь были расстреляны коллаборационисты и предатели, сотрудничавшие с нацистами, в том числе печально знаменитый Видкун Квислинг.

Спустившись на нижний уровень башни, Карлсен вышел во внутренний двор крепости. Стоя одной ногой в настоящем, а другой — в прошлом, он заметил низенького мужчину с солидным брюшком только тогда, когда буквально наткнулся на него. Ивар сразу же узнал Антонио Гравела. Нынешний президент Римского клуба был чем-то заметно недоволен.

И Карлсен знал, чем именно. Он надеялся оттянуть встречу с Гравелом еще на несколько часов, но, похоже, прези-

дент клуба не желал ждать ни минуты. Карлсен и Гравел постоянно сталкивались друг с другом с тех самых пор, как Карлсен вступил в организацию.

Римский клуб являлся международной «фабрикой мозгов», состоящей из видных ученых, промышленников, политиков и даже членов королевских семей. Со времени своего основания в 1968 году он разросся в организацию, объединяющую представителей тридцати с лишним стран со всех пяти континентов. Главной задачей Римского клуба было распространение информации о приближающемся глобальном кризисе, который угрожал всему человечеству. Отец Ивара был в числе его основателей.

После смерти отца Ивар занял его место и вскоре обнаружил, что Римский клуб полностью подходит ему как в личном плане, так и для выполнения стоящих перед ним задач. За несколько лет Карлсен быстро поднялся до самых высот. Как следствие, Антонио Гравел видел в нем растущую угрозу, и уже несколько месяцев он оставался болезненной занозой в боку у Ивара.

И все же Карлсен придал лицу теплое, радушное выражение.

— А, Антонио. У меня мало времени, почему бы вам не пройтись со мной?

Он направился дальше, и Гравел последовал за ним.

— Ивар, вы должны выкроить время. Я согласился с тем, чтобы провести конференцию ЮНЕСКО в этом году здесь, в Осло. По крайней мере, вы могли бы должным образом оценить мои заботы.

Лицо Карлсена оставалось бесстрастным. Гравел ни с чем не «соглашался»; он отчаянно сопротивлялся каждому шагу Ивара. Сам он хотел провести ежегодную конференцию в Цюрихе, где в настоящее время размещался секретариат Римского клуба. Но Карлсен перехитрил президента и добился того, что конференция была перенесена в Осло, в основном ради одной организованной им специальной экскурсии, ко-

торая была намечена на последний день работы. Участие в этой экскурсии должны были принять только избранные.

— Я считаю, — настаивал Гравел, — что как президент Римского клуба я должен сопровождать тех, кто отправится на Шпицберген.

— Я все понимаю, Антонио, но, боюсь, это невозможно. Вы должны понимать, как сложно было организовать эту поездку. Если бы все зависело только от меня, я с радостью насладился бы вашим обществом, однако норвежское правительство ограничило число посетителей Шпицбергена.

— Но... — Гравел тщетно пытался подобрать подходящий аргумент. На его лице читалась неприкрытая зависть.

Карлсен спокойно наблюдал за тем, как его коллега кипит от злости. «Виатусу» пришлось выложить целое состояние, чтобы арендовать эскадру реактивных лайнеров, которым предстояло доставить элиту конференции на отдаленный норвежский архипелаг Шпицберген в Северном Ледовитом океане. Целью поездки была особая экскурсия в Глобальный банк семян, находящийся на Шпицбергене. Огромное подземное хранилище создали для того, чтобы сохранить и сберечь семена всех растений Земли, и в первую очередь семена сельскохозяйственных культур. Оно было устроено глубоко под землей, в отдаленном, труднодоступном месте, среди вечных льдов — на случай глобальной катастрофы, природной или иной. Если такое когда-либо произойдет, замороженные, спрятанные под землей семена сохранятся для тех, кто выживет.

Так Шпицберген получил прозвище «Хранилище Судного дня».

— Но... я полагаю, что в такой поездке, — продолжал Гравел, — правлению Римского клуба следовало выступить единым фронтом. Проблема продовольственной безопасности стоит в настоящее время так остро...

Карлсен сделал над собой усилие, чтобы не закатить глаза. Он знал, что желание Антонио Гравела отправиться на Шпицберген не имеет никакого отношения к проблеме про-

довольственной безопасности, а объясняется лишь стремлением потолкаться в обществе нового поколения мировых лидеров.

— Вы совершенно правы насчет проблемы продовольственной безопасности, — согласился Карлсен. — Больше того, эта тема станет главной в моей вступительной речи.

Он надеялся своей речью развернуть силы Римского клуба в новом направлении. Пришло время действовать. Лицо Гравела потемнело. Заискивание сменилось неприкрытой злобой.

— Кстати, о вашей речи, — язвительно промолвил Гравел, — я получил предварительные наброски и ознакомился с ними.

Застыв на месте, Карлсен развернулся к спутнику.

— Вы прочитали мою речь? — Никто не должен был заранее знать ее содержание. — Где вы ее достали?

Гравел небрежно отмахнулся от этого вопроса.

— Не имеет значения. Главное то, что вы не можете произнести такую речь, если рассчитываете и дальше представлять интересы Римского клуба. Я обсудил этот вопрос с сопрезидентом Бутой. И он полностью со мной согласен. Сейчас не время вещать на весь мир об угрозе неминуемого коллапса. Это... это безответственно.

Нахлынувшая кровь сожгла холод на лице Карлсена.

— В таком случае когда же придет это время? — спросил он, с вызовом выставив подбородок. — Тогда, когда весь мир скатится в хаос и девяносто процентов населения вымрет?

Гравел покачал головой:

— Именно об этом я и говорю. Вы собираетесь выставить наш клуб как сборище сумасшедших, предрекающих конец света. Мы этого не потерпим.

— Не потерпите? Да ядром моей речи является опубликованный доклад Римского клуба!

— Да, знаю. «Пределы роста». Вы неоднократно цитируете его в своей речи. Этот доклад был написан в далеком тысяча девятьсот семьдесят втором году.

— Но сейчас он еще более актуален! В докладе в мельчайших подробностях описывается всемирный коллапс, к которому мы сейчас неумолимо приближаемся.

Карлсен подробно исследовал «Пределы роста», анализируя приведенные в докладе графики и таблицы. В этой работе моделировалось будущее мира, при котором население продолжает расти резко, экспоненциально, в то время как производство продовольствия увеличивается только арифметически. В конечном счете население исчерпает возможности производить достаточно продуктов питания, чтобы прокормить себя. Мир локомотивом налетит на эту точку и помчится дальше. А затем последуют хаос, голод и войны, следствием чего станет полное уничтожение человечества. Даже самые оптимистичные модели показывали, что погибнет не меньше девяноста процентов населения. В дальнейшем исследования повторялись неоднократно — и с теми же жуткими результатами.

Гравел пожал плечами, отмахиваясь от всей проблемы. Карлсен стиснул кулак, испытывая непреодолимое желание разбить ему нос.

— В своей речи, — продолжал Гравел, даже не подозревая о нависшей над ним опасности, — вы выступаете за радикальный контроль над численностью населения. С этим никто никогда не согласится.

— Другого выхода нет, — отрезал Карлсен. — Обмануть неизбежное будущее не удастся. Всего за два десятилетия численность населения Земли увеличилась с четырех до шести миллиардов человек. И нет никаких признаков замедления темпов роста. Еще через двадцать лет нас будет уже девять миллиардов. И это тогда, когда осваиваются последние оставшиеся клочки пригодной для обработки земли, когда глобальное потепление приводит к бедственным последствиям, когда океаны испаряются! Человечество достигнет критической точки гораздо раньше, чем кажется. — Он схватил Гравела за руку, давая выход своим чувствам. — Но мы можем смягчить удар, начав планирование прямо сейчас.

Есть только один способ избежать полной глобальной катастрофы — а именно медленно и последовательно снижать количество человеческой биомассы на планете, до того как мы достигнем точки «перегрева». От этого зависит будущее человечества.

— Да у нас и так неплохо получается, — возразил Гравел. — Или у вас нет веры в свои собственные разработки? Разве не должны генетически модифицированные растения, которые патентует ваша корпорация, открывать для сельского хозяйства новые земли, приносить большие урожаи?

— Но даже это позволит нам лишь выиграть немного времени.

Гравел взглянул на часы.

— Кстати, о времени. Мне пора идти. Я передал вам точку зрения Буты. Вы должны переделать свою речь.

Карлсен проводил взглядом Гравела, удалявшегося к подъемному мосту за воротами Киркегата.

Он остался стоять, не обращая внимания на начавшуюся морось, первую предвестницу приближающегося потопа. Ему хотелось, чтобы ледяные капли остудили его разгоряченное, гулко колотящееся сердце. Этот вопрос он обсудит с сопрезидентом клуба позже. Быть может, ему действительно следует несколько поумерить пыл своего выступления. Возможно, лучше не выкручивать резко руль, который определяет судьбы мира.

Успокоившись, полный решимости, Карлсен направился к громаде часовни с ее большими розетками окон. Он уже опаздывал на встречу. Среди членов Римского клуба Карлсен собрал группу своих единомышленников, тех, кто был готов принимать непростые решения и отстаивать свои убеждения. Пусть Антонио Гравел и два сопрезидента числятся номинальными главами Римского клуба; Ивар Карлсен и его когорта, организация внутри организации, являлись истинным железным сердцем организации, горящим надеждой на будущее планеты.

Пройдя в часовню, Карлсен увидел, что остальные уже собрались в небольшом нефе. Скамьи были сдвинуты к одной стене, а слева от алтаря установлена небольшая трибуна. Сводчатые окна пропускали внутрь тусклый свет, к которому добавляла каплю веселья ярко горящая позолоченная люстра.

При появлении Карлсена люди обернулись.

Всего их было двенадцать.

Но именно в них заключалась истинная мощь клуба: это были промышленные магнаты, ученые, лауреаты Нобелевской премии, видные политики крупнейших государств, даже одна голливудская знаменитость, своей популярностью привлекавшая к деятельности группы как деньги, так и внимание.

Каждый выполнял свою задачу.

Даже шагнувший навстречу Карлсену мужчина в строгом черном костюме, с лицом осунувшимся и затравленным.

— Доброе утро, Ивар, — сказал мужчина, протягивая руку.

— Здравствуйте, сенатор Гормен. Пожалуйста, примите мои соболезнования в связи с вашей утратой. То, что произошло в Мали... Я должен был не жалеть денег на защиту лагеря.

— Не вините себя. — Сенатор стиснул Карлсену плечо. — Джейсон знал, с какими опасностями была сопряжена эта работа. И он гордился тем, что принимал участие в таком важном проекте.

Несмотря на такое заверение, чувствовалось, что эта тема по-прежнему причиняет сенатору боль. Он еще не оправился от гибели сына. Со стороны двух мужчин можно было принять за родных братьев. Себастьян Гормен был таким же высоким и мускулистым, как Карлсен, но его седые волосы были аккуратно подстрижены, а складки на брюках отутюжены до бритвенной остроты.

Карлсен удивился, увидев сенатора здесь, но, впрочем, этого следовало ожидать. В прошлом Себастьян Гормен уже не раз демонстрировал свою непоколебимость. Он играл клю-

чевую роль в расширении работ по созданию биотоплива в западном мире. И нынешняя конференция имела для него особое значение. К тому же приближались очередные выборы, так что сенатору придется выкраивать время для скорби о своем сыне позже.

И все же Карлсен понимал боль Гормена. Сам он потерял жену и младенца сына при родах; в ту пору ему было всего тридцать. Трагедия едва не сломила его. Он так больше и не завел семью.

— Мы готовы начинать? — спросил сенатор, отступая в сторону.

— Да. Нам надо поторопиться. У нас очень много тем для обсуждения.

— Хорошо.

Пока сенатор собирал остальных у сдвинутых скамей, Карлсен смотрел ему в спину. Он не испытывал чувства вины. «Виатус» означает «путь жизни». А порой этот путь бывает очень трудным, требующим жертв.

Таких, как смерть Джейсона Гормена.

Молодой человек был убит по приказу Ивара Карлсена.

Трагическая утрата, но Карлсен не мог позволить себе предаваться жалости.

8

11 октября.
8 часов 14 минут.
Рим, Италия

У них было меньше минуты. Нежданные визитеры, о которых предупредил хозяин гостиницы, направлялись наверх. Грей не собирался дожидаться здесь их прихода.

Он быстро выпроводил всех в коридор, ведущий к пожарной лестнице. К счастью, лестница находилась как раз за углом от их номера. Распахнув окно, Грей отступил в сторону, пропуская Рейчел вперед.

— Спускайтесь вниз, — приказал он. — И спрячьтесь где-нибудь.

Рейчел выбралась в окно на железные ступени.

Повернувшись к Ковальски, Грей ткнул гиганта в грудь.

— Не отставай от нее ни на шаг.

— Можешь быть спокоен, — ответил тот, вылезая следом за Рейчел на лестницу.

Сейхан стояла в двух шагах от окна, широко расставив ноги, вытянув перед собой руки, сжимая большой черный пистолет «ЗИГ-зауэр». Она держала под прицелом весь коридор.

— У тебя есть еще оружие? — спросил Грей.

— Я прикрою. Шевелись!

В коридоре послышались приглушенные голоса, сопровождаемые скрипом деревянных половиц. Убийцы поднялись на этаж и направлялись к их номеру. Вероятно, запутанные коридоры старинной гостиницы спасли беглецам жизнь, дав им дополнительное время, чтобы выбраться из западни.

Но не более того.

Развернувшись к окну, Грей выбрался на лестницу. Сейхан последовала за ним. Даже не оборачиваясь, она вслепую шагнула задом наперед в раскрытое окно, ни на мгновение не выпуская из вида коридор.

Рейчел и Ковальски уже спускались вниз. Они находились на уровне второго этажа, когда в них вдруг начали стрелять. Грей не услышал звука выстрелов, но узнал визг рикошета и увидел облачка кирпичной крошки, выбитой пулями из стены.

Выругавшись, Ковальски заслонил Рейчел своей могучей спиной, и они быстро полезли обратно вверх.

Грей разглядел стрелявшего, который укрывался за мусорными баками. Мерзавцы уже перекрыли выход в соседний переулок. Сейхан выстрелила в ответ. Убийца нырнул за бак, но ее пистолет был без глушителя. Грохот выстре-

лов больно ударил Грею по барабанным перепонкам. Можно было не сомневаться, что те из противников, кто находился внутри, также услышали этот звук.

— Быстро на крышу! — распорядился Грей.

Стрелок, остававшийся на земле, сделал несколько выстрелов вдогонку, но Сейхан не давала ему спокойно прицелиться, а железная клетка пожарной лестницы предоставляла хоть какое-то укрытие. К счастью, бежать предстояло не очень далеко. В гостинице было всего пять этажей.

Поднявшись наверх, Грей первым делом заставил всех отойти от края крыши. Впереди простиралось черное пространство, залитое битумом, заваленное голубиным пометом, с торчащими тут и там трубами вентиляции и отопления, покрытыми граффити. Надо было найти отсюда другую дорогу вниз. С пожарной лестницы уже доносился топот тяжелых ботинок. Преследователи спешили наверх.

Грей указал на дальнее крыло гостиницы. Там к зданию примыкало соседнее строение, на один этаж ниже. Это позволит беглецам скрыться из вида или, по крайней мере, спрятаться от выстрелов.

Они бросились бегом к невысокой стенке, разделявшей соседние здания. Грей добежал до нее первым. К стене гостиницы была прикручена болтами железная лестница, выкрашенная белой краской; она вела на крышу соседнего строения.

— Пошли!

Перекатившись через стенку, Рейчел начала торопливо спускаться по лестнице. Ковальски не стал дожидаться своей очереди. Ухватившись за край стенки, он повис на руках и спрыгнул вниз, упав спиной на рубероид.

Звук выстрела заставил Грея обернуться.

В дальнем конце крыши у пожарной лестницы мелькнуло лицо в черной маске.

— Пирс, сейчас или никогда! — предупредила Сейхан.

Она выстрелила еще дважды, отбивая у преследователей охоту высовываться над стенкой. Воспользовавшись

временным затишьем, Грей перемахнул через стенку и ухватился за поручни лестницы. Не обращая внимания на ступени, он, словно пожарный по шесту, соскользнул до самого низа.

Наверху снова загремели выстрелы.

Как только ноги Грея коснулись рубероида, он поднял взгляд. Сейхан перелетела через стенку, хватаясь одной рукой за лестницу. В другой она сжимала дымящийся пистолет. В спешке молодая женщина сорвалась с верхней ступеньки и начала падать вниз. Выронив пистолет, она снова попыталась ухватиться за ступеньку. Пальцы ее на мгновение сомкнулись вокруг железной трубы. Пистолет упал к ногам Грея. Рука Сейхан разжалась.

Она полетела вниз.

Метнувшись вперед, Грей оказался под лестницей. Сейхан тяжело свалилась ему в руки. От толчка Грей опустился на одно колено, но все же удержал ее. Оглушенная, Сейхан тяжело дышала, вцепившись ему в запястье.

Подобрав пистолет, Ковальски помог им подняться на ноги.

Грубо высвободившись из объятий Грея, Сейхан сделала шаг, пошатнулась, но удержалась на ногах. Развернувшись, она ловко выхватила пистолет из пальцев Ковальски, прежде чем тот успел хоть что-то сообразить.

— Эй... — Ковальски недоуменно уставился на свою руку, словно она его подвела.

— Там есть еще одна пожарная лестница, — окликнула их Рейчел.

Ее взгляд на мгновение задержался на Грее и Сейхан.

Все поспешили вперед. Верхняя часть пожарной лестницы была надежно укрыта за громоздкой вентиляционной трубой. Беглецы начали быстро спускаться вниз, перепрыгивая с одной площадки на другую. Лестница привела их в другой переулок. Это даст им возможность сделать свободный вдох, но Грей понимал, что сеть, раскинутая вокруг

гостиницы, сейчас стремительно расширяется. И надо будет как можно скорее покинуть это место, прежде чем она снова сомкнется.

Переулок выходил на оживленную улицу. Беглецы направились к ней. Не имея возможности определить нападавших в толпе, они по-прежнему находились в опасности. Они могли наткнуться на одного из убийц, не догадываясь об этом. Нужно уйти как можно дальше от гостиницы, покинуть город.

Грей перевел вопросительный взгляд с Рейчел на Сейхан.

— У кого-нибудь из вас есть машина?

— У меня, — ответила Рейчел. — Но она осталась перед входом в гостиницу.

Грей покачал головой. Возвращаться назад слишком опасно. И, учитывая то, что в утренний час пик улицы превратились в сплошную парковку, от машины, наверное, все равно не было бы особого толка.

Внимание Грея привлекло раздавшееся слева приглушенное ворчанье. Отскочив в сторону, он пропустил мотоциклиста, который несся мимо застывшего потока машин, то и дело выскакивая на узкий тротуар. Ковальски на мгновение замешкался, и мотоцикл едва не налетел на него, что только разозлило великана.

— Ах ты, долбаный Книвел![1]

Ковальски толкнул обеими руками проезжавшего мимо мотоциклиста.

Тот вылетел из седла. Мотоцикл наткнулся на стоящую машину и повалился набок. Второй мотоциклист, петлявший между машинами, не заметил вовремя препятствие и, не успев затормозить, упал вместе с мотоциклом в сток для дождевой воды.

Посмотрев на Грея, Сейхан вопросительно подняла брови.

---

[1] Книвел, Роберт Крейг, по прозвищу Злой — известный американский мотоциклист, исполнитель головокружительных трюков на мотоцикле.

«Сойдет», — беззвучно ответил Пирс.

Сейхан бросилась к первому мотоциклу, Грей поспешил ко второму.

Им позарез был нужен транспорт.

Пистолет Сейхан подавил в зародыше все возможные возражения первого мотоциклиста. Быстро сориентировавшись в обстановке, Рейчел поспешила следом за Греем. Достав удостоверение карабинеров, она высоко подняла его в руке, властно выкрикивая по-итальянски. Второй мотоциклист поспешно отполз от своего упавшего мотоцикла.

Подняв мотоцикл, Грей перекинул ногу через седло. Рейчел устроилась сзади, обхватив его одной рукой за талию.

Сейхан уже сидела на втором мотоцикле. Ковальски растерянно застыл на месте, не зная, как ему быть. Сейхан похлопала по кожаному сиденью за собой.

— Ты что, шутишь? — обиделся великан. — Я сзади не поеду ни с кем, и уж точно не с девчонкой!

Сейхан по-прежнему сжимала в руке «ЗИГ-зауэр». Она протянула пистолет Ковальски, рукояткой вперед, показывая, что не сможет одновременно управлять мотоциклом и стрелять.

Это было все равно что предложить кость голодной собаке.

Устоять Ковальски не смог. Схватив пистолет, он забрался на мотоцикл позади Сейхан.

— Вот так-то лучше.

Они тронулись под рев раздавшихся вдалеке полицейских сирен. Первым ехал Грей. Петляя из стороны в сторону, он лавировал между ползущими машинами, уворачиваясь от других мотоциклов. Рейчел кричала ему на ухо, направляя к более широким улицам, где пробки будут не такие плотные. Постепенно они набирали скорость.

Однако уехать далеко беглецы не успели.

Визг тормозов привлек внимание Грея назад.

Из переулка выехал черный «Ламборгини», оставляя черные следы дымящимися покрышками. Из правого окна вы-

сунулась фигура в черной куртке, поднявшая к плечу толстую трубу.

Грей сразу же узнал реактивный гранатомет «М-32».

Сейхан тоже его узнала.

Низко склонившись к рулю, она дала полный газ, однако на запруженной транспортом улице деваться было некуда.

Убедившись в том, что цель никуда не скроется, убийца выстрелил.

2 часа 22 минуты.
Вашингтон

Монк ждал вместе с Кэт в ее кабинете в штаб-квартире «Сигмы». Они растянулись вдвоем на кожаной кушетке. Монк обнимал жену, наслаждаясь мягким теплом ее тела. Хотя в здании имелось несколько комнат для отдыха, оба понимали, что все равно не смогут заснуть до тех пор, пока не получат каких-либо известий о Грее.

— Я должен был поехать в Рим вместе с ним, — пробормотал Монк.

— Рядом с ним Ковальски.

Монк молча смерил ее взглядом.

— Ну хорошо, — согласилась Кэт. — Может быть, так оно будет еще хуже. Но мы ведь даже не знаем наверняка, что у Грея какие-то неприятности.

— Он не отвечает на звонки.

Кэт плотнее прильнула к мужу.

— Он ведь встретился с Рейчел, — сказала она, многозначительно изгибая брови.

Но Монк не купился на такое объяснение.

Последовало долгое молчание, каждый был погружен в собственные мысли. Пейнтер рассчитывал дернуть кое за какие ниточки, чтобы выяснить, что происходит в Риме. Кэт также запросила дополнительную информацию относи-

тельно взрыва в Ватикане и теперь ожидала от Интерпола подробный отчет. Это было затишье перед бурей. И все же Монк не терял времени даром.

Протянув руку, он провел ладонью по животу Кэт. Та накрыла его руку своей. Их пальцы переплелись.

— Разве это плохо — мечтать о мальчике? — спросил Монк.

Другой рукой Кэт шутливо ткнула его в бок.

— Да...

Крепче прижимая ее к себе, Монк продолжал:

— Но мальчик... я мог бы с ним бороться, играть в баскетбол, ловить рыбу...

Кэт попыталась было вырваться, затем вздохнула и прильнула к мужу.

— Всем этим можно заниматься и с дочерью, женофоб!

— Ты назвала меня женолюбом?

— Женофобом... впрочем, не бери в голову.

Наклонившись, Монк поцеловал жену в губы.

— А мне больше нравится женолюб.

Кэт пробормотала что-то невнятное. Монк не смог разобрать слов, но еще через какое-то мгновение последовала удовлетворенная тишина. Их прервал стук в дверь. Отпрянув друг от друга, словно застигнутые врасплох школьники, они уселись на кушетке. Кэт встала и направилась к двери, по дороге разглаживая помятую одежду. Обернувшись, она сверкнула глазами на мужа, как будто это он был во всем виноват.

Открыв дверь, Кэт увидела Пейнтера.

— Господин директор...

Не дав ей договорить, Пейнтер махнул рукой вдоль коридора.

— Я иду в центр спутниковой связи. У нас большие неприятности в Риме.

Монк вскочил на ноги.

— Грей?

— Кто же еще? — Пейнтер уже удалялся по коридору.

8 часов 21 минута.
Рим, Италия

«Ламборгини» неумолимо настигал замыкающий мотоцикл. Грей ничего не мог поделать.

В тот самый момент, когда убийца выстрелил из гранатомета, Ковальски несколько раз лихорадочно выпалил по машине. Ветровое стекло покрылось паутиной трещин. «Ламборгини» чуть дернулся в сторону — достаточно, чтобы сбить стрелку прицел.

Граната, оставляя за собой дымовой след, пролетела у Ковальски над головой и ушла дальше вдоль улицы. Она попала в угол здания на ближайшем перекрестке.

Дым, пламя, разлетевшийся во все стороны кирпич.

Объятые паникой пешеходы бросились врассыпную. На пересечении улиц столкнулись машины. Грей доехал до перекрестка первым. Он пробрался сквозь столкновение, дергаясь рывками, петляя в хаосе и дыму, выискивая малейшие щелочки, открывающие дорогу вперед.

Сейхан с Ковальски быстро его нагнали.

Черный «Ламборгини», застрявший в пробке, вырулил на тротуар. Машина набрала скорость, не обращая внимания на мечущихся перед колесами пешеходов.

За перекрестком дорога стала свободнее. Дав полный газ, Грей понесся вперед. Сейхан держалась справа от него.

— Грей! — вдруг крикнула ему на ухо Рейчел.

Оторвав одну руку от его талии, она указывала вперед.

Чуть дальше по улице из-за угла выскочил еще один «Ламборгини» и устремился прямо на беглецов. Вторая машина настигала их сзади.

Рейчел указала влево.

— Лестница!

Грей увидел пешеходную лестницу, изгибавшуюся между двумя зданиями. Резко вывернув руль, он нажал на тормоз. Оба колеса прошли юзом несколько ярдов, прежде чем ему удалось выровнять мотоцикл. Выкрутив до отказа ручку

газа, Грей рванул к каменным ступеням. Описав более широкую дугу, Сейхан устремилась за ним, стараясь не отставать.

Грей услышал поток отборной ругани, извергнутой Ковальски, за которым последовали хлопки выстрелов. Великан стрелял по обеим спортивным машинам.

Доехав до лестницы, Грей включил пониженную передачу и дал газ. Приподнявшись на заднем колесе, он налетел на лестницу и, используя момент инерции и мощь двигателя, работающего на максимальных оборотах, устремился вверх, прыгая по ступеням. К счастью, после одного пролета начался ровный тротуар. И все же дорога оставалась узкой и извилистой.

Не сбавляя скорости, Грей помчался вперед, надеясь на то, что утробный рев двух мотоциклов разгонит пешеходов. И все же рискнул и оглянулся назад. Сверху улицу было не видно, но тем не менее не вызывало сомнений, что один или двое убийц выскочили из автомобилей, чтобы продолжать преследование пешком. А машины, вероятно, рванули в объезд, стремясь перехватить беглецов с другой стороны.

Где заканчивается эта пешеходная дорожка?

Ответ Грей получил, когда дорожка внезапно вывела на просторную площадь. По внешнему краю проходила круговая дорога. Выскочив на открытое место, Грей разинул рот при виде огромного древнего сооружения, занимавшего всю центральную часть площади. Оно уходило высоко в небо.

Колизей.

Однако времени любоваться достопримечательностями не было.

— К нам гости! — заорал Ковальски, указывая вправо.

Грей обернулся. Оба «Ламборгини» выруливали на круговую дорогу.

— Грей! — воскликнула Рейчел, показывая влево.

Оттуда выехал третий «Ламборгини», такой же черный и стремительный, как два других. Похоже, у кого-то скопилось много лишних денег.

Грей помчался прямо вперед, пересек многополосную дорогу и выскочил в окружавшую Колизей пешеходную зону, где зеленые газоны перемежались бетонными и щебеночными дорожками. Единственная надежда оторваться от преследователей заключалась в том, чтобы действовать быстро. И решительно.

К сожалению, на это же были настроены и те, кто находился в трех «Ламборгини».

Все три спортивные машины свернули с дороги и понеслись через пешеходную зону, зажимая беглецов с двух сторон.

У Грея не осталось выхода.

«Если эти ребята хотят устроить гонку...»

2 часа 23 минуты.
Вашингтон

Застыв перед рядом мониторов, Пейнтер не отрываясь смотрел на изображение со спутника, поступающее из Управления национальной разведки. На экране была видна просторная площадь в центре Рима, посреди которой вздымалась громада древнего амфитеатра. Колизей был похож на огромный, широко раскрытый каменный глаз.

— Увеличьте масштаб, — приказал Пейнтер технику.

— Вы уверены, что это Грей? — спросил Монк.

Они с Кэт стояли по обе стороны от директора «Сигмы».

— Взрыв произошел в квартале от гостиницы, в которой он остановился. В полицейских донесениях говорится о погоне у стен Колизея.

Изображение на экране расползлось, увеличиваясь. Детали стали менее разборчивыми. И все же отчетливо были видны две черные машины, мчащиеся вдоль периметра каменного амфитеатра. Впереди по дорожкам и прямо через газоны неслись два мотоцикла. Один из мотоциклов спрыгнул с невысокой лестницы, приземлился на заднее колесо и тотчас же снова рванул вперед.

— Да, — одобрительно произнес Монк, — определенно это Грей!

Черные машины быстро настигали беглецов.

— Смотрите! — воскликнула Кэт, указывая на экран.

Третья машина, появившаяся с противоположной стороны, устремилась наперерез мотоциклам. Рядом с одним из них взметнулось облачко взрыва; высоко в воздух взлетела урна и кусок кирпичной стены.

— Граната, — пробормотал Пейнтер.

Что там происходит?

Зажатые с трех сторон, мотоциклы развернулись и помчались туда, где дорога еще оставалась открытой. В голосе Кэт звучало изумление.

— Что они делают... не собираются же они...

Монк шагнул к экрану.

— О да, это определенно Грей.

9

11 октября.
8 часов 23 минуты.
Рим, Италия

Грей низко пригнулся к рулю. Рейчел крепко прижималась к нему сзади. Он направил мотоцикл прямо на огромное каменное сооружение, состоящее из нескольких ярусов громадных арок и массивных колонн и в самой высокой точке поднимающееся до уровня пятнадцатиэтажного дома. Все арки нижнего яруса были перегорожены высокой железной решеткой, но прямо впереди находился главный вход, перед которым обычно выстраивались очереди туристов.

Грей мчался именно туда.

В этот ранний час Колизей еще не был открыт для посетителей, но входные ворота уже распахнулись, и перед ними

начала собираться толпа. Стрельба и взрывы разогнали народ. Люди попрятались кто куда. Двое в одежде гладиаторов даже забрались на дерево.

И все же присутствие туристов и зевак вынуждало вооруженных полицейских, дежуривших у ворот, вести себя осторожно. Стражи порядка не решались применить оружие. Они лишь расчистили пространство перед входом.

Воспользовавшись благоприятным моментом, Грей устремился прямо к воротам.

Им навстречу выскочил одинокий полицейский, готовый защищать порученный объект. Наведя на мотоцикл оружие, он выкрикнул предупреждение. Рейчел закричала в ответ, размахивая зажатым в руке удостоверением карабинеров.

Полицейский застыл в нерешительности.

Этого оказалось достаточно.

Грей на полной скорости въехал в ворота. Полицейский едва успел отскочить в сторону. Сейхан не отставала. Оба мотоцикла вырвались на внутреннее кольцо, окружавшее центральную арену. Обрамленное арками, опирающимися на колонны, замкнутое пространство, окутанное глубокой тенью, напоминало пещеру. Рев мотоциклов, отражаясь от стен, достиг оглушительного крещендо.

Внимание Грея привлекли выстрелы, прозвучавшие слева. Один из «Ламборгини» мчался параллельно мотоциклам по залитой солнцем арене. Высунувшийся из правого окна боевик стрелял из автоматической винтовки. Но беглецов прикрывали каменные стены и железные решетки. Пули с визгом высекали из стальных прутьев искры.

Позади послышался громкий скрежет и грохот. Второй «Ламборгини» протаранил решетку и устремился за мотоциклами по внутреннему проходу. К сожалению, для маленькой спортивной машины здесь было достаточно просторно.

Огненная вспышка взрыва заставила Грея снова сосредоточиться на том, что было впереди. Секция железной ре-

шетки, искореженная и дымящаяся, вылетела из наружной арки. Третий «Ламборгини», рванув в открывшийся проход, резко затормозил, перегораживая дорогу.

Черная фигура высунулась из окна, направляя на беглецов свое дымящееся оружие.

— Давай направо! — крикнула Рейчел, указывая на каменный пандус.

Грей послушно заложил крутой поворот, опускаясь на колено. Мотоцикл пошел юзом, опасно наклонился — слишком опасно. Стремясь избежать падения, Грей в кровь стер колено о камень. Он стиснул зубы, усилием всех мышц заставляя машину подняться.

Однако, как оказалось, большой угол наклона спас ему жизнь. Раскатистый грохот прозвучал оглушительно громко, дымовая струя пронеслась мимо накренившегося мотоцикла, в каких-то дюймах от Грея. Он ощутил щекой обжигающий поток раскаленных газов.

Реактивная граната пролетела дальше и врезалась в лобовое стекло второго «Ламборгини». Из окон вырвалось пламя, машина подлетела в воздух и опрокинулась.

Спасаясь от ударной волны, Грей дал газ, устремляясь к пандусу. Сейхан с Ковальски уже обогнули массивную колонну и неслись туда же. Оба мотоцикла одновременно достигли короткого пандуса и, скатившись вниз, снова вырвались на солнечный свет.

Только теперь открылись истинные размеры стадиона. Поднимаясь вверх четырьмя огромными уровнями, он занимал площадь в шесть акров. Хотя за прошедшие столетия амфитеатру нанесли урон вандалы, пожары, землетрясения и войны, он по-прежнему сохранил величие, неподвластное времени, оставаясь свидетельством давно минувшей эпохи. Прямо впереди простиралась сама арена; в прошлом на ней кипели жестокие схватки, в которых смерть была забавой. Деревянные настилы давным-давно сгнили, обнажив подземный лабиринт каменных коридоров и комнат, где когда-то содержались звери, рабы и гладиаторы.

Теперь над открытой ямой проходил современный пешеходный мостик, который заканчивался у ровной площадки на противоположном конце. Грей не раздумывал ни секунды. Не снижая скорости, он первым въехал на узкий мостик и помчался вперед. Рев двух мотоциклов гулкими отголосками раскатился в чаше амфитеатра, вызывая призраков зрителей, которые много веков назад рукоплескали и ревели, требуя крови.

И сегодня этим призракам предстояло получить истинное наслаждение.

Позади снова загремели выстрелы. В зеркало заднего обзора Грей увидел двух стрелков, подбежавших к началу мостика. Они держали автоматические винтовки армейского образца. После первого шквала смертоносного свинца Сейхан была вынуждена бросить мотоцикл, потому что одна из пуль пробила заднее колесо. Мотоцикл повалился набок. Сейхан и Ковальски покатились по доскам, сплетенные вместе.

Ковальски попытался было подняться на ноги, но Сейхан перехватила его, спасая от пуль. Вдвоем они сорвались с мостика и исчезли в яме внизу.

Это был единственный выход.

Грей понял, что они с Рейчел, полностью беззащитные на открытом мостике, ни за что не смогут добраться до противоположной стороны. Как только убийцы займут позицию для стрельбы и прицелятся точнее, их жертвам не будет спасения. Грей резко затормозил. Он сознавал, что у них меньше секунды на какие-либо действия. Развернувшись, Грей обхватил итальянку за талию и вместе с ней скатился с мотоцикла на мостик.

Поток пуль обрушился на доски, приближаясь к беглецам.

Крепко прижимая к себе Рейчел, Грей продолжал катиться. Достигнув края мостика, они сорвались и полетели вниз, в черную яму.

2 часа 35 минут.
Вашингтон

Пейнтер прильнул к самому монитору.

— Нельзя ли еще приблизить изображение?

Техник спутниковой связи покачал головой.

— Это лучшее разрешение, какого только можно добиться. Конечно, можно пропустить поступающие со спутника данные через цифровой фильтр, но обработка займет несколько часов.

Пейнтер обернулся к Кэт, которая разговаривала по телефону. Их взгляды встретились.

— Итальянские военные реагируют, — доложила Кэт. — Они будут на месте через десять минут. Полиция уже оцепила весь район.

Пейнтер снова уставился на экран. Ворвавшиеся в Колизей мотоциклы на какое-то время скрылись из вида. Однако через несколько секунд снова появились, уже посреди арены. Детали были видны плохо, можно было получить лишь общее представление о происходящем. И все же зрители в Вашингтоне увидели, как один мотоцикл внезапно развернулся боком и упал. Через мгновение затормозил и второй мотоцикл. Затем в этом месте последовало какое-то неотчетливое движение, после чего все застыло.

Низкое разрешение не позволяло разобрать, лежат ли на мостике тела.

Монк перегнулся через плечо техника.

— Сэр... — Он указал на экран, привлекая внимание Пейнтера. — Кажется, я опять вижу какое-то движение. На мостике.

Техник кивнул.

— Похоже, это две фигуры. Может быть, три.

Он проследил пальцем за едва различимым миганием светящихся точек на экране. Точки направлялись к упавшим мотоциклам. Даже при таком отвратительном разрешении Пейнтер узнал повадки истинных охотников.

Он пробормотал, обращаясь к экрану с мольбой:

— Грей, убирайся оттуда ко всем чертям...

8 часов 36 минут.
Рим, Италия

Рейчел опиралась на плечо Грея. Каждый шаг отдавал пронизывающей болью в правой ноге. Молодая женщина подвернула колено, провалившись в подземелья Колизея. Неуклюже прыгая рядом с Греем, она огляделась вокруг.

Поскольку солнце еще не успело подняться высоко, беглецов скрывали глубокие тени. От дяди Вигора Рейчел знала, что эти нижние уровни назывались «гипогеями» — по-латыни это значило просто «под землей». Именно здесь содержались всевозможные дикие звери — львы, слоны, тигры, жирафы, а также рабы и гладиаторы. Примитивные лифты поднимали наверх клетки или затейливые декорации.

Но теперь от всего этого остались только полуобвалившиеся стены, коридоры и крошечные камеры. Не защищенный крышей, верхний уровень был открыт разрушительному действию солнца и дождей. Пол зарос травой, а стены покрылись толстым ковром мха. Вследствие плохого состояния древних построек, грозивших в любой момент обрушиться, уровень был закрыт для туристов — но не для археологов. Однажды дядя Вигор тайком водил Рейчел сюда, еще когда она была подростком.

«Если бы я смогла сориентироваться, разобраться, что к чему...»

Грей внезапно остановился. За ними явно кто-то крался: слышались шорох камней, шумное дыхание. Беглецы нырнули в одну из камер. Показались две фигуры.

Рейчел почувствовала, как Грей облегченно вздохнул:

— Сейхан...

Та зашипела на него, поднося палец к губам. Следом за ней двигался Ковальски. Половина лица великана была залита кровью, обильно вытекающей из рваного разреза над глазом. Ковальски тоже поднял руку, призывая хранить тишину.

Теперь и Рейчел тоже это услышала.

Тяжелые шаги ботинок по мостику над головой.

Убийцы не бежали из Колизея, как надеялась Рейчел. Они продолжали охоту.

Сейхан указала вверх, затем откинула руку в сторону. Ее пантомима была достаточно красноречивой: если они останутся непосредственно под мостиком, обнаружить их будет гораздо сложнее. Однако это означало, что им придется соблюдать строжайшую тишину.

Кивнув, Грей направился к дальнему концу гипогея, но Рейчел остановила его, стиснув ему плечо. Грей вопросительно обернулся на нее. Девушке было известно расположение подземных уровней. Если они пойдут прямо, то наткнутся на глухую стену. В настоящее время оставалось лишь несколько путей, позволяющих покинуть гипогей.

Рейчел указала вперед, затем рубанула рукой и покачала головой. На военном языке знаков это означало: «впереди тупик». Развернувшись, она махнула рукой в сторону выхода, о существовании которого было известно немногим. Много лет назад ей показал его дядя Вигор. Но для того чтобы добраться туда, требовалось покинуть относительную безопасность пространства под мостиком и выйти в открытый сверху лабиринт.

Грей пристально посмотрел на спутницу. Его лицо было напряжено, глаза превратились в два твердых осколка голубого льда.

«Ты уверена?»

Рейчел кивнула. Грей стиснул ей плечо, благодаря, подбадривая ее. На какое-то мгновение молодой женщине захотелось, чтобы эти руки обвили ее, заключили в крепкие объятия. Но Грей отпустил ее и подошел к Ковальски. Они вдвоем сели на корточки и заговорили шепотом, так, что ничего нельзя было разобрать.

К Рейчел подошла Сейхан. Она тоже внимательно следила за мужчинами. Рейчел не сомневалась, что Сейхан умеет читать по губам. Она украдкой взглянула на бывшую убийцу на службе «Гильдии». На щеке у Сейхан лиловел синяк. Рейчел также отметила, что со времени их предыдущей встречи,

случившейся несколько лет назад, Сейхан заметно похудела. Ее лицо осунулось, вытянулось, глаза запали. Казалось, она была высечена из камня, твердая и неприступная. И все же в ее темно-зеленых глазах полыхал ледяной огонь.

Бесшумно вернувшись назад, Грей собрал всех вместе под мостиком. Услышав шаги одного из охотников, он взглянул вверх. Боевики наблюдали за обеими половинами гипогея. Малейшее движение — и они откроют ураганный огонь. У них господствующее положение, и это будет все равно что стрелять по рыбе в бочке.

Когда убийца прошел дальше, Грей прошептал:

— Нам нужен отвлекающий маневр. У Ковальски в пистолете остался один патрон. Немного, но этого...

Внезапно осторожная поступь сменила ритм. Медленные шаги превратились в тяжелый топот. Бегущие приближались.

Судя по всему, убийцы услышали шепот Грея.

Ковальски поднял пистолет, готовый стрелять, но Сейхан положила руку ему на плечо.

Тяжелые ботинки прогромыхали над головами беглецов и продолжили путь по мостику в сторону дальнего конца арены. Боевики бежали. Что-то их спугнуло.

— Полиция... — вслух высказал догадку Грей.

— Давно пора, — пробурчал Ковальски.

Однако Сейхан не разделяла их облегчения. Ее лицо помрачнело. Она числилась в списке террористов, разыскиваемых Интерполом.

Но прежде чем беглецы успели принять какое-то решение, вмешался новый шум. Он появился совершенно внезапно — размеренный гул вертолета. Выйдя из-под мостика, Грей уставился вверх. К нему присоединилась Рейчел.

Над краем Колизея показалось черное вытянутое тело вертолета.

— Это не полиция...— пробормотала Рейчел.

И действительно, на вертолете не было никаких опознавательных знаков.

Он описал полукруг над амфитеатром, и у него открылся боковой люк.

Грей схватил Рейчел за плечо.

— Бежим!

Теперь стало ясно, почему боевики поспешили покинуть арену. Они бежали не от полиции, а от нового, более разрушительного оружия. Зачем стрелять по рыбе в бочке, когда глубинная бомба справится с задачей гораздо эффективнее?

— Сюда! — крикнула Рейчел.

Молодая женщина побежала, не обращая внимания на протестующее колено; адреналин гасил боль. Она направилась к изгибающейся стене, вдоль которой тянулись каморки. Остальные последовали за ней.

— В чем дело? — недовольно рявкнул Ковальски.

Свернув в первый проход направо, Рейчел повернула затем налево и тотчас же уткнулась в тупик.

— Назад!

Все торопливо побежали обратно. Рейчел прихрамывала, держась за плечо Грея. Хотя она и представляла себе, где находится выход, лабиринт крысиных ходов не отложился четко у нее в памяти. Вернувшись в исходную точку, со второго раза она отыскала нужный поворот. Впереди был прямой проход, который заканчивался узкой аркой. Вот он! Арка обозначала начало лестницы, ведущей на нижний уровень гипогея.

Рейчел бросилась было вперед, но Грей обхватил ее за плечи и затолкнул в одну из боковых камер. Остальные тоже сгрудились там. Грей прикрыл итальянку своим телом, и тотчас же прогремел мощный взрыв, от которого содрогнулись стены. Через мгновение над головой пронеслась волна раскаленного воздуха вместе с клубами дыма и смрадом ядовитых химических веществ.

Грей вытолкал Рейчел из укрытия. Она споткнулась, оглушенная, не в силах что-нибудь разглядеть слезящимися глазами. Вертолет пролетел над ними, разгоняя несущим вин-

том дым и пламя. Из открытого люка выкатилась черная железная бочка.

«О, только не это...»

Объятая паникой, сознавая, что последует дальше, Рейчел со всех ног побежала по проходу, ахая от боли каждый раз, когда натыкалась на камни и обвалившиеся участки стены. Арочный свод зиял в каких-нибудь десяти ярдах впереди. Полностью сосредоточенная только на одном, молодая женщина наступила каблуком на покрытый мхом камень. Нога скользнула вбок, подвернулась, Рейчел потеряла равновесие — но не упала.

Подхватив за талию, Грей пронес ее на руках последние несколько шагов. Они вместе нырнули в арку. Сверху на них навалились другие тела. Все четверо полетели вниз по каменным ступеням, кувыркаясь, сталкиваясь друг с другом.

Беспорядочной грудой беглецы рухнули на землю, и тут же над ними началось светопреставление.

Взрыв, прогремевший у самого входа, оказался просто оглушительным. От давления у Рейчел заболели уши; ей показалось, у нее трещит череп. Сверху посыпались камни. Пламя, вырвавшееся из горловины лестницы, облизало сводчатый потолок. Рейчел почувствовала, как у нее горит кожа. Легкие не могли найти воздух.

И тотчас же давление стремительно упало. Огненные языки затянуло обратно в проход. Хлынувший с нижних уровней прохладный воздух окатил беглецов сладостной волной.

Беспорядочно замелькали руки и ноги. Все четверо стремились побыстрее отползти от лестницы в подземные коридоры, теряющиеся в темноте. Через несколько ярдов беглецы наконец медленно поднялись на ноги. Рейчел пришлось придерживаться за стену. Она никак не могла отдышаться, у нее кружилась голова, к горлу подкатывала тошнота. Ей с трудом удалось сделать глоток холодного воздуха.

— Не останавливаться! — поторопил Грей.

Рейчел заковыляла вперед, держась за стену. Им нужно было двигаться. Взрыв и пожар могли в любой момент

обрушить своды. Необходимо было как можно скорее выбраться отсюда.

— Ты сможешь найти выход?

Рейчел закашлялась.

— Ну... может быть... я попробую...

Грей схватил ее за локоть.

— Рейчел!

Она кивнула, восстанавливая равновесие, как физическое, так и внутреннее.

— Да. Сюда.

Достав сотовый телефон, Рейчел раскрыла его. Слабое сияние давало совсем мало света, но все же это было лучше, чем ничего.

Держась за плечо Грея, Рейчел двинулась вперед. Выход находился недалеко, однако этот подземный уровень представлял собой запутанное переплетение камер, проходов и тупиков. Рейчел вела всех за собой, оставаясь в настоящем и при этом провалившись в прошлое.

Она вспомнила, как дядя Вигор привел ее сюда, зачаровав рассказами о героях и чудовищах, о невиданных зверях и невообразимой роскоши. Он также рассказал ей об одном из величайших представлений, которое было для Колизея в редкость. Это зрелище называлось «наумахия».

Двигаясь вперед, Рейчел заговорила вслух, обращаясь к остальным:

— До того как были построены эти подземные уровни, еще на заре Римской империи все это пространство затапливалось и посреди Колизея возникало искусственное озеро. Здесь воспроизводились величайшие морские сражения, а также показывали плавающих лошадей и быков.

Ковальски плелся позади, покрытый пылью, окровавленный, обгоревший.

— Да, сейчас я ничего не имел бы против того, чтобы искупаться.

— И куда девалась после представления вся эта вода? — спросил Грей.

— Сейчас увидите, — ответила Рейчел.

Еще два поворота — и беглецы уткнулись в стену. Железная решетка наглухо закрывала узкий, длинный проход. Даже в тусклом свете сотового телефона было видно, что пол круто уходит вниз.

— Этот проход расчистили только в прошлом году, и подтвердилось то, о чем дядя Вигор уже давно знал.

Рейчел отодвинула засов и распахнула решетку.

Прежде чем она успела продолжить объяснения, послышался громкий рокот. Стены содрогнулись, с земли поднялось облако густой пыли, накатившее на беглецов.

— Взрыв бомбы вызвал подземный обвал, — пробормотала Рейчел.

Кусок мрамора оторвался от свода и рухнул на землю в ярде от нее. Грохот приближался. Словно костяшки домино, одна за другой обваливались стены.

— Сюда! — воскликнула Рейчел. — Поторопитесь!

Нырнув в узкий проход, она первой устремилась вперед. Остальные цепочкой следовали за ней. Не успели беглецы сделать и десятка шагов, как пол у них под ногами содрогнулся, и тотчас же послышался зловещий раскат грома. В воздух снова поднялась пыль, слепящая, удушливая.

Прикрывая рот рукой, Рейчел торопилась вперед, двигаясь вслепую, на ощупь. Пол шел под уклон все круче. Рейчел пришлось опираться одной рукой о стену, чтобы сохранять равновесие, а в другой она держала светящийся сотовый телефон.

— Далеко еще? — задыхаясь, спросил Грей.

Рейчел не ответила. Она сама не знала.

Выждав мучительно долгую минуту тишины, Рейчел наконец услышала слабое журчание. Она бросилась вперед, в спешке оступилась, упала на копчик и заскользила вниз, выронив телефон. Тот отлетел куда-то вперед — и скрылся из вида.

Не в силах остановиться, Рейчел последовала за ним. На какое-то душераздирающее мгновение окружающий мир

ушел из-под нее. Она полетела в пустоту. У нее вырвался сдавленный крик, но она тут же плюхнулась в неглубокий поток ледяной воды. Как оказалось, ей пришлось пролететь всего около метра.

— Берегитесь! — окликнул Грей.

Рейчел откатилась в сторону, освобождая место для своих спутников, которые, поскальзываясь, один за другим срывались в воду следом за ней. У кромки воды она увидела свой телефон. Он по-прежнему светился. Рейчел подняла его над головой.

Они находились в длинной каменной трубе, выложенной из грубо обработанных каменных блоков. Несомненно, это было творение человеческих рук. По дну струился тонкий ручеек.

— Где мы? — спросил Грей.

— В старой городской канализации, — ответила Рейчел, двигаясь по течению. — Именно через нее древние римляне сливали воду из затопленного стадиона.

Остальные зашлепали следом за ней.

Ковальски шумно вздохнул.

— И как я не догадался! Экскурсия в Рим в обществе Пирса просто не могла не завершиться в проклятой канализации.

10

10 октября.
15 часов 12 минут.
Вашингтон

Пейнтер настраивался на предстоящую схватку. Он сидел за столом в своем кабинете. К схватке директор «Сигмы» приготовился, как только мог. После долгой бессонной ночи он урвал немного сна, принял душ и переоделся в свежее белье.

Несколько часов назад Пейнтер узнал, что Грей и Ковальски живы и здоровы и собираются покинуть Рим. Комман-

дер Пирс уже представил краткий отчет о событиях в Италии, но ему нельзя было задерживаться в городе. Полный доклад он сделает только тогда, когда окажется в надежном месте за пределами Рима.

Зажужжал внутренний коммутатор. Брэнт отрывисто доложил:

— Сэр, к вам генерал Меткалф.

Пейнтера уже предупредили о том, что глава УППОНИР собирается лично приехать в штаб-квартиру «Сигмы». Подобные визиты случались крайне редко. И как правило, ничего хорошего не сулили.

Пейнтер нажал клавишу коммутатора.

— Брэнт, проводи генерала прямо ко мне.

Через мгновение дверь распахнулась. Пейнтер встал, встречая генерала Грегори Меткалфа, быстрым шагом вошедшего в кабинет. Глава УППОНИР держал фуражку под мышкой, кожа на нахмуренном лице собралась глубокими складками.

Пейнтер вышел из-за стола, чтобы пожать генералу руку, но Меткалф направился прямиком к стулу, швырнул фуражку на стол и махнул рукой, показывая Пейнтеру, чтобы тот тоже садился.

— Вам известно, какой политический вопеж начался в Италии? — вместо приветствия начал Меткалф.

Вернувшись за стол, Пейнтер дождался, когда начальник сядет, и сам опустился в кресло.

— Господин генерал, я в курсе ситуации. Мы отслеживаем переговоры по различным каналам разведывательных ведомств.

— Во-первых, перестрелка в гостинице, затем погоня на улице, оставившая за собой след крови и разрушений, и в довершение ко всему взрыв и пожар в одном из семи чудес света. И вы сообщаете мне, что в центре всего этого был один из наших... один из *ваших* оперативников?

Пейнтер сделал вдох носом. Кончики его пальцев были прижаты к кромке стола.

— Да, сэр. Один из наших лучших оперативных работников.

— Лучших? — с неприкрытой издевкой сказал Меткалф. — Не хотелось бы мне встретиться с худшим из них.

Пейнтер тоже добавил в голос чуточку желчи:

— Он попал в засаду. Ему пришлось делать все необходимое, чтобы защитить важную улику. Чтобы остаться в живых.

— Но какой ценой он этого добился? Насколько я понимаю, ваш человек влез в то, что является внутренним делом итальянских властей. Их собственные разведслужбы вместе с Интерполом держали все под контролем. Если ваш агент своими действиями причинил какой-либо ущерб...

Но Пейнтер не дал ему договорить.

— Господин генерал, это дело выходит далеко за пределы Италии. Вот почему я попросил вас о личной встрече. Пока что никому не известно об участии в нем «Сигмы», и мне бы хотелось, чтобы так оставалось и дальше.

Меткалф пристально смотрел на Пейнтера, ожидая продолжения. Но директор «Сигмы» дал ему немного покипеть. Вероятно, те, кто послабее, ломались под этим стальным взглядом. Однако Пейнтер даже не моргнул.

В конце концов Меткалф шумно выдохнул, признавая свое поражение, и откинулся назад.

— В таком случае расскажите мне, что там случилось.

Пейнтер расслабил плечи. Взяв со стола папку, он раскрыл ее, достал снимок и протянул генералу.

— Вот фотография убитого в Ватикане человека, сделанная итальянскими криминалистами.

Взяв фотографию, Меткалф взглянул на нее, и брови у него тотчас же сдвинулись, что свидетельствовало о крайнем потрясении.

— Это ведь тот же самый знак, — пробормотал он. — Выжженный на лбу, как и у сына сенатора Гормена.

— И у профессора Принстонского университета, — добавил Пейнтер.

Ему было известно, что Меткалф уже ознакомился с отчетом о событиях в лаборатории Карла Икана.

— Но какое отношение этот священник имеет к тому, что произошло в Африке? Я еще могу понять связь Джейсона с профессором, но это? — Меткалф вернул фотографию Пейнтеру. — Это же какая-то бессмыслица!

— Наш оперативный агент в Италии, коммандер Грейсон Пирс добыл и сохранил ключевой элемент к разгадке тайны. Ради получения этого ключа кто-то был готов взорвать римский Колизей.

— И этот ключ у нас в руках.

Пейнтер кивнул.

— И что же это такое?

— Мы до сих пор пытаемся разобраться, что это может означать. Речь идет о древнем артефакте, возможно имеющем отношение к археологическим раскопкам на территории Англии. Я бы предпочел пока не распространяться о подробностях. Пусть об этом знают только те, кому это необходимо.

— И вы полагаете, что мне это знать не обязательно?

Пейнтер посмотрел ему в глаза.

— А вы действительно хотите узнать правду?

Сперва Меткалф гневно прищурился, но затем у него в глазах блеснули веселые искорки.

— Хороший вопрос. После того, что произошло в Риме, возможно, и не хочу. Быть может, пока лучшей линией поведения будет все отрицать, ссылаясь на незнание.

— Я вам очень признателен, — сказал Пейнтер.

Он говорил искренне. Такую свободу действий новый глава УППОНИР ему еще никогда не предоставлял. Однако ему требовалось еще больше.

— Что бы там ни происходило, это простирается далеко за пределы Италии, — продолжал Пейнтер. — И лучший способ докопаться до правды заключается в том, чтобы сохранить наше участие в тайне.

Меткалф кивнул, соглашаясь с ним.

— Еще до того как произошли эти события в Италии, я пришел к выводу, что нам нужно получить максимальную информацию о тех генетических исследованиях, которые проводились в Мали.

— На ферме, принадлежавшей корпорации «Виатус».

— Насколько нам известно, с этими исследованиями связана смерть двух американцев — Джейсона и его наставника. Как и почему, мы не знаем. Однако именно в этом направлении нам нужно сосредоточить свои усилия в первую очередь. Необходимы детали. Информация, получить которую можно только в одном месте.

— Вы имеете в виду сам «Виатус»?

— Завтра в Осло начинает работу конференция по проблемам продовольствия. Президент «Виатуса» Ивар Карлсен должен выступить на ней с докладом. Надо зажать его в угол, заставить говорить, открыть всю правду о характере исследований, проводившихся в Африке.

— Я наслышан об этом Иваре Карлсене. Насколько можно судить, он крепкий орешек. Силой из него ничего не вытянешь.

— Понимаю.

— К тому же у него много влиятельных друзей — в том числе и здесь, в Штатах.

— Мне это хорошо известно.

Пейнтер располагал подробным досье на Карлсена и его компанию. «Виатус» имел прочные связи с американской экономикой: корпорация финансировала консорциум, занимавшийся исследованиями по созданию биотоплива, выступала партнером крупной нефтехимической компании, выпускающей удобрения и гербициды, и, разумеется, в паре с «Монсанто»[1] владела несколькими прибыльными патентами на генетически модифицированные сорта зерновых.

Меткалф продолжал:

---

[1] «Монсанто» — транснациональная корпорация, лидер в сфере биотехнологий сельского хозяйства.

— На самом деле мне уже известно об этой конференции в Осло. В ней принимает участие один наш общий друг, который готов вытрясти из УППОНИР душу, требуя ответа на вопрос, кто и почему убил его сына.

— Вы имеете в виду сенатора Гормена? — удивился Пейнтер.

— Он уже находится в Осло. Несмотря на обстоятельства гибели своего сына, сенатор остается одним из ближайших сподвижников Ивара Карлсена. И вызывать недовольство этих людей очень опасно. Так что в любых разговорах с Карлсеном необходимо соблюдать максимальную осторожность.

— Понятно. В таком случае это тем более оправдывает вторую причину, по которой я просил вас о встрече.

— И какую же?

— Вследствие деликатного характера дела и угрозы международных осложнений мне бы хотелось лично побеседовать с Карлсеном.

Этого Меткалф не ожидал. Ему потребовалось какое-то время, чтобы осмыслить просьбу Пейнтера.

— Вы хотите сами заняться расследованием? Отправиться в Осло?

— Да, сэр.

— А кто будет руководить «Сигмой» в ваше отсутствие?

— Кэтрин Брайент. Она является моим первым заместителем. В прошлом Брайент работала в военно-морской разведке, у нее тесные связи с нашими зарубежными коллегами. Она полностью готова самостоятельно руководить «Сигмой» и координировать работу на местах.

Меткалф откинулся назад, обдумывая это предложение.

Пейнтер знал, что у генерала четкие понятия о кодексе личной ответственности. Именно этим объяснялся его быстрый карьерный рост в армии. И сейчас Пейнтер сделал упор именно на это.

— Вы уже объяснили, насколько хрупкий лед под «Сигмой», — убежденно произнес он. — Дайте нам возможность

показать себя в деле. А если мы потерпим неудачу, произойдет это по моей вине. И я возьму на себя всю ответственность.

Меткалф хранил молчание. Он снова смерил Пейнтера стальным взглядом. Пейнтер не дрогнул, ответив ему таким же твердым и непоколебимым взором.

Кивнув, генерал встал. На этот раз он протянул руку. Пейнтер пожал ее через стол.

Перед тем как уйти, Меткалф с особым выражением произнес:

— Ступайте осторожно, директор Кроу. И говорите тихо.

— Не беспокойтесь. Именно этим были знамениты мои предки. У них была очень легкая поступь.

Криво усмехнувшись, Меткалф направился к двери.

— Возможно. Однако в данном случае я имел в виду Тедди Рузвельта.

После ухода генерала Пейнтер остался стоять. Приходилось отдать должное Меткалфу: тот был совершенно прав насчет Тедди. Девиз президента подходил каждому агенту, отправлявшемуся на оперативное задание.

«Говори тихо, но держи наготове большую дубинку».

16 часов 10 минут

— И директор Кроу употребил эти самые слова? — спросила Кэт.

Монк стоял перед ней. Она сидела на кушетке в своем кабинете.

— Да, именно эти. Ему нужна большая дубинка.

— Но неужели именно тебе придется стать этой большой дубинкой?

Подойдя к жене, Монк опустился на колено и посмотрел ей в глаза. Он понимал, что убедить ее будет очень нелегко. С Пейнтером Монк разговаривал еще полчаса назад. Директор предложил ему вернуться к оперативной работе, отправиться вместе с ним в Норвегию. И все же Монк только сейчас набрался духа заговорить об этом с Кэт.

— На самом деле речь идет только о том, чтобы взять интервью у большой шишки, — заверил он. — Тем же самым я занимался все последние месяцы здесь, в Штатах. Ну разве что придется съездить подальше.

Кэт упорно не желала смотреть ему в глаза. Она сидела, уставившись на свои руки, туго сплетенные на коленях. Ее голос прозвучал едва слышно:

— Да, и посмотри, каким простым оказалось твое последнее задание.

Пододвинувшись ближе, Монк прижался к ее коленям.

— Но ведь все закончилось благополучно.

И действительно, он только что узнал, как обстоят дела у Андреа Солдерич. Ее уже перевели в охраняемое место, под защиту Министерства внутренней безопасности. За ней лично присматривал Скотт Харват, человек, которому Монк полностью доверял.

— Дело не в этом, — возразила Кэт.

Монк все понимал. Протянув руку, он забрался жене под блузку и нежно погладил голый живот. Его ладонь ощутила исходящий от кожи жар. Кэт вздрогнула от этого прикосновения.

— Я все понимаю, — сдавленно произнес Монк. — Пусть моя память напоминает головку швейцарского сыра, но самое важное я не забываю ни на секунду. И вот почему я позабочусь о том, чтобы со мной ничего не случилось.

— Не все зависит от тебя.

Он посмотрел ей в лицо.

— И от тебя тоже не все зависит, Кэт.

Ее взгляд наполнился болью. Монк знал, как упорно она боролась за то, чтобы наблюдать за его выздоровлением, как переживала по поводу того, что они не могли быть вместе. И все это осталось и сейчас. Ее стремление защитить мужа было порождено безумным страхом. На протяжении нескольких месяцев она считала его погибшим. Монк мог только гадать, что ей пришлось пережить. И поэтому, хотя так было хуже для обоих, Монк старался не затрагивать эту тему.

И сейчас он не хотел давить на Кэт.

Если она возражает против его поездки в Норвегию вместе с Пейнтером, он никуда не поедет.

— Мне страшно подумать, что ты вернешься на оперативную работу, — наконец сказала Кэт. Достав руку Монка из-под блузки, она крепко стиснула ее обеими руками. — Но я стану ненавидеть сама себя, если скажу тебе не делать этого.

— Ты можешь ничего не говорить, — тихо промолвил Монк, внезапно почувствовав себя эгоистом. — Ты же это знаешь. Я все понял. Будут и другие задания. Когда мы с тобой оба будем готовы.

Кэт пристально посмотрела на мужа. Затем она вся както обмякла, закатила глаза и схватила его за затылок, привлекая к себе. Ее губы вплотную приблизились к его рту.

— Ты у нас вечный мученик, да, Коккалис?

— Что?..

Кэт заставила его замолчать своими губами, с силой вжимаясь в его губы, раздвигая их, проникая в рот. И тотчас же отпрянула назад. Учащенно дыша, Монк подался вперед, жаждая большего.

— Просто постарайся на этот раз возвратиться целым и невредимым, — сказала Кэт, ткнув пальцем в протез.

Монк, как всегда, соображал туго. Он не сразу проследил за ее мыслью.

— Ты хочешь сказать?..

— О господи, какой же ты тупой, Монк! Да, ты можешь ехать.

Монка захлестнула радость, смешанная с изрядной долей облегчения. Его лицо растянулось в широкой улыбке, которая внезапно превратилась в нечто более похотливое.

Правильно прочитав его мысли, Кэт приложила палец к губам.

— Нет, даже не шути о том, что ты большая палка.

— О крошка... как ты могла так обо мне подумать?

Убрав палец, Кэт наклонилась вперед и снова его поцеловала. Монк подхватил ее под ягодицы, перетаскивая к себе на колени.

Крепко прижав жену к себе, он прошептал:

— Зачем об этом говорить, когда я все могу доказать на деле?

22 часа 15 минут.
Терни, Италия

Грей дежурил у окна, глядя на погруженный в темноту сад вокруг старинного сельского особняка. Ему также были видны стоянка и проходящая мимо виа Тиберина. Беглецы проехали восемьдесят миль, чтобы добраться до маленького городка в Умбрии, известного своими древнеримскими развалинами и целебными источниками.

Это убежище предложила Рейчел. Переоборудованный в гостиницу двухэтажный особняк, с его балками из орехового дерева, выложенными из кирпича арками над окнами и чугунными люстрами, по-прежнему сохранил былое очарование. К тому же он находился в очень тихом месте.

И все же Грей не собирался терять бдительность. После того, что произошло в Риме, он больше не хотел рисковать. И не он один.

Грей заметил в саду красный огонек сигареты. Он не знал, что Сейхан курит, — с другой стороны, он о ней вообще практически ничего не знал. Она представляла собой неизвестную величину, ненужный риск. Насколько было известно Грею, никто не отменял приказ Вашингтона: задержать агента «Гильдии» любой ценой.

И все же Сейхан прикрывала их сегодня, и в прошлом она не раз спасала ему жизнь.

Наблюдая за женщиной-убийцей, расхаживающей по саду, Грей услышал, как в расположенной рядом ванной перестала течь вода и громко ухнули трубы. Рейчел закончила мыть-

ся. После часового пребывания в канализационной системе всем четверым требовались мыло и горячая вода.

Кроме того, им нужно было собраться с мыслями, решить, что делать дальше.

Рейчел вышла из заполненной паром ванной босиком, закутанная в полотенце, с мокрыми волосами.

— Душ свободен, — сказала она, оглядывая комнату. — А где твой напарник?

— Ковальски спустился вниз. Хочет раздобыть на кухне ужин.

— А.

Рейчел стояла в дверях, обхватив руками грудь: она внезапно застеснялась Грея и старалась не смотреть ему в лицо. Ворвавшись друг к другу в жизнь, они еще по-настоящему ни минуты не были вдвоем. Грей чувствовал, что нужно отвернуться, дать ей возможность спокойно переодеться, но он не мог.

Рейчел медленно подошла к кровати, по-прежнему осторожно ступая на левую ногу. Тайленол и эластичный бинт помогли вывихнутому колену, но все же требовался хотя бы день полного покоя. На кровати лежала новая одежда, все еще в упаковке и с бирками: джинсы, темно-синяя блузка, длинный плащ.

Проходя через комнату, Рейчел вцепилась в полотенце так, словно это был ее щит. Правда, без особой необходимости: Грею было известно в мельчайших подробностях то, что скрывалось за полотенцем. То, что не исследовал своими руками, он изучил губами. Однако сейчас его возбуждала не плоть, а воспоминания о нежных, ласковых словах, произнесенных в темноте, об обещаниях, которые так и не были выполнены.

В конце концов Грей все же отвернулся к окну — подчиняясь не чувству стыда и даже не вежливости, а сокрушительному ощущению утраты чего-то такого, что могло произойти.

Он слышал, как Рейчел возится у кровати, шуршит оберточной бумагой. Она не стала возвращаться в ванную, чтобы переодеться, а развернула полотенце и оделась у Грея за спиной. Но он не увидел в ее дерзости попытки соблазнения; скорее это был вызов, проникнутый сознанием того, какую боль и стыд это ему причиняло.

С другой стороны, быть может, все это было лишь плодом его воображения.

Одевшись, Рейчел подошла к окну и остановилась рядом с Греем.

— Вижу, ты по-прежнему настороже, — тихо промолвила она.

Грей ничего не ответил.

Какое-то время молодая женщина молча стояла с ним. В саду вдруг вспыхнула спичка, освещая силуэт Сейхан, которая закурила новую сигарету. Грей почувствовал, как Рейчел напряглась. Украдкой взглянув на него, она быстро развернулась и отошла к кровати.

Прежде чем кто-либо успел произнести хоть слово, послышался стук в дверь. Вошел Ковальски с большим деревянным подносом в руках и двумя бутылками вина под мышкой.

— Ужин в номер, — весело произнес он.

Войдя в комнату, великан сразу же заметил на полу брошенное полотенце. Он быстро перевел взгляд с Рейчел на Грея и закатил глаза. Потом, тихонько насвистывая, направился со своей ношей к столику.

Опустив поднос на столик, бутылки он оставил при себе.

— Если я вам не нужен, улягусь надолго в горячую ванну. И я действительно имею в виду — надолго. Я собираюсь пробыть там не меньше часа.

Ковальски многозначительно посмотрел на Грея — это надо было понимать как тонкий намек.

Рейчел залилась краской.

Из этого стеснительного положения Грея вывел звонок сотового телефона, лежавшего на ночном столике. Он взгля-

нул на часы. Должно быть, Пейнтер. Взяв телефон, Грей вернулся к окну.

— Пирс слушает, — сказал он, дождавшись установления защищенной связи.

— Вы уже устроились? — спросил директор «Сигмы».

— На какое-то время.

Грей был рад возможности сосредоточиться на насущных делах. Ковальски, прихватив обе бутылки вина, удалился в ванную. Рейчел села на кровать, слушая разговор. В течение следующих пятнадцати минут Грей и Пейнтер сопоставили свои выводы: три убийства на трех разных континентах, беспощадная жестокость, сопровождающая попытки скрыть происходящее, загадочное значение языческого символа, который, похоже, связывал все вместе.

Пейнтер рассказал о своих планах отправиться в Норвегию, чтобы на месте ознакомиться с деятельностью «Виатуса» и встретиться с главой компании.

— И Монк едет вместе с вами? — спросил Грей, удивленный и в то же время обрадованный за своего друга.

— Как и Джон Крид, наш новый специалист по генетике. Это он разобрался в данных, которые отправил по электронной почте Джейсон Гормен. — Голос Пейнтера стал серьезным. — Что возвращает нас к находке лейтенанта Вероны, которую кому-то очень хотелось уничтожить.

— Вы имеете в виду мумифицированный палец?

Грей оглянулся на Рейчел. В поезде они долго обсуждали это. Отец Марко Джованни принимал участие в археологических раскопках на севере Англии, в какой-то гористой и безлюдной местности на границе с Шотландией. Никаких подробностей об этих раскопках пока что не открылось. Известно было лишь то, что бывший ученик монсиньора Вероны занимался исследованием корней христианства у кельтов, той поры, когда языческие верования смешались с католицизмом.

Грей уже доложил Пейнтеру некоторые детали. Но он еще не говорил о том, что рассказала ему в поезде Рейчел.

— Господин директор, наверное, вам будет лучше услышать это от самой Рейчел Вероны. Я не могу точно сказать, какое это имеет значение, но все же речь идет о чем-то заслуживающем внимания.

— Хорошо. Давай ее сюда.

Вернувшись к кровати, Грей передал телефон Рейчел.

— Думаю, лучше ты сама расскажешь Пейнтеру о том, что тебе удалось выяснить.

Рейчел кивнула. Грей остался стоять у спинки кровати. После обмена любезностями Рейчел перешла прямо к той странной мании, которой был одержим погибший священник.

— До того как в Риме все полетело вверх тормашками, — объяснила Рейчел, — я успела получить список опубликованных статей и работ отца Джованни, начиная с того времени, когда он еще был студентом. Несомненно, он замкнулся на одном определенном мифе, связанном с католической верой, а именно на воплощении Богородицы, известном под именем Черная Мадонна.

Грей слушал ее рассказ вполуха. Он уже был знаком с этой темой. Перед тем как прийти в «Сигму», он занимался сравнительным изучением религий. Ему была знакома тайна, окружающая культ Черной Мадонны. На протяжении многих столетий, начиная от самой зари христианства, тут и там появлялись статуи и картины, на которых мать Христа изображалась с темной или даже с черной кожей. Все эти изображения почитались самыми дорогими святынями. В Европе к настоящему времени сохранилось свыше четырехсот таких работ, некоторые были созданы еще в одиннадцатом веке. И многие из них до сих пор боготворились: Черная Мадонна Ченстохова в Польше, Мадонна отшельников в Швейцарии, Гваделупская Дева в Мексике. Перечень можно было продолжать и дальше.

Несмотря на почитание этих странных образов Мадонны, отношение к ним до сих пор оставалось противоречивым. Кое-кто утверждал, что они обладают чудодейственными свойствами, а другие заявляли, что темный цвет кожи — не

более чем следствие накопившейся с годами копоти от свечей или естественного потемнения старого дерева и мрамора. Католическая церковь никогда официально не признавала чудодейственную силу подобных воплощений.

Рейчел продолжала рассказ о мании отца Джованни.

— Он был убежден, что христианство у кельтов было основано на культе Черной Мадонны, что этот образ представлял собой слияние старой языческой Матери-Земли с новым поклонением Деве Марии. Всю свою жизнь отец Джованни искал эти связи, лежащие в основе данной мифологии.

Рейчел помолчала, судя по всему, слушая вопрос Пейнтера, затем ответила:

— Я не знаю, удалось ли ему это установить. Но он определенно что-то нашел, что-то такое, ради чего стоило умереть.

Она снова остановилась, слушая, потом сказала:

— Точно. Полностью с вами согласна. Передаю трубку коммандеру Пирсу.

Взяв телефон, Грей поднес его к уху и вернулся к окну.

— Сэр?

— Исходя из рассказа Рейчел, считаю, что ваш следующий шаг очевиден.

Грей не сомневался в правильном ответе.

— Обследовать место раскопок в Англии.

— Совершенно верно. Я не знаю, какое отношение убийства в Африке и в Принстонском университете имеют к исследованиям отца Джованни. Но какая-то связь обязательно должна быть. Я отправлюсь в Осло и займусь генетическими изысканиями, а ты выясни, куда указывает высохший палец.

— Слушаюсь, сэр.

— Тебе нужны еще люди в помощь? Или справишься вместе с Джозефом Ковальски и лейтенантом Вероной?

— По-моему, чем малочисленнее будет наша группа, тем лучше.

Несмотря на все старания Грея, его голос едва заметно дрогнул. Оставался еще один момент, о котором он до сих пор ни словом не обмолвился Пейнтеру Кроу. Грей посмотрел

в сад, на красный огонек сигареты. Ему было мучительно больно лгать директору, даже если это был лишь грех недоговорки. Но если он расскажет главе «Сигмы» о своем новом союзнике, Пейнтер будет вынужден направить группу захвата, чтобы задержать Сейхан и доставить ее в специальный лагерь для допросов.

Этого Грей допустить не мог.

И все же он колебался.

Правильно ли он поступает? Или же без необходимости ставит под риск всю операцию?

Отвернувшись от окна, Грей поймал на себе пристальный взгляд Рейчел. В ее глазах он прочитал, что от его решения зависит не только его собственная жизнь. Однако он также вспомнил проникнутую болью просьбу, произнесенную два года назад.

«Верь мне, Грей. Хоть самую малость».

Снова повернувшись к окну, Грей уставился на свое отражение в черном стекле. Медленно сделав вдох и выдох, чтобы взять себя в руки, он сказал в телефон:

— Мы обойдемся собственными силами.

11

11 октября.
23 часа 22 минуты

Ивар Карлсен потянул тяжелую дубовую дверь, обитую коваными чугунными полосами. В безлунной ночи кружилась вьюга, время от времени резкими порывами снега врываясь в узкий проход под аркой. Мороз пощипывал неприкрытые щеки, а холодная железная ручка обожгла голые пальцы Карлсена, когда он открывал дверь. Утренний дождь действительно к вечеру перешел в первый настоящий снегопад.

Непогода возбуждала Карлсена, заставляла чаще биться его сердце. Быть может, в его жилах действительно текла кровь викингов, как утверждала старая bestemor.

Нырнув в дверь, Карлсен постучал друг о друга ботинками, стряхивая налипший на них снег. Впереди начиналась погруженная в темноту лестница, ведущая вниз, в подземелье замка Акерсхус. Откинув опушенный мехом капюшон, Карлсен достал из кармана фонарь. Щелкнув выключателем, он направился вниз по ступеням.

Эта лестница была сооружена в Средние века, вместе с первыми крепостными постройками. Шаги Карлсена гулкими отголосками отражались от низких сводов. Ему приходилось пригибаться, чтобы не задевать головой за низкий потолок. Внизу лестница заканчивалась в бывшем помещении для караульных, где на стенах сохранились нетронутыми железные гнезда для факелов. Массивные деревянные балки поддерживали потолок.

В дальнем конце выложенная из кирпича арка вела в коридор, вдоль которого тянулись крошечные тюремные камеры — ранее здесь в жутких, отвратительных условиях содержались опальные вельможи и прочие высокопоставленные преступники. Именно тут нацисты мучили соотечественников Карлсена, оказавших сопротивление германским оккупантам. У самого Ивара в этой тюрьме погиб двоюродный дед. В память о невинных жертвах «Виатус» постоянно выделял крупные суммы на сохранение и реставрацию Акерсхуса.

Карлсен направил луч фонарика в горловину мрачного подземного прохода. Эта часть замка была закрыта для обычных экскурсий. Мало кто знал о существовании этого подземелья... и немногим было известно его зловещее прошлое. В подземелье содержались те, кто предал родину и корону. Именно здесь провел последние дни в ожидании казни Видкун Квислинг, запятнавший себя сотрудничеством с нацистами. На протяжении столетий многие встретили в подземной темнице свою смерть.

Карлсен нащупал в кармане куртки старинную монету. С этой монетой он никогда не расставался. Это была четверная марка Фредерика IV, отчеканенная в 1725 году Хенриком Кристофером Мейером. Мейер тоже умер здесь после

наказания кнутом за то, что добавлял медь в серебро, из которого чеканились королевские деньги, а выручку прикарманивал себе.

Король Фредерик IV, среди современников считавшийся милостивым и справедливым правителем, тем не менее имел строгие понятия о чести. По слухам, у него в жилах текла кровь викингов. А, согласно кодексу чести викингов, любое предательство должно было караться очень сурово.

По приказу короля Мейера не только приговорили к пожизненному заключению; его били кнутом у позорного столба, после чего заклеймили как изменника короны — раскаленной кочергой выжгли на лбу знак. Король приказал использовать в качестве клейма одну из низкокачественных монет, отчеканенных Мейером, и ее образ был навеки запечатлен на теле предателя.

У Карлсена в кармане лежала одна из тех самых монет. Она уже несколько столетий хранилась в семье, передаваясь из поколения в поколение. Со временем монета стала олицетворением морального кодекса семьи Карлсенов: проявлять щедрость и милосердие, но не терпеть предательство ни в каком виде.

Вверху открылась и захлопнулась дверь, выводя Карлсена из раздумий. На лестнице зазвучали торопливые шаги.

В караульное помещение вошла стройная длинноногая женщина, принесшая с собой зимнюю стужу. Ее огненно-рыжие волосы были покрыты снегом, в золотистых глазах отразился свет фонарика. Она была в длинном пальто, надетом поверх темного костюма.

— Ивар, извини за опоздание, — сказала женщина. Она тряхнула головой, разбрасывая с волос снег, словно древняя богиня зимы.

Несмотря на то что ей не было еще и тридцати, Криста Магнуссен уже стала ведущим специалистом по генетике отдела биогенетических исследований зерновых культур «Виатуса». Ее карьерный рост был стремительным; молодая женщина продемонстрировала блестящий ум наряду с прямо-таки

сверхъестественной изобретательностью. Но только в прошлом году Карлсен узнал истинную причину этой изобретательности. Откровение пришло тогда, когда его тщательно продуманные планы дали трещину. Карточный домик, выстроенный с таким старанием, начал крениться. Пришла пора ставить подпорки.

И вот тут Криста полностью проявила себя. Карлсен был потрясен, узнав, что его талантливая сотрудница — не совсем та, за кого себя выдавала. Промышленный шпионаж в сфере производства генетически модифицированных продуктов питания процветал, но Карлсен ни за что бы не заподозрил эту блестящую молодую женщину. Он даже не подозревал об истинном характере ее связей. Криста работала на подпольную сеть, известную под разными названиями. Эта сеть продавала свои услуги в обмен на долю будущей прибыли. В последний год молодая женщина показала себя неоценимой, спасая от краха планы Карлсена и даже способствуя их быстрейшему воплощению.

Криста лично разобралась с деликатной и печальной проблемой сына сенатора Гормена.

Приблизившись к Карлсену, молодая женщина прикоснулась к его щеке целомудренным поцелуем. Ее губы были холодными от мороза.

— Я также сожалею о том, — продолжала она, — что мне пришлось вызвать тебя так внезапно в этот поздний час.

— Если это важно...

— Очень важно. — Криста стряхнула пальто, освобождая его от снега и капелек воды. — Я только что узнала, что наши цели в Риме остались в живых.

— Они живы? По-моему, ты говорила, что они погибли.

— Мы их недооценили, — пожала плечами Криста.

Она не пыталась оправдываться, сбивать с толку, уклоняться от ответственности. Как всегда, Карлсен с уважением встретил ее мужество.

— Артефакт по-прежнему у них в руках?

— Да.

— Откуда тебе все это известно? — нахмурившись, спросил он.

Криста улыбнулась, все так же холодно.

— Похоже, наш удар привлек чье-то внимание. После событий в Риме с нами вышли на связь. Нам предложили сделку. Теперь у нас там есть свой человек.

— Этим людям можно доверять?

— Ивар, в подобных вещах полагаться на одно доверие нельзя. Наша организация будет постоянно находиться рядом, держа пушки расчехленными.

— Ничего не понимаю. Если, как ты сама сказала, у нас там есть свой человек, почему бы ему просто не забрать артефакт или хотя бы не уничтожить его?

— Это был бы не самый мудрый выход. — Глаза Кристы сверкнули в темноте, поражая Карлсена своим ярким сиянием.

— Что ты имеешь в виду?

— Отец Джованни предал тебя. Взял твои деньги, позволил тебе финансировать его исследования. Однако когда обнаружил артефакт, он его украл. Сбежал вместе с ним.

Пальцы Карлсена крепче стиснули старинную монету. Священник дорого заплатил за свое предательство. Вскоре после того, как Карлсен узнал о связях Кристы, он рассказал ей кровавую историю Хенрика Мейера, как назидание и как предостережение. Однако та поняла все буквально и предложила уродовать трупы жертв, маскируя убийства под работу экологических террористов. И Карлсен нашел определенное удовлетворение в подобном наказании, символизирующем возврат к древней форме правосудия, когда предателей клеймили, чтобы весь мир знал об их измене.

— Но теперь, когда артефакт снова находится в недоступном месте, наш единственный шанс заключается в охоте за недостающим, — продолжала Криста. — Мы должны обнаружить то, что искал отец Джованни.

Карлсен ощутимо напрягся, слушая Кристу. А когда заговорил, не смог скрыть овладевшего им почти плотского вожделения:

— Ключ Судного дня...

Такое открытие не только спасет его замысел; оно войдет в историю. Ключ позволит раскрыть загадку, уходящую в глубь тысячелетий.

Криста изложила свой план:

— Те, кто сейчас владеет артефактом, в прошлом уже продемонстрировали свои способности. При должной мотивации они, возможно, преуспеют там, где потерпел неудачу отец Джованни.

Справившись с возбуждением, Карлсен вернулся на позицию практичности.

— И ты уверена, что сможешь провернуть такое?

— Не я одна. — Криста улыбнулась, и на этот раз ее улыбка была теплой и полной уверенности. — Как я обещала с самого начала, на нашей стороне будет полная поддержка «Гильдии». — Она шагнула к нему. — Мы тебя не подведем. Я тебя не подведу.

Оказавшись в объятиях Карлсена, молодая женщина снова его поцеловала. Но на этот раз не целомудренно, а страстно, в губы. Ее волосы скользнули по его щеке, влажные и холодные, вызвав мурашки, но ее губы и язык жгли жидким огнем.

Забыв про монету в кармане, Карлсен обхватил Кристу за спину, привлекая ее к себе. Он понимал, что она его соблазняет и при этом не сомневается, что он разгадал ее намерения. Но это не имело значения.

Оба отчетливо сознавали, что поставлено на карту и какова будет цена победы.

Будущее человечества.

И сила, позволяющая это будущее контролировать.

Часть вторая

ПЛАМЯ И ЛЕД

12

12 октября.
10 часов 12 минут.
Хокскхед, Англия

Казалось невозможным, что расследование убийства приведет в такую идиллическую сельскую местность.

Грей вел машину по извилистой дороге, петляющей вдоль сплошных холмов. С каждой милей асфальтовое полотно становилось все уже, и в конце концов взятый напрокат «Ленд-ровер» занял всю его ширину. Густой хвойный лес местами образовывал над дорогой сплошной свод из переплетенных ветвей. Наконец чаща закончилась и далеко впереди открылись скругленные вершины гор — или, точнее, того, что считалось горами в Англии. Прошедшей ночью здесь выпал первый снег, укрывший белым покрывалом горные расселины.

Ближе к дороге разделенные лесозащитными полосами луга и поля превращали пейзаж в лоскутное одеяло бурой пожухлой травы и вспаханной земли. Между маленькими горными озерами с зеркальной гладью воды искрились ручейки и протоки. Все берега были покрыты тонкой корочкой льда, тут и там белели кучки нанесенного ветром снега.

Зачарованные красотой окружающей природы, все молчали.

Точнее, почти все.

— Ты что, заблудился, да? — недовольно спросил сидящий сзади Ковальски.

— Нет, не заблудился, — солгал Грей.

Похлопав по дорожной карте, Рейчел недоверчиво посмотрела на него.

«Ну хорошо, может быть, мы немного сбились с пути...»

Выехав из Ливерпуля два часа назад, они некоторое время следовали полученным указаниям, которые достаточно быстро привели их в Озерный край на севере Англии. Дорожные знаки вдоль шоссе были четкими и понятными, но, как только Грей свернул с основной магистрали, начался лабиринт извилистых местных дорог, не обозначенных на карте, уводящий в глубь бескрайних лесов, холмов и озер.

Даже от навигационной системы не было никакого толка. Ни одна дорога не проходила там, где это было указано в установленных картах. С таким же успехом можно было ехать по совершенно неизведанной местности.

Конечной целью была деревушка Хоксхед, одно из многочисленных крошечных поселений, разбросанных в этой изумительной по красоте местности, Озерном крае Англии. Грею и его спутникам предстояло встретиться с коллегой отца Джованни, историком из Эдинбургского университета доктором Уоллесом Бойлом. Это Бойл начал раскопки в одном из отдаленных горных районов края, и он по-прежнему руководил работами. Ученый должен был встретить гостей в кафе при единственной гостинице Хоксхеда.

Но сперва Грею предстояло найти это место.

Изучив карту, Рейчел выглянула в окно, стараясь найти хоть какие-нибудь ориентиры. Сидевшая позади нее, рядом с Ковальски, Сейхан угрюмо смотрела на проплывающие за окном холмы и долины. С тех пор как они покинули Италию, женщина не произнесла и десяти слов, упорно держась особняком, настороженно сохраняя расстояние.

— Если мы в самое ближайшее время никуда не приедем, черт подери, — продолжал Ковальски, — ты остановишься у первого встречного дерева или куста. Мне уже невтерпеж.

Грей поспешил к вершине следующего холма.

— Если бы ты не выпил перед отъездом из Ливерпуля четыре пинты пива...

— Я тут не виноват. Все дело в этих дурацких названиях. «Флибустьерское из пивоварни Блэкуотер». «Двойное мартовское Кэйнс». «Боддингтонское горькое». «Тетлийское бочковое». Понять, что это такое, можно, только попробовав. Мне потребовалось какое-то время, чтобы найти что-нибудь приличное.

— Но ты же выпил все до дна.

— Конечно, выпил. Было бы верхом неприличия вернуть недопитую кружку.

Рейчел сложила карту, признавая свое поражение.

— Осталось еще совсем немного. — В ее голосе не было убедительности. — Может быть, остановимся и спросим у кого-нибудь?

Через считаные мгновения выяснилось, что в этом нет необходимости. С надрывным ревом закончив подъем, «Лендровер» оказался на вершине холма, откуда открылся вид на небольшую деревушку, раскинувшуюся в долине внизу.

Грей посмотрел на Рейчел. Облегчение, появившееся у нее на лице, стало красноречивым ответом на его немой вопрос. Брусчатые улочки вели мимо огороженных садов и приземистых деревянных домов. На черепичных крышах лежал снег, из труб поднимались тонкие струйки дыма. Впереди на вершине холма возвышалась старая каменная церковь, подобно угрюмому серому дьякону присматривающая за деревней.

Теперь вдоль извилистой дороги тянулись стены, сложенные из булыжника. Прогромыхав по горбатому гранитному мосту, «Лендровер» оказался в городе. Стены домов были отштукатурены по дранке, с выступающими балками, что полностью соответствовало стилю эпохи Тюдоров. Маленькие садики перед домами и цветочные ящики на окнах по-

зволяли предположить, что летом здесь бывает очень красиво, однако после вчерашнего снегопада пейзаж казался совсем зимним.

Услышав хруст льда под колесами, Грей сбросил скорость до минимума. Он направился к главной площади, где находилось место встречи — гостиница «Королевский герб». Они уже опаздывали на двадцать минут. Выехав на площадь, Грей втиснул внедорожник на крохотную стоянку.

Как только все вылезли из машины, мороз принялся кусать незащищенные участки кожи. Сырой Ливерпуль и долгая дорога в прогретом салоне не подготовили их к пронизывающему холоду высокогорного Озерного края. Ободрял лишь витающий в морозном воздухе запах печного дыма. Плотнее укутавшись в теплые куртки, Грей и его спутники направились к гостинице.

Гостиница «Королевский герб» находилась на противоположной стороне главной площади. Приземистое здание, крытое черепицей, давало приют путникам вот уже на протяжении пяти столетий, начиная с Елизаветинской эпохи. Низкая каменная стена огораживала открытое кафе; столики и стулья были сейчас припорошены тонким слоем свежего снега, но красноватое зарево в окнах первого этажа обещало тепло и горячие напитки. Все поспешили внутрь.

Ковальски замыкал шествие.

— Эй, смотрите, столько медвежат... — В его голосе прозвучала тоскливая нотка, и это было так странно, как если бы бык вдруг запел оперную арию.

Грей оглянулся. Ковальски стоял, уставившись на витрину маленького магазинчика. За покрытым изморозью стеклом в янтарном свете виднелись плюшевые медведи всех форм и размеров. Вывеска над входом гласила: «Шестипенсовые медвежата».

— Вон тот одет как боксер! — Ковальски медленно двинулся вдоль витрины.

Грей остановил его.

— Мы уже опаздываем.

Ковальски уныло опустил плечи. Бросив напоследок долгий тоскливый взгляд на витрину, он последовал за остальными.

Рейчел смерила великана изумленным взглядом.

— А что? — обиженно проворчал тот. — Это для Лиз, моей подруги. Она... она собирает плюшевых медведей.

Какое-то мгновение Рейчел продолжала недоуменно смотреть на него.

Буркнув себе под нос что-то невнятное, Ковальски тяжело затопал к двери.

Остановившись рядом с Греем, Сейхан прикоснулась к его плечу.

— Вы заходите внутрь. Беседуете с историком. А я останусь наблюдать здесь.

Грей пристально посмотрел на нее. Договоренность была совсем другой. Хотя лицо Сейхан оставалось спокойным и равнодушным, ее взгляд настороженно метался по сторонам; скорее всего, она изучала площадь на предмет наличия снайперских гнезд, путей отхода и мест, где можно укрыться. А может быть, просто не хотела смотреть Грею в глаза. Действительно ли Сейхан собирается нести дежурство на улице или же просто старается держаться на расстоянии?

— Какие-нибудь неприятности? — спросил Грей, замедляя шаг.

— Никаких. — Сейхан сердито сверкнула глазами. — И я хочу, чтобы так оставалось и впредь.

У Грея не было настроения спорить. После всего того, что произошло в Италии, возможно, действительно было лучше оставить кого-нибудь на улице. Грей поспешил следом за Ковальски и Рейчел.

Присоединившись к остальным, он пересек замерзшее летнее кафе и подошел к входной двери. Его внимание привлекла табличка у входа: «Здесь рады воспитанным собакам и детям». Вероятно, к Ковальски это не относилось. Грей подумал было о том, чтобы приказать своему напарни-

ку остаться на улице, но потом решил, что это только еще больше разозлит Сейхан.

Грей потянул дверь на себя. Изнутри вырвался поток теплого воздуха, приправленного ароматом солода и хмеля. Пивная была расположена рядом с холлом гостиницы, и вошедших встретили громкие голоса и раскатистый смех. Ковальски сразу же поспешил в туалет.

Оставшись в дверях, Грей обвел зал взглядом. Пивная «Королевский герб» была совсем небольшой: несколько деревянных столов и кабинок вокруг камина с кирпичной вытяжной трубой. Ревущий огонь успешно боролся с холодом. Рядом с камином стояла деревянная статуя в человеческий рост, изображающая короля в короне, в честь которого, по всей видимости, и была названа гостиница.

Еще один громовой взрыв хохота привлек внимание Грея к угловой кабинке у камина. Двое местных жителей, в охотничьих костюмах и сапогах до колен, стояли перед столиком и сидящим за ним единственным посетителем.

— Значит, Уоллес, ты говоришь, он свалился прямо в болото? — задыхаясь от смеха, сказал один из охотников, вытирая одной рукой глаза, а в другой сжимая высокий стакан с темным элем.

— Чтоб мне сидеть задницей на сковородке, если я вру! Прямо в болото, — подтвердил мужчина в кабинке, говоривший с сильным шотландским акцентом.

— Эх, жаль, я этого не видел.

— Да, ребята, но какая потом стояла вонь! Тут вы бы точно не захотели очутиться рядом. Ни за что. — Сидящий в кабинке снова разразился громким хохотом.

Грей узнал доктора Уоллеса Бойла по фотографии на интернет-странице Эдинбургского университета. Но на снимке профессор был чисто выбритым, в пиджаке и при галстуке. Сейчас же у него отросла спутанная седая борода, и он был одет так же, как и его приятели-охотники, в стеганый жилет и потрепанную куртку в «елочку». На столике перед ним лежали зеленая твидовая шапочка, перчатки без пальцев и

теплый шарф. Рядом, прислоненное к скамье, стояло охотничье ружье в чехле.

Наконец доктор Бойл заметил появление Грея и его пристальный взгляд.

— Тэвиш, Дафф, похоже, наконец прибыли те журналисты, с которыми я договорился о встрече.

Это была их легенда: двое сотрудников иностранного журнала, готовящих материал о взрыве в Ватикане и расследующих обстоятельства гибели отца Джованни. Ковальски предстояло изображать фотографа.

Охотники посмотрели на Грея. Их лица сразу же стали жесткими — обычная подозрительность, с какой жители маленьких городков встречают чужаков. Но все же они осторожно кивнули в знак приветствия. Быстро допив пиво, оба направились к выходу.

— Пока, Уоллес, — бросил один из них на прощание. — Нам пора. Там на улице уже такой мороз, что околеешь.

— А станет еще холоднее, — согласился Уоллес, жестом приглашая Грея и Рейчел к столику.

Из туалета появился Ковальски, но ему так и не удалось пройти мимо бара. Его взгляд остановился на грифельной доске над камином, на которой мелом были написаны названия местных сортов пива.

— «Золотое яблочко медного дракона»? Это пиво или какой-то фруктовый напиток? Мне никаких фруктов не надо, если только вы не называете фруктом оливки...

Грей обернулся, встречая напарника. Профессор в этот момент встал, распрямляясь во все свои шесть с лишним футов. Хотя ему уже было далеко за шестьдесят, он оставался крепким и широкоплечим, чем-то напоминая актера Шона Коннери. Пожав гостям руки, профессор задержал взгляд на Рейчел. Его глаза на мгновение сузились, но он тотчас же придал лицу равнодушное выражение, скрывая свою тревогу.

Рейчел первой направилась было в кабинку, но внезапно застыла. Скамейка с ее стороны уже была занята. Показалась косматая голова, которая улеглась на деревянный сто-

лик рядом с тарелкой с недоеденными сосисками и картофельным пюре.

— Руфус, убирайся отсюда, — с укором, но без раздражения промолвил Уоллес. — Освободи место гостям.

Черный с коричневыми подпалинами терьер шумно засопел, выражая недовольство, затем опустился на пол и выбрался из-под стола. Приблизившись к камину, он обошел вокруг, затем рухнул, громко вздохнув.

— Моя охотничья собака, — объяснил профессор. — Немного избалованная, это точно. Но к своим годам Руфус это заслужил. Ему нет равных по части вынюхивания лисиц. Да и разве могло бы быть иначе? Он родился и вырос здесь. Истинный терьер Озерного края.

В его голосе прозвучала гордость. Профессор не собирался уходить на покой или почивать на лаврах, каковых, согласно его биографии, у него было достаточно. Доктор Уоллес Бойл считался одним из ведущих специалистов по истории Британских островов, особенно периода от эпохи неолита до римского владычества.

Все устроились за столиком. Грей достал портативный цифровой диктофон, подкрепляя легенду. После нескольких замечаний о погоде и о дороге Уоллес Бойл перешел к делу.

— Итак, вы приехали в такую даль, чтобы узнать, что нам удалось обнаружить в горах, — сказал он. Подстраиваясь под слушателей, он заговорил более официальным языком, и его акцент стал не таким заметным. — После гибели отца Джованни я на протяжении последних двух дней только и занимаюсь тем, что отвечаю на вопросы. Однако лишь вы одни не поленились лично приехать на место. А между прочим, и преподобный отец последние месяцы здесь не появлялся.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Рейчел.

— Отец Джованни уехал отсюда в конце лета. Направился сначала на побережье, затем, когда у меня в последний раз была от него весточка, он уже перебрался в Ирландию. — Печально покачав головой, Бойл постучал по стакану пива ногтем, как будто так своеобразно провозглашал тост в па-

мять умершего. — Марко был отличным парнем. Воистину, это большая утрата. Его исследования корней христианства у кельтов могли изменить наш взгляд на историю.

— Но почему отец Джованни начал именно отсюда? — спросил Грей. — Почему он приехал в Озерный край?

— Полагаю, рано или поздно Марко все равно обязательно попал бы сюда. Даже если бы я не пригласил его сам после очередной находки в горах.

— Почему?

— Ну, увлечение — точнее, страсть таскала Марко по всем тем местам, где пересекались друг с другом христианство и язычество. — Бойл неопределенно обвел рукой вокруг. — А история этой области — повесть об этом самом противостоянии, записанная в камнях и развалинах. Первыми сюда пришли древние скандинавы, приплывшие в девятом веке из Ирландии, чтобы обрабатывать здешние земли. Они принесли с собой все свои верования. Даже слово «fell», которым здесь называют горы, происходит от древнескандинавского слова «холм». Больше того, деревня Хоксхед была основана скандинавом, которого звали Хаукр, чье имя до сих пор живет здесь. Это должно дать вам представление о том, сколь долгая история у нашего края. — Профессор кивнул на церковь за окном, возвышающуюся над городом. — Но времена меняются. В двенадцатом столетии весь этот район перешел в руки монахов из аббатства Фернесс, руины которого располагаются неподалеку отсюда. Монахи обрабатывали землю, торговали овцами и шерстью, а также железной рукой правили суеверными крестьянами. На протяжении нескольких веков сохранялись трения между прежним языческим укладом и новой религией. Старые ритуалы совершались втайне, нередко на доисторических священных местах, которых здесь полно.

— Что вы имели в виду под «доисторическими» местами? — спросила Рейчел.

— Все то, что восходит еще к эпохе неолита. Места, насчитывающие возраст пять тысяч лет. — Бойл начал заги-

бать пальцы. — Древние каменные круги, хенджи, могильники, дольмены, укрепления. Стоунхендж известен на весь мир, но он лишь один из нескольких сотен подобных древних святилищ, разбросанных по всем Британским островам.

— Но что заинтересовало отца Джованни именно в данном месте? — спросил Грей, стараясь вернуть профессора к тому, что волновало в первую очередь его самого.

Бойл прищурился.

— Будет лучше, если вы сами это увидите. Но я могу сказать, что привело в эту область меня.

— И что же?

— Одна-единственная запись в старинной книге. В тексте, написанном в одиннадцатом столетии и прозванном «Книгой Судного дня».

Как раз в этот момент к столику подошел Ковальски. Он держал в руках по высокому стакану светлого пива, поочередно отхлебывая из обоих. Услышав последние слова профессора, великан застыл на месте.

— Судный день, — пробормотал он. — Замечательно. Как будто у нас без этого проблем не хватает.

11 часов 05 минут

Сейхан дошла до самого конца площади. У нее в голове сложился план окружающей местности. Все подробности, кирпичик за кирпичиком, все улицы, переулки, здания и припаркованные машины. Все это запечатлелось в ее сознании.

Она обратила внимание на двух мужчин в охотничьих костюмах, вышедших из пивной. Проводила их до грузовичка на стоянке и убедилась в том, что они уехали.

Затем Сейхан нашла место, откуда можно было наблюдать за гостиницей «Королевский герб». Это был вход закрытой сувенирной лавки. Глубокая ниша защищала от периодических порывов пронизывающего ветра и укрывала от любопытных взглядов. Справа в витрине были выставлены маленькие фигурки глиняных животных в смешных наря-

дах: свиньи, коровы, утки и, разумеется, кролики... много-много кроликов. Озерный край был родиной писательницы Беатрис Поттер, придумавшей кролика Питера.

Сейхан сознавала, что ей необходимо не спускать глаз с гостиницы, и все же ее взгляд помимо воли возвращался к витрине. Она почти ничего не помнила из своего детства, а то немногое, что помнила, ей страстно хотелось забыть. Родителей своих Сейхан не знала; выросла в приюте в Сеуле, в Южной Корее. Это было убогое, мрачное место. Но там были книги, и в том числе сказки Беатрис Поттер, подаренные много лет назад католическим миссионером. Маленькая Сейхан даже сделала игрушечного кролика из куска мешковины, набитого рисовыми зернами. А чтобы игрушку не украли, она прятала его за оторванной доской в стене. Однако однажды кролика обнаружила крыса и сожрала весь рис. Девочка проплакала весь день, пока ее наконец не отлупила одна из воспитательниц, напомнив тем самым, что даже проявление горя было в приюте непозволительной роскошью.

Сейхан отвернулась к витрине спиной, прогоняя воспоминания. Однако боль ей причиняло не только прошлое. В окне пивной было видно, как Грей беседует с пожилым мужчиной в твидовой куртке. Несомненно, это и был доктор Уоллес Бойл. Сейхан пытливо всмотрелась в Грея. Его черные прямые волосы отросли длиннее, на лоб ниспадала челка. Лицо осунулось, скулы стали заметнее. Даже в уголках холодно-голубых глаз появились новые морщинки — не от смеха, а от прошедших двух трудных лет.

Стоя на холоде, припорошенная снегом, Сейхан вспоминала губы Грея. В единственное мгновение слабости она его поцеловала. В этом жесте не было нежности — только отчаяние и острая нужда. И все же Сейхан не забыла исходящий от Грея жар, жесткую щетину на щеках, его сильные объятия. Но это ничем не окончилось для обоих.

Рука Сейхан в кармане куртки нащупала сквозь ткань шрам на животе.

Они оба просто соревновались в искусстве предательства.

Как это было и сейчас.

В кармане завибрировал телефон.

«Ну наконец!»

Вот почему на самом деле Сейхан осталась на морозе. Достав телефон, она раскрыла его.

— Говорите, — сказала она.

— «Товар» все еще у них?

Голос в трубке, с легким американским акцентом, был спокойным и уверенным, но с резкими интонациями. Это было единственное звено, через которое Сейхан держала связь с «Гильдией», — женщина по имени Криста Магнуссен.

Сейхан бесило то, что ей приходилось выслушивать приказы от кого бы то ни было, однако у нее не оставалось выбора. Она должна была доказать себя в деле.

— Да. Артефакт в надежном месте. В настоящий момент они как раз встречаются с профессором.

— Отлично. Мы начнем действовать, как только они прибудут на место раскопок в горы. Вчера ночью наша команда заложила взрывчатку. А новый снегопад скроет все улики.

— А цель?

— Остается той же. Развести огонь у них под ногами. В данном случае в буквальном смысле. Теперь это место раскопок не столько преимущество для нас, сколько лишняя головная боль. Однако необходимо устроить все так, чтобы разрушение выглядело естественным.

— И вы об этом позаботились?

— Да. Так что у тебя будут развязаны руки и ты сможешь полностью сосредоточиться на объекте.

Сейхан распознала за этими словами угрозу. Никаких оправданий для неудачи не будет. Если она хочет остаться в живых...

Слушая детали задания, Сейхан продолжала наблюдать за окном пивной. Теперь она перевела взгляд на итальянку, сидящую рядом с Греем. Рейчел улыбалась, слушая профессора; даже на таком расстоянии было видно, как у нее искрятся глаза.

Сейхан ничего не имела лично против Рейчел, но это не должно было помешать ей отравить племянницу монсиньора Вероны.

11 часов 11 минут

Рейчел рассеянно слушала разговор. Хотя лекция по истории, которую читал профессор, была захватывающей, девушку не покидало ощущение, что здесь происходит нечто более важное, имеющее отношение к судьбе отца Джованни, а также к чему-то еще, что пока не было озвучено вслух. Профессор Бойл то и дело задерживал на Рейчел взгляд, не похотливо, а так, словно оценивал ее. Молодой женщине с трудом удавалось заставить себя смотреть ему в лицо.

«Что происходит?»

— И все равно я не понимаю, — сказал Грей. — Какое отношение эта «Книга Судного дня» имеет к тому, что вы обнаружили в горах?

Бойл поднял руку, призывая к терпению.

— Начнем с того, что на самом деле книга называлась не «Doomsday», в честь Судного дня, а «domesday», от староанглийского корня «dom», означавшего «наблюдение», «подсчет». Король Вильгельм приказал составить «Земельную опись Англии», для того чтобы получить представление о стоимости своих новоприобретенных владений — это должно было позволить правильно рассчитать сумму налогов и податей. В книге была подробно описана вся Англия, все города, деревни и поместья, и все богатства страны, от поголовья скота и числа плугов до количества рыбы в озерах и ручьях. И по сей день эта книга дает возможность увидеть повседневную жизнь Англии того времени.

— Все это замечательно, — нетерпеливо произнес Грей, горя желанием поторопить профессора. — Но вы упомянули про «одну-единственную» запись, которая привела вас к месту раскопок. Что вы имели в виду?

— А, вот в чем вся загвоздка! Видите ли, «Земельная опись» была написана на иносказательном варианте латыни и составлена одним-единственным писцом. До сих пор остается загадкой, зачем понадобились такие меры предосторожности. Некоторые историки гадают, не было ли у этой великой переписи какой-либо второй, тайной цели. Особенно если учесть, что некоторые местности, описанные в книге, обозначены одним зловещим латинским словом, означающим «опустошенные». В основном все эти места были сосредоточены в северо-западной части Англии, где границы постоянно менялись.

— Под северо-западом, — уточнила Рейчел, — вы понимаете как раз этот район, Озерный край?

— Совершенно верно. На территории приграничного графства Камберленд постоянно шли войны. И многие места, обозначенные как «опустошенные», относились к городам и деревням, уничтоженным королевской армией. Они были так отмечены, потому что собирать налоги больше было не с кого.

— Вот как? — ухмыльнулся Ковальски, поочередно прикладываясь к двум стаканам пива. — Значит, вы никогда не слышали о налоге на смерть?

Бойл удивленно перевел взгляд с Ковальски на Грея.

— Просто не обращайте на него внимания, — посоветовал тот.

Профессор кашлянул, прочищая горло.

— Более внимательное изучение «Земельной описи» указало на одну загадку. Не все «опустошенные» места появились вследствие войн. Некоторые записи не имеют никакого объяснения. Все они были сделаны красными чернилами, словно кто-то хотел отметить что-то важное. В поисках ответов я почти десять лет бился над одной из таких записей, над ссылкой на маленькую деревушку в горах, от которой не осталось следа. Я искал любые упоминания о ней, но у меня создалось такое впечатление, будто все они были сознательно удалены. Я уже готов был опустить руки, но тут случайно наткнулся на одно странное замечание в дневнике

некоего королевского коронера по имени Мартин Борр. Эту рукопись я обнаружил в церкви Святого Михаила. — Бойл махнул в сторону церкви, возвышавшейся над городом. — Дневник был найден во время восстановительных работ в келье, наглухо заложенной кирпичом. Сам Борр был похоронен на церковном кладбище, а все его имущество отошло церкви. Хотя в дневнике не говорится, что именно произошло с той деревушкой, Борр намекнул на что-то ужасное, так что, возможно, «Судный день» действительно являлся более подходящим названием для этой книги. Борр даже отметил свой дневник языческим символом, благодаря которому я в первую очередь и обратил внимание на рукопись.

— Языческим символом?

Рука Рейчел непроизвольно метнулась к нагрудному карману куртки, в которой хранился кожаный мешочек с жутким содержимым.

Накрыв ее руку своей ладонью, Грей ясно дал понять, что делать это пока еще рано. До тех пор, пока они не узнают этого человека лучше, не надо показывать ему находку Рейчел. Молодая женщина сглотнула комок в горле, слишком остро чувствуя своей кожей жар ладони Грея. Освободив руку, она положила ее на стол.

Бойл не заметил этого немого разговора.

— Этот символ определенно языческий. Вот, позвольте вам показать.

Обмакнув палец в пиво, он несколькими умелыми движениями нарисовал на деревянном столе круг и крест. Знакомый знак.

— Круг, рассеченный на четыре части, — сказал Грей.

Удивленно подняв брови, Бойл присмотрелся к знаку внимательнее.

— Совершенно верно. Этот символ встречается во многих древних святилищах. Но обнаружить его на дневнике христианина весьма странно — это сразу же привлекло мое внимание.

Рейчел почувствовала, что они приближаются к самому сердцу загадки.

— И этот дневник помог вам отыскать потерянную деревню в горах?

— На самом деле нет. — Профессор улыбнулся. — Я нашел нечто гораздо более захватывающее.

— Что вы хотите сказать? — спросила Рейчел.

Откинувшись назад, Бойл сложил руки на груди и обвел взглядом своих гостей.

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, не объясните ли вы мне, что происходит? Что вы здесь делаете?

— Ничего не понимаю, — пробормотал Грей, изображая полное недоумение. Он еще не потерял надежду и дальше выдавать себя за журналистов.

— Не считайте меня дураком. Если вы журналисты, то я китайский богдыхан. — Бойл остановил свой взгляд на Рейчел. — К тому же, моя дорогая девочка, я вас узнал. Вы племянница монсиньора Вероны.

Потрясенная Рейчел уставилась на Грея. Тот, казалось, получил удар в солнечное сплетение. Ковальски просто закатил глаза, взял стакан и одним глотком допил содержимое.

Рейчел не видела причин притворяться и дальше. Она повернулась к профессору. Теперь было понятно, почему он так странно смотрел на нее.

— Вы знакомы с моим дядей?

— Точно. Не близко, но знаком. И я очень огорчен тем, что он по-прежнему в коме. Мы познакомились несколько лет назад на одном симпозиуме и с тех пор регулярно переписываемся. Ваш дядя очень вами гордится — сотрудник карабинеров, занимается борьбой с хищениями произведений искусства. Он прислал мне несколько фотографий, а в моем возрасте не забывают такие миловидные молодые личики, как ваше.

Рейчел виновато посмотрела на Грея. Она даже не догадывалась о том, что профессор Бойл знаком с ее дядей.

Профессор продолжал:

— Я не понимаю причину этой маскировки, и перед тем, как продолжать, мне бы хотелось получить кое-какие разъяснения.

Но прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, терьер профессора глухо зарычал. Поднявшись на лапы, собака повернулась к входу в гостиницу. Дверь распахнулась, и рычание стало громче.

В холл вошла фигура, стряхивая снег с сапог.

Это была лишь Сейхан.

13

12 октября.
13 часов 36 минут.
Осло, Норвегия

Обед завершился предостережением.

— Человечество больше не может ждать, — заявил Ивар Карлсен, стоя на подиуме в глубине зала. — Мы уже сейчас должны готовиться к катастрофе. Возможно, уже следующему поколению придется столкнуться с глобальным коллапсом.

Пейнтер сидел за столиком в углу вместе с Монком и Джоном Кридом. Они прилетели в Осло всего час назад и едва успели на торжественный обед, посвященный открытию Всемирной конференции по проблемам продовольствия.

Главный зал замка Акерсхус, казалось, шагнул в настоящее со страниц исторического романа. Потолок поддерживали балки, обтесанные вручную, а под ногами был пол из дубовых досок, уложенных елочкой. Над длинными столами, покрытыми белыми скатертями, мерцали старинные люстры.

Обед состоял из четырех блюд — словно в насмешку над теми, кто собрался обсудить проблему голода. Среди блюд традиционной норвежской кухни были жаркое из мяса северного оленя в грибном соусе и ароматный лутефиск, особым образом приготовленная рыба. Монк все еще водил ложкой по тарелочке с десертом, вылавливая из взбитых сливок по-

следние ягоды морошки. Крид нянчил в руках чашку кофе, внимательно слушая выступавшего.

Поскольку подиум находился в противоположном конце зала, Пейнтер не видел лица Ивара Карлсена, но звучавшая в его голосе пылкая убежденность казалась искренней.

— Правительства всех стран мира не успеют своевременно откликнуться, — продолжал Карлсен. — Лишь частный сектор обладает достаточной гибкостью, чтобы действовать с необходимыми скоростью и изобретательностью, которые смогут остановить кризис.

Пейнтер вынужден был признать, что Карлсен живописно нарисовал пугающий сценарий. Все предложенные им модели заканчивались одним и тем же: как только бесконтрольное увеличение численности населения достигнет той точки, когда застопорившийся рост объемов продовольствия не сможет больше его удовлетворять, начнется всеобщий хаос, в котором погибнет свыше девяноста процентов населения Земли. И решение предлагалось только одно — кардинальные действия в духе Гитлера.

— Необходимо немедленно начать процесс контроля за ростом населения. Действовать надо сегодня, а еще лучше — вчера. Единственный способ избежать катастрофы заключается в том, чтобы замедлить темпы роста населения, нажать на тормоз до того, как мы врежемся в стену. Не обманывайте себя. Мы обязательно врежемся в стену. Единственный вопрос заключается вот в чем: или мы погубим всех пассажиров, или же отделаемся несколькими царапинами. Ради человечества, ради нашего будущего мы должны действовать сейчас.

С этими словами Карлсен поднял руку, останавливая жидкие аплодисменты. Для открытия конференции его речь получилась чересчур мрачной.

Следующим слово взял один из сидевших за первыми столиками. Пейнтер узнал угрюмого южноафриканского экономиста доктора Рейнарда Буту, сопрезидента Римского клуба. Хотя Бута, поднимаясь на подиум, кивнул Карлсену,

Пейнтер прочитал у него на лице раздражение. Несомненно, он был недоволен тоном вступительной речи.

Пейнтер почти не слушал слов Буты. Сопрезидент Римского клуба говорил примирительно, на более оптимистической ноте, в основном упирая на те значительные шаги, которые делались во всем мире, для того чтобы накормить голодающих. Однако все внимание Пейнтера было приковано к Карлсену. Лицо главы «Виатуса» оставалось бесстрастным, но он судорожно сжимал стакан с водой, стараясь не глядеть в сторону Буты, отказываясь поверить его словам надежды.

Монк пришел к такому же заключению.

— Такое ощущение, что этому типу очень хочется хорошенько ткнуть кого-нибудь кулаком.

Обед завершился заключительным словом Буты. Пейнтер тотчас же вскочил на ноги. Он повернулся к своим помощникам.

— Возвращайтесь в гостиницу. А я обменяюсь парой слов с Карлсеном, затем присоединюсь к вам.

Джон Крид встал.

— Я полагал, наша встреча назначена только на завтра.

— Совершенно верно, — подтвердил Пейнтер. — Но почему бы не поздороваться с ним сейчас?

Он двинулся против потока гостей, выходящих из зала. Карлсена окружала небольшая группа сторонников, поздравлявших его, задававших вопросы, пожимавших ему руку. Пейнтер подошел ближе. Он услышал, как стоявший в стороне Бута разговаривает с носатым мужчиной в плохо сидящем костюме.

— Антонио, я полагал, вы предостерегли мистера Карлсена от такой зажигательной речи.

— Предостерегал, — ответил его собеседник, чье одутловатое лицо было покрыто красными пятнами. — Но разве он хоть кого-нибудь послушает? И все же по крайней мере сейчас Карлсен все-таки несколько поумерил свой пыл. В первоначальном варианте речи он призывал к обязательному кон-

тролю за рождаемостью в странах третьего мира. Вы можете себе представить, как встретили бы такие слова?

Вздохнув, Бута направился к выходу.

— Хорошо хоть, начиная с завтрашнего дня его больше не будет на конференции.

— В этом мало утешительного. Карлсен отправится на Шпицберген вместе с нашими крупнейшими донорами и спонсорами. Можно только гадать, что он им скажет, когда останется с ними один на один. Если бы я тоже вылетел на Шпицберген, возможно...

— Антонио, вам же известно, что свободных мест на самолетах нет. К тому же я буду сопровождать Карлсена и в случае чего загашу разгорающийся пожар.

Они прошли мимо Пейнтера, даже не взглянув на него, открыв ему путь к Карлсену. Шагнув к главе «Виатуса», Пейнтер обеими руками уцепился за его руку.

— Мистер Карлсен, я решил, что мне лучше, не теряя времени, представиться вам. Я капитан Нил Райт, из Главного следственного отдела Соединенных Штатов.

Карлсен высвободил руку, однако у него на лице оставалась теплая улыбка.

— А, следователь из Министерства обороны. Позвольте заверить вас в том, что вы можете рассчитывать на полное мое содействие во всем, что касается этого трагического происшествия в Мали.

— Разумеется. Я понимаю, что наша встреча должна состояться только завтра. Но я просто хотел выразить свой восторг от вашей речи. — Пейнтер решил использовать то, что ему удалось подслушать минуту назад. — Хотя у меня такое ощущение, что вы сдерживали себя.

— Вот как? — На лице Карлсена появился искренний интерес.

— Вы ясно дали понять, что для снижения темпов роста населения потребуются решительные меры. И я надеялся, что вы не ограничитесь общими словами, а предложите какие-то конкретные шаги.

— Пожалуй, тут вы правы, однако это очень сложный и противоречивый вопрос, решать который нужно осторожно. Слишком часто люди путают контроль за численностью населения с евгеникой.

— Это когда кто-то решает, кому можно заводить детей, а кому нельзя?

— Совершенно верно. Это право нельзя доверять тем, кто связан соображениями политической целесообразности или общественным мнением. Вот почему государственные органы никогда не решат данную проблему. Здесь главное — воля и точный расчет времени. — Карлсен взглянул на часы. — Кстати, о времени. К сожалению, мне нужно спешить на другую встречу. Но я с удовольствием вернусь к этой теме, когда мы завтра снова увидимся у меня в кабинете.

— Замечательно. И еще раз спасибо за вашу познавательную речь.

Кивнув, Карлсен направился прочь. Его мысли уже были заняты следующими делами.

Пейнтер проводил его взглядом. Когда Карлсен подходил к выходу из зала, директор «Сигмы» нащупал в кармане сотовый телефон и нажал кнопку сбоку. Короткий узкополосный сигнал, поданный телефоном, активировал приемник из полисинтетических материалов, вживленный Пейнтеру в ухо.

Тотчас же послышался гомон голосов и звон посуды, убираемой со столов. Эти звуки усиливались передатчиком, который Пейнтер только что закрепил на рукаве пиджака Ивара Карлсена, когда пожимал ему руку. Устройство электронного наблюдения размером не больше рисового зернышка — новейшая разработка специалистов УППОНИР — было создано по эскизам самого Пейнтера. Пусть сейчас он являлся директором «Сигмы», но начинал простым оперативным работником. И его специальностью были микроинженерия и системы наблюдения.

Пейнтер проследил,-как Карлсен вышел в банкетный зал и вдруг остановился, пожимая руку седовласому мужчине, нисколько не уступающему ему ростом. Пейнтер узнал се-

натора Гормена. Стараясь разобрать их разговор, он прислушался, отсекая фоновый шум и сосредоточившись на голосе Карлсена.

— ...вас, сенатор. Вы слышали мою речь?

— Только самый конец. Но мне хорошо известны ваши взгляды. И как вас приняли?

Карлсен пожал плечами:

— Боюсь, я обращался к глухим.

— Все это переменится.

— К сожалению, тут вы правы, — печально промолвил Карлсен. Он похлопал сенатора Гормена по плечу. — Кстати, должен вам сообщить, я только что встретился со следователем из Вашингтона. Он произвел на меня впечатление толкового парня.

Пейнтер усмехнулся. Главное — произвести хорошее впечатление при первой встрече...

Сенатор обвел взглядом зал. Отвернув лицо в сторону, Пейнтер затерялся в толпе. Форма допуска сенатора не позволяла ему знать о существовании «Сигмы». Для него Пейнтер был лишь следователем Министерства обороны. И все же Пейнтер предпочитал анонимность. Генерал Меткалф предостерег его, посоветовав не гладить сенатора против шерсти. Гормен отличался вспыльчивостью и нетерпением, что и демонстрировал сейчас.

— Какая глупая расточительность — направлять людей в такую даль, — раздраженно проворчал сенатор. — Следствие должно полностью сосредоточить свои усилия в Мали.

— Не сомневаюсь, это просто свидетельство чрезмерной дотошности. Я не вижу никаких неудобств.

— Вы чересчур великодушны.

С этими словами они вышли.

Не выключая приемник в ухе, Пейнтер не спеша направился к выходу, продолжая подслушивать разговор.

Он радовался тому, что в кои-то веки у него на руках были козыри.

Криста Магнуссен сидела перед раскрытым переносным компьютером в крохотной комнатке рядом с банкетным залом. Она с любопытством изучала изображение мужчины, застывшее на экране. Поразительно красивый, с черными как смоль волосами и ярко-голубыми глазами; тело поджарое, упругое, в котором чувствовались твердые как сталь мышцы. Во время обеда Криста наблюдала за всеми, с кем общался Ивар Карлсен. Маленькая беспроводная видеокамера, установленная в углу, была направлена на переднюю часть зала. Звукового сигнала не было, однако система позволяла пропускать все изображения через программу распознавания лиц и сравнивать результат с базой данных «Гильдии».

Криста ждала, пока программное обеспечение выделит в оцифрованном лице все несколько сотен характерных точек и осуществит процедуру сравнения. Через минуту на экране замигали тревожными красными символами одно-единственное слово и цифровой код, предписывающий необходимые действия.

При виде этого слова Кристу прошибла холодная дрожь.

«Сигма».

Код также был хорошо ей известен.

При обнаружении немедленно ликвидировать.

Криста вывела на экран изображение, поступающее в реальном времени от видеокамеры, и прильнула к компьютеру. Черноволосый мужчина исчез.

День у Антонио Гравела не задался.

После окончания обеда генеральный секретарь стоял в коридоре, намереваясь подкараулить Ивара Карлсена, чтобы попытаться в последний раз уговорить взять его с собой на Шпицберген. Гравел даже готов был пойти на некоторые уступки, чтобы завоевать расположение Карлсена. Но вместо этого Карлсен наткнулся на американского сенатора. Гравел тщетно ждал, что его представят, но мерзавец, как всегда,

сделал вид, что не заметил его. Карлсен и сенатор удалились, погруженные в беседу.

После такого оскорбления у Гравела сдавило дыхание. Его охватила испепеляющая ярость. Резко развернувшись, он столкнулся с женщиной, поспешно выходившей из двери. На ней была длинная меховая шуба, волосы скрывал платок. Гравел налетел на нее с такой силой, что у нее с лица свалились большие солнцезащитные очки. Ловко поймав очки на лету, женщина тотчас же водрузила их на нос.

— Entschuldigen Sie bitte[1], — извинился Гравел, от неожиданности и волнения переходя на родной швейцарско-немецкий, тем более что лицо женщины показалось ему смутно знакомым.

Кто это может быть?..

Проигнорировав его, женщина быстро прошла мимо, заглянула в банкетный зал, затем устремилась по коридору, не обращая внимания на развевающиеся полы длинной шубы. Очевидно, она опаздывала на какую-то встречу.

Гравел проследил за тем, как женщина скрылась на ближайшей лестнице. Раздраженно тряхнув головой, он направился в противоположную сторону.

И вдруг он вспомнил.

Вздрогнув, Гравел резко обернулся.

«Невозможно».

Он наверняка ошибся. В конце концов, он видел эту женщину-генетика лишь однажды, на организационном собрании, посвященном исследовательскому проекту «Виатуса» в Африке. Фамилию ее Гравел не мог вспомнить, но он был уверен, что это та самая женщина. В течение всего того собрания, умирая от скуки, он таращился на нее, мысленно раздевая, стараясь представить, как она ему отдается.

Не вызывало сомнений, что сейчас он видел именно ее.

Но эта женщина ведь числится погибшей, убитой во время бойни в Мали. Тогда в живых не осталось никого.

---

[1] Прошу прощения *(нем.)*.

Гравел продолжал стоять, уставившись в сторону лестницы. Что она делает здесь, живая и невредимая? И почему так тщательно скрывает свою внешность, прячется под платком и за зеркальными стеклами очков?

Гравел прищурился, чувствуя, как в груди зреет уверенность. Определенно тут что-то происходит, что-то такое, о чем никто не должен знать, что-то связанное с «Виатусом». Много лет он тщетно пытался найти какой-нибудь компромат на Карлсена, что помогло бы ему обуздать негодяя.

И вот, кажется, наконец у него появилась такая возможность.

Но как наиболее эффективно использовать это преимущество?

Гравел развернулся, уже продумывая свой план. Он знал, какую карту разыграть в первую очередь. Надо обратиться к человеку, который в той бойне потерял своего сына. К сенатору Гормену. Как американский сенатор отнесется к тому, что кто-то остался в живых во время того нападения, а Карлсен об этом умалчивает?

Мрачно усмехнувшись, Гравел направился к себе.

День вдруг начал казаться ему гораздо более светлым.

15 часов 15 минут

Пейнтер шагнул в каменную арку, проходившую под крепостной стеной. Хотя было только три часа дня, в этих приполярных широтах солнце уже склонилось к самому горизонту. За аркой открывался вид на гавань. Корочка снега по-прежнему лежала на позеленевших от времени пушках, расставленных вдоль дорожки и обращенных в сторону моря, чтобы защитить город от вражеских кораблей. Однако в настоящий момент у причала стоял лишь одинокий круизный лайнер.

Чайки с пронзительными криками носились в воздухе, пропитанном дизельными выхлопами. Пройдя мимо внушительной громады лайнера, Пейнтер направился дальше в го-

род. В течение последнего часа он следил за Иваром Карлсеном, прослушивал все его разговоры. «Жучок» позволил ему узнать больше о главе «Виатуса», выяснить кое-какие подробности, которые могут оказаться полезными во время завтрашней встречи.

Разговоры в основном велись об обыденных вещах, но тем не менее не вызывало сомнений, что Карлсен искренне обеспокоен проблемой голода и перенаселения. И он искал реальные и практические шаги ее решения. Определенно это было делом всей его жизни.

Однако Пейнтер также подслушал весьма любопытный разговор о засухоустойчивых сортах кукурузы, выведенных «Виатусом» и частично опробованных на исследовательском полигоне в Мали. Как выяснилось, еще на прошлой неделе началась массовая отправка семян в самые разные места по всему миру, вследствие чего акции корпорации резко подорожали. И все же Карлсен был недоволен. Он пообещал, что новый отдел биогенетических исследований зерновых культур будет продолжать и дальше создавать сорта, обладающие необходимыми качествами: пшеницу, устойчивую к насекомым-вредителям, морозостойкие цитрусовые, сою, уничтожающую сорняки... Список был весьма длинным, в нем присутствовал даже рапс, масло из которого можно использовать для производства биодеградирующих пластмасс.

Разговор, правда, завершился на мрачной ноте. На вопрос о том, почему его компания перенесла основной акцент своей деятельности с нефтехимии на генетически модифицированные семена, Карлсен ответил, перефразируя Киссинджера[1]: «Тот, в чьих руках нефть, контролирует все государства, но тот, в чьих руках продовольствие, контролирует все население Земли».

Неужели он действительно верил в это?

---

[1] Киссинджер, Генри Альфред — видный американский государственный деятель, политолог, госсекретарь в администрации президента Р. Никсона.

Вскоре после этого Карлсен сел в лимузин и уехал в исследовательский центр своей компании, расположенный на окраине Осло. Микропередатчик обладал ограниченным радиусом действия, поэтому прослушивание разговоров Карлсена на время прервалось. Что, впрочем, было и к лучшему. Слова Карлсена об отделе биогенетических исследований взбудоражили Пейнтера. Не замечая холода, он шел в тени огромного круизного лайнера, лавируя между пассажирами, толпящимися на пристани.

Ему нужно было подготовиться к еще одной стороне расследования, которая сегодня вечером потребует большей скрытности.

Пейнтер проталкивался сквозь толпу пассажиров, и вдруг на него налетел здоровенный мужчина в куртке. Заметив его за долю секунды до столкновения, директор «Сигмы» непроизвольно отступил в сторону. Резкая острая боль обожгла ему бок.

Отпрянув назад, Пейнтер успел заметить серебристый блеск ножа, зажатого в руке мужчины. Если бы он не уклонился в самый последний момент, лезвие вонзилось бы прямо ему в живот. Но рассчитывать на подобное везение дважды не приходилось. Мужчина снова надвигался на него.

Пока что никто ничего не заметил.

Пейнтер сорвал с шеи какого-то ничего не подозревающего туриста фотоаппарат. Схватившись за ремешок, он размахнулся и со всей силы ударил тяжелым зеркальным «Никоном» противнику в ухо. Тот повалился на бок, а Пейнтер, шагнув ближе, захлестнул кожаным ремешком ему запястье и, дернув что есть силы, перебросил сопротивляющегося незнакомца через бедро и швырнул его на мостовую.

Убийца ударился лицом об асфальт. Хрустнули ломающиеся кости вывернутой руки. Нож вывалился на землю.

Под испуганные крики очевидцев происшествия Пейнтер перескочил через распростертое тело, спеша завладеть оружием. Однако, прежде чем он успел схватить нож, тот вдруг дернулся, испустил резкий свист и вырвавшейся на

свободу ракетой устремился по замерзшей земле. Пейнтер застыл, узнав это смертельно опасное оружие.

Инжекторный нож «Уосп».

В рукоятке находился баллончик со сжатым газом, что делало нож вдвойне опасным. После того как лезвие вонзалось в тело, нажатием кнопки поток холодного воздуха объемом с баскетбольный мяч по специальному каналу направлялся жертве в живот, мгновенно замораживая и разрывая внутренние органы. Одним ударом такого ножа можно было убить бурого медведя.

Приведенный в действие струей вырывающегося воздуха, нож устремился к частоколу ботинок и ног. В толпе столкнулись два противоположно направленных течения. Одни бежали прочь от места происшествия; другие, наоборот, стремились подойти ближе. Кто-то крикнул: «Этот тип украл у меня фотоаппарат!»

По сходне с борта лайнера на пристань устремились охранники. Другие протискивались сквозь толпу.

Зажимая рукой бок, Пейнтер нырнул в бурлящее людское море. Толстая куртка и молниеносная реакция спасли ему жизнь. И все же сквозь пальцы сочилась горячая кровь. Весь бок горел огнем. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы его задержали. Однако Пейнтера беспокоили не только сотрудники службы безопасности. На бегу он оглядывал окружающую толпу.

Убийца был один?

Маловероятно.

Натыкаясь на пассажиров и зевак, Пейнтер всматривался в лица и следил за руками. Сколько еще человек, замаскированных под туристов, скрывались в толпе, наблюдая за выходом из Акерсхуса?

Пейнтер знал точно только одно. Случившееся не было обычной поножовщиной. Об этом не могло быть и речи, поскольку нападавший был вооружен ножом «Уосп». Значит, легенда каким-то образом раскрыта. И вокруг крепости раскинута смертельная сеть.

Пейнтер понимал, что ему нужно как можно быстрее покинуть причал, удалиться от того места, где была устроена западня. Толпа вокруг редела, и наконец он выскочил в парк, прилегающий к пристани. Под ногами захрустел тонкий слой мерзлого снега, покрывающий землю. На белый снег падали ярко-алые капли. Пейнтер оставлял за собой слишком заметный след.

В пятидесяти ярдах от него другой человек в куртке перепрыгнул через невысокую ограду и устремился к нему. Теперь ни о какой скрытности речь уже не шла. Не зная, есть ли у неизвестного пистолет, Пейнтер развернулся и побежал к сосновой рощице в глубине парка. Ему нужно было укрыться.

Убийца шел по свежим следам на снегу. Он бежал, низко пригнувшись, сжимая в левой руке нож. Добежав до опушки рощи, замедлил шаг, не теряя из вида кровавый след, но в то же время осматриваясь вокруг. Под деревьями уже сгустились вечерние тени, и все же было еще не настолько темно, чтобы не видеть след. Со вчерашнего снегопада здесь еще никто не проходил. Лишь одна цепочка следов пересекала девственно-чистый снег.

А вдоль нее тянулись капельки крови. След уходил в глубь рощи, петляя между деревьями. Несомненно, жертва опасалась пистолета и действовала от обороны. Но все это было напрасно. Убийца двинулся напрямую через рощу, вдоль извилистого следа.

Впереди показалась поляна. След вел прямо через нее. Отбросив осторожность, жертва спешила добраться до городских кварталов, которые начинались сразу за парком. Крепче стиснув нож, убийца побежал, сокращая расстояние.

Но в тот момент, когда он достиг противоположного края поляны, ему навстречу устремилась низкорастущая ветвь сосны. Она ударила его по голени с силой стенобитного тарана. Ноги у него подкосились. Убийца со всего размаха упал лицом в снег. Прежде чем он смог пошевелиться, ему на спину обрушилась тяжелая масса, выдавливая из легких остаток воздуха.

Убийца запоздало осознал свою ошибку. Тот, кого он преследовал, вернулся назад, затаился за сосной и устроил западню, согнув толстую ветку.

Это была его последняя ошибка.

Мелькнувшая рука схватила убийцу за подбородок. Другая прижала его шею к земле. Последовал резкий рывок. Шея хрустнула. Разлилась обжигающая боль — словно ему оторвали крышку черепа. После чего наступил мрак.

17 часов 34 минуты

— Не шевелитесь, — с укором произнес Монк. — Мне осталось наложить последний шов.

Пейнтер сидел на краю ванны в одних трусах. Он почувствовал, как острая игла прокалывает кожу. Анестезирующий спрей лишь чуть притупил острую боль. Но по крайней мере Монк работал быстро. Он уже очистил и обработал рану, в профилактических целях ввел Пейнтеру антибиотики, а теперь завершающим ловким движением механической руки наложил последний шов на четырехдюймовую рану на левом боку.

Бросив инструменты в стерильный хирургический пакет, Монк взял бинт и пластырь и перебинтовал Пейнтеру грудь и бок.

— И что теперь? — спросил он, когда закончил. — Будем и дальше придерживаться намеченного распорядка?

Расправившись с убийцей, Пейнтер несколько минут петлял по городу, убеждаясь в том, что за ним не следят. Только после этого он позвонил Монку. В качестве дополнительной меры предосторожности директор Кроу приказал своим помощникам переселиться в другую гостиницу, причем под новыми вымышленными именами. Там он с ними и встретился.

— Не вижу никаких причин его менять, — сказал Пейнтер.

Монк кивнул на рану.

— А я вижу большую причину, дюйма на четыре.

Пейнтер покачал головой.

— Эти люди действовали очень неаккуратно. Тот, кто организовал нападение, очень торопился. Каким-то образом меня раскрыли, но не думаю, что речь идет о чем-то большем.

— И все-таки это очень плохо, черт побери.

— Случившееся означает только то, что отныне нам предстоит действовать чуточку более осторожно. Мне придется воздержаться от появления на конференции, чтобы лишний раз никому не попадаться на глаза. Следовательно, основная нагрузка ляжет на вас с Кридом.

— Значит, мы сегодня вечером все равно отправляемся обследовать научно-исследовательский центр «Виатуса»?

Пейнтер кивнул.

— Я буду держать связь по радио. Ничего из ряда вон выходящего. Незаметно проникнуть туда, подключиться к серверам и быстро уносить ноги.

Предстоящая операция не предвещала ничего сложного. Благодаря связям Кэт Брайент они раздобыли удостоверения сотрудников «Виатуса», электронные ключи и подробный план центра. Им предстояло проникнуть туда после полуночи, когда там почти никого не останется.

В ванную быстро вошел Джон Крид. Он был в халате с логотипом «Виатуса» на кармане. Судя по всему, молодой сотрудник «Сигмы» примерял новый наряд.

— Сэр, ваш телефон звонит.

Протянув руку, Пейнтер взял сотовый телефон. Взглянув на номер входящего звонка, он нахмурился. Это был генерал Меткалф. Зачем он звонит? Пейнтер решил не ставить в известность о случившемся Вашингтон до тех пор, пока у него не появится новая информация. Не будет ничего хорошего, если операцию придется свернуть еще до того, как она началась.

По крайней мере, сам Пейнтер не хотел и думать об этом.

Раскрыв телефон, он сказал:

— Здравствуйте, генерал Меткалф.

— Добрый вечер, директор Кроу. Я так полагаю, вы еще обустраиваетесь на новом месте, так что буду краток. Мне только что звонил сенатор Гормен. Он был крайне возбужден.

Пейнтер тщетно пытался понять, в чем дело. Он ничем не мог вызвать недовольство сенатора.

— Полчаса назад Гормен получил загадочное сообщение. Ему позвонил неизвестный, утверждающий, что у него есть некая информация относительно трагедии в Африке. Звонивший сказал, что ему известен человек, который остался в живых после того нападения.

— Человек, который остался в живых? — не смог скрыть изумление Пейнтер.

— Звонивший хочет встретиться с сенатором в баре гостиницы, в которой тот остановился, и сообщить дополнительные подробности. Он будет говорить только с одним Гормеом, с глазу на глаз.

— Я не думаю, что это будет разумно.

— Мы тоже так считаем. Вам предстоит отправиться в этот бар. Сенатору известно, что следователь Министерства обороны уже находится в Осло. Он лично попросил о том, чтобы вы были в баре. Вы должны будете оставаться в стороне и вмешаться только в случае необходимости.

— Когда состоится встреча? — спросил Пейнтер.

— Сегодня в полночь.

«Ну разумеется, как же иначе!»

Закончив разговор, Пейнтер вернул телефон Криду.

— В чем дело? — спросил Монк.

Услышав объяснение, он нахмурился.

Общие опасения высказал вслух Крид.

— Возможно, это ловушка. Направленная на то, чтобы снова выманить вас на открытое место.

— Нам нужно отменить операцию в исследовательском центре, — предложил Монк. — Мы с Кридом будем вас прикрывать.

Пейнтер задумался. Монк уже больше года не занимался оперативной работой, а Крид вообще успел только при-

мериться к ней. Отправлять их в исследовательский центр одних рискованно. Пейнтер смерил взглядом Монка, взвешивая «за» и «против».

Монк понял, чем обеспокоен его начальник.

— Сэр, если вы беспокоитесь за нас, то мы прекрасно справимся сами. Хоть малыш еще совсем зеленый, мы сделаем все как нужно.

Пейнтер услышал в его голосе убежденность. Вздохнув, он решил больше не терзаться напрасными тревогами. Он ведь не у себя в кабинете в Вашингтоне. Это оперативная работа. И нужно просто довериться чутью. А чутье подсказывало Пейнтеру, что события стремительно выходят из-под контроля.

Ни о каком промедлении не могло быть и речи.

— Будем придерживаться намеченного плана, — решительно произнес Пейнтер, отсекая возможные возражения. — Нам необходимо получить доступ к серверу. Судя по сегодняшнему нападению, очевидно, кто-то сильно встревожился и в то же время обнаглел. Плохое сочетание. Нельзя допустить, чтобы нас заперли. Так что сегодня мы разделимся.

Было видно, что Крид беспокоится, но не за себя.

— Сэр, а что, если на вас нападут снова?

— Не волнуйся. Единственный отпущенный им выстрел эти люди уже сделали. — Пейнтер взял с раковины нож «Уосп», отобранный у убийцы в парке. — Теперь охотиться буду уже я.

18 часов 01 минута

Кутаясь в теплую куртку с капюшоном, отделанным лисьим мехом, Криста шла по центральной аллее парка Фрогнер, расположенного на западной окраине Осло. Ее квартира выходила окнами на этот заснеженный парк, однако молодая женщина больше не могла оставаться в помещении. Телефон она взяла с собой.

После захода солнца резко похолодало.

Во всем парке Криста была одна.

Она шла по аллее через сад скульптур. Ее дыхание облачками пара расходилось в морозном воздухе. Ей нужно было двигаться, однако от внутреннего напряжения руки и ноги плохо ее слушались.

Ее окружало больше двухсот каменных скульптур, созданных Густавом Вигеланном и считающихся национальным достоянием Норвегии. В основном это были обнаженные фигуры, застывшие во всевозможных причудливых позах. Сейчас все они были покрыты снегом, словно рваными белыми покрывалами.

Прямо впереди возвышалась центральная скульптура. Установленная в самой высокой точке парка, она подсвечивалась в темное время суток. Скульптура называлась «Монолит». У Кристы она всегда, особенно ночью, вызывала ассоциации, связанные с дантовским «Адом». Быть может, именно поэтому сейчас женщину влекло сюда.

Скульптура представляла собой круглую башню высотой с четырехэтажный дом, высеченную из одной гранитной глыбы. Вся ее поверхность напоминала сплошное море извивающихся человеческих фигур, переплетенных между собой, спутанных друг с другом, — настоящую черную оргию, запечатленную в камне. Композиция должна была изображать бесконечный цикл человечества, однако Кристе она казалась братской могилой.

Молодая женщина не отрывала от нее взгляда, ни на минуту не забывая о том, что должно произойти в ближайшее время.

О том джинне, которого они выпустят из бутылки...

Криста поежилась, даже несмотря на теплую куртку, и плотнее прижала к шее отделанный мехом капюшон. Но эта постоянная дрожь была вызвана не чувством раскаяния, а сознанием громадных масштабов происходящего. Все шло полным ходом на протяжении уже десяти лет, но теперь осталось ждать совсем недолго. Еще несколько дней — и обрат-

ной дороги больше не будет. Всему миру предстояло кардинально перемениться, и Криста играла в этом ведущую роль.

Но она действовала не в одиночку.

Завибрировал телефон в руке, спрятанной в карман. Сделав глубокий вдох, Криста выпустила облачко белого тумана. Сегодня она потерпела неудачу. Каким будет ее наказание? Она обвела взглядом погруженный в темноту парк. Быть может, палачи уже подкрадываются к ней? Смерти Криста не боялась, страшилась лишь того, что ее выведут из игры сейчас, в самый последний момент. Она действовала в спешке, опрометчиво. Нужно было связаться с боссами перед тем, как пытаться самостоятельно устранить сотрудника «Сигмы».

Достав из кармана телефон, Криста засунула его под капюшон.

— Да?

Одна в пустынном парке, она могла не беспокоиться о том, что разговор подслушают. Связь через спутниковый телефон также была зашифрована. Криста приготовилась к тому, что ее ждало.

Однако голос, прозвучавший в трубке, застал ее врасплох. Все тепло мгновенно улетучилось из ее тела. Казалось, она осталась совершенно обнаженная в этом холодном парке.

— Он остался жив, — бесстрастно произнес голос. — Вы должны были действовать осмотрительнее.

У Кристы перехватило дыхание, она не смогла ничего ответить. Прежде она лишь один раз слышала этот голос — вскоре после ее вербовки, после жестокого посвящения в члены, когда Криста совершила успешное покушение, расправившись с целой семьей, и в том числе убила новорожденного младенца. Один венесуэльский политик занялся расследованием деятельности некой французской фармацевтической компании, и это расследование требовалось остановить любой ценой. Криста получила пулю в ногу от телохранителей политика, но все же ей удалось скрыться, не оставив никаких следов. Ни капли своей крови.

Когда она выздоравливала, ей позвонили, чтобы поздравить.

Это был тот самый мужчина, чей голос звучал в трубке сейчас.

По слухам, это был один из руководителей «Гильдии», известных только под общим названием «штаб».

Наконец Криста обрела дар речи.

— Сэр, я целиком принимаю на себя ответственность за неудачу.

— И надеюсь, эта ошибка послужит вам хорошим уроком.

Голос оставался совершенно ровным. Криста не могла определить, злится ли на нее говорящий.

— Да, сэр.

— Отныне предоставьте все нам. Все необходимые шаги уже предприняты. Но возникла новая угроза, более неотложная, чем «Сигма», вынюхивающая у наших дверей. И вам предстоит разобраться с этим на месте.

— Слушаю вас, сэр.

— Кто-то прознал о том, что после бойни в Мали остались выжившие. Сегодня ночью этот человек встречается с сенатором Горменом.

Криста крепче стиснула телефон. Как такое возможно? Она вела себя очень осторожно. Молодая женщина мысленно перебрала последние несколько дней. Нет, она тщательно скрывала свою внешность. К ужасу присоединилась злость.

— Эта встреча не должна состояться, — предупредил говорящий, сообщая подробности полуночного свидания.

— А как быть с сенатором?

— В зависимости от обстоятельств. Если Гормен успеет что-либо узнать до того, как вы замнете это дело, его придется убрать. Нельзя оставлять никакие улики.

Криста понимала это и без лишнего напоминания.

— Что касается операции в Англии, — продолжал мужчина, — там все готово?

— Да, сэр.

— Вы понимаете, как для нас важно найти «Ключ Судного дня»?

Криста это понимала. Она уставилась на башню из извивающихся тел. Ключ принесет либо спасение, либо проклятие.

— Вы полностью доверяете своему человеку в Англии? — спросил звонивший.

— Конечно же, нет. Но доверие и не нужно. Достаточно силы и контроля.

Впервые в словах мужчины прозвучала тень веселья.

— У вас были хорошие учителя.

Разговор по телефону завершился. Но только после того, как в трубке прозвучали последние слова, пришедшие по закрытой линии связи:

— Штаб следит за вами.

Криста осталась стоять перед «Монолитом», прижимая телефон к уху. Ее снова охватила дрожь — от облегчения, ужаса, но в первую очередь от осознания долга.

Она не должна потерпеть неудачу.

14

12 октября.
16 часов 16 минут.
Озерный край, Англия

Грей недоверчиво окинул взглядом средство передвижения.

Средство передвижения ответило ему таким же неуверенным взглядом, для большей выразительности постукивая копытом.

— Горные пони, — сказал доктор Уоллес Бойл, обходя лошадей. — Более душевных лошадок не сыскать на всей земле. Идеально подходят для передвижения по горам. Поступь уверенная, и сильны, как волы.

— И это у вас называется пони? — спросил Ковальски.

Грей понимал беспокойство напарника. Матово-черный жеребец, которого сейчас для него оседлывали, имел в холке почти пять футов[1]. Выпуская облачка пара в морозный воздух, он водил копытом по мерзлой земле.

— Эй, Пип, стой спокойно, — сказал конюх, затягивая подпругу.

Маленький отряд час назад выехал из Хоксхеда на машине. Бойл привез своих гостей на коневодческую ферму, расположенную в горной глуши. Как выяснилось, до места раскопок можно было добраться только верхом или на своих двоих. Бойл позвонил на ферму заранее, договорившись о четвероногом транспорте.

— В этих местах у горных пони давняя история, — продолжал профессор, пока конюхи заканчивали готовить лошадей. — Дикие пикты верхом на них воевали с римлянами. Затем крестьяне-викинги впрягали их в плуг. А потом норманны использовали их как вьючных животных для перевозки свинцовой руды и угля.

Потрепав по шее своего гнедого жеребца, Бойл сел в седло. Его терьер Руфус пробежал под ногами лошадей и поднял лапу у столбика ограды. Первоначальное недоверие, которое собака испытывала к Сейхан, теперь перешло в настороженное перемирие. Руфус с опаской обошел молодую женщину стороной, когда та вставила ногу в стремя и легко запрыгнула на крепкую с виду пегую кобылу.

— Вы должны извинить Руфуса, — объяснил Бойл еще в гостинице. — Он животное упрямое, это точно. И мне стыдно признаться, что он бывает очень злым. Прошлой весной здорово цапнул за ногу одного студента-пакистанца.

От этих слов Рейчел пришла в ужас.

Но Сейхан на них никак не отреагировала. Она лишь пристально смотрела на собаку до тех пор, пока та не поджала хвост и не спряталась за хозяином. После чего женщина присоединилась к сидящим за столом.

---

[1] 152 см.

Рейчел, после того как Бойл ее узнал, выложила начистоту цель своего приезда, однако при этом о некоторых подробностях упомянула лишь вскользь. О мумифицированном пальце она не сказала ни слова.

Внимательно выслушав ее, профессор пожал плечами:

— Можете не беспокоиться, девочка моя. Я никому не выдам вашу тайну. А если мне удастся помочь вам поймать тех мерзавцев, которые убили Марко и ранили вашего дядю, это же будет только к лучшему, ведь так?

И они отправились на ферму.

Путь предстоял долгий.

Грей сел на своего жеребца, и после некоторой неразберихи маленький отряд покинул ферму и направился в горы. Первым, верхом на гнедом жеребце, ехал доктор Бойл. На узкой, извилистой тропе всадникам пришлось растянуться в цепочку по одному.

Грей уже целую вечность не ездил верхом. Ему потребовалось проехать добрую милю, чтобы наконец почувствовать себя уютно в седле, приноровиться к ритмичному шагу коня. Горы приближались и становились все выше. Вдалеке сверкала огнем в последних лучах заходящего солнца заснеженная вершина горы Скафелл-Пайк, высочайшей в Англии.

Безлюдная местность была укутана покрывалом зимней тишины, которую нарушал лишь хруст снега под конскими копытами. Грей вынужден был признать, что Бойл не зря хвалил горных пони. Казалось, Пип каждый раз знал, куда ставить ногу, даже несмотря на снег. При спуске жеребец ни разу не оступился, сохраняя равновесие.

Еще через пару миль тропа стала настолько широкой, что Грей подъехал к Рейчел и Сейхан. Женщины о чем-то переговаривались между собой.

Подъехав, Грей увидел, что Рейчел безуспешно пытается достать пластмассовую фляжку. Увидев ее затруднение,

Сейхан отпустила поводья. Управляя лошадью одними ногами, она достала термос и отвинтила крышку.

— Горячий чай, — предложила Сейхан, протягивая термос итальянке.

— Спасибо. — Рейчел отпила глоток, подставляя лицо горячему пару, поднимающемуся над кружкой. — Ой, какая прелесть! Сразу согревает.

— Это моя особая смесь трав.

Еще раз поблагодарив Сейхан, Рейчел допила чай и вернула кружку.

Едущий впереди Ковальски поник в седле, полусонно тряся головой. Великан полностью доверился своему пони, идущему следом за жеребцом Бойла.

Всадники ехали через лес, в котором росли редкие дубы и ясени, мимо зарослей папоротника, по заснеженной земле, кое-где рассеченной ленточками ледяных горных ручьев. Грей радовался тому, что они едут верхом, а не идут пешком — в отличие от Руфуса, который, похоже, ничего не имел против того, чтобы трусить рядом, поднимаясь вверх и спускаясь вниз в этой однообразной, унылой местности. Солнце зашло, и стало заметно холоднее.

— Далеко еще, как ты думаешь? — спросила Рейчел полушепотом.

Холодная тишина окружающей местности возымела свое действие.

Грей покачал головой. Бойл отказался сообщить какие-либо подробности, помимо «далеко в глуши гор». И все же Грей не боялся заблудиться. Перед тем как тронуться в путь, он привел в действие портативный навигатор. Устройство отслеживало путь, оставляя невидимые цифровые крошки, по которым в случае необходимости можно будет отыскать обратную дорогу.

Рейчел плотнее укуталась в теплую куртку. Ее дыхание вырвалось белым облачком в морозный воздух.

— Может, лучше было дождаться утра?

— Нет, — глухо промолвила Сейхан. — Если там есть какие-либо ответы, чем быстрее мы их найдем и двинемся дальше, тем лучше.

Грей был полностью согласен с ней, и все же сейчас весело потрескивающий костер пришелся бы очень кстати. В то же время он обратил внимание на то, как напряженно сжаты губы Сейхан. Ее взгляд был устремлен прямо вперед.

Немного отстав, Грей решил понаблюдать со стороны за двумя женщинами. Они представляли собой разительный контраст. Рейчел держалась в седле легко, расслабленно покачиваясь, но в то же время внимательно следила за окружающей обстановкой и была готова к любым неожиданностям. А Сейхан ехала словно на битву. Несомненно, она была опытной наездницей, но от Грея не укрылось, что она торопится исправить малейший неверный шаг своей кобылы. Как будто все должно было подчиняться ее воле. Как и Рейчел, Сейхан смотрела по сторонам, но ее взгляд бесцельно блуждал, поскольку рассудок был полностью поглощен какими-то подсчетами.

Однако, несмотря на все различия, обе женщины обладали поразительным сходством. Они были волевыми, уверенными в себе, готовыми принять любой вызов. И порой всего от одного взгляда любой из них у Грея перехватывало дыхание.

Он заставил себя думать о другом, но мысли опять вернулись к его нынешним спутницам. Грей вдруг понял, что еще объединяет этих женщин. У него не было будущего ни с Рейчел, ни с Сейхан. С Рейчел он уже давно закрыл эту главу, а с Сейхан ее лучше было вообще не открывать.

Поглощенные своими думами, всадники молча ехали через горы. Еще через час тропа превратилась в каменистые осыпи, заснеженные скалы и пятна черного леса. Наконец маленький отряд поднялся на гребень и впереди открылась обширная долина. Дорога вниз была головокружительно крутой.

Бойл остановился.

— Ну вот мы почти на месте, — объявил он.

Ехать при свете звезд, усыпавших безоблачное небо, не составило бы особого труда, однако внизу уже сгустился непроглядный мрак. Вся долина заросла густым лесом.

Но это было еще не все.

На черном фоне кое-где светились красноватые точки, похожие на отсветы костров. При свете дня они были бы совершенно не видны.

— Что это там светится? — спросил Грей.

— Торфяник горит, — объяснил Бойл, дуя на затянутые в перчатки руки, чтобы растопить намерзший на бороду иней. — В здешних горах торфяников много. Во всех долинах торфяные болота.

— А если выражаться нормальным языком? — спросил Ковальски.

Бойл пустился в объяснения, но Грей и так знал, что торф — это слой перегнившей растительной массы: деревьев, листьев, мхов, грибов, — скопившейся в сырых низинах. Подобные органические останки были распространены в тех местах, где прошел ледник, разрезав гористую местность, как это было здесь, в Озерном крае.

Бойл указал вниз, в долину:

— Этот лес растет на одном из самых глубоких торфяных болот в этих местах. Оно простирается на многие тысячи акров. Как правило, в наших краях слой торфа имеет в глубину около десяти футов. В этой же долине есть места, где он в десять раз толще. Это очень древнее болото.

— Ну а огонь? — спросила Рейчел.

— А это как раз лучшее, что есть в торфе, — сказал Бойл. — Он горит. И торф для топлива добывался здесь с тех самых пор, как тут появились люди. Он использовался для обогрева жилья, для приготовления пищи. Очевидно, именно природные пожары навели древнего человека на мысль жечь эту проклятую грязь.

— И давно тут горят торфяники? — спросил Грей.

Бойл пожал плечами:

— Трудно сказать. Они уже дымились, когда я впервые приехал сюда три года назад. Огонь медленно распространяется под землей, и загасить его практически невозможно. Он просто горит и горит, подпитываемый бездонным источником топлива. Известны случаи, когда пожары в торфяниках продолжались на протяжении целых столетий.

— И они опасны? — спросила Рейчел.

— А то как же, девочка моя. Нужно очень внимательно следить, куда поставить ногу. Земля может казаться твердой, она может даже быть присыпана снегом, но в каких-нибудь нескольких футах внизу бушует огненный ад. Пылающие острова торфа и реки огня. — Тронув бока жеребца каблуками, Бойл начал спускаться в долину. — Но вы не беспокойтесь. Я знаю безопасные тропы. Вы только не отклоняйтесь в сторону. Следуйте за мной.

Никто не возражал. Даже Руфус теперь бежал рядом с хозяином. Грей достал навигатор, проверяя, отмечается ли по-прежнему маршрут. На маленьком экране появилась топографическая карта. Извилистая линия маленьких красных точек указывала путь, пройденный маленьким отрядом через горы. Удовлетворившись, Грей убрал устройство в карман.

Он заметил, что Сейхан пристально смотрит на него. Пойманная с поличным, она чересчур поспешно отвела взгляд.

Бойл вел своих спутников по крутой тропе вниз в долину. Осыпи и камнепады делали спуск особенно опасным, но Бойл сдержал свое слово. Он благополучно довел отряд до самого дна.

— Теперь держитесь тропы, — предупредил профессор, трогая жеребца.

— Какой еще тропы? — пробормотал Ковальски.

Грею было понятно недоумение напарника. Впереди простиралась открытая заснеженная равнина. Единственными ориентирами были редкие пучки вереска и кучка покрытых лишайником валунов, похожих на столпившихся каменных исполинов. Далеко слева от участка черной земли, окру-

женной зеленым сфагнумом, исходило розоватое свечение. На фоне противоположного склона, покрытого снегом, были видны струйки поднимающегося вверх дыма. В холодном воздухе стоял аромат поджаренной ветчины.

Бойл втянул носом воздух.

— Напоминает мне дом, — с тоской произнес он, делая шумный выдох. Его акцент снова стал заметным. — Ничто не сравнится с запахом горящего торфа, к которому как нельзя лучше подходит стаканчик хорошего виски.

— Вот как? — встрепенулся Ковальски, принюхиваясь.

Бойл вел своих спутников по извилистой тропе, петляющей между высокими валунами. Несмотря на собственные предостережения, сам он, похоже, нисколько не тревожился. Торфяник горел в основном по границам долины, а также кое-где выше по склону. Грей знал, что такие возгорания, как правило, начинаются в результате лесных пожаров; затем огонь уходит под землю, где может тлеть на протяжении многих лет. И самыми опасными местами являются как раз края торфяных пластов.

За открытым участком вздымалась стена черного леса. Покрытые снегом ветки отражали свет звезд, но внизу царил непроглядный мрак. Однако Бойл был готов к этому. Нагнувшись, он включил закрепленный на седле фонарь. Как в пещере, одинокая лампочка далеко отбросила луч света.

Всадники въехали в лес, по-прежнему следуя друг за другом. Дым в воздухе теперь чувствовался уже не так сильно. Лес представлял собой смесь миртов, берез и сосен, среди которых изредка попадались огромные вековые дубы. Раскидистые ветви этих великанов все еще были покрыты высохшими бурыми листьями. Заснеженная земля под дубами была усыпана сплошным слоем желудей, чем объяснялось обилие белок, то и дело перебегавших дорогу.

Вдруг впереди мелькнул какой-то более крупный зверь, прижимаясь к земле.

Зарычав, Руфус бросился было следом за ним, но Бойл крикнул:

— Оставь этого барсука! Не успеешь опомниться, как он тебе нос оторвет.

Ковальски подозрительно обвел взглядом темный лес.

— А как насчет медведей? Они у вас в Англии есть?

— Разумеется, — ответил Бойл.

Ковальски пустил своего пони поближе к профессору, так как лишь у него было ружье.

— Медведей у нас полно, в зоопарках, — с улыбкой продолжал Бойл. — Но ни одного в дикой природе начиная со Средних веков.

Ковальски сердито сверкнул глазами, обиженный, что его зря напугали, но все равно продолжал ехать рядом.

Еще с полчаса всадники пробирались через лес. В кромешной темноте Грей полностью потерял ориентацию.

Наконец лес расступился и показалась еще одна просторная поляна. Звездный свет заливал пространство площадью чуть ли не в целый акр. Сквозь слой свежевыпавшего снега торчали кусты вереска и пожухшая трава, а также пни от деревьев, которые были спилены, чтобы расчистить участок.

Здесь отсутствовали какие-либо знаки, но место было явно обитаемым.

В стороне стояли две темные палатки из плотной ткани, натянутой на стальные каркасы. За палатками возвышались крошечные пирамидки, сложенные из торфяных брикетов, специально для печки. Людей сейчас не было. Зимой торфоразработки опустели из-за опасности сильных снегопадов.

Однако внимание путников привлек не погруженный в темноту лагерь. Грей сразу же увидел место раскопок посреди поляны, огороженное полицейской лентой. Полосы желтой ленты рассекали пространство на большие квадраты. Словно запутавшись в этой редкой сети, над землей поднимались огромные камни, расставленные в грубый круг.

Каждая глыба была вдвое выше человеческого роста. В одном месте два соседних камня были перекрыты громадной плитой, образуя своеобразный вход в круг.

Грей вспомнил рассказ профессора о памятниках эпохи неолита, разбросанных в этих местах. Судя по всему, Бойлу удалось обнаружить еще один, много столетий остававшийся затерянным среди торфяных болот.

— Похоже на маленький Стоунхендж, — заметил Ковальски.

Спрыгнув на землю, Бойл взял пони за уздечку.

— Только этот памятник древнее Стоунхенджа. Гораздо древнее.

Все спешились и отвели лошадей в выгороженный рядом с палатками и укрытый навесом загон. Уставших пони расседлали и насухо вытерли. Ковальски отправился за водой к протекающему неподалеку ручью.

Тем временем Бойл рассказал про свою находку, про то, как запись в «Книге Судного дня» привела его сюда, к месту, обозначенному по-латыни как «опустошенное».

— Никаких следов деревни мне обнаружить не удалось. Судя по всему, ее сровняли с землей. Но, охотясь в здешних горах, я случайно наткнулся на этот круг камней. Он был наполовину погребен в торфянике. На неискушенный взгляд это всего лишь беспорядочное нагромождение валунов, тем более что камни покрыты мхом и лишайником. Однако на самом деле это голубоватый глинистый песчаник, который не встречается в наших горах.

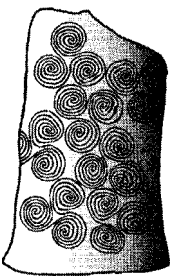
Рассказывая, профессор начинал все больше волноваться. Как только все лошади были поставлены в загон, он взял фонарь и повел путников к каменному кругу. Грей также достал из седельной сумки свой фонарик. Они перелезли через оградительную ленту и двинулись по снегу, доходящему до щиколоток. Каменный круг находился посреди раскопанной ямы. На протяжении нескольких лет археологи медленно освобождали камни от слоев торфа.

— Когда я впервые случайно попал сюда, камни были наполовину скрыты землей. За прошедшие тысячелетия они под собственным огромным весом погрузились в мягкий торф.

— За тысячелетия? — удивилась Рейчел. — Каков же возраст этого сооружения?

— По моим оценкам, оно приблизительно на две тысячи лет древнее Стоунхенджа. *Это соответствует той эпохе, когда* на Британских островах поселились первые люди. Чтобы вам было легче представить, это случилось за тысячу лет до того, как были возведены Великие пирамиды в Египте.

Они подошли к погруженному в темноту кругу, и Грей направил луч фонарика на ближайший камень. После того как камень был очищен от мха и лишайника, не вызывало сомнений, что это творение человеческих рук. Всю поверхность покрывала резьба — но изображение было одним и тем же.

— Спирали, — пробормотал Грей, привлекая этим внимание Рейчел.

Молодая женщина приблизилась к нему, следом за ней подошел профессор.

— *Очень распространенный языческий символ,* — сказал Бойл. — Изображающий путешествие души. В данном случае рисунок практически полностью соответствует тем, что высечены на камнях, обнаруженных в Ньюгрейндже, это погребальный комплекс в Ирландии, относящийся еще к докельтской эпохе. Ньюгрейндж датируется приблизительно три тысячи двухсотым годом до нашей эры, то есть имеет

такой же возраст, как и это кольцо. Логично предположить, что оба сооружения возвело одно и то же племя.

— Друиды? — спросил Ковальски.

Бойл нахмурился.

— Эхе-хе, молодой человек, где вы учились истории? Друиды — это жрецы у кельтских племен. Они появились на сцене только через три с лишним тысячи лет. — Он обвел рукой каменный круг эпохи неолита. — Перед вами творение рук первого племени, поселившегося на Британских островах, народа, жившего здесь задолго до кельтов и друидов.

Ковальски лишь пожал плечами, нисколько не смущенный этим пробелом в своем образовании.

Бойл вздохнул.

— Но я могу понять, почему большинство людей повторяют эту ошибку. Кельты почитали исчезнувший народ, считали этих людей богами, даже переняли их культуру. Они совершали богослужения на древних святилищах, вплетали их в свои мифы, веруя в то, что в этих камнях обитают их боги. На самом деле то, что в настоящее время считается расцветом кельтского искусства, вышло из подобных языческих изображений. Так что в конечном счете все ведет сюда. — Профессор показал на огромные камни. — Однако остается самый главный вопрос: кем построены эти каменные кольца?

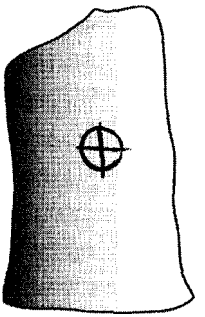
Грей чувствовал, что Бойл приходит во все большее возбуждение. Похоже, профессор, как хороший шоумен, о чем-то недоговаривал, дожидаясь, когда возбуждение публики достигнет апогея. Однако, прежде чем он смог продолжить, вмешалась Рейчел:

— Взгляните-ка на это.

Обойдя вокруг камня, она оказалась внутри кольца. Ее поднятая рука указывала на противоположную поверхность монолита.

Остальные перешагнули через ленты, присоединяясь к ней. Грей поднял фонарик. С этой стороны на камне был вырезан только один большой символ. Развернувшись, Грей

провел лучом света по остальным стоящим вертикально камням — он успел сосчитать, что их было двенадцать. И каждый камень отмечал такой же знак.

— Круг, рассеченный на четыре части, — промолвил Грей.

Бойл кивнул.

— Теперь вы понимаете, почему я нисколько не сомневался в том, что дневник средневекового ученого Мартина Борра указывает прямо сюда. *Именно этот символ был* нарисован в его дневнике.

Грей медленно обвел взглядом все камни.

«Что все это значит?»

Снова повернувшись к первому камню, он задумался. Спирали с одной стороны, языческий крест с другой. Вдруг до него дошло, что такой же в точности рисунок был выжжен на кожаном мешочке: спираль с одной стороны, крест с другой.

Грей перевел взгляд на Рейчел. По ее глазам он понял, что она подумала о том же. Если они хотят получить ответы, пришло время поговорить с доктором Уоллесом Бойлом начистоту.

20 часов 42 минуты

Профессор внимательно осмотрел артефакт. Он сидел за складным столиком в одной из палаток, поставив перед собой фонарь. Рейчел устроилась рядом с ним, грея руки о круж-

ку с чаем. Это были остатки содержимого термоса Сейхан. Итальянка медленно потягивала напиток, наслаждаясь его теплом, хотя он и казался ей несколько горьковатым. Она бы предпочла добавить в него каплю сливок, но все же чай потрудился на славу, полностью прогнав холод из ее тела.

Маленький отряд провел на морозе два часа, фотографируя, делая измерения, записывая детали. Но зачем?

Рейчел посмотрела на сидящего напротив Грея. По мере того как они работали, Грей все больше и больше погружался в себя. Рейчел знала его достаточно хорошо и сразу почувствовала, что он чем-то встревожен и боится упустить что-то важное. Она буквально читала мысли у него в голове, ощущала главный вопрос, не дававший ему покоя.

Что в этом месте такого важного?

Сейхан сидела рядом с Греем. Ее вклад в работу был минимальным; казалось, она предоставила остальным искать разгадку тайны. И вот теперь все ждали заключения профессора. В дальней половине палатки стояли две койки. На одной растянулся Ковальски, прикрыв лицо рукой, чтобы защититься от света лампы. Поскольку брезент палатки не содрогался от его храпа, великан, похоже, не спал.

— Не представляю себе, как это понимать, — покачав головой, наконец промолвил Бойл. Кожаный мешочек оставался у него в руках. Высохший палец он уже изучил. — Я не знаю, где Марко это нашел и почему кто-то пошел ради этого на убийство.

— В таком случае давайте вернемся в самое начало, — сказал Грей. — Почему отец Джованни приехал сюда? Что он надеялся получить, исследуя эти раскопки?

— Марко приехал сюда ради тел, — пробормотал Бойл, теребя мешочек.

Рейчел встрепенулась.

— Тел? Каких еще тел?

В конце концов Бойл положил мешочек на стол и откинулся на спинку стула.

— Вы должны понять, что на протяжении столетий торфяники почитались древними кельтами и их друидами. Люди прятали и топили в болотах самое дорогое, что у них было. Такие места являются настоящей сокровищницей для археологов. Мечи, короны, украшения, даже целые повозки. Но иногда в болотах находят также и человеческие останки.

Давая слушателям возможность осмыслить эти слова, профессор встал и подошел к маленькой полевой печке. Погрев руки над горящим брикетом торфа, он кивнул на печку.

— Торф был источником жизни, поэтому его нужно было чтить. И это почитание нередко происходило в виде человеческих жертвоприношений. Кельты убивали жертвы и бросали их тела в болота, ублажая богов. — Он снова повернулся к столу. — А то, что попадает в торф, сохраняется веками.

— Не понимаю, — призналась Рейчел.

Грей объяснил:

— Кислая среда и отсутствие кислорода останавливают гниение.

— Точно. Случалось, в болотах находили горшки со сливочным маслом, которому было сто лет. И масло оставалось свежим и вполне съедобным.

Застонав от отвращения, Ковальски перевернулся на бок.

— Если я буду у вас в гостях, тосты с маслом мне не предлагайте.

Бойл пропустил его слова мимо ушей.

— Точно так же сохранялись и тела принесенных в жертву. Их теперь называют «болотными мумиями». Самый знаменитый из них — «толлундский человек», обнаруженный в Дании. Тело сохранилось настолько хорошо, что кажется, будто несчастный упал в болото только вчера. Кожа, внутренние органы, волосы, ресницы нетронуты. Можно даже различить папиллярные узоры на пальцах. Экспертиза показала, что мужчина был ритуально удушен. У него на шее сохранилась затянутая петля. И его убили друиды, поскольку в желудке у него была обнаружена омела, растение, священное у кельтских жрецов.

— И здесь вы тоже нашли «болотную мумию»? — спросил Грей.

— На самом деле даже две. Женщину и ребенка. Мы обнаружили их, раскапывая каменное кольцо. Они были найдены в самом центре круга, обнимающие друг друга.

Наконец свой первый вопрос задала Сейхан. Украдкой посмотрев на Рейчел, она тотчас же поспешно отвела взгляд.

— Их принесли в жертву?

Бойл оживился, услышав ее вопрос.

— Именно над этим мы ломали голову. Сейчас уже хорошо известно, что каменные круги служили солнечными календарями, но они также были местом захоронения. А вот этот хендж, вероятно, считался особенно священным. Каменное кольцо в священном болоте. Нам нужно было выяснить, что это такое, естественная смерть или ритуальное убийство. — В последних словах прозвучало смущение, порожденное чувством вины. — Мы получили четкие инструкции не трогать тела, отправить их в университет целиком, но нам нужно было узнать правду. На шеях у жертв веревок не было, но существовал еще один способ выяснить, было ли это ритуальным убийством.

Рейчел поняла.

— Омела в желудке.

Бойл кивнул.

— Мы провели небольшое исследование. Должен добавить, все было подробно задокументировано. — Подойдя к своему рюкзаку, профессор развязал веревки, достал папку и, пожав плечами, вернулся к столу. — Я не должен был оставлять себе копию.

Порывшись в папке, он достал несколько фотографий. На одной были женщина и ребенок, лежащие скрюченными в черной земле. Женщина держала ребенка в объятиях; они как будто спали. Тела высохли, но у женщины сохранились длинные черные волосы. На следующем снимке обнаженная женщина лежала на столе. Была видна рука, сжимающая хирургический скальпель.

— Перед тем как отправить тело женщины в университет, мы решили проверить, есть ли у нее в желудке пыльца омелы. Это было незначительное нарушение.

— И как, нашли пыльцу? — спросила Рейчел, внезапно почувствовав легкую тошноту.

— Нет. Но обнаружили кое-что другое, не слишком приятное. Если у кого-нибудь слабые нервы, лучше не смотреть.

Сделав над собой усилие, Рейчел осталась на месте.

На следующей фотографии был снят надрез брюшной полости. Живот раскрыт, показывая сплетение внутренних органов. Но тут определенно что-то было не так. Бойл протянул еще один снимок, изображающий крупным планом желтую печень. Вся ее поверхность была покрыта какими-то наростами, похожими на зловещее колосящееся поле.

Бойл объяснил:

— Мы обнаружили их растущими по всей брюшной полости.

Рейчел прикрыла рот рукой.

— Это то, о чем я подумала?

Профессор кивнул.

— Это грибы.

Потрясенный, Грей в отвращении отпрянул назад. Он пытался понять, в чем заключался смысл этой страшной находки. Ему нужно было найти какую-то основу для дальнейших размышлений, что-то весомое, от чего можно было бы оттолкнуться, поэтому он возвратился к тому, с чего все началось.

— Вернемся к отцу Джованни, — сказал Грей. — Вы сказали, что именно эти тела в первую очередь привлекли его сюда.

— Точно. — Вернувшись на место, Бойл уселся на стул верхом. — Марко услышал о нашей находке. Это то самое место, где очень долго продолжалось противостояние христианства и языческих обычаев.

— Однако на самом деле его привлекло сюда не это противостояние, — сказал Грей, снова уставившись на первую фотографию женщины с ребенком.

Не было никаких сомнений в том, что напоминал этот образ. Мадонна с Младенцем. И не просто мадонна. Танины, содержащиеся в торфе, выкрасили кожу женщины в сочный темно-бурый цвет.

— Я послал Марко фотографию мумифицированных тел. Он приехал на следующий же день. Его интересовали любые воплощения и изображения Черной Мадонны. И вот эти два тела, обнаруженные в священном для язычников захоронении, в стране, где тесно переплелись христианство и древние верования, — Марко должен был лично на месте проверить, есть ли тут какая-нибудь связь с мифологией его черной богини.

— А связь есть? — спросила Рейчел.

— Вот чем занимался Марко в течение целого года. Ему пришлось объездить вдоль и поперек все Британские острова. Я заметил, что в последний месяц Марко был особенно возбужден. Однако он упорно не желал признаваться, в чем дело.

— А что вы сами думаете про эти мумии? — спросил Грей.

— Как я уже говорил, никаких следов омелы мы не нашли. На мой взгляд, женщина и ребенок уже были мертвы к тому моменту, как их погребли в болоте. Но кто похоронил их и зачем? И почему Мартин Борр пометил свой дневник этим языческим символом? Вот что я хотел узнать.

— И?.. — не отставал от него Грей.

Его раздражали уклончивые ответы профессора, который для большего эффекта нарочно мучил своих слушателей.

— У меня есть своя гипотеза, — признался Бойл. — Все в конечном счете возвращается к тому, с чего началось это расследование. К «Земельной описи». Что-то опустошило соседнюю деревню или маленький городок. Что-то настолько ужасное, что все это место было буквально стерто с земли, вычеркнуто из всех документов и карт. То есть из всех документов, если не считать загадочное упоминание в вели-

кой книге и ссылку в дневнике Мартина Борра. Так чем же была вызвана подобная реакция? Готов поспорить, тут свирепствовала какая-то эпидемия. И король, не желая допустить распространения болезни, приказал сровнять деревню с землей и сохранить случившееся в тайне.

— Но при чем тут эти тела? — спросила Рейчел, кивая на фотографии.

— А вы просто закройте глаза и попытайтесь представить себя жителем этой несчастной деревушки. Отрезанной от внешнего мира, пораженной смертельной болезнью. Здесь жили как преданные христиане, так и те, кто втайне соблюдал старинные обряды, кому наверняка было известно об этом каменном кольце неподалеку от деревни, кто, возможно, по-прежнему приходил сюда поклоняться древним святыням. Когда страшная беда обрушилась на деревню, обе стороны, несомненно, обратились за помощью к своим богам. И кто-то, вероятно, поставил на обе партии, объединив две религии. Мать и ее маленького сына, олицетворяющих Мадонну с Младенцем, похоронили в древнем языческом святилище. Лично я считаю, что только эти два тела и уцелели после огненной чистки, это все, что осталось от жителей деревни, скошенных смертельной заразой. — Бойл прикоснулся пальцем к фотографии вскрытия. — А болезнь, поразившая деревню, действительно была очень странная. Ничего подобного я не встречал в анналах медицины и криминалистики. Изучение тел все еще продолжается, и работы хранятся в строжайшей тайне. Даже мне ничего не говорят.

— Но почему держат в неведении вас? — удивился Грей. — Разве вы не состоите в штате Эдинбургского университета?

Профессор недоуменно наморщил лоб, но тут же расслабился.

— О нет, вы меня неправильно поняли. Когда я сказал, что тела забрали в университет, я не имел в виду Эдинбург. Этот грант мне выдали за рубежом. Обычная практика. Чтобы заниматься раскопками, приходится брать деньги там, где их дают.

— Так кто же забрал тела?

— Они были направлены для предварительных исследований в Университет Осло.

Грею показалось, будто ему заехали в солнечное сплетение. Потребовалось какое-то время, чтобы он обрел дар речи. Осло. Вот первая прочная ниточка между тем, что произошло здесь, и тем, чем занимается в Норвегии Пейнтер Кроу.

Пока Грей пытался осмыслить услышанное, Бойл продолжал:

— Полагаю, в конечном счете все опять сводится к экстремофилам.

Эта полная непоследовательность снова привлекла внимание Грея к профессору.

— О чем это вы?

— О своем гранте, — произнес профессор таким тоном, словно тут все было очевидно. — Как я уже говорил, в делах приходится брать деньги там, где их дают.

— А каким образом тут замешаны экстремофилы?

Этот термин был Грею известен. Экстремофилами называются живые организмы, обитающие в экстремальных условиях, в том числе таких, которые считаются слишком суровыми для поддержания жизни. В основном это бактерии, решившие поселиться в такой невыносимой среде, как глубоководные океанические впадины и бурлящие жерла вулканов. Эти уникальные живые организмы способны предложить миру совершенно новые вещества.

Деловой мир не прошел мимо них; появилась целая новая отрасль, получившая название «биоразработки». Но только в данном случае разрабатывались не золотоносные месторождения, а кое-что не менее ценное: добывались новые патенты. И новый бизнес оказался процветающим. Изучение экстремофилов привело к созданию эффективных стиральных порошков, чистящих средств, лекарств и даже ферментов, которые широко использовались в криминалистике для анализа ДНК.

Но какое отношение имело все это к «болотным мумиям», обнаруженным в Англии?

Бойл постарался объяснить:

— Все основано на моей первоначальной гипотезе, которую я предложил потенциальным спонсорам. Гипотезе, связанной с «Книгой Судного дня».

Грей обратил внимание, что на этот раз профессор произнес вместо слова «domesday», более правильного с исторической точки зрения, «doomsday», и понял, что Бойл, склонный к театральным эффектам, во время поисков источников финансирования также использовал именно это, более красочное название книги.

— Как я уже упоминал, те немногие места в книге, обозначенные по-латыни как «опустошенные», были стерты с карт — как образно, так и в буквальном смысле. Что могло толкнуть на такое древних переписчиков, если только все эти населенные пункты не были поражены чем-то опасным?

— Например, болезнью или эпидемией, — подсказал Грей.

Профессор кивнул.

— И с большой вероятностью это было нечто такое, с чем еще никто не сталкивался. Речь идет об уединенных, изолированных местах. Как знать, что могло подняться из болот? Торфяники кишат самыми разнообразными живыми организмами. Бактериями, грибками, различными видами плесени.

— Значит, вас пригласили как археолога и как биоразработчика.

Бойл пожал плечами:

— Тут я не одинок. Многие крупные компании обращаются к археологам-практикам. Мы раскапываем древние памятники, давным-давно забытые. Не далее как в прошлом году одна ведущая американская химическая компания обнаружила новый вид экстремофилов в только что раскопанной египетской гробнице. Видите, это стало повальным увлечением.

— А эти раскопки финансировал Университет Осло.

— Ну что вы! Университет Осло нищ, как и подобает настоящему университету. В наши дни большинство грантов выдается корпоративными спонсорами.

— И какая же корпорация наняла вас?

— Одна биотехническая компания, занимается созданием генетически модифицированных сортов. Зерновые и все такое.

Грей стиснул край стола. Ну конечно же! Биотехнологические компании являются крупнейшими игроками в охоте за экстремофилами. И биоразработки необходимы им, как животворящая кровь. Они распускают щупальца во все стороны, во все области исследований. В том числе, как видно, и в археологию.

У Грея не было сомнений, *кто именно* спонсировал работы Бойла.

Он произнес название вслух:

— «Виатус».

Профессор широко раскрыл глаза от удивления.

— Откуда вы знаете?

23 часа 44 минуты

Сейхан стояла перед палаткой. В руке у нее была сигарета, незажженная и забытая. Звезды на прозрачном ночном небе казались осколками хрусталя. Между деревьями ползли щупальца ледяного тумана. Сейхан сделала глубокий вдох, втягивая в легкие аромат горящего торфа, как от печки, так и от тлеющих пожаров под землей.

Стоящие кольцом камни, тронутые коркой льда, сверкали серебряными глыбами.

Сейхан представила себе два тела, погребенные посредине. Почему-то ей вспомнился хранитель, которого она безжалостно убила в Венеции, точнее, не он сам, а его жена и ребенок. В мыслях она увидела в могиле именно их тела. Понимая, что все это порождено чувством вины, Сейхан тряхнула головой, прогоняя глупую сентиментальность. Ей нужно довести до конца порученное задание.

Однако сейчас чувство вины обострилось до невыносимого.

Сейхан перевела взгляд на свою вторую руку. В ней был стальной термос, благодаря которому чай оставался горячим. Но тепло также способствовало инкубации биотоксинов. После того как доктор Бойл признался, кто именно финансировал его работы, они с Греем еще долго обсуждали проблемы, связанные с экстремофилами. Токсин, которым был отравлен чай в термосе, вырабатывался бактериями, обнаруженными в кратере одного вулкана в Чили. Чувствительных к холоду, их нужно было содержать в тепле.

Никто не обратил внимания на то, что чай пила одна только Рейчел.

Сейхан лишь делала вид, что прихлебывает горячий напиток.

Убрав сигарету в пачку, Сейхан подошла к наметенному сугробу и принялась пригоршнями насыпать снег в термос. Холод стерилизует колбу, убьет бактерии, которые могут там оставаться. Как только термос был полностью забит снегом, Сейхан завернула крышку. У нее дрожали руки. Ей хотелось списать это на мороз. Она не попала в резьбу, и крышку заклинило. Какое-то время Сейхан тщетно сражалась с ней, чувствуя, как по всему телу разливается обжигающая злость. Отчаявшись, она отвела руку назад и забросила термос далеко в лес.

С полминуты Сейхан тяжело дышала, выпуская в воздух облачка пара.

Она не плакала — и это помогло ей сосредоточиться.

Зашуршал полог на входе в соседнюю палатку, в которой устроились мужчины. Сейхан шагнула на открытое место, проверяя, кто еще не спит.

Широченные плечи и тяжелая поступь безошибочно выдали Ковальски. Заметив Сейхан, великан ткнул пальцем в сторону загона.

— Схожу проведаю лошадей, — сообщил он, скрываясь за углом.

Сейхан не сразу сообразила, что Ковальски и не думает идти к загону, — настолько она была погружена в свои мысли. Но через минуту услышала, как верзила, насвистывая, справляет малую нужду.

Сейхан взглянула на часы. До полуночи оставалось несколько минут. Отсчет времени пошел. Обратной дороги нет. Времени, чтобы осмотреть хендж, было достаточно. «Гильдия» согласилась предоставить Грею некоторую свободу действий, только чтобы он проследил путь отца Джованни и нашел «Ключ Судного дня» раньше остальных. Сейхан пыталась выпросить больше времени, но ее грубо поставили на место. Что ж, пусть будет так. Придется без промедления снова тронуться в путь.

Сейхан бросила взгляд на вторую палатку. Ковальски лучше поторопиться. Но великан и не собирался задерживаться. Вскоре он появился из-за угла, продолжая тихо насвистывать.

— Не спится? — спросил он, останавливаясь рядом.

Сейхан молча показала ему сигарету, словно это было достаточным объяснением.

— Эта дрянь тебя убьет. — Достав из кармана окурок сигары, Ковальски повторил жест Сейхан. — Так что уж лучше покончить с этим быстрее.

Зажав кончик сигары в углу рта, он достал старомодный коробок и ловко чиркнул двумя деревянными спичками по ткани палатки. Вспыхнул двойной огонек. Одну спичку Ковальски протянул Сейхан. Очевидно, ему уже приходилось проделывать подобное.

Он заговорил, держа сигару в зубах:

— Грей только что отправился на боковую. Целых два часа он пытался что-нибудь вытащить из старика профессора. Мне пришлось уйти из палатки ко всем чертям, подышать свежим воздухом. Как же воняет от этой собаки! И неудивительно. Ты видела, чем профессор кормит свою проклятую шавку? Сосисками с луком. Какая собака согласится жрать такую гадость?

Сейхан зажгла сигарету. Она не мешала великану распространяться, благодарная ему за эту пустую болтовню. К несчастью, Ковальски говорил не просто так — он к чему-то клонил, причем не слишком деликатно.

— Ну, — продолжил Ковальски, — что там у вас с Греем?

Сейхан, сделав затяжку, поперхнулась.

— Я хочу сказать, он постоянно таращится на тебя. А ты просто смотришь сквозь него, как будто перед тобой привидение. Вы прямо как школьники, втюрившиеся друг в друга.

Сейхан вскинулась от подобной бесцеремонности, готовая отпираться, смущенная тем, как близок Ковальски к правде. К счастью, она была избавлена от необходимости отвечать.

Ровно в полночь долина взорвалась.

По всему лесу в небо взметнулись огненные гейзеры, один за другим. Их сопровождали слабые содрогания почвы, которые можно было бы пропустить, если не прислушиваться внимательно. Зажигательные заряды в паре с термическими катализаторами из рубидия, превратившими воду в ускоритель реакции, были зарыты глубоко в сырой торф, взрыватели с часовым механизмом установлены на полночь. Всей долине предстояло сгореть дотла.

Совсем рядом посреди каменного кольца глухо прогремели еще три взрыва. Высоко в воздух поднялись языки огня.

Даже на таком расстоянии Сейхан ощутила пахнувший в лицо жар.

Из палаток выскочили люди. Стоявший рядом Ковальски громко ругался.

Сейхан не обернулась, завороженная пламенем. У нее гулко колотилось сердце. Область возгорания начала расползаться и в сторону леса, и сюда, к палаткам, — быстро, слишком быстро. Зажигательные заряды должны были только прогнать отсюда отряд Грея — в буквальном и переносном смысле поджечь у него землю под ногами, уничтожая за собой все улики.

Сейхан смотрела, как пожар разгорается.

Кто-то допустил просчет, недооценил горючие свойства торфа. На мгновение мелькнула нехорошая искорка подозрения. Неужели ее предали? И всем им предстоит здесь погибнуть?

Вернувшись к холодной логике, Сейхан прогнала прочь сомнения. Их смерть ничего не даст. По крайней мере сейчас. Несомненно, исполнитель совершил ошибку. Старые пожары, тлевшие годами, ослабили стабильность торфяных пластов, превратив всю долину в фитиль, только и ждавший зажженной спички.

Однако конечный результат будет тем же самым.

На глазах у Сейхан огненное кольцо вокруг сомкнулось.

Им ни за что не выбраться отсюда живыми.

15

12 октября.
23 часа 35 минут.
Осло, Норвегия

Монк решительным шагом шел по территории исследовательского центра. Под теплой курткой на нем была форма сотрудника службы безопасности «Виатуса». Идущий рядом Джон Крид также был надежно защищен от холода, однако свой лабораторный халат он нес перекинутым через руку.

Монк и Крид без труда въехали через главные ворота, предъявив фальшивые удостоверения. Машину свою они оставили на служебной стоянке, а дальше пошли пешком. «Виатус» имел много подразделений, разбросанных по всему миру, но штаб-квартира компании находилась в Осло. Комплекс простирался на добрую сотню акров — промышленные и административные здания среди парка. Все строения, изящные и современные, были выполнены в духе скандинавского минимализма.

В центральной части комплекса возвышался конференц-зал. Построенный из одного стекла, он сверкал словно брил-

лиант. Сквозь стены был виден продолговатый корпус корабля викингов — не модель, а настоящая историческая реликвия. Корабль был обнаружен вмерзшим в лед в заполярной части Норвегии. Потребовались миллионы, чтобы его извлечь и восстановить, и все эти работы профинансировал Ивар Карлсен.

Наверное, хорошо быть богатым.

Монк и Крид шли вперед. Лаборатория отделения биогенетических исследований зерновых находилась в дальнем углу комплекса.

Монк плотнее надвинул на голову капюшон.

— Итак, Дуги, — сказал он, стараясь отвлечься от мыслей о холоде, — что такого ты сделал, что тебя выставили из морской пехоты и в конечном счете взяли в «Сигму»?

Неопределенно махнув рукой, Крид пробормотал:

— Лучше не спрашивайте.

Определенно он не хотел об этом говорить. И он был очень вспыльчив.

К тому же, наверное, обижался на то, что его называли Дуги.

Крид не отличался разговорчивостью, но Монк вынужден был признать, что парень знает свое дело. Крид уже успел выучить несколько фраз по-норвежски и даже работал над правильным произношением. До сих пор Монк встречал только одного такого же способного человека. Монк мысленно представил ее улыбку, изгиб ягодиц, едва различимую округлость увеличивающегося живота. Воспоминания о Кэт помогли ему не замерзнуть по пути к месту назначения.

Лаборатория отдела биогенетических исследований зерновых снаружи напоминала серебристое яйцо, поставленное на кончик. Стены из зеркального стекла отражали окружающую местность, придавая зданию сюрреалистический вид, словно оно находилось в процессе искривления в другое измерение.

Здание лаборатории было построено относительно недавно; работы завершились всего пять лет назад. Оснащенное

самой современной системой безопасности, оно требовало лишь минимальной охраны в ночное время.

Никаких преград для тех, у кого имелись новейшие «игрушки» УППОНИР.

У Монка через плечо был перекинут рюкзачок, в другой руке он держал шоковый пистолет «тазер». Оружие стреляло маленькой стрелой, способной выдать мощный электрический разряд, который выводил цель из строя минимум на пять минут. Это была дополнительная мера предосторожности, но Монк и Крид надеялись, что им не придется к ней прибегать.

Крид приблизился к главному входу.

Монк прикоснулся к шее. Микрофон был приклеен к гортани, наушник торчал в ухе.

— Сэр, мы готовы проникнуть в здание.

В наушнике тотчас же послышался ответ Пейнтера:

— Проблемы были?

— Пока что никаких.

— Хорошо. Держите меня в курсе.

— Да, сэр.

Крид подошел к устройству считывания электронных ключей и вставил в щель карточку. Тоненький проводок отходил от карточки к аппарату, закрепленному у него на запястье. Это была электронная отмычка, которая посредством квантового алгоритма вскрывала любой замок, — по сути своей, своеобразный мастер-ключ. Замок открылся, и Крид потянул дверь на себя.

Они вошли внутрь.

Вестибюль был тускло освещен, за столиком секретарши в приемной никого не было. Монк знал, что охранник находится в дежурном центре на втором этаже. Если не сработает сигнал тревоги, они с Кридом без труда доберутся до компьютерных серверов, расположенных в подвале. Их задача заключалась в том, чтобы открыть «потайную дверцу», позволяющую проникнуть в главный компьютер центра. При

удачном стечении обстоятельств через десять минут они уже выйдут отсюда.

Проходя по коридору, Монк старательно следил за тем, чтобы не поворачиваться лицом к видеокамерам наблюдения. Крид занимался тем же самым. Расположение видеокамер им было известно по плану, предоставленному Кэт.

Они направились к лифтам. Крид заметно торопился. Монк тронул его за руку, призывая замедлить шаг, чтобы со стороны не казалось, будто он паникует.

Монк и Крид дошли до лифтов, в ответ на нажатие кнопки двери открылись. Они вошли в кабину. Там их встретил красным огоньком еще один электронный замок. Если не ввести нужный код, кабина лифта не тронется с этажа.

Монк поднес палец к кнопке «-2» — второй подземный этаж, где размещались серверы. Крид приготовился воспользоваться электронной отмычкой. Но Монк колебался, не нажимая кнопку.

— В чем дело? — губами беззвучно произнес Крид, опасаясь говорить по-английски, так как лифты могли прослушиваться.

Монк указал на ряд кнопок. Под кнопкой «-2» были еще три, до «-5». Однако, согласно плану подземных этажей, насчитывалось всего два.

Так что же находится на этих уровнях?

Монк понимал, что им с Кридом поставлено четкое задание, однако у сегодняшней операции был скрытый подтекст: выяснить, что же происходит на самом деле в «Виатусе». Не было никакой уверенности в том, что на серверах корпорации хранится какая-либо компрометирующая информация. Скорее всего, настоящая грязь была спрятана гораздо глубже.

Например, под землей.

Скользнув пальцем вниз, Монк нажал на кнопку «-5». Крид недоуменно посмотрел на него, молчаливо спрашивая, что он делает.

— Небольшая импровизация, — беззвучно ответил Монк.

От сотрудников «Сигмы» требовалось, чтобы они не слепо выполняли приказание, а постоянно думали. И Криду предстояло этому учиться.

Указав на электронный замок, Монк подал Криду знак вставить карточку. Дополнительный крюк отнимет не больше минуты. Надо будет просто взглянуть одним глазом, что находится внизу. Если это лишь технологический уровень или бассейн для персонала, можно будет сразу же возвращаться на второй подземный этаж, подключаться к серверам и уносить отсюда ноги.

Шумно вздохнув, Крид вставил карточку в щель. Через полсекунды зажегся зеленый огонек.

Кабина начала опускаться вниз.

Никаких сигналов тревоги не было.

Указатель этажей вел обратный отсчет, и наконец кабина остановилась. Выход из маленького коридора был перегорожен глухой дверью. Монк заколебался, внезапно охваченный сомнениями.

«Как бы на моем месте поступил Грей?»

Монк мысленно покачал головой. С чего он взял, что ему во всем следует брать пример с Грея? У этого человека прямо-таки дар нарываться на неприятности.

Двери лифта начали закрываться, и тут Монк схватил Крида за локоть и выскочил в коридор.

— Вы что, спятили? — прошептал Крид, освобождаясь от крепких стальных пальцев.

«Возможно».

Подойдя ближе, Монк осмотрел дверь. На ней считывателя карточек не было. Лишь тускло светящаяся панель, несомненно предназначенная для того, чтобы к ней прикасались ладонью.

— И что дальше? — шепотом спросил Крид.

Монк бесстрашно положил протез на панель. Чувствительное к давлению, устройство засветилось ярче. Луч света быстро скользнул вверх и вниз, сканируя папиллярный

узор. Монк затаил дыхание — и тотчас же послышался щелчок отпирающегося запора.

Над считывателем загорелось имя.

«Ивар Карлсен».

Прочитав это имя, Крид нахмурился, затем сверкнул глазами на Монка, недовольный тем, что его не поставили в известность относительно этой дополнительной меры предосторожности.

Эта идея пришла в голову Кэт. Она получила полное досье на главу «Виатуса», в том числе отпечаток его ладони. Потребовались считаные минуты, чтобы оцифровать изображение, а затем ввести его в устройство, эквивалентное лазерному принтеру. Это устройство выжгло нужный рисунок на искусственной ладони Монка, и на синтетической коже, бывшей до того гладкой, появился необходимый папиллярный узор.

Если кто-то и обладает полным доступом к этому уровню, то, несомненно, глава корпорации.

Монк шагнул к отпертой двери.

«Так, посмотрим, что прячет здесь Карлсен».

23 часа 46 минут

Пейнтер следил за «Гранд-отелем» Осло с противоположной стороны улицы. Он сидел на скамейке, откуда был виден вход в гостиницу. Неудивительно, что сенатор Гормен решил остановиться именно здесь. Построенное в экстравагантном стиле Людовика XVI, восьмиэтажное здание занимало целый квартал. Посредине над главным входом возвышалась башенка с часами. Гостиница была удобно расположена прямо напротив комплекса зданий норвежского парламента.

Идеальный выбор для американского сенатора.

Самое неподходящее место для того, чтобы устроить засаду.

И все же Пейнтер не желал ничего упускать из виду. Он торчал здесь уже целый час, предусмотрительно надев теплую

куртку и меховую шапку и замотав шею шарфом. Двигался он немного согнувшись, что лишь отчасти было игрой. Действие обезболивающих заканчивалось, и ножевая рана ныла все сильнее. В течение последнего часа Пейнтер обошел все общественные заведения гостиницы, в том числе центральный бар, где Гормену предстояло встретиться с загадочным осведомителем. В качестве дополнительной меры предосторожности Пейнтер захватил с собой трофейный нож «Уосп», спрятанный на спине за поясом, и маленькую девятимиллиметровую «беретту» в кобуре под мышкой.

Однако пока что все казалось спокойным.

Пейнтер поднял взгляд на башню с часами. До полуночи оставалось всего несколько минут. «Что ж, шпиону пора перейти с холодной улицы в тепло».

Встав, Пейнтер неторопливо направился через улицу, по-прежнему настороженный.

Монк уже доложил о том, что у них с Кридом все в порядке, а перед этим у Пейнтера состоялся краткий, но очень содержательный разговор с Греем по спутниковому телефону. Грей успел выяснить, что именно «Виатус» финансировал раскопки в Англии. Корпорация занималась поисками новых живых организмов, которые можно было бы использовать при проведении генетических исследований. Неужели ей удалось что-то обнаружить? Грей описал жуткую находку в каменном кольце эпохи неолита — тела женщины и ребенка, погребенные в торфянике и сохранившиеся в нем на протяжении столетий. Рассказал и о том, что органы их были поражены какими-то грибами.

Какое это может иметь значение?

Пейнтер вспомнил об убитом генетике Принстонского университета. Тот считал, что новые гены, внедренные в хромосомы выведенных «Виатусом» сортов кукурузы, имеют не бактериальное, а какое-то иное происхождение. А что, если эти гены получены из тех самых грибов? И если так, зачем столько таинственности и кровопролития, чтобы это скрыть?

Пейнтер отложил эти вопросы на потом. Сейчас нужно было сосредоточиться на насущной задаче. Войдя в холл гостиницы, он исподтишка осмотрелся вокруг. Сравнив лица сотрудников гостиницы с теми, которые видел во время предыдущего осмотра, Пейнтер убедился в том, что посторонних здесь не было.

Удовлетворившись, он направился в центральный бар. Богато отделанный зал с обтянутыми красной кожей диванами и креслами был тускло освещен настенными светильниками. В воздухе чувствовался слабый аромат сигар.

В этот час народу в заведении оставалось совсем мало. Пейнтер без труда отыскал взглядом сенатора Гормена, сидевшего у стойки. Особенно если учесть, что рядом с ним сидел здоровенный верзила в костюме, слишком тесном для его внушительной туши. С таким же успехом верзила мог бы прилепить себе на лоб табличку с надписью «телохранитель». Он сидел спиной к стойке и не стесняясь рассматривал присутствующих, выискивая потенциальную угрозу.

Пейнтер наблюдал за ними краем глаза. Пройдя мимо кресел, он устроился в кабинке рядом с входом. Подошедшая официантка приняла у него заказ.

Теперь оставалось только узнать, кто явится на встречу — если вообще кто-нибудь явится.

Ждать пришлось недолго.

В бар вошел мужчина в длинном пальто чуть ли не до самых щиколоток. Он обвел взглядом зал и остановился на сенаторе. Пейнтер с удивлением поймал себя на том, что уже видел этого человека после окончания торжественного ужина. Это он жаловался сопрезиденту Римского клуба.

Пейнтер постарался вспомнить его имя.

«Что-то вроде Энтони».

Он мысленно прокрутил в памяти подслушанный разговор.

«Нет... Антонио».

Когда вошедший увидел сенатора, у него на лице мелькнула удовлетворенная улыбка. Несомненно, это был именно тот, кого ждал Пейнтер. Судя по подслушанному разговору,

этот Антонио явно не испытывал особой любви к Карлсену. Но как только Антонио заметил рядом с Горменом телохранителя, его улыбка тотчас же погасла. В инструкции ясно говорилось, что сенатор должен был прийти один. Антонио в нерешительности остановился в дверях.

Пора действовать.

Плавным движением поднявшись с места, Пейнтер подошел к Антонио. Взяв его одной рукой за локоть, другой он уткнул ему в ребра дуло «беретты».

— Нам нужно поговорить, — притворно улыбаясь, сказал Пейнтер, выводя мужчину из бара.

Он собирался побеседовать с этим человеком с глазу на глаз. Чем меньше здесь будет замешан сенатор Гормен, тем лучше.

Почувствовав дуло пистолета, Антонио безропотно подчинился. У него на лице застыла маска ужаса.

— Я работаю на правительство Соединенных Штатов, — раздельно произнес Пейнтер. — Перед тем как вы встретитесь с сенатором, мы с вами немного побеседуем.

Ужас в глазах Антонио потускнел, но не погас окончательно. Пейнтер повел своего растерянного спутника к дивану в дальнем углу фойе. Это было уединенное место, частично загороженное невысокой стенкой и раскидистой пальмой в горшке.

Но они туда не дошли.

Внезапно Антонио споткнулся и упал на колено. У него из горла вырвался булькающий кашель. Руки метнулись к шее, откуда торчало острое жало арбалетной стрелы. Антонио повалился на четвереньки, и на мраморный пол брызнула кровь.

Пейнтер заметил маленький мигающий огонек с противоположной стороны шеи раненого, спрятанный в пластмассовом оперении стрелы. Его тело отреагировало до того, как в голове успела сформироваться осознанная мысль.

«Бомба».

Пейнтер прыгнул вперед, ныряя за низкую перегородку. Он приземлился в тот самый момент, когда заряд взорвался. В замкнутом пространстве взрыв был оглушительным, словно раскат грома в пещере. Боль стиснула Пейнтеру голову. Он на мгновение оглох — затем звуки вернулись.

Пронзительные крики, вопли.

Но все это доносилось словно откуда-то издалека.

Пейнтер откатился в сторону, укрываясь за стенкой. Холл наполнился удушливым дымом, озаренным лужицами огня. Взрыв оставил на полу большое обугленное пятно. Тело Антонио разлетелось на отдельные куски, объятые пламенем. Перегретый воздух обжигал легкие едким запахом химической гари.

Термит и белый фосфор.

Пытаясь откашляться, Пейнтер осмотрел холл. Судя по положению тела Антонио, стрела прилетела из глубины гостиницы, откуда-то слева. И вот сейчас с той стороны из облака дыма, затянувшего лестницу, выскочили две фигуры в масках. Еще одна ворвалась с улицы через главный вход.

Все трое устремились к центральному бару.

Им нужен был сенатор Гормен.

0 часов 04 минуты

Монк остановился у открытой двери. За порогом начинался длинный коридор. Одна за другой вспыхнули лампы, освещая дорогу вперед.

— Мы быстро взглянем, что к чему, — прошептал Монк, — после чего сразу уносим отсюда ноги.

Крид дождался, когда Монк двинется вперед первым, и только тогда последовал за ним. Парень, казалось, сдерживал дыхание и определенно совсем не моргал.

В центральной части коридора справа и слева виднелись двустворчатые двери. Монк направился к ним. В воздухе стоял сильный запах дезинфицирующих средств, напоми-

нающий больницу. Гладкий линолеум на полу и безликие стены усугубляли ощущение стерильной чистоты.

Монк также отметил, что видеокамер наблюдения в коридоре не было. Судя по всему, «Виатус» полагался исключительно на внешний контур безопасности, основанный на электронном замке.

Монк подошел к дверям. Как и наружная, они открывались прикосновением ладони. Монк приложил к панели протез. Несомненно, для Ивара Карлсена здесь закрытых мест быть не должно.

Он был прав.

Замок щелкнул, отпираясь.

Пройдя дальше, Монк и Крид оказались в закрытом коридоре, откуда вела еще одна дверь. Стены коридора были стеклянными, за ними открывалось просторное помещение. Под потолком вспыхнули лампы, однако свет их был приглушен до мягкого янтаря.

Монк толкнул следующую дверь. Она оказалась незапертой. Похоже, она предназначалась не столько для того, чтобы не впускать никого внутрь, сколько для того, чтобы не выпускать обитателей помещения.

Войдя в дверь, Монк разинул рот, увидев открывшееся перед ним зрелище. Вдоль всего помещения тянулись огромные окна от пола до потолка. Воздух был наполнен низкочастотным гулом, напоминающим гудение радиоприемника, настроенного на частоту между станциями.

Крид не отставал от Монка ни на шаг.

— Это что, правда?..

Монк кивнул.

— Да, это ульи.

За стеклом в завораживающем ритме бурлила и извивалась сплошная масса пчел. Мелькали крылышки, дергались полосатые тела. До самого потолка поднимались лотки с сотами. Ульи были разделены на отдельные секции, каждая из которых обозначалась непонятным кодом. Изучая эти коды,

Монк обратил внимание, что в каждом из них цифрам предшествовал один и тот же префикс из трех букв: «ИМД».

Он не знал, что это означает, но не вызывало сомнений, что пчелы используются для каких-то исследований.

Впрочем, возможно, у Карлсена просто страсть полакомиться свежим медком.

Вместе с Кридом они подошли к ближайшей секции. Жужжание стало громче, возбуждение усилилось. По-видимому, на пчел действовал свет, хотя и неяркий.

— По-моему, это африканские пчелы, — заметил Крид. — Вы только посмотрите, какие они агрессивные.

— Мне наплевать, откуда они родом. Зачем они «Виатусу»? И к чему такие меры безопасности?

Подойдя к улью, Крид протянул руку к маленькому выдвижному лотку.

— Осторожнее! — предупредил Монк.

Сдвинув брови, Крид выдвинул лоток.

— Не беспокойтесь. Я уже имел дело с пчелами. На нашей семейной ферме в Огайо есть пасека.

В лотке оказалась закрытая коробка, одна стенка которой была затянута сеткой. Внутри находилась одна большая пчела.

— Матка, — объяснил Крид.

Пчелы в стеклянном улье возбудились еще больше.

Монк обратил внимание, что коробка отмечена тем же самым непонятным кодом, что и весь улей. Пока Крид вставлял лоток на место, Монк достал маленькую видеокамеру-ручку. Нажав кнопку, он заснял секции ульев и кодовые номера.

Может быть, это окажется очень важным.

Но пока что им с Кридом оставалось только по возможности все задокументировать и поскорее убраться отсюда. Закончив съемку, Монк сверился с часами. Он по-прежнему хотел заглянуть в помещение напротив, перед тем как подняться к серверам и выполнить основную задачу.

— Пошли, — сказал Монк, увлекая напарника обратно в коридор.

Там он приложил синтетическую ладонь к считывающему устройству на другой двери. Замок открылся, и они оба прошли внутрь. За дверью находилась небольшая прихожая, похожая на ту, что вела к пчелам. Однако здесь на вешалке на стене висели противогазы. Впереди, как обычно, зажегся свет. Помещение было таких же размеров, как и предыдущее.

Но пчел здесь не было.

Вдоль всей комнаты проходили четыре длинные грядки, поднятые на ножки. Даже на расстоянии Монк сразу же узнал мясистые зонтики, буйным изобилием поднимающиеся над грядками.

— Грибы, — пробормотал Крид.

Монк толкнул дверь. Она открылась с легким хлопком герметического запора. В помещении поддерживалось пониженное давление, чтобы воздух не выходил наружу. И Монк тотчас же понял, зачем это делалось.

Крид зажал рот и нос.

Зловонный смрад пощечиной ударил в лицо. В сыром, жарком воздухе стоял запах рассола, дохлой рыбы и тухлого мяса. Монку захотелось развернуться и бежать прочь, но он вспомнил, как Пейнтер пересказал ему свой разговор с Греем.

О грибах.

Это не могло быть случайным совпадением.

Монк достал видеокамеру, готовый снимать. Крид присоединился к нему, протягивая захваченный в прихожей противогаз. Монк с признательностью надел его.

«Хорошо хоть кто-то об этом подумал...»

Фильтр противогаза принял большую часть вони на себя. Получив возможность дышать, Монк шагнул к ближайшей грядке. Грибы росли из черной маслянистой жижи.

Натянув на руки латексные перчатки, Крид присоединился к нему. Он встряхнул еще одну перчатку, раскрывая ее.

— Нам нужно взять образец этих грибов.

Кивнув, Монк включил видеокамеру.

Нагнувшись к грибу, Крид осторожно взял его за ножку и потянул вверх. Гриб поддался — но вместе с ним поднял-

ся какой-то мясистый кусок, на котором он вырос. Вздрогнув от отвращения, Крид выронил гриб. Тот плюхнулся в вязкую желеобразную жижу.

Только теперь Монк сообразил, что служило питательной средой.

Свернувшаяся кровь.

— Вы видели?.. — запинаясь, пробормотал Крид. — Это действительно?..

Монк успел разглядеть, к чему прирос гриб, который пытался вытащить его напарник. Это была почка. И, судя по размерам, скорее всего, человеческая.

Монк махнул рукой, призывая Крида продолжить это жуткое занятие.

— Бери образец.

Включив видеокамеру на запись, Монк двинулся вдоль длинной грядки грибов. У двери росли самые маленькие, белые словно кость. Но дальше грибы становились крупнее и приобретали сочную алую окраску.

Монк обратил внимание на коричневые стебли, торчащие из крови. Он опустил камеру, снимая их крупным планом, и только тогда разглядел, что это были не стебли. Монка прошибла холодная дрожь. Он понял, что это человеческие пальцы.

Протянув руку, Монк схватил один из пальцев протезом. Потянув за него, он вытащил из жижи кисть, а подняв ее выше, увидел, что это целая рука. Грибы росли на человеческой плоти.

Стиснув зубы, он медленно опустил конечность в бак. Увиденного было достаточно. В крови лежали целые тела, служившие удобрениями для грибов.

Монк также обратил внимание на темно-коричневую кожу руки, что было большой редкостью для белых снегов Норвегии. Ему вспомнилась испытательная ферма в Африке, уничтоженная в ночи крови и огня.

А что, если там выращивалось кое-что помимо кукурузы?

Монк поймал себя на том, что дышит с трудом. Он быстро дошел до конца грядки. Здесь грибы уже дозрели; толстые ножки, увенчанные ребристыми стручками, выглядели мясистыми и волокнистыми.

Протезом Монк ткнул один стручок. От прикосновения тот лопнул. Вверх взметнулся густой порошкообразный дымок, быстро рассеявшийся в воздухе.

Грибные споры.

Монк отпрянул назад, радуясь тому, что он в противогазе. Ему совсем не хотелось вдохнуть эти споры.

Словно по команде первого гриба, один за другим начали лопаться другие мешочки. Монк попятился назад, отступая перед бурлящими облачками спор.

— Нужно уходить отсюда! — крикнул он. Его голос сквозь маску противогаза прозвучал глухо и невнятно.

Крид как раз закончил собирать образцы грибов и завязал их в пустой резиновой перчатке. Он недоуменно обернулся к Монку, и тут же у него округлились глаза при виде новых желтовато-бурых облачков, поднимающихся в воздух.

Скорее в коридор!

Внезапно в потолке открылись отверстия, вероятно подчиняясь сигналу биологического датчика. Из них вниз хлынула обильным потоком белая пена, быстро покрывшая толстым слоем весь пол. Монк в этот момент как раз пробегал под одним из отверстий, и сильная струя едва не сбила его с ног. Он поскользнулся и с трудом удержал равновесие.

Когда Монк добежал до Крида, пена уже поднялась до пояса.

— Бежим! — заорал Монк, указывая на дверь.

Вдвоем они проскочили в первую дверь и оказались в прихожей. Здесь также было полно пены, поднимающейся чуть ли не до самого потолка. Им пришлось пробираться сквозь нее на ощупь.

Монк первым добрался до двери в коридор.

Нажав на ручку, он навалился на дверь плечом. Дверь даже не шелохнулась. Монк толкал ее снова и снова, но уже понял, что все это бесполезно.

Они оказались взаперти.

0 часов 08 минут

Когда удушливым дымом затянуло весь коридор, Пейнтер перемахнул через низкую перегородку. На полу тут и там догорали огоньки. Мрамор стал скользким от крови. Выхватив пистолет, Пейнтер налетел прямо на боевика в маске, ворвавшегося во входную дверь. Все внимание противника было приковано к бару, и он не успел вовремя увидеть Пейнтера. Тот выстрелил ему в упор в грудь.

От удара пули боевик отлетел назад, обливаясь кровью.

Один готов.

Люди с криками выбегали на улицу или прятались за мебелью. Холл мигом опустел. Пейнтер бросился вперед.

У входа в бар появился телохранитель сенатора. Присев в стойку, он выставил руки вперед, сжимая табельное оружие. Верзила попытался укрыться за пальмой в горшке, однако эта защита была ненадежной. Двое других боевиков уже держали вход под прицелом.

Автоматные очереди разорвали в клочья листья пальмы. Телохранитель упал навзничь. Пейнтер не снижал темпа. Запрыгнув на кресло перед входом, он нырнул головой вперед на кожаный диван, перекатился через плечо на пол и вскочил на ноги.

У него в распоряжении были считаные секунды.

Разразился ураганный огонь. Пули вышибали крошки из стены за стойкой, разбивали вдребезги бутылки и зеркала.

Пейнтер быстро обвел взглядом зал.

Сенатора нигде не было видно.

Телохранитель ни за что не оставил бы его на открытом месте. Из зала вела только одна дверь — в противоположном конце, к туалетам. Подбежав, Пейнтер толкнул ее пле-

чом. Ухо ему чуть не обожгла пуля. Но этот выстрел был сделан из туалетов.

Сенатор Гормен стоял спиной к ряду умывальников, держа в руке пистолет, направленный на Пейнтера.

Тот поднял руки.

— Сенатор Гормен! — решительно произнес он. — Я человек генерала Меткалфа!

— Следователь из Министерства обороны? — Гормен опустил пистолет, и у него на лице разлилось облегчение.

Пейнтер бросился к нему.

— Нам нужно уходить отсюда.

— А как же Самюэльс? — Сенатор оглянулся на дверь.

Пейнтер догадался, что он имел в виду телохранителя.

— Он убит, сэр.

Директор «Сигмы» указал на окно с матовым стеклом в дальнем конце туалетной комнаты.

— Оно зарешечено. Я уже проверял, — удрученно сообщил Гормен.

Но Пейнтер отодвинул шпингалет и распахнул окно. Отверстие действительно было закрыто ажурной железной решеткой. Пейнтер надавил на нее руками, и решетка повернулась на петлях. Во время предыдущего осмотра гостиницы он вывинтил крепежные болты.

Никогда не помешает позаботиться о запасном выходе.

— Лезьте! — приказал Пейнтер, подставляя колено, чтобы помочь сенатору подняться вверх.

Тот не заставил просить себя дважды и, воспользовавшись помощью, подтянулся к окну.

Подтолкнув сенатора, Пейнтер услышал за спиной глухой стук. Обернувшись, он увидел черное острие стрелы арбалета, торчащее из тонкой деревянной двери.

Проклятье!..

Выпихнув Гормена в окно, Пейнтер последовал за ним по пятам. В буквальном смысле — он получил удар каблуком итальянского ботинка в левый глаз. Но это были пустяки по сравнению с взрывом, прогремевшим позади.

В распахнутое окно вырвались пламя и дым.

Беглецов обдало горячим воздухом.

Пейнтер выбрался из-под сенатора. Когда отголоски взрыва затихли, он метнулся к окну, закрыл створку и установил железную решетку на место.

Пусть нападавшие гадают, как можно было выбраться из запертого помещения.

Если повезет, это замешательство позволит выиграть несколько лишних минут, пока преследователи будут обыскивать гостиницу.

Пейнтер вернулся к Гормену.

— У меня в двух кварталах отсюда машина.

Они поспешили прочь от гостиницы.

Гормен пыхтел, стараясь поспеть за Пейнтером, то и дело хватаясь за ушибленное плечо. Через квартал он остановил своего спасителя и, глядя ему в глаза, задал извечный вопрос:

— Черт побери, кто вы такой?

— Обыкновенный сотрудник государственного ведомства, — пробормотал Пейнтер, поглощенный новой задачей. Закрепив микрофон на шее, он включил передатчик. — Монк, как у вас там дела?

Монк услышал в ухе несколько неразборчивых слов, но, когда он снял противогаз, ему в рот набилась пена. Он снова навалился на дверь, надеясь, что она каким-то чудом откроется. Должно быть, замок сработал, как только полилась пена.

Может быть, отсюда есть другой выход.

Но прежде чем Монк успел двинуться с места, сверху хлынула горячая вода. Пена тотчас же начала стремительно таять. Меньше чем за тридцать секунд от толстого слоя, покрывавшего пол, не осталось и следа.

Монк оглянулся на Крида. Тот был похож на тощего мокрого щенка, собирающегося встряхнуться. Его глаза лихорадочно блестели от пережитого потрясения.

— Биологически активная пена, — объяснил Монк. — Она использовалась в качестве обеззараживающего вещества для уничтожения патогенов в воздухе. Нам она не опасна.

В доказательство его слов щелкнул замок. Должно быть, он был оснащен таймером, запрограммированным на время проведения стерилизации. Повернув ручку, Монк вышел в коридор.

И в это время в дальнем конце послышались возбужденные голоса. Монку была хорошо видна площадка перед лифтами. Дверь туда была приоткрыта. На площадке кто-то спорил по-норвежски. Монк узнал форму охранников.

Автоматическое включение системы очищения от патогенных веществ не осталось незамеченным.

Монк застыл на месте. Возвращаться в лабораторию с грибами было нельзя. Несомненно, это место проверят в первую очередь. Оставался единственный выход. Монк быстро пересек коридор и приложил ладонь к считывателю у двери напротив. Он затаил дыхание, дожидаясь, пока сработает сканер, наблюдая за дверью в конце коридора и моля бога о том, чтобы никто из охранников не обернулся.

Наконец замок отперся. Мысленно вздохнув с облегчением, Монк толкнул дверь. Они с Кридом быстро проскочили внутрь.

Монк оставил дверь приоткрытой, чтобы наблюдать в щелочку за коридором.

Отряд охранников из четырех человек возглавлял лаборант в белом халате. У него был такой вид, словно его только что подняли с постели. Судя по всему, для того чтобы попасть сюда, требовалась определенная форма допуска.

Монк осторожно прикрыл дверь, но остался стоять пригнувшись, слушая то, что происходило в коридоре. Дверь в другую лабораторию открылась и закрылась. Несколько человек осталось в коридоре. Монку были слышны их приглушенные голоса. Он не знал, сколько их, но в конце концов решил, что не меньше трех.

И что дальше?

— Посторонитесь немного, — послышался позади голос Крида.

Монк обернулся. Его напарник сбросил куртку и надел халат, потом вытер волосы и грубо расчесал их пятерней. Пока Монк наблюдал за дверью, Крид сходил в лабораторию со стеклянными ульями и теперь вернулся в тамбур.

— Что ты задумал? — спросил Монк, оглядывая парня с ног до головы.

Крид отступил в сторону. Внимание Монка привлекло движение за закрытой стеклянной дверью. В лаборатории сгущалась туча кружащих пчел.

— Что ты сделал? — спросил Монк.

Крид поднял руку. В ней была коробочка с сетчатой стенкой.

— Я похитил матку. — Он указал влево. — И открыл улей.

Монк нахмурился. Сквозь отверстие для лотка из стеклянного улья вырывалась густая клубящаяся туча пчел.

— Но зачем? — не понимал Монк.

Пчелы собирались плотной массой у закрытой внутренней двери.

— Определенно, это дикие африканские пчелы, — пробормотал Крид, не отрывая взгляда от похищенной матки. — Очень уж они агрессивные.

— Все это замечательно, но я повторяю — зачем?

— Для того чтобы мы могли выйти отсюда. — Крид указал на внутреннюю дверь, ведущую в лабораторию. — Откроете ее по моей команде. Но сами оставайтесь за ней.

Монк потихоньку начинал понимать. Поменявшись местами с Кридом, он передвинулся к внутренней двери. Крид застыл перед дверью в коридор, наблюдая за разбухающим пчелиным облаком.

Бурлящая оранжево-черная туча облепила стеклянную дверь и стены, привлеченная запахом своей матки. Жужжание стало таким громким, что у Монка по спине поползли мурашки.

Крид ждал. Коробочку с пчелиной маткой он положил на пол. Встревоженное облако стало таким плотным, что сквозь него с трудом пробивался свет.

— Приготовились, — сказал Крид, выпрямляясь.

Монк ухватил ручку двери.

Напоследок еще раз пригладив волосы, Крид повернулся к двери в коридор и рывком распахнул ее. Монк оставался в укрытии, но ему были слышны изумленные возгласы охранников.

Крид что-то недовольно бросил им по-норвежски.

Пока охранники решали, исходит ли от этого нового незнакомого лаборанта угроза, Крид ногой толкнул к ним по полу коробочку с маткой.

— Давай! — крикнул он.

Распахнув дверь настежь, Монк спрятался за ней.

Клубящееся облако тотчас же вырвалось в прихожую гневным кулаком.

Крид отступил назад, полностью распахивая дверь в коридор. Дорога к матке была открыта, и рой густой тучей устремился в коридор. Охваченный паникой, один из охранников выстрелил.

Это была ошибка.

Монк достаточно разбирался в африканских пчелах и знал, что они очень восприимчивы к громким звукам.

Последовали крики, что еще больше усугубило ситуацию.

Протянув руку, Крид схватил Монка за рукав куртки. Пора уходить. Монк выскочил следом за напарником в коридор. Необходимость соблюдать скрытность отпала. Четверо охранников извивались в плотном бурлящем облаке, покрытые сплошным слоем жалящих пчел. Разъяренные насекомые забирались им в рот и нос.

Монк и Крид бегом бросились в конец коридора. Стайка честолюбивых пчел устремилась в погоню за ними. Монка несколько раз ужалили, но рой остался рядом с маткой. На своих длинных ногах Крид добежал до лифтов первым. Выскочив на площадку следом за ним, Монк захлопнул за собой дверь.

Крид нажал кнопку вызова, и двери тотчас же раскрылись. Кабина по-прежнему находилась на нижнем этаже. Монк и Крид заскочили внутрь. Не имея времени добираться до серверов, Монк был вынужден отказаться от основной задачи. Он нажал кнопку первого этажа. Пришло время убираться отсюда. Крид не возражал.

Пока кабина поднималась вверх, Монк пристально оглядел напарника.

— А ты отлично поработал, Дуги.

— Вот как? — кисло нахмурился Крид. — Я по-прежнему Дуги?

Монк молча пожал плечами. Ему не хотелось, чтобы успех вскружил парню голову. Они вышли из лифта и поспешили к выходу. Когда они оказались в холодной ночи, у Монка в ухе послышался настойчивый шепот.

— Монк, как там у вас дела? — Это был Пейнтер.

Монк большим пальцем прижал микрофон к шее.

— Сэр, мы уже уходим.

Последовал шумный вздох облегчения.

— А как операция?

— У нас возникли кое-какие неприятности с пчелами.

— С пчелами?

— Я все объясню позже. Мы встречаемся в гостинице?

— Нет. Я сейчас направляюсь к вам. Я буду не один.

— Не один?

— Планы изменились, — продолжал Пейнтер. — В Осло становится слишком жарко. Так что мы поднимаем ставки и перемещаемся туда, где немного похолоднее.

Все еще мокрый насквозь после пенистого душа, Монк чувствовал, как ледяной холод проникает до мозга костей. «Куда уж еще холоднее?»

Направляясь к служебной стоянке, Монк мысленно представил себе Грея в теплой уютной палатке, перед жарко натопленной печкой.

Везет же некоторым!

16

13 октября.
0 часов 22 минуты.
Озерный край, Англия

Вцепившись в поводья, Грей смотрел на пылающий лес. Огонь бушевал уже со всех сторон. Маленький отряд спешно оседлал лошадей. Нельзя было терять ни минуты.

После первой огненной бури пламя притихло до адских отсветов вокруг. Долину затянуло покрывалом густого дыма, скрывшим свет звезд. Яркое зарево обозначало загоревшийся участок леса. Скорее всего, это был старый сухостой, готовый вспыхнуть от одной искры. Остальной лес, покрытый снегом, пока что держался под натиском пламени.

Однако о безопасности не было и речи.

— По коням! — зычно крикнул Грей.

Нужно было двигаться. Каждая секунда приближала скрытую угрозу. Огонь распространяется в толще торфяника, простирая во все стороны дымящиеся щупальца и образуя глубокие огненные колодцы. Хотя лес оставался темным, под землей скрывалась бушующая огненная преисподняя.

По прикидкам Бойла, меньше чем через час вся долина будет объята огнем. Никакие спасатели не смогут подоспеть вовремя. Грей с помощью спутникового телефона связался с Пейнтером, вкратце объяснил ему ситуацию и сообщил координаты, полученные с помощью навигатора. Но даже директор «Сигмы» вынужден был согласиться с тем, что времени вызвать спасательную авиацию нет.

Маленький отряд был предоставлен самому себе.

Грей вскочил в седло, и в этот момент один из массивных камней, образовывавших кольцо, повалился вниз, поскольку прогоревший торфяник больше не мог выдерживать его вес. Тяжелая глыба рухнула на землю, поднимая сноп искр. Следом за первым камнем начали падать и осталь-

ные, причем некоторые полностью исчезали в огненных колодцах.

Этот пожар не был естественным.

Кто-то подпалил торфяник, намереваясь уничтожить место раскопок — и всех, кто здесь находился.

Рейчел ехала рядом с Греем, крепко сжимая поводья. Ее лошадь дико вращала глазами и испуганно ржала. Впрочем, наездница была испугана ничуть не меньше.

Все понимали, какая опасность им грозит.

Когда вспыхнул пожар, одному пони удалось вырваться из загона. Обезумевший от страха, закинув голову, он убежал в лес. Через мгновение послышался громкий треск, вверх взметнулись высокие языки пламени, и раздалось пронзительное ржание.

Грей проводил взглядом монолит, медленно опускавшийся в огненное болото, напоминая о том, какая опасность кроется прямо под ногами. Один неверный шаг — и их ждет та же судьба, что и бедного пони.

Грей увидел подбегающую к нему Сейхан. Это ее пони запаниковал и удрал в лес. Нагнувшись, Грей схватил молодую женщину за руку, подтянул и усадил в седло позади себя.

— Пошли! — крикнул он, указывая на самый темный участок леса, где пока что еще не виднелись багровые отсветы.

Им нужно было вырваться из огненного кольца и подняться выше в горы.

Дорогу прокладывал Грей, Бойл следовал за ним.

Впереди семенил Руфус.

— Собака найдет безопасную дорогу, — уверенно произнес профессор. Его лицо было пепельно-серым. — Горящий торфяник испускает очень сильный запах. Руфус учует то, что не видим мы.

Грею хотелось надеяться, что Бойл прав, однако над всей долиной стоял смрад горящего торфа. Маловероятно, что собачий нюх уловит едва заметное отличие дыма от подземного пожара. Но что еще им оставалось делать?

И возможно, собака действительно что-то чуяла. Терьер бежал вперед, петляя по лесу, то и дело останавливаясь и поворачивая вбок.

Грей ехал медленной рысью, стараясь соблюдать осторожность не в ущерб скорости. Собака пересекла заснеженный участок и перепрыгнула через ледяной ручей. Казалось невозможным, что в такую холодную ночь, под землей, укрытой снегом и льдом, бушевал огненный ад.

Однако беглецам напомнил об опасности благородный олень, который выскочил у них на пути, напуганный огнем. Дикое животное уверенно промчалось между деревьями, затем выбежало в покрытую снегом лощину. Вдруг земля под оленем разверзлась. Его задние ноги провалились в огненный колодец, поднимая фонтан пламени и раскаленного пепла. Олень вытянул шею в предсмертной агонии, затем его тело обмякло и скрылось из виду, опустившись под землю. Вверх взметнулся столб дыма. Волна горячего воздуха разогнала ночную прохладу.

Этот урок отрезвил всех.

— Господи Иисусе, — пробормотал Ковальски.

Сейхан крепче обхватила Грея за талию.

Беглецы продолжили путь через окутанный дымом лес. Темнота то и дело озарялась новым заревом — это распространяющийся под землей ад прорывался на поверхность, превращая в факелы сухие деревья. Одно такое дерево они объехали стороной. Это был старый дуб, кряжистый, расщепленный молнией. Языки пламени плясали на белых ветвях, предупреждая о невидимой опасности, которая расползалась под корнями.

Даже Руфус замедлил бег. Собака останавливалась все чаще, крутила головой, принюхиваясь, и громко скулила, очевидно, уже не такая уверенная. И все же терьер вел всадников за собой, иногда вынужденный возвращаться назад и пробегать прямо между ног испуганных лошадей.

И вот наконец Руфус окончательно встал. Впереди было старое пересохшее русло, неглубокая извивающаяся впади-

на. Казалось, никакой угрозы здесь нет, но собака нерешительно бегала вдоль берега. Один раз она осмелилась было спуститься вниз, но тотчас же передумала и вернулась назад. Определенно что-то ее пугало. Руфус возвратился к застывшим в напряжении всадникам, и его тихое завывание переросло в проникнутый ужасом скулеж.

Привстав в стременах, Грей всмотрелся в лес. Повсюду вокруг подземный пожар начинал вырываться на поверхность, обнажая свое истинное огненное лицо. Невдалеке повалилась огромная сосна, увлекая за собой более мелкие деревья. Она с треском рухнула на землю, поднимая гейзер пламени. Все больше и больше деревьев разделяли ее судьбу. Теперь уже целые участки леса проваливались в пылающее болото: одни деревья не могли больше стоять, после того как у них сгорали корни, другие просто падали под собственной тяжестью, так как сама земля под ними превращалась в раскаленный пепел.

Грей прекрасно понимал, что им нельзя оставаться на месте. Чем дольше они будут ждать, тем хуже станет их положение. Нужно было добраться до окрестных гор.

— Ну же, старина, — попытался ласково подбодрить собаку Бойл. — Руфус, у тебя все получится. Ну же, мой мальчик, отыщи дорогу домой.

Собака пристально посмотрела на хозяина, затем повернулась к высохшему руслу. Ее начало трясти. Она опустилась на задние лапы. Решение Руфуса не вызывало сомнений. Безопасной дороги вперед не было.

Спрыгнув на землю, Грей передал поводья Сейхан.

— Жди здесь.

— Что ты задумал? — спросила Рейчел.

Грей подошел к замшелому камню, лежавшему рядом. Ему требовалось убедиться наверняка. Опустившись на корточки, он вытянул камень из земли и подтащил к краю заснеженного русла. Распрямив руки, Грей швырнул камень по пологой дуге вниз. Камень упал в самую середину русла — и тотчас же провалился в огненную пропасть. Вверх

взметнулось пламя. Снег по краям дыры стал с шипением таять, испуская облачка пара.

Провал сразу же начал увеличиваться в размерах, распространяя вокруг пылающие щупальца. Тут и там вдоль русла появились новые дыры. Брошенный валун произвел то же действие, что и камень, упавший в гладь пруда. Огненные круги лавинообразно побежали во все стороны — это преисподняя получила доступ к свежему кислороду. Пламя трещало и плевалось, мгновенно превращая снег в пар. Пожар стремительно распространялся вдоль русла пересохшей реки.

— Никак нельзя было обойтись без этого, — проворчал Ковальски. — Не мог оставить все в покое.

Не обращая на него внимания, Грей подошел к другому валуну. Выдернув камень из земли, он со всей силы забросил его на противоположный берег, до которого было меньше восьми ярдов. Камень с глухим стуком упал на покрытую снегом землю.

— Там почва еще прочная. Если мы сможем перебраться на другую сторону... — Грей вопросительно посмотрел на Бойла. — Насколько хорошо ваши горные пони умеют прыгать?

Профессор с сомнением посмотрел на объятое пламенем русло.

— Конечно, лошадки хороши, — неуверенно произнес он, — но уж больно далеко нужно прыгать, черт побери.

Свое суждение высказал Ковальски:

— Как будто у нас есть выбор!

В этот момент позади с грохотом рухнуло еще одно дерево.

— Да, это правда, — согласился Бойл.

— Я попробую первым.

Подойдя к своей лошади, Грей протянул руку, чтобы помочь Сейхан спуститься.

— Я с тобой, — ответила та.

— Нет. Лишняя ноша только помешает...

— А ты видишь здесь свободных лошадей? — отрезала Сейхан. — Мне в любом случае придется прыгать вдвоем с кем-то. А твой жеребец самый сильный.

Грей вынужден был признать, что она права.

Он сел в седло. Остальные освободили место, давая ему возможность отъехать подальше от берега для лучшего разбега.

— Держись крепче, — бросил Грей.

Сейхан послушно обвила его руками и прижалась щекой ему к спине.

— Давай, — прошептала она.

Наклонившись в седле вперед, Грей пришпорил коня, отпуская поводья. Жеребец, и без того уже на взводе, словно поняв, чего хочет от него всадник, устремился вперед, грохоча копытами. Всего за несколько шагов он разогнался до галопа.

Грей даже через седло ощутил исходящую от лошади силу. Выпуская из раздутых ноздрей облачка пара, вытянув вперед шею, жеребец продолжал набирать скорость — и вот он выскочил на берег.

В одном могучем напряжении мышц пони прыгнул высоко вверх. Оторвавшись от седла, Грей ощутил мгновение невесомости. Сейхан крепко держалась за него сзади. Они пролетели над огнем, обдавшим их волной горячего воздуха.

И приземлились на противоположном берегу.

Грей откинулся в седле назад, мастерски погасив силу инерции пружинистым движением ног в стременах. Жеребец пробежал еще несколько шагов и остановился, подчиняясь натянутым поводьям.

Сейхан продолжала сидеть, вцепившись в Грея.

Вернувшись к пылающему руслу, Грей облегченно вздохнул. Опасаясь, что голос подведет, он махнул рукой, призывая остальных последовать за ним. По всему его телу пробежала дрожь. Сейхан никак не могла расцепить обнимающие Грея руки.

— У нас получилось, — пробормотала она, вжимаясь губами ему в спину.

Остальные быстро начали переправляться на эту сторону. Первым прыгнул Бойл, держа на коленях Руфуса. Грей вынужден был признать: старый профессор определенно умел ездить верхом.

Следующей прыгала Рейчел. Отъехав подальше, она помчалась к берегу. Возможно, самый крупный пони был у Грея, но у Рейчел лошадь, несомненно, была самой быстрой. На полной скорости она выскочила на берег, но тут произошло непредвиденное.

Одно копыто продавило мягкую землю, и пони поскользнулся. Его развернуло вбок, и прыжок получился слишком низким.

Грей понял, что лошади и всаднице не суждено достичь противоположного берега.

Рейчел, как могла, старалась удержаться в седле. Сразу же после прыжка она почувствовала, как центр тяжести кобылы смещается в сторону. Молодая женщина сдавила коленями бока лошади, чтобы не вылететь из седла. Подтянув поводья к самой груди, она резко наклонилась к луке седла.

Свесившись набок, Рейчел увидела прямо под собой огненное сердце пожара. Она поняла, что ей не добраться до противоположного берега. Пони уже начинал опускаться. Рейчел захлестнула обжигающая волна страха.

Она услышала тревожные крики.

И тут они упали на землю. Передними копытами кобыла зацепилась за твердую почву, но ее задние ноги пробили дымящийся край огненной реки.

Удар выбросил Рейчел вперед, и она налетела грудью на шею пони. У нее перехватило дыхание, она выпустила поводья, потеряла стремена и соскользнула назад, навстречу пламени.

Бедная лошадь заржала от боли, стараясь выбраться из огненной ямы, однако от лихорадочных ударов ногами языки пламени взметнулись еще выше.

Сползая назад, Рейчел успела ухватиться за край седла. Пламя жгло подошвы ее сапог. Лягающаяся лошадь, объятая ужасом, могла сбросить с себя всадницу. Что хуже, кобыла начала заваливаться набок.

— Держись! — послышался чей-то крик.

Рейчел подняла взгляд. Это была Сейхан. Бросившись вперед, она схватила пони за поводья. Грей, подбежав с другой стороны, попытался ухватиться за недоуздок.

Вдвоем они не дали лошади опрокинуться.

Обмотав поводья вокруг запястья, Сейхан повалилась на спину, вонзая каблуки в землю. Лошадь заржала и мотнула головой, и Грей выпустил недоуздок. Он попытался снова ухватить его, но тщетно.

— Вытаскивай одну Рейчел! — крикнула Сейхан, чувствуя, как ее саму неудержимо тянет в пылающую реку.

Рейчел держалась из последних сил. Почувствовав ногами обжигающий жар, она поняла, что штаны на ней занялись огнем. Но тут у нее на запястье сомкнулись сильные пальцы. Каким-то образом Грей оказался здесь, распростертый на холке кобылы. Вцепившись одной рукой в луку седла, он, раскрасневшись от напряжения, другой рывком выдернул Рейчел, прижимая ее к груди.

— Лезь по мне! — приказал Грей, глядя ей в глаза.

Рейчел прониклась железной решимостью этих серо-стальных глаз.

Ахнув, она протянула руку и уцепилась за куртку Грея. Подтянувшись, другой рукой ухватилась за его ремень и поползла вверх. Наконец ей удалось выбраться из огненной пропасти, и, скатившись с распростертого Грея, она упала на четвереньки в снег.

Грей отполз назад, рухнул рядом с ней, затем одной рукой подхватил ее и вытащил на берег. Обессиленные, они упали на снег. Рейчел прижалась к Грею, содрогаясь в рыданиях.

У нее за спиной прогремел выстрел.

Резко обернувшись, она увидела внизу Сейхан, стоявшую спиной к ним. В руке у нее был дымящийся пистолет. Ржа-

ние оборвалось; обмякшее тело кобылы рухнуло на землю и начало сползать в огонь.

Сейхан опустилась на заснеженный берег, продолжая сжимать пистолет.

«Просто замечательно».

Ковальски, остававшийся на том берегу огненной реки, видел, как оступилась лошадь Рейчел. Труп кобылы догорал на берегу. И как ему перебраться на противоположную сторону? Его пони не был ни высоким, как жеребец Грея, ни быстрым, как кобыла Рейчел. К тому же лошадь откровенно трусила, отчего Ковальски было не по себе.

Он ощупал свое солидное брюшко. Определенно ему надо было соблюдать диету, на чем уже давно настаивала Лиз.

— А ты чего ждешь? — окликнул его с противоположного берега Грей.

Ковальски указал пальцем на ту сторону.

— Ну, ты ведь сможешь... правда? — прошептал он, потрепав лошадь по шее.

Мотнув головой, пони испуганно посмотрел на своего всадника.

«Тут я с тобой полностью согласен, дружище».

Ковальски отъехал назад, подальше, для лучшего разбега. И все же он колебался. Лошадь разделяла его настроение. Она никак не хотела стоять на месте и возбужденно переступала с ноги на ногу. Плата за неудачу была слишком суровой.

«Нам нужно просто успокоиться, собраться с духом...»

Прямо позади взорвалась сосна, вспыхнув бенгальской свечой. Пылающие ветки взлетели вверх, обсыпали Ковальски спину и упали пони на круп.

Лошадь, словно ее пришпорили, рванула вперед. По ее мышцам разлился заряд адреналина. Ковальски едва не вывалился из седла, но быстро восстановил равновесие, привстав в стременах. Пони набрал скорость, выскочил на берег и взлетел вверх.

Будь Ковальски посмелее, он непременно крикнул бы «ура!». А если бы у него была ковбойская шляпа, он, возможно, помахал бы ею. Но он просто припал к шее лошади, крепко вцепившись в нее обеими руками.

Внизу, словно понимая, что это уходят последние потенциальные жертвы, все русло провалилось в огненную преисподнюю. Высоко вверх взметнулись языки пламени, стараясь достать беглецов.

Захлестнутый волной обжигающего жара, Ковальски зажмурился.

Но тут стук копыт о твердую землю возвестил о том, что они приземлились на противоположном берегу. От резкого толчка бывший охранник перелетел через голову пони и, перекувырнувшись в воздухе, растянулся на заснеженной земле. Оглушенный, он какое-то время лежал на спине, приходя в себя.

«Все еще жив...»

Приподнявшись на локтях, Ковальски встал на ноги. Шатаясь, он приблизился к своей лошадке. У обоих все еще дрожали ноги. Подойдя к пони, Ковальски крепко обнял его за шею.

— Я тебя просто обожаю, трусливое ты чудо...

Через двадцать минут усталый отряд уже поднимался по каменистой тропе в гору. На склонах плясали их багровые тени. Вся долина внизу пылала и дымилась.

Сейхан, усталая и измученная, ехала позади Ковальски. Она не сводила глаз с Грея и Рейчел. Они сидели вдвоем на жеребце Грея. Рейчел обнимала Грея за талию, положив голову ему на плечо. После своего падения, едва не ставшего смертельным, она не отходила от Грея, черпая у него силу и твердость духа.

Сейхан едва удержалась, чтобы не фыркнуть презрительно при виде подобной уязвимости.

Но избавиться от другой ноющей боли было непросто.

От Сейхан не укрылось, как быстро эти двое снова нашли друг друга, слились воедино. Когда она сама до этого ехала позади Грея, она тоже обнимала его, вдыхала мускусный запах его пота, ощущала тепло его тела. Но никаких ответных эмоций со стороны Пирса не заметила. С таким же успехом позади него могла лежать переметная сума.

Но сейчас на глазах у Сейхан Грей провел ладонью по руке Рейчел. Этот подбадривающий жест был бессознательным, поскольку все внимание Грея было приковано к каменистой тропе.

Сейхан отвернулась, чувствуя, как в груди вскипает злость. Не на Грея, а на свою собственную глупость. Она вспомнила то, что сказал ей Ковальски прямо перед тем, как лес вокруг взорвался. «Школьники, втюрившиеся друг в друга». А она-то тешила себя мыслью, что ей удается скрывать свои чувства. Но что насчет того, как Ковальски оценил своего напарника? Может ли так быть, что он прав насчет Грея?

На мгновение Сейхан позволила себе поверить в это. Но только на одно мгновение. Еще раз взглянув на Грея, она поняла, что у них не может быть общего будущего. Пропасть между ними слишком глубока и слишком широка.

И будет становиться только еще глубже и шире.

Особенно после того, что произойдет дальше.

Они выбрались из пылающего леса, и теперь пришло время переходить ко второму этапу плана.

2 часа 07 минут

Грей объявил привал, чтобы можно было отдохнуть и напоить лошадей. Путники вышли к берегу небесно-голубого горного озера, одного из многих, которые капельками ртути покрывали этот край.

К тому же Грею хотелось осмотреть ожоги, полученные Рейчел. Сразу после неудачного прыжка он облепил ей ноги снегом, остужая их. Обожженная кожа приобрела ярко-ро-

зовый оттенок, а в паре мест вздулись небольшие волдыри, но Грей хотел проверить все еще раз.

Всадники спешились. Спины лошадей были натерты седлами, шерсть на ногах опалена. Даже после того, как они переправились через огненную реку, им еще долго пришлось уходить от подземного огня.

«Если бы не Руфус, который вывел нас из долины...»

Профессор, отыскав в сумке засохший кусок колбасы, угостил терьера. Грей подумал, что Руфус заслужил целую тарелку отборного сервелата. И все же собака была счастлива, когда хозяин погладил ее, благодаря за отличную работу.

Нагнувшись, Бойл ласково почесал терьеру бока.

— Кушай, мой мальчик.

Руфус радостно завилял хвостом.

Даже Сейхан, разминая ноги, бросила собаке кусочек сыра. Терьер ловко поймал его на лету. Похоже, он начинал привыкать к женщине. Подойдя к озеру, Сейхан застыла у самой кромки, в лунном сиянии, отраженном от водной глади.

Грей внимательно смотрел на нее.

Когда Рейчел едва не провалилась в огненную дыру, именно Сейхан первой соскочила с коня и бросилась к ней на помощь. А он до сих пор не поблагодарил ее за это.

Ладно, позже. Сначала нужно решить другие вопросы.

Собрав сухой валежник, Ковальски развел небольшой костер — несмотря на бушующее под землей пламя, ночной воздух был холодным. Все устремились к огню, словно мошки на свет лампы.

Грей протянул к костру руки. Затем, вздохнув, стряхнул с плеч рюкзак и опустился на корточки. Расстегнул «молнию» на кармашке и достал спутниковый телефон.

— Звонишь домой? — спросил Ковальски.

— Нужно держать Пейнтера в курсе. Сообщу ему, что нам удалось выбраться из этой адской дыры.

Он уже поднес телефон к уху, но тут у него за спиной раздался голос Сейхан.

— А я думаю, лучше этого не делать.

Удивленно обернувшись, Грей увидел дуло направленного на него пистолета.

— Почему? — спросил он.

— Брось мне телефон.

— Сейхан...

— Ну же!

Грей понял, что сопротивляться бесполезно. Ему было известно, как хорошо стреляет эта женщина. Он швырнул ей телефон. Сейхан ловко поймала его на лету, при этом пистолет в ее руке даже не дрогнул. Не оборачиваясь, она закинула телефон в озеро.

— Пришло время исчезнуть с экранов радаров, — сказала Сейхан.

Грей сразу догадался, что она имела в виду. Если он не доложит Пейнтеру, тот решит, что им не удалось выбраться из горящего леса. А поисковому отряду потребуются недели, чтобы раскопать горячий пепел.

Но Грей по-прежнему не понимал, зачем это нужно Сейхан.

Судя по всему, этот вопрос был красноречиво написан у него на лице.

— Наша задача — отыскать ключ, за которым охотился отец Джованни, — объяснила Сейхан. — В прошлом ты уже показал себя толковым малым, Пирс. — Она насмешливо повела бровью. — «Гильдия» тебе полностью доверяет.

Грей тряхнул головой, мысленно кляня себя. У него возникли подозрения, что Сейхан использует происходящее в своих корыстных интересах, стараясь вернуть себе расположение бывших хозяев — неважно, как внедренный агент или просто как боевик «Гильдии». В любом случае он считал, что решительный шаг она сделает позже. И ослабил бдительность. Однако на самом деле тут было нечто большее. У Грея дыхание перехватило от ярости: он уже почти начал доверять Сейхан.

Он дал волю своим чувствам.

— И каким же образом ты собираешься заставить нас сотрудничать? Не можешь же ты постоянно держать всех под прицелом.

— Верно, — согласилась Сейхан, убирая пистолет в кобуру.

Этот жест еще больше встревожил Грея. И следующие слова Сейхан подтвердили его худшие опасения.

— Вот почему я отравила Рейчел.

От потрясения Грей лишился дара речи.

Рейчел шагнула вперед.

— Что?

— Яд был в чае. — Сейхан даже не посмотрела на нее. Все ее внимание было обращено на Грея. — Биотоксин особой разработки. Убивает в течение трех дней. К сожалению, симптомы будут проявляться постепенно. Тошнота, головные боли, затем начнется кровотечение.

— Но ты же ведь спасла мне жизнь, — запинаясь, пробормотала Рейчел. Она никак не могла поверить в услышанное. — В лесу...

Грей все понял.

— Ты была нужна ей живая.

Сейхан пожала плечами:

— Есть противоядие. Фермент, специально разработанный для этого биотоксина. Можно сказать, ключ от замка. Другого лекарства нет. И я сразу предупреждаю, что не знаю, где можно найти это противоядие и как оно изготавливается. Противоядие вы получите только после того, как отдадите ключ.

— Ничего не понимаю. О каком еще ключе ты говоришь?

— Я говорю о том, что на самом деле искал отец Джованни. О «Ключе Судного дня».

Профессор Бойл вздрогнул, услышав эти слова.

— Но это же лишь легенда!

— Ради спасения Рейчел молите бога, чтобы это оказалось не так. У нас есть всего три дня, чтобы найти ключ.

— А какие у нас гарантии того, что ты сдержишь свое обещание? — спросил Грей.

Сейхан выразительно закатила глаза.

— Неужели мне нужно отвечать на этот вопрос?

Грей нахмурился. Сейхан права. На этот вопрос можно было не отвечать. Никаких гарантий нет, и они не нужны. На карту поставлена жизнь Рейчел, так что выбора нет.

Скрестив руки на груди, Ковальски посмотрел на Грея.

— В следующий раз, Пирс, прислушайся к собаке.

17

13 октября.
3 часа 23 минуты.
Осло, Норвегия

Поспать Кристе так и не удалось.

Ночь выдалась длинная, и события развивались от плохого к худшему. Но в последний час, возможно, все закончилось хорошо. Ответ она узнает через несколько минут.

Молодая женщина стояла перед ревущим огнем, облаченная в итальянский кашемировый халат. Портал камина был такой высокий, что в него можно было войти, даже не пригнувшись. Босые ноги Кристы утопали в подстилке из собольих шкур. Стрельчатые готические окна в железных переплетах выходили на заснеженный внутренний двор замка Акерсхус. Лунный свет расцветил весь мир серебром, в котором отражались багровые отсветы пламени в камине.

А посередине застыло отражение Кристы.

Между льдом и пламенем.

У нее в голове мелькнули строчки из стихотворения Роберта Фроста, которое она учила в католической школе для девочек в Бостоне, еще когда отец навещал ее вечерами, пока мать предавалась беспробудному пьянству.

Одни говорят, что мир погибнет в пламени,
Другие говорят, что мир погибнет во льду.

Кристе было наплевать, какой конец уготовлен миру, — лишь бы она сама оказалась в числе победителей. Молодая женщина снова уставилась на огонь, но перед мысленным взором у нее было другое пламя, то, которое едва не уничтожило все. Вскоре после полуночи поступило донесение от наблюдателя, оставленного в горах на севере Англии. Тот доложил об успешном подрыве зажигательных зарядов. Однако пожар быстро вышел из-под контроля, угрожая всему вокруг. Кристе пришлось прождать еще два часа, пока она наконец не получила подтверждение тому, что остальным удалось выбраться из пылающего леса. Что операция продолжается по плану.

«Если бы я здесь потерпела неудачу...»

У нее по спине пробежала холодная дрожь.

Это стало бы полной катастрофой, особенно если учесть то, как развивались события в «Гранд-отеле». Кристе потребовалось слишком много времени, чтобы установить, что связаться с сенатором Горменом пытался Антонио Гравел. И, как выяснилось, этот человек оказался хитрее, чем можно было предположить. Позвонив сенатору, Гравел исчез. Он не появился ни на конференции, ни у себя в гостинице. Слишком поздно Криста узнала о его страсти к молоденьким проституткам, не имеющим ничего против чересчур бурных развлечений. И поскольку ей не удалось разыскать Гравела достаточно быстро, она была вынуждена устраивать засаду в гостинице. Подобная дерзость была ей не по душе, но времени на что-то более тонкое уже не оставалось. Криста приказала своим людям расправиться с Гравелом, как только он войдет в гостиницу, после чего, воспользовавшись общим смятением, убить сенатора Гормена.

В общем-то, прямого приказа убивать Гормена у нее не было. Сенатора предполагалось устранить только в том случае, если Гравел успеет с ним встретиться. Но Криста не

любила оставлять свидетелей. Особенно таких, кто мог ее узнать. Джейсон Гормен, влюбившись в красивую молодую специалистку по биогенетике, послал отцу ее фотографии.

Криста опасалась возможного разоблачения.

И она терпеть не могла, когда у нее появлялись причины для опасения.

Однако сенатору в конце концов все же удалось спастись, причем ее вины в этом не было. Криста получила четкий приказ не преследовать черноволосого оперативника «Сигмы». Но она никак не могла предположить, что он сам появится в «Гранд-отеле».

И все же холодок тревоги не позволял ей расслабиться. Криста оставалась стоять перед камином, плотно укутавшись в халат.

Наконец завибрировал телефон. Криста тотчас же поднесла его к уху.

— Я слушаю.

— Насколько я понимаю, операция в Англии продолжается по плану, — прозвучало в трубке.

— Совершенно верно. — В ее голосе слышалась гордость.

— А сенатору Гормену удалось уйти.

У Кристы перед глазами все потемнело. Она прищурилась. Вся ее былая уверенность бесследно испарилась от интонаций в голосе звонившего.

— Да, — сделав над собой усилие, подтвердила Криста.

Казалось, молчание затянулось до бесконечности. У Кристы бешено колотилось сердце, к горлу подступил ком.

— В таком случае мы можем перейти ко второй части плана.

Кристе с трудом удалось подавить вздох облегчения, но в то же время она была сбита с толку.

— Ко второй части?

— Необходимо убрать с доски все лишнее и приготовиться к эндшпилю.

— Прошу прощения, сэр?

— На общем собрании штаб пересмотрел свою оценку возможных сценариев дальнейшего развития ситуации. В конце концов мы пришли к заключению, что продолжать далее отношения с «Виатусом» нецелесообразно. Ивар Карлсен становится слабым звеном. Особенно после определенных странных событий, которые этой ночью произошли в научно-исследовательском центре его корпорации. Так что в настоящий момент его лучше всего использовать в качестве приманки, которая отвлечет на себя огонь.

Криста принялась лихорадочно переоценивать свою роль.

Звонивший продолжал:

— Все необходимые результаты исследований у нас в руках. То, что привел в движение Ивар Карлсен, уже необратимо, и в конечном счете плоды его работ достанутся нам, неважно, с ним или без него.

— Что я должна делать?

— Вы отправитесь вместе с ним на Шпицберген, как и было запланировано, и будете ждать дальнейших распоряжений. Насколько я понимаю, Карлсен принял решение тронуться в путь раньше намеченного срока.

— Надвигается новый шторм, и Карлсен не хочет, чтобы непогода помешала его планам.

— Очень мудрое решение. Потому что здесь определенно зреет буря. Приказ у вас есть.

Голос звонившего затих. Связь оборвалась.

Отняв телефон от уха, Криста стиснула его обеими руками. Она шагнула ближе к огню, но не смогла обрести тепло. Так она стояла, совершенно неподвижная, потеряв счет времени. Дыхание давалось ей с трудом.

Наконец у нее за спиной послышался голос:

— Криста, ты *ложишься* спать?

Она оглянулась. В дверях спальни стоял Ивар Карлсен, обнаженный. Для своего возраста он выглядел очень неплохо: крепкий, с упругим плоским животом, сильными и мускулистыми ногами. И, что гораздо важнее, он прекрасно обходился без таблеток, повышающих потенцию.

— У тебя все в порядке? — спросил Карлсен.

— Лучше не бывает.

Криста повернулась к нему лицом. Уронив телефон в карман, она развязала пояс, и халат соскользнул с плеч на подстилку из собольих шкур. Криста стояла спиной к камину, слишком хорошо чувствуя жар, исходящий от пламени, слишком хорошо чувствуя ледяной холод комнаты замка.

Именно здесь было ее место.

Между льдом и пламенем.

Часть третья

СЕМЕНА РАЗРУШЕНИЯ

18

13 октября, 8 часов 43 минуты.
В воздухе над Норвежским морем

Солнце висело низко над горизонтом. Частный реактивный самолет летел над полярными льдами. В конце осени там, куда он направлялся, световой день становился очень коротким. Архипелаг Шпицберген находится как раз посередине между северным побережьем Норвегии и Северным полюсом. Больше половины его территории покрывают ледники, и единственными обитателями этой негостеприимной земли являются северные олени и белые медведи.

Даже Санта-Клаус вряд ли назвал бы это место своим домом.

Однако пока что Пейнтер Кроу наслаждался отделанным кожей и красным деревом салоном «Соверена», который раздобыла Кэт. Кроме того, ей удалось подправить полетный план, представив пассажиров как руководство угледобывающего консорциума. Легенда получилась приличная: главными предприятиями на архипелаге были угольные шахты.

Салон «Соверена» был рассчитан на семерых пассажиров, так что четверым здесь было просторно. Всем удалось немного вздремнуть, что было необходимо после долгой ночи, однако меньше чем через час самолет уже должен был совер-

шить посадку в Лонгйире, крупнейшем населенном пункте на Шпицбергене.

Пейнтер откинулся на спинку удобного кожаного кресла. Он сидел напротив сенатора Гормена, Монк и Крид устроились на соседнем диванчике. Пришло время выложить все карты на стол, уточнить предварительный план грядущего противостояния.

Пейнтер понимал, что двигаться предстоит очень быстро. Придется выпрыгивать из самолета, как только тот коснется взлетно-посадочной полосы. Они спешно покинули Осло с учетом двух обстоятельств. Во-первых, после того, как Пейнтера разоблачили, а на сенатора Гормена было совершено покушение, оставаться там стало слишком опасно. Во-вторых, главный подозреваемый уже покинул город и направлялся к тем же самым замерзшим островам. Так что это был лучший способ зажать Карлсена в угол и добиться от него правдивых ответов.

Президент «Виатуса» собирался показать группе участников конференции знаменитое Глобальное хранилище семян Шпицбергена. Это был «Ноев ковчег» для семян, здесь укрывался бесценный груз, свыше трехсот тысяч образцов семян, от войн, болезней, ядерных взрывов, землетрясений и даже катастрофических изменений климата. Рассчитанное на то, чтобы продержаться двадцать тысяч лет, это «Хранилище Судного дня» было упрятано под землю на глубину пятьсот футов на архипелаге, который считался самым недоступным из всех обитаемых уголков Земли.

И это было лучшее место для откровенного разговора с Иваром Карлсеном, вдали от посторонних глаз. С другой стороны, в такой встрече был определенный риск.

— Господин сенатор, — в последний раз попытался убедить Гормена Пейнтер, — я по-прежнему считаю, что вам было бы лучше остаться в Лонгйире. Если вы нам понадобитесь, мы незамедлительно подключим вас к расследованию.

Пейнтер по-прежнему выдавал себя и своих спутников за сотрудников главного следственного отдела Министерства обороны. У них даже имелись соответствующие удостоверения.

— Я отправляюсь с вами, — решительно заявил Гормен, баюкая в ладонях чашку кофе.

От Пейнтера не укрылось то, что сенатор обильно приправил кофе коньяком из бара. Впрочем, он его в этом нисколько не винил. За последние несколько часов Гормену пришлось получить столько тяжелых ударов. Карлсен был его близким товарищем, можно даже сказать, другом.

Тон Гормена стал резким.

— Если Ивар действительно приложил руку к гибели моего сына...

— Нам по-прежнему неизвестно, какое отношение он имеет к случившемуся, — неуверенно произнес Пейнтер.

На сенатора его слова не возымели никакого действия.

— Да он мне руку пожимал, твою мать!

Сверкнув глазами, Гормен ударил кулаком по столу, отчего задребезжали чашки и блюдца. Было очевидно, что отговорить его от поездки не удастся. Пейнтер прекрасно понимал, что на горечь утраты наложилась боль из-за предательства, однако сейчас ему меньше всего был нужен человек, готовый завестись с полоборота.

И все же у Гормена был один убедительный аргумент, и сейчас он снова его повторил:

— Без меня вы к Ивару не подойдете.

Пейнтер сложил руки на коленях, вынужденный признать правду. Карлсен вылетел за час до них, торопясь успеть до шторма, который надвигался со стороны полюса. Скорее всего, к тому времени как «Соверен» совершит посадку, глава «Виатуса» уже будет в хранилище семян. А меры безопасности там очень строгие, особенно если учесть, сколько высокопоставленных участников конференции прилетело вместе с Карлсеном.

Сенатор Гормен продолжал:

— Для того чтобы попасть внутрь, вам будут нужны я и мой пропуск. Даже ваши удостоверения не помогут вам преодолеть систему безопасности. Я же со своим пропуском смогу провести в хранилище по крайней мере одного из вас.

Уже было решено, что этим «одним» будет Пейнтер. Монку и Криду предстояло оставаться снаружи и быть готовыми в случае чего прийти на помощь.

Пейнтер также успел ознакомиться с системой безопасности хранилища семян. Подземный бункер герметически запирался прочными стальными дверями, многочисленные видеокамеры обеспечивали постоянное наблюдение, и это не считая пары тысяч белых медведей, которые свободно разгуливали по острову. Кроме того, по такому случаю для усиления безопасности на Шпицберген прибыло подразделение норвежской армии.

Так что присоединиться к экскурсии в подземное хранилище без помощи сенатора Гормена будет так же трудно, как и проникнуть в Форт-Нокс[1].

Придя к такому выводу, Пейнтер в конце концов вынужден был сдаться. Выпрямившись в кресле, он обвел всех взглядом.

— В таком случае давайте до того, как приземлимся, оценим, что нам известно, а что нет. Важно как одно, так и другое. Как только самолет коснется бетонки, надо будет прыгать.

Монк кивнул.

— С чего начнем?

— С нашей главной цели, Ивара Карлсена. — Пейнтер перевел взгляд на Гормена. — Вы работали с ним много лет. Что можете о нем сказать?

Сенатор откинулся назад, стараясь обуздать свою ярость, однако его лицо оставалось непроницаемым.

---

[1] Форт-Нокс — военная база в штате Кентукки; с 1935 года здесь находится хранилище золотого запаса Министерства финансов США.

— Если бы вы задали этот вопрос вчера, я бы ответил, что Ивар — прямой, честный человек, умеющий зарабатывать деньги, но при этом сознающий ту ответственность, которая приходит с огромным состоянием. Что-то вроде смеси Рокфеллера и президента Рузвельта.

— Как вы с ним познакомились?

— Через Римский клуб. Я вступил в члены клуба исключительно ради политических и деловых связей. Лучший способ сделать карьеру — тереться в обществе ведущих мировых промышленников, политиков и знаменитостей. — Гормен пожал плечами, нисколько не смущенный этим признанием. — Но затем я познакомился с Иваром. Его воодушевленность была прямо-таки электризующей, его слова никого не могли оставить равнодушным. Он твердо и искренне верит в то, что *необходимо спасать мир, защищать будущее человечества*. Ну да, возможно, некоторые его предложения по сдерживанию роста численности населения могут показаться крайностью. Обязательный контроль за рождаемостью, принудительная стерилизация, выплаты семьям, не желающим *заводить детей*. Однако кто-то должен делать этот непростой выбор. Вот что в первую очередь привлекло меня к Ивару. Его серьезный подход и рассудительность. Но я не был единственным, кого он допустил в свой «внутренний круг».

Пейнтер встрепенулся.

— Что вы имеете в виду?

— Среди членов Римского клуба Ивар набрал единомышленников, тех, кто разделял его взгляды относительно неизбежности решительных мер. Мы были чем-то вроде клуба внутри клуба. Каждый из нас выполнял для Карлсена определенную работу. Моя задача, как я уже говорил, заключалась в том, чтобы, используя свое политическое влияние, расширять область применения биотоплива. Но были и другие проекты, которыми занимались прочие члены нашего кружка.

— Все равно как пчелы? — спросил Монк, вспоминая ульи в подвалах научно-исследовательского центра «Виатуса». Он почесал распухшую от укуса щеку.

Сенатор пожал плечами:

— Ничего не могу сказать. Каждый занимался своим делом.

— В таком случае давайте поговорим о том, с чего все началось, — предложил Пейнтер. — О том, что стало толчком к кровопролитию. Все нити сходятся к генетическим исследованиям, которые проводятся в «Виатусе», и в первую очередь к кукурузе, устойчивой к засухе. Нам известно, что «Виатус» финансировал исследования в области экстремофилов. Специалистам компании удалось обнаружить в телах, сохранившихся в одном из болот Англии, какие-то грибковые организмы. — Пейнтер кивнул на Монка. — И нам известно, что исследования продолжаются и по сей день, причем тела, обнаруженные в лаборатории, скорее всего, попали туда с экспериментальной фермы в Мали.

Пейнтер уже запустил механизм получения ордера на обыск в подземных лабораториях. Однако «Виатус» являлся одной из крупнейших норвежских корпораций, имеющих влиятельные связи за рубежом. Пейнтер подозревал, что к тому времени, как какой-нибудь судья одобрит обыск, лаборатории будут полностью вычищены и взорам следователей откроются абсолютно пустые, стерильно чистые помещения.

— Итак, можно заключить, — закончил Пейнтер, — что таинственные гены, обнаруженные в семенах кукурузы профессором Маллоем из Корнеллского университета, имеют грибковое происхождение. И, судя по всему, эти гены являются нестабильными. Возможно, для человека опасно употреблять эту кукурузу в пищу.

Гормен покачал головой:

— Но зачем уничтожать целую деревню? Этот урожай даже не предназначался для употребления в пищу.

Пейнтер мог предложить только одно объяснение.

— Это была не деревня, а лагерь беженцев. Еды там катастрофически не хватало. Голодные люди были способны на отчаянные поступки. Готов поспорить, обитатели лагеря ночами тайком ходили на поле, чтобы своровать два-три початка для своей семьи. И, возможно, те, кто заведовал опытной фермой, закрывали глаза на подобные мелкие хищения. Это дало бы корпорации прекрасную возможность провести втихомолку полномасштабные исследования на человеке.

— Но только никто не мог предположить, что ген будет самопроизвольно изменяться, — поморщившись, подхватил Монк. — Как только об этом стало известно, весь лагерь пришлось стереть с лица земли, предварительно собрав несколько опытных образцов человеческой плоти. Ну кто хватится пары десятков беженцев, пропавших в сожженном дотла лагере?

Пейнтер обратил внимание, что сенатор побелел как полотно, уставившись в пустоту. Его глаза затянулись пеленой горя. Но не только горя.

— «Виатус» уже занимается отправкой семян нового сорта кукурузы, устойчивого к засухе, — сказал Гормен. — Начиная с прошлой недели. В Южном полушарии и экваториальных широтах полным ходом идет сев. Миллионы акров.

Пейнтер почувствовал, что худшее еще впереди. Лицо сенатора стало пепельно-серым. И Пейнтера вдруг осенило. Для того чтобы начать распространение семян по всему миру, «Виатусу» необходимо было сначала вырастить где-то кукурузу и собрать урожай.

Но где?

— Опытные поля, на которых были выращены семена этого нового сорта, — спросил Пейнтер, — где они находятся?

Гормен упорно избегал смотреть ему в глаза.

— Это я помог «Виатусу» получить контракт. Объемы производства генетически модифицированных продуктов оцениваются в миллиард долларов в год. Это все равно что поливать деньгами землю, пораженную финансовой засухой. — До него постепенно доходил смысл содеянного. Его голос стал глухим. — Я распределял деньги. По всему «ку-

курузному поясу» Соединенных Штатов. Айова, Иллинойс, Небраска, Индиана, Мичиган... тысячи и тысячи акров, поля по всему Среднему Западу.

— И это тот самый сорт, который испытывался в Мали? — спросил Монк.

— Необязательно, но генетическая линия та же самая.

— И, вероятно, такая же нестабильная, — добавил Пейнтер. — Неудивительно, что опытное поле в Африке было сожжено дотла. Тайное стало явным.

— Но я ничего не понимаю, — сказал Монк. — Как можно было выращивать в промышленных масштабах новый сорт? Без полноценных исследований на предмет безопасности?

Гормен покачал головой:

— Исследования генетически модифицированного продовольствия на предмет безопасности — это чистая профанация. Пищевые добавки и то изучаются более обстоятельно. Не существует никаких официальных показателей риска, и каждый производитель руководствуется своими собственными соображениями. Одобрение новых сортов основывается большей частью на подправленных или откровенно сфальсифицированных отчетах. Чтобы вы получили какое-то представление об этом, открою вам, что из сорока генетически модифицированных сортов зерновых, одобренных в прошлом году, лишь у восьми имелись опубликованные исследования на предмет безопасности. А в случае семян, отправленных «Виатусу», они вообще не предназначались для употребления в пищу человеком, так что бумаг было еще меньше. К тому же... я лично помог провести необходимое разрешение.

Закрыв глаза, сенатор покачал головой.

«Неудивительно, что он был так нужен Карлсену», — подумал Пейнтер.

— И все же, если эта кукуруза не предназначается для употребления в пищу, — сказал Монк, — быть может, опасность можно остановить?

Вступивший в разговор Крид разом разбил все надежды.

— Кукуруза все равно попадет на стол к людям.

Все взгляды обратились на него.

Новый член «Сигмы» несколько оробел от такого внимания, но все же выдержал.

— После того что произошло в Корнеллском университете, я более пристально присмотрелся к проблеме генетически модифицированного продовольствия. В двухтысячном году компания под названием «Стар-Линк» создала генетически модифицированный сорт кукурузы, не получивший одобрения в качестве пищевого продукта, как и в случае с этим сортом «Виатуса». И все-таки в конце концов случилось так, что эта кукуруза разошлась по всей стране. Она использовалась более чем в трехстах видах продуктов. После того как выяснилось, что новый сорт вызывает аллергическую реакцию, всю эту продукцию пришлось отзывать из торговли. Так, компания «Келлог» вынуждена была на две недели остановить производственную линию, только чтобы полностью очистить ее от заражения.

Сенатор кивнул.

— Помню. Государству пришлось выкупить крупный пакет акций «Келлога», чтобы помочь компании удержаться на плаву. На это пошло несколько миллиардов долларов.

— И это лишь один доклад из множества подобных — о попадании чуждых, генетически модифицированных растений в продукты питания. — Крид оглянулся на Пейнтера. — Но это еще не все. Остается другая очень важная проблема.

— И какая же?

— Миграция пыльцы и генетическое загрязнение.

Нахмурившись, Пейнтер сделал знак, торопя молодого сотрудника продолжать.

— Не существует никаких способов предотвратить распространение пыльцы генетически модифицированных растений. Ее разносит ветер, и она попадает на соседние поля. Бывало, что пыльцу обнаруживали на удалении тридцати миль от растений. Так что не тешьте себя иллюзиями. Повсюду, где была посажена кукуруза «Виатуса», возникли очаги распространения нового сорта.

— А генетическое загрязнение?

— Это еще более тревожно. Известны случаи, когда генетические модификации переходили от культурных видов к диким и это загрязнение распространялось в биосфере на генетическом уровне. А если учесть нестабильность генотипа нового сорта кукурузы, созданного в «Виатусе», на что указал доктор Маллой, полагаю, вероятность этого возрастает еще больше.

— То есть ты хочешь сказать, что к настоящему времени загрязнен уже весь Средний Запад? — ужаснулся Монк.

— Говорить об этом еще слишком рано, — уточнил Пейнтер. — Сначала нам нужно будет получить кое-какие сведения.

И все же у него из мыслей не выходило то, что обнаружил в Англии Грей. Высушенные мумии в торфяном болоте проросли грибами — совсем как тела, обнаруженные в научно-исследовательской лаборатории «Виатуса». Неужели Карлсен случайно выпустил этот живой организм в окружающий мир?

И еще более пугающая мысль: а что, если это было сделано сознательно?

Несомненно, Карлсен ловко манипулировал сенатором Горменом, используя его в своих интересах. Но какую конечную цель он преследовал?

Но тут вмешался пилот:

— Мы начинаем снижение. Пожалуйста, пристегните ремни. Через несколько минут мы совершаем посадку в Лонгйире.

Выглянув в иллюминатор, Пейнтер увидел, что солнце наконец поднялось над горизонтом. Что ж, пришло время откровенно поговорить с этим Карлсеном. Все же Пейнтер взглянул на часы. Его беспокоило еще кое-что.

Самолет устремился вниз к покрытому вечным льдом архипелагу, который с каждым часом казался все более зловещим.

11 часов 01 минута.
Шпицберген, Норвегия

— От Грея по-прежнему никаких известий? — спросил Монк, стоя на заледеневшей стоянке. На нем были теплый комбинезон, унты, перчатки и очки, а под мышкой он держал шлем.

Сжимая в руке спутниковый телефон, Пейнтер покачал головой.

— Я надеялся с рассветом что-нибудь услышать от него. Или от поисковой группы. Вертолеты поднялись в воздух с первыми лучами солнца и начали облет гор. Пожарные докладывают, что от всей долины осталась дымящаяся пустыня. Я также говорил с Кэт. С центральным управлением «Сигмы» Грей тоже не связывался.

Монк увидел у директора на лице боль.

— Грей выбрался из пожара. Быть может, у него есть какие-то причины хранить молчание.

Судя по лицу Пейнтера, слова Монка не принесли ему облегчения. Раз Грей молчит, значит, с ним случилась какая-то беда. Директор устремил взор вдаль.

Солнце по-прежнему висело низко над горизонтом, отражаясь ослепительными отблесками от снега и льда, которыми был покрыт весь Шпицберген. Еще через месяц архипелаг погрузится в бесконечно долгую полярную ночь, которая продлится почти треть года. Но и сейчас даже к полудню температура едва поднялась до минус семнадцати градусов по Цельсию. Это была голая земля, лишенная деревьев, рассеченная на острые скалы и глубокие ущелья. Само название «Шпицберген» в переводе с голландского означало «зазубренная гора».

От такого унылого ландшафта не веяло надеждой.

Особенно под черными тучами, надвигавшимися с севера.

— Но тут мы ничего не можем поделать, — наконец промолвил Пейнтер, и его голос снова обрел твердость. — Я по-

просил Кэт следить за сообщениями пожарных расчетов и поисково-спасательных отрядов. Она сделает все возможное, чтобы координировать поиски, охватив ими весь район. Ну а нам тем временем нужно будет сосредоточить свои усилия здесь.

Пейнтер стоял рядом с внедорожником «Вольво», на котором он приехал с аэродрома. Монк ехал на другой машине, с прицепом. Сейчас Крид сгружал с него два снегохода «Линкс В-800», взятых напрокат в туристической фирме, предлагавшей зимнее сафари по диким местам архипелага. Логотип фирмы был выведен яркими красками на бортах снегоходов.

Сенатор Гормен сидел в «Вольво». Согласно плану, им с Пейнтером предстояло поехать прямо в хранилище семян. Монк и Крид направятся туда кружным путем на снегоходах. Они должны будут подобраться как можно ближе к хранилищу, не вызывая подозрений, — именно этим и объяснялись взятые напрокат машины.

В туристической фирме объяснили, что на острове регулярно устраиваются туры по горным районам, где можно увидеть животных Арктики в естественной среде обитания. Однако после того, как было построено «Хранилище Судного дня», именно этот объект, растиражированный в средствах массовой информации, стал главной туристической достопримечательностью архипелага. Так что появление двух снегоходов с логотипом фирмы не привлечет внимания. Монк и Крид будут ждать наготове на тот случай, если потребуется дополнительная огневая мощь или спешный отход.

«Запасной выход из хранилища семян», — как выразился Пейнтер.

Со стороны прицепа донесся рев ожившего двигателя.

— Давайте двигаться, — распорядился Пейнтер. Он с чувством стиснул Монку плечо: — Береги себя.

— И вы тоже.

Они развернулись и направились в противоположные стороны. Пейнтер сел за руль джипа; Монк присоединился к напарнику. Крид уже сидел на снегоходе, как и Монк, в комбинезоне и шлеме.

Подойдя ко второму снегоходу, Монк перекинул ногу через седло.

Когда «Вольво» Пейнтера выехал со стоянки, Монк проверил штурмовую винтовку, закрепленную за сиденьем. Такая же имелась и у Крида. Оружие они не прятали. Здесь, на Шпицбергене, где белых медведей больше, чем людей, вооружаться было необходимо. Даже в глянцевом туристическом проспекте, который прихватил в фирме Монк, содержалось предупреждение: «Передвигаясь за пределами населенных пунктов, обязательно имейте при себе оружие».

И Монк не собирался нарушать норвежские законы.

— Готов? — крикнул он Криду, поднимая руку.

В ответ тот крутанул ручку газа.

Надев шлем, Монк повернул ключ зажигания. Могучий зверь под ним с ревом ожил. Дав газ, Монк направил снегоход к заснеженной равнине, которая начиналась сразу за стоянкой. Гусеница сзади уверенно вгрызалась в лед, спереди две лыжи гладко скользили по ровной площадке. Съехав с расчищенной стоянки, снегоход нырнул в глубокий снег.

Крид не отставал на втором снегоходе.

Впереди возвышалась гора Платабергет, в толще которой было спрятано хранилище семян. Ее зазубренная вершина царапала низко нависшие тучи. Позади нее небо было беспросветно черным.

Определенно зловещее место.

Особенно если учесть последнее предостережение, приведенное в туристическом проспекте. На взгляд Монка, оно как нельзя лучше описывало эту суровую, негостеприимную землю.

«Стреляйте на поражение».

11 часов 48 минут

Пейнтер поставил машину на указанное место. Поднимаясь по единственной дороге, ведущей в гору, они были вынуждены дважды останавливаться на контрольно-пропускных пунктах, где дежурили норвежские солдаты. На маленькой площадке уже стояли несколько внедорожников и один большой автобус, на котором, судя по всему, приехали участники конференции по проблемам продовольствия.

Выйдя из натопленного салона «Вольво» в ледяной холод, Пейнтер заметил также вездеход, похожий на микроавтобус, установленный на широкие гусеницы от танка. Это был «Хагглундс», любимая машина полярников, с нарисованными на бортах эмблемами норвежской армии. Рядом с ним курили двое солдат. Кроме того, здесь был также маленький двухместный «Сноукэт» с такими же опознавательными знаками, который, по-видимому, использовался для патрулирования наружного периметра. Однако сейчас, судя по тому, как он лихо петлял на полной скорости по глубокому снегу, кто-то решил просто прокатиться.

Сенатор Гормен, облаченный в теплую куртку, присоединился к Пейнтеру, и они направились к входу в хранилище семян. Единственной частью этого сооружения, находящейся над поверхностью земли, был бетонный бункер. Он торчал под углом из снега, словно нос корабля, застрявшего во льдах. И возможно, в какой-то степени это соответствовало действительности. Внизу находился «Ноев ковчег» для семян.

Вход возвышался на тридцать футов — плоская бетонная поверхность, украшенная в самом верху похожей на окно панелью зеркал и призм, освещенных с помощью волоконной оптики в бирюзовый цвет. В сгущающейся темноте панель ярко сияла. Черные тучи уже перевалили через гребень горы, нависая над землей. Резкий порыв ветра поднял вихрь из ледяных кристаллов и смерзшегося снега.

Закрывая лица от холода и ветра, сенатор и Пейнтер поспешили к входу.

Пройдя по мостику, они оказались перед наружной герметичной дверью. Двое вооруженных часовых проверили пропуск Гормена и внесли данные о посетителях в компьютер.

— Вы есть очень опоздать, — на ломаном английском сказал один из часовых.

— Кое-какие проблемы с перелетом, — добродушно усмехнулся сенатор. Посмотрев на молодого солдата, он поежился от холода. — Даже здесь авиакомпании ухитряются каким-то образом терять багаж. Ну а мороз... брр... даже не представляю себе, как вы можете тут находиться. Наверное, вы сделаны из чего-то более прочного, чем я.

Солдат широко улыбнулся в ответ, как и его напарник, который, наверное, вообще не понимал по-английски. Этого у Гормена было не отнять. Даже Пейнтер вынужден был признать, что сенатор обладает харизмой. И умеет включать и выключать свое обаяние, словно фонарик. Неудивительно, что он добился такого успеха в Вашингтоне.

Массивная дверь открылась, пропуская прибывших. Пейнтер знал, что хранилище защищено тремя мощными запорами. В качестве дополнительной меры предосторожности всех трех ключей не было ни у одного человека на планете.

Как только дверь закрылась, ветер утих, что явилось облегчением, однако теплее внутри не стало. Здесь постоянно поддерживалась температура около нуля по Фаренгейту — минус восемнадцать по Цельсию. Казалось, они шагнули в огромную морозильную камеру.

За коротким пандусом, ведущим вниз, начинался длинный тоннель, круглый в поперечнике, достаточно просторный, чтобы по нему мог ходить состав метро. Под ногами лежали бетонные блоки; над головой тянулись ряды люминесцентных ламп, а также переплетение труб и кабелей. Грубо обработанные стены из железобетона, усиленного стекловолокном, придавали тоннелю сходство с пещерой.

Пейнтер успел ознакомиться с планом хранилища. Все было устроено очень просто. Тоннель уходил вниз на пятьсот футов и заканчивался тремя огромными бункерами для

семян, каждый из которых был закрыт своим отдельным герметическим шлюзом. Помимо этого, подземный комплекс включал в себя лишь несколько административных помещений, расположенных рядом с бункерами.

Навстречу донеслось эхо голосов. Далеко впереди показался яркий свет.

Проходя по тоннелю, сенатор Гормен тихо промолвил, указывая рукой на стены:

— Ивар был одним из главных спонсоров строительства этого хранилища. Он твердо убежден, что необходимо сохранять естественную биологическую диверсификацию мира. На его взгляд, все остальные подобные хранилища являются несовершенными.

— Это я уже понял. Человек, который стремится держать все в своих руках.

— Однако в данном случае Ивар, пожалуй, прав. В мире насчитывается свыше тысячи хранилищ семян, но большинство из них уязвимы. Государственный семенной фонд Ирака был разграблен и уничтожен. То же самое произошло в Афганистане. Хранилище разорили талибы, которым были нужны не сами семена, а пластмассовые контейнеры. И другие хранилища такие же незащищенные. Плохая организация, нестабильная экономика, устаревшее оборудование — все это факторы риска. Но главное — это отсутствие понимания самой сути задачи.

— А это как раз то, что есть у Карлсена?

— Хранилище на Шпицбергене — детище Глобального фонда по разнообразию сельскохозяйственных культур. Но как только Ивар узнал об этом проекте, он взялся за дело засучив рукава, оказывая всестороннюю поддержку, как финансовую, так и политическую. — Сенатор потер виски кончиками затянутых в перчатки пальцев. — Я до сих пор не могу сопоставить человека, которого знал, с тем чудовищем, каким он, похоже, является на самом деле. Это никак не вяжется между собой.

Дальше они продолжили путь молча. Пейнтеру показалось, он уловил в голосе Гормена тень сомнения. После первоначального потрясения, вызванного известием о предательстве, потихоньку возвращался назад скептицизм. Но такова человеческая природа. Никому не хочется верить в худшее о своем лучшем друге и признаваться в собственной слепоте и доверчивости.

Впереди показалась группа людей, собравшихся в конце тоннеля. Судя по звукам, там был в самом разгаре торжественный банкет. Вдоль одной стены тянулся ряд ледяных скульптур, подсвеченных снизу и сверкающих хрусталем: белый медведь, морж, копия горы и даже эмблема «Виатуса». У другой стены стояли столы с холодными закусками и кофейный автомат.

Гормен взял бокал с шампанским у проходившей мимо официантки. Та была одета в длинную шубу. На таком мероприятии теплая куртка являлась эквивалентом черного галстука. Два десятка укутанных в зимнюю одежду гостей толпились в тоннеле, однако, судя по количеству прислуги и горам нетронутой еды, народу ожидалось гораздо больше.

Пейнтер догадался, что многих отпугнуло нападение на «Гранд-отель», в котором обвинили террористов.

И все же для банкета, устроенного в каких-нибудь двух шагах от Северного полюса, успех был оглушительным. У микрофона стояло знакомое лицо. Рейнард Бута, сопрезидент Римского клуба, пространно разглагольствовал о необходимости сохранять видовое разнообразие растений.

— Мы находимся в эпицентре генетического Чернобыля. Всего сто лет назад количество сортов яблок, выращиваемых в Соединенных Штатах, превышало семь тысяч. Сейчас же оно сократилось до трехсот. Сортов бобовых было больше семисот. Сейчас их не наберется и тридцати. Всего за одно столетие исчезли семьдесят пять процентов видов растений. И каждый день приносит сообщение о том, что исчез еще один вид. Необходимо действовать без промедления, для того чтобы сохранить оставшееся, прежде чем это будет потеря-

но навсегда. Вот почему такое значение имеет Глобальное хранилище семян на Шпицбергене, вот почему мы должны собирать средства...

Слушая краем уха речь Буты, Пейнтер отыскал взглядом в толпе Карлсена. Он стоял в окружении двух женщин. Одна, стройная и высокая, с длинными светлыми волосами, прятала лицо под капюшоном куртки. Вторая, в годах, что-то говорила Карлсену на ухо.

— Кто это? — спросил Пейнтер, указывая на женщину, разговаривавшую с Карлсеном.

— Президент совета по народонаселению при Рокфеллеровском центре, еще один член ближнего круга Ивара. Они знакомы друг с другом уже много лет.

Пейнтеру было известно про Совет по народонаселению. Этот совет решительно выступал за регулирование численности населения через планирование семьи и контроль за рождаемостью, и, если верить слухам, некоторые его методы граничили с евгеникой.

Неудивительно, что Карлсен был в таких хороших отношениях с президентом совета.

Гормен указал на нескольких гостей, также входивших в тайную группу Карлсена.

— Вон тот толстяк с пивным брюшком представляет одну ведущую немецкую химическую компанию, она занимается производством удобрений и фармацевтических средств. «Виатус» давно проводит исследования с целью создать на основе одного из разработанных компанией инсектицидов новое поколение генетически модифицированных зерновых. В случае успешного результата это позволит значительно сократить количество пестицидов для обработки полей, что приведет к повышению урожайности и снижению стоимости.

Пейнтер кивал, слушая, как Гормен перечисляет остальных. Похоже, близкий круг Карлсена состоял из тех, кто или искал пути борьбы с кризисом перенаселения, или занимался исследованиями, направленными на увеличение производства продовольствия. Сенатор был прав. Глава «Виа-

туса» действительно принимал близко к сердцу благополучие планеты.

И как же это соотносится с тем, что этот человек безжалостно расправился с обитателями лагеря беженцев и работал над повсеместным распространением генетического оружия, способного загрязнить и разрушить биосферу?

Пейнтер вспомнил предыдущую оценку, сделанную сенатором.

Это никак не вязалось между собой.

Пейнтер полностью сосредоточил свое внимание на Карлсене. Он хотел перед тем, как подойти к нему, узнать всех ключевых игроков.

— А та, другая женщина, — спросил он, — молодая блондинка, которая буквально висит у Карлсена на руке?

Гормен прищурился, всматриваясь.

— Не знаю. Она кажется мне смутно знакомой, но в ближний круг она не входит. Быть может, просто подружка.

Удовлетворившись, Пейнтер подтолкнул Гормена локтем и устремился сквозь толпу. Маловероятно, что в этом месте, при таком большом стечении народа Карлсен осмелится предпринять открыто враждебные действия. Куда отсюда можно бежать?

Лавируя между гостями, Пейнтер вскоре оказался прямо перед Карлсеном. Тот, закончив беседу с президентом Совета по народонаселению, остался один. Даже блондинка, висевшая у него на руке, отошла к буфетному столику.

Карлсен не узнал Пейнтера. Его взгляд, мельком скользнув по директору «Сигмы», остановился на сенаторе Гормене. *Лицо норвежского магната тотчас же просветлело.* Он радостно протянул руку.

Гормен машинально ее пожал.

— Боже милосердный, Себастьян, — сказал Карлсен, — когда вы приехали? Как вы сюда добрались? Когда вы не появились в аэропорту, я пытался дозвониться в гостиницу, но после всей этой суматохи, вызванной ночным нападени-

ем, мне так ничего и не удалось узнать. Я решил, что вы, наверное, улетели домой.

— Нет. Служба безопасности просто переселила меня в другую гостиницу, — уклончиво объяснил Гормен. — В аэропорт к назначенному времени я не успевал, и мне не хотелось никого задерживать. Поэтому я заказал отдельный самолет.

— Напрасно. Я настаиваю на том, чтобы «Виатус» покрыл все ваши расходы.

Пейнтер внимательно наблюдал за ними со стороны. Хотя сенатор неплохо играл свою роль, было очевидно, что он на взводе.

Напротив, Карлсен, казалось, был искренне рад видеть соратника. На его лице Пейнтер не замечал никаких свидетельств того, что он вчера вечером приказал убить человека, который сейчас стоял перед ним. Или Карлсен действительно не имел никакого отношения к этому нападению, или же он обладал прямо-таки пугающим хладнокровием.

Гормен оглянулся на Пейнтера. Выражение его лица излучало сомнение. Запнувшись, он указал на своего спутника:

— Кажется, вы уже встречались со следователем из главного следственного отдела Министерства обороны.

Тяжелый взгляд норвежца упал на Пейнтера. Секундное недоумение сменилось рассеянной усмешкой.

— Ах да, извините. Вчера мы с вами обменялись парой слов. Вы должны меня простить. Прошедшие сутки выдались для меня просто безумными.

«Можешь мне не рассказывать», — подумал Пейнтер.

Пожимая Карлсену руку, он продолжал изучать его лицо, пытаясь найти малейшие трещинки в его невозмутимости. Но если этот человек и знал, что перед ним не сотрудник военной прокуратуры, он никак этого не показывал.

— Сенатор любезно разрешил мне присоединиться к нему, — сказал Пейнтер. — Я надеялся, что нам с вами все-таки удастся побеседовать. У меня к вам всего несколько вопросов, нужно прояснить кое-какие моменты. Обещаю, много времени это не отнимет. Может быть, здесь есть ка-

кое-нибудь уединенное место, где мы сможем поговорить без посторонних?

Явно недовольный этой просьбой, Карлсен оглянулся на Гормена. И Пейнтеру на мгновение показалось, что он заметил мелькнувшее на лице у президента «Виатуса» чувство вины. В конце концов, во время бойни в Мали погиб сын сенатора. Ну как он мог отказать в присутствии убитого горем отца?

Взглянув на часы, Карлсен кивнул на дверь справа:

— Там несколько кабинетов. Почти все заняты под продукты и оснащение для банкета, но в дальней части есть небольшой зал для совещаний, который должен быть свободен.

— Это подойдет как нельзя лучше.

Они направились туда втроем.

Проходя сквозь толпу, Пейнтер поймал на себе пристальный взгляд молодой блондинки. Хотя лицо ее оставалось бесстрастным, глаза у нее были холоднее арктического льда. Застигнутая врасплох, женщина поспешно отвернулась в сторону.

Оставшись одна среди всеобщего веселья, она была явно чем-то обеспокоена.

Криста проводила взглядом троих мужчин, направившихся в административную секцию хранилища. Ничего хорошего это не предвещало.

Минуту назад она едва не подавилась оливкой, плавающей в водке с тоником, потрясенная видом возникшего словно из ниоткуда черноволосого оперативника «Сигмы». Да к тому же ведущего за собой сенатора Гормена. Ей едва удалось вовремя убраться с дороги.

Криста стояла, уставившись на закрытую дверь. Как эти двое могли оказаться здесь? Она была уверена, что они остались далеко отсюда, в Осло.

Внезапно ей показалось, что на нее со всех сторон обращены пристальные взгляды. Криста поправила капюшон так, чтобы норковый мех лучше скрыл ее лицо. Она была рада

тому, что в качестве дополнительной меры предосторожности для поездки на Шпицберген взяла с собой светловолосый парик. Ей не нужны были новые неприятности вроде той, что произошла с Антонио Гравелом.

Криста отступила в глубь тоннеля. Там он заканчивался площадкой, откуда отходили коридоры к трем бункерам для семян, закрытым герметическими шлюзами. Пока гости слушали выступающих ораторов, у нее было время побыть одной и собраться с мыслями.

Прислонившись к двери одного из шлюзов, Криста стиснула лежащий в кармане телефон. До сих пор от ее начальства не поступило никаких распоряжений. Что ей делать? В прошлый раз звонивший сказал, что сам позаботится об оперативнике «Сигмы», но тот сейчас находился здесь, живой и невредимый, в обществе сенатора Гормена. Следует ли ей предпринять самостоятельные действия? Или лучше ждать приказаний? Криста занимала высокое место в иерархии организации, предполагавшее способность принимать решения на ходу и при необходимости импровизировать.

Сделав несколько размеренных вдохов и выдохов, Криста подождала, пока план четко выкристаллизуется. Если ей придется действовать, она не будет раздумывать. Но пока что просто проследит за развитием событий. И все же это не означало, что дополнительные меры предосторожности не нужны.

Криста достала телефон. Поймать сигнал сотового ретранслятора так глубоко под землей не было никакой надежды. Однако, прибыв сюда, она сразу же под благовидным предлогом оставила Ивара и, найдя в компьютерном центре телефонную линию связи с окружающим миром, подключила к нему маленький усилитель. Так что теперь можно было пользоваться сотовым телефоном.

Криста набрала номер. У нее в Лонгйире наготове были люди. Пришло время их вызвать. Как только ей ответили, Криста заговорила быстро и четко, приказывая перекрыть

все дороги, ведущие к горе. Меньше всего ей сейчас были нужны какие-либо сюрпризы.

Покончив с этим, Криста закрыла телефон, несколько успокоившись. Больше всего на свете ее выматывало ожидание. Сознание выполненного дела, хоть и такого пустякового, принесло облегчение. Криста поправила выбившуюся светлую прядь. Надо будет зайти в туалет и освежить макияж.

Однако не успела она сделать и шага, как телефон у нее в руке завибрировал. По всему ее телу разлился леденящий холод, оно откликнулось дрожью в такт вибрации. Криста поднесла телефон к уху.

— Да? — сказала она.

Прозвучал знакомый голос, передавший долгожданный приказ. Приказ был простым и четким:

— Если хотите жить, немедленно убирайтесь отсюда.

19

13 октября.
10 часов 13 минут.
Абердарон, Уэльс

Грей вел внедорожник вниз по склону к церкви на берегу моря. Они ехали всю ночь, сменяя друг друга за рулем, стараясь хоть немного выспаться в промежутках. Все были измучены до предела.

В зеркале заднего обзора Грей видел Рейчел, которая сидела, уставившись в окно. Она не спала ни минуты. Глаза у нее запали. Итальянка то и дело прижимала ладонь к животу, несомненно напуганная тем, что зрело у нее внутри, — биотоксином, способным убить ее за три дня.

У другого окна сидела женщина, отравившая Рейчел, с виду совершенно невозмутимая. Сейхан проспала почти всю ночь. Она нисколько не опасалась того, что ее спутники сбегут. Они даже не могли попросить о помощи. Если Сейхан задержат, Рейчел умрет.

— Господин профессор! — громко окликнул Грей.

Бойл, задремавший на заднем сиденье между женщинами, зашевелился. Руфус, выбравшись из грузового отделения, потянулся.

— Уже приехали? — заспанным голосом спросил Бойл.

— Почти.

— Да уж пора бы, черт побери.

Ночь выдалась длинной. Беглецы покинули Озерный край верхом на пони, следуя по тропам, которыми их вел профессор. Задолго до восхода солнца они добрались до горной деревушки Саттертуэйт, где оставили своих лошадей в крестьянском дворе. Затем Грей замкнул нужные провода и завел без ключа «Лендровер».

Но до того, во время долгой езды верхом по горам, Грей подробно расспросил профессора о том, что им было приказано найти, — о ключе к «Книге Судного дня». Согласно Бойлу, легенда, связанная с этой старинной книгой, утверждала, что в загадочном латинском тексте спрятана карта, открывающая дорогу к несметным сокровищам.

— Все это полная ерунда, уверяю вас, — решительным тоном заключил Бойл, многозначительно глядя на Сейхан.

Та лишь пожала плечами. У нее тоже был свой приказ.

Желая получить хоть какие-нибудь указания о дальнейших действиях, Грей постарался вытянуть из профессора все о путешествиях отца Джованни, и в первую очередь о том, куда отправился ватиканский археолог после посещения каменного кольца в торфяном болоте. Бойл подробностей не знал, поскольку в последнее время отец Джованни становился все более скрытным. Профессор предложил лишь одну ниточку, за которую можно было ухватиться.

— После этой находки в Озерном крае Марко отправился исследовать другое место, обозначенное в «Земельной описи» как «опустошенное». Эта запись является самой первой.

Далее Бойл объяснил, как островок в Ирландском море стал первым, охарактеризованным в «Земельной описи» таким загадочным образом. Остров Бардси находится у побе-

режья Уэльса. По словам Бойла, отец Джованни собирался встретиться с одним священником, хорошо знающим историю острова.

Именно туда они сейчас и направлялись. Покинув Озерный край, они ехали на юг всю ночь, возвратились обратно в Ливерпуль, а оттуда повернули дальше в Уэльс. Их целью была самая крайняя оконечность полуострова Ллин, полоска земли, указывающая прямо на Ирландию.

Остров Бардси находился в двух милях от берега. Грей первым заметил его серо-зеленый горб на фоне темнеющего неба. Островок был крошечный, меньше двух миль в поперечнике. Дождевой заряд, скользнув по гребню островка, медленно продолжал путь к побережью.

К счастью, первая цель пути находилась гораздо ближе. Церковь Святого Хиуина стояла на высоком берегу, обращенная к ветру и волнам. Именно здесь отец Джованни начал свои поиски.

Грей свернул на стоянку.

Церковь из серого камня венчала красная черепичная крыша. Большие готические окна смотрели на унылое кладбище. Внизу раскинулась рыбацкая деревушка с кривыми улочками и пестрыми каменными домами.

Все вышли из машины, разминаясь и поеживаясь от холодного ветра, дующего со стороны моря. Волны тяжело накатывали на берег. В воздухе пахло водорослями и солью.

— Я останусь у машины, — заявила Сейхан. — Не хочу, чтобы ее снова угнали.

Грей даже не потрудился ей ответить. Сделав над собой усилие, он подавил вспышку ярости — не потому, что не хотел провоцировать Сейхан, а потому, что она не заслуживала никакого ответа.

Радуясь возможности избавиться от нее, Грей повел остальных за церковь, к пристроенному домику священника. По дороге в Уэльс он с телефона Сейхан позвонил в церковь Святого Хиуина и договорился о встрече с отцом Тимоти Раем.

Священник сначала очень обрадовался интересу, проявленному к его исследованиям, но затем он узнал о причине визита.

— Марко нет в живых? — воскликнул отец Рай. — Не могу в это поверить! Я виделся с ним всего каких-нибудь пару месяцев назад.

Грею хотелось верить, что священник располагает информацией, которой можно будет воспользоваться.

Не успели они подойти к двери пристроенного домика, как она распахнулась. Священник оказался старше, чем предположил по его голосу Грей. Тощий, с редкими клочками седых волос на голове, он утопал в большом, не по размеру, шерстяном свитере. Отец Рай ковылял с трудом, опираясь на сучковатую палку, но вышел навстречу гостям с радушной улыбкой на лице.

— Заходите скорее в дом, пока ветер не выбил вам все зубы. — Священник замахал костлявой рукой, указывая на дверь. — Я уже поставил на плиту чайник, а старуха Мэгги занесла корзинку пирожков с клюквой — лучше не сыскать во всем Уэльсе.

Отец Рай провел гостей в комнату с дощатым полом. Балки перекрытия были такими низкими, что Ковальски пришлось пригнуться. Стены оказались сложены из того же камня, что и у основного здания церкви, а в маленьком камине плясали веселые языки пламени. Длинный стол был накрыт к утреннему чаю.

От аппетитного аромата свежей выпечки у Грея заурчало в желудке, но он не хотел без необходимости затягивать визит. Время давило ему на грудь. Он оглянулся на Рейчел. Пожилой священник, с первого взгляда проникнувшись к ней симпатией, буквально вел ее за руку к столу.

— Садитесь вот сюда. Рядом со мной.

Отец Рай суетился возле стола. Бойл задержался в дверях с Руфусом, не зная, оставлять ли собаку на холоде.

— А вы чего там ждете? — с укором промолвил священник. — Проходите в тепло.

Приглашение относилось к обоим. Руфус вбежал в дом, опередив своего хозяина. Направившись прямиком к огню, собака проворно улеглась на пол и свернулась клубком.

Как только все сели за стол, Грей нетерпеливо произнес:

— Отец Рай, вы можете нам сказать, почему отец Джованни...

— Бедный мальчик, — прервал его священник, осеняя себя крестным знамением. — Да упокоится он с миром! — Обернувшись к Рейчел, он потрепал ее по руке. — И я помолюсь за здоровье вашего дяди, оставшегося в Риме. Я знаю, что они с Марко были большими друзьями.

— Да, это так. Спасибо.

Священник снова повернулся к Грею:

— Марко... так, дайте-ка подумать... Впервые он приехал сюда года три назад.

— То есть сразу же после того, как он побывал на моих раскопках, — добавил Бойл.

— После этого он приезжал сюда довольно часто, исколесил весь Уэльс. Мы с ним подолгу беседовали о самых разных вещах. Затем, в июне прошлого года, Марко вернулся с острова Бардси очень взволнованным. Как будто его там что-то до смерти напугало. Всю ночь он провел в церкви в молитвах. Я слышал, как Марко — поймите, я вовсе не подслушивал, — как он снова и снова просил о прощении. А когда на следующее утро я проснулся, его уже не было.

Грей вернулся к первому приезду итальянского священника.

— Отец Джованни говорил вам, почему приехал именно сюда?

— Да. Он совершал паломничество на остров Бардси. Подобно многим до него. Чтобы почтить память умерших.

Грей тщетно пытался разобраться в услышанном. Определенно, отец Джованни не был до конца откровенен с пожилым священником. Однако некоторые слова приобретали смысл.

— О каких умерших вы говорите?

— О двадцати тысячах святых, похороненных на Бардси. — Старик указал в окошко, выходящее на море. Островок почти совсем скрылся из виду за пеленой дождя. — Марко хотел узнать о них все.

Грей поймал себя на том, что испытывает такое же желание.

— И что вы ему сказали?

— То, что говорю всем паломникам. Остров Бардси является священным местом. У него долгая история, восходящая к первым поселенцам на этих прекрасных землях. К тем, кто расставлял каменные столбы и строил древние святилища.

Бойл встрепенулся.

— Вы говорите про племена, в эпоху неолита впервые заселившие Британские острова?

— Совершенно верно. На Бардси до сих пор можно видеть остатки их поселения. Остров считался священным еще в те времена. Там обитали цари. Вы знакомы с кельтскими преданиями о фоморийцах?

Грей покачал головой. Бойл не отрывал взгляда от священника. Несомненно, он понимал, о чем идет речь, но хотел услышать все от самого отца Рая.

— И что такое эти фоморийцы? — спросила Рейчел.

— Не что, а кто. Согласно ирландским легендам, когда кельты впервые попали на эти острова, они обнаружили, что здесь живет какой-то древний народ, совершенно чудовищный. Предположительно, это были потомки Хама, проклятого Ноем. На протяжении нескольких столетий кельты и фоморийцы сражались за право обладать Ирландией. И хотя фоморийцы плохо умели обращаться с оружием, они насылали на незваных пришельцев мор.

— Мор? — переспросил Грей.

— Да. Говоря словами одной ирландской оды, они умели насылать на своих врагов «великую иссушающую смерть».

Грей оглянулся на Рейчел и Бойла. Возможно ли, что это была та самая болезнь, которая скосила жителей горной деревушки?

— За столетия набралось множество рассказов, — продолжал отец Рай, — о великих войнах между двумя народами, чередовавшимися с непродолжительными промежутками настороженного перемирия. Ирландские сказители признают, что именно фоморийцы передали кельтам искусство обрабатывать землю. Но в конце концов на острове Тори состоялась последняя великая битва, которая завершилась гибелью царя фоморийцев.

— Но какое отношение имеет все это к острову Бардси? — спросил Бойл.

Священник удивленно поднял брови:

— Как я уже говорил, Бардси издавна полюбили цари. Согласно местным преданиям, именно на Бардси жила фоморийская царица. Она была великой богиней, обладала даром лечить больных и даже исцелять от мора.

— Неудивительно, что Марко постоянно наведывался сюда, — пробормотал себе под нос профессор.

Грею захотелось спросить, что он имел в виду, но отец Рай не собирался останавливаться.

— И вот кельты полностью овладели островами. Но даже их жрецы-друиды признавали, что эта область является священной. Свой центр знаний они создали на расположенном неподалеку острове Англси. Туда съезжались ученики со всей Европы. Можете себе представить? Однако наиболее священным друиды считали Бардси. Только самым почитаемым друидам позволялось быть похороненными на острове. И в их числе был знаменитейший друид всех времен.

Судя по всему, Бойлу была знакома эта легенда.

— Мерлин.

Сейхан стояла позади «Лендровера», прячась от ветра. Открывая и закрывая нож с выкидным лезвием, она следила за дверью домика священника. Сейхан не опасалась, что кто-нибудь попытается бежать или воспользуется телефо-

ном. Впрочем, чтобы обезопаситься, она все-таки перерезала телефонный провод.

Можно было бы просто пройти в дом вместе с остальными, однако Сейхан была не сильна в том, чтобы решать исторические головоломки. Она сама прекрасно сознавала, в чем заключается ее истинный талант. Кроме того, ей не хотелось отвлекать внимание Грея. Сейхан чувствовала исходящую от него ярость, которая распалялась тем больше, чем ближе к нему она оказывалась. Поэтому ей лучше было остаться в стороне ради полной сосредоточенности Грея.

Ради всеобщего блага.

Сейхан отметила, как вскоре после их приезда в соседнюю деревушку завернул седан «Ауди». За ними присматривали издалека. Криста Магнуссен, куратор Сейхан, держала ее на коротком поводке, отслеживая все перемещения маленького отряда. Охотники мастерски меняли машины. Сейхан насчитала по крайней мере три хвоста. Если не знать, где искать, обнаружить их было бы невозможно.

Но только не для Сейхан.

Резко дернув рукой, она закрыла выдвинутое лезвие и убрала нож в карман. Даже сейчас, чувствуя на себе пытливые взгляды, она остро испытывала необходимость двигаться. Отойдя от машины, Сейхан неспешно направилась к дверям старой церкви. Каменный фасад был холодный и внушительный и такой же твердый, как эти люди, живущие нелегким трудом за счет моря. Тяжесть веков казалась буквально осязаемой. Даже двери были массивными, покрытыми царапинами, старыми. Дернув за ручку, Сейхан обнаружила, что церковь открыта.

Она никогда не переставала удивляться, натыкаясь на незапертые двери.

В этом было что-то неправильное, противоестественное.

Не раздумывая, Сейхан потянула дверь на себя. Ветер усиливался. Неизвестно, сколько еще остальные будут отсутствовать. Войдя в церковь, Сейхан прошла в неф. Ожидая увидеть мрачное, строгое убранство, она удивилась, об-

наружив светлое и просторное помещение. Выкрашенные в светло-кремовый цвет стены улавливали и задерживали скудный свет, проникающий в сводчатые окна. По обе стороны стояли скамьи, отполированные временем, а центральный проход был застелен светло-голубым ковром.

В церкви никого не было, но Сейхан с удивлением поймала себя на том, что не может пройти дальше. Внезапно охваченная усталостью, она шагнула к ближайшей скамье и села, уставившись на распятие. Сейхан не была религиозной, но сейчас остро прочувствовала боль на лице вырезанного из дерева Христа.

Ей была хорошо знакома эта мучительная боль.

Сейхан учащенно дышала, не в силах оторвать взгляд. Вдруг у нее перед глазами все расплылось. Слезы нахлынули внезапно, поднимаясь откуда-то из потаенных глубин души. Женщина закрыла лицо, словно пытаясь их остановить, спрятать, опровергнуть само их существование.

Она долго сидела, уронив голову, не в силах пошевелиться. У нее в груди нарастало внутреннее напряжение. Наконец оно достигло критической точки — словно что-то огромное стремилось протиснуться в крохотное отверстие. Сейхан ждала, когда это ощущение пройдет, и наконец оно исчезло, оставив у нее в душе пустоту и необъяснимое разочарование. Все ее тело содрогнулось, всего один раз. Сделав судорожный глубокий вдох, Сейхан вытерла глаза и встала.

Развернувшись спиной к распятию, она направилась к выходу из церкви. Налетевший порыв ветра ударил ей в грудь и захлопнул дверь у нее за спиной. Это напомнило Сейхан важный урок.

Двери нужно запирать на замок.

Как ни старался Грей, в его голосе прозвучала презрительная насмешка.

— Вы хотите сказать, что Мерлин похоронен на острове Бардси?

Улыбнувшись, отец Рай отпил глоток чая.

— Разумеется, в здешних краях все любят повторять эту легенду. В ней говорится, что Мерлин был похоронен на острове в стеклянном гробу. Конечно, это кажется не более чем красивой выдумкой, и все-таки легенда замечательная, вы не находите? — Священник подмигнул Рейчел. — Хотя многие, и в том числе некоторые серьезные историки, верят в то, что прообразом Авалона из цикла легенд о короле Артуре является как раз остров Бардси.

Ковальски спросил ртом, набитым пирожками:

— А что такое Авалон?

Грей ткнул великана под столом. Он не хотел, чтобы пожилой священник распространялся о старинных преданиях. Им нужно было выяснить как можно больше об отце Джованни.

Но было уже слишком поздно.

— Согласно кельтской легенде, — пустился в объяснения отец Рай, — остров Авалон представлял собой рай на земле. Именно там был выкован Экскалибур, меч короля Артура. Там правила сестра Артура, фея Моргана. На острове росли необычайно вкусные яблоки, по которым он и получил свое название, от валлийского слова afal, «яблоко». Считалось, что на Авалоне заживают раны и исцеляются болезни. Артуровский цикл заканчивается тем, что после битвы у Камланна раненого короля Артура переправляют на остров к фее Моргане. И разумеется, как я уже говорил, именно на Авалоне был похоронен чародей Мерлин.

По мере того как Бойл слушал рассказ священника, его лицо становилось все более кислым.

— Вздор, — наконец решительно заявил он. — Все, кому не лень, утверждают, что Авалон и замок Камелот находятся именно в их краях.

Однако отец Рай нисколько не обиделся на замечание профессора.

— Как я сказал, это лишь легенда. Но, как и Авалон, Бардси издревле считался целительным местом. Это утверж-

дение приводится даже в путевых заметках, написанных в тысяча сто восемьдесят восьмом году. Автора поразило то, что жители Бардси на удивление почти не болеют и «мало кто из них умирает, не дожив до глубокой старости». И еще, разумеется, нельзя забывать про волшебные яблоки.

— Про яблоки? — удивился Ковальски.

— Может быть, мы лучше пропустим эти мифы, — заметил Грей, стараясь вернуть разговор к отцу Джованни.

— Это вовсе не мифы. — Встав, отец Рай подошел к столику у плиты, схватил из миски яблоко и бросил его Грею. — Молодой человек, разве это похоже на миф? Сын Мэгги не далее как на прошлой неделе сорвал это яблоко с яблони, растущей на острове.

Нахмурившись, Грей подозрительно скосился на плод размером с кулак.

— Других таких яблок нет на всей земле, — с гордостью продолжал отец Рай. — Несколько лет назад яблоки с этого дерева были отправлены в Национальное собрание фруктов в Кент. Там их изучили и установили две вещи. Во-первых, яблоки относятся к какому-то новому, неизвестному сорту. И во-вторых, они просто поразительно устойчивы к гнили и заболеваниям. Затем была исследована сама старая ветвистая яблоня, и оказалось, что у нее тоже отменное здоровье. Ботаники пришли к выводу, что это дерево — единственное, сохранившееся от яблоневого сада, который тысячу лет назад посадили на острове монахи аббатства Пресвятой Богородицы.

Грей снова посмотрел на небольшое яблоко, чувствуя, как от него веет древней историей. Кто бы во что ни верил, но с этим островом действительно связана долгая, странная история исцелений: сперва фоморийская царица, затем кельтские легенды про Авалон, и, наконец, теперь сам Грей держал в руке нечто, как было научно доказано, необычайно жизнестойкое.

Грей выглянул в окошко на поднимающийся над морем зеленый горб.

Что такого особенного в этом острове?

Но отец Рай, судя по всему, еще не закончил свой урок истории.

— Однако со временем приходит конец всему, — снова заговорил священник. — И кельты не были исключением. Их покорили римляне, но только после многолетних жестоких войн. И все это время римляне утверждали, что друиды насылают на их войска проклятия, точно так же, как давным-давно поступали с кельтами фоморийцы. А потом на смену друидам пришла католическая церковь, взявшая эти языческие земли под свое крыло. В тринадцатом веке на острове было основано аббатство. Там до сих пор сохранились развалины колокольни.

Бойл вернул разговор к исходной точке.

— Но что насчет двадцати тысяч святых, о которых вы упомянули в самом начале?

Отец Рай выслушал его, кивая и одновременно попивая чай, при этом ему каким-то образом удавалось не пролить ни капли.

— Бардси известен как «остров двадцати тысяч святых». В этом названии отражено количество христианских мучеников, похороненных там.

— Так много? — засомневался Бойл. — Разумеется, никаких археологических свидетельств такого массового захоронения нет?

— Вы правы. Полагаю, легенду нужно воспринимать скорее как аллегорию, а не в буквальном смысле. Хотя среди местных жителей из поколения в поколение передаются слухи о том, что на Бардси приходила великая смерть, иссушающая болезнь, поразившая почти всех жителей острова и монахов. Их трупы были сожжены дотла, а пепел развеян над морем.

Этот сценарий был знаком Грею. То же самое произошло в горной деревушке. Все свидетельства сожжены и развеяны, остались только слухи и загадочная запись в «Книге Судного дня».

— Так или иначе, с тех самых пор, как сюда пришла христианская церковь, остров считается священным. Со временем Бардси превратился в место паломничества, и так продолжается и по сей день. Ватикан постановил, что три паломничества на Бардси заменяют одно в Рим. Если хотите знать мое мнение, очень выгодная сделка. И многие считают так же. — Отец Рай махнул в сторону церкви: — Самая древняя часть церкви Святого Хиуина была возведена еще в тысяча сто тридцать седьмом году. Через ее двери прошли тысячи и тысячи паломников, спешащих на Бардси. В том числе большинство тогдашних ирландских и английских праведников.

Словно в ответ на слова священника, входная дверь распахнулась настежь и в дом ворвался высокий мальчишка, пышущий энергией своих тринадцати лет. Быстро стащив с головы шапку, мальчишка встряхнул волосами, такими огненно-рыжими, что в комнате, казалось, вспыхнул пожар.

— Ну вот и ты, Лайл, — сказал отец Рай, поднимаясь из-за стола. — Ну что, твой отец приготовил для наших гостей лодку?

Лайл обвел взглядом собравшихся.

— Приготовил, святой отец. Он приказал мне сбегать за ними. Сказал, что надо поторопиться. Ветер уже поднялся сильный.

Священник понурился, жалея о расставании с гостями.

— Вам лучше трогаться в путь. Если разыграется шторм, добраться до острова не удастся.

Грей кивнул.

— Пошли.

Все направились к двери.

— Можно моя собака останется у вас? — обратился к священнику Бойл. — Есть только одно, чего Руфус терпеть не может, и это — плавать на лодке.

Отец Рай улыбнулся:

— Буду очень рад. Вы сможете забрать собаку на обратном пути.

Похоже, Руфус тоже остался доволен таким решением. Опустив морду на лапы, он снова уставился на огонь.

Когда Грей уже выходил на улицу, отец Рай окликнул:

— Лайл, когда доберетесь до острова, не забудь показать гостям пещеру отшельника.

Грей обернулся.

Отец Рай подмигнул ему.

— Там похоронен Мерлин.

11 часов 22 минуты

Рейчел с сомнением посмотрела на средство переправы, хотя маленькая лодка выглядела достаточно прочной. Это был катамаран с закрытой капитанской рубкой на носу и открытой палубой на корме. Молодой женщине уже приходилось плавать на таких лодках, когда она занималась подводным плаванием на Средиземном море. Они отличались необычайной устойчивостью и надежностью.

И все же сейчас, глядя на качающуюся на волнах лодку, Рейчел испытывала растущее беспокойство. Зажимая одной рукой воротник на шее, она всмотрелась в даль, не обращая внимания на пронизывающий ветер. В воздухе пахло дождем. Хотя на берегу еще было сухо, со стороны моря надвигался ливень.

Должно быть, выражение лица Рейчел было достаточно красноречивым.

— «Бенли» — отличное судно, — заверил паромщик, одетый в толстый свитер и желтый дождевик. Это был Оуэн Брайс, отец Лайла.

Мальчишка носился по качающейся палубе с ловкостью рыжеволосой обезьяны. Отец с гордостью проводил его взглядом.

— Не волнуйтесь, мисс. Мы доставим вас на остров в целости и сохранности. «Бенли» сидит низко и легко заходит на волну.

Рейчел не поняла ни слова из его объяснений, но морской жаргон придал ей уверенности. Похоже, капитан знал, о чем говорит.

Подойдя к борту, Лайл протянул руку. Ухватившись, Рейчел перепрыгнула с пристани на лодку. Грей и профессор, уже поднявшиеся на борт, о чем-то разговаривали вполголоса. Ковальски и Сейхан были последними.

Стараясь держаться подальше от Сейхан, Рейчел села рядом с Греем. И все же она остро ощущала присутствие своего врага — не потому, что Сейхан таращилась на нее, а потому, что, наоборот, умышленно даже не смотрела в ее сторону. Рейчел это очень злило. Она считала, что заслуживает по крайней мере того, чтобы ее замечали.

Рейчел не хотелось больше думать о Сейхан и качающейся лодке, и она повернулась к Грею. В этот момент с булькающим ревом заработали два подвесных мотора катамарана, так что Грей вынужден был почти кричать:

— Я случайно услышал, как вы в домике священника обмолвились, будто нет ничего удивительного в том, что отец Джованни постоянно приезжал сюда.

Рейчел тоже слышала эти слова. Бойл произнес их, когда отец Рай рассказывал про языческую царицу.

Профессор кивнул:

— Точно. Как историк, занимающийся Британией эпохи неолита, я знаком с ирландскими преданиями о чудовищных фоморийцах, которые якобы первыми заселили эти земли. В них говорится, что это были гиганты, пожиравшие людей живьем. Однако Марко, несомненно, заинтересовало замечание викария о том, что это были потомки Хама, библейского персонажа. Вот почему его внимание оказалось приковано к этим местам.

— Это еще почему? — спросил Грей.

— Начнем с того, что все кельтские предания пересказывались устно. Передавались из уст в уста. И до нас они дошли только благодаря ирландским монахам, которые, переживая в уединении кровавые невзгоды Средних веков, скрупулезно

переписывали и иллюстрировали древние летописи. Именно они пронесли через те мрачные времена память о зарождении западной цивилизации. И в том числе сохранили ирландские предания и саги, впервые записав их. Но вы должны понимать, что монахи все равно оставались в первую очередь христианами, поэтому, пересказывая старинные предания, они придавали им библейскую окраску.

— Так, в частности, фоморийцы превратились в потомков Хама, — сказал Грей.

— Совершенно верно. На самом деле в Библии не указан явно народ, происходящий из проклятых потомков Хама, однако иудейские и ранние христианские теологи понимали под этим проклятием то, что у потомков Хама была черная кожа. Кстати, именно этим в свое время оправдывалась работорговля.

Грей откинулся назад, постепенно начиная понимать.

— Значит, вы хотите сказать, что кельты описывали фоморийскую царицу как «черную», а уже потом монахи превратили ее в потомка Хама.

— Чернокожая царица, способная исцелять больных, — подтвердил Бойл.

— А для отца Джованни она, по всей видимости, стала раннеязыческим воплощением Черной Мадонны.

Грей устремил взор на приближающийся остров. Лодка вышла в открытое море, и волнение заметно усилилось.

— Быть может, легенды о фее Моргане и Авалоне также связаны с этой мифологией. Еще одна женщина, обладающая чудодейственными целительными силами.

Рейчел широко раскрыла глаза.

— Неудивительно, что отец Джованни был буквально одержим этими местами.

— Да, по этой причине, а также из-за ключа. — Скрестив руки на груди, Бойл уверенно стоял на качающейся палубе.

— Из-за ключа к «Книге Судного дня»? — спросила Рейчел. — По-моему, вы сами говорили, что все это вздор.

— Пусть сам я и думаю так, но Марко думал иначе. Во всех легендах о ключе утверждается, что он позволит отпереть путь к несметным сокровищам, которые спасут мир. Марко считал, что я на верном пути, изучая места, обозначенные как «опустошенные». И я постепенно склоняюсь к мысли, что он был прав.

— Это еще почему? — спросил Грей.

— Вспомните рассказы отца Рая. Он говорил о том, как фоморийцы сражались с захватчиками кельтами, насылая на них мор. Считалось, что то же самое делали друиды, когда на Британские острова вторглись римляне. Так что напрашивается вопрос: а что, если кельты научились у покоренных фоморийцев чему-то помимо умения возделывать землю? Новому средству ведения войны, новому оружию. Быть может, во всех этих легендах есть зерно истины. Правда, похороненная в «Книге Судного дня».

Рейчел начала понимать, к чему клонит профессор, но Грей ее опередил.

— Вы полагаете, что умение насылать мор дожило до одиннадцатого столетия. Возможно, это была ранняя форма биологической войны.

Рейчел мысленно представила себе иссохшие тела из торфяника. Исхудавшие до предела, с бурно разросшимися во внутренностях грибами.

— А что, если кто-то отравил эти деревни каким-то паразитирующим грибком? — спросил Грей. — И если это так, то кто?

— Как я уже говорил, все деревни, обозначенные в «Книге Судного дня» как «опустошенные», были расположены в местах столкновений язычников и христиан. И полагаю, особенно красноречивым является тот факт, что первым пораженным местом стал остров Бардси. Земля, священная для друидов. Едва ли им пришлось по душе, что там обосновались христиане и монахи.

— Значит, вы думаете, что всех их уничтожила какая-то тайная секта друидов?

— А затем они перенесли войну на территорию Англии. Подозреваю, друиды начали заражать пограничные деревни в надежде, что болезнь распространится по всей стране.

Лодка налетела на высокую волну, и профессору пришлось ухватиться за ограждение. Сев на скамью, он продолжал:

— Быть может, тайная цель «Книги Судного дня» заключалась в том, чтобы выявить все такие места, следить за ними. Переписчики, составлявшие книгу, посылались во все уголки Англии, чтобы собирать сведения у крестьян и жителей городов. Несомненно, все они также были королевскими шпионами.

— И как, получилось? — спросила Рейчел, захваченная увлекательным рассказом.

— Ну, дальше нескольких очагов дело не пошло, — пожав плечами, сказал Бойл. — Должно быть, кому-то удалось найти способ отбивать эти нападения. После чего все было надежно похоронено.

— Ключ к «Книге Судного дня», — промолвил Грей. — Похоже, это и есть лекарство.

Профессор, задумавшись, потер кончик носа.

— А мы на правильном пути? — спросил Грей, многозначительно взглянув на Рейчел.

Права на ошибку у них не было.

Он накрыл руку молодой женщины ладонью, пожимая ее, но тотчас снова отстранился. А Рейчел хотелось бы, чтобы он задержался. Кожа Грея была горячей, его рукопожатие придало ей уверенности.

Бойл ответил на вопрос Грея:

— Несомненно, Марко верил в существование ключа. И, судя по жутковатому содержимому кожаного мешочка, ему удалось что-то обнаружить. А еще нам известно, что свои поиски он начал здесь, на Бардси.

Профессор кивнул в сторону приближающейся черной массы острова, уже затянутого пеленой дождя. Через несколько мгновений и катамаран также оказался во власти стихии. Ветер резко усилился, перекатывая ледяные вол-

ны через лодку. И тотчас же по палубе забарабанил ливень, словно стараясь запихнуть судно под воду. Видимость сократилась до нескольких ярдов.

— Держитесь крепче! — крикнул из рубки Ковальски, стоявший рядом с капитаном. — Прямо по курсу волны!

Нос лодки взлетел высоко вверх, к самому небу, затем камнем рухнул вниз. После этого качка стала непрерывной. Судно поднималось и падало, кренилось и выравнивалось.

Без всякого предупреждения организм Рейчел также взбунтовался. Она ощутила разливающуюся внутри теплую тошноту. Ладони у нее стали холодными и липкими. Молодая женщина не успела пробраться ближе к борту. Развернувшись на скамье, она перевесилась через ограждение, в едином судорожном порыве освобождая желудок. Это оставило ее настолько опустошенной, что она с трудом удержалась за мокрый поручень.

Прямо перед ней вздымались и опускались волны, готовые в любой момент окатить с ног до головы. Ее рука соскользнула с поручня. Рейчел почувствовала, что падает.

Но тут вокруг нее сомкнулись сильные руки, обхватившие ее крепко, но нежно.

— Я тебя держу, — сказал Грей.

Рейчел прижалась к нему, чувствуя, как желудок у нее по-прежнему бушует вместе с морем. Оставшаяся часть пути оказалась такой же суровой, но Грей больше ни на минуту не отходил от нее.

Казалось, прошло несколько часов, но вот наконец впереди показалась земля. Шторм несколько утих. Дождь перешел в морось. В маленькую бухточку далеко выступал бетонный пирс. Паромщик ловко подвел катамаран к причалу, Лайл соскочил на берег и быстро закрепил на кнехтах канаты. Через считаные секунды лодка была надежно пришвартована. Рейчел с радостью оставила качающуюся палубу. Никогда еще она не испытывала такого счастья от ощущения твердой земли под ногами.

— С тобой все в порядке? — спросил Грей.

Подумав немного, Рейчел медленно кивнула:

— Наверное. Я очень рада, что волны остались позади.

Грей взял ее за руку. Его глаза светились беспокойством.

— Ты уверена, что всему виной была качка?

Рейчел очень хотела кивнуть еще раз. Но она положила руку на живот, вспоминая слова Сейхан насчет яда. Одним из первых симптомов отравления была как раз тошнота.

Молодая женщина оглянулась на лодку.

«А что, если дело было не в качке?»

12 часов 05 минут.
Остров Бардси, Уэльс

Трактор медленно полз от причала вверх по склону. Он тащил прицеп, в котором обычно возят сено, но сейчас в нем сидела горстка промокших насквозь людей. Натянутый над прицепом брезент хоть как-то защищал от дождя, но спасения от пронизывающего ветра не было.

Грей сидел, согнувшись, у самого борта, стараясь хоть как-то укрыться от упрямых порывов. Буря на время немного утихла, однако небо на западе было иссиня-черным, предвещая второй удар непогоды.

Трактор поднялся на вершину холма, и оттуда открылся панорамный вид на весь островок. Позади, на мысу, обращенном к берегу, возвышался красно-белый полосатый маяк, размеренно обводивший штормовое море лучом своего прожектора. Дальше вдоль склона холма тянулись поля. На Бардси было всего около десятка домов; в основном здесь жили фермеры, а также те, кто сдавал комнаты внаем туристам, любителям наблюдать за птицами и паломникам.

Все дороги на острове были грунтовые. Единственным средством передвижения служили тракторы.

Казалось, Грей и его спутники попали в другую эпоху.

У самого гребня холма трактор остановился. Мальчишка Лайл перебрался из кабины в прицеп.

Он пригнулся, пережидая раскат грома, разнесшийся над островом, а затем сказал:

— Отец Рай говорил, что вы, наверное, захотите посмотреть на пещеру отшельника. Туда надо идти пешком. Я вас провожу.

Ковальски похлопал по карманам в поисках сигарет.

— Что-то у меня сейчас нет настроения навещать отшельников.

Не обращая на него внимания, Грей спросил у Лайла:

— Ты говорил, что уже помогал отцу Джованни, который много времени проводил среди развалин древнего аббатства. А в пещере он часто бывал?

— Нет, что вы. Заглянул туда всего один раз, в самом начале. И потом больше не возвращался.

Но Грей решил, что ему лучше убедиться во всем самому, для полной уверенности.

— Проводи меня.

— Я пойду с вами, — вызвался Бойл. — Было бы непростительно проделать такой путь и не отдать дань уважения дорогому покойному Мерлину.

В его голосе прозвучала откровенная издевка.

Грей оглянулся на Рейчел. Та покачала головой. Она все еще выглядела слабой и бледной, но Грей не мог сказать, объясняется ли это тряской, отравлением или чем-то еще.

Выбравшись из прицепа, он с удивлением увидел, что Сейхан тоже спрыгнула на землю. Не сказав ни слова, она направилась следом за профессором и мальчишкой.

Грей подозревал, что Сейхан движет не столько интерес к пещере отшельника, сколько нежелание оставаться наедине с Рейчел. Закинув на плечо рюкзак, он поспешил вдогонку за остальными.

Замедлив шаг, Сейхан поравнялась с ним.

— Нам нужно поговорить, — сказала она, не глядя в его сторону.

— Нам с тобой не о чем говорить.

— Перестань вести себя как осел. Что бы ты обо мне ни думал, я не больше тебя хотела всего этого. Я не по своей воле отравила Рейчел. Ты это понимаешь, ведь так?

Наконец она повернулась к нему лицом.

Но Грей не желал ей верить.

— Результат один и тот же, — процедил он сквозь зубы. — Ты получила то, что хотела, а расплачиваться приходится остальным. — Внезапно прорвалась переполняющая его злость. — Так как прошла твоя встреча с семьей хранителя венецианского музея?

Сейхан прищурилась. Уязвленная, охваченная гневом, она ответила резко:

— То, что происходит здесь сейчас, затеяла «Гильдия», самая ее верхушка. На то, чтобы разыскать потерянный ключ, тратятся огромные силы и средства. Подобную мобилизацию ресурсов я до сих пор видела всего лишь однажды. Когда мы искали кости волхвов.

— И чем это объясняется?

Грею не хотелось иметь никаких дел с Сейхан, но, если у нее появились какие-либо догадки, отмахиваться от них было нельзя.

— Не знаю. Но что бы ни происходило в «Виатусе», это лишь голова чудовища. Подозреваю, «Гильдия» ловко манипулировала корпорацией в своих целях. Именно это получается у нее лучше всего. «Гильдия» подобна паразиту, который вторгается в тело, высасывает из него все жизненные соки, а затем идет все дальше и дальше.

— Но какова конечная цель?

— Найти ключ. Однако главный вопрос заключается в том, почему этот ключ имеет для «Гильдии» такое большое значение. Ответь на него, и, возможно, это позволит приблизиться на шаг к тому, чтобы найти сам ключ.

Сейхан умолкла, давая Грею возможность уяснить смысл ее слов. Грей вынужден был признать, что она права. Быть может, действительно лучше взглянуть на задачу с другой стороны, начать решать ее с конца.

Наконец Сейхан заговорила снова:

— Нам известно, что «Виатус» забрал высушенные тела и проводил с ними какие-то эксперименты. Однако произошло это три года назад. Так что в течение нескольких лет работы проводились в обстановке строжайшей секретности. Мне, например, точно ничего не было известно. Однако, как только отец Джованни сбежал в Ватикан, «Гильдия» зашевелилась. И это услышали все, кто, как и я, держал ухо приложенным к земле. За последние двадцать четыре часа «Гильдия» проявила себя больше, чем когда-либо на моей памяти. Вот что в первую очередь привело меня в Италию, вот почему я разыскала Рейчел.

От Грея не укрылось, как при упоминании имени Рейчел голос Сейхан чуть дрогнул. Она снова умолкла.

На этот раз первым тишину нарушил Грей.

— Профессор Бойл считает, что этим ключом может быть некая защита от какой-то ранней формы биологического оружия. И если ключ окажется в руках у «Гильдии», она сможет использовать это оружие.

— Возможно, ты прав, но интересы «Гильдии» лежат гораздо глубже, поверь мне.

Грей с трудом сдержался, чтобы не выказать никакой реакции на последние слова Сейхан.

«Поверь мне».

Она не имела права их произносить.

От необходимости отвечать Грея избавил профессор, шедший впереди. Он остановился, поднимая руку, а затем указал на землю:

— Вот она!

— Подумай над моими словами, — закончила Сейхан. — А я возвращаюсь к трактору.

Грей направился дальше к пещере один. Лайл уже нырнул внутрь. Вход был настолько низким, что Грею пришлось ползти на четвереньках, но дальше пещера расширилась. Присев на корточки, Грей достал из рюкзачка фонарь и посветил вокруг. Крохотная пещера имела естественное проис-

хождение, и, кроме пустой банки из-под пива и кое-какого мусора, в ней ничего не было.

Если это и являлось местом последнего пристанища Мерлина, великому чародею было на что пожаловаться. Неудивительно, что отец Джованни больше сюда не возвращался.

— Здесь ничего нет, — наконец заключил Бойл.

— Возвращаемся назад, — согласился Грей.

Дождь усилился, и им пришлось ускорить шаг. Они вернулись к прицепу и продолжили путь. Лайл вывел трактор на вершину холма и начал спускаться по противоположному склону.

Впереди простиралась долина, тоже разделенная на полоски полей и пастбищ. Но у подножия холма поднималась конечная цель путешествия. Это была квадратная башня, полуобвалившаяся, высящаяся посреди кладбища. Только это и сохранилось от аббатства Пресвятой Богородицы. В стороне стояли часовня и домик священника более поздней постройки. С высоты Грей также различил остатки каменных стен древнего аббатства.

Когда они начали спускаться вниз, Лайл указал на домик вдалеке.

— Коттедж Баха! — объяснил он. — Этот домик сдается внаем. Кроме того, там растет наша самая знаменитая яблоня.

Сунув руку в карман, Грей обнаружил, что у него осталось яблоко, которое бросил ему отец Рай. Глядя на красное яблоко, он вспомнил про обитателей аббатства. И яблоня, и монахи в самых различных источниках описывались как обладающие невиданным здоровьем и поразительным долголетием. Неужели монахам аббатства Пресвятой Богородицы был известен какой-то секрет? Тот самый, который сейчас искали они, ключ к «Книге Судного дня»? И если так, как найти этот секрет?

Изрыгнув последнюю порцию выхлопных газов, источая запах солярки, трактор остановился у подножия холма рядом с кладбищем. Земля была утыкана кельтскими креста-

ми, среди которых выделялся один, особенно высокий, стоящий в тени полуразрушенной башни аббатства.

Все выбрались из прицепа и принялись очищать одежду от сена. Дождь почти прекратился, что явилось огромным облегчением. Однако на севере по-прежнему сверкали зарницы. Глухие раскаты далекого грома предупреждали о приближении нового грозового заряда. Работать надо было быстро.

Грей подошел к Лайлу.

— Ты сказал, отец Джованни почти все время проводил именно здесь. Тебе, случайно, не известно, чем он занимался? Может быть, его поиски были сосредоточены в каком-то одном месте?

Лайл пожал плечами так, что содрогнулось все его тело.

— Он облазил здесь все развалины. В основном измеряя.

— Измеряя?

Ответом стал кивок.

— У него была рулетка, кажется, это так называется? — Мальчишка изобразил это жестом, разведя руки и переводя взгляд с одной на другую. — Потом у него был еще маленький телескоп, чтобы определять, какой предмет выше, а какой ниже.

— Теодолит, — догадался вслух Грей. — И в каком месте отец Джованни чаще всего проводил измерения?

— Ну, он измерял кресты и старые каменные развалины.

— Развалины? Ты имеешь в виду аббатство?

Но тут к Лайлу с другой стороны подошел профессор Бойл.

— По-моему, мальчик имеет в виду древние развалины, не так ли?

— Совершенно верно, сэр.

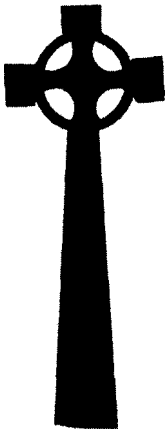
— Ты можешь нам их показать?

— Конечно, могу. — И Лайл тотчас же тронулся в путь.

Все направились следом за ним через кладбище. Проходя мимо каждого кельтского креста, мальчишка показывал на него. Наконец он остановился перед самым высоким

крестом на кладбище. Крест был установлен на небольшом холмике.

— Это могила лорда Ньюборо, — объяснил Лайл. — Одного из самых известных дворян Бардси, щедро жертвовавшего на церковь.

Грей задрал голову вверх. Несомненно, отцу Джованни было известно происхождение кельтского креста, получившегося в результате видоизменения более старого друидического креста, который, скорее всего, также был заимствован у того древнего народа, что впервые поселился на Британских островах и оставил после себя каменные столбы, покрытые вырезанными изображениями этого символа. Один символ, переходя из древности в настоящее, объединял все три культуры.

Неужели ключ повторил тот же самый путь? От древних фоморийцев к кельтам, а от них к христианам?

Профессор обвел взглядом кладбище.

— И отец Джованни измерил все кресты?

— Точно, измерил.

— И еще ты говорил, что тем же самым он занимался на древних каменных развалинах.

— Это сюда.

Обогнув полуразрушенный остов колокольни аббатства, Лайл двинулся напрямик через луг. Он то и дело раздвигал высокую траву ногой, словно что-то искал на земле.

— Отец Джованни исследовал все древние каменные круги. В основном они находятся в этой части острова.

Бойл приблизился к Грею.

— Неудивительно, что монахи построили аббатство именно здесь. Первые христиане нередко строили церкви на месте древних святилищ. Затаптывая своей религией прежнюю. Конечно, в первую очередь это делалось для искоренения язычества, но также для того, чтобы помочь новообращенным легче перейти в новую веру.

— Есть! — окликнул Лайл, шедший в нескольких ярдах правее. — Кажется, вот оно!

Грей и профессор поспешили к нему. Мальчик стоял посреди неровного кольца из грубых каменных блоков, наполовину осевших в землю. Грей медленно обошел вокруг.

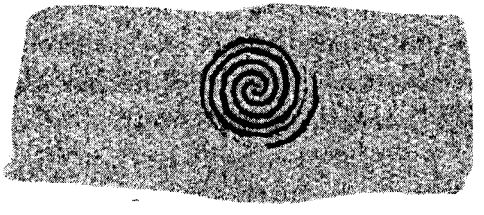
Бойл почесал подбородок.

— Ты уверен, что это тот самый круг? Которым интересовался наш друг?

Внезапно Лайл засомневался.

Грей нагнулся к одному камню, затем присел на корточки и раздвинул траву. Посмотрев на камень, он понял, что это то самое место.

На грубо обработанной поверхности был вырезан символ.

Спираль.

Грей перевел взгляд дальше, затем еще раз проверил свою догадку по компасу. Прямо на восток от этих камней, там, где утром следующего дня должно было взойти солнце, возвышалось надгробие на могиле лорда Ньюборо, огромный кельтский крест, уходивший корнями к тем самым мастерам, кто вырезал неровную спираль на камне у ног Грея.

— То самое место, — пробормотал он.

— Вы это о чем? — переспросил Бойл.

Грей продолжал смотреть вдаль на крест. Ему не нужны были геодезические инструменты, хотя он вряд ли нашел бы разгадку так быстро, если бы Лайл не рассказал про мучительно долгие изыскания отца Джованни.

— Я знаю, где искал отец Джованни, — наконец сказал Грей.

Рейчел приблизилась к нему.

— Где?

— Между спиралью и крестом, — объяснил Грей, указывая на могилу лорда Ньюборо. — Все как на тех камнях на месте ваших раскопок, Уоллес. Кресты с одной стороны, спирали с другой.

— И как на кожаном мешочке, — напомнила Рейчел.

Грей кивнул.

— Но этого преимущества у отца Джованни не было. Ему пришлось доходить до всего самому, опираясь только на то, что он видел на месте раскопок. И в конце концов его озарило. Возможно, в буквальном смысле. Отец Рай говорил, что в конце июня Марко вернулся с острова очень взволнованный. То есть он находился здесь во время летнего солнцестояния. В самый длинный день в году. Этот день считался у язычников священным праздником, особенно у тех, кто поклонялся солнцу. — Указав на крест вдалеке, Грей провел ногой по земле линию. — Готов поспорить — хотя для точного доказательства потребуются расчеты, которые, несо-

мненно, провел отец Джованни, — что утром в день летнего солнцестояния первые лучи солнца, упав на крест, отбросят тень именно в это место.

— Но что навело отца Джованни на это открытие? — спросил Бойл.

— Возможно, для полной уверенности придется измерять шагами, но я думаю, можно будет обойтись и без этого. Взгляните, что находится ровно посередине между крестом и спиралью.

Грей указал на высокую груду камней.

— Башня аббатства Пресвятой Богородицы, — сказал профессор, оборачиваясь к нему. — Вы полагаете, то, что обнаружил Марко, было спрятано под древней колокольней?

— Вы же сами только что все сказали. Христиане возводили свои святыни на месте прежних святилищ. На острове полно пещер. А друиды считали эти пещеры священными. И до сих пор ходят рассказы о каких-то великих чудесах, которые творил Мерлин, похороненный в одной из пещер острова. А что, если в легендах пещера указана неверно?

Бойл понизил голос.

— Это не пещера отшельника, а какая-то другая, спрятанная под развалинами аббатства.

Рейчел задала резонный вопрос:

— Но как туда заглянуть?

— Определенно, убитый священник не проложил себе дорогу бульдозером, — добавил Ковальски.

Оба они были правы. Вокруг старых развалин не было никаких следов раскопок.

— Должен быть какой-то другой путь вниз, — уверенно произнес Грей, поворачиваясь к тому, кто единственный мог предоставить необходимую информацию. — Лайл, здесь где-нибудь поблизости есть другие пещеры и подземные ходы?

— Есть. И много. Но близко нет ни одной.

Потребуется несколько месяцев, чтобы осмотреть все пещеры. Грей взглянул на Рейчел. Та стояла, скрестив руки, и не произнесла ни слова. Все и так было понятно: о нескольких месяцах не могло и речи идти.

— Но я могу показать вам то, что показал отцу Джованни, — внезапно радостно объявил Лайл. — Это не пещера, но все равно неплохо.

— А что это? — спросил Грей.

— Пойдемте, сами увидите. Мы с друзьями постоянно там играем.

Мальчишка пулей устремился вперед. Остальным пришлось бежать, чтобы поспевать за ним.

— Да мы не настолько спешим, — проворчал Ковальски.

— Не говори за других, — одернула его Рейчел.

Лайл привел их обратно к башне. На этот раз он обогнул ее с другой стороны. Описав почти полный круг, мальчишка остановился недалеко от высоченного кельтского креста и указал на квадратное отверстие в земле, обложенное камнями.

— Это еще что такое? — спросил Бойл.

Присев на корточки, Грей заглянул в отверстие. Стенки были сложены из кирпича. У самого дна в одной стене чернела ниша.

— Как я сказал, — объяснил Лайл, — это не пещера.

Грей включил фонарик.

— Это склеп.

— Точно. Могила лорда Ньюборо. Конечно, его там больше уже нет. По крайней мере, я не знаю, где он.

— Нам нужно осмотреть склеп, — решительно заявил Грей.

Покачав головой, Ковальски сделал два шага назад.

— Нет, нам не надо. Всякий раз, когда ты спускаешься в яму, происходят неприятности.

20

13 октября.
12 часов 41 минута.
Шпицберген, Норвегия

Монк мысленно поблагодарил инженеров, которые оснастили снегоход ручками с подогревом. Полярный буран, бушующий над арктическим архипелагом, принес резкое понижение температуры. Хоть Монк и натянул на себя поверх нескольких слоев белья теплый комбинезон, на голову надел шлем, а на руки перчатки, он все больше восхищался новейшими технологиями, использованными при создании снегохода.

Они с Кридом оставили свои машины в заснеженной долине ниже входа в подземное хранилище семян. В двухстах ярдах от них из склона горы Платабергет торчали угловатые стены бункера. Они были единственным указанием на обширный комплекс, спрятанный под землей.

Они, а также несущие караул солдаты норвежской армии.

В наушниках, встроенных в шлем, послышался голос Крида:

— К нам гости.

Монк развернулся. Позади из-за заснеженных скал выскочил двухместный «Сноукэт». Его гусеницы вгрызались в снег, поднимая высокие белые буруны.

В течение всего последнего часа Монк и Крид вели с патрульными осторожную игру в кошки-мышки. Они старались изо всех сил держаться от солдат подальше, но так, чтобы это не бросалось в глаза. Логотипы туристической компании на боках снегоходов служили слабой защитой.

— Что будем делать? — спросил Крид.

— Стоим на месте.

Наверное, их юркие снегоходы могли уйти от более громоздкого «Сноукэта», однако попытка бегства привлечет к

ним внимание всей норвежской армии. Монк, решившись, приветственно поднял руку.

Никогда не помешает поздороваться с соседями.

Весь прошедший час Монк наблюдал за солдатами, отмечая характер их поведения. Большую часть времени они проводили, сбившись в тесные кучки и болтая друг с другом. Несколько раз он замечал тлеющие огоньки сигарет. Время от времени до него долетали отразившиеся от горных склонов отголоски взрывов хохота. Монк определил общий рисунок: скука. Здесь, в негостеприимной глуши Крайнего Севера, солдаты полностью полагались на абсолютную изолированность и непроходимую местность.

И не было никаких причин их в этом разубеждать.

— Просто сохраняй хладнокровие, — передал по рации Монк.

— Еще немного охлажусь — и из меня вместо дерьма повалятся ледышки.

Монк оглянулся на напарника и удивленно поднял брови. Шутит, что ли? Если так, малыш еще не безнадежен.

Боковая дверца «Сноукэта» распахнулась. Из натопленного салона пахнуло паром. Сидящий внутри солдат даже не потрудился надеть капюшон. Больше того, у него была расстегнута куртка. Светловолосый, с румяными, словно яблоки, щеками, он, казалось, сошел прямо со страниц норвежского издания каталога Ральфа Лорана.

«Посмотрим на норвежца в естественной среде обитания...»

Чтобы выглядеть менее устрашающим, Монк снял шлем. Крид последовал его примеру. Махнув рукой, солдат заговорил по-норвежски. Слов Монк не понял, но общий смысл сказанного не вызывал сомнений.

«Что вы здесь делаете?»

Ответил Крид, спотыкаясь, с трудом подбирая слова. Монк разобрал слово «американцы». Судя по всему, парень излагал легенду. Монк поддержал его, достав из кармана комбинезона

брошюру, справочник по птицам, прихваченный в туристической фирме. Еще он показал на висящий на шее бинокль.

«Здесь нет никого, кроме нас, мирных наблюдателей за птицами».

Кивнув, молодой солдат попробовал свои силы в английском.

— Идет буран, — предостерег он, после чего махнул рукой в сторону Лонгйира. — Нужно уезжать.

Спорить с этим Монк не мог.

— Мы как раз возвращались назад, — заверил он. — Просто остановились отдохнуть.

Для пущего эффекта он потер зад — впрочем, после езды по заснеженным скалам у него действительно ныли ягодицы.

Солдат понимающе усмехнулся. Внезапно у «Сноукэта» распахнулась вторая дверца. Выскочивший водитель, выкрикнув предостережение, вставил в рот свисток, после чего выхватил оружие. Подав пронзительный сигнал, он навел пистолет на Монка.

«Это еще что за чертовщина?»

Крид и второй солдат распластались на снегу. Монк растерянно остался стоять. Водитель выстрелил три раза. Обернувшись, Монк успел заметить, как невдалеке нырнула за россыпь валунов огромная белая туша. Пуля выбила из камней искры.

— Белый медведь, — когда затихли отголоски выстрелов, объяснил Крид, хотя в этом уже не было необходимости.

Он и солдат поднялись на ноги. Крид был бледен, но солдат лишь улыбнулся и что-то произнес по-норвежски, отчего лицо его напарника с пистолетом растянулось в усмешке.

Похоже, случившееся их нисколько не смутило. Как будто всего лишь отогнали енота от мусорного бака. Разумеется, в данном случае мусорным баком были Монк с Кридом. Судя по всему, медведь выслеживал их с того самого момента, как они остановились.

Первый солдат снова указал на город, призывая трогаться в путь.

Монк кивнул.

Солдаты забрались в «Сноукэт», весело посмеиваясь над американцами.

Крид вернулся к своему снегоходу.

— И что будем делать дальше?

— Продолжать патрулирование. Но теперь сделаем так: я буду наблюдать за входом в хранилище, а ты будешь присматривать за тем, как бы нас кто-нибудь не съел.

Кивнув, Крид надел шлем.

Монк посмотрел в бинокль на хранилище. Ему хотелось надеяться, что Пейнтер долго не задержится. Если они с Кридом будут и дальше маячить здесь, это неминуемо вызовет подозрения. Особенно если учесть, что надвигается снежная буря.

Подстроив фокусное расстояние бинокля, Монк получил четкое изображение входа в хранилище. Он увидел, как дверь открылась и оттуда выскочила стройная молодая женщина. Один из часовых попытался ее обнять. Да и кто на его месте поступил бы иначе? Даже на расстоянии двухсот ярдов чувствовалась исходящая от женщины сексуальность.

Оттолкнув солдата рукой, гостья поспешила к стоянке машин. Судя по всему, она была сыта банкетом и торопилась поскорее сбежать.

12 часов 49 минут

Разговор быстро принял дурной оборот.

Пейнтер и сенатор Гормен прошли следом за главой «Виатуса» в административный комплекс, расположенный в стороне от главного тоннеля. В центральном зале устроили временное подсобное помещение для банкета: столы были сдвинуты к стенам, а всю середину занимали столики на колесах, микроволновые печи и коробки с продуктами. Прислуга готовила десерт, в котором, судя по аромату, главное внимание уделялось горячему шоколаду. В зале пахло как в кондитерском цехе, с легким душком норвежской трески.

Все быстро прошли в дальний кабинет. Там на противоположных концах длинного стола светились экраны двух компьютеров. Между ними лежали ровные ряды пакетов из алюминиевой фольги. Вдоль одной стены было составлено с полдюжины черных полиэтиленовых контейнеров. В одном, открытом, виднелась гора серебристых конвертиков.

— Партии семян поступают ежедневно, — объяснил Карлсен, принимая на себя роль экскурсовода. — К сожалению, сейчас из-за банкета их обработку пришлось временно остановить. Но завтра все эти коробки будут разобраны, описаны, занесены в каталог и даже...

Тут-то все и началось.

Возможно, все дело было в беспечном тоне главы «Виатуса», а может быть, всем стало очевидно, что сквозь беззаботную болтовню Карлсена проступает чувство вины. Так или иначе, как только дверь кабинета закрылась, сенатор подскочил к Карлсену и схватил его за грудки, толкая на пакеты.

Опешив от внезапного нападения, Карлсен не сразу пришел в себя. Его лицо исказилось в недоумении.

— Себастьян, в чем дело?..

— Ты убил моего мальчика, твою мать! — заорал Гормен. — А вчера ты пытался убить меня!

— Вы с ума сошли? — Карлсен обеими руками оттолкнул сенатора, освобождаясь от него. — Зачем мне вас убивать?

Пейнтер вынужден был признать, что в его голосе прозвучало искреннее удивление. Но он также отметил, что Карлсен ни словом не возразил на обвинение в причастности к убийству Гормена-младшего. Пейнтер встал между мужчинами. Раскрасневшийся сенатор отступил на шаг, затем отвернулся, пытаясь совладать с собой.

Пейнтер мысленно обругал себя последними словами. Он не заметил, что Гормен на взводе. Ему нужно было вовремя его остановить. Если загнать Карлсена в глухую оборону, добиться от него ничего не удастся. Этот человек воздвигнет непреодолимую баррикаду.

Пейнтер скорректировал стратегию. Карлсен был потрясен, и главным было не дать ему возможности полностью замкнуться, сразу же показав, что любые попытки увиливать ни к чему не приведут.

— Нам известно о плантации грибов, о пчелах, о тех тайных исследованиях, которые проводились в Мали.

Пейнтер бросал обвинения одно за другим. И хотя пару ударов Карлсен еще смог бы выдержать, под стремительным градом он сломался.

Его лицо на мгновение дрогнуло, выдавая причастность, осведомленность. Этот человек не был пешкой в чужих руках или подставной фигурой. Карлсен прекрасно знал обо всем.

И все же он попробовал пойти на попятную. Мелькнувшее чувство вины исчезло за стеной отрицания.

— Понятия не имею, о чем вы говорите.

Однако его слова никого не обманули.

И уж точно не объятого горем отца.

Сенатор Гормен снова бросился на Карлсена. Пейнтер даже не попробовал его остановить. Он хотел, чтобы Карлсен под перекрестными ударами был выведен из равновесия. Морального, психологического, физического. И для достижения этой цели директор «Сигмы» был готов воспользоваться всеми доступными средствами.

Гормен налетел на Карлсена, врезав ему плечом в грудь и отбросив назад. Не удержавшись на ногах, Карлсен больно ударился спиной о стену и начал ловить ртом воздух. Пейнтер вспомнил, что сенатор играл опорным защитником в команде университета по американскому футболу.

Но Карлсен тоже не был немощным стариком. Подняв руки, он что есть силы обрушил локти сенатору на спину, сбивая его на четвереньки.

Упав на пол, Гормен ухватил Карлсена за левую ногу. Дико взревев, он дернул ее, выкручивая. Повалив убийцу своего сына лицом вниз на пол, сенатор уселся ему на спину, прижимая к каменным плитам.

— Ты убил Джейсона! — закричал Гормен, и в его голосе прозвучали слезы. — Это ты его убил!

Карлсен попытался подняться, но сенатор держал его крепко. У главы «Виатуса» побагровело лицо. Он выкрутил голову, стараясь посмотреть Гормену в лицо.

— Я... я сделал это ради вас! — гневно бросил Карлсен своему обвинителю.

Его слова на мгновение оглушили сенатора, но Пейнтер не мог сказать, чем был вызван шок — внезапным признанием вины или странным заявлением. Несомненно, в глубине души Гормену хотелось надеяться, что Пейнтер ошибался. Но теперь эта иллюзия была разбита вдребезги.

— Заткнись, твою мать! — предупредил Гормен, не желая больше ничего слышать.

Первая костяшка домино упала, и Пейнтер понял, что теперь ему нужно обвалить остальные. То, над чем, по его прикидкам, предстояло биться целый день, свершилось в считаные минуты. Однако до конца было еще очень далеко. Карлсен мог нанести ответный удар. Они по-прежнему находились на норвежской земле, где у него были могущественные связи.

Пейнтер решил воспользоваться временным преимуществом и взять все в свои руки. А для этого требовалось забрать отсюда Карлсена и заключить его под стражу. Следовательно, нужно было вызвать помощь.

— Держите его так, — сказал Пейнтер.

Подойдя к компьютеру, он изучил провода, выходящие сзади из корпуса. Там должен быть кабель подключения к Интернету, но, что гораздо важнее...

Пальцы Пейнтера нащупали телефонный провод. Высвободив его, он проследил по нему до разъема на стене. Сотовая связь здесь не действовала, ему нужно было связаться с Монком, но так глубоко под землей радиоприема тоже не было. Надо будет подключить к внешней телефонной линии передатчик «Скуид» для усиления сигнала. Проводя пальцами вдоль шнура, Пейнтер нащупал какое-то устройство,

уже вставленное в розетку на стене. Выдернув его, он тотчас же понял его предназначение.

Усилитель сигнала для сотового телефона.

Устройство было не слишком сложным, но все же примененные в нем технологии превосходили все то, что Пейнтер видел здесь. Оно выглядело совершенно чужеродным. Внимательно изучив усилитель, Пейнтер увидел, что к нему подключен передатчик малого радиуса действия.

«Зачем кому-то понадобилось подключать к телефонной линии передатчик малого радиуса действия?»

Пейнтер мог придумать только одно объяснение.

Внезапно у него за спиной с грохотом распахнулась дверь.

Развернувшись, он увидел, как в кабинет ворвался сопрезидент Римского клуба Бута. Следом за ним спешили другие. Бута в ошеломлении застыл, увидев эту странную картину: Карлсен на полу, сенатор Гормен поставил ему колено на спину.

— Официанты слышали крики... — начал было Бута. Осекшись, он тряхнул головой. — Что здесь происходит?

Воспользовавшись тем, что внимание сенатора оказалось отвлечено, Карлсен выбросил назад локоть и попал ему в ухо. Отшатнувшись вбок, Гормен не смог помешать Карлсену перекатиться в сторону.

Бута и остальные по-прежнему перегораживали выход. Оказавшись в ловушке, Карлсен обернулся к Гормену и как раз увидел кулак, летящий ему в лицо. Он успел чуть отвести голову, спасая нос от неминуемого перелома, но все-таки получил хороший тычок в глаз и отступил на несколько шагов назад.

— Прекратите! — заорал Пейнтер, своим властным окриком заставляя всех застыть на месте.

Все взгляды обратились на него.

Пейнтер указал на Буту.

— Необходимо эвакуировать отсюда всех. Немедленно!

— Почему?

Пейнтер посмотрел на зажатое в руке постороннее устройство. Конечно, он мог ошибаться, но не видел других применений передатчику с малым радиусом действия.

Такой мог использоваться только для одной цели.

— Здесь где-то спрятана бомба.

Всеобщий шок, за которым хлынули сбивчивые вопросы.

Пейнтер повысил голос, перекрывая общий гул:

— Всем уходить отсюда!

К несчастью, было уже слишком поздно.

12 часов 55 минут

Монк вел снегоход по долине, медленно выписывая зигзагообразную линию по самому дну. Крид ехал по его следу, наблюдая за белыми медведями. Монк не отрывал взгляда от бетонного бункера, входа в подземное хранилище семян.

Над вершинами гор сгущались черные тучи. Заметно потемнело и похолодало. Ветер тоже усилился, прогоняя по долине потоки слепящих льдинок.

Монк остановился. Ему показалось, он что-то услышал или по крайней мере почувствовал где-то глубоко в груди. Он заглушил двигатель. Тихий рокот продолжался, приходя с севера, из-под низкой облачности, похожий на отдаленные раскаты грома. Прежде чем Монк успел определить, что это такое, рокот перешел в рев, а затем в оглушительный визг. Из облаков вынырнули два реактивных самолета и устремились вниз, прямо на Монка и Крида.

Нет, не на них.

С надрывным воем самолеты вышли из пике, снова набирая высоту. Когда они находились в низшей точке, из-под крыльев вырвались огненные струи. Ракеты «Хеллфайр» класса «воздух-земля». Они ударили в заснеженный склон, под которым было погребено хранилище семян. Белая пелена озарилась цепочкой взрывов. Высоко вверх взметнулись обломки скал и языки пламени. Ударная волна оглушила Монка и Крида.

Несколько солдат были разорваны в клочья. Остальные бросились бежать врассыпную вниз по склону. На глазах у Монка «Сноукэт» провалился в воронку, образовавшуюся на том месте, где только что проходила единственная дорога к бункеру.

Когда дым рассеялся, Монк всмотрелся в склон горы. Бункер уцелел, но одна его сторона почернела от взрыва, и от нее откололся большой кусок бетона. Ракетный удар пришелся вскользь.

Затем снова послышался рокот. Монк испугался, что самолеты развернулись для второго захода. Однако на этот раз гул сопровождался громким треском.

Монк в ужасе смотрел на то, как весь склон, расположенный выше бункера, пополз вниз. Огромный участок ледника оторвался и рассыпался на мелкие куски, набирая скорость и превращаясь в стремительный поток.

Лавина обрушилась на бункер и полностью его завалила.

По пути она нагнала нескольких солдат и, сбив их с ног, раздавила своей чудовищной массой.

Не удовлетворившись этим, лавина понеслась дальше.

В долину.

— Монк! — заорал Крид.

Вскочив на снегоход, Монк ткнул кнопку зажигания. Двигатель взревел. Монк вывернул газ до отказа. Гусеница вгрызлась в снег, пытаясь найти сцепление. Выкрутив руль, Монк указал на противоположный край долины.

— Уходим вверх!

Криду не надо было говорить дважды. Он уже развернулся и на полной скорости несся по снежной равнине. Монк помчался следом за ним, торопясь добраться до противоположного склона.

Позади слышался грохот лавины. Казалось, надвигается конец света. Хрустел лед, трещал камень. Справа от Монка пронеслась глыба льда размером с гараж. Его самого и снегоход обдало ледяной пылью.

Монк припал к самому рулю. Ехать еще быстрее он не мог. Ручка газа и так была выкручена до предела.

Передний край лавины был уже совсем близко; по бокам снегоходов забарабанили куски льда. Вокруг разливалась стремительная река из пляшущих камней. Маленькие осколки ледника, гладко отполированные за время движения лавины вниз, превратились в поток сверкающих бриллиантов.

Наконец снегоходы повернули вверх.

Их передние лыжи стремительно прокладывали колеи по склону, прочь из долины. Ледовая махина попыталась было продолжить преследование, но быстро отказалась от погони и вернулась назад в долину.

Из осторожности Монк поднялся еще выше и только тогда остановился. Не заглушая двигатель, он обернулся, оглядывая работу стихии. Низ долины был все еще затянут пеленой ледяной крошки, но противоположный склон уже отчетливо просматривался.

Бункера не было.

Лишь гора битого льда.

— Что будем делать? — спросил Крид.

Ответом ему стал крик. Оба посмотрели влево. Там появились двое норвежских солдат, держа наготове автоматические винтовки. Только теперь Монк разглядел выше по склону «Сноукэт».

Это были те же солдаты, что и в прошлый раз.

Но только теперь от их былого дружелюбия не осталось и следа.

Они держали американцев под прицелом. После всего случившегося, потрясенные и разозлившиеся, они были переполнены подозрительностью.

— Что будем делать? — снова спросил Крид.

Вечный наставник, Монк показал ему пример, поднимая руки:

— Сдаваться.

13 часов 02 минуты

Пейнтер стоял в кромешной темноте.

Свет погас с первыми же взрывами. Сперва Пейнтер решил, что сработала спрятанная бомба. Но гулкие раскаты продолжали греметь, доносясь отголосками откуда-то сверху. Пейнтер предположил, что склон горы подвергся ракетному обстрелу.

Вскоре поступило подтверждение этой догадки. Послышался гулкий рев, словно над головой промчался товарный поезд.

Лавина.

Из тоннеля донеслись крики объятых ужасом гостей и прислуги. В глубоком подземелье абсолютная темнота давила физически.

Пейнтер не двигался с места, анализируя ситуацию. Пока что все были живы. Если где-то здесь действительно спрятана бомба, почему она не взорвалась одновременно с ракетным ударом?

Пейнтер стиснул в руке передатчик. Вероятно, вытащив устройство из разъема и не дав сигналу управления поступить по телефонной линии, он спас жизнь всех, кто находился здесь.

Однако опасность еще не миновала.

Пейнтер подумал, что если бы он сам планировал этот удар, то обязательно предусмотрел бы запасной вариант. Что-нибудь такое, что в случае какого-либо сбоя сработало бы по таймеру. Он лихорадочно соображал: радиус действия у передатчика ограниченный, особенно под толщей скал. Если здесь была установлена бомба, она должна находиться где-то близко, и, скорее всего, доставили ее сюда совсем недавно.

Вместе с продуктами для банкета?

Нет, слишком рискованно. Прислуга многочисленная, кто-нибудь обязательно что-то заметил бы.

И тут Пейнтер вспомнил слова Карлсена, сказанные, когда они только вошли в дальний кабинет. «Партии семян по-

ступают ежедневно. К сожалению, сейчас из-за банкета их обработку пришлось временно остановить».

Контейнеры с семенами.

Пейнтер вслепую прошел к стоящим у стены контейнерам. Нащупав один, он запустил в него руки, проверяя все до самого дна.

Ничего, кроме завернутых в алюминиевую фольгу конвертов с семенами.

Пейнтер отпихнул контейнер. Тот с грохотом свалился в темноте.

— Что вы делаете? — испуганно воскликнул сенатор Гормен.

У Пейнтера не было времени отвечать. Отчаяние вынуждало его молчать. Он ничего не нашел и во втором контейнере — однако, как только сорвал крышку с третьего, под пакетиками с семенами увидел слабое сияние.

В полной темноте оно показалось ярким светом прожектора. Остальные подошли ближе. Раздвинув пакеты, Пейнтер открыл то, что лежало на дне.

Ему зловеще подмигнул цифровой дисплей, выполненный на светодиодах.

09.55.

Обратный отсчет времени неумолимо продолжался.

В помещении мигнул свет, тотчас же погас, зажегся снова. Наконец заработали аварийные генераторы. Крики в коридоре сразу же прекратились. Хотя положение лучше не стало, по крайней мере появилась возможность умереть при свете.

Сунув руку в контейнер, Пейнтер осторожно вытащил взрывное устройство. Он не думал, что оно оснащено датчиком, реагирующим на движение. В дороге с контейнером вряд ли обращались слишком уж бережно. И все же Пейнтер осторожно опустил устройство на пол и присел на корточки рядом.

Цилиндрическое устройство было размером приблизительно с две обувные коробки. Сверху горел индикатор на светодиодах. От него внутрь металлического корпуса отходил жгут

проводов. Военное клеймо на боку не оставляло никаких сомнений относительно того, что это такое. PBXH-112.

Догадался даже Бута.

— Это бомба, — прошептал он.

К сожалению, он ошибался.

— Это боеголовка, — поправил его Пейнтер.

13 часов 02 минуты

Спустившись к подножию горы, Криста резко затормозила, останавливая полноприводный джип. Мчась вниз по заледенелой дороге, она в зеркало заднего обозрения видела ракетный удар. Весь мир за спиной оказался объят пламенем. От ударной волны задребезжали стекла машины. Через считаные мгновения край ледника оторвался и рассыпался, заваливая вход в подземное хранилище.

К тому времени, как внедорожник остановился, руки Кристы на рулевом колесе дрожали, дышать стало трудно.

Она обратилась в бегство сразу же после предупреждения, поступившего по телефону. А что, если бы она замешкалась, что, если бы ее задержали? Ошибаться было нельзя.

И все же ей удалось спастись.

Ужас постепенно превратился в странный душевный подъем. Она жива. Ее руки, лежавшие на рулевом колесе, стиснулись в кулаки. Все тело содрогнулось в булькающем смехе облегчения. Криста тщетно пыталась успокоиться.

По обеим сторонам дороги появились люди в защитных комбинезонах полярной расцветки. Впереди путь перегородил гусеничный вездеход, похожий на танк.

Но Кристе было нечего бояться. Все опасности остались позади. Это была ее армия.

Распахнув дверь машины, молодая женщина направилась к своим людям. Повалил снег. В воздухе закружились большие белые хлопья. Криста забралась в кабину огромного вездехода. Пассажирский отсек был заполнен угрюмыми людьми, вооруженными автоматическими винтовками.

Другие боевики садились на снегоходы.

Дорога в гору была разрушена, но Криста все равно должна была подняться наверх. Кто-то мог остаться в живых после огненного нападения, а у нее на этот счет имелся четкий приказ.

Никаких свидетелей.

13 часов 04 минуты

— Вы можете остановить часовой механизм? — спросил сенатор Гормен.

Все столпились вокруг Пейнтера и боеголовки, в том числе и Карлсен. Он был бледен, как и остальные. Несомненно, это была не его затея. Особенно если учесть, что он также оказался в ловушке. Однако у Пейнтера пока не было времени задумываться над значением этого.

Он повернулся к остальным.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь сбегал и проверил состояние верхнего тоннеля, — спокойным и решительным тоном произнес он. — Завалило ли нас? Есть ли выход наружу? И еще мне нужен сюда инженер систем обеспечения, немедленно.

Два человека из сопровождения Буты выбежали в коридор, радуясь возможности оказаться как можно дальше от боеголовки.

— Вы можете ее обезвредить? — спросил Карлсен.

— Это ядерная боеголовка? — подхватил Гормен.

— Нет, — ответил обоим Пейнтер. — Это вакуумный заряд. В данных условиях он страшнее ядерного.

Пусть ни у кого не остается никаких сомнений. Основу боеголовки составляла жидкая горючая смесь. Оболочка была заполнена порошкообразным фтористым алюминием, а в центре размещался детонационный заряд.

— Это самое эффективное средство уничтожения подземных укрытий, — объяснил Пейнтер, изучая устройство. Когда он говорил, это помогало ему сосредоточиться. — Взрыв

происходит в два этапа. Сначала детонационный заряд образует огромное облако мельчайшего аэрозоля. Достаточно большое, чтобы заполнить весь тоннель. Затем это облако мгновенно воспламеняется. В результате возникает ударная волна, которая сокрушает все на своем пути, попутно пожирая весь имеющийся кислород. Так что смерть может наступить от четырех причин. Нас разорвет в клочья, раздавит, мы сгорим или задохнемся.

Не обращая внимания на испуганные возгласы окружающих, Пейнтер сосредоточился на детонаторе. Его специальностью была электроника, а не боеприпасы. Он быстро оценил хитросплетение проводов — находящихся под напряжением, заземленных и просто ложных. Если перерезать не тот, который нужно, изменить напряжение, вызвать импульс... существовала тысяча способов взорвать устройство и только один — его обезвредить.

Нужен был код.

К несчастью, Пейнтер его не знал.

Реальная жизнь отличалась от изображаемой в кино. Рядом не было специалиста-подрывника, который обезвредит бомбу в последнюю секунду. Не было возможности провернуть какой-нибудь хитрый трюк — например, заморозить боеголовку в жидком азоте. Весь этот бред бывает только в боевиках.

Пейнтер посмотрел на часы.

Меньше восьми минут...

Топот ног возвестил о возвращении одного из гонцов.

— Выхода на поверхность нет, — задыхаясь, выговорил он. — Я наткнулся на солдата, возвращавшегося с той стороны. Наружная дверь выдержала взрыв. Солдат ее открыл. За ней гора льда. Мы погребены. По словам солдата, завал такой толстый, что сквозь него не проникает дневной свет.

Пейнтер кивнул. Подобная стратегия имела смысл. Бункер был сконструирован так, чтобы выдержать ядерный удар. Если кому-то захотелось убить всех, кто находится внутри, лучший способ заключался в том, чтобы подбросить туда ва-

куумную бомбу и наглухо запечатать бункер снаружи. Если кто-то и уцелеет в огненной буре, его обязательно добьет отсутствие кислорода.

Значит, оставался только второй способ.

Вернулся гонец, ведущий за собой здоровенного, как шкаф, норвежца. Это был инженер систем обеспечения. Увидев лежащую на полу боеголовку, он побледнел. Пейнтер с удовлетворением отметил, что этот, по крайней мере, сообразителен.

Директор Кроу выпрямился, отвлекая внимание от боеголовки.

— Вы говорите по-английски?

— Да.

— Отсюда есть еще какой-нибудь выход?

Инженер молча покачал головой.

— А шлюзы, запирающие бункеры с семенами, герметические?

— Да, внутри поддерживается строго определенное давление.

— Вы можете его увеличить?

Инженер кивнул:

— Да, это можно сделать вручную.

Пейнтер обратился к остальным — к Буте, Гормену и даже Карлсену:

— Соберите всех в один из бункеров с семенами. Немедленно.

— Что вы собираетесь сделать? — спросил сенатор.

— Проверить, насколько быстро я умею бегать.

13 часов 05 минут

Держа руки сцепленными за головой и не владея норвежским языком, Монк безуспешно пробовал начать переговоры об освобождении.

Норвежские солдаты не отводили винтовки, направленные на пленников, но, по крайней мере, их щеки больше не

прижимались к прикладам. Крид изложил суть дела. Сняв с головы шлем, он быстро говорил на смеси норвежского с английским, подкрепляя свои слова красноречивыми жестами.

Вдруг Монку прямо в ухо заскрежетал голос, наполненный треском статического электричества. Он доносился из встроенных в шлем наушников.

— ...меня слышишь?... помощь... времени нет...

Несмотря на направленную на него винтовку, Монк ощутил прилив облегчения. Он узнал голос. Это был Пейнтер. Он жив!

Монк попробовал ответить:

— Господин директор, мы вас слышим. Но связь очень плохая. Чем мы вам можем помочь?

Ответа на эти слова не последовало. Тон Пейнтера не изменился. Он не слышал Монка.

Крид услышал слова своего напарника.

— Это директор Кроу? Он жив?

Две винтовки нацелились на Монка.

— Жив, но не может выбраться, — ответил тот.

Он поднял руку, стараясь вслушаться в радио. Связь оставалась паршивой. Даже мощный передатчик через сервер «Скуид» не мог пробиться сквозь толщу скал.

Один из солдат что-то рявкнул по-норвежски. Повернувшись к нему, Крид начал объяснять. Выражение гнева на суровых лицах военных сменилось на озабоченность.

Слушая треск статического электричества, Монк взвешивал свои действия. Надолго ли хватит в подземелье кислорода? Удастся ли достаточно быстро подогнать сюда строительную технику, особенно если дорога разбомблена?

Затем сквозь электрический треск пробилось несколько слов, которые начисто уничтожили надежду, появившуюся было у Монка. Фраза, произнесенная Пейнтером, была наполовину съедена атмосферными помехами, но смысл страшного известия не вызывал сомнений.

— ...у нас здесь... боеголовка... Мы попробуем...

Остальное пропало за треском.

Прежде чем Монк успел поделиться плохими новостями с Кридом, над горами раскатился приглушенный рев, сопровождаемый надрывным завыванием двигателей.

Все обернулись. Вверх по склону в направлении бункера медленно ползла группа снегоходов.

Схватив бинокль, Монк направил его на головную машину. Люди сидели на снегоходах по двое; один управлял, а второй держал на изготовку автоматическую винтовку. Все были в белых маскировочных халатах, без знаков различия.

Наперерез снегоходам выбежал норвежский солдат, размахивая руками.

Послышался треск выстрелов.

На белый снег брызнула кровь.

Солдат упал.

Монк опустил бинокль.

Кто-то пришел наводить в доме порядок.

13 часов 09 минут

Пейнтер не знал, слышат ли его наверху. Подключив передатчик «Скуид» к разъему на стене, он надеялся на лучшее.

А теперь оставалось только бежать.

Он катил перед собой сервировочный столик, к которому была привязана боеголовка. Ему предстояло как можно быстрее преодолеть дистанцию в сто пятьдесят ярдов до конца тоннеля.

Отсчет времени вел светящийся светодиодный дисплей.

04.15.

Пейнтер бежал, глядя, как сменяются на дисплее минуты. Уже меньше четырех... Наконец впереди показался пандус, ведущий наверх, к наружной двери. Ее оставил открытой солдат, который пытался выглянуть наружу. Несколько кусков льда просыпались внутрь, но дальше начиналась сплошная стена сошедшей лавины.

Прибавив скорость, Пейнтер взбежал по пандусу. Он хотел установить заряд как можно ближе к выходу. Забежав

наверх, он вытолкнул столик в дверь, развернулся и со всех ног помчался обратно.

По крайней мере, теперь ему приходилось бежать вниз.

Он несся как мог быстро, учащенно дыша, стараясь увеличивать шаги.

Раз предотвратить взрыв бомбы нельзя, надо по крайней мере постараться его использовать. Пейнтер не знал, какова толщина ледяного завала, закрывшего выход, но вакуумный заряд обладал поразительной мощностью. Частично лед разрушит взрыв детонатора, затем воспламенившееся облако фтористого алюминия своим жаром испарит и расплавит еще какую-то часть. Именно на вторичный взрыв и делал ставку Пейнтер.

Самой большой опасностью при взрыве вакуумного заряда является внезапное мощное увеличение давления. В замкнутом помещении ударная волна распространится в самые отдаленные закоулки, сметая все на своем пути. Она способна раздирать в клочья живые ткани, протыкать барабанные перепонки, разрывать легкие, выжимать кровь из всех сосудов.

Пейнтер надеялся, что взрывная волна так же разметает ледовый завал, вытолкнет его, словно пробку из бутылки шампанского.

Главное, чтобы люди при этом не оказались раздавлены в лепешку.

Добежав до конца тоннеля, Пейнтер завернул за угол и устремился к центральному шлюзу. Распахнув наружную дверь, он услышал хлопок, вызванный разницей давления воздуха, и тотчас же закрыл дверь за собой. Под потолком шлюзовой камеры заработали воздушные клапаны, восстанавливая давление. Пейнтер добежал до внутренней двери, и та распахнулась перед ним.

Сенатор Гормен схватил его за руку и буквально втащил в хранилище семян.

— Быстрее!

Задыхающийся Пейнтер обессиленно опустился на пол. Гормен с металлическим лязгом захлопнул у него за спиной дверь.

Внутри собралась небольшая толпа. Хотя бункер был просторным, люди жались друг к другу. Само хранилище семян не представляло собой ничего примечательного — обширное помещение, заставленное пронумерованными стеллажами. На полках стояли одинаковые черные пластмассовые контейнеры, словно на складе, поставляющем продукцию только одного вида.

Кто-то вел вслух обратный отсчет:

— Одиннадцать... десять... девять...

Пейнтер едва успел вернуться назад. Хотелось верить, что, после того как шлюзовая камера была открыта и снова закрыта, давление внутри бункера успеет нарасти снова. Единственная надежда остаться в живых основывалась на том, что можно противопоставить ударной волне взрыва повышенное давление.

Если герметический шлюз не выдержит, все, кто находится внутри, будут раздавлены.

— Восемь... семь... шесть...

Протиснувшись сквозь толпу, Карлсен присоединился к Пейнтеру. Его глаза округлились от ужаса.

— Кристы здесь нет, — произнес он таким тоном, словно Пейнтер должен был догадаться, о чем идет речь.

Однако нашелся тот, кто понял Карлсена.

— Криста?.. Криста Магнуссен, подруга Джейсона?

В голосе сенатора Гормена звенела ярость.

Пейнтер остановил противников:

— После.

Сначала они должны остаться в живых.

Обратный отсчет продолжался.

— Пять... четыре... три...

21

13 октября.
12 часов 32 минуты.
Остров Бардси, Уэльс

Грей приготовился спуститься в подземелье. Как раз в это время над островом Бардси разразилась настоящая буря. Казалось, сами боги предостерегают людей от осквернения склепа.

С оглушительным грохотом разверзлись небеса. Ливень хлынул огромными каплями, которые, словно бомбы, взрывались на могильных камнях. На севере расщепившимся зигзагом сверкнула молния.

— Я пойду первым, — в промежутках между раскатами грома сказал Грей.

Лайл убежал в часовню за веревкой. Но Грей опасался, что в такой ливень гробницу затопит до того, как они успеют ее осмотреть.

Вход в подземелье представлял собой отверстие в земле фута два в поперечнике, в которое с трудом мог протиснуться человек. Первые семь футов проход шел отвесно вниз, далее он несколько расширялся. Больше сверху ничего нельзя было разглядеть.

Ухватившись за край, Грей завис над отверстием. Потом, упираясь ногами в стену, сполз немного вниз, разжал руки и спрыгнул. Приземлившись на корточки, он достал фонарик.

Подняв взгляд, Грей увидел лица остальных.

— Будь осторожен! — предупредила Рейчел.

— Сообщайте обо всем, что увидите, — добавил Бойл.

Ковальски и Сейхан держались подальше от отверстия.

Включив фонарик, Грей осмотрел главный тоннель. Естественные каменные своды местами были обложены кирпичом. Грей предположил, что за этими стенами спрятаны гробы с истлевшими останками. И, вероятно, именно здесь обрел свой последний приют лорд Ньюборо.

По стенам стекали струйки дождя. Грей внимательно изучил кладку, ощупал ее, ища шатающиеся кирпичи, какое-

либо указание на то, что отец Джованни был здесь и что-то обнаружил.

— Ну, что там? — окликнул сверху профессор.

— Пока что ничего.

Рейчел отошла от отверстия, но Грей по-прежнему слышал ее голос.

— Возвращается Лайл с веревкой.

Грей переключил внимание на четвертую стену. Здесь кирпичи обрамляли низкую арку, высотой по середину бедра. Присев на корточки, Грей осветил нишу фонариком. Несомненно, в ней должен был помещаться гроб. Затем отверстие заложили кирпичами, как и все остальные. Однако сейчас ниша была пуста.

Грей понял, что это отверстие имеет очень большое значение. Именно эта стена была обращена к развалинам колокольни аббатства. Опустившись на четвереньки в натекающие лужицы, Грей пополз вперед. Ниша оказалась глубокой. Вскоре за входом кирпичная кладка закончилась, и дальше вокруг были каменные стены. Грей медленно продвигался в глубь гробницы.

Добравшись до конца, он ощупал ладонью стены.

Ничего.

Несмотря на разочарование, он по-прежнему был уверен, что под развалинами аббатства Пресвятой Богородицы что-то спрятано. Но, вероятно, отправная точка была выбрана неправильно. Быть может, путь в подземелье открывался не из этого склепа. Какое-то время отец Джованни вел здесь поиски, по предложению Лайла — как сейчас это делал сам Грей, — а затем он перебрался на другое место.

Услышав позади плеск, Грей понял, что в гробницу спустился кто-то еще.

Пятясь, он выбрался из ниши. В проходе стояла Рейчел. Мокрые волосы облепили ее лицо. В свете фонарика глаза девушки вспыхнули надеждой. Грей почувствовал, что не может ее подвести.

— Тупик? — спросила Рейчел.

Грей поморщился, недовольный тем, какое слово она употребила, расстроенный неудачей.

— Я не нахожу здесь никаких следов пребывания отца Джованни.

— Можно мне взглянуть? — спросила Рейчел, протягивая руку за фонариком.

Разве Грей мог ей отказать?

Он передал фонарик. Опустившись на четвереньки, Рейчел поползла в пустой склеп. Гибкость и миниатюрность позволяли ей двигаться в тесном пространстве более свободно. Луч фонарика скользил по стенам.

— Видишь что-нибудь? — окликнул Грей.

— Нет.

Сверху раздался голос профессора, подтверждавшего опасения Грея:

— Может быть, мы ищем не в том месте.

Сдавшись, Рейчел повернула назад. Демонстрируя свою ловкость, она развернулась, чтобы ползти обратно, — и застыла.

— В чем дело? — спросил Грей.

— Ползи сюда, сам увидишь.

Луч фонарика бил прямо ему в лицо. Прикрывая глаза от света, Грей двинулся было к Рейчел.

— Нет, — остановила его та. — Ползи на спине.

Грей подчинился. Промокший насквозь, он перевернулся и, опираясь на локти и отталкиваясь ногами, полез в узкий проход, мысленно отметив, что, в конце концов, в могиле полагается лежать лицом вверх.

— Ну, что вы там нашли? — окликнул сверху Бойл.

— Пока еще не знаю, — ответил Грей, углубляясь в нишу.

— Забирайся полностью, — подгоняла его Рейчел.

Грей полз дальше. Наконец его голова уткнулась Рейчел в колени. Молодая женщина склонилась над ним, светя фонариком. От нее пахло мокрой шерстью. Грей ощутил над самым своим лицом теплую грудь.

— Смотри, — сказала Рейчел.

Грей смотрел, но не туда. Вероятно, Рейчел имела в виду то место, куда указывал луч фонарика. Приподнявшись на

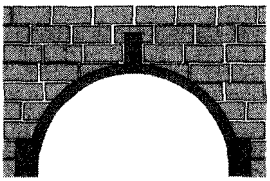
локтях, Грей посмотрел в сторону входа. Сначала он не увидел ничего — лишь верхнюю половину кирпичной стены, закрывавшую естественную нишу в скале.

— Обрати внимание на то, что все кирпичи уложены горизонтально, но три из них по краю ниши поставлены вертикально. Один вверху и два с каждой стороны.

Теперь и Грей тоже это увидел.

— Да, три кирпича поставлены по-другому.

Арка представляла собой правильный полукруг. Три вертикальных кирпича отмечали на нем точки 12, 3 и 9 часов.

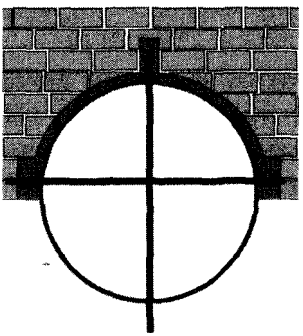

— Тебе не кажется, что это сделано не случайно? — спросила Рейчел.

Грей был такого же мнения.

— Это похоже на половину языческого креста.

В отражении в лужице дождевой воды Грей буквально увидел вторую половину креста. Он мысленно представил себе весь символ целиком, проведя воображаемые линии между камнями. У него получился друидический крест, по следам которого они шли с самого начала.

— Но что это означает? — спросила Рейчел.

— Дай-ка подумать.

Грей выполз на локтях из ниши, затем перевернулся на живот и пополз обратно, теперь уже ногами вперед. Ему хотелось верить, что он валяется в луже не напрасно.

— Ну? — снова окликнул сверху профессор.

— По-прежнему работаем, — сдержанно ответил Грей.

Пробравшись к входу, он изучил все три кирпича, поставленные вертикально. Два нижних внешне выглядели совершенно обычно и прочно держались в кладке. Протянув руку, Грей схватил верхний кирпич, показавшийся сначала тоже ничем не примечательным. Однако затем на верхнем краю он нащупал небольшое углубление, как раз под руку.

Вставив пальцы в углубление, Грей потянул кирпич.

Тот начал поворачиваться. На мгновение он застрял, но Грей потянул сильнее, и у него за спиной послышался металлический скрип, за которым последовал скрежет камня по камню. Грей и Рейчел обернулись. Целая секция каменной стены повернулась, открывая узкую лестницу, ведущую вниз.

— Вход, — прошептала Рейчел. — Мы его нашли!..

Им пришлось потрудиться, чтобы развернуться в тесном проходе и протиснуться в открывшуюся дверь. Лестница была узкая, но все же здесь можно было выпрямиться во весь рост.

Рейчел осветила фонариком короткий пролет кирпичных ступеней.

— Кажется, внизу от лестницы отходит тоннель.

Грей полез вниз, чтобы обследовать все на месте, но, когда его нога наступила на пятую ступеньку, кирпич под тяжестью опустился на дюйм.

Снова раздался металлический скрип.

У Грея замерло сердце, в сознании выкристаллизовалось одно-единственное слово.

«Ловушка».

Дверь наверху начала закрываться. Рейчел с криком бросилась к выходу, но опоздала. Дверь захлопнулась, с отчетливым и окончательным щелчком.

Рейчел заколотила кулаками по каменной двери, но все было тщетно.

Они оказались заперты.

12 часов 42 минуты

Сейхан услышала крик Рейчел, затем раскат грома оглушил всех, кто стоял над входом в склеп.

Когда затихли последние отголоски, Бойл нагнулся над отверстием.

— Вы там что-нибудь нашли?

Ответа не последовало.

Сейхан также отметила, что исчез отсвет фонарика. Внизу что-то произошло. Повинуясь инстинкту, женщина прижала руки вдоль тела и не раздумывая прыгнула вниз. Она плюхнулась в воду, погасив инерцию падения коленями. Ее пальцы уже нащупали зажигалку. Дрожащий огонек осветил подземелье.

В нем никого не было.

— Что там случилось? — окликнул сверху Бойл.

— Их здесь нет.

Ковальски шагнул ближе к склепу, промокший насквозь и угрюмый. Лайл снова убежал, на этот раз за зонтами.

— Ну что я говорил... никогда нельзя забираться в яму вместе с Пирсом.

— Возможно, все не так уж и плохо, — предположил профессор.

Ковальски лишь угрюмо смерил его взглядом.

— Должно быть, они обнаружили потайной ход, — продолжал Бойл.

Однако в последнем крике Рейчел не было радости.

Сейхан заглянула в склеп.

— Пирс! Рейчел!

Сверкнула молния, прогремел гром, но Сейхан все же удалось расслышать слабый ответ. Значит, они, по крайней мере, еще живы. Она полезла дальше.

— Я ничего не поняла! — что есть силы крикнула Сейхан.

Вдруг она вздрогнула, услышав плеск. Оглянувшись, Сейхан увидела позади профессора, держащегося за конец веревки.

— Я бы этого не делал, — предостерег наверху Ковальски.

— Да заткнись же! — оборвала его Сейхан.

Склонив голову набок, она прислушалась. Наконец ей удалось различить голос Грея. Сейхан закрыла глаза, напрягая слух. Его фразы были короткими, отрывистыми. Сейхан мысленно представила себе, как он кричит, сложив руки *рупором*.

— У самого входа! Вертикальный кирпич! Прямо вверху! Дерни его!

Поскольку для поисков Сейхан нужны были обе руки, она закрыла зажигалку и пролезла в склеп. Ощупывая вслепую вход в тоннель, трогая пальцем кирпич за кирпичом, Сейхан отыскала тот, который имел в виду Грей. Ухватив его за верх, она дернула что есть силы.

Раздался громкий скрип.

Дальняя кирпичная стенка склепа повернулась. Сейхан увидела объятое паникой лицо Рейчел. У нее за спиной стоял Грей.

— Нас тут заперло, — объяснил он. — Зови сюда остальных, но следите за тем, чтобы не наступить на пятую ступеньку. Она запирает дверь.

Приблизившись к Сейхан сзади, Бойл посветил фонариком.

— Вы нашли потайной ход. Замечательно! Просто замечательно!

Осторожно обходя коварную ступень, все благополучно спустились по лестнице в нижний тоннель. Дальше круто вниз шел каменный коридор.

Ковальски наотрез отказался спускаться. Он крикнул сверху:

— Вы можете идти дальше, а я здесь подожду, когда принесут зонтики!

Отошедшая в сторону Рейчел подала голос:

— Взгляните на это. — Она указала фонарем на массивный бронзовый рычаг у основания лестницы. — Наверное, вот как открывается потайная дверь.

— Должно быть, именно так отсюда выходил отец Джованни, — согласился Грей. — И все же надо на всякий случай подпереть дверь, чтобы она больше не закрылась.

В качестве дополнительной меры предосторожности он подложил под каменную дверь кусок могильной плиты. Сейхан была рада его решению. Она предпочитала всегда держать запасную дверь открытой — мало ли что.

Профессор указал лучом фонарика вперед.

— В Средние века монахи нередко устраивали в монастырях и аббатствах ловушки и потайные комнаты. В древних строениях полно таких секретных проходов. В первую очередь это было средством спасения от грабителей. Кроме того, потайные тоннели позволяли подсматривать за гостями. А в те суровые времена знания как оборонительное оружие не уступали самому прочному щиту.

— В таком случае давайте посмотрим, что прятали здесь монахи, — предложил Грей, первым двигаясь вперед.

Остальные последовали за ним. Замыкала шествие Сейхан.

Подземный проход круто уходил вниз, но его конец оказался совсем близко. Вскоре тоннель привел в сводчатую пещеру. Другого выхода из нее не было.

— Судя по всему, мы сейчас находимся прямо под развалинами башни, — сказал Грей.

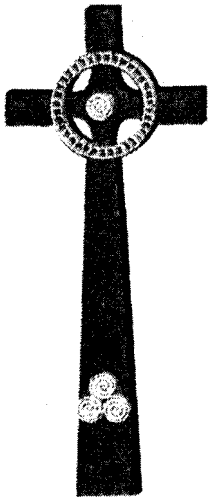
Профессор провел ладонью по стене.

— Здесь нет следов от кирки или зубила. Это пещера естественного происхождения.

Однако его взгляд оставался прикован к центральной части пещеры — к массивному саркофагу, высотой в полови-

ну человеческого роста, похоже, высеченному из одной каменной глыбы.

Позади него у дальней стены стоял кельтский крест.

Пока остальные осматривали саркофаг, Сейхан подошла к кресту. Он не был так хорошо обработан, как остальные на кладбище наверху. Лишенный украшений, грубо вытесанный, он на вид казался значительно более древним. Единственным орнаментом являлись выпуклые спирали, вырезанные в нижней части, а кольцо было разделено на отдельные квадраты.

Отвернувшись от креста, Сейхан подошла к каменному гробу, стоящему на полу. Стенки его были ровные, крышка лежала на месте.

— Быть может, это усыпальница лорда Ньюборо? — высказала предположение Рейчел.

Профессор провел рукой по грубой поверхности крышки.

— Саркофаг слишком древний. Если Ньюборо и был похоронен здесь, гроб с его останками наверняка находится в одном из замурованных склепов наверху. Это могила кого-то

другого. К тому же саркофаг высечен из голубоватого глинистого песчаника, того же самого камня, из которого сложены неолитические кольца. Должно быть, его вырубили на главном острове и переправили сюда по морю. В старину это была очень непростая задача. По-моему, это могила одного из тех, кто возводил древние кольца, возможно, человека царских кровей.

— Например, фоморийской царицы? — предположила Рейчел.

— Да, нашей Черной Мадонны, — подтвердил Бойл, однако внезапно его внимание что-то отвлекло.

Нахмурившись, профессор нагнулся. Приложив фонарик к стенке саркофага, он направил луч света вдоль поверхности. Его пальцы скользнули по камню.

— Похоже, здесь прежде было что-то вырезано. Какое-то изображение, может быть, даже надпись. Но затем все это соскоблили.

Он поморщился, гневаясь на неизвестных варваров.

— Если этот саркофаг относится к эпохе неолита, — заговорил Грей, — все надписи и изображения соскоблила католическая церковь.

— Да, это как раз в ее духе. Если что-то не вязалось с христианскими догмами, это уничтожалось. Взгляните, что сталось с кодексами индейцев майя[1], обширнейшим кладезем древних знаний. Церковь провозгласила их творением дьявола, и все они, за немногим исключением, были сожжены.

Уловив противоречие, Сейхан подошла ближе.

— Но почему в таком случае просто не был уничтожен весь саркофаг? К чему столько трудов, чтобы отскоблить надписи?

---

[1] Кодексы майя — идеографические рукописи народа майя исторического, научного и религиозного характера, практически все они были уничтожены испанскими конкистадорами (сохранилось всего четыре кодекса).

— Если это было захоронение, церковь отнеслась к нему с уважением, — ответил Бойл. — В те времена у нее еще были свои суеверия. Быть может, монахи не захотели тревожить останки.

Свою версию высказал вслух Грей:

— А может быть, то, что здесь лежало, представляло для них ценность.

— Например, «Ключ Судного дня», — сказала Рейчел.

Сейхан никак не отреагировала на многозначительный взгляд девушки в ее сторону, лишь скрестила руки на груди.

Грей склонился над крышкой, изучая ее.

— Похоже, когда-то саркофаг был запечатан воском. — Подняв руку, он стер с пальцев хлопья. — Но кто-то нарушил печать.

— Должно быть, это сделал отец Джованни, — сказала Рейчел. — Взгляните сюда.

Подойдя к древнему кресту, она указала на стены рядом с ним.

На камне отчетливым современным почерком были выведены углем расчеты и замечания. Судя по всему, отец Джованни подробнейшим образом снял все размеры креста. Он также нарисовал правильную окружность, рассеченную множеством линий в соответствии с непостижимыми законами. Для Сейхан все это выглядело неразрешимой головоломкой.

«Чем здесь занимался Марко?»

Грей внимательно осмотрел крест. Сейхан разгадала выражение лица Пирса: он что-то вычислял в уме. Если кто-то и мог найти ключ, то только этот человек.

Наконец Грей обернулся. Сейхан показалось, что какой-то частью рассудка он продолжает биться над загадкой креста. Однако он решительно указал на саркофаг.

— Если Марко сломал печать, давайте посмотрим, что он обнаружил.

13 часов 03 минуты

Потребовались усилия всех четверых, чтобы открыть крышку.

«Как отцу Джованни удалось сделать это в одиночку? — подумал Грей, напрягая мышцы рук и спины. — Он позвал кого-то на помощь? Или спустил вниз инструмент?»

И все же грубой физической силы оказалось достаточно. Со скрежетом камня по камню крышка сдвинулась в сторону, но осталась лежать на саркофаге.

Грей посветил внутрь каменного гроба, высеченного из глыбы голубоватого глинистого песчаника. Он ожидал увидеть там истлевшие кости, покрытые плесенью, но, хотя пространства хватало, чтобы вместить тело, саркофаг был пуст.

Точнее, почти пуст.

В глубине лежала огромная книга в кожаном переплете. Шириной и толщиной в целый фут, а длиной в два фута. На вид она казалась прекрасно сохранившейся. Скорее всего, старинный фолиант не трогали с тех самых пор, как положили в саркофаг, запечатанный воском.

Грей протянул к книге руку.

— Осторожнее, — приглушенным голосом предупредил профессор. — Ни в коем случае нельзя ее повредить. Вообще-то, неплохо было бы надеть перчатки.

Грей заколебался, прочувствовав древность этого предмета.

Однако, несмотря на свой собственный призыв, Бойл нетерпеливо замахал на Грея:

— Ну, чего же вы ждете?

Сглотнув комок в горле, Грей осторожно положил два пальца на край книги. Несомненно, отец Джованни уже открывал ее, хотя бы один раз. Грей потянул тяжелую обложку, но переплет, высохший и отвердевший, упорно сопротивлялся.

— Теперь очень аккуратно, — предупредил профессор.

Грей полностью открыл обложку и прислонил ее к стенке каменного сундука. Первая страница оказалась чистой, но через нее проступали богатые краски следующего листа.

Бойл нагнулся к книге.

— Боже милосердный... — Протянув руку, он сам перевернул первую страницу. — Это пергамент из телячьей кожи, — объяснил профессор, ощупывая лист.

Но когда открылось то, что находилось за первой страницей, у него глаза вылезли из орбит.

В свете фонариков чернила на следующем листе засияли расплавленными драгоценными камнями. Темно-красные, золотисто-желтые, багровые краски, такие сочные, что казались еще сырыми. Тщательно прорисованные иллюстрации изображали стилизованные человеческие фигуры, тесно переплетенные в затейливый узор. Посередине первой страницы, в окружении искусных рисунков на золотом троне восседал бородатый мужчина в короне.

Несомненно, это было изображение Христа.

— Наверное, это какой-то священный текст, — прошептала Рейчел, пораженная красотой книги.

Профессор пролистал еще несколько страниц.

— Это Библия.

Он провел пальцем по ровным строчкам латинского текста, плотно покрывавшим страницы. Каллиграфия была искусная, со старательно выполненными изображениями прописных букв. Поля каждой страницы были украшены орнаментами из буйной смеси мифических животных, крылатых детей и новых и новых сплетений узлов.

— Это напоминает Келлскую книгу[1], — заключил профессор. — Ее священный текст, одно из главных сокровищ Ирландии, относится к восьмому столетию. Над его созданием несколько десятилетий трудилась группа монахов. А ведь в

[1] Келлская книга — богато иллюстрированная рукопись, созданная ирландскими монахами около 800 года, наиболее значительное произведение средневекового ирландского искусства.

книге содержится лишь четыре Евангелия Нового Завета. — Голос Бойла дрогнул. — Я думаю, в этой книге заключена вся Библия. — Он тряхнул головой. — Если это так, она просто бесценна.

— В таком случае почему ее оставили здесь? — спросила Сейхан. Даже она подошла ближе, чтобы взглянуть на древнюю книгу.

Бойл лишь молча покачал головой. Но затем он осторожно перевернул еще несколько страниц Библии, и появился ответ.

За очередной страницей открылась дыра, зияющая в середине книжного листа. Вырезанная в толще тома, она представляла собой квадратное отверстие со стороной в три дюйма и глубиной в дюйм.

Профессор ахнул, увидев такое варварство.

Грей склонился к самой книге. Несомненно, это отверстие предназначалось для того, чтобы спрятать и сохранить в нем что-то ценное. Не оборачиваясь, Грей протянул руку к Рейчел. Та сунула руку во внутренний карман плаща.

Все догадались, что было когда-то спрятано в книге.

Рейчел вложила Грею в руку кожаный мешочек. Похоже, его сшили из той же самой кожи, из которой был выполнен переплет книги. Грей положил мешочек в отверстие. Оно оказалось для него в самый раз.

— Отец Джованни похитил артефакт, но оставил Библию, — задумчиво произнес Грей, мысленно представив себе высохший палец внутри мешочка. — Почему?

В этом единственном слове содержалось сразу несколько вопросов.

Профессор добавил еще один:

— И почему Марко никому об этом не рассказал?

— Возможно, рассказал, — холодно заметила Сейхан. — Раз за ним охотились и в конце концов его убили, значит, он кому-то рассказал о своей находке.

— Она права, — вынужден был признать Грей. — Быть может, отец Джованни не открыл все, что ему удалось узнать, — в частности, он, по-видимому, умолчал про Библию,

однако все-таки сказал достаточно, чтобы подписать себе смертный приговор.

— О господи... — внезапно прошептал Бойл.

Грей обернулся к нему.

— Года два тому назад Марко связался со мной. Ему были нужны деньги, чтобы продолжать исследования. Я сказал, что корпорация «Виатус», спонсирующая мои раскопки, возможно, согласится финансировать связанные с ними вспомогательные работы. Я дал ему координаты человека, с которым был связан. Главы научно-исследовательского отдела. Кристы Магнуссен.

Сейхан, стоявшая позади Грея, напряглась, но ничего не сказала.

— И с тех пор у меня от Марко больше не было никаких известий. — Профессор был сражен внезапной догадкой. — Я полагал, он просто обо мне забыл. И сам я не вспоминал о нем до этих событий. Господи, неужели я вывел беднягу прямо на его собственных убийц?

Грей мысленно прокрутил это предположение. В нем был свой смысл. «Виатус» мог нанять отца Джованни, особенно если тот пообещал найти лекарство от той заразы, что убила мумии из торфяника. Разве можно было ему отказать? Однако в ходе своих расследований отец Джованни наткнулся на нечто такое, что привело его в ужас и заставило бежать в Рим, где он собирался встретиться с Вигором Вероной и выложить ему все, что знал. Очевидно, те, кто его нанял, проведали об этом и решили его устранить.

Профессор зажал рукой рот, все еще не в силах оправиться от потрясения. Другой рукой он поспешно перевернул нетронутые листы обратно, закрывая дыру в Библии, скрывая надругательство над священной книгой, словно это могло каким-то образом искупить его собственную вину.

Принимая кожаный мешочек от Грея, Рейчел сказала:

— Отец Джованни похитил артефакт, но главный вопрос заключается в том, кто оставил здесь этот мешочек и зачем.

Ее слова вернули всех в самое сердце загадки. От ответов на эти вопросы зависела жизнь Рейчел.

— Возможно, я смогу ответить на вопрос о том, кто оставил эту Библию, — сказал профессор.

Он сделал глубокий вдох и выдох, пытаясь успокоиться.

Удивленный, Грей повернулся к нему:

— И кто же?

— Скорее всего, владелец Библии.

Профессор указал на внутреннюю поверхность книжной обложки. К ней был приклеен тонкий листок пергамента.

До этого все внимание Грея было приковано к содержимому книги, и он не обратил внимания на этот маленький листок. Теперь он изучил его. Как и всю книгу, лист покрывали сложные узоры, но в середине затейливыми буквами было выведено имя, возможно, владельца этой бесценной книги.

Бойл прочитал вслух:

— Мэл Мэдок О'Моргайр.

Грею это имя ничего не говорило. Должно быть, недоумение красноречиво отразилось у него на лице.

— Всем, кто живет в здешних краях, это имя хорошо знакомо, — объяснил профессор. — Особенно тем, кто занимается моим ремеслом.

— И кто это такой?

— Один из самых почитаемых ирландских святых, по известности уступающий только святому Патрику. При рождении он получил имя Мэл Мэдок, однако латинизированный вариант звучит как «Малахия».

— Святой Малахия, — сказала Рейчел, очевидно узнав это имя.

— Кто он такой? — спросил Грей.

— Святой Малахия родился приблизительно в том же году, когда была написана «Книга Судного дня». — Профессор помолчал, давая возможность осознать всю значимость этого. — Одно время он был аббатом в Бангоре, но впоследствии стал архиепископом. Много времени он проводил в паломничествах.

— Так что он, скорее всего, бывал здесь?

Бойл кивнул.

— Малахия был очень интересным человеком. Можно сказать, свой архиепископский сан он носил скрепя сердце. Малахия предпочитал путешествовать, встречаться как со своей паствой, так и с язычниками, распространяя среди них слово Евангелий. Он легко вращался в обеих сферах и в конце концов добился установления прочного мира между католической церковью и теми, кто придерживался старых верований.

Грей вспомнил утверждение профессора о том, что последние язычники развернули войну против христианства, возможно, используя биологическое оружие, полученное от древних.

— Вы полагаете, что частью этого мирного соглашения стали знания о болезни и исцелении от нее, тот самый легендарный ключ к «Книге Судного дня»?

— Определенно Малахия оставил здесь свои следы, — указал на книгу профессор. — Но есть также еще та причина, по которой он был канонизирован, по которой его сочли достойным стать святым.

— Это еще что?

— Вот в чем загвоздка, — продолжал профессор. — На протяжении всей своей жизни Малахия славился своей чудесной способностью излечивать болезни. Этому святому приписывается долгий перечень чудодейственных исцелений.

— То же самое можно сказать и про остров Бардси, — заметил Грей.

— Но я также вспоминаю другую историю, связанную с Малахией. Родившуюся в моей дорогой Шотландии. Как-то раз Малахия, проезжая через Аннандейл, попросил местного лорда помиловать одного воришку. Лорд обещал выполнить его просьбу, однако вор был все-таки повешен. Придя в гнев, Малахия проклял лорда — после чего тот умер сам, а вместе с ним и все его домочадцы.

Профессор многозначительно посмотрел на Грея.

— Исцеление и проклятие, — пробормотал тот.

— Все говорит о том, что Малахии удалось что-то узнать у своих новых друзей-друидов, однако церковь решила похоронить эту тайну здесь.

— Но вы не упомянули о том, — вмешалась Рейчел, — чем больше всего прославился Малахия.

— Ах да, вы имеете в виду пророчества, — закатил глаза Бойл.

— Какие еще пророчества?

Ответила Рейчел:

— Пророчества о папах. Считается, что во время паломничества в Рим Малахия впал в транс и ему явились в видении все папы, начиная с его времени и до скончания мира. Затем он прилежно записал все это.

— Полная ерунда, — возразил профессор. — Церковь якобы нашла в своих архивах записи Малахии где-то через четыреста лет после его смерти. Скорее всего, речь идет о подделке.

— Однако некоторые утверждают, что на самом деле это копия текста, написанного Малахией. Так или иначе, описание римских пап, сменявших друг друга на протяжении столетий, странным образом соответствует действительно-

сти. Возьмем, к примеру, двух последних пап. Иоанна Павла Второго Малахия описывает как «De Labore Solis», в переводе — «от трудов солнца». Будущий понтифик родился в день солнечного затмения. Или нынешний папа, Бенедикт Шестнадцатый. Он описан как «De Gloria Olivae», «слава олив». А символом ордена бенедиктинцев является оливковая ветвь.

Профессор пренебрежительно махнул рукой:

— Просто глупцы находят в непонятных латинских фразах то, чего там нет.

Рейчел повернулась к Грею, ожидая от него понимания.

— Но самое пугающее во всем этом то, что нынешний папа числится в списке Малахии под номером сто одиннадцать. А уже его преемнику — Petrus Romanus, Петру из Рима, согласно пророчеству, предстоит стать последним папой. Этот понтифик станет свидетелем конца света.

— В таком случае все мы обречены, — проронила Сейхан, подобно Бойлу выражая своим тоном неприкрытый скептицизм.

— Ну я-то точно обречена, — с вызовом откликнулась Рейчел, заставляя ее умолкнуть. — Если только мы не найдем этот проклятый ключ.

Грей промолчал. Ему не хотелось заострять внимание на этом. Но в одном Рейчел была права. Они должны найти ключ. Грей стоял, размышляя над тем, какое значение имела находка Библии умершего святого в языческом саркофаге. И, что гораздо важнее...

— Вы думаете, что в Библии был спрятан палец святого Малахии? — высказал предположение Грей.

— Нет, — решительно заявил Бойл. — Саркофаг слишком древний. Чересчур древний. Полагаю, он относится к эпохе Стоунхенджа. В нем был кто-то похоронен, но только не Малахия.

— Кто же тогда? — спросил Грей.

Профессор пожал плечами:

— Как я уже сказал, скорее всего, кто-нибудь из знати эпохи неолита. Быть может, та самая темнокожая языческая

царица. В любом случае подозреваю, что высохший палец — это все, что осталось от обитателя саркофага.

— Почему вы так думаете?

— И куда делось остальное тело? — добавила Рейчел.

— Его переместили. Вероятно, это сделала церковь. Может быть, сам Малахия. Но одну кость оставили здесь, как это было принято в те времена. Считалось грехом забирать тело из могилы, не оставив в ней какую-либо его часть.

— Память о погребенном, — кивнув, согласилась Рейчел. — Чтобы он и дальше покоился с миром. Дядя Вигор как-то рассказывал об этом. Поступать иначе считалось кощунством.

Грей пристально смотрел на саркофаг.

— Чтобы сохранить кусочек покойника, Малахия пожертвовал своей Библией. Значит, он верил, что тот, кто был здесь погребен, достоин такой чести.

Он также вспомнил рассказ отца Рая о том, каким встревоженным возвратился в последний раз с острова отец Джованни. Всю ночь напролет молодой священник молил о прощении. Не потому ли, что он забрал иссушенный палец и тем самым осквернил могилу, освященную церковью? И если так, что толкнуло его на такой поступок? Почему отец Джованни посчитал это столь важным?

Тут Рейчел задала еще один важный вопрос:

— А почему тело забрали из саркофага?

Одно объяснение предложил Бойл:

— Возможно, чтобы обезопасить то, что было здесь спрятано. Во времена Малахии Англия и Ирландия подвергались постоянным нападениям со стороны викингов. Этот остров, лишенный оборонительных сооружений, был беззащитен перед лицом захватчиков.

Грей кивнул.

— А если ключ хранился именно в этом склепе, он должен быть каким-то образом связан с телом, погребенным здесь. Поэтому, чтобы сохранить знания, ключ и тело пришлось переправить в более безопасное место.

— Но где, черт побери, этот ключ? — спросила Сейхан. — Что это хоть такое, что мы ищем?

Грей перевел взгляд на единственное указание, оставленное отцом Джованни. Подойдя к стене, он изучил написанные углем расчеты. Что пытался определить отец Джованни? Грей положил руку на стену.

Остальные приблизились к нему.

Грей поднял взгляд на кельтский крест. Только сейчас он обратил внимание на одну особенность.

— Этот крест, — сказал Грей, проводя по нему ладонью, — он ведь сделан из того же камня, что и саркофаг. И, судя по поверхности, его тоже отскабливали, как и гроб.

Профессор шагнул к кресту.

— А ведь вы правы.

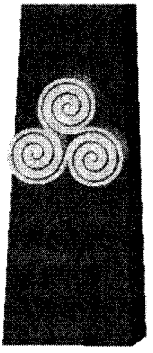
Грей повернулся к нему.

— И поставил его здесь не Малахия или какой-нибудь другой благочестивый христианин, пожелавший обозначить могилу.

— Крест уже находился здесь.

Грей взглянул на крест другими глазами, стараясь увидеть не христианский, а языческий символ. Не является ли крест указанием на то, где находился ключ? Судя по вычислениям на стене, отец Джованни пытался что-то определить.

Желая узнать больше, Грей направил луч фонарика на основание креста.

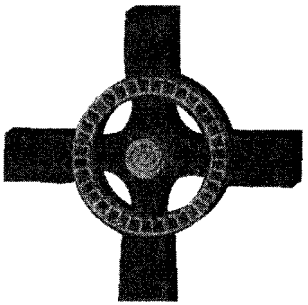

— Вот эти три спирали внизу, в них есть какой-то особый смысл?

Профессор присоединился к Грею и Рейчел.

— Это так называемая тройная спираль. Однако в действительности здесь не три спирали, а только одна. Взгляните на то, как все спирали соединяются друг с другом, образуя единый узор. Этот же самый тройной символ можно найти на древних каменных столбах по всей Европе. И христианская церковь переняла его, подобно многим другим языческим символам. Но только для церкви он стал идеальным воплощением Святой Троицы. Отец, Сын и Святой Дух. Переплетенные вместе. Три начала одного и того же.

Грей поднял взгляд на одну спираль в центре креста, похожую на декоративный колпак на автомобильном колесе.

Он вспомнил рассказ Пейнтера о значении этого символа. О том, как языческие крест и спираль часто встречались вместе, накладываясь друг на друга. Крест представлял землю. А спираль обозначала путь души, подобно вьющемуся дымку поднимающейся из этого мира в следующий.

Грей переключил внимание на записи отца Джованни на стене. Ему показалось, он видит в формулах и строчках какой-то смысл. Вроде бы достаточно только протянуть руку — но ухватиться никак не удавалось.

Подойдя к самому кресту, Грей отложил фонарик и дотронулся до каменного кольца. Его пальцы скользнули по высеченным отметкам.

«Как спицы в колесе...»

Эта рассеянная мысль мелькнула в голове Грея, когда он все еще смотрел на спираль в центре креста. До этого он уже сравнивал ее с колпаком на автомобильном колесе.

И вдруг его осенила догадка.

Быть может, Грей с самого начала почувствовал правду, но не мог преодолеть рамки христианской символики. Но теперь, взглянув на крест по-другому и отбросив предвзятость, он наконец узнал то, что видел перед собой.

— Это же колесо! — вырвалось у Грея.

Крепко ухватившись за каменное кольцо, он повернул его против часовой стрелки, в направлении, в котором была закручена спираль.

Кольцо сдвинулось с места!

Поворачивая его, Грей перевел взгляд на расчеты, написанные на стене. В кресте была спрятана какая-то тайна, но для того, чтобы ее раскрыть, требовалось знать правильный ключ. Должно быть, кольцо выполняло роль комбинационного замка, защищающего потайной сейф, в котором когда-то был спрятан «Ключ Судного дня».

Судя по вычислениям на стене, отец Джованни как раз работал над тем, чтобы определить нужное сочетание — рассчитать цифровую комбинацию.

К несчастью, Грей сообразил это слишком поздно.

Попытка дается только одна.

А он набрал неверную комбинацию.

Земля внизу содрогнулась с громким гулом. Пол внезапно ушел из-под ног. Грей ухватился за крест, цепляясь пальцами за горизонтальные лучи. Повиснув на кресте, он оглянулся и увидел, как весь пол дальней половины склепа поднимается вверх, загораживая единственный выход.

Остальные с испуганными криками отпрянули назад.

Каменная крышка, соскользнув с саркофага, упала вниз и провалилась в зияющую дыру у Грея под ногами. Фонарик уже скатился в колодец. Его луч высветил дно, утыканное зловещими бронзовыми шипами, обращенными вверх.

Каменная крышка, свалившись на них, разлетелась вдребезги.

Пол продолжал поворачиваться, поднимаясь вертикально, стремясь сбросить всех вниз.

Профессору и Рейчел удалось забраться на саркофаг и ухватиться за него. Каменный гроб оставался на месте, намертво прикрепленный к полу. Но Сейхан не успела добраться до безопасного места. Она неудержимо скользила вниз.

Протянув руку, Рейчел схватила проезжающую мимо Сейхан за куртку и подтянула вверх, чтобы та смогла уцепиться за край саркофага.

В это опасное мгновение женщины своей жизнью зависели друг от друга.

Пол занял вертикальное положение, и Сейхан повисла, как Грей.

Вот только Грея никто не поддерживал.

Его пальцы соскользнули с холодного влажного камня, и он стремительно полетел навстречу шипам.

22

13 октября.
13 часов 13 минут.
Шпицберген, Норвегия

Боеголовка взорвалась точно в назначенный срок.

Даже укрытый за двумя массивными стальными дверями и толстыми каменными стенами, Пейнтер ощутил мощный взрыв. Ему показалось, будто какой-то великан ударил его ладонями по ушам, пытаясь раздавить череп. И все же он услышал, как лопнули шлюзовые камеры двух других бун-

керов с семенами. Судя по грохоту, тот же самый великан топнул ногой, сминая хранилища.

Сидя на корточках за шлюзом, Пейнтер услышал также, как сорвалась наружная дверь, с громким треском налетев на внутреннюю. Но последняя дверь выдержала. Повышенного давления хватило, чтобы устоять под натиском ударной волны.

Пейнтер с облегчением прикоснулся к стальной двери. Ее поверхность стала теплой, нагревшись от огненного вала вакуумного заряда.

Сразу же после взрыва погас свет. Однако укрывшиеся в бункере заранее приготовились к этому. Всем были розданы фонарики, и сейчас они вспыхнули в темноте подобно свечкам.

— Пронесло, — пробормотал стоявший за спиной Пейнтера сенатор Гормен.

Оглушенному Пейнтеру его голос показался едва слышным. Остальные начинали подниматься с пола. По толпе гостей и обслуживающего персонала пронеслись восторженные крики, даже нервные смешки.

Пейнтеру не хотелось становиться гонцом, приносящим дурные известия, однако времени тешить себя ложными надеждами не было.

Встав, он поднял руку.

— Тихо! — крикнул он, привлекая к себе всеобщее внимание. — До спасения еще далеко! Мы не знаем, пробил ли взрыв толщу льда, завалившего выход. Если нет, спасательные работы займут несколько дней.

За подтверждением Пейнтер обратился к инженеру обслуживающих систем хранилища. Тот жил здесь. И прекрасно знал, какими ресурсами располагает архипелаг.

— На это может уйти больше недели, — согласился инженер. — Причем в том случае, если дороги остались открытыми.

Последнее вызывало большие сомнения, учитывая тот ракетный шквал, который слышал Пейнтер. Правда, это сооб-

ражение он оставил при себе. Новости и без того уже были достаточно плохими. А он еще не закончил.

Пейнтер указал на дверь:

— Огненная буря выжгла большую часть имевшегося под землей кислорода, оставив вместо воздуха ядовитую смесь. Даже если выход свободен, нижний уровень по-прежнему заполнен отравленными газами. Здесь единственный безопасный карман. Но воздуха тут хватит дня на два, максимум на три.

Похоже, инженер собрался подкорректировать этот прогноз в меньшую сторону, но Пейнтер остановил его, крепко стиснув руку. Также он не хотел раскрывать истинную причину своей спешки.

Тот, кто нанес этот удар, может вернуться.

Толпа притихла, удрученная невеселыми новостями.

Первым подал голос Карлсен, стоявший в стороне. В основном это были его гости.

— Так что же нам делать?

— Кому-нибудь нужно подняться наверх. И проверить дверь. Для этого придется долго бежать в ядовитой взвеси. Если выход свободен, нужно выбраться наружу и вызвать помощь. Остальные будут ждать здесь, где пока что безопасно.

— И кто пойдет наверх? — спросил сенатор Гормен.

Пейнтер поднял руку:

— Я.

Карлсен шагнул вперед.

— Нет, один вы не пойдете. Я пойду с вами. Возможно, вам потребуется дополнительная пара рук.

Он был прав. Пейнтер не знал, что ждет его наверху. Быть может, проход завален искореженным оборудованием. И потребуются две пары рук, чтобы расчистить дорогу. Но все же Пейнтер скептически смерил Карлсена взглядом. Глава «Виатуса» был далеко не молод.

Карлсен прочитал у него на лице сомнение.

— Два месяца назад я участвовал в полумарафоне. И ежедневно совершаю пробежки. Я не стану для вас обузой.

К нему присоединился сенатор Гормен.

— В таком случае я тоже пойду.

Определенно Гормен не хотел выпускать из вида убийцу своего сына. И, сказать по правде, Пейнтер этого тоже не хотел. У него было к этому человеку несколько вопросов, ответы на которые, возможно, будут иметь решающее значение для предотвращения экологической катастрофы.

И все же Пейнтер предпочел бы, чтобы они оба остались здесь.

Но Карлсен привел довод, на который Пейнтеру было нечем возразить. Он указал на дверь.

— Это даже не обсуждается. Нравится вам это или нет, вы не сможете меня остановить. Я иду с вами.

В этом вопросе Гормен не отставал от него ни на шаг.

— Мы оба идем с вами.

У Пейнтера не было времени на споры. Он не имел достаточно прав, чтобы приковывать Карлсена наручниками к стеллажам. Больше того, среди находившихся в хранилище у главы «Виатуса», вероятно, сторонников было больше, чем у него.

— В таком случае пошли.

Пейнтер взял фонарик. Полив водой из канистры шарфы, он замотал лицо, закрывая рот и нос. Карлсен и сенатор последовали его примеру.

— Старайтесь как можно дольше задержать дыхание.

Они кивнули.

Инженер также протянул им защитные очки, чтобы спасти глаза от едкого горячего воздуха.

Все трое приготовились как только смогли.

Пейнтер подошел к двери. Старшим он оставил инженера. Если их постигнет неудача, тот обладал достаточными знаниями, чтобы продержаться в живых как можно дольше.

— Давление здесь выше, чем снаружи. Как только я открою дверь, какое-то количество кислорода вытечет туда.

Так что сразу же закройте ее за нами и открывайте только в том случае, если мы постучим. Если дорога закрыта, мы немедленно вернемся. Если нет, будем молиться о лучшем.

— Я не перестаю молиться с тех самых пор, как увидел бомбу, — слабо усмехнулся инженер.

Похлопав его по плечу, Пейнтер обратился к сенатору и Карлсену:

— Вы готовы?

Оба кивнули.

Пейнтер повернулся к инженеру:

— Открывайте. — Затем к своим спутникам: — Наберите полные легкие воздуха.

Дверь чуть приоткрылась. Послышался пугающий свист выходящего воздуха, из коридора пахнуло жаром. Пейнтер первым выскочил в темноту. Казалось, он очутился в сауне. Однако кожу ему жег не столько горячий воздух, сколько ядовитые испарения. В воздухе буквально чувствовалась едкая химическая отрава. В тоннеле оказалось гораздо хуже, чем он предполагал.

Пейнтер услышал за спиной топот ног своих спутников.

Выбежав в главный тоннель, он выключил фонарик. И задержал дыхание, как в буквальном смысле, так и в переносном.

«Расчистил ли взрыв завал у выхода?»

Пейнтер всмотрелся в глубь окутанного непроницаемым мраком тоннеля. Он не увидел впереди никаких проблесков света. Тоннель был совершенно прямым. Если бы выход был открыт, даже самый слабый свет сиял бы ярким прожектором.

Пейнтер начал непроизвольно замедлять шаг.

Его замысел не удался. Они по-прежнему оставались заперты в этом отравленном колодце.

Но через несколько шагов вслепую, когда глаза Пейнтера после света фонарика полностью привыкли к темноте, он разглядел что-то — вдалеке сквозь окутанный дымом мрак пробивались тусклые отсветы.

Пейнтер позволил себе слабый вздох облегчения, выпуская из легких драгоценный воздух.

Подбодренный вспыхнувшей надеждой, он снова включил фонарик и побежал быстрее. Пейнтер не мог сказать, увидели ли сенатор и Карлсен эти слабые отсветы, но его план был им известен. Если света не будет, они должны вернуться назад. И поскольку Пейнтер продолжал бежать вперед, это могло означать только одно.

Ускорив шаг, все трое пробежали через тот участок тоннеля, где устраивался банкет. Опрокинутые столы были отброшены к стенам. Вся пластмасса расплавилась. Ледяные скульптуры превратились в пар. Все, что могло гореть, мгновенно воспламенилось, однако вакуумный заряд, поглотивший почти весь кислород, так же быстро загасил пламя.

В воздухе неподвижно висели клубы дыма, но чем дальше бежали Пейнтер и его спутники, тем меньше становилась концентрация вредных веществ. Правда, все вокруг было покрыто слоем мельчайшего черного порошка, побочного продукта сгорания фтористого алюминия.

Они неслись вперед.

Наконец Пейнтер был вынужден сделать первый вдох. Прижимая к носу мокрый шарф, он втянул глоток воздуха, пахнущего паленой резиной и обжигающего едкой кислотой. Пейнтер не знал, много ли кислорода осталось в воздухе, но упорно бежал дальше. Чем выше удастся подняться, тем чище будет воздух, особенно если ледяная пробка выбита.

Пейнтер преодолел половину пути, оставалось пробежать еще семьдесят пять ярдов. Теперь, даже несмотря на включенный фонарик, в конце тоннеля было видно тусклое сияние. Оно влекло Пейнтера вперед. Но чем больше вдохов вынужден был он сделать, тем сильнее начинали дрожать перед его слезящимися глазами стены тоннеля. Легкие горели, по всей коже распространился зуд.

И все же Пейнтер не замедлял бег.

Оглянувшись назад, он увидел, что его спутники отстают. Особенно плохо приходилось сенатору Гормену; он шатался,

едва держась на ногах. Карлсен ухватил его за локоть, помогая удержать равновесие, и потащил вперед.

Пейнтер остановился, готовый прийти на помощь. Эти двое нужны были ему живыми.

Но Карлсен сердито махнул рукой. Смысл его жеста был очевиден.

«Не останавливайся!»

Пейнтер понял, что Карлсен прав. Ему нужно было как можно быстрее выбраться из этого ядовитого бульона, прочистить голову. Если понадобится, он вернется за своими спутниками. Не имея выбора, Пейнтер со всех ног устремился к свету, обещавшему свежий воздух.

Наконец впереди показалась наружная дверь, купающаяся в голубоватом сиянии. Несколько ярких точек ослепили Пейнтера. Но когда он подбежал ближе, у него внутри все оборвалось.

«Не может быть...»

Выход по-прежнему оставался завален.

Этим сиянием был дневной свет, проникающий сквозь толщу льда. Взрыв не смог растопить лавину. И все же Пейнтер продолжал бежать к выходу. Все равно больше ему ничего не оставалось. Оказавшись совсем рядом с яркими точками, он увидел, что это щели между глыбами льда.

Воскресшей надежды хватило, чтобы довести его до самой двери. Подбежав к одной щели, Пейнтер прижался к ней лицом и жадно глотнул воздух. По крайней мере, воздух оказался холодным. Пейнтер сделал несколько глубоких вдохов. У него в голове тотчас же прояснилось, туман быстро рассеялся.

Обернувшись, он увидел позади ярдах в пятнадцати Карлсена и сенатора. Гормен уже не мог идти самостоятельно, и Карлсен тащил его. Оттолкнувшись от ледяной стены, Пейнтер поспешил назад. Он подхватил сенатора с другой стороны.

Все втроем они вернулись к двери. Пейнтер уложил своих спутников у щелей между глыбами, затем нашел еще одну, выше. Вдыхая холодный свежий воздух, он вдруг со-

образил, что лед не покрыт черной копотью. Это был свежий лед. Значит, взрыв расчистил завал, но затем сошла новая лавина, опять закупорившая выход.

Однако теперь слой льда уже не был таким толстым.

Пейнтер приложил глаз к щели. Он увидел то, что было снаружи.

В верхней части двери толщина завала, образованного крупными глыбами льда, была не больше двух футов. При наличии времени расчистить дорогу было возможно.

Вот только возникали опасения, что времени у них как раз и нет. Неизвестно, когда сорвется новая лавина, которая укупорит выход плотнее.

Словно в ответ на его мысли послышался рокот.

Пейнтер почувствовал, как лед под его щекой пришел в движение.

«О, только не это...»

13 часов 20 минут

Монк увидел взрыв, находясь на противоположной стороне долины. Звук был такой громкий, словно у него в голове прогрохотал раскат грома. Ошеломленный, оглушенный, Монк не удержался на ногах и упал в снег.

Криду и двум норвежским солдатам тоже изрядно досталось.

Из погребенного хранилища вырвался столб пламени и осколков льда. В небо взметнулось маслянистое черное облако.

Словно оскорбленные этим вмешательством, разверзлись тучи над головой. Повалил густой снег. Мгновение назад воздух был еще чистым, и вот уже сильный ветер закружил большие белые хлопья. Меньше чем за полминуты долину затянула непроницаемая белая мгла. Однако до того, как занавес опустился, Монк успел разглядеть, что взрыв обнажил бетонный бункер — хотя бы на несколько секунд. Но тотчас же сошла новая лавина, опять завалившая вход.

«Остался ли внутри кто-нибудь живой?»

Со стороны горы донеслись отголоски новых выстрелов. Монк больше не видел боевиков, но они продолжали прочесывать долину, расправляясь со всеми оставшимися в живых.

Если кто-то и уцелел при подземном взрыве, в самое ближайшее время их все равно ждет неминуемая гибель.

У Монка оставался только один выход.

Ему потребовалась помощь Крида, но в конце концов он смог убедить норвежцев.

13 часов 21 минута

Рокот нарастал, лед сотрясался. Пейнтер молил бога только о том, чтобы новая лавина оказалась небольшой. Однако шум все усиливался.

Затем из пелены снега и ветра вынырнул «Сноукэт», поднимающийся по склону. Не снижая скорости, снегоход несся прямо на завал.

— Назад! — закричал Пейнтер.

Он отпихнул сенатора от двери, затем схватил Карлсена за капюшон и оттащил обоих от стены льда.

Это произошло как раз вовремя.

Тяжелая машина налетела на заваленный вход. Ее гусеницы вгрызлись в ледяную стену. Бампер воткнулся в верхнюю часть двери. Внутрь тоннеля повалились осколки льда.

«Сноукэт» сдал назад, готовясь для нового таранного удара.

Пейнтер метнулся вперед. Бампер проделал в завале дыру, в которую мог протиснуться человек. Нырнув в отверстие с рваными краями, Пейнтер пополз вперед, отталкиваясь коленями и локтями.

Отползавший назад снегоход остановился.

Открылась боковая дверь. Оттуда высунулась знакомая фигура.

— Господин директор? — воскликнул Монк, сияя от радости.

— Монк... о лучшем зрелище мои больные глаза не смели и мечтать.

А глаза у Пейнтера действительно болели — они налились кровью и опухли.

— Это я уже понял, — сказал Монк. — Но нам нужно шевелиться.

Пейнтер обернулся. Из отверстия во льду выбрался Карлсен, следом за ним полз сенатор Гормен.

— Там внутри еще остались люди.

— Пусть они там и остаются. — Спрыгнув на землю, Монк сунул руки в кабину и вытащил охапку автоматических винтовок. — Вы умеете стрелять? — спросил он у спутников Пейнтера.

Сенатор и Карлсен кивнули.

— Хорошо, потому что нам потребуется максимальная огневая мощь.

— Это еще почему? — спросил Пейнтер.

Но прежде чем Монк успел ответить, сквозь завывание бури донесся отдаленный рев мощного двигателя.

— К нам спешат гости.

Подбежав к «Сноукэту», Пейнтер взял у Монка винтовку. Заметив, что в кабине находился только один человек, норвежский солдат, он оглянулся вокруг.

— А где Крид?

— Уехал вместе со вторым солдатом на наших снегоходах. Они должны вызвать подмогу.

Пейнтеру хотелось верить, что кавалерия подоспеет вовремя. Он оценил силы отряда, которому предстояло оборонять форт.

Одна машина и четыре человека.

В Аламо расклад был лучше... но чем это закончилось?[1]

---

[1] Аламо — испанская католическая миссия-крепость в г. Сан-Антонио, штат Техас, где 23 февраля — 6 марта 1836 года около двухсот техасских повстанцев держали героическую оборону против четырехтысячного отряда мексиканцев. Защитники крепости погибли все до одного.

23

13 октября.
13 часов 32 минуты.
Остров Бардси, Уэльс

Увидев, как Грей сорвался с перекладины креста, Рейчел едва не выпустила Сейхан. Скользнув по каменному столбу, он в самый последний момент ухватился за выпуклую тройную спираль у основания.

Какое-то мгновение казалось, что ему не удержаться, но он все-таки смог вцепиться пальцами в каменный символ. Удержит ли спираль вес его тела или же она отломается?

Должно быть, та же мысль мелькнула и у Грея. Он старался не шевелиться. Его ноги болтались над ямой глубиной двадцать футов, дно которой было утыкано острыми шипами.

Но опасность угрожала не одному Грею.

Рейчел вдруг скользнула по стенке развернутого боком саркофага.

— Держите меня за ноги! — крикнула она Бойлу.

Профессор спасался на том же самом каменном гробу. Его положение было ничуть не менее тяжелым, но все же он поймал Рейчел за щиколотку, помогая ей удержать равновесие.

Это придало Рейчел уверенности, но совсем чуть-чуть.

Она свисала с саркофага, одной рукой продолжая держать за куртку Сейхан. Женщина, отравившая ее, висела над пропастью, вцепившись кончиками пальцев в край саркофага.

Продержаться таким образом долго они не смогут.

Подземный зал содрогнулся. Устройство было очень древнее. Вероятно, когда оно пришло в действие, нарушилось хрупкое равновесие, установившееся в течение столетий. Рейчел мысленно представила себе руины башни на поверхности. Все это могло провалиться вниз.

Вымощенный каменными плитами пол снова вздрогнул. Из саркофага вывалилась Библия святого Малахии. Провалившись в колодец, она упала прямо на острый шип, пронзивший ее насквозь.

Профессор застонал, переживая по поводу этой утраты, однако в настоящий момент у них были более неотложные заботы.

Сотрясение почвы заставило Сейхан разжать руки. Она едва не полетела вниз, при этом не издав ни звука, словно ждала такого исхода, словно считала, что получила по заслугам. Одна рука Рейчел выпустила ее, но вторая продолжала намертво держать за куртку.

Едва не вывихнув плечо, Рейчел остановила падение своей соперницы. Однако вес тела Сейхан потащил ее к краю саркофага. Лишь профессор, державший итальянку за ногу, не дал обеим женщинам сорваться в смертоносную яму.

Рейчел висела вниз головой, а ноги ее оставались на саркофаге, прижатые Бойлом. Ей было трудно дышать. Сейхан болталась внизу, держась только за счет своей куртки. Единственным свидетельством страха было то, как плотно она запахнула ворот куртки обеими руками.

Рейчел очень хотелось ее отпустить, однако эта женщина была ее единственной надеждой на спасение.

Пол снова содрогнулся. От свода пещеры откололся кусок, рухнувший вниз. Большая глыба разбилась вдребезги, налетев на шипы.

Закрыв глаза, Рейчел обратилась к небу, моля о спасении.

Ответ на ее просьбу пришел с самой неожиданной стороны.

— Твою мать, это еще что такое?

Недовольное восклицание прозвучало с противоположной стороны вздыбившегося пола, из прохода, ведущего к склепу лорда Ньюборо.

Это был Ковальски. Он все-таки спустился вниз, или потеряв терпение, или услышав грохот сработавшей ловушки.

— На помощь! — попыталась крикнуть Рейчел, но, поскольку грудь ее была напряжена, а живот сдавлен, у нее получился лишь слабый писк.

— Эй, вы где? — окликнул Ковальски. Очевидно, он ее не услышал.

Висящий на кресте Грей заорал что было мочи:

— Ковальски!

— Пирс? Ты где? Я вижу только глухую стену и яму. Как вы через нее перебрались?

Со своего места в начале прохода Ковальски видел лишь обратную сторону фальшивого пола — и колодец.

— Вернись назад и потяни за рычаг! — снова крикнул Грей.

— Потянуть за что? — недовольно спросил Ковальски.

— За рычаг! В начале прохода!

— А, хорошо! Держитесь!

Рейчел посмотрела на Сейхан, затем перевела взгляд на Грея. «Держитесь». Только это им и оставалось.

— Быстрее! — крикнул Грей, чувствуя, как снова начинает сползать вниз.

Голос Ковальски донесся уже тише.

— Перестань меня подгонять!

Рейчел держалась из последних сил. Закрыв глаза, она мысленно представила себе рычаг, торчащий из пола. Она сразу же обратила на него внимание. Разумно было предположить, что подземная ловушка имела «кнопку сброса». Механизм был предназначен для расправы с грабителями, забравшимися сюда, однако его создатели должны были предусмотреть устройство, возвращающее его в исходное положение. Ибо в противном случае и они оказались бы отрезаны от ключа. И это устройство должно было находиться за пределами зала.

Но действительно ли рычаг связан с этим устройством?

Рейчел молила бога о том, чтобы догадка Грея оказалась правильной.

Ответ она получила через мгновение.

Весь пол внезапно содрогнулся. Подземелье наполнилось скрежетом зубчатых колес. Пол снова пришел в движение — *но не в ту сторону!* Он начал переворачиваться вверх ногами. Рейчел не смела даже пикнуть, чувствуя, как ее тело скользит по каменному саркофагу. Сейчас все они сорвутся в колодец.

Затем что-то щелкнуло. Пол остановился, дернувшись напоследок. После чего с еще более громким скрежетом начал медленно поворачиваться обратно, возвращаясь в нормальное положение.

Рейчел судорожно цеплялась за камень, беззвучно шепча молитвы.

У нее на глазах край пола появился у Грея под ногами, выталкивая его вверх. Она перекатилась с саркофага на выравнивающиеся каменные плиты. Все распластались на полу, учащенно дыша. Даже Грей обессиленно сел позади креста.

Появился Ковальски с фонариком в руках.

— Если вы закончили здесь со своими играми...

Рейчел молча сверкнула на него глазами.

— Я просто пришел сказать, что шторм усиливается. Лайл говорит, что, если мы хотим убраться с этого забытого богом островка, нам нужно поторопиться.

Прежде чем кто-либо успел что-то сказать или хотя бы пошевелиться, еще один кусок откололся от свода и обрушился вниз, разбившись об пол с грохотом разорвавшейся бомбы. Следом за ним хлынула вода, несущая кирпичи. Вся башня проваливалась под землю.

— Уходим отсюда! — крикнул Грей.

Все вскочили и бросились к выходу. Пол вздрогнул с громким треском. Он начал шататься, трястись, как будто в древнем механизме что-то сломалось.

Не удержав равновесие, Рейчел отлетела в сторону, но Грей подхватил ее за талию и потащил к выходу. Своды пещеры рушились.

Оглянувшись напоследок, Рейчел увидела, что пол снова накренился, а сверху его заливает поток воды и кирпичей. Но Грей тащил ее вперед по проходу, и больше она ничего не смогла увидеть. Через мгновение беглецов настиг гул землетрясения. Следом за ними в проход вырвалось облачко каменной пыли.

Кашляя, они добрались до выхода и друг за другом полезли наверх, в грозу. Там их встречал перепуганный Лайл, раздавая всем зонты.

Рейчел взяла у него зонт, но не раскрыла его, а подставила лицо под прохладные струи дождя.

«Мы спасены!»

13 часов 42 минуты

Грей обескураженно смотрел на развалины колокольни. Теперь от нее оставалась лишь бесформенная груда кирпича, наполовину провалившаяся под землю. Вокруг уже натекали лужицы воды.

Несомненно, пещеру завалило.

Позади раздался рев — это Лайл завел трактор. Буря завывала — пока они находились под землей, ветер многократно усилился. Небо изливалось потоками дождя, который временами хлестал горизонтально, гонимый порывами ветра, дующего со стороны Ирландского моря. Даже молнии как-то притихли, словно устрашенные нарастающей мощью шторма.

Исследователи забрались в прицеп, чтобы возвращаться обратно к пристани. Усевшись за руль, Лайл включил передачу. Трактор рывком двинулся вперед.

Все пригнулись и съежились, стараясь укрыться от дождя и ветра.

Профессор оглянулся на рассыпавшиеся развалины аббатства Пресвятой Богородицы.

— Первое правило археологии, — наставительно промолвил он, искоса посмотрев на Грея, — никогда ничего не трогай.

Грей не винил профессора за это нравоучение. Он и вправду увлекся, не задумываясь о возможных последствиях. Его настолько потряс этот крест, предшествующий христианству, кольцо, которое действительно вращалось... И он действовал слишком опрометчиво. В отличие от отца Джованни. Судя

по пространным расчетам, священник подошел к решению загадки основательно.

С другой стороны, отец Джованни по образованию был археологом. И от него не зависела жизнь молодой женщины.

На разгадку тайны оставалось всего два дня. Грей не собирался винить себя в том, что вел расследование слишком медленно, не желал идти на риск, думал в первую очередь об осторожности, а не о результатах.

И все же, мысленно представляя себе кропотливые расчеты, произведенные отцом Джованни, Грей чувствовал, что упускает что-то из виду. И чем настойчивее он старался за это ухватиться, тем упорнее оно от него ускользало.

Бойл покачал головой.

— Только подумайте, что бы мы могли узнать, если бы уделили больше внимания этому кресту...

Грей услышал в его словах обвинение. Обычное добродушие профессора растаяло под действием усталости и пережитого страха, к чему примешивалась изрядная доля разочарования. Всего одной ошибкой Грей уничтожил бесценное сокровище и навсегда закрыл дорогу к тайне, которую оберегал древний крест.

— А что, если ключ по-прежнему там? — многозначительно продолжал профессор.

Терпение Грея иссякло.

— Вы сами в это не верите. И я тоже не верю. — Его слова получились более резкими, чем он ожидал, но сказалась усталость.

— Почему вы так в этом уверены? — спросил Бойл.

— Потому что отец Джованни ушел отсюда. Он продолжал поиски. Я думаю, он раскрыл тайну креста, обнаружил пустое хранилище, где когда-то лежал ключ, и двинулся дальше, забрав единственное, что было ему нужно для продолжения поисков.

— Высохший палец из саркофага, — сказала Рейчел.

Грей устремил взор вдаль.

— Ключ по-прежнему где-то там. Не думаю, что крест чем-нибудь помог отцу Джованни. Поэтому он двинулся дальше, и нам предстоит последовать его примеру.

— Но куда? — со вздохом спросил профессор. — С чего нам хотя бы начать поиски? Мы опять вернулись к самому началу.

— Нет, это не так, — уверенно заявил Грей.

— Почему вы так думаете?

Не обращая внимания на вопрос Бойла, Грей повернулся к Рейчел:

— Откуда тебе известно так много о святом Малахии?

Молодая женщина заерзала на полу прицепа, застигнутая врасплох.

— Благодаря дяде Вигору. Его очень интересовали пророчества относительно пап. Он мог часами рассказывать про святого Малахию.

Грей так и думал. Монсиньор Верона всегда страстно увлекался тайнами раннего христианства, стараясь найти истину за легендами о чудесах. Такая фигура, как Малахия, обязательно должна была привлечь его внимание, пробудить интерес.

— Вот почему отец Джованни искал встречи с твоим дядей, — сказал Грей. — Он понимал, что ключ к разгадке тайны кроется в жизни этого святого. Поэтому отец Джованни обратился к лучшему специалисту по данному вопросу, какого он знал.

— К Вигору Вероне. — Профессор выпрямился, не обращая внимания на ветер и дождь.

— Быть может, отец Джованни каким-то образом проведал о замыслах «Виатуса», а может быть, у него просто возникли подозрения. Но я уверен: чем глубже он погружался в проблему проклятий и чудесных исцелений, тем больше крепла его уверенность в том, что он взялся за дело не по плечу. Что ему нужны знания и поддержка церкви.

Сейхан, сидевшая в задней части прицепа, добавила свое невеселое суждение:

— Но он обратился за помощью слишком поздно. Кто-то узнал о его намерениях.

Грей кивнул.

— Если мы хотим найти «Ключ Судного дня», нам нужен специалист по святому Малахии.

— Но Верона все еще в коме, — напомнил Бойл.

— Неважно. У нас есть тот, кому известно ничуть не меньше. — Грей повернулся к Рейчел.

— Я?

— Теперь ты должна нам помочь.

— Но как?

— Потому что я знаю, где спрятан ключ.

Встрепенувшись, профессор пристально посмотрел на него.

— Что?.. Где?

— Библия Малахии была оставлена в саркофаге не случайно. Не только в качестве искупления за нарушение покоя умершего. Библия явилась символом, указывающим на новое место хранения ключа. До прихода римлян ключ постоянно находился в гробнице этого члена царской семьи. И вот теперь мы обнаружили в саркофаге Библию Малахии, содержащую кусок тела того человека, связывающую их вместе.

— К чему вы ведете? — нетерпеливо спросил Бойл.

— Я считаю, что святой Малахия занял место того древнего царя. Можно сказать, стал хранителем ключа.

Профессор широко раскрыл глаза.

— Если вы правы, ключ находится...

— Он находится в гробнице святого Малахии.

Ковальски, чистивший соломинкой грязь под ногтями, громко застонал.

— Ну разумеется. Но я вам сразу говорю: я туда не пойду!

Прежде чем они смогли продолжить обсуждение, трактор резко остановился. Грей удивился, увидев, что они уже подъехали к пристани.

Спрыгнув на землю, Лайл знаком показал, чтобы все вылезали.

— Можно будет укрыться в старом домике у причала. Уходите с дождя, быстрее. А я сбегаю за отцом.

Торопливо направляясь по тропинке к каменному строению, Грей смотрел на море. Волны покрылись пенистыми барашками. У причала, укрытый пирсом, качался паром, натягивая швартовы. Обратная дорога на Большую землю обещала быть суровой.

Но пока что в окнах домика блестели отблески пламени в камине, обещающие тепло. Все поспешно прошли внутрь и плотно закрыли за собой дверь, отгораживаясь от непогоды. Комната была обита сосновыми досками, под потолком проходили массивные балки. Под ногами скрипели половицы. Пахло дымом от камина и трубочным табаком. Несколько столов были освещены мерцающими свечами. Однако всех в первую очередь манил веселый огонь в камине. Все с радостью скинули промокшую насквозь верхнюю одежду, развесив ее на стульях.

Грей встал спиной к огню, наслаждаясь теплом, проникающим в его тело от головы до пяток. И все же пляшущим языкам пламени не удалось развеять уныние, потихоньку охватывавшее всех.

Но, по крайней мере, сейчас впереди был виден путь.

Появилось следующее место поисков.

Громко хлопнула входная дверь: резкий порыв ветра вырвал ручку из пальцев Оуэна Брайса. Поймав дверь, паромщик с трудом ее закрыл. Он прошел в помещение, стряхивая с себя дождевые капли.

— Да, непогода разыгралась, это точно, — криво усмехнувшись, сказал капитан. — И у меня есть для вас две новости, хорошая и плохая.

Подобное вступление никогда не предвещало ничего хорошего.

Грей отвернулся от огня.

— Плохая новость такая, что сегодня мы не сможем переправиться обратно. Шторм сделал море очень коварным. Если вы не знаете, по-валлийски этот остров называется

Инис-Энлли, что означает «остров плохих течений». И это в ясную погоду.

— Так где же хорошая новость? — спросил Ковальски.

— Я справился и нашел для вас ночлег за полцены. На целую неделю.

У Грея внутри все оборвалось.

— Как вы думаете, когда можно будет вернуться на Большую землю?

Оуэн пожал плечами:

— Трудно сказать. По всему острову отключены телефоны и электричество. Перед тем как хотя бы подумать о выходе в море, мы должны получить разрешение от начальника порта в Абердароне.

— Ваши самые оптимистичные оценки?

— В прошлом году у нас тут туристы проторчали из-за шторма семнадцать суток.

Грей ждал ответ на свой вопрос, мрачно глядя на паромщика.

Наконец Оуэн сдался и провел рукой по голове.

— Уверен, что через два дня мы сможем доставить вас обратно в Абердарон. Самое большее — через три.

Рейчел бессильно опустилась на стул.

Слишком долго для нее.

24

13 октября.
13 часов 35 минут.
Шпицберген, Норвегия

Монк распластался на крыше «Сноукэта», ползущего сквозь буран. Пейнтер пристроился рядом. Оба были привязаны к поручням на крыше, словно багаж. Резкие порывы ветра то и дело пытались сбросить их на землю. Снег превратил их в обсыпанные сахаром цукаты на торте.

Оба держали наготове автоматические винтовки, норвежский солдат снабдил их еще одним дополнительным снаряжением, необходимым для ведения боевых действий в пургу.

Монк надвинул на глаза прибор инфракрасного видения. Все вокруг сразу же потемнело, но это не имело значения — снежный буран и так сократил видимость до считаных ярдов. Зато чувствительные датчики улавливали малейшее тепловое излучение, отображая его на экране. Горячий двигатель «Сноукэта» светился внизу ярко-оранжевым заревом.

Из непроницаемой пелены бурана появились цели. Семь или восемь снегоходов поднимались по склону, светясь на экране мягким янтарем. Машины как раз добрались до долины, где провели столько времени Монк и Крид, наблюдая за входом в хранилище семян.

Именно там маленькому отряду предстояло встретить врага, используя все доступные средства.

Монк похлопал по лежащему рядом реактивному гранатомету. Перед тем как тронуться в путь, они прошли по следу лавины в поисках оружия и нашли этот гранатомет. Вместе с деревянным ящиком, полным гранат.

Сенатор и глава «Виатуса» устроились в кабине вместе с норвежским солдатом, вооруженные автоматическими винтовками. Один целился в правую дверь, другой прикрывал тылы.

Они были вооружены до зубов, но противник превосходил их численностью по крайней мере в десять раз.

Когда передовой отряд боевиков на снегоходах выехал в долину, норвежский солдат свернул в сторону, стараясь держаться так, чтобы от быстроходных машин его более неуклюжий и медлительный «Сноукэт» отделяла снежная гряда.

В прибор инфракрасного видения Монк наблюдал за тем, как два снегохода, каждый с двумя боевиками, проехали справа от них. Противники не заметили «Сноукэт», наполо-

вину скрытый за грудами снега, из чего следовало, что либо у них не было инфракрасных приборов, либо они полностью сосредоточились на бетонном бункере впереди.

Монк и Пейнтер пропустили снегоходы, не открывая огонь.

Главной их целью были не эти маленькие машины.

Мимо проехали другие снегоходы, и за надрывным завыванием своих машин боевики не слышали приглушенное ворчанье двигателя «Сноукэта». Наконец впереди показался огромный вездеход. Его тепловое излучение буквально ослепило Монка. Перевалив через гребень, громадная машина тяжело плюхнулась в долину.

Это был гусеничный вездеход «Хагглундс».

Именно там находились главные силы противника, с которым нужно было разобраться в первую очередь. «Сноукэту» было не угнаться за юркими, проворными снегоходами, но по сравнению с этим мастодонтом, наоборот, уже он получал преимущество в маневренности. Если удастся уничтожить «Хагглундс», это деморализует противника. Может быть, даже вынудит его отказаться от атаки и повернуть назад.

В любом случае Монк с товарищами не могли допустить боевиков до хранилища. По словам Пейнтера, там внутри оставалось еще больше сорока человек.

Не отрывая взгляда от вездехода, медленно ползущего по долине, Пейнтер отложил в сторону винтовку и взял гранатомет. У них будет только один шанс. После первого же выстрела на них обрушится весь гнев боевиков.

Монк дважды хлопнул ладонью по крыше «Сноукэта».

Подчиняясь сигналу, водитель остановился.

Пейнтер поднял гранатомет и прицелился. Монк снял прибор инфракрасного видения, так как огненная вспышка реактивной струи могла его ослепить. Но без прибора он не видел абсолютно ничего. Буран кружил и метался, стирая окружающий мир. Они как будто оказались заключены в снежный шар, трясущийся внутри огромного миксера.

Неудивительно, что враги их не заметили.

— Ну, с богом, — пробормотал Пейнтер, нажимая на спусковой крючок.

Гранатомет изрыгнул струю дыма и пламени, и реактивная граната вспорола снежное покрывало.

Монк поспешно надел инфракрасный прибор. Он как раз успел увидеть, как граната, оставляя горячий след, попала в гусеницу «Хагглундса». Огненным оранжевым шаром вспыхнул взрыв. От мощного удара вездеход приподнялся на одной гусенице.

Монку очень захотелось, чтобы он опрокинулся.

Но этого не произошло. Вездеход тяжело рухнул на обе гусеницы и попробовал двинуться вперед. Однако, поскольку одна гусеница оказалась перебита, «Хагглундс» закружил на месте, зарываясь в снег. Открылись двери, и из машины высыпали маленькие тепловые сигнатуры, залегшие вокруг подбитого вездехода. Боевики поняли, что попали под огонь и, оставаясь в неподвижном «Хагглундсе», будут представлять собой отличную мишень.

— Стреляю! — крикнул Пейнтер.

Едва успев зажмуриться, Монк услышал рев гранатомета, затем снова открыл глаза. Пейнтер прицелился великолепно. Граната пробила ветровое стекло и взорвалась внутри. Огненным дождем выплеснулись наружу выбитые окна. В воздух взлетели кувыркающиеся тела, ярко светясь в приборе инфракрасного видения.

Пейнтер распластался на крыше.

Над головой завыли пули.

Выстрелы из гранатомета выдали местонахождение «Сноукэта».

Поняв, что их присутствие обнаружено, Монк хлопнул по крыше, и снегоход тотчас же тронулся. Водитель быстро набрал скорость, спускаясь вниз по склону, затем резко повернул вправо. «Сноукэт» приподнялся на одной гусенице.

Монк держался крепко. Пейнтер наткнулся на него.

Налетев на полной скорости на снежный вал, «Сноукэт» на мгновение оторвался от земли, затем тяжело рухнул вниз. Монк ударился о крышу, больно налетев ребрами на поручни.

Но он не жаловался.

У них в распоряжении было совсем мало времени, чтобы воспользоваться преимуществом внезапного нападения. Спустившись вниз по склону, «Сноукэт» оказался позади подбитого вездехода. Нужно было нанести удар по врагу до того, как тот успеет окопаться.

Монк увидел на фоне холодного снега яркие пятна источников теплового излучения. Вскинув винтовку, он открыл огонь. Пейнтер последовал его примеру. Вдвоем им удалось завалить нескольких боевиков. Однако целиться было очень трудно, поскольку «Сноукэт» постоянно трясло и бросало из стороны в сторону на кучах снега и льда.

Одни боевики пытались укрыться. Другие бежали вверх по склону.

Из-за застывшего на месте «Хагглундса» поднялся ураганный ответный огонь. Пули со звоном рикошетировали от стальной решетки «Сноукэта». Монк различил характерный треск пробитого ветрового стекла.

Не сбавляя скорости, водитель повернул, стараясь изо всех сил держаться так, чтобы загородиться от стреляющих громадой застывшего вездехода. Другие боевики вели огонь, укрываясь за скалами и глыбами льда.

Но все же в снежный буран расторопный «Сноукэт» представлял собой непростую цель, и норвежский солдат-водитель постоянно находился в движении, петляя из стороны в сторону.

Однако тут вмешался новый звук: сердитое завывание снегоходов. Передовой отряд развернулся и спешил на помощь главным силам.

И хотя «Сноукэт» можно было сравнить с акулой, рыщущей вокруг подбитого вездехода, маленькие снегоходы были более проворными, более быстрыми хищниками.

Положение становилось угрожающим.

13 часов 41 минута

В прибор инфракрасного видения Пейнтер наблюдал за тем, как стая из десяти снегоходов несется к «Хагглундсу». Тепловое излучение юрких машин отображалось на экране яркими точками на черном фоне холодного снега. У маленького отряда не оставалось иного выхода, кроме как вступить в бой.

«Сноукэт» на полной скорости помчался вверх по склону, чтобы ударить противника в лоб.

По мере того как они приближались к подбитому мастодонту, вражеский огонь становился все более яростным. С подходом легких машин боевики воспрянули духом.

Пейнтеру огненной болью обожгло плечо.

Он даже не вздрогнул, не прекратил стрелять.

Остальные тоже держались.

«Сноукэт» надвигался на врагов, извергая ураганный огонь. Им нужно было сломить хребет нападавшим. Пейнтер рассчитывал, что после уничтожения «Хагглундса» остальные обратятся в бегство, однако это были закаленные бойцы. Напугать их было не так-то просто.

Исход противостояния должна была решить огненная дуэль, а также сочетание скорости, хитрости и мастерства.

По крайней мере, так считал Пейнтер.

Но вдруг послышался какой-то новый, странный звук.

Перекрывая треск выстрелов, прозвучал пронзительный свист.

Монк трижды хлопнул по крыше кабины. Водитель резко затормозил. Застигнутый врасплох, Пейнтер по инерции слетел с крыши вперед, падая на ветровое стекло, однако привязь не дала ему свалиться на землю.

Монк удержался наверху. Выхватив нож, он перерезал лямку, освобождая Пейнтера, затем освободился сам.

— Забираемся в кабину! — заорал Монк, указывая вниз.

Пейнтер доверился прозвучавшей в его голосе уверенности.

Не успели они спуститься на землю, как распахнулись двери. Монк запрыгнул в кабину справа. Водитель, высунувшись в дверь, схватил Пейнтера за рукав и втащил его внутрь. Маленькая кабина «Сноукэта» была рассчитана только на двоих. Хотя сзади и имелся грузовой отсек, все же впятером они еле вместились.

Стрельба продолжалась. Снежная пелена то и дело озарялась вспышками выстрелов. Несколько шальных пуль задели остановившуюся машину. Но теперь, когда ответный огонь прекратился, а двигатель работал на холостых оборотах, определить точное местонахождение «Сноукэта» стало гораздо сложнее.

— В чем дело? — спросил Пейнтер.

Монк пристально всматривался вперед.

— Я вам говорил, что Крид отправился за помощью. Но норвежская армия — не единственная сила, защищающая хранилище.

— Что ты хочешь?..

И тут Пейнтер увидел сам. На снегу расцвели здоровенные тепловые сигнатуры. Они быстро приближались, увеличиваясь в размерах. Теперь Пейнтер все понял.

Это были белые медведи.

Пронзительный свист продолжал звучать, доносясь откуда-то сверху.

Охотничий свисток.

Раздирающий слух звук созывал огромных полярных хищников.

— Приятель нашего водителя вырос здесь, — торопливо объяснил Монк. — Он знает повадки белых медведей. На одном только этом острове их больше трех тысяч. Он утверждал, что сможет собрать стаю, разозлить ее и направить в нужную сторону. Извините, что не предупредил раньше. Я просто решил, что это полный бред.

Пейнтер согласился. Это действительно был полный бред — но он позволил добиться желаемой цели.

Белые медведи охотятся на тюленей. Они могут бегать со скоростью до тридцати миль в час, а короткими рывками — еще быстрее. И вот сейчас разъяренная стая спускалась вниз.

В инфракрасный прибор Пейнтер видел, как волна медведей захлестнула снегоходы. Огромные туши буквально смели машины, уступавшие им в скорости, выплескивая свою дикую ярость на все движущееся, что оказывалось у них на пути. Упал один опрокинутый снегоход, затем другой, поваленный и смятый, погребенный под горой разъяренных мускулов.

Сквозь редеющие выстрелы донеслись крики — в сопровождении свирепого рева, от которого у Пейнтера волосы встали дыбом.

Уцелевшие снегоходы понеслись к «Хагглундсу», но они не стали сбавлять скорость, а промчались мимо. Водители сидели, низко пригнувшись. Следом нахлынули медведи, расправляясь с окопавшимися в снегу боевиками. Кто-то пытался отстреливаться от грозных хищников, но в снежном буране медведи виделись лишь неясными белыми тенями.

Выстрелы только еще больше распалили ярость зверей.

Крики и рев становились все громче.

Один боевик бросился бегом к «Сноукэту», словно машина могла предоставить ему убежище. Но он так и не успел до нее добраться. Из снежной пелены вынырнула массивная лапа, хватая боевика за ногу. Медведь продолжал бежать, вырывая ногу. Изувеченное тело взлетело высоко в воздух, разбрызгивая кровь.

Другой медведь косолапо пробежал мимо «Сноукэта», толкнув его плечом, словно предупреждая, запугивая тех, кто находился внутри.

И он своего добился.

Пейнтер боялся даже дышать.

Стая пронеслась по долине, догоняя боевиков, оставляя за собой окровавленные тела. Затем, так же быстро, как появились, медведи скрылись в снежной пелене, подобные белым призракам.

Пейнтер осмотрелся вокруг. Больше ничего не двигалось.

Все, кто мог бежать, бежали, рассеявшись в сотне различных направлений. Пейнтер надеялся сломать нападавшим хребет, подбив вездеход. Не получилось. Но даже самый закаленный в боях ветеран был бы потрясен до глубины души, столкнувшись лицом к лицу с таким проявлением необузданных сил дикой природы.

Послышался новый нарастающий рев, доносящийся сверху.

В приборе инфракрасного видения появились яркие точки двух снегоходов.

Еще через мгновение машины вынырнули из бурана. Сидящий за рулем одной из них Крид приветственно поднял руку. Водитель-норвежец похлопал Пейнтера по плечу. Этот жест не вызывал сомнений.

Все было кончено.

14 часов 12 минут

Криста ползла по снегу. Она крепко придерживала капюшон рукой, защищаясь от ледяного ветра. Один рукав ее куртки обгорел до хрустящей черной корки. Судя по острой боли, Криста понимала, что огонь добрался до самой кожи, сплавляя ткань и живую плоть.

Ей с трудом удалось выбраться из «Хагглундса». Она как раз вылезала в окно, когда вторая граната пробила ветровое стекло. Взрывная волна выбросила Кристу, и она, кувыркаясь, провалилась в снег. Вспыхнувший рукав куртки тотчас же погас.

Мгновенно сообразив, что отряд подвергся неожиданному нападению неизвестного противника, Криста в панике заползла под подбитый вездеход, где и переждала перестрелку и последовавшую за ней бойню.

Она до сих пор дрожала при воспоминании об этом.

Криста оставалась под «Хагглундсом», когда рядом собрались нападавшие. Она ахнула, снова увидев своего вра-

га — черноволосого сотрудника «Сигмы» по имени Пейнтер Кроу. Сейчас, когда его лицо раскраснелось от ветра, Криста даже нашла в нем черты предков-индейцев.

«Сколько же жизней у этого проклятого краснокожего?»

Оставаясь в укрытии, Криста дождалась, когда враги уедут. Один снегоход отправился вниз, в Лонгйир, за помощью. Остальные поднялись к хранилищу семян, чтобы организовать оборону на тот случай, если какой-нибудь уцелевший боевик решит довести до конца неудавшуюся операцию.

У Кристы не было ни малейшего желания делать это.

Она подошла к брошенному снегоходу. Растерзанное тело водителя было разметано на окровавленном снегу на протяжении нескольких ярдов. С болью в сердце перешагнув через останки, Криста осмотрела снегоход. Ключ по-прежнему торчал в замке зажигания.

Перекинув ногу, Криста тяжело опустилась на сиденье и повернула ключ. Двигатель надрывно взвыл, откликаясь на выкрученную ручку газа.

Низко склонившись к рулю, Криста помчалась прочь, направляясь к подножию горы. Здесь ей больше нечего было делать.

Но она дала себе клятву.

До того как все это закончится, она всадит пулю в голову проклятому индейцу.

25

13 октября.
15 часов 38 минут.
Остров Бардси, Уэльс

Грей нежился в корыте, наполненном такой горячей водой, что от нее поднимался пар.

Он держал глаза закрытыми, стараясь собраться с мыслями. Почти час он спорил с Оуэном Брайсом, объясняя ему, что по состоянию здоровья Рейчел требуется срочно перепра-

вить на Большую землю. Что она оставила в гостинице лекарства, без которых не может обойтись. Однако единственной уступкой со стороны паромщика стало обещание заново обдумать просьбу завтра утром.

Свою роль сыграло и то, что Рейчел по-прежнему выглядела здоровой.

Так что они оказались заперты на острове.

По крайней мере еще на несколько часов.

Им предстояло дождаться наступления ночи — хорошо хоть в это время года здесь темнеет рано. И как только обитатели острова лягут спать, они похитят лодку. Ждать до утра не имело смысла. Если Брайс снова откажется, они потеряют целый день. А этого нельзя допустить.

Поэтому они разместились в предложенных им комнатах. Небольшой перерыв пойдет всем на пользу. Измотанным до предела, им нужно хотя бы немного отдохнуть.

Но все же Грей никак не мог расслабиться. У него из головы не выходили загадки и тайны, с которыми они столкнулись.

Громкой пощечиной раскатился гром. Задребезжало стекло в окне над корытом. Дрогнул огонек свечи, стоявшей за куском мыла. Электричества по-прежнему не было. Перед тем как улечься в корыто, Грей развел в камине огонь. Сквозь сомкнутые веки ему были видны красные пляшущие отсветы.

Он лежал, вытянувшись в корыте, и вдруг свет пламени в камине заслонила тень.

Встрепенувшись, Грей уселся, расплескивая воду на пол. В дверях стояла фигура, закутанная в халат. Он не услышал, как Рейчел вошла в комнату. Раскаты грома заглушили ее шаги.

— Рейчел...

Рейчел дрожала и смотрела на Грея затравленным взглядом. Не сказав ни слова, она скинула халат, однако в этом жесте не было попытки соблазна. Итальянка просто бросила халат на пол и торопливо приблизилась к корыту. Встав,

Грей поймал ее в объятия. Она прильнула к нему, уткнувшись лицом ему в шею.

Опустившись на корточки, Грей подхватил Рейчел под ягодицы и поднял ее. Она оказалась легче, чем он помнил, словно иссушенная безысходностью. Грей развернулся, опускаясь вместе с ней в горячую воду.

Сидя в корыте, он прижал Рейчел к себе. Она скользнула рукой по его животу, переполненная отчаянием, болью, давая выход своим чувствам. Перехватив ее руку, Грей положил ее обратно себе на грудь. Он просто обнимал Рейчел, дожидаясь, когда она перестанет дрожать. Им пришлось непрерывно бежать с момента пожара на торфяниках, с тех самых пор, как Рейчел узнала о своем страшном приговоре. Грей запоздало осознал, что ему не следовало оставлять ее одну сейчас, когда они ждали наступления темноты.

Уж если он сам никак не может успокоиться, взять себя в руки, то что должна сейчас переживать Рейчел? Особенно оставшись в одиночестве? Грей крепко обхватил молодую женщину, прижимая к себе, словно одной своей физической силой мог оградить ее от беды.

Рейчел постепенно перестала дрожать, заряжаясь от него.

Расслабившись, она прильнула к Грею.

Какое-то время он оставался неподвижен, затем осторожно прикоснулся пальцем к ее подбородку, поднимая лицо, и заглянул ей в глаза. Он прочел в них страстное желание чувствовать его прикосновения, ощущать себя живой, знать, что она не одна... а в самой глубине различил тлеющие угольки былой любви.

Только тогда Грей накрыл ее рот своими губами.

14 часов 02 минуты

Сейхан ждала у себя в комнате. Она стояла спиной к двери, зажав в руке незажженную сигарету. Несколько минут назад она услышала, как дверь в комнату Рейчел со скрипом

приоткрылась, в коридоре прошелестели торопливые шаги, после чего отворилась дверь в комнату Грея.

Сейхан слушала, закрыв глаза.

Дверь больше не открылась.

Продолжая бдение, Сейхан боролась с разрастающейся смесью злости и ревности, а также боли, от которой ей никак не удавалось избавиться. Эта боль сдавливала легкие, не давая дышать. Прижавшись спиной к двери, Сейхан медленно сползла на пол и подобрала колени к груди.

Одна, когда ее никто не видел, она позволила себе эту минутную слабость. В комнате было темно. Сейхан не стала разводить огонь, даже не зажгла свечу. Она предпочитала темноту. Так было всегда.

Плавно раскачиваясь из стороны в сторону, Сейхан дала боли разлиться по всему телу.

Она понимала, что возвращается к времени, когда боль приходила чаще, перерастая из грубых пощечин в более изощренные мучения. Тогда у нее был тайный уголок, где она могла укрыться. В нем не было окон. О нем не знал никто, кроме крыс и мышей.

Только там, забившись в темноту, она чувствовала себя в безопасности.

Сейчас Сейхан ненавидела себя за то, что ей необходимо утешение. Она понимала, что нужно просто признаться Грею и положить конец боли. Но она поклялась не делать этого. И клятва была дана ради *него.*

Какими бы ни были ее страдания, она ни за что не нарушит свою клятву.

18 часов 55 минут

Под покровом темноты Грей повел маленький отряд к пристани.

Паром качался на волнах, ударяясь о причал. Из черных небес лил дождь. Впереди у видавшего виды катамарана

стоял Ковальски. Он отправился первым, чтобы убедиться в том, что на судне никого нет и ключи на месте.

Кому придет в голову угонять лодку в такой шторм?

Грей был готов ответить на этот вопрос.

Все быстро прошли на причал.

— Поднимайтесь на борт, — приказал Ковальски. — Я отдам швартовы.

Грей помог остальным перебраться на корму парома. Для этого потребовались недюжинные цирковые навыки, поскольку палуба поднималась и опускалась.

Он взял Рейчел за руку.

Отвернувшись в сторону, та тепло пожала ему пальцы, молчаливо выражая благодарность. Грей не мог сказать, что был полностью разочарован. Он знал, на что идет, и Рейчел тоже это знала. То, что между ними произошло, было искренним, чистым, настоятельно нужным им обоим. Мимолетная вспышка страсти родилась из страха, одиночества, сознания бренности бытия. Грей любил Рейчел и знал, что она испытывает к нему те же чувства. Но даже когда они лежали перед огнем, неразрывно сплетенные вместе, погруженные друг в друга, раздираемые страстью, спалившей все мысли, какая-то частица Рейчел оставалась недоступной.

Сейчас было не время для возрождения отношений. Рейчел была слишком изранена, слишком слаба. Она пришла к Грею в комнату, нуждаясь в его силе, прикосновении, тепле. Но не в его сердце.

Этому придется подождать.

Перескочив через ограждение на палубу, Грей поймал брошенный канат. Следом за ним в лодку прыгнул Ковальски.

— Переправа предстоит чудовищная, — предупредил всех великан.

Он поспешил в закрытую кабину. С клекочущим ворчаньем ожили двигатели, после чего Ковальски подал Грею знак отпустить канат.

Как только судно освободилось от швартовых, Грей направился к кабине. Ковальски медленно отвел катамаран

от причала и вырулил в сторону открытого моря. Первое время, пока они не отойдут достаточно далеко от берега, предстояло двигаться в полной темноте, с погашенными огнями.

Грей оглянулся на берег. Никто не выбежал на пристань. В такую непогоду катамарана не хватятся, возможно, до утра.

Он перевел взгляд на грозные черные волны. Завывал ветер, колотил дождь.

— Ты уверен, что сможешь справиться с судном в такой шторм?

Ковальски, служивший в былые времена в военно-морском флоте, изображал из себя морского волка. В зубах у него торчал окурок сигары, хорошо хоть незажженный.

— Не беспокойся, — процедил бывший моряк, не выпуская сигару. — За всю свою жизнь я потопил всего одну лодку... нет, подожди, всего две лодки.

Определенно это было очень обнадеживающее известие.

Грей вернулся на корму. Профессор достал из ящика и раздал ярко-оранжевые спасательные жилеты. Все быстро облачились в них и пристегнулись страховочными концами.

— Постоянно за что-нибудь держитесь, — предупредил Грей.

Когда судно выходило за пирс, ночной мрак разорвала вспышка молнии. Море было еще более страшным. Казалось, волны двигались во всех направлениях, сталкиваясь друг с другом и поднимая гейзеры соленой воды. Течения своим буйством не уступали непогоде.

Ковальски начал насвистывать.

Грей знал, что это дурной знак.

Наконец судно вышло в открытое море. Казалось, его засунули в стиральную машину. Катамаран взлетал вверх, падал вниз, кренился влево, вправо — причем, готов был поклясться Грей, иногда все это происходило одновременно.

В какую сторону он ни смотрел, повсюду белели пенистые барашки волн.

Ковальски свистел все громче.

Внезапно суденышко налетело на отвесную стену воды. Нос взметнулся прямо к небу. Все незакрепленные предметы поползли к корме. Грей судорожно ухватился за поручень. Но катамаран уже перевалил гребень и понесся вниз.

В этот самый момент шальная волна ударила в борт. Карающей десницей Господа она провела по корме. Грей наглотался соленой воды, на мгновение ослеп, ощущая глазами ее жгучее прикосновение.

Но катамаран уже вынырнул и снова поднимался вверх.

— Грей! — послышался крик Рейчел.

Откашливаясь, он тоже сообразил, что случилось.

Сейхан не было на палубе.

Сидевшая у самого борта на корме, она получила удар волной в спину. Поток воды оторвал ее от ограждения и смыл за борт.

Грей вскочил на ноги.

Он увидел Сейхан, качающуюся на воде далеко за кормой, освещенную слабым светом фонаря на спасательном жилете, — затем волны скрыли ее из виду.

Запомнив последнее место, где ее видел, Грей перепрыгнул через ограждение. Они не могли потерять эту женщину.

Летя навстречу морю, Грей успел услышать, как Рейчел крикнула Ковальски:

— Разворачивайся!

Затем он вошел в воду, и все вокруг стало черным.

19 часов 07 минут

Сейхан кувыркалась в воде. Волны швыряли ее, словно сухой лист, попавший в водоворот. Холод проникал до мозга костей, не давая вдохнуть воздух, что и без того было очень непросто в окружении стен воды, которые обрушивались на нее со всех сторон.

Она даже не видела огней лодки — одни только водяные горы.

Вцепившись одной рукой в спасательный жилет, другой Сейхан вытерла глаза от соленой воды. Ей нужно плыть за катамараном.

Впереди поднялась новая огромная волна, невероятно высокая, которая нависла над ней, покрываясь яростной белой пеной.

Гигантская масса воды обрушилась на Сейхан.

Ее потянуло в глубину. Течения крутили ее, бросая из стороны в сторону. Она уже не могла сказать, где верх. Вода устремилась ей в нос. Подчиняясь рефлексу, Сейхан закашляла, глотая еще больше жгучей горечи.

Наконец спасательный жилет вытащил ее на поверхность.

Сейхан попыталась глотнуть воздух, но поперхнулась. Она отчаянно заморгала, прогоняя соль, стараясь что-нибудь разглядеть.

Над ней поднималась новая волна.

«Нет!..»

Но тут что-то схватило Сейхан сзади.

Объятая ужасом, она закричала. Волна накрыла ее. Однако руки продолжали крепко ее держать. Сильные ноги обвились вокруг ее бедер. В бурлящий водоворот Сейхан провалилась вместе с тем, кто пришел к ней на помощь. Ей по-прежнему нечем было дышать, но безотчетная паника отступила, сменившись простым страхом.

Хотя Сейхан не видела своего спасителя, она знала, кто это.

Они вынырнули на поверхность вместе, поддерживаемые двумя спасательными жилетами.

Развернувшись, Сейхан увидела Грея, намертво вцепившегося в нее. Его каменно-твердые глаза были полны решимости.

— Спаси меня... — прошептала Сейхан, вкладывая в эти два слова все, что у нее было.

Даже свое сердце.

19 часов 24 минуты

Впереди сквозь шторм показались огни рыбацкой деревушки. До берега оставалось совсем немного. Ковальски вел катамаран прямо на него.

Грей стоял рядом с ним.

Он вынужден был признать, что этот человек *действительно* умел управлять судном.

Когда они с Сейхан барахтались в бушующем море, Ковальски разыскал их среди волн и подвел лодку к ним вплотную. Затем он бросил им спасательный конец, подтянул к судну и втащил на борт.

Остальная часть перехода была не менее суровой, но за борт больше никого не смывало. Сейхан сотрясалась в кашле; ей никак не удавалось очистить грудь от воды. Еще никогда она не была такой бледной.

Но жизни ее ничто не угрожало.

Мастерски работая штурвалом, Ковальски вывел лодку на мелководье. Очередная волна подняла катамаран и выпихнула его на берег. Двойной корпус протащился по песку, отзываясь дрожью до самой палубы. И наконец судно остановилось.

Никому не нужно было объяснять, что делать. Все покинули борт, спрыгнув в воду, доходящую до щиколоток, и быстро зашлепали прочь от новых волн. Задержавшись, Ковальски ласково похлопал катамаран по борту.

— Хорошая посудина.

Измученные, промокшие насквозь, они направились к рыбацкой деревушке Абердарон. Как и остров Бардси, в шторм весь поселок словно вымер. На улицах не было ни души.

Грей хотел убраться отсюда до того, как будет обнаружен выброшенный на берег катамаран. У него не было никакого желания после стольких опасностей оказаться в местной тюрьме.

Он быстро провел своих товарищей через погруженную в темноту деревню к церкви Святого Хиуина. Угнанный джип

стоял там же, где его и оставили, на площадке перед церковью. Пересекая дворик, Грей обратился к профессору.

— А как же ваша собака? — спросил он, указывая на домик священника.

Бойл покачал головой, было очевидно, что это доставляет ему боль.

— Мы оставим Руфуса здесь. Пусть уж он лучше спит у камина, чем мокнет под дождем. Когда все закончится, я за ним вернусь.

Как только этот вопрос был решен, все забрались в «Ленд-ровер».

Грей завел двигатель, быстро выехал со стоянки и повернул прочь от Абердарона. Выехав из деревушки и оказавшись на шоссе, он прибавил газу.

Однако им нужна была конечная цель.

— Гробница святого Малахии, — сказал Грей, оглянувшись в зеркало заднего вида на Рейчел. — Что ты можешь нам о ней рассказать?

У них до сих пор так и не было возможности подробно обсудить этот вопрос. Грей успел только выяснить у Рейчел, что Малахия обрел вечный покой где-то на северо-востоке Франции. Рейчел хотела продолжать дальше, но в тот момент этого оказалось достаточно. Грею требовалось полностью сосредоточиться на том, чтобы переправить всех с острова.

А сейчас впереди их ждала долгая дорога, и пришло время выяснить все подробнее.

Рейчел заговорила, уставившись в окно на непогоду.

— Малахия умер в середине двенадцатого столетия. Он скончался на руках своего лучшего друга, святого Бернара из Клерво.

Ковальски встрепенулся.

— Святого Бернара? Это не он вывел тех горных собак[1], у которых вечно текут слюни?

Рейчел не обращала на него никакого внимания.

---

[1] Saintbernard — сенбернар *(фр.)*.

— Малахия был похоронен в аббатстве, которое основал Бернар, в аббатстве Клерво. Это приблизительно в ста пятидесяти милях от Парижа. Большая часть аббатства была разрушена в девятнадцатом веке, но стены и некоторые здания уцелели, и в том числе крытая галерея. Однако тут есть небольшая проблема.

По тому, каким тоном она это сказала, Грей понял, что проблема на самом деле серьезная.

— Какая?

— Я уже пыталась тебе объяснить... — Внезапно Рейчел смутилась, словно решив, что ей следовало тогда надавить на него сильнее. Но, как и у Грея, в тот момент мысли у нее были заняты другим.

— Ничего страшного, — успокоил ее Грей. — Так в чем же дело?

— Развалины находятся под охраной. В настоящий момент это самые охраняемые здания во всей Франции.

— Это еще почему?

— Аббатство Клерво... оно находится в самом сердце тюрьмы особого режима.

Грей обернулся, чтобы посмотреть на Рейчел и убедиться, что она пошутила. Однако по строгому и встревоженному выражению ее лица он понял: девушка говорила серьезно.

— Замечательно. Итак, теперь нам предстоит проникнуть и в тюрьму, и в гробницу. — Ковальски сполз вниз и скрестил руки на груди. — Этот план просто обречен на успех.

26

13 октября.
20 часов 18 минут.
Шпицберген, Норвегия

Криста расхаживала по промерзшему насквозь складу, расположенному на окраине Лонгйира. Штабеля ящиков громоздились до самых балок перекрытий. В воздухе сильно

пахло машинным маслом и углем. Криста надела толстый свитер, скрывая забинтованную руку. Ее мысли были слегка затуманены дымкой морфия. Состояние других было гораздо хуже. На полу лежали два трупа, прикрытые брезентом.

В живых осталось всего восемь человек.

Криста прижимала к уху телефон, ожидая распоряжений. Она набрала номер, который ей оставили. В трубке слышались бесконечные длинные гудки. Наконец ей ответили.

— Мне обо всем доложили, — сказал мужчина.

— Да, сэр.

Криста тщетно пыталась уловить в его голосе какие-либо намеки на настроение, однако мужчина говорил размеренно и монотонно:

— Учитывая такой оборот событий, мы вынуждены радикальным образом изменить цели операции. Поскольку Карлсен попал в руки «Сигмы», принято решение свернуть всю деятельность в Норвегии.

— А что насчет Великобритании?

— Мы пошли на риск, привлекая посторонние ресурсы для поисков ключа. При нынешнем развитии ситуации мы больше не можем позволить себе подобную роскошь. Нам нужно немедленно собрать все фишки и встать из-за стола.

— Прошу прощения, сэр?

— Я имею в виду предмет, похищенный отцом Джованни. Завладейте им.

— А что делать с остальными?

— Убейте всех до одного.

— Но как же наш человек...

— Мисс Магнуссен, обстоятельства требуют устранить всех. Позаботьтесь о том, чтобы такое же решение не было принято в отношении вас.

Криста почувствовала, как у нее сдавило горло.

— Вы получили приказ.

Часть четвертая

ЧЕРНАЯ МАДОННА

27

14 октября.
5 часов 18 минут.
В небе над Норвежским морем

Пейнтер проводил взглядом архипелаг Шпицберген, скрывавшийся внизу. Частный реактивный лайнер набирал высоту, направляясь на юг через Северный Ледовитый океан. Полдня ушло на освобождение тех, кто оказался заперт в хранилище семян. После чего Кэт в Вашингтоне пришлось изрядно потрудиться, чтобы Пейнтер со своими помощниками смог покинуть архипелаг до того, как над ним разразится буря средств массовой информации.

Взрыв вакуумной бомбы привлек внимание всего мира. На крошечные острова, затерявшиеся во льдах далеко за Полярным кругом, уже спешили следователи НАТО, а также журналисты всех мастей. И только удаленность архипелага и свирепый буран, разыгравшийся над ним, позволили Пейнтеру ускользнуть от ненужного внимания.

Но он улетал не один.

Монк и Крид отдыхали, развалившись на одном из диванов, установленных в салоне. Сенатор Гормен сидел в кресле, уставившись перед собой невидящим взглядом. Последний пассажир сидел напротив Пейнтера.

Ивар Карлсен полетел с ними по своей воле. При желании он мог бы значительно затруднить свою экстрадицию с норвежской территории, а то и вообще сделать ее невозможной. Однако у этого человека были странные представления о чести. Вот и сейчас он сидел, выпрямившись в кресле, и не отрываясь глядел в иллюминатор на удаляющиеся острова. Не вызывало сомнений, что именно его хотели уничтожить, взорвав бомбу в хранилище, что бывший союзник превратился в смертельного врага.

Карлсен также понимал, кому он обязан жизнью, и с уважением относился к своему долгу.

Пейнтер намеревался максимально эффективно использовать эту готовность к сотрудничеству.

Маленький самолет болтало в нестабильных воздушных потоках, что только усиливало царящее в салоне напряжение. Самолет направлялся в Лондон. Ни у Пейнтера, ни у Кэт не было никаких известий от группы Грея. Директор «Сигмы» хотел приземлиться в Англии и выяснить на месте, как продвигается расследование в Озерном крае. После чего, в зависимости от того, что удалось обнаружить Грею, они поймут, можно ли заправиться горючим и отправиться дальше в Вашингтон.

Но Пейнтеру было необходимо в ходе пятичасового перелета выжать из Карлсена все, что тому известно. Кэт уже обследовала некоторые из полей, разбросанных по всему Среднему Западу, где выращивались на семена новые сорта кукурузы. Новости были неутешительными: в окрестностях пятнадцати опытных ферм были отмечены многочисленные случаи внезапной смерти людей. При вскрытии в одном теле обнаружили гриб неизвестного происхождения. А оставалось проверить еще шестьдесят три опытных поля.

Почувствовав на себе внимание Пейнтера, Карлсен заговорил:

— Я только хотел спасти мир.

Сенатор Гормен зашевелился, его глаза вспыхнули гневом, но Пейнтер остановил его резким взглядом. Этот разговор вел *он*.

Уставившись в иллюминатор, Карлсен не заметил безмолвного диалога.

— Ходят разговоры об угрозе перенаселения, но никто не хочет признать, что эта бомба уже поставлена на боевой взвод. Численность населения Земли стремительно приближается к критической цифре, когда продовольствия уже не хватит на всех. Мы на волоске от всемирного голода, войн, хаоса. Голодные бунты на Гаити, в Индонезии, Африке — только начало. — Оторвавшись от иллюминатора, Карлсен повернулся лицом к Пейнтеру. — Но это не означает, что уже слишком поздно. Если сильные, решительные единомышленники объединят свои усилия, положение можно будет как-то исправить.

— И вы нашли этих людей среди членов Римского клуба, — вставил свою реплику Пейнтер.

У Карлсена едва заметно округлились глаза.

— Совершенно верно. Наш клуб не перестает бить тревогу, однако это все равно что взывать к глухим. Внимание средств массовой информации поглощено другими, более модными проблемами. Глобальное потепление, истощение запасов нефти, гибель тропических влажных лесов. Список растет. Однако корни у всех этих проблем одни и те же: слишком много народу, набившегося в тесноте. Только никто не решается говорить об этом открыто. Как это называется у вас, американцев? Политкорректностью? Эта тема неприкосновенна; она тесно переплетена с религией, политикой, расовым вопросом и экономикой. «Плодитесь и размножайтесь», — сказано в Библии. И никто не смеет этому перечить. Заговорить об этой проблеме равносильно политическому самоубийству. Стоит предложить какое-либо решение — и тебя сразу же обвиняют в евгенике. Кто-то должен занять твердую позицию, сделать непростой выбор — и не только на словах, но и конкретными действиями.

— И этим человеком стали вы, — сказал Пейнтер, стараясь разговорить Карлсена.

— Не говорите таким тоном. Я вижу, к чему все это привело. Но начиналось все по-другому. Я только хотел затормозить рост населения, постепенно снизить объем человеческой биомассы на планете, позаботиться о том, чтобы мы не врезались в критическую точку на полной скорости. Среди членов Римского клуба я нашел необходимые глобальные ресурсы. Огромный источник новых идей, самых совершенных технологий и политической власти. Поэтому я начал собирать вокруг себя единомышленников, чтобы продвигать некоторые проекты, направленные на достижение моих целей.

Карлсен посмотрел на сенатора и тотчас же отвел взгляд.

Несмотря на предупреждение Пейнтера, Гормен заговорил:

— Ты использовал меня, чтобы распространять свои зараженные семена.

Карлсен уставился на свои сплетенные на коленях руки, но, когда он поднял взгляд, в нем не было чувства вины.

— Это пришло позже. Теперь я уже вижу, что совершил непростительную ошибку. Но я обратился к вам, потому что вы активно выступали за расширение работ по созданию биотоплива, по получению горючего из таких сельскохозяйственных культур, как кукуруза и сахарный тростник. И я поддержал эту благородную борьбу за возобновляемые источники энергии, призванные освободить человечество от нефтяной зависимости. Однако вы также помогали мне добиться главной цели.

— Какой же?

— Прибрать к рукам мировое производство продовольствия. — Карлсен вызывающе посмотрел Пейнтеру в глаза. — Контролируя продовольствие, можно контролировать людей.

Пейнтер вспомнил, как Карлсен перефразировал слова Генри Киссинджера: «Тот, в чьих руках нефть, контролирует все государства, но тот, в чьих руках продовольствие, контролирует все население Земли».

Значит, вот в чем заключалась главная цель Карлсена. Прибрать к своим рукам продовольствие, чтобы остановить рост численности населения. Если бы все было сделано достаточно умело, возможно, ему бы даже удалось добиться желаемых результатов.

— Каким образом поддержка производства биотоплива помогала вам завладеть мировым продовольствием?

Пейнтер предполагал, каким будет ответ на этот вопрос, но он хотел услышать его от самого Карлсена.

— Лучшие сельскохозяйственные угодья уже освоены, крестьяне вынуждены обращаться к районам рискованного земледелия. Фермер зарабатывает гораздо больше, выращивая урожай, который пойдет на производство биотоплива, а не в пищу. Все больше и больше лучших земель используется для выращивания топлива, а не еды. И это жутко неэффективно. Кукурузы, необходимой для производства этилового спирта на одну заправку бака внедорожника, хватило бы, чтобы кормить голодающего человека в течение целого года. Так что, естественно, я поддерживаю биотопливо.

— Не ради достижения энергетической независимости...

Карлсен кивнул.

— ...а как *один* из способов удушить производство продовольствия.

Сенатор Гормен пришел в ужас, осознав, какую роль он играл.

Однако Пейнтер обратил внимание на странное ударение, прозвучавшее в словах Карлсена.

— Что вы имели в виду, говоря об *одном* из способов?

— Это только один проект. У меня были и другие.

5 часов 31 минута

Монк следил за разговором с нарастающей тревогой.

— Дайте-ка предположить, — заговорил он. — Что-то связанное с пчелами.

Он мысленно представил себе огромные ульи, спрятанные в подземелье научно-исследовательского центра.

Карлсен смерил его взглядом.

— Да. «Виатус» занимался исследованием проблемы катастрофического разрушения колоний общественных насекомых. Не сомневаюсь, вам известно об этой глобальной проблеме. В Европе и Соединенных Штатах исчезло свыше трети всех медоносных пчел; они покинули ульи и больше не вернулись. В некоторых районах численность пчел сократилась больше чем на восемьдесят процентов.

— А пчелы опыляют фруктовые деревья, — сказал Монк, начиная понимать.

— И не только фруктовые деревья, — вмешался Крид, сидящий рядом. — Фундук, авокадо, огурцы, соя, тыква. На самом деле треть сельскохозяйственных культур, выращиваемых в Соединенных Штатах, опыляется насекомыми. Так что если исчезнут пчелы, исчезнут не только фрукты.

Монк понял интерес Карлсена к проблеме катастрофического разрушения колоний общественных насекомых. Тот, кто контролирует пчел, контролирует еще один значительный сегмент производства продовольствия.

— Вы хотите сказать, что именно по вашей вине гибнут пчелы?

— Нет. Но я знаю, в чем причина этой массовой гибели, и «Виатус» как раз намеревался использовать это в своих целях.

— Подождите секундочку. — Монк подсел ближе. — Вы говорите, вам известно, что убивает пчел?

— Большой тайны в этом нет, мистер Коккалис. В средствах массовой информации излагаются самые разнообразные сенсационные теории — клещи-паразиты, глобальное потепление, загрязнение окружающей среды, даже действия инопланетян. Но на самом деле все гораздо проще — причем это уже доказано. Однако средства массовой информации предпочитают обходить вниманием это объяснение, сосредоточившись на сенсациях.

— Так что же вызывает массовую гибель пчел?

— Инсектицид под названием «имидаклоприд», или ИМД.

Монк вспомнил кодировку на огромных ульях. На всех табличках присутствовали одни и те же три буквы: ИМД.

— Многочисленные исследования убедительно доказали, что виной всему именно это химическое вещество, а также его аналог под названием «фипронил». В две тысячи пятом году Франция запретила использование обоих препаратов, и в течение следующих нескольких лет численность пчел быстро восстановилась, в то время как во всем остальном мире ульи продолжают пустеть. — Карлсен обвел взглядом сидящих в салоне. — Но разве никто из вас об этом не слышал?

Все молчали.

— Да, эта новость не заслуживает того, чтобы ее выносили на первую полосу, — грустно усмехнулся Карлсен. — Подумаешь, имидаклоприд, фипронил. Разве это может сравниться с инопланетянами? Средства массовой информации до сих пор никак не откликнулись на успехи французских пчеловодов. Что мне как раз на руку. От ИМД тоже есть своя польза.

Монк нахмурился:

— Меньше пчел — меньше продовольствия.

— Со временем даже журналисты дойдут до правды, так что «Виатус» продолжал исследование этих веществ — с целью внедрить ИМД в нашу кукурузу.

— Точно так же, как корпорация «Монсанто» ввела свой гербицид «Раундап» в генетически модифицированные сорта зерновых, — добавил Крид. Несомненно, он был знаком с этими исследованиями.

— Так что даже если ИМД когда-нибудь запретят, — догадался Монк, — вы все равно сможете регулировать численность пчел.

Карлсен кивнул:

— И тем самым производство продовольствия.

Монк откинулся назад. Этот человек был чудовищем, но чудовищем гениальным.

5 часов 40 минут

Однако Пейнтеру нужно было заполнить все пробелы. Он подошел к Карлсену с другой стороны:

— Но «Виатус» занимался не только внедрением инсектицидов в кукурузу.

— Как я уже сказал, мы работали над многими проектами.

— В таком случае расскажите мне про мумии из торфяника — про грибы, обнаруженные у них в телах.

Взгляд Карлсена тревожно заметался.

— Как компания, занимающаяся биотехнологиями, мы каждый год изучаем тысячи новых химических веществ, которые поступают к нам со всего света. Но эти древние грибы... — Его голос наполнился восхищением. — Они просто поразительные. Их химическая природа и генетическая структура идеально соответствуют моим целям.

Пейнтер не мешал ему говорить, ожидая услышать что-нибудь новое.

— Из этих высохших тел мы извлекли споры, сохранившие всхожесть.

— По прошествии такого времени? — поразился Монк.

Карлсен пожал плечами:

— Этим мумиям всего тысяча лет. В Израиле ботаники вырастили финиковую пальму из косточки, которой больше двух тысяч лет. А торф является великолепным консервантом. Так что нам действительно удалось вырастить из спор грибы и исследовать их свойства. Изучение останков также показало, каким образом грибы попали в тела.

— И каким же?

— Вместе с пищей. Наш патологоанатом, в прошлом работавший в криминалистике, определил, что эти люди умерли от голода, однако их желудки были полны ржи, овса и пшеницы. Но все было поражено грибами. Они являются очень агрессивным разрушителем зерновых, подобным спорынье, злейшему врагу пшеницы. Эти грибы способны заразить любое растение. И все ради одной цели.

— Какой же именно?

— Чтобы уморить голодом животное, которое съест зараженное растение. — Карлсен обвел взглядом лица потрясенных слушателей. — Зерно, пораженное грибом, становится непереваривaемым. Кроме того, грибы проникают в желудок животного, еще больше ухудшая усвоение пищи. Это идеальная машина смерти. Она морит голодом за счет того самого, что должно, наоборот, поддерживать жизнь.

— Значит, человек ест и ест, однако умирает от голода. — Пейнтер покачал головой. — И какая польза от этого грибам?

Ему ответил Монк:

— Грибы являются основным инструментом разложения мертвых тканей. Мертвых деревьев, мертвых тел. Неважно. Убивая своего хозяина, грибы создают себе удобрение, питательную среду.

Пейнтер мысленно представил себе грибы, растущие в желудках иссушенных тел. Но он также помнил рассказ Монка о находке в подземной лаборатории, о споровых мешочках, зреющих на этих самых грибах. Значит, они распространялись, выбрасывая в воздух споры, которые заражали поля, начиная процесс заново.

Его внимание опять привлекли слова Карлсена.

— Цель наших исследований состояла только в том, чтобы извлечь химическое вещество, которое делает зерно непереваривaемым. Если бы нам удалось внедрить его в нашу кукурузу, мы бы смогли уменьшить ее питательную ценность. Чем хуже переваривается кукуруза, тем больше ее требуется съедать, чтобы получить то же самое количество калорий.

— То есть, — заключил Пейнтер, — вы опять же сдерживали производство продовольствия.

— И в каком-то смысле это давало нам полный контроль. Манипулируя этим геном, мы могли бы с легкостью уменьшать или увеличивать усвояемость зерна. Вот к чему мы стремились. И мы были не первыми, кто пытался добиться подобного генетического контроля.

Пейнтер встрепенулся, услышав последние слова.

— Что вы имеете в виду?

— В две тысячи первом году некая биотехнологическая компания под названием «Эписайт» объявила о выведении сорта кукурузы, в которую был введен противозачаточный реагент. Употребление ее в пищу снижало способность к воспроизводству. Новая кукуруза предлагалась в качестве средства борьбы с перенаселением. Однако после таких откровенных заявлений средства массовой информации дружно ополчились на «Эписайт», и кукуруза исчезла. Как я уже говорил, открытое обращение к этой проблеме влечет только карательные санкции. Так что все нужно было держать в тайне, скрытым от широкой общественности. Это был хороший урок. И я его усвоил.

«Вот начиная с какого момента все пошло наперекосяк». Пейнтер постарался сохранить безразличие в голосе.

— Однако ваша новая генетически модифицированная кукуруза оказалась нестабильной.

Карлсен покачал головой:

— Как выяснилось, эти грибы обладают потрясающей способностью приспосабливаться. Тысячелетиями они видоизменялись вместе с растениями, своими хозяевами. Мы полагали, что задействуем только одну характеристику гриба — его влияние на перевариваемость, однако всего за несколько поколений он мутировал, вернув в полной степени прежнюю силу. Он снова получил способность убивать, развиваться в плодовое тело. Но самое страшное — гриб вернул способность распространяться.

— И когда вы узнали об этом?

— В ходе работ в Мали.

— Однако вы к тому времени уже начали выращивание семенной кукурузы в Соединенных Штатах и других странах?

Лицо Карлсена исказилось, словно от боли.

— Ну да, по настоянию нашего главного генетика, возглавлявшего проект. Она заверила нас в том, что результаты предварительных тестов свидетельствуют о достаточной

безопасности нового сорта и, следовательно, мы можем двигаться вперед. Я ей поверил; сам я результаты не проверял.

— И кто эта женщина? — спросил Пейнтер.

Сенатор Гормен высказал вслух свое предположение, и в голосе его звучала горечь:

— Криста Магнуссен.

5 часов 52 минуты

Ивар Карлсен понял, что ему больше не удастся укрываться от гнева сенатора. Но все же он не сразу смог взглянуть в глаза Гормену. Сначала Карлсен посмотрел вниз. Он достал из кармана и зажал в руке старинную монету в четыре марки. Эта монета времен Фредерика IV была отчеканена в 1725 году изменником Хенриком Мейером. Напоминание о цене предательства.

Пальцы Карлсена крепко стиснули монету. Сейчас до него наконец дошло в полной мере, как же низко он пал, пойдя следом за Кристой Магнуссен. Наконец Карлсен поднял голову и посмотрел в глаза сенатору Гормену. Тот заплатил сполна, кровью. И Карлсен не мог отказать ему в правде.

— Сенатор прав. Я пригласил мисс Магнуссен на работу шесть лет назад, когда в корпорации появился отдел биогенетических исследований зерновых. Она пришла к нам с блестящими рекомендациями из Гарварда и Оксфорда. Молодая, талантливая, честолюбивая, из года в год она приносила результаты.

— Но она оказалась не той, за кого себя выдавала, — заметил Пейнтер.

— Да, — подтвердил Карлсен. — Примерно с год назад у нас начались серьезные неприятности в наших филиалах. Поджог в Румынии. Крупные растраты в Малайзии. Волна хищений. И тогда Криста открыла мне, что у нее есть связи с некой организацией, которая способна обеспечить нам глобальную безопасность, эффективно и без лишнего шума.

Она описала эту организацию как своего рода частного военного подрядчика.

— У этой организации есть название?

— Криста называла ее «Гильдией».

Пейнтер никак не отреагировал на это название. Даже бровью не повел. И это отсутствие реакции убедило Карлсена в том, что Пейнтеру известно об этой организации, возможно, даже больше, чем ему самому.

— Все было подстроено, — убежденно промолвил Пейнтер. — Все эти происшествия, поджоги, хищения... это все дело рук «Гильдии». Вы были ей нужны. Поэтому вас немного прижали, чтобы легче было завоевать ваше доверие. Несколько раз вашу задницу вытащили из огня, и вы начали постепенно ослаблять контроль над собственной корпорацией. Становясь все более зависимым от «Гильдии».

Конечно, это было просто невозможно. Но то, как представил это Пейнтер... все было так понятно, как смертельный расклад в картах.

— Позвольте высказать догадку, — продолжал Пейнтер, дополняя составленный рисунок. — Когда дела пошли плохо... на опытной ферме в Мали... к кому вы обратились?

— К Кристе, разумеется, — дрогнувшим голосом признался Карлсен. — Она доложила о мутациях, о том, что несколько обитателей лагеря беженцев заболели, употребив кукурузу в пищу. Нужно было что-то делать. Но мы уже насажали семенную кукурузу по всему миру. Криста сказала, что положение еще можно спасти, но ее организации должна быть предоставлена полная свобода действий. Она предупредила, что я должен проявить твердость. «Что значат несколько жизней, если речь идет о спасении всего мира?» Это были ее собственные слова. И видит бог, я был в полном отчаянии и поверил ей.

Карлсен чувствовал, что задыхается. Бешено колотящееся сердце, казалось, подступило к самому горлу. Он мысленно представил себе, как Криста, обнаженная, целует его

и глаза у нее ярко горят. Тогда он тешил себя мыслью, что знает, какая ведется игра.

«Каким же болваном я был...»

Пейнтер продолжал свой рассказ, словно все это время он постоянно находился у Карлсена за спиной.

— «Гильдия» стерла лагерь беженцев с лица земли, заверив вас в том, что это было необходимо, для того чтобы остановить распространение гибельного организма. Тела зараженных были забраны для дальнейшего изучения и оправдания того, что должно последовать. «Пусть их смерть не будет напрасной. Если нам удастся узнать больше, можно будет спасти других». А поскольку производство семенной кукурузы уже шло полным ходом, времени было в обрез.

Сенатор Гормен сидел, уставившись в пустоту широко раскрытыми глазами, положив на колени стиснутые кулаки.

— А что насчет моего сына?

Карлсен ответил на эту проникнутую болью мольбу.

— Криста сказала, что застала Джейсона копирующим секретную информацию. По ее словам, он собирался продать ее тому, кто предложит больше денег.

Гормен с силой ударил кулаком себя по колену.

— Джейсон ни за что бы...

— Она показала мне его сообщения, отправленные по электронной почте. К ним были прикреплены похищенные файлы. Я лично убедился в том, что эти файлы были отосланы, в частности, одному профессору Принстонского университета.

— Принстонский университет не стал бы связываться с промышленным шпионажем.

Карлсену было больно раскрывать сенатору правду о его сыне.

— У организации, с которой была связана Криста, имелись доказательства, что денежный след вел к террористической группировке, действующей из Пакистана. Разоблачение Джейсона поставило бы под удар нас. И погубило бы вашу карьеру. Криста попробовала поговорить с вашим сыном,

убедить его в том, чтобы он порвал все отношения с террористами. Она сказала, что он отказался, попытался бежать. Один из ее людей запаниковал и открыл огонь на поражение.

Гормен закрыл лицо руками.

Карлсену хотелось поступить так же, но он не имел на это права. Он сознавал, что у него на руках кровь юноши. Это он отдал тем жестоким наемникам приказ задержать и допросить Джейсона.

Но тут Пейнтер разбил вдребезги его последнюю иллюзию:

— Джейсон был невиновен. Все это ложь.

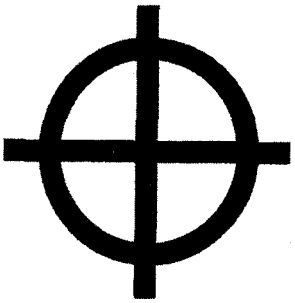
Ошеломленный Карлсен молча смотрел на него. Ему хотелось отмахнуться от всего, что говорил этот человек.

— Джейсон был убит, потому что, сам не ведая того, отправил изобличающую информацию профессору Маллою. Вот почему оба они были убиты. Для того чтобы скрыть факт нестабильности нового сорта кукурузы. «Гильдия» не желала разоблачения. — Пейнтер посмотрел Карлсену в глаза. — Но когда утечка информации все же произошла, «Гильдии» понадобился козел отпущения. Вас должны были бросить на съедение волкам. Устранив вас на Шпицбергене, «Гильдия» смогла бы спокойно уйти в тень, забрав с собой все призы: как новое биологическое оружие, так и средство контроля за тем, что уже вырвалось на свободу. Глобальное заражение, вызванное вашей кукурузой, можно было бы свалить на бездумное честолюбие погибшего главы биотехнической корпорации. С вашим устранением все концы были бы обрублены. Для «Гильдии» вы были просто пешкой, которой можно без сожаления пожертвовать.

Карлсен сидел совершенно неподвижно, чувствуя, как по спине струится холодный пот. Он больше не мог отрицать правду. И быть может, в глубине души он уже давно знал истину, но не смел признаться самому себе.

— Но у меня есть еще один, последний вопрос, — продолжал Пейнтер, — на который я сам ответить не могу.

Он положил на стол листок бумаги. На нем был нарисован знакомый символ.

Круг и крест.

Пейнтер постучал по листку.

— Я могу понять, почему «Гильдия» устранила Джейсона и профессора Маллоя, но зачем понадобилось убивать ватиканского археолога? Какое отношение он имел к планам «Гильдии»?

6 часов 12 минут

Пейнтер чувствовал, что Карлсен на грани срыва. У него остекленели глаза, голос стал хриплым. Он никак не мог свыкнуться с мыслью о всей глубине предательства, жертвой которого стал. Да, «Гильдия» мастерски владеет искусством обмана и принуждения, хитрости и коварства, жестокости и насилия.

Даже «Сигма» однажды стала ее жертвой.

Но Пейнтер не испытывал жалости к этому человеку.

Наконец Карлсен заговорил:

— Два года назад отец Джованни обратился к нашей корпорации с просьбой профинансировать его исследования. Он считал, что высохшие тела, обнаруженные в торфяном болоте, принадлежат жертвам древней войны между христианами и язычниками. Что таинственные грибы использовались в качестве оружия для заражения урожая зерновых с целью погубить население горной деревни. И эта тайная

война была иносказательно описана в средневековом труде под названием «Земельная опись». Документы, подтверждающие его предположения, впечатляли. Отец Джованни считал, что существует средство противодействия распространению гриба, исцеление, позволяющее очистить от него землю и человеческое тело.

— И вы финансировали поиски этого средства?

— Да, финансировали. Что могло быть в этом плохого? Мы рассчитывали, что ватиканский археолог обнаружит какое-нибудь новое химическое вещество, которое можно будет использовать. Но приблизительно в то самое время, когда у нас появились первые подозрения о нестабильности новой кукурузы, мы узнали о том, что отцу Джованни удалось совершить колоссальный прорыв. Он нашел артефакт, который, как он был уверен, приведет нас к местонахождению потерянного ключа.

Пейнтер наконец все понял.

— И такое средство, если бы оно действительно существовало, разом решило бы все ваши проблемы.

— Я попросил Кристу подробно поговорить с отцом Джованни, оценить обоснованность его утверждения и забрать артефакт. — Карлсен закрыл глаза. — Прости меня, Господи.

— Но священник сбежал.

Карлсен кивнул:

— Я не знаю, что там произошло. То, что священник рассказал Кристе по телефону, привлекло внимание ее организации. А после катастрофы в Мали нам нужно было во что бы то ни стало получить артефакт. Если существовала хотя бы самая отдаленная вероятность существования средства противодействия...

— Но вы его потеряли. Отец Джованни был убит.

— Я так и не узнал точные подробности случившегося. После той заварушки в Африке у меня хватало более неотложных проблем. Я предоставил этот вопрос «Гильдии»; она должна была определить, есть ли какая-либо правда в утверждении отца Джованни.

— И что из этого вышло?

Карлсен покачал головой:

— В последнем разговоре с Кристой я узнал от нее, что еще одна группа по-прежнему продолжает поиски ключа.

«Несомненно, речь идет о Грее», — подумал Пейнтер.

— Криста заверила меня в том, что у «Гильдии» в этой группе есть свой человек.

От этих слов Пейнтера прошиб холод.

Если «Гильдии» удалось внедрить своего человека в группу Пирса...

Пейнтеру отчаянно хотелось хоть как-то помочь Грею и его людям, связаться с ними. Но он даже не знал, живы ли они. В любом случае он ничего не мог для них сделать.

Они были полностью предоставлены самим себе.

28

14 октября.
12 часов 18 минут.
Труа, Франция

Библиотека казалась не самым подходящим местом для того, чтобы организовать проникновение в тюрьму.

Однако нужно же было с чего-то начать.

Грей сидел за одним столом с Рейчел. Со всех сторон они были обложены стопками книг. Солнечный свет проникал в высокие окна современного здания городской библиотеки Труа.

Хоть и размещавшаяся в здании из стали и стекла, сама библиотека была очень старая. Основанная в монастыре в 1651 году, она являлась одной из старейших во Франции. Главным ее сокровищем было собрание рукописей из аббатства Клерво. После Великой французской революции вся библиотека аббатства была перемещена на хранение в Труа.

И на то имелись причины.

— Тюрьму на месте аббатства устроил Наполеон, — сказал Грей, отодвигая книгу и разминая затекшую шею.

Приехав рано утром из Парижа, они сразу же отправились в библиотеку и с тех пор находились здесь, выискивая любые сведения об аббатстве и его святых. Немного выспаться им удалось только в аэропорту и во время короткого перелета из Англии.

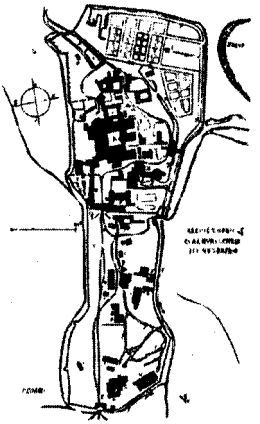
Время вело неумолимый отсчет, а перед Греем стояли две задачи: как добраться до развалин, расположенных в самом сердце тюрьмы Клерво, и что искать, когда они туда попадут. Узнать предстояло еще очень много, поэтому не оставалось выбора, кроме как распределить задания и разделиться.

Сам он отправился вместе с Рейчел и профессором Бойлом в Труа. Маленький городок находился всего в одиннадцати милях от тюрьмы. В его библиотеке содержалось самое полное собрание исторических документов, посвященных аббатству. Чтобы ускорить поиски, Грей распределил задачи. Рейчел сосредоточилась на обстоятельствах жизни и смерти святого Малахии и захоронениях в древнем аббатстве. Профессор вместе с сотрудником библиотеки отправился в закрытое хранилище, чтобы ознакомиться с оригиналами документов, связанных со святым Бернаром, основателем монашеского ордена цистерцианцев и близким другом Малахии.

Самому Грею предстояло раскопать все подробности об архитектуре древнего аббатства. Кипа книг перед ним не уступала той, что высилась перед Рейчел. Сейчас перед Греем лежал фолиант, изданный в 1856 году. Он был раскрыт на плане аббатства и его окрестностей.

Территория, окруженная высокой наружной стеной со сторожевыми башнями, внутри была разделена на две части. В восточной находились сады, огороды и даже пруды с рыбой. В западной были сосредоточены сараи, конюшни, скотобойня, мастерские и приюты для гостей. Между ними, огороженное внутренними стенами, стояло само аббатство — часовня, монастырские кельи, дома для послушников и трапезная.

Склонившись над раскрытой книгой, Грей изучал составленный в девятнадцатом веке план.

Что-то неудержимо притягивало его внимание к рисунку, но чем больше он старался сосредоточиться, тем меньше у него оставалось уверенности. В течение последнего получаса Грей с помощью этого плана устанавливал местонахождение немногих уцелевших строений аббатства. К настоящему времени остались лишь пара сараев, несколько участков стены, хорошо сохранившийся дом для послушников и развалины крытой галереи.

Именно галерея — le Grand Clootre — больше всего заинтересовала Грея.

Главная галерея находилась в непосредственной близости с тем местом, где когда-то стояло древнее аббатство. А как раз под этой церковью был похоронен святой Малахия.

Но где находятся его останки сейчас?

Существовала и другая причина для беспокойства.

Как успела установить Рейчел, после Великой французской революции любые упоминания о гробнице святого Малахии исчезли из исторических документов.

Что это могло означать?

Эта мысль вернула Грея к вопросу, который уже давно не давал ему покоя.

— Почему Наполеон превратил аббатство в тюрьму?

Вернувшийся к этому моменту Бойл услышал его слова.

— В этом нет ничего необычного, — объяснил он, усаживаясь за стол. — Многие старые монастыри, возведенные в Средние века, впоследствии были переоборудованы в тюремные заведения. Толстые стены, сторожевые башни, кельи — все, что нужно, уже было на месте.

— Однако из всех французских аббатств Наполеон выбрал для тюрьмы именно это. На все остальные он даже не посмотрел. А что, если император пытался что-то скрыть?

Профессор задумчиво почесал нижнюю губу.

— Наполеон был одной из ключевых фигур эпохи Просвещения. Он был одержим новыми науками, но при этом его притягивала старина. В свою провальную Египетскую экспедицию Наполеон захватил с собой множество ученых, которым предстояло исследовать тамошние археологические сокровища. Если император действительно узнал о каких-то запретных знаниях, спрятанных в аббатстве, он вполне мог приказать их охранять. Особенно если у него были опасения, что эти знания могут угрожать его империи.

— Например, если речь шла о древнем проклятии. — Грей вспомнил слово из «Земельной описи».

«Опустошенные».

Неужели что-то действительно напугало Наполеона настолько, что он приказал тщательно оберегать эту тайну?

Грей очень на это надеялся. Если «Ключ Судного дня» был спрятан в могиле святого Малахии, он вполне мог оставаться там и сейчас.

У них не было права на ошибку. Рейчел не могла ждать.

В последние несколько часов у нее началась лихорадка. Лоб был горячим, ее бил озноб. Даже сейчас на ней был свитер, застегнутый доверху.

Грей взглянул на часы. Через час они должны были встретиться с Ковальски и Сейхан. Эти двое отправились к тюрь-

ме, чтобы изучить ее и попытаться найти возможные места для проникновения. Сейхан уходила с сомнением на лице.

Рейчел оторвалась от книги. Ее лицо было восково-бледным, глаза покраснели и опухли.

— Я больше ничего не могу найти, — наконец признала она свое поражение. — Я прочитала всю историю жизни Малахии, от его рождения до самой смерти. И мне так и не удалось понять, почему Малахия, ирландский архиепископ, был похоронен во Франции. Если только не брать в расчет то, что они с Бернаром были лучшими друзьями. На самом деле тут указано, что Бернар был похоронен *вместе* с Малахией в Клерво.

— Но по-прежнему ли находятся там их останки? — спросил Грей.

— Из всего того, что я прочитала, следует, что никто их не трогал. Однако после Великой французской революции никаких упоминаний в архивах об этом больше нет.

Грей повернулся к профессору:

— А что насчет святого Бернара? Вы смогли узнать что-нибудь полезное об этом человеке и об основании аббатства?

— Есть кое-что. Бернар был тесно связан с рыцарями ордена тамплиеров. Это он составил устав ордена и способствовал тому, что церковь признала тамплиеров. Также Бернар участвовал в организации Второго крестового похода.

Грей взвесил эту информацию. Тамплиеры считались хранителями многих секретов. А что, если сейчас речь шла как раз об одном из них?

Бойл продолжал:

— Но особенно выделяется один факт, рассказ о чуде, произошедшем именно здесь. Бернар якобы заразился смертельной болезнью, но, когда он помолился перед статуей Девы Марии, у той из груди потекло молоко, исцелившее Бернара. Это событие получило название «чуда кормления грудью».

Рейчел закрыла свою книгу.

— Еще один пример чудесного исцеления.

— Да, но самое любопытное еще впереди, — хитро поднял бровь Бойл. — Согласно легенде, этой статуей, выделившей молоко, была... Черная Мадонна.

Грею потребовалось какое-то мгновение, чтобы осмыслить это.

— Черная Мадонна исцелила Бернара...

— Звучит очень знакомо, не так ли? — спросил профессор. — Быть может, это не более чем аллегория. Я не знаю. Однако после смерти Малахии святой Бернар стал одним из главных сторонников поклонения Черной Мадонне. Во многом именно благодаря ему получил развитие этот культ.

— И это чудо произошло как раз здесь.

— Совершенно верно. Определенно это позволяет предположить, что тело черной царицы было переправлено сюда, в Клерво, вместе с ключом.

Грею хотелось надеяться, что профессор прав, но существовал только один способ это проверить. Они должны проникнуть в тюрьму.

12 часов 43 минуты.
Клерво, Франция

Сейхан двигалась через лес.

Разведывательная вылазка в Клерво не принесла почти никаких результатов. Одевшись в теплый спортивный костюм, Сейхан повесила на шею бинокль и взяла в руку трость. С виду обычная молодая женщина, решившая совершить пешую прогулку на природе. Но только у этой поклонницы здорового образа жизни в кобуре на спине лежал пистолет «ЗИГ-Зауэр».

Тюрьма и бывший монастырь были расположены в долине, зажатой между двумя лесистыми холмами. Согласно Рейчел, орден цистерцианцев нередко возводил свои обители в подобных уединенных местах. Монахи, стремясь к суровому образу жизни, уходили в леса, в горы, даже в болота.

Подальше от людей — это место как нельзя лучше подходило и для устройства тюрьмы.

Сейхан обошла вокруг Клерво, отмечая расположение сторожевых вышек, стен, стальных решеток и витков острой как бритва колючей проволоки.

Это была самая настоящая крепость.

Однако неприступных крепостей не бывает.

В голове у Сейхан постепенно складывался план. Будут нужны комплекты форменных мундиров, пропуска и полицейский фургон. Сейхан оставила Ковальски в интернет-кафе в расположенной неподалеку деревушке Бар-сюр-Об. Задействовав средства «Гильдии», он собирал имена и фотографии заключенных и охранников. Сейхан надеялась, что ей удастся все приготовить к завтрашнему утру. Во время утренних свиданий один или два человека проникнут внутрь. Остальным придется воспользоваться полицейской машиной и поддельными документами.

И все же оставалось множество неопределенностей. Как долго им потребуется находиться внутри? Как они будут уходить? Что насчет оружия?

Сейхан понимала, что они действуют слишком поспешно, слишком безрассудно.

Вдруг Сейхан нырнула за толстый ствол белого дуба. Она сама не смогла бы объяснить, почему почувствовала необходимость спрятаться.

Просто мурашки, пробежавшие по затылку.

Однако она знала, что подобные ощущения нельзя игнорировать. Человеческое тело представляет собой большую антенну, улавливающую сигналы, которые рассудок часто пропускает, но самые сокровенные глубины мозга, где кроются корни инстинктов, постоянно обрабатывают эти сигналы и нередко поднимают тревогу.

Особенно если человека обучали этому с детства, как Сейхан, чье выживание зависело от того, насколько внимательно она прислушивается к этим тайным голосам подсознания.

Сейхан затаила дыхание, услышав позади шорох опавшей листвы. Спереди донесся хруст ветки. Женщина бесшумно опустилась на колено.

За ней охотились.

Сейхан знала, что наблюдатели проводили их во Францию. Перед тем как покинуть Англию, она доложила об этом кому следует. Магнуссен знала, куда они направляются. В Париже за ними снова началась слежка. Сейхан потребовалось совсем немного времени, чтобы обнаружить хвост.

Но она готова была поклясться, что никто не следил за ней от Бар-сюр-Об, после того как она рассталась с Ковальски. Она оставила машину на придорожной стоянке для отдыха и углубилась в лес.

Кто же охотился за ней?

Сейхан стала ждать. Сзади снова послышался шорох листьев. Сейхан мысленно определила место, откуда доносился звук. Стремительно развернувшись, она одним немигающим взглядом осмотрела все вокруг. По лесу крался мужчина с винтовкой, в камуфляже, несомненно имеющий военную подготовку. Еще не закончив разворот, Сейхан выбросила вперед руку. Из ее пальцев вылетел кинжал. Раздирая листву, кинжал вонзился в левый глаз охотника.

Тот с криком упал на землю.

Сейхан четырьмя широкими шагами добежала до него и хлопнула ладонью по рукоятке кинжала, загоняя лезвие глубже в мозг.

Не останавливаясь, она подхватила выпавшую винтовку и побежала дальше вверх по склону.

У самого гребня лежал большой валун. Сейхан уже успела ознакомиться с окрестностями тюрьмы, и у нее в голове запечатлелся четкий план местности. Добежав до укрытия, она скользнула за валун и плюхнулась на живот, застыв в положении для стрельбы, уже прильнув глазом к окуляру оптического прицела.

У нее над головой запела пуля, отлетевшая рикошетом от валуна.

Выстрела Сейхан не услышала, однако пуля, пролетая, задела ветку сосны. Взметнулись фонтанчиком вырванные иголки. Сейхан проследила за траекторией пули в оптический прицел, заметила тень, пробирающуюся в пятнистой листве, и нажала на спусковой крючок.

Винтовка выплюнула пулю, издав хлопок не громче щелчка пальцами.

Ломая ветки, рухнуло тело. Безмолвно. Прямое попадание в голову.

Сейхан тотчас же снова пришла в движение.

Должен быть третий.

Она побежала вдоль гребня, определив наиболее вероятную позицию третьего убийцы. Сейхан старалась держаться выше по склону. Мысленный план местности накладывался на картину у нее перед глазами, словно дисплей, проецирующийся на забрало шлема.

Если бы ей пришлось устраивать засаду в этом лесу, она вряд ли устояла бы перед искушением устроить ловушку в одном очень соблазнительном месте. На поляне стоял пораженный молнией мертвый дуб с огромным дуплом в стволе. Если бы в самом начале Сейхан прошла еще пятьдесят шагов вперед, она как раз оказалась бы в зоне поражения. Двое других убийц, предчувствуя, что жертва направляется прямиком в западню, ослабили бдительность и слишком рано выдвинулись вперед, по собственной глупости в спешке выдав себя.

Магнуссен наверняка предупредила их о том, что цель может быть смертельно опасна.

Но это были мужчины, самоуверенные наемники.

А она всего лишь женщина.

Сейхан бесшумно приблизилась к дубу сзади, со стороны гребня. Она подошла вплотную к дереву, не задев ни листочка, ни веточки.

Подняв винтовку так, что от дула до ствола мертвого дуба было меньше дюйма, Сейхан выстрелила. Раздался крик, проникнутый удивлением и болью. Из дупла с противопо-

ложной стороны вывалилось тело. Выхватив кинжал, Сейхан бросилась вперед.

Убийца оказался здоровенным верзилой. От него пахло чесноком, лицо было покрыто черной щетиной. Он выругался по-арабски с сильным марокканским акцентом. Сейхан приставила кинжал ему к горлу, собираясь выяснить, почему за ней охотились и кто прислал убийц.

Она не сомневалась в том, что заставит араба говорить. У нее было множество способов добиться этого.

Однако вместо этого Сейхан полоснула лезвием по горлу убийцы, после чего пнула его ногой в лицо. Она поняла, что ей не нужно допрашивать араба: ответы и так были ей известны.

Что-то изменилось. Приказ на убийство был отдан Кристой Магнуссен. Боевики собирались расправиться с ней, подкараулив ее одну в лесу.

Подумав о Грее и остальных, Сейхан сломя голову побежала к стоянке. Они не догадывались о нависшей над ними опасности.

Достав из кармана телефон, она на бегу раскрыла аппарат и набрала номер, который помнила наизусть.

Как только ей ответили, она выплеснула всю переполнявшую ее ярость:

— Ваш план! Просто чтоб вы знали, он *провалился!*

13 часов 20 минут

Рейчел стояла вместе с профессором Бойлом в садике гостиницы, расположенной в самом сердце Бар-сюр-Об. Она взглянула на часы. «Ковальски и Сейхан уже должны быть здесь».

Молодая женщина окинула взглядом улицу. Они договорились встретиться и за обедом обсудить планы. У них были забронированы здесь номера. Гостиница «Мулен дю Ландион» занимала здание водяной мельницы шестнадцатого века.

По садику до сих пор проходил канал, и вода вращала старинное деревянное колесо.

Это место должно было бы вызывать восторг, однако Рейчел могла думать только о том, как же ей плохо. У нее бешено колотилось сердце, горло горело, а лихорадка только усилилась. Не в силах больше держаться на ногах, молодая женщина опустилась на скамейку.

Из вестибюля гостиницы вернулся Грей. Выйдя в садик, он покачал головой:

— Ключи никто не брал. — Грей заметил, что Рейчел сидит, и забеспокоился. — Как ты себя чувствуешь?

Рейчел молча покачала головой.

Грей продолжал пристально смотреть на нее. Она поняла, о чем он думает. Сейхан уже изложила свой план проникновения в тюрьму. Они попытаются осуществить его завтра утром. Несомненно, Грей сейчас гадал, дотянет ли Рейчел до этого срока.

Внезапно появилась Сейхан, вошедшая в сад через калитку с улицы. Она непрерывно оглядывалась по сторонам. Эта женщина, всегда предельно настороженная, сейчас казалась особенно встревоженной. Взгляд ее широко распахнутых глаз беспокойно метался по сторонам.

Судя по всему, Грей тоже обратил внимание на ее тревогу.

— В чем дело?

Сейхан хмуро взглянула на него.

— Да так, ничего. Все в порядке. — Но, заметив отсутствие еще одного человека, она снова напряглась. — А где Ковальски?

— Я думал, он с тобой.

— Я оставила его в поселке, чтобы он провел кое-какие исследования, пока я буду осматривать лес.

— Ты поручила Ковальски заниматься исследованиями?

Сейхан пропустила мимо ушей его скептицизм.

— С этой работой справится и полный тупица. Я оставила подробные инструкции, в которых разберется и обезьяна.

— Однако в данном случае речь идет о Ковальски.

— Надо отправляться на поиски, — предложила Сейхан.

— Ковальски наверняка заглянул в какой-нибудь бар. Рано или поздно он сюда подойдет. Давайте обсудим то, что нам удалось узнать сегодня. — Грей указал на скамейку, на которой сидела Рейчел.

Это предложение Сейхан пришлось не по душе. Она продолжала беспокойно расхаживать из стороны в сторону. Рейчел обратила внимание, как при каждом поскрипывании мельничного колеса у нее на лице дергалась жилка.

Нервы у этой женщины были натянуты до предела, но в конце концов она все-таки села.

Грей расспросил Сейхан о ее планах на завтра. Все говорили приглушенным шепотом, склонив друг к другу головы. По мере того как Сейхан перечисляла все, что им понадобится, Рейчел все сильнее охватывало отчаяние. Столько всего может пойти наперекосяк.

Головная боль у нее усилилась, превратившись в мучительную пульсацию под правым глазом, настолько сильную, что начинала накатываться тошнота.

Не теряя ритм разговора, Грей накрыл своей ладонью ее руку. Он даже не посмотрел в ее сторону. Это был инстинктивный жест ободрения.

Сейхан также заметила этот жест, уставилась на руку Грея — но вдруг резко обернулась в сторону улицы и насторожилась. Она застыла неподвижно, словно гепард, готовый к прыжку.

Это оказался всего лишь Ковальски. Он двигался по улице неспешной походкой. Приветственно помахав рукой, великан открыл калитку и вошел в садик. Он попыхивал сигарой, распространяя вокруг сладковатый запах табака.

— Опаздываешь, — строго заметил Грей.

Ковальски лишь закатил глаза.

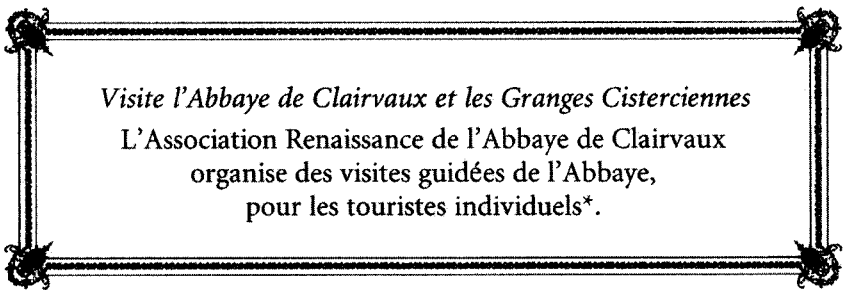
Профессор Бойл воспользовался этим перерывом, чтобы высказать свои опасения насчет завтрашнего плана.

— Все это чертовски сложно, черт побери. Потребуется идеальная согласованность действий и недюжинное везение.

Но даже в этом случае нам все равно вряд ли удастся попасть на развалины аббатства.

— В таком случае почему бы просто не отправиться туда на экскурсию? — спросил Ковальски, бросая на столик брошюру.

Все посмотрели на туристический проспект с изображением старинной колоннады и затейливым шрифтом над ней.

Visite l'Abbaye de Clairvaux et les Granges Cisterciennes

L'Association Renaissance de l'Abbaye de Clairvaux
organise des visites guidées de l'Abbaye,
pour les touristes individuels*.

Рейчел перевела с французского:

— Общество возрождения аббатства Клерво устраивает экскурсии в тюрьму.

Все уставились на Ковальски.

Тот пожал плечами:

— А что? Мне этот проспект буквально сунули в руки.

Иногда бывает полезно выглядеть иностранцем.

В случае с Ковальски это было еще слишком мягко сказано. Его никоим образом нельзя было спутать с местным жителем.

Рейчел быстро просмотрела брошюру.

— Экскурсии устраиваются два раза в день. Стоимость два евро с человека. Последняя сегодня начинается через час.

Выхватив у нее брошюру, Бойл тоже ее перелистал.

---

* Приглашаем в аббатство Клерво и зерновые амбары цистерцианцев. Общество возрождения аббатства Клерво организует для индивидуальных туристов экскурсии в аббатство в сопровождении гида.

— Такая краткая экскурсия не позволит нам провести подробные исследования, но по крайней мере мы получим общее впечатление.

Грей согласился.

— Кроме того, будет возможность взглянуть на систему безопасности изнутри.

— Однако во время этой экскурсии, — предупредила Сейхан, — нас обыщут. Мы не сможем пронести внутрь оружие.

— А мы его и не понесем, — пожал плечами Грей. — Нас будет окружать такое количество вооруженной охраны, что о более безопасном месте нечего и мечтать.

Однако Сейхан его слова не убедили.

14 часов 32 минуты

Значит, эта сучка осталась в живых.

Криста пересекла заросшее травой поле, расположенное в четырех километрах от Труа, направляясь к вертолетам без опознавательных знаков. Два угнанных «еврокоптера» уже загружались всем необходимым для выполнения операции. Восемнадцать человек в полном боевом снаряжении ждали команды подняться на борт. Техники заканчивали подвешивать к вертолетам вооружение.

Наблюдатель на земле доложил о том, что объекты покинули гостиницу. Заказав экскурсию в аббатство, они направлялись к тюрьме. Криста надеялась устранить Сейхан до того, как предпринимать еще что-то. Эта женщина была совершенно непредсказуемой, однако Криста приготовила более чем достаточно людей и огневой мощи, чтобы с ней разобраться.

Просто теперь все немного сложнее.

Что ж, пусть будет так.

Ей было приказано забрать артефакт и уничтожить всех остальных. Криста собиралась именно так и поступить, однако после недавних катастроф остро сознавала, каким шатким стало ее положение в организации. В холодных словах

по телефону прозвучала неприкрытая угроза. Отныне любая неудача Кристы повлечет за собой ее устранение. И она прекрасно понимала, что одно лишь выполнение приказа ей не поможет.

После всех ошибок и промахов ей была необходима победа, трофей, который можно будет представить штабу. И Криста была полна решимости добыть его любой ценой. Если «Ключ Судного дня» действительно находится среди развалин, она заставит своих врагов его разыскать, после чего расправится с ними.

А когда ключ окажется у нее в руках, ее положение в «Гильдии» снова станет прочным.

Поставив перед собой такую цель, Криста предусмотрела все, чтобы не зависеть от воли случая. Ее жертвы безоружны и не смогут скрыться, оказавшись в самом сердце тюрьмы строгого режима. Как только начнется нападение, тюрьма будет заперта.

Жертвам будет некуда бежать, негде спрятаться.

Криста подала сигнал своему отряду подниматься на борт вертолетов.

Пришло время разогнать эту вечеринку.

29

14 октября.
14 часов 40 минут.
Клерво, Франция

Грей понял, что они влипли.

Меры безопасности в тюрьме оказались строжайшими, даже в отношении экскурсионной группы. Паспорта были проверены по компьютеру, сумки тщательно обыскали, а их всех заставили пройти через два металлоискателя, после чего каждого еще тщательно обследовали ручным металлодетектором. Внутри повсюду дежурили охранники, вооруженные автоматическими винтовками, дубинками и

пистолетами в кобурах. Периметр патрулировали часовые с огромными сторожевыми собаками.

— Хорошо хоть содержимое желудка не проверяли, — проворчал Ковальски, когда они прошли через последний контрольно-пропускной пункт.

— Это будет сделано на обратном пути, — предупредил его Грей.

Ковальски с тревогой посмотрел на него, желая убедиться в том, что он шутит.

— Сюда, s'il vous plait[1], — сказала экскурсовод, указывая лиловым зонтиком.

Представительница общества возрождения была высокой строгой женщиной лет шестидесяти с лишним. На ней были брюки защитного цвета, легкий свитер и бордовый жакет. Она даже не пыталась скрыть свой возраст. Кожа у нее была обветренная, седые волосы зачесаны за уши. Выражение лица гида варьировалось от сурового до очень сурового.

Пройдя по коридору, маленькая группа оказалась у двустворчатых дверей, ведущих во внутренний двор. Солнечные лучи освещали ухоженные газоны, подстриженные кусты и засыпанные щебнем дорожки. После таких мер безопасности всем показалось, что они попали в другой мир. Пространство в два акра было пересечено полуобвалившимися каменными стенами, заросшими плющом, и ровными валами, обозначавшими фундаменты старинных построек.

Экскурсовод в сопровождении вооруженного охранника шагнула во двор. Она указала зонтом на стены:

— Это единственные уцелевшие остатки первоначального монастыря. Впоследствии его квадратная в плане часовня стала частью большой церкви с просторными хорами и многочисленными капеллами.

Грей внимательно оглядывался по сторонам.

По дороге, в автобусе, женщина вкратце рассказала историю монастыря и его основателя. Все это уже было им из-

[1] Пожалуйста *(фр.)*.

вестно. За исключением одной красноречивой подробности. Святой Бернар выстроил монастырь на своих собственных родовых землях. А это позволяло предположить, что ему была хорошо знакома местность, любые потайные пещеры и гроты, если таковые имелись.

А что, если Бернар сознательно выбрал именно это место?

Грей отметил, что и Рейчел внимательно осматривается вокруг, несомненно думая о том же самом.

Взгляд стоявшей чуть поодаль Сейхан был обращен выше, на стены тюрьмы и сторожевые вышки. Развалины аббатства были полностью окружены со всех сторон. Лицо Сейхан оставалось угрюмым.

Поймав на себе взгляд Грея, она какое-то мгновение смотрела ему в глаза, словно собираясь что-то сказать. Несмотря на внешнюю невозмутимость, крошечные мышцы ее лица, неподвластные сознательному контролю, непрерывно дергались, отражая целый спектр эмоций, сливающихся в странное смятение.

Экскурсовод снова заговорила, и Сейхан наконец отвернулась.

— Идемте, идемте. Сейчас мы перейдем к наиболее сохранившемуся дому послушников. Нам представится возможность близко познакомиться с монашеской жизнью.

Она направилась в дальнюю часть двора, где в углу возвышалось трехэтажное здание. Его фасад был прорезан узкими сводчатыми окнами и дверями.

— На первом этаже находился монастырский calefactorium, общая зала, — объяснила экскурсовод. — Он сохранился в первозданном виде, true brilliant![1] Под полом проходят дымоходы от спрятанных в подвалах печей. Их тепло помогало монахам согреться после молитв и ночных бдений. Здесь они также смазывали жиром свои сандалии перед началом трудового дня.

[1] Просто великолепно *(англ.)*.

Пока она подробно распространялась о буднях монастыря в Средние века, Грей изучал каменные плиты под ногами.

«Значит, монахи были искусными строителями и умели возводить подземные ходы».

Он также вспомнил утверждение профессора Бойла о том, что древние монастыри и аббатства изобиловали тайными запутанными лабиринтами.

«Сохранились ли они до наших дней?»

Экскурсовод провела их по руинам, не забыв даже развалины сарая, в котором когда-то размещалась кожевенная мастерская. Наконец, закончив обход, они вернулись к разрушенным стенам древней церкви. Экскурсия завершалась в главной галерее, жемчужине аббатства.

Пройдя под большой аркой, маленькая группа очутилась внутри крытой галереи. Сооружение состояло из квадратной площадки, перекрытой сверху и обнесенной колоннами, которая выходила на залитый солнцем внутренний сад. Крыша удерживалась массивными готическими сводами.

Грей провел пальцем по ближайшей стене. Сооружение простояло тысячу лет, выдержав испытание временем и непогодой.

Но что еще могло сохраниться с тех пор?

Экскурсовод провела группу в центральный сад с узкими тропинками, окаймленными невысоким кустарником и угловатыми клумбами.

— Монастырь был возведен к югу от церкви, чтобы максимально полно использовать солнечный свет. — Она подняла лицо к небу, как бы наглядно демонстрируя это преимущество.

Пройдя следом за ней, Грей остановился перед затейливым компасом, украшающим центральную часть сада. Медленно обойдя вокруг, он всмотрелся в квадратные монолиты колонн.

Почему из всех строений аббатства лучше всего сохранилась именно галерея?

Грей чувствовал, что если где-то и скрыт путь, ведущий к могиле святого Малахии, то начинаться он должен именно здесь. В нескольких шагах от него Рейчел фотографировала развалины. Вернувшись в гостиницу, они тщательно изучат снимки, пытаясь разглядеть решение.

И все же Грей, стоя здесь, думал о том, что никакие фотографии не смогут передать ощущение древности, исходящее от развалин. Он попробовал проникнуться им. Было в старинном сооружении что-то такое, что не давало ему покоя. Грей постарался отмести все лишнее. Не обращая внимания на своих спутников, бродящих среди колонн, он перестал слушать экскурсовода.

Вместо этого Грей прислушался к голосу самих развалин.

Он погрузился в прошлое, услышал пение монахов, звон колоколов, созывающий на молитву, беззвучные слова, вознесенные к небу.

«Здесь было священное место...

Окруженное древними каменными колоннами...»

И вдруг Грей понял.

Широко раскрыв глаза, он снова огляделся вокруг.

— Мы же находимся внутри священного каменного кольца.

Стоявшая в шаге от него Рейчел опустила фотоаппарат.

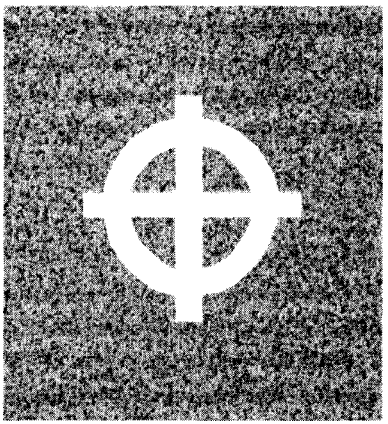
— Что?

Грей обвел рукой крытую галерею.

— Эти колонны на самом деле нисколько не отличаются от каменных столбов в торфяном болоте! — Его восторг нарастал, он говорил, задыхаясь от волнения. — Мы стоим внутри христианской версии каменного кольца!

Подбежав к высоким колоннам, Грей начал переходить от одной к другой. Высеченные из огромных глыб желтовато-серого известняка, они весили по несколько тонн каждая и действительно ничем не отличались от стоящих глыб из голубоватого глинистого песчаника в Англии.

На четвертой колонне Грей наконец нашел то, что искал. Изображение было слабое, не более чем тень, упавшая на поверхность известняка. Грей провел по нему пальцами, нащупывая круг и крест.

— Это же символ! — воскликнул он.

Заметив его возбуждение, экскурсовод приблизилась к нему.

— Magnifique![1] Вы обнаружили один из освященных крестов.

Грей обернулся к ней, желая услышать объяснение.

— В Средние века было принято освящать церковь и ее владения подобными символами. В отличие от распятия, олицетворяющего страдания Христа, такой крест, заключенный в круг, изображает апостолов. И такими символами украшались все священные места. Их число всегда было равно...

— Двенадцати, — закончил за нее Грей.

Он мысленно представил каменные столбы, стоявшие в торфяном болоте. Там крестов также было двенадцать.

— Совершенно верно. Они изображают благословения святых апостолов.

[1] Замечательно! *(фр.)*

«И, может быть, нечто значительно более древнее», — мысленно добавил Грей.

Он шагнул под аркой на перекрытую площадку. Остальные присоединились к нему. На внутренней стороне колонн никаких изображений не было. Когда Грей, закончив круг, вернулся туда, откуда начал, его возбуждение угасло. Быть может, он ошибся. И прочитал в символах то, чего в них не было.

Экскурсовод обратила внимание на его целенаправленные поиски.

— Значит, вы слышали нашу легенду, — с легким осуждением промолвила она. — Наверное, то, что галерея до сих пор сохранилась, наполовину объясняется этой тайной.

Профессор Бойл вытер носовым платком вспотевший лоб.

— Милая дама, о какой тайне вы говорите?

Женщина впервые улыбнулась, польщенная словами старого профессора. Кроме того, Бойл постоянно находился рядом с ней, задавал ей множество вопросов, что, вероятно, также не могло не сказаться на ее расположении к нему.

— Эта легенда известна только в наших местах. Она передается из поколения в поколение. Но я должна признать, что она возникла не на пустом месте.

Профессор ответил улыбкой на ее улыбку, приглашая продолжать.

Экскурсовод указала на двор:

— Как я уже говорила, в прошлом было принято освящать церковь такими крестами. Однако здесь их всего одиннадцать.

Удивленный, Грей вернулся в сад, мысленно ругая себя за недостаточную внимательность. Ему и в голову не пришло пересчитать кресты. Он предположил, что их было двенадцать, столько же, сколько и колонн.

— Легенда гласит, что отсутствующий двенадцатый и последний освященный крест аббатства Клерво скрывает великие сокровища. Его искали на протяжении столетий, перекопали здесь все вокруг, даже рылись в окрестных сара-

ях. Но это лишь глупые légendes[1]. Absurdité[2]. Скорее всего, двенадцатый крест был вырезан внутри аббатства, освящая благословением и саму церковь.

«И, возможно, это связующее звено сохранилось до сих пор», — подумал Грей.

Экскурсовод взглянула на часы.

— Сожалею, но здесь наша экскурсия подошла к концу. Если хотите, можете прийти завтра, и я покажу вам больше.

Последние слова были обращены в первую очередь к профессору Бойлу.

— О, я обязательно вернусь, — заверил он.

Грей оглянулся на Сейхан, проверяя, по-прежнему ли она считает свой план осуществимым. Молодая женщина стояла рядом с ним. По мере того как приближалось окончание экскурсии, ее беспокойство заметно возрастало.

Но прежде чем Грей смог спросить, в чем дело, громко завыла сирена, настойчивая и пронзительная. Все огляделись по сторонам. Что происходит?

Вооруженный охранник шагнул к ним. Рейчел всмотрелась в его лицо, стараясь определить, не случилось ли что-либо чрезвычайное.

— Нам нужно где-нибудь укрыться, — шепнула Сейхан на ухо Грею.

В ее голосе прозвучала настойчивость, но также и облегчение, как будто наконец произошло то, чего она долго ждала.

— В чем дело?

Прежде чем она успела ответить, раздался новый звук. Перекрывая вой сирен, над тюрьмой раскатился тяжелый рокот. Подняв взгляд, Грей увидел в небе два вертолета, вынырнувшие из-за заросшей лесом гряды. Пролетев какое-то расстояние прямо, они наклонили носы вниз, устремляясь прямо на аббатство.

По сиренам Грей понял, что этим вертолетам здесь не место.

Тюрьма строгого режима подверглась нападению.

---

[1] Легенды *(фр.)*.

[2] Нелепость *(фр.)*.

15 часов 22 минуты

Криста сидела рядом с пилотом, направившим вертолет вниз на тюрьму. Даже в звуконепроницаемых наушниках сквозь рев несущего винта был слышен пронзительный вой сирен. Охрана заметила приближение вертолетов, направила запрос и, не получив ответа, подняла тревогу.

Впереди первый вертолет пронесся над территорией тюрьмы. Из его брюха вывалились бочки. Упав вниз, они взорвались огненными шарами. Ударная волна разошлась раскатами грома.

Кристе хотелось устроить на земле полный хаос. Она ознакомилась с распорядком тюрьмы Клерво. В случае возникновения чрезвычайной ситуации охране предписывалось полностью изолировать развалины аббатства как для защиты национального достояния, так и с целью обеспечения безопасности находящихся там туристов.

И это как раз происходило сейчас.

Пилот головного вертолета доложил по радио:

— Внизу обнаружены цели. Передаю координаты.

Криста взглянула на сидящего рядом летчика. Тот кивнул. Получив координаты, он заложил резкий вираж вправо. На борту вертолета находились десять человек. У обоих люков были наготове тросы. Как только машина зависнет над развалинами, боевики по тросам соскользнут вниз и захватят цели.

Сама Криста должна была присоединиться к первому отряду.

Она собиралась лично разобраться с этой проблемой.

Второй вертолет, сбросив зажигательные бомбы на тюрьму, должен был высадить следующую волну боевиков. После чего винтокрылым машинам предстояло дежурить в воздухе, чтобы быть готовыми по приказу Кристы эвакуировать своих.

Подавшись вперед, Криста смотрела вниз. Координаты указывали на большой квадрат каменных развалин, окру-

жающих сад. Места хватало, чтобы при необходимости мог приземлиться вертолет.

Пилот вышел на связь.

— Жду вашей команды, — сказал он.

Подняв кулак, Криста указала большим пальцем вниз. Пришла пора положить всему этому конец.

15 часов 24 минуты

Грей укрылся вместе с остальными под сводами галереи. В ушах звенело от рева сирен. Голова гудела от взрывов. Повсюду к небу поднимались столбы дыма и огня.

Грей понял тактику противника, который забросал тюрьму зажигательными бомбами.

«Кто-то хочет запереть нас в ловушке».

И он догадался, кто именно.

Хозяева Сейхан решили взять их за горло. Неужели она уже доложила о том, как близко группа Грея подошла к разгадке тайны? И теперь эндшпиль будет разыгран именно так?

И все-таки сама Сейхан тоже была в бешенстве. Очевидно, ее не поставили в известность относительно изменения планов.

— Что будем делать? — спросила Рейчел.

Грей ничего не мог ответить. Он понимал, что в одном этом вопросе на самом деле кроется множество других. Как выбираться отсюда? Что насчет обещанного противоядия? Без «Ключа Судного дня» им будет нечем торговаться.

Они должны были найти ключ.

Перед самым нападением у Грея в голове начало что-то выкристаллизовываться. Туманная мысль, смутная догадка. Но сирены и бомбы все рассеяли.

«Что-то связанное с недостающим двенадцатым освященным крестом».

Из облака дыма показался вертолет, скользнув своей тенью по саду. Сжимая несущим винтом воздух в замкнутом

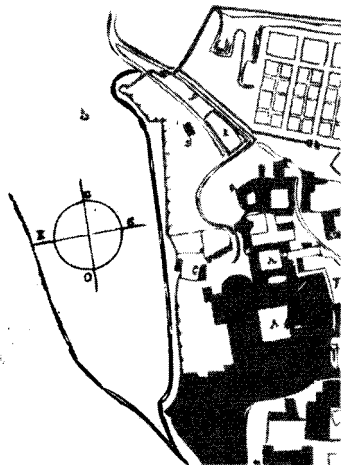
пространстве, приминая цветы и сотрясая кустарник, вертолет завис на одном месте.

Грею и его товарищам было некуда бежать.

Оглядывая сад, Грей вдруг понял ответ. Не было никаких вычислений, никакого последовательного приближения к разгадке. Готовый результат сразу же сформировался у него в голове.

Ход времени замедлился.

Грей вспомнил, как не давал ему покоя план аббатства в старой книге из библиотеки Труа. Теперь он понял, что же привлекло его внимание. На той самой странице был нарисован языческий крест. И в библиотеке Грей его не заметил, не распознал в контексте. Но сейчас он мысленно снова представил план.

Языческий крест представлял землю, рассеченную на четыре главные стороны света: восток, запад, север и юг.

Как это делал компас на плане.

Грей перевел взгляд в сад — на украшение, занимающее центральную часть двора. Компас представлял собой замысловатую бронзовую конструкцию, установленную на

каменном пьедестале высотой по пояс. Он был украшен тщательно проработанными завитушками, и на него были нанесены четыре основных деления, а также множество промежуточных.

Двенадцатый освященный крест, хотя и упрятанный в новый облик, все это время находился у всех на виду.

Если у Грея и оставались какие-то сомнения, он вспомнил еще одну деталь. Компас был установлен в центре двора, в окружении колонн, помеченных священными символами. Для древних, кто устанавливал эти каменные столбы, это место было особенно священным.

Грей понял, что ему нужно делать.

Метнувшись к охраннику, он указал на зависший над землей вертолет, в котором уже открылись люки.

— Стреляй!

Но охранник был перепуган до смерти. Молодой парень, скорее всего, новичок, он был приставлен к группе туристов. Попав в чрезвычайную ситуацию, охранник растерялся.

— Ну, если ты не будешь... — Ковальски выхватил винтовку из рук опешившего охранника. — Дай покажу, как это делается.

Вскочив, он прицелился и открыл огонь по вертолету. Боевики поспешно отскочили от открытых люков. Один спущенный трос изогнулся змеей — вертолет резко дернулся в сторону, застигнутый врасплох внезапной стрельбой.

Грей понял, что у него есть считаные мгновения, чтобы проверить свое предположение.

— Ковальски, сдерживай вертолет! Все остальные — за мной!

Выбежав в сад, Грей направился к компасу.

— Вставайте с другой стороны! — приказал он, хватаясь за большую бронзовую букву N.

Бойл, Рейчел и Сейхан собрались у противоположной отметки.

— Нам нужно повернуть лимб! Как в гробнице на острове. Вращаем по спирали!

Встав поустойчивее, Грей прижался плечом к колесу и налег изо всех сил. Остальные последовали его примеру. Ничего не произошло. Колесо не сдвинулось с места. Неужели Грей ошибся? Или нужно было поворачивать в другую сторону?

Внезапно колесо тронулось. Весь компас вздрогнул, поворачиваясь на бронзовом основании.

С того места, где занимал позицию Ковальски, снова загремели выстрелы.

Сверху затрещали ответные очереди, нацеленные на стрелявшего. Пули вгрызались в колонну, за которой укрывался Ковальски. Великан был вынужден пригнуться и прекратить огонь.

Развернувшись, вертолет отлетел чуть дальше. Рев двигателей оглушил находившихся на земле.

— Не останавливайтесь! — крикнул Грей.

Механизм был древним. Компас поворачивался, словно бур в песке, — упрямо, со скрежетом, тяжело.

Вертолет завис над площадкой.

Из люков спустились тросы.

15 часов 27 минут

— Не стрелять! — завопила Криста, увидев, что один из ее боевиков прицелился в четверых людей, окруживших большое бронзовое кольцо. — Они нужны мне живыми.

«По крайней мере, на какое-то время».

Боевики жаждали крови. Один из них, получив шальную пулю в лицо, лежал мертвым на полу кабины. Определенно, стрелявший умел обращаться с винтовкой. В этом Криста вынуждена была отдать ему должное.

Она указала на дальнюю часть крытой галереи, где занял позицию стрелок, и похлопала по плечу боевика с гранатометом.

— Убери вон того.

Укрыться проклятому снайперу было негде.

Особенно от вакуумной гранаты.

Ковальски рванул что было сил.

Когда выстрелы внезапно затихли, он понял, что сейчас ему на голову свалится нечто похуже. Хорошо хоть старая дама и охранник с началом перестрелки покинули галерею, не желая принимать участие в стычке.

Ох уж эти французы...

Единственным предупреждением, которое услышал Ковальски, был резкий свист, пробившийся сквозь все остальные звуки. Он оглянулся назад — и поэтому не увидел дыру.

Мгновение назад у него под ногами были каменные плиты, и вот уже не осталось ничего, кроме воздуха.

Великан с размаха полетел головой вниз по узкой лестнице.

Он рухнул на землю у основания погруженного в темноту тоннеля.

Оглушенный, с разбитым в кровь носом и дымящейся спиной, Ковальски осознал две вещи. Во-первых, минуту назад лестницы здесь не было. И во-вторых, великан догадался, куда он попал, что его совсем не обрадовало.

15 часов 28 минут

Даже несмотря на то, что в ушах у него звенело от взрыва гранаты, Грей услышал произнесенное громовым ревом свое имя, после чего последовала отборная ругань.

— Бегите! — крикнул он остальным.

Он схватил за руку Рейчел; Сейхан потащила за собой профессора Бойла. Они бросились прочь из-под вертолета, пробираясь между болтающимися тросами. Ударная волна от взрыва гранаты взметнулась вверх резкой пощечиной. Даже вертолет дернулся в сторону, что дало время добежать до площадки.

Один угол галереи представлял собой почерневшие, дымящиеся развалины.

Несколько мгновений назад Грей следил за тем, как Ковальски уносит ноги из зоны взрыва. Затем великан внезапно исчез, словно провалился в колодец — нет, не в *колодец.*

— Живо сюда, мать вашу!

Только одно могло так сильно напугать Ковальски.

Все четверо нырнули под крышу. Грей сразу же увидел узкую лестницу, образовавшуюся в полу. Значит, он был прав. Вращение компаса открыло потайной проход.

— Быстрее, — сказал он.

Вертолет у них за спиной выровнялся, и по тросам заскользили вниз боевики в полном снаряжении. Добежав до лестницы, Грей услышал за спиной топот тяжелых армейских ботинок.

— Вниз, вниз, вниз! — торопил он остальных.

Один за другим все нырнули в отверстие. Последним уходил Грей. Краем глаза он увидел, как боевик прицелился в него из винтовки. Грей пригнулся. Длинная очередь, пролетев у него над головой, отразилась от стены. Отлетевшие рикошетом пули ужалили укусами пчел. Грей получил одну в голову, и ему показалось, что у него треснул череп.

Могло быть и хуже.

«Это всего лишь резиновые пули», — осознал Грей, торопливо сбегая вниз. Они не предназначены для того, чтобы убивать. Кто-то хочет захватить их живыми.

Грей спустился в нижний проход.

— Тут есть какой-то рычаг! — крикнул Ковальски. — Повернуть?

— Да! — хором ответили все.

Послышался металлический скрежет. Лестница позади начала подниматься. Ступени представляли собой отдельные каменные блоки. И сейчас блоки один за другим поднимались вертикально вверх, закрывая отверстие.

Внизу наступила кромешная темнота.

Щелкнул кремень, и вспыхнул огонек, озаривший лицо Сейхан, которая держала в руке зажигалку.

— И что теперь? — спросила она.

Грей понимал, что у них есть только один шанс. От этого зависела жизнь Рейчел — и жизни всех пятерых.

— Идем искать ключ.

30

14 октября.
15 часов 33 минуты.
Клерво, Франция

Криста бродила по монастырскому саду. Солнечный свет сменился сумерками от дыма, затянувшего небо, который лишь изредка разгонял винтом пролетающий вертолет.

По всей территории тюрьмы полыхали сотни пожаров. Продолжающийся вой сирен разрывался автоматными очередями и криками. У тюремной охраны хватало забот разбираться с вырвавшимися на свободу заключенными, с бушующим огнем и полным хаосом. Пока что у них не было сил отвлекаться на развалины аббатства. И все же для того, чтобы никто не помешал, Криста приказала второму отряду занять оборону по периметру, перекрывая все пути доступа. Над головой кружили вертолеты, обеспечивая огневую поддержку.

Особенно громкий взрыв перевел взгляд Кристы на запад. В небо взметнулись свежие языки пламени. Криста догадалась, что взорвалась цистерна с горючим на маленькой вертолетной площадке. Это место явилось одной из главных целей при первом ударе.

Криста хотела полностью изолировать тюрьму на максимально возможный срок. Перед самым нападением она перерезала все линии связи. Единственная дорога, ведущая в Клерво, была заминирована. Конечно, когда-нибудь помощь подоспеет, но Криста рассчитывала убраться задолго до этого.

По крайней мере, ей хотелось на это надеяться.

Она встретилась со своим заместителем. Это был здоровенный смуглый алжирец по имени Хаттаб. Нахмурившись, он покачал головой.

— Объекты по-прежнему нигде не обнаружены.

Криста приказала своему отряду обшарить развалины галереи. Один боевик доложил, что стрелял в какого-то мужчину; судя по описанию, это был Грейсон Пирс. Но куда подевались все беглецы? Стрелявший боевик говорил какую-то бессмыслицу. Он показал, где исчезла его цель. Но Криста не смогла обнаружить ни окошко, ни дверь. Стены были сплошными. Неужели беглецы смогли скрыться у всех на виду?

Пока что их больше никто не видел.

Боевики нашли в развалинах лишь перепуганного охранника и пожилую женщину. Криста допросила их лично, но они ничего не знали.

Криста стояла на площадке вместе с Хаттабом и смотрела на бронзовый компас, расположенный посреди сада. Когда вертолеты появились в небе, группа Пирса чем-то занималась здесь.

Криста указала на компас.

— Пошли туда двух человек. Пусть проверят, нет ли там чего-то необычного.

— А что насчет объектов? Наш приказ остается прежним?

— Нет, задача меняется. — Сначала Криста надеялась раздобыть «Ключ Судного дня», но теперь вынуждена была признать, что эта задача ей не по силам. — Стрелять на поражение.

Направившись прочь, она поскользнулась, наступив на песок. Это заставило ее посмотреть под ноги, а потом опуститься на корточки. Разглядеть это в полумраке было трудно, однако сейчас она отчетливо увидела на выщербленных плитах из песчаника прямоугольник. Спрятанный за колонной, присыпанный песком, он находился именно там, где боевик в последний раз видел исчезающие цели.

Подобрав с плит песок, она прищурилась, растирая его в пальцах.

— Хаттаб, отменить все предыдущие приказы. Пусть все соберутся здесь. И мне нужен подрывник.

«Быть может, мне все-таки удастся решить эту головоломку».

15 часов 34 минуты

Сжимая в руке фонарик, Грей вел остальных по кирпичному тоннелю, уходившему круто вниз. Насколько он смог сориентироваться, тоннель вел прямо под развалины старого аббатства. К этому времени беглецы уже опустились под землю на уровень четвертого этажа.

Все молчали.

Каждый понимал, что зависит от того, будет ли найден ключ.

Грей следовал за лучом фонарика. Впереди стены тоннеля уходили вверх, теряясь в темноте. Несмотря на общее напряжение, Грей замедлил шаг, вынуждая остальных последовать его примеру. Он не забыл про ловушку, которую привел в действие своими необдуманными действиями. Сейчас было не время совершать ошибки из-за небрежности.

Затаив дыхание, Грей осторожно добрался до конца тоннеля. Луч фонарика выхватил пустоту. Шагнув вперед, Грей обвел взглядом обширный зал.

Первым его впечатлением было, что он попал в подземный собор. Каменные стены с четырьмя массивными колоннами поддерживали огромный круглый купол. Это сооружение напоминало своды по краям галереи. Однако здесь купол представлял собой один громадный свод. Выгнутые ребра, поднимаясь от колонн, пересекались вверху. Грей догадался, какой вид будет иметь купол, если взглянуть на него из центра: круг, рассеченный ребрами на четыре части.

Языческий крест.

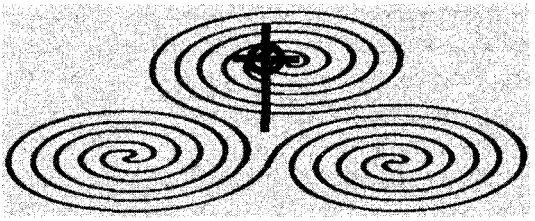
Четвертованный круг.

Но если у него и оставались какие-либо сомнения относительно изображенного символа, достаточно было лишь взглянуть вниз, чтобы получить подтверждение. Вмурованный в известняковые плиты, на полу лежал огромный, вырезанный из бронзы узор, не меньше тридцати ярдов в поперечнике. Непрерывные линии расходились в разные стороны, затем снова сходились вместе, образуя три правильные спирали, переплетенные между собой.

Это была древняя тройная спираль, символ, высеченный на всех каменных монолитах Англии, выведенный в старинных кельтских текстах, а затем принятый католической церковью для изображения Святой Троицы.

Круг вверху, спираль внизу.

А посередине стоял одинокий предмет. Единственное, что находилось внутри подземного зала.

— Кельтский крест, — в благоговейном почтении прошептала Рейчел.

Остальные вслед за Греем прошли в подземелье, увенчанное куполом.

Крест поднимался в самом центре тройной спирали. Также отлитый из бронзы, он был простой, без каких-либо украшений, всего семь футов в высоту, и представлял собой два бронзовых шеста, связанные вверху кольцом.

Грей решительно направился к нему.

Один только Ковальски задержался у выхода из тоннеля.

— Я лучше останусь здесь, — заявил он. — Я хорошо помню, что произошло, когда вы в прошлый раз возились с крестом.

Остальные четверо прошли в зал.

Профессор Бойл высказался по поводу простоты убранства:

— Монахи-цистерцианцы всегда выступали против излишней роскоши. Они были приверженцами аскетизма и минимализма. Все на своем месте и выполняет свою функцию.

Грей осторожно приблизился к бронзовой спирали. Он подумал, что к такому громадному узору на полу вряд ли применимо слово «минимализм». Хотя относительно креста профессор был прав. Форма и размеры его были непримечательными. На самом деле он казался скорее каким-то рабочим инструментом, чем религиозным символом.

Однако никто не мог отрицать его значение.

Первой это высказала вслух Рейчел, поднимая взгляд.

— Крест стоит между спиралью и рассеченным на четыре части кругом.

Грей медленно обвел купол лучом света. Только сейчас он обратил внимание на то, что не заметил вначале. Поверхность купола, разделенного на четыре части, была украшена узором. В луче фонарика сверкнули осколки кристаллов кварца, вмурованные в потолок.

Освещая лучом купол, Грей постепенно понимал, что видит перед собой.

— Это же карта звездного неба, — наконец догадалась Рейчел.

Грей кивнул, соглашаясь. Он узнал созвездия, выложенные из кусков кварца. Кристаллы были разных размеров, что создавало иллюзию объемности.

Однако у них не было времени восхищаться мастерством древних художников.

— А что насчет ключа? — напомнила Сейхан. — На острове Бардси ты решил, что крест содержит комбинацию, для того чтобы отпереть склеп. Быть может, здесь сейчас то же самое? Посмотри внимательнее.

Она указала на круглый элемент креста. Бронзовое кольцо покрывали глубокие деления, похожие на те, что были нанесены на каменный крест с острова Бардси.

«Как метки на комбинационном замке».

Грей подозревал, что Сейхан права, но тут была одна проблема.

Он не знал правильную комбинацию.

А в прошлый раз, попробовав наобум, он едва всех не погубил.

Судя по встревоженным лицам, остальные тоже это не забыли.

— Нам нужно попробовать, — сказал Бойл.

— А если ты приведешь в действие ловушку, — подхватила Сейхан, — Ковальски дернет за рычаг, как и в прошлый раз.

Грей покачал головой:

— Даже если это сработает, нам это не поможет. Пусть рычаг спасет наши задницы здесь, но при этом он также откроет лестницу, ведущую вниз.

Он обвел всех взглядом, давая возможность осмыслить его слова. Сюда ворвутся боевики.

— Из огня да в полымя, черт побери, — убитым голосом заключил профессор.

Грей повернулся к кресту.

— У нас будет только одна попытка. Малейшая ошибка — и мы обречены.

Рейчел предложила единственный веский довод в пользу этой попытки:

— Но если ничего не делать, мы тоже обречены.

Свое мнение добавил Ковальски. Он пробурчал его себе под нос, однако благодаря прекрасной акустике его слова разнеслись по всему залу:

— Если еще кто-нибудь хоть раз скажет слово «обречены», меня вы здесь больше не увидите.

15 часов 48 минут

Криста стояла рядом с Хаттабом, наблюдая за тем, как подрывник вставляет в последнее отверстие заряд пластида С-4. Работая пальцами, он придавал взрывчатке нужную форму умелыми движениями скульптора. Удовлетворившись, подрывник вставил искровой детонатор, подключенный к беспроводному приемнику.

Он махнул рукой, приказывая отойти подальше.

Все отступили в сад.

Никому не хотелось во время взрыва находиться под сводами. Подрывник предупредил, что галерея может обрушиться и завалить потайной проход.

— Все готовы? — спросил Хаттаб.

Криста нетерпеливо махнула рукой.

Хаттаб кивнул подрывнику, и тот, подняв передатчик, нажал кнопку.

15 часов 49 минут

Взрыв бросил Рейчел на колено, однако причиной этого стала не ударная волна, а страх. И без того в напряжении, молодая женщина оказалась застигнута врасплох внезапным грохотом. Многометровая толща каменных пород приглушила взрыв, и все же он прозвучал как выстрел.

— Они пытаются открыть путь вниз, — пробормотала Сейхан, оглядываясь на тоннель.

— Я их задержу! — крикнул Ковальски, убегая с винтовкой наверх.

Однако ему одному предстояло противостоять целой армии.

Уже опустившаяся на одно колено, Рейчел бессильно сползла на пол. Лихорадка усилилась. Ее бил озноб. Голова пульсировала болью, словно мозг расширялся и сжимался с каждым ударом сердца. Кроме того, Рейчел уже больше не могла не обращать внимания на тошноту.

Грей оглянулся на нее. Она махнула рукой, призывая его продолжать изучение креста. Последние десять минут Грей

пристально разглядывал крест со всех сторон, не прикасаясь к нему. Он снова и снова ходил вокруг него, то наклоняясь к нему, то, наоборот, отходя подальше и устремляя взор вдаль.

Грей уже отметил несколько странных моментов, связанных с крестом. Поперечная перекладина была полой. А позади креста профессор Бойл обнаружил длинный шнур, закрепленный посередине. Сплетенный из высушенных жил, он имел на конце грузик из трехгранного куска бронзы.

Никто не мог объяснить, что это значит, — и никто не смел прикоснуться к кресту.

Тяжелый топот возвестил возвращение Ковальски.

— Им не удалось проделать дыру, — с облегчением крикнул он. — Мы по-прежнему крепко закупорены.

— Они не сдадутся, — предупредила Сейхан.

Рейчел не отрывала взгляда от Грея. Время стремительно уходило.

Вдруг Грей остановился. Он медленно опустился на пол, словно признавая свое поражение.

Но Рейчел знала его слишком хорошо и понимала, что это не так.

По крайней мере, она на это надеялась.

15 часов 59 минут

Криста поднесла телефон к уху. Она не хотела отвечать на этот звонок, но у нее не было выбора. Другое ухо она плотно зажала ладонью. Сирены по-прежнему оглушительно завывали. И стрельба на территории тюрьмы усилилась. Похоже, там началась самая настоящая война. И Криста понимала, что бой мог в любой момент перекинуться на этот изолированный оазис.

— Нам известно, где они! — крикнула она в телефон, стараясь не допустить в свой голос отчаяние. — В ближайшие десять минут проход будет открыт взрывом.

Криста оглянулась на площадку. Хаттаб наблюдал за работой подрывника. Почувствовав на себе ее внимание, он под-

нял обе руки, растопырив пальцы, тем самым подтверждая ее предположение.

Это была уже вторая попытка. Первый взрыв образовал в плитах воронку, обнажив скрытый слой блоков из известняка. Понимая, что они близки к цели, Криста проклинала осторожность подрывника.

И все же, глядя на почерневшие стены и колонны, она вынуждена была признать его правоту. Если перекрытия случайно обрушатся и завалят потайной ход, попасть туда будет невозможно.

В трубке наконец послышался голос. Мужчина говорил неторопливо, с раздирающим душу спокойствием.

— И вы полагаете, что им удалось проникнуть в подземелье, где, возможно, находится «Ключ Судного дня»?

— Я в этом уверена!

По крайней мере, она на это надеялась.

Последовала долгая пауза, как будто у Кристы было бесконечно много времени. Невдалеке загремели выстрелы. Это стреляли ее люди. Что могло означать только одно: война докатилась и до них.

— Что ж, разумно, — наконец промолвил мужчина. — Достаньте ключ.

Угрозы были не нужны.

В трубке послышался щелчок, и связь оборвалась.

Криста выразительно посмотрела на Хаттаба.

Тот поднял девять пальцев.

16 часов 00 минут

Несомненно, отцу Джованни было что-то известно.

Это было все, от чего приходилось отталкиваться Грею.

Он сидел с открытыми глазами, не замечая ничего вокруг. Мысленно вернувшись в склеп под аббатством Пресвятой Богородицы на острове Бардси, Грей представил себе надписи, выведенные углем на стене. Он снова и снова видел перед глазами расчеты, нацарапанные священником, и из-

учал большой круг, нарисованный вокруг креста. Круг был также рассечен и другими хордами и радиусами.

В то же время Грей видел перед собой бронзовый крест. Он вспоминал свое первое впечатление, и ему хотелось в него верить. На первый взгляд крест показался ему скорее рабочим инструментом, чем религиозным символом. Устройством, которое, подобно бронзовому циферблату, было сделано для какой-то цели, а не просто как украшение.

И еще у Грея в ушах звучали слова профессора Бойла, сказанные про цистерцианский орден.

«Все на своем месте и выполняет свою функцию».

Закинув голову, Грей уставился на кварцевую карту звездного неба. Дыша носом, он почувствовал, как у него внутри что-то поднимается, какое-то понимание, которое ему никак не удавалось выразить словами.

Вдруг Грей поймал себя на том, что стоит, хотя не помнил, как поднимался на ноги. Вернувшись к кресту, он посмотрел на него сбоку. Бронзовый крест был лишь чуть выше его. Грею пришлось нагнуться, чтобы заглянуть в полую перекладину.

— Это не крест, — пробормотал он.

— Что вы хотите сказать? — удивленно спросил стоявший рядом Бойл.

Грей мотнул головой, не в силах ответить. Пока он еще не все понял до конца. Но продолжал смотреть в полую перекладину.

К нему подошла Сейхан.

— Да это прямо телескоп.

Пораженный Грей выпрямился.

Вот она!

Та последняя мелочь, которой ему недоставало.

У него в голове словно прорвало плотину, и понимание захлестнуло его. Образы замелькали перед глазами настолько быстро, что он не успевал за ними следить, но все-таки где-то за пределами сознания они слились вместе.

Грей устремил взгляд на купол.

Телескоп.

Обернувшись, он стиснул своего заклятого врага в объятиях. Сейхан напряглась, не зная, как себя вести.

— Я все понял, — прошептал ей на ухо Грей.

Она вздрогнула, вероятно неправильно истолковав смысл его слов.

Отпустив ее, Грей присел на корточки и изучил основание креста. Крест был установлен на бронзовую полусферу. Грей ощупал ее края. Между камнем и бронзой оставалась тонкая щель.

Вскочив на ноги, Грей бросился к своему рюкзачку, брошенному на пол. Вывалив его содержимое, он нашел черный маркер. Ему нужно было убедиться самому, и он снова опустился на корточки. Он работал быстро, маркер буквально летал по камню.

Рисуя, Грей мыслями вернулся на Бардси. Теперь он понял, что означали расчеты на стене, выполненные углем. Круг с делениями. Отец Джованни оказался умнее всех. Он дошел до всего сам. Круг изображал землю. А вычисления...

— Это были расчеты долготы и широты.

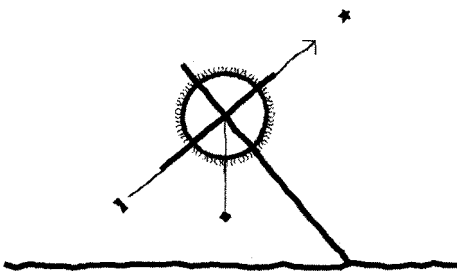
Остальные собрались вокруг Грея.

— О чем это вы? — недоумевал профессор.

Грей указал на бронзовый крест посреди зала.

— Это не крест, — повторил он. — Это навигационный инструмент. Привязанный к звездам!

Он закончил рисунок.

Грубый набросок показывал, как можно наклонить крест, направив полую перекладину на звезду, как шнурок с грузиком можно использовать в качестве отвеса, отсчитывая градусы по делениям на круге.

— Это же примитивный секстант, — объяснил Грей.

— Господи, — пробормотал ошеломленный Бойл, хлопая себя по лбу. — Археологи испокон веку спорят, как древним удавалось так точно устанавливать камни. Как они определяли их положение. — Он ткнул пальцем в рисунок. — Черт побери! Это приспособление можно использовать так же, как теодолит!

— Как что? — спросила Рейчел.

Ей ответил Грей, понявший, о чем идет речь:

— Это геодезическое устройство, применяется для измерения горизонтальных и вертикальных углов. Используется в строительстве.

— Культ спирали и креста, — продолжал профессор. — На самом деле эти символы изображают небо и землю.

Грей посмотрел на свой набросок креста, стоящего на земле и направленного на звезды.

— Больше того, эти символы отображают преклонение перед тайными знаниями, перед секретами навигации и инженерного искусства.

Сейхан вернула всех со звезд отрезвляющим вопросом:

— Но какое отношение это имеет к «Ключу Судного дня»?

Все снова уставились на бронзовый крест.

Грей знал ответ.

— В древности только класс жрецов имел доступ к таким могущественным знаниям. — Он повернулся к Бойлу, ища подтверждения.

Профессор кивнул.

— Для того чтобы решить загадку «Ключа Судного дня», мы должны продемонстрировать те же самые знания.

— Каким образом? — спросила Рейчел.

Грей вспомнил расчеты отца Джованни на Бардси.

— Нам нужно использовать звезды над головой и вычислить навигационные координаты. Думаю, мы должны ввести координаты нашего местонахождения. Приблизительные широту и долготу. — Он повернулся к остальным. — Вот комбинация кодового замка.

— А вы можете их рассчитать? — спросил Бойл.

— Можно попробовать.

Грей снова опустился на пол. Принцип действия кельтского креста отличался от секстанта, в котором для определения широты и долготы используются отражения в зеркалах. Но все же определенное сходство имелось.

— Мне нужна фиксированная константа, — пробормотал Грей, поднимая взгляд на кварцевую карту звездного неба. Она была помещена под сводами не случайно.

— Полярная звезда, — предложила Сейхан.

Опустившись на корточки, она указала на большой осколок кварца, изображающий Полярную звезду, которая уже многие тысячи лет использовалась для навигации.

Сойдет.

Грей работал быстро. По дороге сюда он с помощью навигатора определил приблизительные координаты Клерво. И сейчас вспомнил показания прибора:

48° 09' 00'' С. Ш.
04° 47' 00'' В. Д.

Значения долготы и широты были даны в градусах, минутах и секундах. Те же самые деления на циферблате. Риски, нанесенные на кольце бронзового креста. Все имело свой смысл.

Меньше чем через минуту Грей, как ему казалось, получил точные данные о нынешнем местонахождении, пригодные для древнего инструмента.

Запомнив их, он встал.

Рейчел с надеждой смотрела на него.

Грею хотелось верить, что он не обманет ее надежд.

— На тот случай, если я ошибаюсь. Всем вам, возможно, придется отступить обратно в тоннель.

Он быстро подошел к кресту. Внезапно его уверенность пошатнулась. Шанс будет только один. И если он ошибается, если его расчеты неверны, если он будет неправильно обращаться с древним секстантом, остальные погибнут.

Остановившись, Грей посмотрел на крест.

— У тебя получится, — произнес голос у него за спиной.

Грей обернулся. Рядом с ним стояла Сейхан. Остальные присоединились к Ковальски, ждавшему в тоннеле.

— Уходи, — резко приказал Грей.

Сейхан никак не отреагировала на его слова.

— Быть может, понадобится две пары рук. Один человек будет удерживать крест под нужным углом, второй наберет колесом нужную комбинацию.

Грей хотел было возразить, но понимал, что Сейхан права. Кроме того, в глубине души он чувствовал, что ему не хочется оставаться одному.

— Тогда за работу, — решительно произнес он.

Нагнувшись, Грей снова посмотрел в полую перекладину креста. «Как в телескоп», — подумал он, вспоминая слова, которые открыли для него путь к разгадке. И произнесла их Сейхан.

Теперь Грей знал, что нужно делать. Подойдя к кресту, он потянул за перекладину. Все сооружение наклонилось, повернувшись на сферическом основании. Как только крест сдвинулся с места, где-то под полом прозвучал громкий скрежет.

Пути назад больше не было.

Грей развернул перекладину так, чтобы она указывала на север. Глядя сквозь нее, он всмотрелся в звездный купол. Сейхан помогала, направив луч фонарика на осколок кварца, обозначавший Полярную звезду.

После недолгих поисков Грей нашел звезду и нацелил на нее телескоп. Как только он это сделал, прозвучал громкий

гонг. Этот звук донесся сверху, раскатившись отголосками по всему подземному залу.

«Что это?»

Сотни каменных заглушек вывалились из свода и пролились дождем вниз. Одна ударила Грея в плечо, и от неожиданности он едва не выпустил крест. Громко выругавшись, Сейхан зажала лоб ладонью. Сквозь пальцы проступила кровь.

Не обращая внимания на рану, Сейхан по-прежнему смотрела вверх.

Грей проследил за ее взглядом. Из сотни отверстий в своде вылезли бронзовые шипы. Они быстро начали опускаться к полу на длинных шестах. Позади каменная глыба завалила выход в тоннель.

Впрочем, Грей и Сейхан все равно не успели бы добежать туда.

Это была та же самая ловушка, что и на Бардси, только наоборот. Вместо того чтобы провалиться на ощетинившийся пол, им предстояло быть пронзенными шипами, которые спускались сверху.

В любом случае конечный итог был тем же самым.

Грей ошибся.

31

14 октября.
16 часов 04 минуты.
Клерво, Франция

— Ты уверен, что этот взрыв откроет дорогу в потайной ход? — спросила Криста.

Работы по расчистке прохода заняли больше времени, чем ожидалось. После новых расчетов специалист по взрывотехнике пришел к выводу, что ему нужно насверлить в каменных балках больше отверстий, чтобы более равномерно распределить заряды и получить направленный взрыв.

Подрывник пожал плечами, продолжая работать. Он высверливал буром последние отверстия в известняке. Рядом лежали кубики пластида, дожидаясь, когда им придадут нужную форму. Подрывник ответил по-арабски. Хаттаб перевел:

— Он говорит, что откроет, только если на то будет воля Аллаха.

Криста непроизвольно стиснула пистолет в кобуре. «Пусть лучше Аллах пожелает открыть проход, иначе этот тип получит пулю в голову».

— Долго еще? — нетерпеливо спросила она.

— Десять минут.

Кристе захотелось кричать, но она просто развернулась и пошла прочь.

Над головой пролетел один из вертолетов. Его несущий винт разогнал плотное покрывало дыма. Солнце вспыхнуло ярче, затем снова погрузилось во мглу. В воздухе пахло горящей нефтью и бездымным порохом.

Послышался частый стук пулеметов вертолета, проносящегося над линией противостояния. Боевики отчаянно стремились не дать войне выплеснуться в развалины. Звучали слова команды. Слышались крики. Бой проходил необычайно жестоко. Криста проводила взглядом одного из своих людей, который тащил волоком раненого товарища. Тот извивался, зажимая рукой вываливающиеся из живота внутренности.

Как и этот смертельно раненный боец, они не смогут держаться до бесконечности.

Криста повернулась к Хаттабу.

Тот показал девять пальцев.

Криста сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. Столько они еще смогут продержаться. Как только потайной проход будет открыт, она устремится в дыру, беспощадно уничтожая все на своем пути, чтобы добраться до ключа.

Криста опустила взгляд на чемоданчик, стоявший у ее ног.

Ничто ее не остановит.

16 часов 05 минут

Сейхан остановила Грея, положив ему руку на плечо. Он отступил от креста, продолжая удерживать его одной рукой. Сейхан поняла, о чем он думает, подняв взгляд на острые копья, стремительно спускающиеся сверху. Его лицо пересекли складки мучительной боли.

— Может, мне дернуть рычаг? — заорал Ковальски.

Опустившись на колени, великан кричал в щель под опускающейся каменной глыбой, которая закрывала единственный выход из зала.

— Нет! — крикнул в ответ Грей.

Остальные находились в тоннеле, им не угрожала опасность быть пронзенными спускающимися шипами. Смертельная угроза нависла только над Сейхан и Греем. Сейхан поняла, какой непростой выбор пришлось сделать Грею. Если дернуть за рычаг, ловушка вернется в исходное положение, но при этом наверняка откроется потайная дверь, и в подземелье хлынут боевики. Спасая себя, они с Греем обрекут на гибель остальных.

Этот путь не вел к победе.

Своим решением Грей лишь давал остальным скудный шанс. Если боевиков Кристы остановят до того, как они взорвут дверь в тоннель, остальные останутся в живых.

Надежда была очень слабая, но все же это было хоть что-то.

Сейхан посмотрела вверх.

Сейчас она была бы рада и такой малости.

Шагнув вперед, Сейхан остановилась перед Греем, заставив его оторвать взгляд от надвигающейся сверху смерти. Он должен узнать правду.

Какое теперь значение имеют все эти секреты?

Внезапно Грей отстранил ее.

— А что, если я ошибся?

— Что?

— Держи крест крепко, пока я буду вращать колесо, — приказал он.

Сейхан повиновалась, окончательно сбитая с толку.

— Быть может, это не ловушка. А часовой механизм. И тому, кто пробует ввести нужную комбинацию, отводится на это только определенное время. — Он указал на потолок, утыканный шипами.

— Значит, у нас нет возможности гадать. Никаких проб и ошибок.

— Точно.

Подергав за шнурок из жил с грузиком на конце, Грей убедился в том, что тот висит свободно. Затем он провел пальцами по колесу креста. Его губы беззвучно шевелились, считая деления. Наконец Грей остановился на точке, которая, вероятно, соответствовала его расчетам.

— Вот она, — прошептал он.

Схватив колесо, Грей повернул его так, чтобы отмеченное деление совпало с отвесом. Остановившись, он затаил дыхание.

Вверху снова прозвучал гонг.

— Получилось! — радостно воскликнул Грей.

Однако шипы теперь стали опускаться еще быстрее, буквально падая на пол.

— Грей!

Увидев свою ошибку, Грей начал быстро считать. На этот раз вслух:

— Восемь, семь, шесть, пять, *четыре.*

Найдя нужное деление, он поставил на него палец и начал вращать колесо в противоположном направлении. Его нужно было провернуть почти на целый круг.

Сейхан пригнулась, уворачиваясь от пики, нацеленной прямо в лицо. Обоим пришлось опуститься на четвереньки. Сейхан протягивала одну руку вверх, поддерживая крест. Грей был вынужден поднять обе руки: одной он отмечал нужное деление, другой поворачивал колесо.

На глазах у Сейхан острие шипа скользнуло ей вдоль по руке. Грей вскрикнул: пика вонзилась ему в запястье, заставляя выпустить колесо.

Переместившись на коленях чуть в сторону, Сейхан пропустила руку между двумя шипами и ухватилась за колесо в другом месте.

— Скажешь мне, когда перестать вращать! — выдохнула она.

Ей пришлось сдвинуться вбок, чтобы получить упор. Колесо поворачивалось с большим трудом. Сейхан прижалась щекой к шипу. Тот пронзил мягкие ткани насквозь. Кровь заполнила женщине рот, хлынула в горло.

Она изо всех сил старалась провернуть колесо, но оно не поддавалось.

Объятая паникой, Сейхан поймала взгляд Грея. Она не могла говорить из-за проткнутой щеки. Боль была невыносимой. Сейхан выплеснула в один-единственный взгляд все свои страдания, все муки, обнажая себя перед этим мужчиной, впервые в жизни открывая все.

Даже свое сердце.

Грей смотрел на нее широко раскрытыми глазами, возможно впервые по-настоящему увидев ее, признав то, что было между ними. Стиснув Сейхан колено, он прошептал три слова, которые ей никто и никогда не говорил, и он произнес их искренне:

— Я тебе верю.

И то, что не удалось сделать боли, сотворили слова Грея. Навернувшиеся слезы потекли по щекам. Сейхан подалась вперед, еще глубже насаживаясь на шип. Ее пальцы стиснулись крепче. Она потянула колесо. Оно начало медленно поворачиваться.

Время сжалось до острия бритвы.

Невыносимая боль раздирала лицо Сейхан.

Она почувствовала острие шипа языком.

И все же продолжала вращать колесо.

— Стоп! — наконец крикнул Грей.

Отпустив колесо, Сейхан бессильно сползла с окровавленного шипа на пол. Где-то вдалеке прозвучал третий сигнал гонга.

Три спирали, три гонга.

Перед глазами у Сейхан померкло, но она все же увидела, как шипы двинулись в обратную сторону, медленно возвращаясь под своды. Лежа ухом на каменной плите, она слышала вращение огромных зубчатых колес, говорившее о том, что бог смилостивился.

Крест выпрямился сам собой.

Грей подскочил к Сейхан. Подняв с пола, он уложил ее к себе на колени. Она прильнула к нему, заключая в объятия. Грей крепко прижал ее к себе.

— Тебе удалось. Смотри!

Он приподнял ее чуть выше. Сейхан обвела взглядом зал.

Вместе с вращением зубчатых колес каждая из трех спиралей начала опрокидываться, открывая подполье. Все три секции полностью провернулись. Спирали исчезли, опустившись внутрь, показывая то, что было спрятано на протяжении стольких столетий.

Изнутри на каждой секции пола было закреплено по стеклянной колыбели.

Полностью перевернувшись, секции остановились. Колыбели закачались на подвесках.

Даже со своего места Сейхан разглядела, что в этих огромных колыбелях лежали не младенцы, а тела.

На самом деле это были не колыбели, а гробы.

— Это же саркофаги, — пробормотал Грей.

В противоположном конце зала каменная плита поднялась вверх, открывая выход из тоннеля. Остальные поспешили внутрь.

Глаза Бойла округлились от возбуждения.

— Вам удалось!

— Грей?.. — окликнула Рейчел.

Ее лицо было залито слезами. Должно быть, она решила, что он погиб. Увидев его живым, но окровавленным, Рейчел испытала облегчение, смешанное с ужасом.

Сейхан попыталась было встать, но у нее не было сил.

Грей поднял ее на ноги, поддерживая рукой. Из проткнутой щеки все еще текла кровь, но уже не сильно. Профессор протянул Сейхан свой носовой платок. Скатав в комок, она прижала его к ране.

Грей вопросительно посмотрел на нее. Кивнув, Сейхан высвободилась из его объятий и, пошатываясь, отошла в сторону. Это был самый трудный поступок в ее жизни. Однако она по-прежнему оставалась здесь чужой.

Бросившись к Грею, Рейчел помогла ему перебинтовать руку.

Бойл стоял рядом с Ковальски.

— Это же стеклянные гробы...

— Разумеется, а как же иначе? — подтвердил великан.

Затянув повязку, Грей указал на саркофаги. С кончиков его пальцев все еще капала кровь.

— Мы должны найти ключ.

16 часов 08 минут

Грей знал, где искать в первую очередь.

Он провел остальных к тому гробу, который отличался от двух других. Его поверхность была покрыта мельчайшей пылью, однако сквозь нее можно было различить узор. Лучи фонарей сосредоточились на ней, воспламеняя своим свечением ее блеск.

Бока и крышка гроба были вырезаны из листов окрашенного стекла. Краски сверкали яркими драгоценными камнями, и образы были хорошо знакомы. Из осколков разноцветного стекла были сложены ряды крошечных ястребов, шакалов, крылатых львов, жуков-скарабеев, рук, глаз, перьев, перемежающихся угловатыми стилизованными значками.

— Это же египетские иероглифы! — ахнул пораженный Бойл.

— Сформированные из окрашенного стекла. — В голосе Рейчел также прозвучало нескрываемое изумление.

Профессор наклонился к гробу.

— Однако эти иероглифы очень древние. Относятся к раннему Египту. Думаю, к Древнему царству. Несомненно, христианская церковь скопировала их с какой-то погребальной стелы. Быть может, именно они были когда-то высечены на саркофаге с Бардси. И прежде чем их соскоблить, какой-то монах тщательно перерисовал иероглифы, чтобы затем воспроизвести их в окрашенном стекле.

— Вы можете прочитать, что здесь написано? — спросил Грей, надеясь найти указание на то, где искать ключ.

Бойл стер пальцем пыль.

— «Здесь лежит Меритатон, дочь царя Эхнатона и царицы Нефертити[1]. Та, которая пересекла моря и принесла бога солнца Ра в эти холодные земли».

Когда профессор закончил читать, руки и голос у него дрожали.

— Черная царица. — Он обернулся. Его глаза округлились от изумления. — Это же египетская царевна.

— Возможно ли такое? — спросила Рейчел.

Грей всмотрелся сквозь цветное стекло. Он вспомнил рассказ отца Рая об острове Бардси, легенду о том, что колдун Мерлин был похоронен на нем в хрустальном гробу. А не здесь ли кроются истинные корни этого мифа? Быть может, в передаваемых шепотом слухах об этом саркофаге имя Меритатон превратилось в Мерлин?

У Грея в голове пронеслась мифология Британских островов. Он вспомнил рассказ священника из Абердарона о войнах, которые древние кельты вели с племенем чернокожих чудовищ, фоморийцев. И действительно, кельтам пришельцы-египтяне должны были казаться чуждым и странным

[1] У фараона Аменхотепа IV, принявшего имя Эхнатон, и его супруги царицы Нефертити действительно была дочь по имени Меритатон, однако о ее судьбе ничего не известно. Следует также отметить, что профессор Бойл ошибается: правление Эхнатона пришлось на эпоху Нового царства.

народом. И согласно тем же самым легендам, фоморийцы поделились с кельтами своими обширными познаниями в сельском хозяйстве, отточенными до совершенства египтянами на берегах Нила.

Профессор выпрямился, погруженный в раздумья.

— Некоторые историки полагают, что древние строители каменных сооружений в Англии могли быть египтянами. В захоронении Тара в Ирландии, относящемся к эпохе неолита, было обнаружено тело, украшенное керамическими бусами — эта техника была неизвестна древним жителям острова, однако в точности такие же бусы были найдены в гробнице Тутанхамона. А в Англии, неподалеку от города Гулль, были обнаружены большие лодки, прекрасно сохранившиеся в торфяном болоте. Конструкция у них определенно египетская, и построены они были примерно в тысяча четырехсотом году до нашей эры, задолго до того, как к нашим берегам приплыли викинги и другие древние мореходы. Я сам видел в Британском музее древний камень, выкопанный одним валлийским крестьянином. На нем на фоне пирамид изображен человек в одежде, какую носили в Древнем Египте. — Бойл покачал головой, словно стараясь убедить самого себя. — Но здесь... здесь настоящее доказательство.

— А ключ? — хрипло кашлянув, напомнила Сейхан, все еще прижимая к щеке окровавленный платок.

В стеклянном гробу лежало тело. Крышка на петлях была закрыта бронзовой защелкой. Грей понял, что им придется нарушить покой египетской царевны. Освободив защелку, он открыл крышку и откинул ее назад.

Из гроба пахнуло приторно-сладковатым воздухом.

— О господи! — воскликнула Рейчел.

Высушенное и съежившееся, тело оставалось в удивительно хорошем состоянии. Длинные черные прямые волосы обрамляли откинутую голову. Темная кожа натянулась, став гладкой. Сохранились даже ресницы. Тело было от шеи до пят завернуто в тонкую ткань. Голову венчала золотая диа-

дема, судя по украшениям из лазурита, несомненно, египетского происхождения.

Кроме лица, единственными открытыми частями тела были руки. Сложенные на груди, они сжимали глиняный горшок, покрытый вырезанными иероглифами. Горшок был закрыт золотой крышкой в форме ястребиной головы.

— Взгляните на ее правую руку, — прошептала Рейчел.

Грей сразу же заметил недостающий указательный палец.

Внимание профессора Бойла было приковано к глиняному горшку.

— Судя по форме, это канопа, погребальная урна древних египтян. В такие помещали забальзамированные органы членов царской семьи.

Грей понял, что им придется заглянуть внутрь. В легендах «Ключ Судного дня» был неизменно связан с черной царицей. Протянув руку, Грей вытащил тяжелый горшок из высушенных пальцев.

— Я бы этого не делал, — пробормотал Ковальски, пятясь назад. — Ни за что, ни при каких условиях. Эта штуковина наверняка проклята.

«Или, наоборот, это исцеление», — подумал Грей.

Должно быть, древние египтяне, умелые земледельцы, обнаружили какой-то грибок-паразит, уничтожавший урожай и губивший людей. Что-то вроде биологического оружия. Но обладали ли они и средством противодействия?

Крепко держа горшок, Грей ухватился за ястребиную голову и с трудом поднял крышку. Он внутренне съежился, не зная, чего ожидать.

Проклятие или исцеление?

Профессор твердой рукой держал фонарик, направляя луч на горшок. Подставив ладонь, Грей накренил горшок.

Изнутри просыпался белоснежный порошок, такой мелкий, что буквально струился, словно вода. Грей вспомнил легенду о Бернаре и чуде кормления грудью: из груди Черной Мадонны потекло молоко, вылечившее святого.

Он понял, что у него в ладони.

— Это исцеление, — уверенно промолвил Грей. — Это и есть ключ.

Ссыпав порошок обратно в канопу, он плотно закрыл крышку.

— Наверное, вы захотите взглянуть вот на это, — прокашляла Сейхан.

Подойдя к другому гробу, она подняла крышку.

Остальные присоединились к ней.

Сейхан посветила внутрь стеклянного саркофага. Там лежало тело, облаченное в простую белую рясу с капюшоном. Руки у покойника также были сложены на груди, сжимая маленькую книгу в кожаном переплете.

Однако Сейхан направила луч света на лицо покойника. Казалось, он умер только вчера. Его кожа, хотя и сморщенная, оставалась не тронута трупными пятнами, губы были алыми, веки спокойно прикрыты, словно он заснул. Темные волосы, выглядевшие только что расчесанными, ниспадали на лоб.

— Тело нисколько не разложилось, — заметила Сейхан.

Рейчел поднесла руку к горлу.

— Говорят, что тела святых неподвластны тлену. Они не разлагаются. Несомненно, это святой Малахия, — она оглянулась на третий гроб, в котором виднелись смутные очертания еще одного тела, — или святой Бернар.

Но у профессора Бойла было другое мнение относительно чудесного состояния тела. Посмотрев на горшок в руках у Грея, он перевел взгляд на останки.

— В канопы не всегда помещали забальзамированные органы. — Он кивнул на горшок. — Иногда в них просто хранились составы для бальзамирования. Масла, мази, порошки.

Грей понял.

— Если ключ обладает целительными свойствами, и в первую очередь против грибковых заболеваний, порошок должен обладать сильным антигрибковым действием... возможно, также и антибактериальным. — Он всмотрелся в лицо святого. — А главной причиной разложения органических тканей являются грибы и бактерии. Если забальзамировать

тело таким составом и поместить его в наглухо запечатанный гроб, оно будет казаться нетленным.

Грей также вспомнил, что монахам с острова Бардси приписывали необычайно крепкое здоровье и долголетие. Такое мощное средство должно было защищать монахов от обычных патогенных веществ, косивших людей в Средние века. Неудивительно, что за островом закрепилась репутация целительного места.

Бойл широко раскрыл глаза.

— Значит, ключ...

— Первоначально это был состав для бальзамирования. Быть может, привезенный из Египта или обнаруженный в новых землях. В любом случае его лечебные свойства быстро оценили по достоинству. А в древности подобное лекарственное средство должно было казаться чудодейственным.

Профессор кивнул.

— А в паре со смертельным патогенным веществом получалось мощное сочетание. Биологическое оружие и средство противодействия.

— Эти знания перешли от древних египтян к кельтам, а от них к ранним христианам. Чтобы в конце концов их запечатали в бутылку и похоронили здесь.

— Но это были не единственные знания, передававшиеся по исторической цепочке. — Бойл повернулся к кельтскому кресту. — Уже давно археологи ведут спор, как древним египтянам удавалось возводить пирамиды с такой точностью, строго совмещая их со сторонами света. Для этого им нужен был мощный геодезический инструмент.

Грей взглянул на крест другими глазами. Неужели это и был тот самый инструмент?

Стоявшая у него за спиной Рейчел удивленно вскрикнула. Они с Сейхан остались у гроба и, нагнувшись к телу, раскрыли книгу, зажатую в руках святого.

— Тут есть имя, — угрюмо промолвила Сейхан. — Мэл Мэдок.

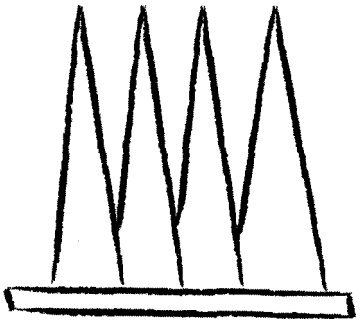
— Святой Малахия, — заключила Рейчел. Она пролистала книгу. — Это его дневник. Тут какие-то цифры и обрывки латинских фраз... — Она оглянулась на Грея. — Это же пророчество Малахии относительно римских пап! Написанное его собственной рукой. — В ее голосе зазвенело волнение. — Но это еще не все! Тут еще многие и многие страницы. Полагаю, в этом дневнике еще сотни других предсказаний. Божественных видений, о которых церковь не обмолвилась ни словом.

«И, быть может, на то были веские причины», — подумал Грей. Наверное, церковь и без того напугали пророчества о папах, предсказания о конце света. Неудивительно, что дневник был спрятан.

Прежде чем Рейчел смогла внимательно прочитать текст, Сейхан выхватила книгу у нее из рук и снова раскрыла на первой странице. Там был нарисован символ. Египетского происхождения. Сейхан оглянулась на Грея. Тот тоже его узнал. Они уже видели этот рисунок.

Теперь Грей понял, почему так всполошилась «Гильдия». Эта организация всегда была зациклена на поисках корней древних знаний, и в первую очередь исходящих из Египта. Судя по всему, отец Джованни догадался о том, что след ведет в Древний Египет, и поделился своими подозрениями, тем самым пробудив внезапный интерес «Гильдии».

Грей смотрел на символ, который они с Сейхан уже встречали однажды много лет назад, когда впервые столкнулись с «Гильдией»: изображение священной трапезы с помощью конусов.

Этот рисунок символизировал так называемый хлеб разума, или хлеб богов. Употребляя его в пищу, фараоны открывали свое сознание божественному. Неужели смуглая царица Меритатон привезла из Египта не только чудодейственный состав для бальзамирования? Что, если она захватила с собой и «хлеб разума»? И Малахия, съев его, прикоснулся к божественному и ему открылись видения?

Грей смотрел на символ, нарисованный на первой странице старинной книги.

Но прежде чем они смогли продолжить исследования, сверху донесся грохот взрыва. На этот раз он прозвучал гораздо громче. У всех заложило уши. Из тоннеля в зал вырвалось облако дыма и каменной пыли.

— Путь открыт, — догадалась Сейхан.

Грей обернулся к Ковальски:

— Бери винтовку и...

Однако не успел великан опомниться, как профессор Бойл ловко выхватил оружие у него из рук. Направив винтовку на остальных, он, пятясь, отступил к тоннелю.

— Я так не думаю.

Из тоннеля в зал ворвались шестеро боевиков, а следом за ними вошла высокая женщина с пистолетом «ЗИГ-Зауэр» в руке.

Бойл оглянулся:

— Давно уже пора, моя девочка.

32

14 октября.
16 часов 15 минут.
Клерво, Франция

Криста оценила потрясение на лицах собравшихся. Особенно на лице азиатки. Залитое кровью, оно горело неприкрытой яростью. Но эти чувства только еще больше согрели Кристу. После стольких трудов, потребовавшихся для того,

чтобы добраться сюда, она в полной мере наслаждалась этим мгновением.

Точнее, почти в полной.

— Неужели ты думала, что, кроме тебя, у меня здесь больше никого нет? — спокойно спросила Криста. — Чего стоит доверие без дополнительных гарантий?

Не выпуская винтовку, Бойл шагнул к ней.

Она ткнула в его сторону локтем.

— Мы с Уоллесом с самого начала работали в паре. С того самого момента, когда он обнаружил патогенный гриб. Профессор также любезно предупредил нас о предательстве отца Джованни. Священнику следовало более осторожно выбирать тех, с кем можно откровенничать.

У нее вырвался непроизвольный смешок, всплывший пузырьком из смеси восторга и бесконечного облегчения. Криста подавила его, злясь на себя за минутную слабость. Нахлынувшая ярость помогла ей взять себя в руки.

Совладав с собой, она оглянулась на Бойла:

— Что насчет ключа? Он здесь?

Профессор просиял.

— Так точно, мы его нашли. Он вон в том горшке.

Грей Пирс шагнул вперед.

— У нас был уговор.

Но у Кристы не было времени на подобную глупую наивность.

— Хаттаб, забери горшок.

Чтобы Грей даже не подумал совершить какую-нибудь глупость, она направила пистолет на итальянку. У Грея не было выбора: он протянул глиняный горшок.

В свою очередь Хаттаб предложил кое-что взамен. Как и было условлено, он поставил на пол стальной чемоданчик и отступил, сжимая в руках ключ.

Грей посмотрел на чемоданчик. Судя по выражению его лица, он сразу же догадался, что внутри.

Криста объяснила подробнее:

— Зажигательная бомба с кинетическими зарядами. Последняя китайская разработка. Горит очень долго. Температура такая высокая, что прожигаются насквозь кирпичи. После взрыва не остается ничего.

Грей не сдавался.

— Возьмите с собой хотя бы Рейчел, — взмолился он. — Сдержите свое слово.

Криста покачала головой, проникаясь уважением к этому человеку. Но к этому чувству добавилась грусть. Криста увидела в глазах Грея боль, поняла, из какого источника она поднялась. А ради нее кто-нибудь пойдет на такую жертву?

Устало вздохнув, Криста предложила единственное утешение, какое могла дать.

— Боюсь, от этого все равно не будет никакого толка. Если честно, я немного покривила душой. От токсина, который оставил для Сейхан Уоллес, противоядия нет. Отравление стопроцентно заканчивается летальным исходом. Скорее всего, ваша подруга уже ощущает действие яда. Так что смерть здесь будет более быстрой и менее болезненной.

Она равнодушно понаблюдала за тем, как меняется лицо Грея. Рейчел, отвернувшись, уткнулась лбом ему в плечо. Криста повернулась к Хаттабу:

— Пошли. Проследи за тем, чтобы твой человек, перед тем как уйти, взрывом завалил вход в тоннель.

Здесь ей больше делать было нечего.

Точнее, почти нечего.

Развернувшись, Криста навела пистолет на Бойла. Тот широко раскрыл глаза от изумления. Она нажала на спусковой крючок, выстрелив ему в живот. Профессор не вскрикнул, а лишь ахнул и повалился на бок.

С искаженным от боли лицом он приподнялся на локте.

— Ты даже не представляешь, что ты наделала.

Пожав плечами, Криста прицелилась ему в голову.

— Я из штаба! — бросил профессор.

Ошеломленная Криста застыла, пытаясь осмыслить это заявление. «Неужели это правда?» Название «штаб» было известно лишь считаным единицам.

Пистолет у нее в руке не дрогнул. Криста продолжала сомневаться, но одно она знала точно. В этой организации существовал только один способ подниматься наверх — для этого там должно было освободиться место.

Она нажала на спусковой крючок.

Голова Бойла дернулась назад, затем вперед. Он сполз на пол.

Развернувшись, Криста направилась к выходу. Вряд ли ее будут ждать какие-либо последствия. У нее был приказ убить всех.

«Всех», — напомнила себе она.

— Пошли!

Вместе с остальными Криста быстро направилась к выходу на поверхность. Хаттаб не отставал от нее, держа под мышкой глиняный горшок. Проникавшие в проход солнечные лучи неудержимо влекли вперед. От взорванной потайной двери осталась только груда щебня, а за ней была манящая свобода.

Криста собиралась немедленно убираться отсюда. В тюрьме становилось слишком жарко. Сверху доносились отголоски выстрелов.

Боевики выбрались из темноты на дневной свет. Только тут Криста поняла, какой же громкой была на самом деле перестрелка. Но лишь когда Хаттаб осел на колено, а затем повалился на бок, она в полной степени осознала нависшую над ними опасность.

Хаттабу снесло полголовы. Глиняный горшок вывалился из его обмякших рук и откатился на залитую солнцем траву.

Вокруг Кристы продолжали падать люди. Опомнившись, она нырнула за столб.

Война дошла и сюда.

Внимание Кристы привлекла яркая огненная вспышка над головой. Подняв взгляд, она увидела, как один из вертолетов окутался дымом, роняя горящие обломки. Беспомощно закружив на месте, он рухнул на землю.

У Кристы бешено колотилось сердце.

Что здесь происходит?

Но тут в противоположной стороне сада она увидела, кто вел огонь, кто заманил ее людей в ловушку. Солдаты в форме французской армии. Но что самое главное, Криста узнала того, кто ими руководил.

«Невозможно!»

Это был проклятый краснокожий.

Пейнтер Кроу.

Сердце Кристы гулко ударило в грудную клетку — но не от страха, а от ярости, испепеляющей все доводы рассудка. Сунув руку в карман, она нажала на кнопку передатчика. Земля у нее под ногами вздрогнула, прогремел глухой взрыв. Из отверстия в земле повалили клубы черного дыма.

Спасения товарищам индейца не будет.

Воспользовавшись дымом и смятением, Криста затаилась в тени. Она не тешила себя иллюзиями. Ее группа окружена в тюрьме подавляющими силами. У нее оставалась только одна цель. Криста дала себе слово, перед тем как покинуть Норвегию, и она намеревалась его сдержать.

16 часов 20 минут

Перестрелка закончилась так же внезапно, как и началась.

Отряд под командованием Пейнтера своим неожиданным появлением застал врасплох группу боевиков, вылезших из отверстия в земле. В дыму французские солдаты не смогли обнаружить потайной вход в подземелье, заваленный обломками рухнувшей галереи.

Но вот наконец упал последний враг.

Французские солдаты рассыпались по всему саду. Держа винтовки наготове, они двигались быстро и уверенно.

Пейнтер остался на месте. Стараясь отдышаться, он огляделся вокруг. Где Грей и остальные?

К нему подошел Монк, сжимая в руке дымящуюся винтовку. На его угрюмом лице было написано беспокойство за друга.

Единственным предупреждением была быстро мелькнувшая тень. Справа от Пейнтера из узкого прохода выскочила женщина с пистолетом в руке.

С расстояния всего в один шаг она четырежды выстрелила Пейнтеру в грудь.

Выстрелы прогремели раскатами грома.

Лишь одна пуля задела Пейнтеру плечо. В тот самый момент, когда женщина выстрелила, Пейнтер отскочил в сторону.

Упав на колено, он оглянулся.

У него на глазах пули сразили Джона Крида, шагнувшего в галерею из сада. Молодой оперативник упал навзничь.

Женщина с криком набросилась на Пейнтера, направляя пистолет ему в голову. Пейнтер приподнялся ей навстречу. Выхватив из высокого ботинка нож, он погрузил лезвие глубоко в живот женщины.

Прекрасно обученная, та не обратила внимания на боль, приставив дуло пистолета Пейнтеру к подбородку. В ее взгляде было красноречиво сказано все. Нож не помешает ей убить противника.

— Кажется, это ваш, — со злостью произнес Пейнтер, нажимая кнопку на рукоятке ножа «Уосп».

Сжатый газ взрывной волной разорвал тело женщины, раздирая в пыль и замораживая внутренние органы. Она оказалась парализована шоком и болью.

Пейнтер оттолкнул ее от себя обеими руками. Отлетев назад, женщина рухнула на землю. Ее рот раскрылся в беззвучном мучительном крике — и тут же тело обмякло. Она была мертва.

Монк бросился мимо Пейнтера в сад.

— Крид!

Вскочив на ноги, Пейнтер последовал за ним.

Крид лежал на спине. Его грудь была пробита тремя пулями, на губах выступила кровавая пена. Глаза широко раскрылись от сознания неизбежного.

Монк рухнул на колени рядом со своим напарником. Сорвав с себя куртку, он скомкал ее, готовый зажать раны.

— Держись!

Но все понимали, что дело безнадежно. Кровь собиралась лужицей на утоптанной земле. Должно быть, пули были с полым наконечником, разрывающиеся при попадании в тело.

Нащупав вслепую руку Монка, Крид крепко ее стиснул. Монк накрыл его руку ладонью.

— Джон...

Последний вырвавшийся вздох. Рука Крида обмякла. Монк попытался снова ее ухватить, как будто это могло помочь, но у парня остекленели глаза.

— Нет... — простонал Монк.

Пейнтер наклонился к нему, чтобы утешить, — но тут вмешался новый звук. Стремительно развернувшись, Пейнтер упал на колено. Звук доносился из отверстия в земле, затянутого дымом.

Оттуда один за другим стали выбираться люди, откашливаясь, с трудом держась на ногах.

Один из них огляделся по сторонам и, шатаясь, побрел в сад.

— Грей...

16 часов 22 минуты

У них были считаные секунды.

Грей понимал, что женщина взорвет зажигательный заряд, как только поднимется наверх. Поэтому, едва последний боевик скрылся в тоннеле, он подбежал к кельтскому

кресту и начал крутить колесо. Монахи должны были предусмотреть какой-то механизм, возвращающий стеклянные саркофаги под землю.

Предположение было совершенно естественное.

Вращаешь колесо — вращаешь пол.

Грей оказался прав.

Поворачивая колесо, он убрал саркофаги вниз, перевернув плиты пола в исходное положение, спиралями вверх.

Пока плиты вращались, Грей крикнул Ковальски, чтобы тот бросил чемоданчик с бомбой в подземную нишу. Он не был уверен, что каменные плиты обеспечат достаточную защиту, однако другого выхода все равно не было.

После чего все отбежали к стенам и распластались на полу.

Когда прогремел взрыв, круглые плиты подлетели вверх, танцуя на языках пламени, а затем с грохотом рухнули вниз. Из-под земли вырвался огненный жар. Повалил удушливый дым, который тотчас же утянуло, как в дымоход, в тоннель.

Главной опасностью оставался бушующий внизу пожар.

Пламя лизало каменные плиты. Сквозь пелену дыма стали видны накалившиеся добела бронзовые спирали.

Грей крикнул, приказывая отступить в тоннель.

Там, сидя на корточках, они услышали отголоски яростной перестрелки, донесшиеся сверху, — и вдруг все затихло.

Грей не знал, что там происходит. Затем прозвучали еще выстрелы, потом послышался крик. Узнав этот голос, Грей затрясся от облегчения.

Монк.

Спасаясь от поднимающейся температуры, Грей повел остальных по тоннелю и дальше наверх. Там повсюду валялись трупы, окруженные французскими солдатами. Шатаясь, Грей вышел в сад.

— Это свои! — закричал Пейнтер, бросаясь к нему.

Грей пытался понять, что делает здесь его начальник, каким образом он попал сюда. Однако с ответом на этот во-

прос можно было подождать. Оглянувшись вокруг, Грей увидел знакомый глиняный с золотом предмет, закатившийся под куст.

Канопа.

Он с облегчением бросился к ней и, присев на корточки, бережно поднял с земли.

Крышка была на месте.

К нему подошел Пейнтер.

— Это «Ключ Судного дня», — объяснил Грей.

— Обращайся с ним осторожно.

Пейнтер обернулся к подошедшей Сейхан. Похоже, он нисколько не удивился, увидев ее здесь.

Посмотрев ему в лицо, она покачала головой.

— Все равно попробовать стоило, — загадочно произнес Пейнтер.

— У нас ничего не получилось. Я с самого начала предупреждала вас, что больше никогда не смогу полностью вернуть доверие «Гильдии». — Обернувшись, она перевела взгляд на женщину, которой еще было далеко до спасения. — И я не должна была доверять «Гильдии».

Рейчел стояла, обессиленно подняв лицо к небу. Им всем удалось остаться в живых, но над ней по-прежнему нависала смертельная угроза.

У нее задрожали ноги.

Жар, стресс полностью истощили жизненные силы ее организма.

Не отрывая взгляда от солнца, Рейчел рухнула словно подкошенная.

20 часов 32 минуты.
Труа, Франция

Через несколько часов Грей сидел на банкетке в коридоре у двери палаты Рейчел. Монк и французский врач были внутри. Рейчел подсоединили к капельнице и накачали коктей-

лем из антибиотиков. Хотя сейчас опасность отступила, еще немного, и было бы уже слишком поздно. В медицинский центр в Труа итальянку пришлось переправлять вертолетом.

Но по крайней мере, она снова пришла в сознание.

Грей потрогал перебинтованную руку. Все раны были очищены, обработаны и зашиты. Но он понимал, что до полного выздоровления еще далеко.

В глубине коридора открылась дверь. Из своей палаты вышла Сейхан. Она была в больничном халате и держала в руке пачку сигарет. Сейхан огляделась вокруг, несомненно стараясь определить, где можно курить в больнице. Увидев Грея, она вдруг застыла.

Казалось, Сейхан не знала, как ей быть. Грей подозревал, что ей придется долго привыкать к такому состоянию. Отныне за ней охотится «Гильдия». Правоохранительные органы Соединенных Штатов по-прежнему имеют приказ задержать ее любой ценой. Пейнтеру пришлось приложить все свое мастерство, чтобы скрыть ее присутствие. Он до сих пор бился над тем, чтобы сохранить это в тайне от всего мира.

Однако прятаться вечно нельзя.

Никому.

Грей похлопал по банкетке рядом с собой.

С полминуты Сейхан стояла на месте, затем нерешительно подошла к нему. Половина ее лица была забинтована. Она не стала садиться, осталась стоять, скрестив руки на груди. Ее взгляд был остекленевшим от морфия. Сейхан посмотрела на дверь палаты Рейчел.

— Я ее не отравляла, — хрипло прошептала она.

Операция закончилась совсем недавно, и ей было трудно говорить. Но Грей понимал, что она должна высказаться.

— Знаю, — сказал он. — У нее двустороннее воспаление легких. Долгое пребывание под холодным дождем, постоянный стресс и в довершение ко всему вирусная инфекция.

Сейхан опустилась на банкетку.

Пейнтер уже почти все рассказал. Месяц назад он разыскал Сейхан, проследив за ней с помощью вживленного маячка. Сама она так ничего и не обнаружила. Больше того, по словам Пейнтера, когда он наконец открыл ей правду, Сейхан была потрясена, взбешена, оскорблена этим предательством. Но Пейнтер предложил ей шанс, убедил поработать на него, попытаться в последний раз проникнуть в святая святых «Гильдии». Он уже догадывался о том, что в самое ближайшее время выйдет приказ задержать Сейхан для допроса. И понимал, что эта женщина — его лучшая возможность установить, кто заправляет в «Гильдии».

Сейхан согласилась дождаться подходящего задания, которое позволило бы ей проявить себя, вернуться в тайную организацию. Она даже предположить не могла, что ей предстоит новая встреча с Греем. Но после того как она согласилась на сотрудничество, обратной дороги больше не было.

— Я вынуждена была продолжать обман, — сказала Сейхан, имея в виду как отравление Рейчел, так и всю свою игру. — Еще в Хоксхеде я поменяла термосы. Я сделала вид, что отравила Рейчел, но на самом деле биотоксин к этому времени был уже уничтожен. Мне было известно, что за каждым моим шагом следят. Мой телефон прослушивался. К тому же у меня уже были кое-какие подозрения относительно Уоллеса Бойла.

Грей предположил, что эти подозрения основывались не столько на какой-то конкретной информации о профессоре, сколько на маниакальной подозрительности, обычной для Сейхан, однако в данном случае эта паранойя пришлась к месту.

— И только когда мы прибыли во Францию, когда разделились, я получила возможность ускользнуть от Бойла и раздобыть новый телефон. Расправившись с убийцами в лесу, я...

— Ты позвонила Пейнтеру. Ты поняла, что операция провалилась, и поставила его в известность об этом.

Сейхан кивнула.

— Мне не оставалось ничего другого, кроме как раскрыться. Нам была нужна помощь.

Вот уж точно.

В ходе телефонного разговора Пейнтер попросил Сейхан продолжать маскарад. Профессор Бойл оставался неизвестной величиной, смерть продолжала собирать урожай на Среднем Западе, и мир отчаянно нуждался в «Ключе Судного дня». Даже если ради этого требовалось лечь в постель с дьяволом.

Последовала долгая напряженная пауза. Сейхан теребила пачку сигарет, готовая в любой момент вскочить и уйти.

Грей наконец вернулся к теме, которую однажды уже пытался затронуть.

Он посмотрел Сейхан в лицо.

— Давным-давно ты сказала мне, что ты одна из своих, что на самом деле ты двойной агент, работающий против «Гильдии». Это правда?

Опустив голову, Сейхан долго смотрела в пол, затем искоса взглянула на Грея.

— А какое это теперь имеет значение?

Грей пытливо всмотрелся ей в лицо, пытаясь понять эту женщину, однако перед ним была глухая стена. Когда их пути пересекались в прошлом, Сейхан в конечном счете неизменно помогала ему. Ее методы были жестокими — вроде убийства хранителя венецианского музея. Но кто он такой, чтобы ее судить? Он не был на ее месте. Грей ощутил бездонный колодец одиночества, лишений, оскорблений, чуждый ему.

От необходимости отвечать его избавила скрипнувшая дверь. Монк вышел в коридор в сопровождении врача. Он внимательно посмотрел на Грея и Сейхан. Остаточное напряжение между ними было осязаемым, словно холодный атмосферный фронт.

Монк кивнул на прощание врачу, а затем указал на дверь:

— Рейчел очень слаба, но вы можете зайти к ней на несколько минут... только на несколько. И не знаю, слышали ли вы, но ее дядя наконец вышел из комы. Сегодня утром монсиньор Верона пришел в сознание. Насколько мне известно, состояние его стабильное. В любом случае я считаю, хорошие известия сыграли для Рейчел свою роль.

Грей встал.

Сейхан тоже поднялась, но направилась в свою палату.

Грей остановил ее, тронув за руку. Сейхан вздрогнула.

— А почему бы и тебе не заглянуть к Рейчел?

Сейхан стояла, молча уставившись в пустоту.

Грей крепче сжал ей руку.

— Ты перед ней в долгу. По твоей вине ей пришлось пережить ад. Просто скажи ей несколько слов.

Сейхан вздохнула, смиряясь с неизбежностью, принимая это как кару. Она покорно подошла к двери. Грей не думал, что его приглашение будет воспринято как наказание, но, по крайней мере, Сейхан хотя бы двинулась вперед.

Она слишком много времени провела одна, по другую сторону барьера.

Рейчел сидела в кровати. Увидев Грея, она улыбнулась, но, когда поняла, кто его спутница, ее глаза вспыхнули гневом. Улыбка померкла.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Грей.

— Ну, я не отравлена.

Сейхан поняла, что эта шпилька нацелена в нее. Но приняла ее молча. Пройдя мимо Грея, она села рядом с кроватью.

Рейчел отшатнулась.

Сейхан сидела молча, положив руку на изголовье. Она не сказала ни слова. Просто сидела, впитывая безмолвный гнев Рейчел. Наконец Рейчел снова уселась прямо.

Только тогда Сейхан прошептала:

— Извини.

В ее голосе не было ни слез, ни холода, а только искреннее сожаление.

Грей застыл. Он подозревал, что Сейхан не столько требовалось высказать эти слова, сколько Рейчел — их услышать. После этого женщины заговорили друг с другом, тихо, сбивчиво. Грей отошел к двери, понимая, что он здесь лишний.

Выйдя в коридор, он застал на банкетке Монка. Подсев к нему, Грей заметил, что Коккалис сжимает обеими руками сотовый телефон.

— Ты говорил с Кэт?

Монк медленно кивнул.

— Она все еще злится на тебя за то, что ты рисковал жизнью?

Монк продолжал кивать, не останавливаясь.

Некоторое время оба молчали.

Наконец Грей спросил, потому что слишком хорошо знал своего друга:

— Как ты себя чувствуешь?

Монк вздохнул. Он заговорил не сразу. За его спокойными словами скрывалась бесконечная боль.

— Он был отличным парнем. Я должен был лучше присматривать за ним.

— Но ты же не мог...

Монк оборвал его, без злости, просто устало:

— Знаешь, я еще не готов говорить об этом.

Грей отнесся к его чувствам с пониманием. Они еще посидели молча, наслаждаясь обществом друг друга. И этого им было достаточно.

Через какое-то время в конце коридора послышалось знакомое посвистывание. Это был Ковальски. Каким-то чудом напарнику Грея удалось выйти из всех передряг без единой царапины, но все-таки по соображениям безопасности ему было предписано оставаться в больнице.

Глядя на неспешно приближающегося великана, Грей заметил, что в одной здоровенной лапище у него что-то зажато. Увидев на банкетке двух друзей, Ковальски поспешно спрятал руку за спину. Грей вспомнил странное поведение напарника в Хоксхеде.

Когда Ковальски поравнялся с ними, Грей его окликнул.

— Приготовил для Рейчел подарок?

Смутившись, верзила остановился. Пойманный с поличным, он нехотя показал медвежонка. Белого, плюшевого, в медицинском халате. Ковальски с сожалением посмотрел на медвежонка, на дверь палаты Рейчел, затем сверкнул глазами на Грея и сунул медвежонка ему в руки.

— Ну да, конечно, — проворчал он.

Грей взял медвежонка.

Ковальски удалился тяжелой поступью, больше уже не насвистывая.

— Это еще что такое? — спросил Монк.

Грей откинулся назад.

— Знаешь, я еще не готов говорить об этом.

33

23 октября.
10 часов 14 минут.
Вашингтон

Все встретились в кабинете сенатора Гормена на Капитолийском холме.

Пейнтер сидел рядом с генералом Меткалфом. С другой стороны от него, закинув ногу на ногу, устроилась доктор Лиза Каммингс.

Мыском своей туфли она скользнула по брючине Пейнтера. И сделано это было умышленно. Они с Лизой пробыли в разлуке слишком долго. А вернувшись из отпуска, Лиза сразу же с головой окунулась в работу. С красными от бессонницы глазами она разъезжала по всему Среднему

Западу, наблюдая за борьбой с эпидемией. Так что им приходилось максимально использовать все редкие случаи побыть вдвоем.

Меткалф продолжал доклад о производстве антигрибкового средства. Пейнтер уже ознакомился с этим отчетом.

Не слушая генерала, он смотрел на отражение своей подруги в окне за спиной сенатора. Лиза забрала волосы в высокую прическу и надела строгий деловой костюм, чтобы соответствовать духу совещания. Пейнтер мысленно представлял, как распустит ей волосы, расстегнет блузку...

— Мы ведем обработку всех зараженных полей, — продолжал Меткалф, — в целях безопасности расширяя зону на пятнадцать миль во все стороны. Управление защиты окружающей среды при содействии частей национальной гвардии наблюдает за растительностью в радиусе еще тридцати миль, постоянно собирая пробы.

Гормен кивнул.

— За пределами Соединенных Штатов все засаженные поля были перекопаны и обработаны. Хочется надеяться, что нам удалось вовремя затоптать заразу.

— Если нет, мы к этому готовы, — заговорила Лиза. — Первые испытания на людях оказались успешными. Минимум побочных явлений. Успеха удалось добиться даже при лечении запущенных случаев. Вакцина распространяется за рубежом бесплатно. Хотя антибиотиков уже создано великое множество, арсенал антигрибковых средств, особенно предназначенных для лечения систематического заражения, был очень ограничен, к тому же все они обладали высоким уровнем токсичности. Теперь же, получив новое эффективное средство...

— К тому же даром, — добавил Пейнтер.

Лиза кивнула:

— ...мы справимся с распространением заболевания.

— Кстати, о том, что средство досталось даром, — сказал Гормен. — Посетив производственные линии «Виату-

са», где изготавливается препарат, я затем навестил Ивара Карлсена.

Пейнтер оживился. Карлсен ожидал суда в норвежской тюрьме. Даже из камеры он продолжал руководить своей корпорацией. Искупая свою вину, Карлсен добровольно передал всю биотехнологическую инфраструктуру «Виатуса» под производство нового препарата. Поразительно, как быстро смогли перестроиться производственные линии.

Лиза пыталась объяснить Пейнтеру, что антигрибковое средство было создано из одного вида лишайника, произрастающего только в оазисах Сахары, что его химический состав идеально подходил для разрушения определенного стерина, встречающегося в мембранах клеток гриба, поэтому оно являлось эффективным и безопасным средством лечения как млекопитающих, так и растений.

Глубже Пейнтер вникать не стал. Ему достаточно было знать, что средство работает.

— Видели бы вы его тюремную камеру, — продолжал Гормен. — Да это прямо номер люкс в гостинице «Риц»!

— Вот только в обозримом будущем Карлсен из этой гостиницы вряд ли выпишется, — заметил Пейнтер. И мысленно добавил: «Если вообще когда-нибудь выпишется, учитывая его возраст».

Меткалф встал.

— Если мы здесь решили все вопросы, я должен поторопиться на заседание руководства УППОНИР.

Гормен тоже встал и пожал генералу руку.

— Если вам понадобится какая-либо помощь... Я перед вами в неоплатном долгу.

Эти слова были адресованы Меткалфу, но Пейнтер обратил внимание, что сенатор на него оглянулся.

После событий в Норвегии Гормену пришлось сообщить о существовании «Сигмы». В противном случае сенатор стал бы копать сам и сделал бы только хуже. К тому же откро-

венность позволила обзавестись влиятельным союзником на Капитолийском холме. Пейнтер уже заметил, как изменилось отношение к «Сигме» среди других американских разведывательных ведомств. В кои-то веки волков, рыскавших под дверью, оттащили назад. Пусть их и не посадили на привязь, но Пейнтер получил возможность заняться укреплением своей группы.

А он знал, что это совершенно необходимо.

«Гильдия» обязательно попытается расквитаться.

Попрощавшись с сенатором, Пейнтер и Лиза вместе с генералом Меткалфом прошли по коридорам Капитолия. Пейнтер до сих пор не получил от начальника ответ на один очень деликатный вопрос.

— Сэр... — осторожно начал он.

— Эта женщина — ваша проблема. — Меткалф сразу же догадался, что он хочет сказать. — Я не могу отменить приказ задержать ее. Она успела наследить по всему миру. Так что ей придется залечь на дно, и под этим я понимаю, что она должна будет ползать по сточным канавам. — Генерал пристально посмотрел на него. — Но вы действительно уверены, что она может принести пользу?

— Уверен.

— Что ж, пусть будет так. Но в случае чего задницу надерут именно вам.

Пейнтер всегда ценил такую воодушевленную поддержку. Сказав на прощание еще несколько слов, Меткалф поспешил на новое совещание. Пейнтер и Лиза вдвоем вышли на улицу, под лучи утреннего солнца.

Пейнтер взглянул на часы. Похороны должны были начаться через час. Времени оставалось как раз, чтобы принять душ и переодеться. Несмотря на ясный день, Пейнтера захлестнула грусть. Джон Крид погиб, спасая ему жизнь. Главе «Сигмы» слишком часто приходилось видеть, как гибнут боевые товарищи, и он отточил в себе некую отрешенность.

Только так можно было сохранять рассудок, принимая непростые решения.

Однако сейчас Пейнтер не мог так поступить.

Он не мог оставаться безучастным к смерти Крида.

Пейнтер почувствовал прикосновение к руке. Это была Лиза.

— Все пройдет, — заверила она.

Пейнтер понимал, что она права, однако ему от этого было только хуже. Идти дальше значило забывать. Не все, но хотя бы что-то.

А он не хотел забывать жертву Джона.

Ни на минуту.

15 часов 33 минуты

Монк бродил по пологим холмам Арлингтонского мемориального кладбища вместе с Кэт. Они держались за руки, укутанные в теплые пальто. Осенний день выдался прохладным; величественные дубы горели золотом. Траурная церемония закончилась час назад. Но Монк еще не был готов уходить.

За время церемонии Кэт не сказала ни слова.

Она все понимала.

Пришли все. Даже Рейчел прилетела на один день из Рима. На больший срок ей не хотелось оставлять дядю. Вигор выписался из больницы всего два дня назад, но выздоровление шло быстро.

Медленно прогуливаясь по кладбищу, Монк и Кэт описали полный круг и вернулись туда, откуда начали. Могила Джона Крида находилась на вершине небольшого холма под развесистым кустом кизила. Ветви уже были голыми, но весной они покроются белыми цветами.

Это было красивое место.

Монк хотел дождаться, когда все разойдутся, чтобы побыть у могилы одному, но сейчас он увидел, что там кто-то

есть. Мужчина стоял на коленях, обхватив обеими руками надгробие. Его поза выражала бесконечное горе.

Монк остановился.

Это был молодой парень в парадном армейском мундире. Монк смутно вспомнил, что видел его на похоронах. Парень держался натянуто, как и все остальные. И вот теперь, судя по всему, он также решил задержаться для последнего прощания.

Кэт крепче стиснула Монку руку. Он повернулся к ней. Покачав головой, она потянула его в сторону. Монк вопросительно посмотрел на нее, почувствовав, что ей известно больше, чем ему.

— Это партнер Джона.

Оглянувшись, Монк понял, что Кэт имела в виду не делового партнера. Он ничего не знал. Вдруг у него в памяти всплыл разговор с Кридом. Он тогда насмешливо поинтересовался у своего молодого товарища, за что его выгнали из армии после двух командировок в Ирак. Крид ответил всего двумя словами.

«Не спрашивай».

Тогда Монк решил, что он просто советует ему не совать нос не в свое дело. Однако на самом деле Крид ответил на его вопрос.

«Не спрашивай, не скажу».

Кэт потащила Монка прочь, давая возможность парню предаться горю в полном одиночестве.

— Он продолжает служить, — объяснила она.

Монк последовал за ней. Теперь он понимал, почему на похоронах парень держался так скованно. Даже сейчас глубина его горя оставалась чем-то личным. Лишь оставшись один, он мог попрощаться со своим другом.

Кэт прижалась к Монку. Он обхватил ее за плечо. Оба знали, о чем думает каждый. Они надеялись, что им никогда не придется вот так прощаться друг с другом.

21 час 55 минут

Грей стоял под струями душа. Закрыв глаза, он вслушивался в красноречивые звуки водопроводных труб. Горячая вода должна была вот-вот закончиться.

И все же Грей не двигался, наслаждаясь последними крупицами пара и обжигающего тепла. Он разминал и растирал ноющие мышцы. Работа в тренажерном зале была напряженной, и сейчас приходилось за это расплачиваться. После тех синяков и ссадин, что выпали на его долю, следовало бы подойти к занятиям более сдержанно. Швы с раны на руке сняли всего два дня назад.

С прощальным журчанием вода быстро стала ледяной. Выкрутив кран, Грей схватил полотенце и вытерся, оставаясь в наполненном паром тепле.

Прощальные холодные струи душа вернули его в шторм на острове Бардси. Днем Грей разговаривал по телефону с отцом Раем и узнал, что Руфус живет у священника и доволен своим новым положением. Также он хотел убедиться в том, что Оуэн Брайс получил высланные ему деньги, которых должно было хватить на ремонт угнанного катамарана.

После свирепого шторма, бушевавшего несколько дней, жизнь на Бардси потихоньку возвращалась в норму.

В телефонном разговоре Грей также расспросил отца Рая о смуглых царицах и Черных Мадоннах. Определенно, священнику было что сказать по этому поводу. Грей опасался, что счет за международные переговоры за этот месяц будет до небес. И все же ему удалось выяснить кое-что любопытное, в частности то, что некоторые историки считали Черную Мадонну наследницей богини Изиды, матери Древнего Египта.

Опять корни, ведущие в Египет.

Однако во время взрыва под крытой галереей в Клерво были уничтожены все свидетельства: стеклянные гробы, тела и даже потерянная книга пророчеств Малахии.

Пропало все.

Возможно, это было и к лучшему. Пусть будущее остается неизвестным.

Однако предсказания Малахии относительно пап заканчивались туманной загадкой. Согласно Вигору Вероне, дяде Рейчел, Малахия пронумеровал всех пап в своем списке, за исключением самого последнего, Петра из Рима, которому предстояло увидеть конец света. У понтифика, будущего свидетеля Апокалипсиса, порядкового номера не было.

— Это позволяет многим исследователям предположить, — объяснил лежащий в больнице Вигор, — что между нынешним и последним папами будет еще какое-то неизвестное количество понтификов. Так что, быть может, наш мир еще простоит немного.

Грею очень хотелось в это верить.

Наконец он вытерся досуха, обмотал бедра полотенцем и вышел в спальню. Тут он обнаружил, что у него гость.

— Я думал, ты уже уехала, — сказал Грей.

Женщина лежала, накинув простыню, высунув по бедро одну длинную ногу. Потянувшись, словно пробуждающаяся львица, она подложила руку под голову, открывая грудь. Затем опустила руку, откидывая простыню. Ее тело по-прежнему оставалось скрыто в тени, однако приглашение было очевидным.

— Опять? — спросил Грей.

Брови поднялись чуть выше, губы изогнулись в едва уловимой усмешке.

Вздохнув, Грей снял полотенце и отшвырнул его в сторону.

Мужской работе никогда не бывает конца.

ЭПИЛОГ

23 октября.
23 часа 55 минут.
Вашингтон

Пейнтер спустился по последнему пролету лестницы на самый нижний уровень штаб-квартиры «Сигмы». До полуночи оставалось всего несколько минут — самое неподходящее время для посещения морга.

Однако тело прибыло всего час назад. Работу нужно было выполнить срочно. После чего все улики будут уничтожены, сожжены на месте. Пейнтер вошел в морг.

Там его уже ждал старший патологоанатом «Сигмы» доктор Малькольм Рейнольдс.

— Я уже приготовил тело.

Пейнтер прошел следом за ним в соседнее помещение. Первым, что он почувствовал, был запах: смрад пережаренного мяса. На столе лежало тело, накрытое простыней. Гроб, запечатанный печатью дипломатического багажа, вскрыл доктор Рейнольдс.

Пейнтеру пришлось приложить огромные усилия, чтобы тайно извлечь тело и по подложным документам переправить его из Франции.

— Зрелище не из приятных, — предупредил Рейнольдс. — Тело провело в импровизированной духовке несколько часов, прежде чем кому-то пришло в голову достать его оттуда.

Но Пейнтер был не из брезгливых — по крайней мере, в том, что касалось работы. Отдернув простыню, он открыл

труп доктора Уоллеса Бойла. Лицо покойника вздулось, обуглившись с одной стороны и став багрово-красным с другой. Пейнтер предположил, что обуглившейся стороной голова лежала на кирпичном полу подземного зала. Он помнил рассказ Грея про зажигательный заряд, раскаливший камни.

— Помогите перевернуть тело на живот, — сказал Пейнтер.

Вдвоем они перевернули Бойла.

— Мне нужно чем-нибудь его побрить.

Рейнольдс ушел.

Дожидаясь его возвращения, Пейнтер внимательно осмотрел худое тело. Профессор Бойл перед смертью заявил, что принадлежит к штабу, а если верить Сейхан, под этим названием якобы скрывались истинные главари «Гильдии». Больше она ничего не смогла добавить — кроме мрачных слухов, с которыми столкнулась всего один раз.

Патологоанатом вернулся с электрической машинкой и одноразовой бритвой. Работая быстро, Пейнтер машинкой состриг волосы на затылке у Бойла, после чего гладко его выбрил.

Убрав бритву, он убедился в том, что слухи соответствовали действительности.

На затылке была нанесена крохотная татуировка, размером с ноготь большого пальца. Она изображала инструменты каменщика: мерный циркуль, поставленный на перевернутый угольник.

Это был символ свободных масонов, тайного братства, объединяющего весь земной шар. Но только знак в центре символа был другой. Обычно циркуль и угольник обрамляли прописную латинскую букву G, обозначавшую God — бог или Geometry — геометрия.

Но иногда ее воспринимали как первую букву слова «Гильдия».

Пейнтер знал, что на самом деле террористическая организация не имела названия, по крайней мере такого, которое было бы известно рядовым членам. Быть может, символ, связанный с масонами, и породил это более распространенное название?

Пейнтер внимательно изучил татуировку. В центре символа были изображены полумесяц и звезда. Ничего подобного Пейнтеру видеть еще не приходилось. Кем бы ни были эти люди, они определенно не имели никакого отношения к масонам.

Убедившись в существовании татуировки, Пейнтер заметно встревожился. Он нашел то, что искал.

— Сожгите тело, — приказал он Рейнольдсу. — Дотла.

Пейнтер не хотел никому сообщать о своей находке. Многое еще оставалось неизвестным о бывших хозяевах Сейхан. Но теперь к большой мозаике добавились еще два элемента.

Название «штаб»... и странный символ.

Пока что этого будет достаточно.

Однако смертельная схватка продолжалась — с обеих сторон.

Когда Пейнтер уже собрался уходить, Рейнольдс задал ему вопрос:

— Что это означает?

Пейнтер ответил, не сомневаясь в правоте собственных слов:

— Надвигается война.

ЗАМЕЧАНИЯ АВТОРА. ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ

В этой книге все правда, кроме того, что является неправдой. Я решил закончить рассказ об этих приключениях, отделив одно от другого. Во-первых, на сюжет меня навели две вещи. Я наткнулся на них независимо, но сразу же понял, что между ними должна быть какая-то связь, которую должна будет раскрыть «Сигма».

История кельтского креста. Есть несколько работ, предлагающих захватывающий и интересный анализ истории креста и предположения о том, что в древности он использовался в качестве навигационного инструмента. Тем, кто хочет получить обилие подробностей, рисунков и гипотез, советую ознакомиться с увлекательнейшей книгой «Золотая нить времени» Кричтона Миллера.

История неолитической Британии. Приведенные в этой книге предположения о том, что древние египтяне основали колонии на Британских островах, имеют под собой научное обоснование. Для более подробного ознакомления с этим вопросом отсылаю к книге «Царство ковчега» Лоррейн Ивенс. Далее, относительно племен фоморийцев, которых встретили в Ирландии захватчики-кельты. Некоторые историки полагают, что описание фоморийцев (смуглая кожа и навыки

земледелия) может относиться к потомкам народа, покинувшего Египет.

Древние символы. В книге описаны некоторые символы и то, как их вид и смысл изменялись на протяжении многих столетий. Подобные теории опираются на факты, в том числе на то, что во многих средневековых храмах были обнаружены вырезанные в камне освященные кресты.

Святые. Как уже было упомянуто в самом начале книги, святой Малахия, ирландец по происхождению, живший в двенадцатом веке, якобы умел чудодейственным образом исцелять от болезней, а также оставил знаменитые пророчества относительно римских пап. Он действительно был похоронен в аббатстве Клерво, и развалины этого аббатства, как это ни странно, действительно находятся на территории тюрьмы строгого режима (основанной Наполеоном). Туда раз в неделю устраиваются экскурсии стоимостью два евро с человека. Все факты, связанные с жизнью святого Бернара («чудо кормления грудью», связь с тамплиерами и поддержка культа Черной Мадонны), соответствуют действительности. Для более подробного ознакомления с кельтскими святыми и кельтской культурой в целом рекомендую книги «Как ирландские святые спасли цивилизацию» Томаса Кагилла и «Поиски кельтского ключа» Карен Рэллс-Маклеод и Йена Робертсона.

Что касается пророчеств, вот описания последних нескольких пап, данные Малахией:

1. *Папа Павел* VI *(1963 — 1978)* описан как Flos Florum, или «цветок цветков». На его геральдическом гербе изображены три лилии.

2. *Папа Иоанн Павел* I *(1978)* назван Малахией De Medietate Lunae, или «от половины луны». На папском престоле он провел всего один месяц, от одной второй четверти луны до следующей.

3. *Папа Иоанн Павел* II *(1978 — 2005)* описан как De Labore Solis, или «от трудов солнца», что является распро-

страненной метафорой для солнечного затмения. Будущий папа родился в день солнечного затмения.

4. *Папа Бенедикт* XVI *(взошел на престол в 2005 г.)* описан как De Gloria Olivae, или «слава олив». Орден бенедиктинцев, в честь которого папа взял себе имя, имеет своим символом оливковую ветвь.

5. *Далее следует последний папа, тот, которому предстоит увидеть конец света:* Petrus Romanus — Петр из Рима. Его описание является самым длинным. На латыни оно выглядит так:

In persecutione extrema S. R. E. sedebit Petrus Romanus, qui pascet oues in multis tribulationibus: quibus transactis civitas septicollis diruetur, et Judex tremendus judicabit populum suum. Finis.

В переводе:

И в годы последних гонений святую Римско-католическую церковь возглавит Петр из Рима, который среди горя и страданий будет кормить свою паству; после чего город на семи холмах будет уничтожен и ужасный Судия начнет судить людей. Конец.

Однако, как указал Грею Вигор Верона, в отличие от всех своих предшественников последний папа не обозначен номером. Некоторые ученые понимают это как то, что между Бенедиктом XVI и последним папой могут быть еще и другие понтифики. Полагаю, только время откроет правду.

И грешники.

1. *Биотопливо:* кукурузы, необходимой для производства количества этилового спирта, достаточного для одной заправки полноприводного джипа, действительно хватит, чтобы на целый год обеспечить едой голодающего человека. Многие специалисты считают, что переход от выращивания зерновых, идущих в пищу, к зерновым, идущим на производство горючего, действительно привел к резкому росту цен на продовольствие.

2. *Генетически модифицированные продукты питания:* о генетически модифицированных продуктах написаны многие тома, авторы которых выступают как «за», так и «против». Тем, кто хочет узнать множество тревожных фактов по этому вопросу, могу посоветовать две книги. Относительно чересчур мягких законов, регулирующих данную отрасль, обязательно необходимо прочитать «Семена обмана» Джеффри М. Смита. Что касается некоторых других, более зловещих аспектов проблемы, самой пугающей мне показалась книга «Семена разрушения» Ф. Уильяма Энгдаля (особенно в части контрацептивных генов, упомянутых в данной книге).

3. *Пчелы:* известно ли нам, что убивает пчел? Согласно основанной на обширном документальном материале книге «Весна без пчел» Майкла Шекера, ответ на эту проблему известен, однако о нем умалчивают. А французские пчелы *действительно* возвращаются.

4. *Оружие необычайной разрушительной силы:* в этой книге я использовал ножи «Уосп», вакуумные боеголовки и зажигательные бомбы с кинетическими зарядами. Все эти смертоносные виды оружия *действительно* существуют.

Перенаселение. Римский клуб является реальной организацией, которая ведет большую работу. И в отчете, озаглавленном «Пределы роста», действительно описан сценарий Страшного суда, воспроизведенный Иваром Карлсеном, согласно которому, если не будут приняты решительные меры, мир быстро достигнет критической точки, после чего погибнет девять десятых населения Земли.

«Книга Судного дня». Как было указано во введении, это подлинный исторический труд. И некоторые населенные пункты в нем действительно обозначены одним загадочным словом: «опустошенные». Книга составлялась в эпоху про-

должающихся трений христиан с язычниками, особенно в приграничных землях.

Места, места и места. Большинство мест, описанных в книге, являются реальными, как и связанные с ними факты.

1. *Крепость Акерсхус* действительно стоит на берегу бухты Осло, и неподалеку от нее швартуются круизные лайнеры. Что касается подземной тюрьмы, все это тоже соответствует истине, в том числе и история мастера-чеканщика Хенрика Кристофера Мейера, заплатившего жизнью за свои преступления, которому заклеймили лоб по приказу короля Фредерика IV.

2. *Глобальное хранилище семян на Шпицбергене* на самом деле существует и получило прозвище «Хранилище Судного дня». Все подробности его описания соответствуют действительности, в том числе и то, что основным средством обеспечения неприступности хранилища являются белые медведи.

3. *Остров Бардси* — его и вправду можно считать легендарным Авалоном. Все то, о чем говорится в книге про остров и связанные с ним мифы, полностью соответствует действительности: это относится к легендам о могиле Мерлина, о гробнице лорда Ньюборо и о двадцати тысячах похороненных святых. Кроме того, яблоня острова Бардси продолжает плодоносить, и желающие могут купить черенки этого дерева. Что касается коварных течений, омывающих остров, это тоже правда. Так что переправляйтесь на него только в ясную погоду!

4. *Озерный край Англии* действительно очень живописный, чарующий район. Здесь полно древних колец из стоящих камней, и, разумеется, именно здесь родина трудолюбивых горных пони. Также в районе великое множество торфяных болот, хотя среди них нет ни одного такого заросшего лесом и пожароопасного, как описано в книге. Однако действительно известны случаи, когда торфяники тлели

под землей на протяжении столетий и пожары не затихали даже в снежные зимы. И еще горящий торф до сих пор используется для изготовления первоклассного виски (но это уже совсем другая история). Что касается мумифицированных тел, которые находят в болотах, это также соответствует истине — как и то, что в деревушке Хоксхед есть магазинчик, торгующий очаровательными плюшевыми медвежатами («Шестипенсовые медвежата»).

Так что, побывав там, не забудьте купить Ковальски медвежонка... думаю, он это заслужил.

СОДЕРЖАНИЕ

НОЧНАЯ ОХОТА 5

ГОРОД КРИКА 51

КЛЮЧ СУДНОГО ДНЯ 123

Замечания исторического характера 125

Замечание научного характера 126

Пролог.....128

Часть первая. СПИРАЛЬ И КРЕСТ 143

Часть вторая. ПЛАМЯ И ЛЕД 281

Часть третья. СЕМЕНА РАЗРУШЕНИЯ 383

Часть четвертая. ЧЕРНАЯ МАДОННА 519

Эпилог 613

Замечания автора. Правда или вымысел 616

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс

НОЧНАЯ ОХОТА

Ответственный редактор *В. Хорос*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *М. Тимофеева*
Корректоры *М. Смирнова, Г. Москаленко*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.10.2013. Формат 60x90$^{1}/_{16}$.
Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,0.
Доп. Тираж 5 000 экз. Заказ № 8336.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-68023-8

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: www.**kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. **rdc-almaty@mail.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

Бывший спецназовец-разведчик Такер Уэйн и его верный боевой товарищ, пес-следопыт Кейн, только что уволились из армии – и теперь наслаждаются заслуженным отдыхом в столице Венгрии Будапеште. Но правду говорят, что нельзя так просто оставить жизнь, полную приключений, – рано или поздно приключения сами тебя найдут... Случайно Такер заметил на улице перепуганную девушку, за которой следили три подозрительных типа, явно вооруженные. Такер заговорил с девушкой, и та, почувствовав в Уэйне и Кейне своих защитников, открыла отставному сержанту невероятную древнюю тайну о несметных сокровищах. Долгие годы они считались утерянными; лишь девушке и ее отцу известно, что это не так, и они знают, где их искать. И обладание этой тайной грозит ей неминуемой и мучительной смертью. А теперь – и двум бывшим армейским «волкодавам»...

Впервые на русском языке! Новое произведение Джеймса Роллинса, являющееся предысторией романа «Линия крови»!

ISBN 978-5-699-68023-8

9 785699 680238 >

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

НОЧНАЯ ОХОТА

ЭКСМО